РУССКОЕ СЛОВО.

VIII.

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

Сид.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

Digitized by Google

252[illegible]89
CANCELLED
1952

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 4 Августа 1859 года.

Цензоръ *С. Палаузовъ.*

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

Французская адвокатура. А. В. ЛОХВИЦКАГО 1

Благодѣтели. Романъ. Часть третья и послѣдняя. М. МИХАЙЛОВА 36

Присоединеніе Амура къ Россіи. Статья четвертая и послѣдняя. Д. РОМАНОВА 107

Безнадежность. Н. П. ЛУГОВСКАГО 172

Къ ***. Его-же 172

Фортуна. Его-же 173

Горе отъ ближнихъ. С. А. АНДРЕЕВОЙ 175

Гроза. М. П. РОЗЕНГЕЙМА 275

Первый годъ царствованія Елизаветы Петровны, 1741—1742. Историческій очеркъ. Статья вторая и послѣдняя. М. П. СЕМЕВСКАГО 277

Стихотвореніе Н. И. КРОЛЯ 353

ОТДѢЛЪ II.

Критика. И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа: «Дворянское гнѣздо». Статья четвертая и послѣдняя. А. А. ГРИГОРЬЕВА 1

Библіографія. Московское обозрѣніе. — Весна. Литературный Сборникъ на 1859 годъ. — Русскій расколъ старообрядства 41

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Заграничныя письма. Р. В. ОРБИНСКАГО . . 1

Голосъ изъ югозападной Руси. N. 19

Digitized by Google

Старчество. В. И. ВОДОВОЗОВА 28
О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ исходномъ моментѣ основательнаго образованія. Статья вторая и послѣдняя. Ф. Э. ТОЛЛЯ 53
Письмо изъ Парижа. В. И. ВОДОВОЗОВА 77
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Трогательное стихотвореніе и обѣщаніе «Сѣверной Пчелы» по поводу скверной погоды. — Легенда о полюстровской башнѣ и героѣ тиволійскомъ. — Гласъ вопіющаго въ пустынѣ. — Общество петербургскихъ водопроводовъ. — Прогрессъ и гласность. — Прелестный поступокъ г. Балашевича. — Актъ Педагогическаго Института. — Училище г. Видеманна. — Новости художественныя. — Новости военныя. — Пожаръ на Невѣ. — Будущее. Е. Ѳ. МОЛЛЕРА 89
Шахматный листокъ. Затруднительное положеніе шахматнаго фельетониста. — О нормальномъ (французскомъ) и сициліянскомъ дебютѣ. — Шесть партій сициліянскаго дебюта. — Партія гг. Колиша и Мандольфо. — Erratum іюльскаго Листка. — Руководство къ изученію шахматной игры. Соч. кн. Урусова. (Ст. 6-я.) — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. В. М. МИХАЙЛОВА . . . 191

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКАЯ АДВОКАТУРА.

Si non habebunt advocatum, ego dabo *).

Римскій преторъ.

Un accusé sans défenseur n'est plus qu'une victime abandonée à l'erreur ou à la passion du juge; celui qui condamne un homme sans défense, cesse d'être armé du glaive de la loi, il ne tient plus qu'un poignard **).

Дюпенъ.

Le conseil qu'on a accoutumé de donner aux accusés, n'est point un privilège accordé par les ordonances ni par les lois: c'est une liberté acquise par le droit naturel, qui est plus ancien que toutes les lois humaines ***).

Ламуаньонъ.

I.

Въ 1815 г. вторая реставрація рѣшилась во чтобы то не стало погубить своихъ противниковъ; судебныя формы, въ особенности свободная защита адвоката, показались ей опасными, были даже люди, которые громко кричали, что адвокатъ, защищающій политическаго преступника, дѣлается

---

*) У кого нѣтъ адвоката, тому я его дамъ.

**) Обвиняемый безъ защитника есть жертва, отданная на произволъ ошибкѣ или страсти судьи; тотъ, кто осуждаетъ человѣка безъ защитника, держитъ въ рукѣ кинжалъ, а не мечъ правосудія.

***) Обычай давать обвиняемому защитника вовсе не есть привилегія, установленная ордонансами или законами, а это есть одна изъ вольностей, получаемыхъ на основаніи права естественнаго, которое предшествуетъ всѣмъ человѣческимъ законамъ.

Digitized by Google

его сообщникомъ въ преступленіи. Во время этого разгара страстей адвокатъ маршала Нея, преданнаго уголовному суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ,— уже и тогда славный Дюпенъ издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: De la libre défense des accusés (О свободной защитѣ обвиняемыхъ), сочиненіе, которое до сихъ поръ считается перломъ французской юридической литературы. Здѣсь право свободной защиты сведено къ непреложному естественному основанію. Дюпенъ впослѣдствіи подкрѣпилъ эту превосходную статью другою, еще меньшей по объему, еще большей по логикѣ и значенію, — о процессѣ Іисуса Христа.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ Іудеѣ, гдѣ судебныя учрежденія были устроены правильно и разумно, подъ господствомъ римлянъ, законодательство которыхъ составляетъ до-сихъ-поръ предметъ благоговѣнія, Праведный былъ осужденъ, поруганъ и распятъ. Этотъ величайшій по значенію процессъ, когда либо бывшій въ родѣ человѣческомъ, начертанный со всѣми его подробностями въ сердцѣ христіанина, былъ разсмотрѣнъ Дюпеномъ съ юридической стороны съ тою цѣлью, чтобъ возбудить въ духѣ каждаго уваженіе къ святости судебныхъ формъ и свободѣ защиты обвиняемаго. «Богу угодно было, чтобы Праведный пострадалъ и былъ распятъ; но это могло случиться не иначе, какъ съ вопіющимъ нарушеніемъ всѣхъ основаній справедливаго суда.» Такова основная мысль этого сочиненія. Разсматривая съ этой точки зрѣнія процессъ Іисуса Христа на основаніи началъ тогдашняго и естественнаго права, Дюпенъ видитъ подсылку шпіоновъ и поджигателей (agents provocateurs), подкупъ одного изъ учениковъ, нападеніе незаконное вооруженной силой, оскорбленія и побои при допросѣ, приводъ лжесвидѣтелей, измѣненіе перваго обвиненія въ богохульствѣ на другое обвиненіе въ политическомъ преступленіи (врагъ Кесаря), преступную слабость Пилата, который изъ опасенія потерять мѣсто, согласился осудить на казнь Того, Кого онъ самъ считалъ невиннымъ, и т. д. Словомъ всѣ гнусности, которыя повторяются въ большей или меньшей степени и въ наше время тамъ, гдѣ нѣтъ правильнаго судопроизводства, или гдѣ исполнительная власть всемогуща.

Digitized by Google

Мы не знаемъ ничего лучшаго, чтобъ могло возбудить въ массѣ чувство правды и сознаніе въ необходимости свободной защиты обвиняемаго, какъ эти два сочиненія Дюпена, особенно послѣднее. Мы рѣшились было ихъ перевести теперь же,—но остановились по разнымъ причинамъ,—между прочимъ потому, что первое сочиненіе имѣетъ цѣлью доказать необходимость полной свободы защиты обвиняемаго.— Поэтому оно предполагаетъ такое состояніе общества, гдѣ эта защита существуетъ, какъ ненарушимая основа правосудія, но только власть выражаетъ намѣреніе стѣснить ее. Слѣдственно уже самая постановка вопроса показываетъ, что для насъ оно не можетъ имѣть того значенія, какое для французовъ. Во Франціи адвокатура существуетъ съ незапамятныхъ временъ; защита обвиняемаго и необходимость судебныхъ формъ вошла давнымъ давно въ жизнь народа. Въ средневѣковой французской литературѣ было много сочиненій для насъ чрезвычайно странныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ дошли до нашего времени, на пр. *Belial*, id est processus Luciferi contra Jésum coram judice Salomone (Беліалъ, или процессъ діавола противъ Іисуса Христа предъ судьей Соломономъ); или сочиненіе Бартоля: Processus Satanae contra D. Virginem coram judice Jesu. Въ первомъ представляется дьяволъ, ищущій судебнымъ порядкомъ своего права на владеніе родомъ человѣческимъ, доставшимся ему чрезъ грѣхопаденіе Адама. Здѣсь представленъ весь тогдашній судебный процессъ съ его обстановкой: дьяволы играютъ роли секретарей, гюисье (*), прокуроровъ и проч; судьей — Соломонъ; адвокатомъ Іисуса Христа—Моисей; свидѣтели Давидъ, Исаія, Езекіиль, Іоаннъ Креститель. Во второмъ—дьяволъ основываетъ свое право на дигестахъ, на правилѣ: Spoliatus ante omnia restituendus, и на земской давности; — но проигрываетъ процессъ также на основаніи римскаго права, а именно постановленія послѣдняго параграфа De acquirenda possessione: Quod vi aut clam.... Какъ ни смѣшны эти юродическія фантазіи, но они указываютъ на утѣшительное явленіе: что еще въ среднемъ вѣкѣ до такой степени судебныя формы

*) Французскій huissier соотвѣтствуетъ нашему экзекутору.

Digitized by Google

казались естественными и необходимыми, что самая священная исторія какъ бы провѣрялась ими. Никакое явленіе, гдѣ только былъ вопросъ объ осужденіи и наказаніи, и не мыслилось иначе, какъ результатъ правильнаго процесса. Приводимъ изъ перваго сочиненія Дюпена только нѣсколько мѣстъ, касающихся вообще до права защиты.

«Во всѣхъ законодательствахъ начертано неизмѣнное правило, что никто не можетъ быть осужденъ, не будучи выслушанъ.

Изъ этого начала происходитъ обязанность для судьи выслушивать обвиняемаго и давать ему все нужное для своей защиты словесно или письменно. Потому что есть другое начало, сдѣлавшееся травіальнымъ отъ частаго повторенія: что защита есть право естественное.

Это законъ животныхъ, существующихъ подъ господствомъ только силы; это законъ людей, живущихъ въ обществахъ.

Этотъ законъ справедливъ въ мірѣ физическомъ. Позволительно отражать силу силою. Самое убійство перестаетъ быть преступленіемъ, если совершенно при необходимой оборонѣ. Онъ справедливъ и въ нравственномъ мірѣ; тотъ, надъ кѣмъ тяготѣетъ обвиненіе, имѣетъ право отражать удары, которыми ему угрожаютъ, защищаясь всѣми средствами ума— размышленіемъ и словомъ.

Если не подлежитъ сомнѣнію право защиты, то для того, чтобы оно не осталось безплоднымъ, надобно, чтобы обвиняемый, который часто не имѣетъ ни таланта, ни присутствія духа, необходимыхъ для защиты, могъ бы себѣ выбрать защитника. Если онъ не воспользовался своимъ правомъ, то судья долженъ ему назначить защитника, — иначе вся процедура будетъ незаконной. Такое назначеніе со стороны судьи должно имѣть мѣсто только тогда, когда обвиняемый никого самъ не выбралъ: потому что нельзя оспорить у обвиняемаго права свободы избранія человѣка, которому онъ долженъ повѣрить тайну своихъ мыслей, своихъ ошибокъ, своихъ слабостей, всего своего существованія.

Естественное право защиты такъ сильно, что сводъ уголовнаго судопроизводства (ст. 335) даетъ всегда послѣднее

Digitized by Google

слово обвиняемому или его защитнику. Существуетъ также обычай, что предъ закрытіемъ преній, и сколько бы ни говорилъ адвокатъ, судья спрашиваетъ обвиняемаго: «Не имѣете ли вы еще чего нибудь прибавить къ вашей защитѣ?» Воззваніе англійскаго судьи еще трогательнѣе: «Нѣтъ ли здѣсь еще кого нибудь, кто бы захотѣлъ принять на себя защиту этого несчастнаго обвиняемаго?» Конечно бываютъ случаи, когда виновность такъ очевидна, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности что нибудь сказать въ защиту. Это ничего не значитъ—защита до такой степени необходима, что законъ требуетъ ея существованія во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ,—объявляя въ противномъ случаѣ приговоръ недѣйствительнымъ. Пусть защитникъ скажетъ хотя два слова, хотя только попроситъ снисхожденія судей, или представитъ другое общее мѣсто,—этого достаточно для существованія защиты. Безъ этого никогда нельзя считать приговоръ справедливымъ; всегда остается право думать, что обвиняемый былъ осужденъ только потому, что не съумѣлъ самъ себя защищать; и это мнѣніе до такой степени распространено, что смѣло можно считать защиту на столько же необходимою для интереса обвиняемаго, какъ и для интереса правосудія.

Древность оставила намъ много примѣровъ оправданія безъ выслушиванія защиты. Перикла обвиняли въ растратѣ казны: «Я принимаю всѣ расходы на себя, сказалъ онъ, и на всѣхъ памятникахъ напишу свое имя!» Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ народъ, и оправдалъ его. Сципіонъ Африканскій вмѣсто всякой защиты сказалъ: «Римляне, въ этотъ день я побѣдилъ Аннибала, пойдемте благодарить боговъ!» и народъ повелъ его въ тріумфѣ въ Капитолій. Такого рода оправданія не заключаютъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для правосудія, въ нихъ есть величіе и нравственность, служащія имъ лучшимъ основаніемъ.

Но совсѣмъ другое дѣло относительно осужденій. Какъ бы ни очевиднымъ казалось преступленіе, сколько бы ни внушалъ ненависти преступникъ, осужденіе всегда будетъ лишено нравственной силы, если судебныя формы будутъ нарушены, если обвиняемый не былъ выслушанъ или былъ оставленъ

Digitized by Google

безъ защиты. Говорятъ, что Аристидъ обвинялъ однажды предъ судомъ нѣсколькихъ злодѣевъ съ такою силою, что взволнованные судьи встали, и хотѣли произнести приговоръ, не выслушавъ защиты; но Аристидъ не могъ этого вынести, онъ подошелъ къ обвиняемымъ, вмѣстѣ съ ними палъ къ ногамъ судей, и заклиналъ ихъ не осуждать, не выслушавъ защиты: «ибо въ такомъ случаѣ, это будетъ не судебный приговоръ, а насиліе!» Надобно согласиться, что Аристидъ достойно заслужилъ наименованіе справедливаго.

Самое лучшее средство возбудить въ народѣ довѣріе къ правосудію состоитъ въ соблюденіи всѣхъ судебныхъ формъ. Когда преступленіе доказано, обвиняемые изобличены, ихъ защита была выслушана, тогда наказаніе получаетъ дѣйствительную силу, потому что народъ тогда самъ убѣждается въ виновности и къ приговору судей присоединяетъ и свое отвращеніе. Но если, на оборотъ, форма не была выполнена, если обвиняемый не былъ судимъ законными судами, если его защитникъ былъ прерываемъ,—тогда слѣдствіе будетъ не то, и народъ переходя быстро отъ гнѣва къ состраданію, перестаетъ одобрять осужденіе, и начинаетъ сожалѣть объ участи тѣхъ, на которыхъ онъ смотритъ какъ на незаконно осужденныхъ.

Все сказанное здѣсь о необходимости защиты не только для выгодъ обвиняемыхъ, но и всего общества, достаточно оправдываетъ адвокатовъ въ тѣхъ несправедливыхъ упрекахъ, которые взводятъ на нихъ невѣжество или духъ партій.

Вмѣсто того, чтобы удивляться защитѣ адвокатами обвиняемыхъ, слѣдовало бы скорѣе удивляться, если бы они отказали имъ въ помощи. И не только не слѣдуетъ ихъ упрекать въ той ревности, съ которою они защищаютъ, но надобно признать, что они этимъ показываютъ свое человѣколюбіе, чувство долга и любовь къ правосудію.

Человѣколюбіе, потому что они помогаютъ несчастнымъ: для нихъ несчастія священно: res est sacra miser.

Они показываютъ этимъ привязанность къ долгу, потому что, чтобы ни говорила злость, заключается много добродѣтели въ томъ, чтобы идти въ темницы, пробуждать надежду въ обвиняемомъ, приноситъ ему утѣшеніе. Если справедливо,

Digitized by Google

что это самая тяжкая сторона адвокатской профессіи, но за то это и самая почетная; и самые законы отдаютъ въ этомъ справедливость адвокатамъ, говоря, что государство защищается не только солдатами, но также и адвокатами, которые сильные своимъ краснорѣчіемъ, поддерживаютъ надежду несчастныхъ, посвящая себя защитѣ ихъ чести, жизни и всего для нихъ дорогого.

Но, говорятъ противники, какія же такія великія услуги оказываютъ обществу адвокаты, которыхъ главное занятіе состоитъ въ защитѣ людей, отвергаемыхъ обществомъ? Люди несправедливые! Въ вашихъ глазахъ обвиняемый уже непремѣнно виновенъ! Стало быть должно быть преслѣдуемымъ, чтобы быть и обвиненнымъ! О, какъ быстро вы измѣните свое мнѣніе, когда сами будете обвиняемыми! Какъ легко вы тогда поймете, что мщеніе, клевета, и часто какая-то судьба могутъ возвести на невиннаго предположенія, такъ ловко связанныя, что легче принять ихъ за доказательство, нежели разсѣять! Тогда вы сочтете себя счастливыми, что нашли опытнаго защитника въ сословіи адвокатовъ! И тогда вы бы обвинили адвокатовъ въ низости или несправедливости, если бы раздѣляя мнѣніе толпы на вашъ счетъ, никто изъ нихъ не согласился бы принять на себя тяжелую обязанность защищать васъ! Если и въ такомъ образованномъ обществѣ, каково было французское временъ реставраціи, могло затемниться понятіе о необходимости свободы адвокатуры, — то естественно, что въ тѣхъ обществахъ, гдѣ она не существуетъ, могутъ господствовать самыя сбивчивыя понятія объ этомъ священномъ учрежденіи. Какъ часто у насъ слышатся слова: «страшное дѣло эти адвокаты! Всякаго убійцу самаго гнуснаго, они защищаютъ. Это безнравственно!» Я долго думалъ, какимъ путемъ могло образоваться такое мнѣніе, и, кажется, открылъ. У насъ читаютъ обыкновенно только поздніе разсказы объ уголовныхъ процессахъ, которые пишутся долго спустя послѣ окончанія дѣла. Естественно, что въ такомъ разсказѣ обвиняемаго нѣтъ, является прямо обвиненный и осужденный; съ перваго разу дѣло представляется такимъ, какимъ оно явилось только послѣ допросовъ, обвиненія, защиты, приговора и исполненія; словомъ, результатъ

Digitized by Google

дѣлается началомъ, фактъ изъ спорнаго, какимъ онъ сначала бываетъ въ дѣйствительности, является предъ неприготовленнымъ читателемъ вполнѣ опредѣленнымъ, доказаннымъ. О чемъ бы тутъ кажется толковать? Зачѣмъ защита, зачѣмъ даже судъ присяжныхъ?

Не такъ бываетъ въ дѣйствительности. То, что называется въ наукѣ уголовнаго права corpus delicti, т. е. всѣ обстоятельства внѣшнія и внутреннія, сопровождавшія преступленіе, или лучше сказать составляющія его физіономію, обыкновенно не существуютъ для слѣдователя; онъ находитъ только разбросанные, несвязные члены это тѣла (corpus delicti) и по нимъ, на основаніи юридической логики, долженъ искусственно возсоздать картину преступленія. Одно фальшивое кольцо въ этой логической цѣпи, одна невѣрная догадка, — и вся картина принимаетъ другой видъ: или связь обвиняемаго съ преступленіемъ невѣрна, или самое дѣйствіе не есть преступленіе. Точка отправленія имѣетъ могущественное вліяніе на возсозданіе этой картины. Естественно, что обвинитель, выходя изъ желанія найти преступленіе и его виновника, можетъ придти къ ложному заключенію, или, что чаще всего бываетъ, къ преувеличенью, хотя и совершенно добросовѣстно. Противъ такого односторонняго взгляда на дѣло и такой заинтересованной совѣсти необходимо поставить другой взглядъ и совѣсть, имѣющую другой интересъ—оправданіе обвиняемаго или смягченіе его вины, и между этими двумя благородно-пристрастными совѣстями — обвинителя и защитника или адвоката — безпристрастную совѣсть присяжныхъ, которая одна должна взвѣсить «*за*» и «*противъ*», и изречь приговоръ.

По этому вполнѣ справедливо сказалъ Дюпенъ: «обвиняемый безъ защитника есть жертва, предоставленная ошибкѣ или страсти судьи; тотъ, кто осуждаетъ человѣка, не выслушавъ его защиты, держитъ въ своихъ рукахъ не мечъ правосудія, а только кинжалъ». А въ дѣлахъ гражданскихъ? Здѣсь польза адвокатовъ еще ощущительнѣе. Все вещественное право основано не на абсолютной, а на относительной, юридической истинѣ. Можно имѣть право на наслѣдство, — и не знать его, не умѣть его доказать, по незнанію поло-

Digitized by Google

жительныхъ законовъ; можно не имѣть никакого права на имущество — и сдѣлаться законнымъ его владѣльцемъ, если настоящій собственникъ пропустилъ десятилѣтній срокъ на подачу жалобы. Здѣсь борьба идетъ не между общественнымъ обвинителемъ и обвиняемымъ (или его защитникомъ), — а между адвокатами двухъ партій, изъ которыхъ каждая присвоиваетъ себѣ право. Обѣ стороны могутъ дѣйствовать вполнѣ добросовѣстно: каждая считать, что законъ говоритъ въ ея пользу.

«Пускай, говоритъ Дюпенъ *), люди поверхностные видятъ въ этихъ битвахъ слова только средство усложнять дѣло и затемнять истину; удивленные тѣмъ, что въ каждомъ процессѣ находится защитникъ, они повторяютъ вздорный упрекъ, что въ барро съ одинаковой легкостью защищаютъ и «за» и «противъ». Они не замѣчаютъ, что то, что̀ ихъ поражаетъ въ барро, встрѣчается вездѣ, и вездѣ имѣетъ туже причину. Пускай они взглянутъ на политическую трибуну, — они увидятъ тамъ ораторовъ правительства и оппозиціи, одинъ за другимъ высказывающихъ по одному и тому-же вопросу различныя мнѣнія, въ слѣдствіе различныхъ убѣжденій. Пускай они обратятся къ журналамъ, — и они услышатъ столько же различныхъ мнѣній о вопросахъ, сколько есть органовъ; наконецъ, пусть обратятся къ самымъ ничтожнымъ вопросамъ жизни, и всегда они встрѣтятъ это различіе мнѣній и чувствъ, это «за» и «противъ,» для котораго имъ кажется барро единственнымъ убѣжищемъ. Это потому, что истина одна, а мнѣнія различны; что умъ человѣческій не такъ силенъ, чтобы схватить очевидность во всѣхъ вещахъ, и что онъ на столько свободенъ, что можетъ защищать свои убѣжденія отъ противныхъ. Но и въ барро, какъ и на политической трибунѣ, отъ столкновенія различныхъ мнѣній раждается истина. На этомъ основаніи мы сотрудники судей, и мы можемъ сказать, что если они произносятъ приговоры, то мы ихъ подготовляемъ. По этому канцлеръ д'Агессо со всей силой своего краснорѣчія провоз-

*) Эти слова были сказаны имъ въ рѣчи, произнесенной въ 1836 году, при вступленіи въ должность старшины (bâtonier), сословія адвокатовъ.

Digitized by Google

гласилъ, что наше сословіе также древне, какъ магистратура, также необходимо какъ правосудіе, и также благородно, какъ добродѣтель.»

Какъ часто въ уголовныхъ процессахъ, при существованіи неопровержимыхъ доказательствъ, дѣло обвиняемаго принимаетъ совершенно другой видъ, если взглянемъ на него съ другой точки! Лучшее доказательство процессъ маршала Нея, по поводу котораго Дюпенъ написалъ превосходныя сочиненія, о которыхъ мы упоминали, и произнесъ удивительную защитительную рѣчь. Лудовикъ XVIII поручилъ Нею начальство надъ арміей противъ бѣжавшаго съ Эльбы Бонапарта; маршалъ поклялся непремѣнно захватить его, — но при Лонъ-ле-Солнье собралъ военный совѣтъ, въ которомъ прочелъ проэктъ прокламаціи о переходѣ къ Наполеону, — и не встрѣтивши оппозиціи, на другой день объявилъ арміи, что царствованіе Бурбоновъ кончилось, — армія съ восторгомъ воскликнула: да здравствуетъ императоръ! Дѣло Бурбоновъ было на время проиграно, — они должны были бѣжать изъ Франціи. Кажется, что обвиненіе Нея въ измѣнѣ, причинившей государственный переворотъ и неисчислимыя бѣдствія для Франціи — было ясно: онъ свободно принялъ начальство надъ войскомъ, клялся королю въ вѣрности, и первый измѣнилъ. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ, если посмотримъ на него съ той точки, на которую его поставилъ Дюпенъ: Ней клялся королю въ полномъ убѣжденіи сдержать клятву; но прибывши въ армію, онъ увидѣлъ, что она въ душѣ уже передалась Наполеону, что она вовсе не намѣрена сражаться за Бурбоновъ противъ своего героя и недавняго повелителя; что Наполеонъ былъ уже не авантюристомъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ во время пребыванія Нея въ Парижѣ, а народнымъ вождемъ: поселяне юго-западныхъ департаментовъ возстали за него, Лабедуайеръ передался къ нему съ цѣлымъ полкомъ, Гренобль взятъ, словомъ у него была армія и за него былъ народъ. Ней стоялъ какъ среди моря, — ни откуда не могъ онъ ждать сильнаго подкрѣпленія. Чтоже оставалось ему дѣлать? Отважится на битву? Но это было бы напрасное пролитіе французской крови, — онъ ясно видѣлъ, что его войска пе-

Digitized by Google

редадутся. Словомъ онъ увидѣлъ, что все за Наполеона. А какія же другія начала могли господствовать при разгарѣ политическихъ страстей въ сердцѣ политическаго человѣка, генерала, кромѣ ужаса междоусобной войны и преклоненія предъ волей массы. Если онъ и ошибался въ настроеніи Франціи, то ошибка его была вполнѣ добросовѣстна. *Онъ также поступалъ, какъ черезъ нѣсколько дней поступилъ самъ король.* Его величество, узнавши о приближеніи Бонапарта къ Парижу, издалъ прокламацію, въ которой сказано: «Хотя вѣрность народа и войска находящагося въ Парижѣ, и преданность огромнаго большинства націи даютъ намъ всѣ средства для успѣшной борьбы съ бунтовщикомъ (Наполеономъ), но ужасаясь мысли о междоусобной войнѣ, мы рѣшились удалиться изъ отечества» и проч. Не то ли самое сдѣлалъ и Ней, не тѣ ли благородные мотивы побудили и его уступить силѣ обстоятельствъ? Могло ли быть у генерала этого времени, при быстрой смѣнѣ правительствъ, какое либо другое политическое начало, кромѣ преклоненія предъ случаемъ?

Бываютъ и другаго рода процессы, — когда и обвинитель и защитникъ выходятъ изъ одного начала, но гдѣ одному кажется бѣлымъ то, что другому чернымъ; гдѣ для одного ясна, какъ день, виновность, а для другаго также ясна невинность. Примѣромъ этого можетъ служить процессъ Ла-Ронсвера.

Въ 1834 г. въ Сомюрѣ былъ начальникомъ кавалерійской школы генералъ Морель, семейство его состояло изъ жены и дочери, молодой дѣвушки. У генерала часто бывали обѣды и вечера, на которые приглашались офицеры его команды. Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Ла-Ронсверъ, сынъ заслуженнаго генерала; его репутація была довольно плохая, — онъ такъ дурно себя велъ, что отецъ объявилъ ему при переводѣ въ Сомюръ, что если что нибудь еще случится, то онъ его совсѣмъ оставитъ. Не смотря на этотъ приказъ, Ла-Ронсверъ и въ Сомюрѣ поставилъ себя въ самыя дурныя отношенія къ своимъ сослуживцамъ. Генералъ, сначала принимавшій его весьма ласково, на одномъ изъ своихъ баловъ велѣлъ позвать его въ кабинетъ, и тамъ въ присутствіи

Digitized by Google

одного изъ офицеровъ, предложилъ ему выдти вонъ и болѣе не являться въ его домъ. Ла-Ронсверъ, не спрашивая объясненія въ такомъ оскорбленіи, удалился; — генералъ имѣлъ на это важныя причины. Дочь сообщила ему, что Ла-Ронсверъ, сидя съ ней рядомъ за обѣдомъ, сказалъ ей: «У васъ прекрасная мать; какъ жаль, что вы на нее такъ мало похожи.» Послѣ этого стали безпрестанно появляться анонимныя письма — къ M-me Морель съ изъясненіями въ любви, къ дочери ея съ грубыми ругательствами и съ угрозами, письма эти были подписаны начальными буквами фамиліи Ла-Ронсвера, — наконецъ одинъ изъ офицеровъ, д'Эстуньи, получилъ любовныя письма, подписанныя именемъ Маріи Морель (дочери). Общій голосъ обвинялъ въ этихъ письмахъ Ла-Ронсвера. Такъ какъ письма появлялись подброшенными во всѣхъ комнатахъ, то полагали, что негодяй имѣетъ сообщникомъ одного изъ слугъ. Послѣ изгнанія Ла-Ронсвера письма посыпались болѣе прежняго, тонъ ихъ сдѣлался болѣе и болѣе дикимъ, такъ что д'Эстуньи вызвалъ подозрѣваемаго автора на дуэль. Дуэль кончилась неудачно для д'Эстуньи. Раненный, онъ требовалъ, чтобы Ла-Ронсверъ письменно сознался въ томъ, что онъ авторъ писемъ, обѣщая предать дѣло забвенію, а въ противномъ случаѣ грозилъ формальнымъ процессомъ. Ла-Ронсверъ уступилъ этому требованію, впрочемъ протестуя о своей невинности. Чрезъ нѣсколько времени разыгралась страшная сцена въ домѣ генерала: ночью дочь его была разбужена стукомъ разбитаго стекла, и при свѣтѣ луны увидѣла у окна Ла-Ронсвера, который кинулся на нее какъ тигръ, билъ ее, душилъ, и наконецъ ударилъ ножомъ въ животъ. На крикъ жертвы прибѣжала гувернанка, англичанка Алленъ, — но злодѣй, заслышавъ шумъ, бросился къ окну и исчезъ, при чемъ дѣвица Морель ясно слышала слова, сказанныя имъ, повидимому, своему сообщнику: «держи крѣпче,» слова эти безъ сомнѣнія касались веревочной лѣстницы. Г-жа Морель узнала объ этомъ происшествіи на другой день, и по совѣту съ мужемъ рѣшилась хранить все въ тайнѣ, не желая компрометировать дочери, — даже уговорила ее поѣхать на балъ. Но и этимъ не кончилось дѣло: анонимныя письма продолжали появлять-

Digitized by Google

ся въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ дома, въ письмахъ съ адскою злостью смѣялись надъ дѣвицею Морель, говоря, что она обезчещена, и что родители ея будутъ на колѣнахъ просить Ла-Ронсвера жениться на ней, въ противномъ случаѣ грозили еще большими бѣдствіями. Тогда генералъ рѣшился на судебный процессъ; Ла-Ронсверъ, уѣхавшій въ Парижъ, былъ арестованъ; но любопытно, что письма продолжали появляться, дѣвица Морель находила ихъ въ каретѣ во время путешествія. Процессъ этотъ произвелъ сильное волненіе: тысячи зрителей ломились въ двери суда. Адвокатами обѣихъ сторонъ были первокласныя знаменитости: у семейства Морель — Берье, у Ла-Ронсвера — Шэксъ-д'Эстъ-Анжъ (теперь генералъ-прокуроръ парижскаго аппеляціоннаго суда).

Рѣчи обоихъ адвокатовъ дышатъ глубокимъ убѣжденіемъ: одного въ виновности, другаго въ совершенной невинности Ла-Ронсвера. Рѣчь Шэкса, сказанная въ защиту Ла-Ронсвера есть едва ли не самое лучшее произведеніе этого славнаго адвоката. Какимъ же образомъ два человѣка, равные умомъ, знаніями, талантомъ и сердцемъ, могли придти къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ? Это отличное доказательство погрѣшимости человѣческаго разума въ отысканіи истины. Вотъ главные пункты защитительной рѣчи Шэкса: 1) Ла-Ронсверъ не писалъ анонимныхъ писемъ: рука по свидѣтельству экспертовъ не его; для подбрасыванія писемъ нужно было имѣть сообщника въ домѣ, а такого не имѣлъ Ла-Ронсверъ; прошлаго года, когда подозрѣваемаго слугу прогнали, все таки письма продолжали появляться; наконецъ для подкупа нужны деньги, которыхъ не было у Ла-Ронсвера; письма появлялись и тогда, когда Ла-Ронсверъ былъ арестованъ — ясно, что не онъ авторъ; 2) Ему нельзя было иначе войти въ комнату дѣвицы Морель, какъ по веревочной лѣстницѣ, которую прикрѣпилъ бы къ окну кто нибудь находившійся въ самой комнатѣ, — тамъ была только дѣвица Морель; 3) Какая цѣль была у Ла-Ронсвера дѣлать столько ужасныхъ мерзостей? Женитьба на богатой невѣстѣ? Но надобно быть съумасшедшимъ, чтобы идти къ этой цѣли такимъ образомъ. А безъ цѣли нельзя себѣ представить пре-

Digitized by Google

ступленія. Далѣе защитникъ представилъ свидѣтельство сосѣдей Ла-Ронсвера, утверждавшихъ, что онъ былъ дома весь вечеръ и ночь когда совершено было преступленіе; свидѣтельство стекольщика, что стекло въ окнѣ комнаты дѣвицы Морель было разбито по всей вѣроятности отъ удара изъ комнаты, а не со двора. Отвѣтъ Берье былъ слѣдующій: «насъ спрашиваютъ, какая была цѣль у преступника? Откуда намъ знать это? Мы слишкомъ честны для этого! Есть люди такіе дьявольскіе, для которыхъ преступленіе есть наслажденіе. Ла-Ронсверъ могъ дѣйствовать и по такому адскому побужденію: меня презираютъ, ненавидятъ, — а вотъ существо чистое, весьма любимое, — я оскверню, обезславлю его! Наконецъ, если Ла-Ронсверъ невиненъ, то противникъ мой возлагаетъ на чистую дѣвицу, извѣстную своими высокими нравственными качествами страшное преступленіе: что она обвиняетъ другаго въ преступленіи. Скажите же, кто этотъ другой?» Реплика Шэкса была, по истинѣ, геніальна: «Мое дѣло доказать, что не Ла-Ронсверъ совершилъ преступленіе— далѣе этого я не обязанъ идти. Но если вы меня давите за горло, и требуете, чтобъ я непремѣнно сказалъ, кто виновникъ преступленія, и въ случаѣ отказа выставляете чистоту дѣвицы Морель, то я вамъ скажу, кто виновникъ: виновника нѣтъ, потому что и преступленія не было!» Затѣмъ адвокатъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ развилъ слѣдующее положеніе. Дѣвица Морель очень мечтательна, это состояніе часто доводитъ ее до психической болѣзни; она помѣшана на трагическихъ романахъ. Однажды она видѣла, какъ какой-то господинъ, проходя мимо ихъ дома, поклонился матери: ей представилось сей часъ, что онъ влюбленъ въ г-жу Морель, она слѣдила за нимъ глазами, и потомъ съ ужасомъ сказала матери, что этотъ господинъ бросился въ рѣку; открылось, что онъ преспокойно перешелъ черезъ мостъ. Что мудренаго, что она вообразила, что Ла-Ронсверъ мрачный трагическій злодѣй, что онъ влюбленъ въ нее, что онъ хочетъ погубить её, — для чего? Такъ, безъ цѣли, — какъ это бываетъ въ старинныхъ романахъ. Анонимныя письма были писаны ею въ этой душевной болѣзни, подъ вліяніемъ чтенія старинныхъ романовъ, сцена ночью также вымыш-

Digitized by Google

лена, ранъ тяжелыхъ никакихъ небыло, были царапины которыя она легко могла сама себѣ сдѣлать. При этомъ дѣлается яснымъ отчего письма появлялись во время путешествія въ Парижѣ, даже въ то время, когда Ла-Ронсверъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, словомъ, это странный *англійскій* (NB. гувернантка была англичанка) романъ, который несчастная дѣвица Морель, въ своемъ болѣзненномъ душевномъ состояніи, разыграла съ полнымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности, потому что въ этомъ состояніи призраки собственнаго воображенія принимаются за дѣйствительность.»

Присяжные осудили Ла-Ронсвера. Но достаточно взглянуть на пункты обвиненія и защиты, чтобъ увидѣть какъ много было основаній для личнаго убѣжденія защитника въ невинности подсудимаго!

Наконецъ, самую обыкновенную сторону пользы присутствія адвоката составляютъ такъ называемыя смягчающія обстоятельства (circonstances atténuantes).

На сколько бы видовъ ни раздѣляли извѣстное преступленіе, всегда остается безконечное разнообразіе фактовъ, которые никакъ нельзя подвести подъ одинъ знаменатель. Это разнообразіе не разрѣшается такъ называемымъ minimum (меньшей мѣрой) и maximum (высшей мѣрой) наказанія, наприм. катаржной работой отъ 12 до 15 лѣтъ, заключеніемъ въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 4 лѣтъ и т. п. Бываютъ такія обстоятельства, или относящіяся до личности преступника, или до факта, которыя значительно убавляютъ преступность. Французскій уголовный сводъ опредѣляетъ за преступленія степеней наказаній: 1) Казнь смертная, 2) Каторжная работа безъ срока, 3) Каторжная работа на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ, 4) Заключеніе въ смирительномъ домѣ (réclusion) на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ, 5) Заключеніе въ тюрьмѣ отъ 1 до 5 лѣтъ. Если присяжные объявятъ, что въ пользу виновнаго существуютъ смягчающія обстоятельства, то судъ долженъ понизить опредѣленное закономъ наказаніе на одну степень, и можетъ понизить на двѣ, на пр. за убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ слѣдуетъ по закону смертная казнь; но если присяжные объявятъ смягчающія обстоятельства, то судъ долженъ приговорить

Digitized by Google

къ безсрочной и можетъ приговорить къ срочной каторжной работѣ. — По этому понятно, какъ велико значеніе адвоката и въ томъ случаѣ, когда улики виновности ясны и не подлежатъ сомнѣнію. Чтобъ выполнить свою обязанность, адвокату мало имѣть юридическія знанія; онъ долженъ быть человѣкомъ съ сердцемъ. Только руководясь возвышеннымъ нравственнымъ чувствомъ, онъ не запутается въ массѣ фактовъ, и найдетъ блестки добра въ глыбѣ самой темной жизни.

II.

Недостаточно предоставить обвиняемому право свободной защиты; необходимо дать ему свободу и возможность избрать для своей защиты человѣка свѣдущаго въ законахъ. Ни одно законодательство въ мірѣ не отрицаетъ права гражданина въ гражданскомъ процессѣ довѣрить вести тяжбу человѣку, котораго онъ считаетъ болѣе себя свѣдущимъ. Но право избирать себѣ защитника въ уголовномъ процессѣ не признается въ нѣкоторыхъ законодательствахъ. Между-тѣмъ жизнь и честь не менѣе важны, чѣмъ имущество и умѣніе отыскать и логически выразить обстоятельства, доказывающія невинность не легче умѣнія отыскать купчую, или другой актъ, вычислить проѣсти и волокиты, протори и убытки, и подвести статьи свода законовъ. Если даются обвиняемымъ опытные защитники, то половина ихъ быстро освобождается отъ всякаго обвиненія, но этимъ-то и достигается цѣль, потому-что уголовные суды не юридическія облавы, на которыя попадаютъ по малѣйшему подозрѣнію граждане, безъ возможности и возвратиться во свояси *).

Ни одинъ врачъ не лѣчитъ самъ себя. По этому и люди, самые опытные, самые свѣдущіе въ законахъ, никогда не защищаютъ сами себя отъ уголовныхъ обвиненій. Обви-

*) «Правда, говоритъ Ламуаньонъ, что защитникъ иногда способствуетъ обвиняемымъ избѣгнуть правосудія или проволочить процессъ; но если защитники спасали нѣсколькихъ виновныхъ, то безъ нихъ легко погибнетъ много невинныхъ, и во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ судебныхъ золъ самое высшее — казнь невиннаго, и что лучше освободить тысячу виновныхъ, нежели погубить одного невиннаго?»

Digitized by Google

няемый, хотя бы онъ былъ совершенно невиненъ, уже побѣжденъ нравственно при самомъ входѣ въ уголовный судъ. Закоснѣлый злодѣй обыкновенно бодро и нагло является предъ трибуналомъ; но честный человѣкъ, потрясенный тяжестью обвиненія, ужасомъ преступленія, ему приписываемаго, теряется и смущается. Поэтому западное законодательство справедливо смотритъ на обвиняемаго, какъ на больнаго. Это до того вѣрно, что самые знаменитые законовѣдцы не защищали сами себя. Пуайе (Poyet), знаменитый законовѣдецъ и канцлеръ Франциска I, совершенно растерялся, когда его посадили на скамью обвиняемыхъ. «Страхъ меня объялъ, сказалъ онъ въ послѣдствіи, при видѣ той битвы, которую мнѣ слѣдовало выдержать; я боялся сказать, что-нибудь излишнее, мысли улетучивались изъ головы, я не находилъ словъ, и впалъ въ малодушіе *).» Старый адвокатъ Шалате, тридцать лѣтъ бывшій оракуломъ своего сословія, обвиненный несправедливо въ уголовномъ преступленіи, умолялъ о защитникѣ (1765 г.). По этому современное французское законодательство, не отнимая у обвиняемаго права защищать самому себя, требуетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ непремѣнно былъ адвокатъ,—для того, чтобы спасти его отъ какихъ-нибудь увлеченій, дополнить пропуски и т. п. Въ гражданскомъ процессѣ также дозволяется каждому защищать свое дѣло, но требуется присутствіе повѣреннаго (avoué), для юридическаго формулированія иска или отзыва (regler les conclusions).

Право имѣть защитника въ уголовномъ процессѣ считается до такой степени необходимымъ для бытія суда, что 1) въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, по бѣдности, по отвращенію, возбужденному его проступкомъ, по запутанности дѣла и другимъ причинамъ, не можетъ найти себѣ защитника, то судъ обязанъ ему дать изъ адвокатовъ, записанныхъ на таблицѣ, — 2) если бы онъ и не захотѣлъ имѣть защитника, то все-таки такой ему дается. Бываютъ люди, которые желаютъ погибнуть юридическимъ самоубійствомъ; бываютъ и такіе, которые по ожесточенію, или

*) Въ извѣстномъ процессѣ англійскихъ механиковъ въ Неаполѣ, одинъ изъ нихъ впалъ въ помѣшательство при видѣ грознаго судебнаго аппарата.

Digitized by Google

глупости не хотятъ ничего говорить на судѣ, — это юридическіе больные, которыхъ не должно оставлять на собственный ихъ произволъ. Цѣль суда — справедливость, — и каждому должна быть она воздана, даже и противъ его желанія. Этотъ священный обычай существуетъ во Франціи съ незапамятныхъ временъ. Еще въ 1251 г. Лудовикъ святой велѣлъ назначить адвоката (avocat d'office) одному дворянину, который не могъ найти себѣ защитника, потому что велъ процессъ съ Карломъ д'Анжу, братомъ короля.

Въ судѣ исправительной полиціи, гдѣ судятся не важные проступки, судъ не обязанъ назначать отъ себя адвоката; благородное сословіе адвокатовъ никогда не отказываетъ и здѣсь въ безвозмездномъ пособіи бѣднякамъ; я не видѣлъ при частыхъ посѣщеніяхъ суда исправительной полиціи ни одного обвиняемаго бѣдняка, какъ бы ни маловажно было обвиненіе, безъ защитника. Тоже самое наблюдается и въ военномъ судѣ, — хотя нѣтъ текста закона, по которому бы предсѣдатель этого суда могъ вмѣнить адвокату въ обязанность защиту обвиняемаго. Наконецъ, во всѣхъ прочихъ судахъ, — кассаціонномъ, колигорческомъ, государственномъ совѣтѣ и проч. вездѣ можетъ или даже долженъ быть адвокатъ-защитникъ.

Кто можетъ быть защитникомъ? Въ неразвитыхъ обществахъ это право принадлежитъ всякому; но чѣмъ болѣе организуется юридическая жизнь, тѣмъ болѣе чувствуется потребность въ лицахъ научно приготовленныхъ къ веденію процесса и представляющихъ для тяжущагося или обвиняемаго двойную гарантію — знанія дѣла и нравственности. Античный міръ оставилъ западу въ наслѣдство высокое понятіе объ адвокатурѣ. Въ Греціи и Римѣ ораторы пріобрѣтали себѣ славу и доступъ къ государственнымъ должностямъ адвокатурой: Периклъ, Исократъ, Демосоенъ, Катонъ Великій, Цицеронъ, даже Ю. Цезарь были сначала адвокатами. Во Франціи съ 89 года барро служитъ разсадникомъ не только для судовъ, но и для политическихъ камеръ, для государственныхъ должностей; во всѣхъ законодательныхъ палатахъ всегда было огромное число членовъ изъ адвокатовъ, и при томъ они составляли большинство вліятельныхъ

Digitized by Google

членовъ. Такъ на пр. въ послѣднемъ законодательномъ собраніи (1849—51 г.) во всѣхъ партіяхъ самые вліятельные члены были адвокаты — Дюпенъ, Жюль Фавръ, Беррье, Мишель Буржскій, Баррошъ, Ледрю Ролленъ, Дюфоръ и другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ во Францію перешло и гордое античное понятіе о трудѣ адвоката: въ древнихъ республикахъ адвокатъ не получалъ платы,—и очень понятно почему: наградой славному адвокату были государственныя должности, зависѣвшія отъ избранія народа *). Во Франціи до сихъ поръ не дается адвокату права требовать вознагражденія за труды, даже по гражданскимъ процессамъ, судебнымъ порядкомъ; а договоры, по которымъ истецъ обязывается дать адвокату извѣстную часть изъ выиграннаго дѣла, объявлены львиными, незаконными.

Адвокаты, какъ особая корпорація, существовали во Франціи съ древнѣйшихъ временъ, объ нихъ упоминается еще въ капитуляріяхъ Карла Великаго. Сначала они принадлежали къ духовенству, оттого церковные соборы дѣлали постановленія объ адвокатурѣ, на пр. Ліонскій соборъ 1274 г. опредѣлилъ въ 20 ливровъ maximum адвокатскаго гонорара. Со времени образованія парламентовъ (верховныхъ судовъ) въ различныхъ провинціяхъ Франціи, адвокаты собрались при нихъ въ правильно-организованныя корпораціи. Въ этихъ корпораціяхъ образовалась великая французская адвокатура, ея юридическое воззрѣніе, краснорѣчіе, независимость, наконецъ нравы, традиція. Французскіе адвокаты достойно поддерживали великое имя, оставленное имъ въ наслѣдство Римомъ. Въ средневѣковомъ обществѣ, гдѣ одинъ мечь давалъ благородство, и тамъ смотрѣли съ уваженіемъ на адвокатскую профессію. Могущественные бароны и даже короли Франціи принимали на себя, какъ почетный титулъ, званіе адвокатовъ монастырей. Адвокатовъ называли рыцарями закона: chevaliers de loi, chevaliers ès loi. Изъ этой корпораціи выходили судьи, министры, правители; она внесла чувство законности и твердый порядокъ въ средневѣковой

*) По закону Цинція, римскимъ адвокатамъ запрещено было брать гонораръ: «Vetitum quippe erat lege Cincea munerali, ne quis ob causam orandam pecuniam donumque acciperet (Tacit. Annal. l. II).

Digitized by Google

хаосъ. Національное собраніе 89 года, въ своей ненависти къ корпораціямъ, уничтожило орденъ адвокатовъ *); каждый получилъ право быть защитникомъ на судѣ, — и во Франціи появилось много грязныхъ сценъ: плуты, сутяги, даже освобожденные преступники вели тяжбы, обманывая довѣріе простыхъ людей и оскверняя святилище правосудія. Этимъ дѣло не окончилось: Терроръ уничтожилъ самое право свободной защиты. Конвентъ, по предложенію Кутона, утвердилъ самую безнравственную мѣру: Законъ даетъ защитниковъ оклеветаннымъ патріотамъ въ лицѣ присяжныхъ, — онъ отказываетъ въ этомъ заговорщикамъ.»

При возстановленіи соціальнаго порядка Наполеономъ, — свободная защита и сословіе адвокатовъ снова получили жизнь и право гражданства во Франціи. Такъ какъ Терроръ не только уничтожилъ корпорацію адвокатовъ, но и закрылъ юридическія школы, то при возстановленіи нельзя было требовать отъ желавшихъ быть адвокатами условія объ окончаніи курса юридическихъ наукъ; поэтому постановлено было признать адвокатами на первый разъ всѣхъ тѣхъ, которые занимались этой профессіей и могли представить одобрительное свидѣтельство суда въ нравственности и юридическихъ познаніяхъ. Впослѣдствіи, постановленіями 1810, 1822 и 1830 годовъ адвокатура получила полную организацію. Чѣмъ либеральнѣе были французскія правительства, тѣмъ болѣе они оказывали уваженія къ сословію адвокатовъ, тѣмъ большую свободу предоставляли имъ въ отправленіи ихъ великихъ обязанностей, — и на оборотъ. Это очень естественно: судебная и политическая свобода неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Въ настоящее время слѣдующія условія требуются отъ желающаго быть адвокатомъ: 1) желающій долженъ получить

*) Любопытно, что знаменитые адвокаты, бывшіе членами національнаго собранія, сами подали голосъ за уничтоженіе своего сословія. Они это сдѣлали изъ гордости. Такъ какъ національное собраніе, уничтоживши парламенты, хотѣло устроить во всей Франціи только мелкіе окружные трибуналы, гдѣ не могло собраться много адвокатовъ, и, слѣдственно, не могло образоваться ни духа, ни нравственности этого благороднаго сословія, то они предпочли лучше вовсе уничтожить имя адвокатовъ, нежели передать его потомству въ униженномъ видѣ.

Digitized by Google

ученую степень лиценціата *) правъ въ одномъ изъ юридическихъ факультетовъ Франціи, — это условіе необходимое **), 2) онъ долженъ быть французскимъ гражданиномъ. Впрочемъ это условіе основано не на положительномъ законѣ, а на истолкованіи (интерпретаціи) и судебныхъ обычаяхъ. Говорятъ, что иностранецъ, хотя-бы и получившій степень лиценціата не можетъ заниматься адвокатурой во Франціи, потому что отъ адвоката требуется присяга въ вѣрности государю и конституціи, и главное потому, что по закону въ случаѣ недостатка въ необходимомъ числѣ судей, или членовъ Паркета, адвокаты по старшинству призываются къ временному занятію этихъ должностей. Такъ по-крайней-мѣрѣ всегда рѣшали адвокатскія правленія (conseils de discipline). Но школа Даллозовъ думаетъ иначе; она требуетъ космополитизма для адвокатской профессіи; она указываетъ въ этомъ случаѣ на примѣръ Бельгіи, которая дозволяла пледировать французскимъ адвокатамъ, на пр. 40-хъ годахъ Шексъ-д'Эстъ Анжъ былъ защитникомъ Комартена (дуэль безъ свидѣтелей), — одинъ изъ прекраснѣйшихъ подвиговъ этого знаменитаго адвоката (теперь генералъ-прокуроръ парижскаго суда), — Лашо пледировалъ въ процессѣ Бокарме. 3) Третье условіе — гражданское и политическое полноправіе. Впрочемъ условіе совершеннолѣтія (21 годъ) никогда не служило препятствіемъ для желающаго быть адвокатомъ; въ прежнее время надобно было получить разрѣшеніе правительства (dispense d'âge), — а послѣ 30 года и этого не требуется.

---

*) Лиценціатъ соотвѣтствуетъ нашему кандидату, — это первая ученая степень (званіе дѣйствительнаго студента не существуетъ), но условія для полученія этой степени ближе подходятъ къ нашимъ магистерскимъ, именно требуется печатная диссертація и защищеніе ея. За степенью лиценціанта слѣдуетъ докторская.

**) При возстановленіи адвокатуры (Наполеономъ I) правительство получило на 10 лѣтъ право дозволять вступать въ это сословіе чиновникамъ административнымъ и судебнымъ, хотя и неокончившимъ курса юридическихъ наукъ. По прошествіи этого срока никогда и никто не освобождался отъ условія представить дипломъ лиценціата. Нечего и говорить о томъ, что чиновники судебнаго вѣдомства (судьи и прокуроры или ихъ помощники) могутъ по выходѣ въ отставку заниматься адвокатурой, потому-что для полученія этихъ мѣстъ требуются закономъ тѣ же условія, какъ и отъ адвокатовъ.

Digitized by Google

Желающій вступить въ адвокаты представляетъ генералъ-прокурору того суда, при которомъ онъ намѣренъ заниматься своей профессіей, дипломъ лиценціата. За тѣмъ въ засѣданіи онъ приноситъ слѣдующую присягу: «Клянусь въ вѣрности императору (или королю, или республикѣ, — смотря по формѣ правленія) и въ повиновеніи конституціи; клянусь, что въ качествѣ защитника или совѣтника не буду говорить и печатать ничего противнаго законамъ, добрымъ нравамъ, государственной безопасности и общественному спокойствію, и что всегда буду оказывать должное уваженіе судамъ и общественнымъ властямъ».

Кандидатъ, выполнившій всѣ эти требованія, получаетъ однако только титулъ адвоката, — для того чтобы получить право заниматься этой профессіей необходимы и другія условія. Дѣйствительными адвокатами признаются только тѣ, которые записаны на таблицѣ. Право записывать на таблицу и вычеркивать изъ нея принадлежитъ Совѣту корпораціи адвокатовъ, существующей при каждомъ судѣ. Корпорація должна охранять достоинство адвокатской профессіи, — это интересъ не только ея личный, но и публики. Поэтому она не прежде вписываетъ кандидата на таблицу, какъ послѣ удостовѣренія въ его способностяхъ, знаніяхъ, нравственности, приличномъ положеніи въ обществѣ *). Первое и необходимое условіе для желающаго попасть на таблицу (т. е. быть дѣйствительнымъ адвокатомъ) есть *стажъ* (le stage) — бытіе на испытаніи. Срокъ этого испытанія положенъ закономъ въ 3 года, но совѣтъ можетъ и продолжить его, когда найдетъ нужнымъ. Адвокатъ на испытаніи (stagiaire, avocat stagiaire) долженъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ постоянно посѣщать засѣданія судовъ, чтобы практически пріучиться къ дѣлу, — посѣщать конференціи адвокатской корпораціи **); въ теченіе этого времени онъ можетъ однако пледировать,

*) Между прочимъ требуется, чтобы адвокатъ занималъ приличную квартиру съ собственной мебелью.

**) Конференціи состоятъ въ разсужденіяхъ о какомъ-нибудь темномъ или спорномъ вопросѣ права; при этомъ, разумѣется, бываютъ диспуты съ оффиціальными оппонентами, — и потомъ всѣми присутствующими составляется рѣшеніе.

Digitized by Google

но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ закономъ не требуется дѣйствительный адвокатъ. Это прекрасное правило наблюдается во Франціи издавна; еще въ 1327 году одинъ ордонансъ запретилъ адвокатамъ заниматься своей профессіей, пока они не будутъ вписаны на таблицу. Выполнивши стажъ, адвокатъ проситъ о включеніи въ таблицу. Совѣтъ корпораціи разсматриваетъ тогда вопросъ о нравственности кандидата; законъ не опредѣляетъ какіе именно факты считать противными чести и нравственности и слѣдственно препятствующими внесенію въ таблицу, — все принадлежитъ благоусмотрѣнію совѣта. Кромѣ того для поддержанія независимости и достоинства сословія требуется, чтобы кандидатъ не занималъ судебной или административной должности и вообще всякаго связаннаго съ жалованьемъ (emploi à gage) *) не только частнаго, но и коронпаго занятія, онъ не можетъ заниматься торговлею. Адвокаты при каждомъ судѣ составляютъ правильно-организованную корпорацію (l'ordre des avocats). Съ именемъ корпораціи соединяется ненавистное для современнаго человѣка воспоминаніе о привиллегіяхъ, исключительности, наслѣдственности. Но ничего подобнаго нѣтъ въ французской корпораціи адвокатовъ, — да и быть не можетъ по демократическому духу французскаго законодательства. Адвокаты составляютъ общество съ одною цѣлью — хранить достоинство своей профессіи, поддерживать конференціями единство пониманія закона, наблюдать, чтобъ никто изъ собратій не измѣнялъ долгу и чести, изгонять безчестныхъ, наказывать шаткихъ и нерадивыхъ, давать безплатную помощь бѣднякамъ. Никакими личными привиллегіями не пользуются адвокаты предъ другими гражданами **). Такого рода корпораціи не только полезны, но и необходимы; здѣсь люди групируются по единству занятій, и цѣль соединенія — нрав-

*) Изъ этого дѣлается только одно исключеніе въ пользу профессоровъ юридическихъ факультетовъ.

**) Адвокаты прежде избавлены были отъ патентнаго налога, — это не было какой-нибудь особой привиллегіей потому-что, на примѣръ, литераторы, художники, медики также не подчинялись патентному сбору. Но нынѣшнее правительство установило для адвокатовъ патентъ, — оно не жалуетъ этого сословія.

Digitized by Google

ственное возвышеніе профессіи. Если-бы медики, литераторы, ученые, художники соединялись въ такія корпораціи, — это бы могущественно подвинуло впередъ и предметъ ихъ занятій, и ихъ самихъ, и уваженіе къ нимъ общества.

Корпорація адвокаковъ при каждомъ судѣ избираетъ управу, называемую *Conseil de discipline*; предсѣдатель ея, также избирательный, называется старшиною — *Bâtonnier*. Число членовъ соразмѣряется съ числомъ адвокатовъ, — если ихъ 30, тогда выборныхъ всего 5, — если ихъ отъ 30 до 40, — то 7, если отъ 50 до 100, — то 9, — и 15, если число адвокатовъ превышаетъ 100; въ Парижѣ, гдѣ барро **) состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ адвокатовъ выборныхъ положено 21.

Всѣ права, предоставленныя корпораціи адвокатовъ относительно принятія въ званіе дѣйствительныхъ адвокатовъ, т. е. записки въ таблицу, и вся власть дисциплинарная, принадлежитъ управѣ или совѣту. Совѣтъ поэтому наблюдаетъ за адвокатами на испытаніи (stagiaires), рѣшаетъ по большинству голосовъ достойны ли они включенія въ таблицу; онъ строго смотритъ, чтобы адвокаты соблюдали относительно своихъ кліентовъ чувства умѣренности, безкорыстія, честности; онъ хранитъ преданія барро. Онъ имѣетъ право налагать наказанія: внушеніе, выговоръ, временное запрещеніе заниматься веденіемъ процессовъ (interdiction) и наконецъ исключеніе изъ таблицы (radiation du tableau), т. е. лишеніе вовсе права заниматься адвокатурой. Впрочемъ эта власть вовсе не есть безъапеляціонная, — иначе бы корпорація адвокатовъ могла увлечься интересами немногихъ, не принимала бы новыхъ членовъ, или выключала бы самопроизвольно. Поэтому на рѣшеніе совѣта, когда онъ отказываетъ вписать въ таблицу, или исключаетъ изъ нея, можно приносить жалобу апеляціонному суду, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ генералъ-прокурору.

Мы видѣли, что обвиняемый въ преступленіи получаетъ безплатно адвоката. Подобнаго рода льготы существуютъ и для бѣдняка, имѣющаго гражданскую тяжбу. Именно, при

*) Барро (barrau) — сословіе адвокатовъ, адвокатура.

Digitized by Google

конференціяхъ адвокатской корпораціи даются безплатно совѣты въ дѣлахъ, и если окажется, что искъ или тяжба основательны, то корпорація назначаетъ одного изъ своихъ членовъ вести процессъ, — это учрежденіе называется *Bureau de consultations gratuites* *). Одно это достаточно оправдываетъ то чувство уваженія и ту популярность, которыми пользуется французская адвокатура въ обществѣ.

Хотя каждый адвокатъ долженъ принадлежать къ одной изъ корпорацій, находящихся при всякомъ судѣ, — но это не лишаетъ его права пледировать при другомъ французскомъ трибуналѣ. Во время первой имперіи, для этого требовалось особое разрѣшеніе министра — впослѣдствіи такое стѣсненіе было уничтожено, — и тяжущійся или обвиняемый можетъ избирать себѣ защитника изъ какого угодно барро. Существуетъ только одно ограниченіе: адвокаты верховнаго или

---

*) Въ гражданскомъ процессѣ расходъ на адвоката сравнительно гораздо меньше другихъ — гербовой бумаги и актовыхъ пошлинъ (timbre, enregistrement), по этому возможность получать даровaго защитника далеко еще не достаточна для просителя-бѣдняка. Правда, при камерахъ повѣренныхъ (chambres d'avoués) въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ существуютъ кассы, изъ которыхъ выдаются вспомоществованія на судебные расходы тѣмъ изъ бѣдныхъ просителей, иски которыхъ найдены будутъ вполнѣ основательными. Но такъ какъ въ другихъ городахъ не существуетъ подобныхъ кассъ, и даже въ Парижѣ повѣренные не очень охотно рѣшаются на рискъ, то въ послѣднее время государство рѣшилось взять подъ свое попеченіе бѣдняковъ-просителей. Для государства необходимо, чтобъ каждый получалъ справедливое удовлетвореніе, чтобы бѣднякъ не терялъ своего права только потому, что онъ бѣденъ. Въ странѣ, гдѣ частная инниціатива и духъ ассоціацій развитъ, какъ въ Англіи, тамъ общество само изъ себя выработываетъ лекарство противъ возможности такого зла, тамъ существуютъ частныя общества для помощи бѣднымъ тяжущимся. Во Франціи въ этомъ случаѣ необходимо было вмѣшательство правительства, потому-что духъ ассоціаціи почти не существуетъ. По этому закономъ 22 января 1851 г. учреждены особыя коммисіи, которыя разсматриваютъ, дѣйствительно-ли дѣло бѣдняка основательно, дѣйствительно-ли проситель бѣденъ, и согласно съ ихъ рѣшеніемъ ему или отказываютъ, или правительство беретъ на себя судебные расходы: выиграется его дѣло, — онъ обязанъ возвратить истраченное. Эти коммиссіи (bureau d'assistance judiciaire) состоятъ: 1) изъ директора или одного изъ чиновниковъ гербоваго казначейства, 2) чиновника отъ губернатора, 3) трехъ членовъ-законниковъ: одного адвоката, избираемаго совѣтомъ этой корпораціи, одного присяжнаго повѣреннаго (avoué) и одного изъ дѣйствительныхъ или отставныхъ членовъ судейской магистратуры, избираемаго судомъ.

Digitized by Google

кассаціоннаго суда составляютъ особую корпорацію, и только они одни могутъ здѣсь пледировать. Обязанность адвокатовъ пледировать, защищать, вести процесъ, — оттого ихъ называли въ среднемъ вѣкѣ *говорящими*, — вся же прочая сторона гражданскаго процесса, хожденіе по дѣламъ, составленіе бумагъ, представленіе тяжущихся предъ лицомъ суда (если они сами не пожелаютъ лично явиться) составляетъ профессію присяжныхъ повѣренныхъ (avoué) *). Въ граждан-

*) Отъ желающаго быть присяжнымъ повѣреннымъ требуется: 1) возрастъ не моложе 25 лѣтъ, 2) свидѣтельство о выполненіи рекрутской повинности, 3) дипломъ бакалавра правъ (bachetier en droit), который выдается послѣ двухъ-годичнаго слушанія лекцій по юридическому факультету, или свидѣтельство о знаніи теоретическомъ, необходимомъ для основательнаго составленія бумагъ, — это свидѣтельство выдается по экзамену по-крайней-мѣрѣ послѣ годичнаго слушанія лекцій; 4) занятіе въ теченіи пяти лѣтъ въ конторѣ присяжнаго повѣреннаго,— это служитъ гарантіей практическаго знанія; 5) въ заключеніе подвергнутся экзамену въ совѣтѣ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ и получить отъ нея свидѣтельство въ способности и нравственности.

Присяжные повѣренные, подобно адвокатамъ, составляютъ при каждомъ судѣ и подъ его надзоромъ особую корпорацію. Для управленія своими дѣлами корпорація избираетъ совѣтъ, называемый chambre des avoués, — обязанности и права его тѣ же, какъ и адвокатскаго совѣта; совѣтъ избираетъ изъ среды своей президента, синдика, докладчика, секретаря и казначея. При совѣтѣ состоитъ бюро и касса для помощи бѣднымъ просителямъ.

Адвокаты имѣютъ особый историческій костюмъ: длинная черная мантія съ широкими рукавами, клобукъ, бѣлый шейный платокъ, черные панталоны, — совершенно духовный нарядъ, который потому и присвоенъ адвокатамъ, что они сначала принадлежали къ духовному сословію. Это общій костюмъ для всей судебной магистратуры, съ той разницей, что судьи и прокуроры имѣютъ на клобукахъ по одной или по двѣ золотыхъ тесьмы, смотря по своему рангу, и кромѣ того парадныя красныя мантіи (а президенты и генералъ-прокуроръ кассаціоннаго суда еще сверхъ красной горностаевую мантію). Костюмъ для адвокатовъ установленъ не закономъ, а обычаемъ, и, разумѣется, они надѣваютъ его только тогда, когда пледируютъ. Суды строго наблюдаютъ, чтобы адвокаты носили свой историческій костюмъ. Какъ-то одинъ молодой адвокатъ попробовалъ нѣсколько измѣнить костюмъ и явился вмѣсто черныхъ въ бѣлыхъ панталонахъ, а вмѣсто бѣлаго надѣлъ черный галстухъ. Президентъ суда срѣзалъ его блестящей остротой. «Г. адвокатъ, сказалъ онъ:—вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бы надѣли панталоны на шею, а галстухъ на ноги!» — Повѣренные имѣютъ тотъ же костюмъ, что и адвокаты, но съ нѣкоторымъ различіемъ. Адвокатъ, въ знакъ независимости своего званія, говоритъ съ покрытой головою, повѣренный всегда съ открытою.

Digitized by Google

скомъ процессѣ можно обойтись безъ адвоката если тяжущійся захочетъ самъ защищать свое дѣло, — это право не отнимается даже у женщинъ; но онъ непремѣнно обязанъ имѣть присяжнаго повѣреннаго. Это необходимо для правильности и быстроты судопроизводства; необходимо, чтобы дѣловыя бумаги составляли лица теоретически и практически знакомыя съ дѣломъ, — это избавляетъ судъ отъ слушанія безсмысленно составленныхъ бумагъ. Такъ какъ присяжнымъ повѣреннымъ можетъ быть только тотъ, кто выполнитъ всѣ условія, опредѣленныя закономъ, которыя доказываютъ его знанія, опытность и честность, и такъ какъ они (повѣренные) составляютъ твердую корпорацію, заботливо слѣдящую за каждымъ изъ своихъ членовъ, — то тяжущіеся обезпечены вполнѣ отъ ябедниковъ, — этой язвы общества, въ которомъ нѣтъ подобнаго учрежденія.

Такимъ-образомъ адвокатъ необходимъ только въ уголовномъ процессѣ, но при этомъ, какъ мы видѣли, у обвиняемаго не отнимается право самому защищаться или съ дозволенія президента суда поручить свою защиту родственнику или другу, но все-таки адвокатъ и въ этомъ случаѣ необходимъ. Въ гражданскомъ процессѣ тяжущійся можетъ, если хочетъ, самъ вести дѣло и говорить передъ судомъ, — но поручить защиту можетъ только адвокату.

Нѣтъ-ли въ этомъ стѣсненія? Не думаемъ. Никто не видитъ стѣсненія свободы въ запрещеніи заниматься медицинскою практикою всякому, кому вздумается, хотя-бы больной и захотѣлъ ему довѣриться. А веденіе гражданскаго процесса требуетъ столько-же юридическихъ свѣдѣній, какъ лѣченіе медицинскихъ. И эти ограниченія въ высшей степени полезны для общества: они спасаютъ его отъ шарлатановъ и плутовъ, медицинскихъ и юридическихъ.

III.

Законы, и въ особенности обычаи, требуютъ отъ адвоката величайшей честности и нравственности въ отправленіи его великихъ обязанностей. Онъ обязанъ свято хранить тайну, ему ввѣренную. Если-бы обвиняемый проговорился ему, от-

Digitized by Google

крылъ такія слабыя стороны, которыя не были доведены слѣдствіемъ и которыя совершенно его обвиняютъ, адвокатъ долженъ просить его въ интересѣ правосудія откровенно сознаться предъ судомъ; но если тотъ не соглашается, то онъ можетъ отказать ему въ пособіи, но не долженъ его выдавать. Нѣкоторые законовѣдцы думаютъ, что въ дѣлахъ уголовныхъ большой важности, адвокатъ обязанъ сообщить президенту суда о томъ, что узналъ отъ обвиняемаго, но юридическая практика никогда не признавала этого положенія. Въ-самомъ-дѣлѣ: если обвиняемый знаетъ, что адвокатъ можетъ сообщить суду въ его невыгоду то, что было сказано глазъ на глазъ, то никогда не будетъ имѣть къ нему довѣрія, будетъ смотрѣть на него не какъ на своего друга, а какъ на слѣдственнаго чиновника, — а безъ довѣрія обвиняемаго къ защитнику, защита лишается нравственнаго характера, и часто бываетъ невозможна. Нехраненіе тайны въ гражданскомъ процессѣ составляетъ для адвоката преступленіе, за которое онъ не только исключается изъ корпораціи, но и подвергается тюремному заключенію *).

Чтобы защита имѣла нравственный характеръ, для этого адвокатъ долженъ имѣть полную свободу принять ее и не принять. Въ предисловіи къ ордонансу 20-го ноября 1822 г. сказано: «Если адвокаты не будутъ имѣть права свободно принимать защиту, то они перестанутъ внушать довѣріе судьямъ, и унизятъ свою профессію. Судъ всегда будетъ

*) Кассаціонный судъ въ одномъ приговорѣ 1826 г. высказалъ слѣдующее положеніе: «Адвокаты принадлежатъ къ разряду тѣхъ лицъ, которымъ по ихъ профессіи довѣряются секреты, по этому они не могутъ ихъ открывать за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.» Изъ этого рѣшенія Лагравераиъ выводитъ для адвоката обязанность открывать тайны въ важныхъ уголовныхъ процессахъ. Корпорація адвокатовъ никогда не признавала этой доктрины, и въ 1826 г. коммиссія изъ 26 адвокатовъ кассаціоннаго суда объявила себя за полную неприкосновенность секрета. «Законъ, сказала коммиссія, даетъ обвиняемому защитника; возможно ли превратить его въ свидѣтеля или доносителя? Такая система несправедлива, безнравственна, нелѣпа, она ставитъ законъ въ противурѣчіе съ самимъ собою. Неприкосновенность секрета есть не только дѣло чести адвоката, но и необходимое условіе для выполненія обязанностей; безъ этого не будетъ довѣрія, а безъ довѣрія адвокатъ не можетъ знать дѣла, не можетъ рассуждать.»

Digitized by Google

сомнѣваться въ ихъ добросовѣстности, не будетъ знать, вѣрятъ-ли они сами тому, что говорятъ, и правосудіе будетъ лишено той гарантіи, которую представляетъ ему честность и опытность адвокатовъ». Но въ томъ-же самомъ ордонансѣ находится другая статья, сильно ослабляющая эти слова: «Адвокатъ, назначенный судомъ (avocat d'office), для защиты обвиняемаго не иначе можетъ отказаться отъ этой обязанности, какъ представивши суду о причинахъ, и если судъ найдетъ ихъ неуважительными, а адвокатъ будетъ упорствовать, то онъ подвергается исправительному наказанію».

Противъ этого положенія возстаютъ адвокаты, говоря, что оно стѣсняетъ ихъ свободу, что часто для выгодъ самаго обвиняемаго нельзя сказать суду о причинахъ отказа. Но Даллозъ справедливо замѣчаетъ, что послѣдняя опасность не существуетъ, потому-что такое объясненіе дѣлается судьямъ (а не присяжнымъ), при закрытыхъ дверяхъ; если здѣсь и есть нѣкоторое стѣсненіе для адвоката, то развѣ не болѣе опасности, оставить бѣдняка обвиняемаго безъ защитника, вслѣдствіе каприза или корыстолюбія адвоката?

Отъ адвоката требуется полная добросовѣстность въ защитительной рѣчи (plaidoire), — онъ не долженъ говорить ничего такого, въ чемъ самъ не увѣренъ, хотя-бы обвиняемый настаивалъ. Адвокатъ не машина обвиняемаго, у него есть своя совѣсть, свой взглядъ. Отъ этого обвиняемый ничего не теряетъ, потому-что послѣ рѣчи адвоката президентъ обязанъ спросить его: «Не можете-ли вы чего-нибудь прибавить въ свою защиту?» и тогда обвиняемый можетъ представить тѣ объясненія и оправданія, которыя его защитникъ не счелъ слишкомъ вѣскими. Въ этомъ случаѣ въ судебной сферѣ повторяется политическій вопросъ объ отношеніи депутата къ избирателямъ. Долженъ-ли депутатъ быть простымъ передатчикомъ мнѣній своихъ избирателей во всѣхъ вопросахъ, хотя-бы его личное убѣжденіе было другое? И здѣсь и тамъ вопросъ рѣшенъ одинаково: нельзя никого заставить говорить противъ совѣсти.

Въ 1834 г. одинъ законовѣдецъ (Ромигье) въ публичной рѣчи сказалъ: «Откровенность должна быть неизмѣннымъ правиломъ адвоката. Но я говорю здѣсь не о той откровен-

Digitized by Google

ности, которая переходитъ въ простоту, и которая заключается въ открытіи всѣхъ слабыхъ сторонъ дѣла. Судъ есть поле битвы, судоговореніе — бой, гдѣ можно, не нарушая законовъ чести, пользоваться своими преимуществами, употреблять остроуміе, набрасывать на факты благопріятный свѣтъ, не извращая ихъ, однако, стараться избѣгать приложенія невыгодныхъ началъ и всего болѣе пользоваться разногласіемъ ученыхъ о какомъ-нибудь вопросѣ. Адвокатъ долженъ разсуждать не столько на основаніи своего убѣжденія, сколько на основаніи тѣхъ фактовъ, которые открыты.» Но такое фарисейство, если и случается на практикѣ, съ негодованіемъ отвергается доктриной адвокатовъ. «Законъ», говорятъ они, «требуетъ, чтобъ адвокатъ ничего не говорилъ противъ совѣсти, адвокатъ приноситъ въ этомъ присягу, — отъ того судьи и имѣютъ уваженіе къ его словамъ, иначе онъ будетъ, какъ выразился Мирабо, только торгашемъ слова (vil marchand de paroles). Набрасывать благопріятный свѣтъ, значитъ ложный. Что такое — невыгодныя начала? Есть только истинныя и ложныя начала. Если въ гражданскомъ процессѣ адвокатъ будетъ говорить не такъ, какъ понимаетъ, а какъ это выгодно кліенту, то онъ не болѣе, какъ комедіантъ».

Есть только одно исключеніе изъ этой строгой морали — для адвоката, назначеннаго оффиціально быть защитникомъ обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, и когда судъ или не призналъ уважительными причины отказа, или, когда нѣсколько адвокатовъ отказалось, надобно наконецъ кому-нибудь принять на себя защиту, потому-что безъ защитника не можетъ быть суда. Но и въ этомъ случаѣ защитникъ не долженъ измѣнять своему убѣжденію: если обвиняемый утверждаетъ, что онъ невиненъ, а защитникъ убѣжденъ въ виновности, то долженъ говорить только о смягчающихъ обстоятельствахъ, если онъ ихъ находитъ хотя отчасти, — если-же виновность ему кажется полной и обвиняемый не заслуживаетъ снисхожденія, то онъ долженъ говорить какъ-бы по его уполномоченью и отъ его имени: «обвиняемый на это можетъ возразить то-то и то-то». Мы приводили примѣръ одного адвоката, который всталъ, поклонился судьямъ,

Digitized by Google

и не произнеся ни одного слова, сѣлъ на свое мѣсто, потому-что виновность безъ смягченія казалась ему очевидной. Хотя кассаціонный судъ призналъ, что этотъ адвокатъ исполнилъ свой долгъ, но генералъ-прокуроръ Дюпенъ былъ противнаго мнѣнія. Рѣчь адвоката пользуется полною свободой. Это единственное слово, которое теперь осталось свободнымъ во Франціи. Наполеонъ I сказалъ: «До-тѣхъ-поръ, пока я буду носить шпагу, я не позволю адвокатамъ говорить противъ правительства».

Другое ограниченіе рѣчи адвоката — недозволеніе критиковать законъ, или говорить противъ нравственности и смысла закона, противъ несоразмѣрности наказанія съ преступленіемъ, и даже вообще говорить присяжнымъ о наказаніи, которое можетъ послѣдовать отъ ихъ приговора (потому что присяжные, по словамъ закона, не должны думать о послѣдствіяхъ своего приговора). Приводимъ для объясненія нѣсколько примѣровъ. Въ 1825 г. въ Лозьерѣ судили какого-то Фора за грабежъ съ оружіемъ въ рукахъ на большой дорогѣ; защитникъ его сказалъ, и это было справедливо, что Форъ остановилъ на дорогѣ двѣ кареты и требовалъ выдачи всѣхъ денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью, но потомъ согласился взять всего шесть франковъ; защитникъ находилъ, что эта сумма такъ ничтожна, что было-бы нелѣпо подобное дѣйствіе подводить подъ статью о грабежѣ съ оружіемъ въ рукахъ, которая назначаетъ за такое преступленіе безсрочную каторжную работу. Президентъ остановилъ его, и не дозволилъ больше говорить; кассаціонный судъ одобрилъ этотъ поступокъ. То же случилось съ другимъ адвокатомъ, который хотѣлъ доказывать, что нѣтъ отягчающаго обстоятельства — перелѣзанія чрезъ заборъ (эскалада), когда нѣсколько кольевъ было поломано, и обвиняемый прошелъ чрезъ свободное пространство; — съ третьимъ, который началъ развивать мнѣніе, что нельзя обвинить человѣка въ поддѣлкѣ векселя, если есть доказательства, что онъ хотѣлъ впослѣдствіи выкупить его. Наконецъ адвокатъ долженъ соблюдать уваженіе къ суду и не дозволять себѣ личныхъ выходокъ.

Хотя президентъ ассизовъ имѣетъ право дѣлать замѣча-

Digitized by Google

нія адвокату и даже отнять у него слово въ случаѣ приведенныхъ проступковъ, и наконецъ предать его суду совѣта корпораціи адвокатовъ, — но пользуется этимъ правомъ съ крайней умѣренностью, потому-что адвокатъ не стоитъ безъ защитникъ: кромѣ жалобы въ кассаціонный судъ, у него есть еще возможность принести протестъ суду своего сословія. Былъ примѣръ, что парижскіе адвокаты, недовольные дурнымъ тономъ судей, отказались всѣ, въ массѣ, являться въ судъ, пока не получили удовлетворенія.

Законъ не полагаетъ предѣловъ рѣчи адвоката, — но, конечно, на практикѣ нельзя давать безграничной свободы въ этомъ отношеніи, потому, что тогда дѣло тянулось-бы безконечно. Законъ Помпея давалъ два часа обвинителю и три защитнику; впослѣдствіи постоянно наблюдалось у римлянъ правило, что защитникъ имѣетъ право говорить на $^1/_3$ долѣе нежели обвинитель. Въ 1817 г. кассаціонный судъ, вслѣдствіе одного частнаго дѣла, выразилъ мнѣніе, что адвокатъ, говоривши два часа, могъ достаточно развить положенія. Но если этого времени часто даже слишкомъ-много для защиты, то въ другихъ случаяхъ оно недостаточно. Впрочемъ, никогда французскій судъ не думалъ пользоваться упомянутымъ мнѣніемъ кассаціоннаго суда. Намъ случалось слышать въ парижскихъ ассизахъ защиту, продолжавшуюся четыре часа, и даже и такія, окончаніе которыхъ отлагалось до слѣдующаго дня.

Адвокаты особенно жалуются на то, что нѣкоторые суды позволяютъ себѣ прерывать ихъ замѣчаніями. Тѣ же права и тѣ же обязанности принадлежатъ тяжущимся и обвиняемымъ, которые сами себя захотятъ защищать. При этомъ президентъ долженъ обращать особенное вниманіе, чтобы они по неопытности сами себѣ не повредили, и долженъ ихъ остановить; вообще президентъ имѣетъ надъ ними гораздо болѣе власти, нежели надъ адвокатами. Трибунъ Форъ при докладѣ законодательному корпусу устава о судопроизводствѣ (1806 г.) сказалъ: «Если кодексъ дозволяетъ тяжущимся самимъ защищаться, то онъ предполагаетъ, что они могутъ уяснить дѣло судьямъ, и что они никогда не переступятъ границъ должнаго къ суду уваженія. Если тотъ, кто хочетъ самъ быть

Digitized by Google

своимъ защитникомъ, вмѣсто того, чтобъ уяснить дѣло, разсѣять туманъ, вмѣсто того, чтобъ говорить хладнокровно, увлечется страстью, то судья долженъ его остановить. Мы не сомнѣваемся, что судья съ горестью будетъ исполнять эту обязанность; но онъ долженъ это сдѣлать въ интересѣ правосудія и самаго тяжущагося».

Что касается до формы защитительныхъ рѣчей,—то обычай требуетъ чтобы онѣ соотвѣтствовали важности суда: онѣ должны быть ясны, строгой чистоты стиля. Приводимъ любопытный случай вмѣшательства суда и его неодобренія формѣ защитительной рѣчи. Въ 1834 г. Бастидъ, редакторъ журнала Tisiphone былъ преданъ уголовному суду за оскорбленіе короля письмомъ. Онъ вызвался самъ себя защищать и началъ произносить защитительную рѣчь *въ стихахъ*. Но едва онъ произнесъ первый стихъ:

Heureux l'homme rampant et cousu de bassesee!

Президентъ прервалъ его словами: я не позволяю вамъ продолжать защиту въ этой неприличной формѣ.—Адвокатъ подсудимаго замѣтилъ, что во время реставраціи Бартелеми защищался въ стихахъ. «Это было предъ судомъ исправительной полиціи,» отвѣчалъ президентъ, и посовѣтовавшись съ другими членами, отнялъ слово у обвиняемаго, на томъ основаніи, что обвиняемый, защищающій, себя, долженъ подражать адвокату, что его стихъ долженъ быть простъ, важенъ и строгъ (simple, grave et sévère). Бастидъ принесъ жалобу кассаціонному суду на стѣсненіе права свободной защиты; но верховный трибуналъ не призналъ ее основательною, прибавивъ впрочемъ,—что въ настоящемъ случаѣ право свободной защиты не было нарушено, потому что адвокатъ защищалъ обвиняемаго, и у послѣдняго спросили, не имѣетъ ли онъ еще чего нибудь прибавить въ свою защиту. Даллозъ говоритъ, что въ настоящемъ случаѣ президентъ могъ прервать обвиняемаго только потому, что первый стихъ былъ не приличенъ, — а не потому что защита была въ стихахъ, — потому что и стихи могутъ быть также строги, просты и важны, какъ и проза.

При существованіи адвокатуры каждый обвиняемый можетъ быть спокоенъ; онъ получаетъ опытнаго и честнаго

Digitized by Google

защитника. Но конечно обвиняемый бѣднякъ не можетъ пригласить знаменитаго адвоката. Это обстоятельство не нравится людямъ, требующимъ отъ адвокатуры чего-то идеальнаго. Намъ случалось часто слышать такія слова: «Все это прекрасно. Но вотъ что нехорошо: богатый можетъ пригласить знаменитаго адвоката, какого нибудь Берье или Жюля Фавра, и будетъ оправданъ; а бѣднякъ, хотя бы дѣло его было и не совсѣмъ плохо, проиграетъ его, попавшись неискусному адвокату.» Въ этомъ аргументѣ одна сотая правды.

«Il n'y a de bon avocat dans une mauvaise cause!» (въ дурномъ дѣлѣ никто не можетъ быть хорошимъ адвокатомъ). Не надобно преувеличивать силу краснорѣчія; оно ничего не можетъ сдѣлать противъ истины. Да, и что такое истинное краснорѣчіе? Величайшій ораторъ современной Франціи Берье вѣрно замѣтилъ: «Говорить краснорѣчиво значитъ сознать умомъ и сердцемъ правоту дѣла и выразить ее какъ можно проще.» Безъ этого убѣжденія всякое дарованіе, какъ бы оно ни было велико, ни къ чему не приведетъ. Слава великихъ адвокатовъ основана не на томъ, что они успѣвали затемнять истину, а на томъ, что въ процессѣ, гдѣ истина была загромождена обстоятельствами, сцѣпленіе которыхъ для простого взгляда дѣлало невиннаго виновнымъ, умѣли распутать узелъ, разсѣять туманъ, отдѣлить случайную примѣсь и показать правду во всемъ ея блескѣ. Въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ дѣйствительно огромная разница для обвиняемаго защищаетъ ли его знаменитый адвокатъ, или посредственный, и въ этомъ случаѣ богатый подсудимый стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели бѣдный. Но замѣтимъ, что именно въ такихъ запутанныхъ и слѣдственно юридически-интересныхъ процессахъ, о которыхъ толки ходятъ въ журналѣ и въ Palais de Justice за долго до открытія суда, никто изъ адвокатскихъ знаменитостей не откажетъ бѣдняку въ помощи. И это онъ сдѣлаетъ не изъ одного только человѣколюбія, а потому что такіе процессы, на которые съѣзжаются тысячи слушателей и за которыми слѣдятъ журналы всей Европы, доставляютъ адвокату славу, — слѣдственно въ результатѣ—деньги. Мы уже и не говоримъ о процессахъ политическихъ, или уголовныхъ, хотя нѣсколько свя-

Digitized by Google

занныхъ съ политикой.—Но если за всѣмъ тѣмъ и бываетъ много случаевъ, гдѣ бѣднякъ обвиняемый въ худшемъ положеніи, нежели богатый, то это нисколько не падаетъ на адвокатуру и ея организацію, а есть общій соціальный недостатокъ. Богатый больной находится также въ несравненно выгоднѣйшемъ положеніи, нежели бѣдный, — онъ можетъ пригласить знаменитаго врача, доступъ къ которому для бѣдняка весьма труденъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что медицина существуетъ только для богатыхъ, что всѣ богатые больные вылѣчиваются, а бѣдные умираютъ; при хорошей общественной организаціи и бѣднякъ больной находитъ помощь. То же самое и относительно адвокатуры, но еще въ большей степени. Безнадежнаго медицинскаго или юридическаго больнаго ничѣмъ нельзя спасти; есть высшая сила, рѣшающая ихъ жизнь или смерть: въ первомъ случаѣ природа, во второмъ присяжные.

АЛЕКСАНДРЪ ЛОХВИЦКІЙ.

Digitized by Google

БЛАГОДѢТЕЛИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Въ пансіонѣ, гдѣ училась Пашенька, большая часть дѣвицъ вели дневникъ. Какъ ни однообразна и бѣдна событіями была пансіонская жизнь, но записками о ней, листокъ за листкомъ, наполнялись цѣлыя тетрадки, обыкновенно очень красиво оклеянные цвѣтной бумажкой. Пашенька, по примѣру другихъ, завела такую-же тетрадку, и каждый день вписывала въ нее по нѣскольку строкъ о томъ, что занимало ея дѣтскую голову и дѣйствовало на ея сердце. Мало-по-малу, записывать всѣ случаи своей жизни — сдѣлалось у нея привычкой, и привычки этой не оставила она и по выходѣ изъ пансіона. По мѣрѣ того, какъ дѣвушка развивалась, дневникъ пріобрѣталъ для нее все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе. Потребность высказывать свои задушевныя думы, повѣрять свои затаенныя чувства, не находила другаго исхода. Лидія Петровна съ теченіемъ времени становилась все равнодушнѣе къ племянницѣ, и не могла, разумѣется, возбудить въ ней дружбы и довѣрія. Больше сочувствія видѣла Пашенька въ старой нянькѣ своей Катеринѣ, которая по прежнему не могла надышаться и налюбоваться на свою питомицу; но и чувства, и мечты питомицы не могли быть понятны старухѣ,

Digitized by Google

а потому нечего было и дѣлиться ими съ нею. И Пашенька повѣряла все своему дневнику. Изъ этого-то дневника слѣдуютъ здѣсь отрывки. Они лучше передадутъ все, что тревожило и волновало, радовало и печалило Пашеньку, нежели могли бы мы сдѣлать это, разсказывая отъ своего лица. Первый отрывокъ относится ко времени полученія Пашенькою письма отъ брата, въ отвѣтъ на первое письмо ея къ нему.

10 августа 18..

Сколько плакала я сегодня, и какъ трудно мнѣ и теперь удержать слезы! Мнѣ все хочется увѣрить себя, что я ошибаюсь, что братъ можетъ любить меня и любитъ; но немогу. Я безпрестанно перечитываю его письмо, и мнѣ послѣ каждаго раза становится все грустнѣе и грустнѣе. Что-то чуждое, холодное слышится въ этомъ письмѣ. Но можетъ-быть иначе и быть не должно: вѣдь мы столько лѣтъ не видались, мы какъ-будто и вовсе никогда не видались; стало-быть, мы чужіе, незнакомые. Но отчего же мнѣ такъ хотѣлось дать ему вѣсточку о себѣ, и узнать, какъ живетъ онъ, счастливъ ли, доволенъ ли? Отчего такъ огорчаетъ меня его письмо? Отчего такъ дрожали у меня отъ радости руки, когда мнѣ подали конвертъ со штемпелемъ Н.? Нѣтъ, Вася мнѣ не чужой. Значитъ, я ему чужая? Катерина разсказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ онъ часто обижалъ меня; но развѣ это значитъ что́-нибудь? Дѣти всегда ссорятся между собой, и это не мѣшаетъ дружбѣ потомъ, когда выростутъ. Мнѣ все хочется припомнить свое письмо къ брату. Не сама ли я виновата? Не было ли холодно и недружелюбно мое письмо? Я ничего изъ него не могу припомнить; но когда я писала его, у меня все сердце захватывало отъ желанья видѣть брата и высказать ему всю мою любовь. Неужто перо можетъ написать не то, что чувствуешь?. Оно не выразитъ всего, всей полноты чувства, но и не обманетъ. Я ужь опять плачу. Писать ли мнѣ къ Васѣ еще?

11 августа.

И мама̀, и Егоръ Александровичъ распрашивали меня, отчего я такая печальная. Я сказала о письмѣ брата, не могла удержаться отъ слезъ, и ушла въ залу.

Digitized by Google

Я стояла тамъ у окна и плакала. Егоръ Александровичъ вышелъ вслѣдъ за мною, сталъ около меня и взялъ за руку.

— Полноте, не плачьте! уговаривалъ онъ меня, и цѣловалъ мнѣ руку.

Я насилу могла отнять ее. Мнѣ всегда такъ непріятно, когда онъ оказываетъ мнѣ такія ласки; я какъ-будто боюсь его — особенно съ тѣхъ-поръ, какъ онъ сталъ мнѣ говорить «вы», а я перестала называть его папà. Я ушла поскорѣе къ себѣ въ комнату.

Зачѣмъ я называю и тетеньку мамà? Мнѣ часто кажется это странно. Какъ хотѣла бы я называть такъ кого-нибудь, кому можно было-бы открыть все свое сердце. Я часто распрашиваю Катерину о моей покойной матери; но изъ разсказовъ ея у меня не составляется въ головѣ никакого образа. Всякой разъ, какъ я думаю о матери, мнѣ вспоминается почему-то тетенька Анна Васильевна, и мнѣ становится такъ жаль, что она умерла. Она любила меня, какъ мать, и какая была это славная жизнь въ монастырѣ. Я какъ теперь вижу эту темную, старинную церковь, эти памятники вокругъ нея, рѣку за стѣной; мнѣ какъ-будто слышится и монастырское пѣнье, и крики на рѣкѣ. Всякой разъ, при звукѣ церковнаго колокола, воскресаютъ у меня въ памяти эти милыя, далекія картины. Отчего это не могу я припомнить нашего дома въ Н. и брата Васи?

Я рѣшилась написать ему еще: можетъ-быть я сама своимъ письмомъ виновата, что онъ отвѣчалъ мнѣ такъ холодно. И развѣ не бываетъ такъ-же въ жизни? Встрѣчаешься холодно, а разстаешься друзьями.

Каждый день жду я письма отъ Николая Ивановича, и все нѣтъ. А въ коротенькой запискѣ, присланной имъ передъ самымъ отъѣздомъ, онъ обѣщалъ писать мнѣ скоро. Ужь здоровъ ли онъ? Не случилось ли съ нимъ чего? Какъ бы хотѣла я получить отъ него поскорѣе письмо? Я пишу это, и готова бы сдѣлать съ собою Богъ знаетъ что! Какая я гадкая! Печаль, которую принесло мнѣ письмо брата, заставила меня какъ-будто позабыть о моемъ добромъ другѣ. Не правда, дорогой мой другъ, я не забыла васъ, я люблю такъ же, какъ любила... больше!

Digitized by Google

14 августа.

Съ письмомъ, которое отправила я сегодня къ брату, какъ-будто тяжесть какая снялась у меня съ сердца. Теперь у меня другое горе. Я досадую на себя, зачѣмъ во всѣхъ хочется мнѣ видѣть любовь къ себѣ, зачѣмъ хочется всѣхъ любить самой. Развѣ нѣтъ сердца, которое такъ горячо меня любитъ, и такъ понимаетъ, и развѣ мало мнѣ моей любви къ моему далекому другу?... Гдѣ-то онъ теперь, и что̀ съ нимъ? Писемъ отъ него все нѣтъ, а я незнаю, куда писать ему. Когда мнѣ приходитъ на мысль, что съ нимъ можетъ случится что-нибудь недоброе, все сердце обливается у меня кровью. И отчего онъ не пишетъ; Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ онъ уѣхалъ. Забыть, разлюбить меня онъ не могъ. Я этому горячо вѣрю? а вѣра моя никогда меня не обманывала. А братъ? Но можетъ-быть я ошибаюсь въ немъ. Что̀-то напишетъ онъ мнѣ теперь?

17 августа.

У меня до-сихъ-поръ дрожатъ отъ досады руки. Ка̀къ могъ Егоръ Александровичъ угадать, что̀ я думала? или какъ это случилось, что слова его, сказанныя можетъ-быть безъ безъ всякаго умысла, оказались такъ кстати?

Я стояла въ залѣ, облокотясь о рояль, и перебирала ноты, чтобы сыграть что-нибудь. Мнѣ попалась тетрадь мазурокъ Шопена. Третью изъ этой тетради такъ любилъ Николай Ивановичъ. Я развернула тетрадь на ней, и невольно задумалась.

— О комъ это вы такъ задумались? спросилъ меня, подходя, Егоръ Александровичъ.

Я вся вздрогнула, потому-что не слыхала и шаговъ его.

— О Темниковѣ? сказалъ онъ.

Я отвѣчала:

— Да.

— Это, кажется, любимая его мазурка была?

— Да, отвѣчала я опять, и досада кипѣла во мнѣ.

— Сыграйте! сказалъ Егоръ Александровичъ: — я тоже очень люблю ее.

Но я сложила ноты и ушла.

Отчего это я такъ не люблю Егора Александровича? не-

Digitized by Google

ужто за то, что онъ разссорился съ Николаемъ Ивановичемъ, и отказалъ ему отъ дому? Но развѣ онъ виноватъ?... Впрочемъ я тутъ ничего не понимаю.

1 сентября.

Какъ я рада, и какъ хочется мнѣ плакать! Что̀ за милое, что̀ за дорогое письмо! Онъ не забылъ меня, онъ любитъ меня по прежнему. Дѣла его устроиваются такъ хорошо, что можетъ-быть намъ не долго уже быть въ разлукѣ. Боже мой! какое счастье! Какъ хотѣлось бы мнѣ побѣжать теперь вездѣ, и всѣмъ, всѣмъ разсказать о моей радости. Сердце у меня такъ полно. Когда я перечитываю это милое, дорогое письмо, мнѣ кажется, онъ близко. Онъ спрашиваетъ меня, вспоминаю ли я его. Каждый часъ, каждую минуту, дорогой мой другъ.

Я безпрестанно переживаю въ памяти то свѣтлое время, когда мы были вмѣстѣ. Всѣ мелочи, всѣ незамѣтныя тогда подробности теперь такъ живо представляются мнѣ — мимолетное слово, жестъ, взглядъ. Я развернула какъ-то книгу, въ которой нашла его отмѣтку карандашомъ — просто крестикъ на полѣ, и засмотрѣлась на этотъ крестикъ и умчалась мечтами за тысячи верстъ. Что̀-бы я ни дѣлала, мысль о немъ не покидаетъ меня. Читать я нынче совсѣмъ не могу: смотрю въ книгу, перевертываю страницу за страницей, а мысли Богъ знаетъ гдѣ. Что̀ я прочитала, не помню, не понимаю. Иногда попадется фраза, похожая на сказанную имъ, или страница, на которой описано какъ-будто мое чувство, и только эту фразу, эту страницу въ книгѣ перечитываешь по нѣскольку разъ; но все находишь, какъ-будто это не совсѣмъ то, не совсѣмъ такъ. Музыка заставляетъ меня еще больше думать о немъ; все время, пока я играю, сердце у меня тихо поетъ, какъ-будто обливается слезами, и я вѣрно играю плохо. Но играть доставляетъ мнѣ такое удовольствіе, что я готова бы цѣлый день не вставать изъ-за рояля, если-бы не боялась всѣмъ наскучить. Иногда мнѣ хочѣтся нѣсколько разъ сряду играть его любимую мазурку Шопена, но я позволяю это себѣ только когда нѣтъ дома ни мамà, ни Егора Александровича. Мнѣ кажется, при Егорѣ Александровичѣ я теперь не могла бы сыграть ее и одного раза.

Digitized by Google

Онъ сегодня какъ-то странно смотрѣлъ на меня: ему какъ-будто хотѣлось сказать мнѣ что-то, но одной; а я одна не оставалась.

Что̀ значутъ эти слова въ письмѣ: «Если вы не поняли еще, отчего я долженъ былъ перестать видѣться съ вами, то дай Богъ, чтобъ это и не объяснилось вамъ; я желалъ бы обманываться, но кажется не обманываюсь». Что̀ хотѣлъ онъ сказать этимъ? Я боюсь догадываться, и мнѣ кажется, этого быть не можетъ. Я увѣрена, что этого не можетъ быть. Но отчего же мнѣ нынче всегда такъ неловко съ Егоромъ Александровичемъ? Точно будто я виновата передъ нимъ и прячу отъ него свою вину, или будто онъ замышляетъ на меня что-то злое. Я рада бы не встрѣчаться съ нимъ, не видать его — такъ я стѣсняюсь, такъ теряюсь въ его присутствіи. А онъ будто нарочно такъ любезенъ, такъ предупредителенъ. Неужто *онъ* въ самомъ дѣлѣ не ошибается?

2 сентября.

Какое горе опять, и какъ я зла! Я не ошиблась вчера, замѣтивши, что Егору Александровичу хочется и не удается сказать мнѣ что-то.

Какъ не избѣгаю я оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ, а это нынче случилось.

Онъ тотчасъ же спросилъ, отъ кого я получила письмо. У меня почему-то недостало силы сказать правду, и я отвѣчала:

— Отъ брата.

— Нынче вы ужь не плачете, сказалъ Егоръ Александровичъ: — видно братъ вашъ исправился, и письмо ужъ не такое холодное.

А слезы уже готовы были Богъ вѣсть отчего хлынуть у меня изъ глазъ. Я собралась, впрочемъ, съ духомъ и отвѣчала сколько могла спокойно:

— Да, нынче письмо его родственнѣе.

— Зачѣмъ вы меня обманываете? спросилъ вдругъ Егоръ Александровичъ.

— Какъ обманываю?

— Вѣдь письмо не отъ брата.

Digitized by Google

— Отъ кого же?

— Я знаю, отъ кого.

И онъ такъ гадко улыбнулся, что сердце у меня перевернулось. Я не могла удержать слезъ.

Тутъ онъ бросился ко мнѣ, схватилъ меня за руку, и началъ говорить:

— Простите меня! я не зналъ, что огорчу васъ. Я хотѣлъ только, чтобы вы не имѣли отъ меня тайнъ... Для вашей же пользы... Вы такъ молоды, вамъ нужно предостереженіе... А между-тѣмъ вы, какъ на чужаго, смотрите на человѣка, который...

Богъ знаетъ, что онъ говорилъ, и все цаловалъ мнѣ руки, какъ я ни отнимала ихъ.

Мнѣ стало такъ грустно и вмѣстѣ такъ противно, что я убѣжала поскорѣе къ себѣ, и до-сихъ-поръ зло кипитъ во мнѣ. Перечту опять дорогое письмецо; отъ него вѣетъ такимъ счастьемъ и такой любовью.

Отчего это каждый разъ, какъ перечитываю, я нахожу въ письмѣ что-нибудь новое, чего какъ-будто не замѣтила? Дорогой мой другъ, когда же мы увидимся, чтобы ужъ не разставаться болѣе? Онъ описываетъ мнѣ, какъ распредѣленъ у него день, и я безпрестанно стараюсь вообразить, чѣмъ онъ занятъ тогда-то, гдѣ тогда-то, въ такую-то минуту. Теперь онъ вѣрю дома, и собирается ложиться спать: ужъ очень поздно. Когда получитъ онъ мое письмо, и когда отвѣтитъ? Почта ходитъ двѣ недѣли. Я сегодня послала. Нынче второе. Боже мой! Еще цѣлый мѣсяцъ ждать. А я бы хотѣла каждый день получать отъ него вѣсти.

3 октября.

День сегодня хмурый, печальный, съ утра не перестаетъ лить дождикъ, и мнѣ такъ грустно, что я не знаю, куда дѣться? И во всемъ домѣ какая-то тоска и скука. Мама̀ больна и лежитъ. Егоръ Александровичъ ходитъ мрачный, и какъ-будто дуется на меня. Этому, впрочемъ, я рада: по-крайней-мѣрѣ онъ не заговариваетъ со мной, не говоритъ о своемъ

Digitized by Google

сочувствіи къ моей печали, не требуетъ у меня откровенности и довѣрія и не цалуетъ мнѣ рукъ.

Вотъ и мѣсяцъ прошелъ, а письма все нѣтъ. И вчера, и сегодня могло придти, а не пришло. Всякой разъ, какъ позвонятъ въ прихожей, я все думаю — не письмо ли?

10 октября.

Письма все нѣтъ, и я не знаю, что̀ думать? Здоровъ ли онъ? Напишу ему сегодня. Я все время въ такомъ волненіи, въ такой тревогѣ, что боюсь заболѣть. Ужъ не предчувствіе ли это чего дурнаго? Я давно не молилась, и давно не плакала. На сердцѣ у меня такъ тяжело. Еслибъ помолиться, да поплакать, стало бы легче, но я немогу почему-то ни плакать, ни молиться. И братъ не пишетъ.

17 октября.

Сегодня получила письмо отъ брата. Оно лучше, добрѣе прежняго; а я на него сердилась. Но мнѣ кажется, все-таки мы не похожи другъ на друга, и намъ трудно было бы сойтись. Въ каждомъ словѣ у него что-то сдержанное, несвободное. Впрочемъ я можетъ-быть и ошибаюсь. Письмо отдалъ мнѣ Егоръ Александровичъ. У меня сердце замерло, когда я брала его: я ждала другаго письма, котораго все нѣтъ и нѣтъ. Отчего это Васино письмо какъ будто подпечатано?

8 декабря.

Цѣлый день нынче не выходитъ у меня изъ головѣ прошлогоднее лѣто и наша дача въ Павловскѣ. Какое счастливое было это время, и меня беретъ страхъ, что ему не вернуться. На два письма моя нѣтъ отвѣта, и я боюсь писать еще. Можетъ-быть все ужъ кончено между нами. Страшно думать объ этомъ. Но что̀, если такъ? Въ минуты сомнѣнья и горя я такъ часто думаю о глухомъ монастырѣ, гдѣ прошли мои дѣтскіе дни, и мнѣ кажется тамъ такъ тихо, такъ хорошо для больнаго сердца. Тамъ все бы заснуло — и любовь, и горе, и надежда. Больше всего жаль было мнѣ надежды.

Отчего это я не свободна дѣлать, что̀ хочу? Я сама бы поѣхала къ нему — хоть узнала бы, живъ ли онъ, счастливъ ли. Если онъ счастливъ съ другой, я поселилась бы въ монастырѣ — и забыла бы все, кромѣ молитвы о немъ и о его счастіи.

Digitized by Google

10 декабря.

Неужто письма пропадаютъ? Я сегодня послала опять. Мнѣ попалась подъ руку газета, и я случайно увидала фамилію: Темниковъ. Онъ все тамъ же и получилъ новое мѣсто, Боже мой! или все точно кончено?

Егоръ Александровичъ подарилъ мнѣ сегодня браслетъ. На что́ мнѣ его подарки? Всѣ они лежатъ у меня безъ употребленія. Мнѣ иногда даже странно становится, что я такъ не люблю, даже больше чѣмъ не люблю, человѣка, которому обязана всѣмъ, и воспитаніемъ, и средствами къ жизни. Я непремѣнно хочу выдержать экзаменъ въ университетѣ, и пойду въ гувернантки.

5 января 18..

Зачѣмъ я писала къ нему? Это меня мучитъ теперь; а между-тѣмъ мнѣ хотѣлось бы еще написать ему, и пожелать ему много, много счастія. Но если это неправда, что онъ женится? Какъ бы хотѣла я не вѣрить. Но Егоръ Александровичъ говорилъ такъ утвердительно. Я не только писать, и думать, кажется, не могу. Что́ мнѣ теперь остается?... Голова у меня горитъ, глаза горятъ, а слезъ нѣтъ.

3 февраля.

Почти мѣсяцъ не развертывала я этой тетради, и почти мѣсяцъ не вставала съ постели. Сегодня я въ первый разъ встала, и вышла изъ своей комнаты. Какой нынче яркій день! и какъ странны показались мнѣ всѣ комнаты. Точно я цѣлый годъ ихъ не видала. И въ тоже время мнѣ такъ живо воображалось, что еще недавно, точно будто вчера, мы сидѣли и ходили тутъ вдвоемъ. А гдѣ это вчера?

Катерина отнимаетъ у меня свѣчу и гонитъ въ постель.

8 февраля.

Я сказала, что ѣду въ монастырь. Мама̀ принялась плакать, а Егоръ Александровичъ уговаривать. До весны проживу у нихъ, а весной поѣду. Меня ничто не удержитъ. Катерина тоже расплакалась, когда я ей сказала. Теперь тамъ снѣгъ вровень со стѣнами, и такъ тихо, тихо.

16 февраля.

Странное желаніе у меня, и я не знаю, какъ бы исполнить его. Мнѣ хотѣлось бы побывать въ Павловскѣ, на той

Digitized by Google

дачѣ, гдѣ я была такъ счастлива. Единственные счастливые дни въ моей жизни! Что нужды, что все занесено снѣгомъ? Я и подъ снѣгомъ угадала бы каждую дорожку, каждую тропинку, гдѣ мы гуляли вмѣстѣ, гдѣ онъ говорилъ мнѣ столько милаго! При его словахъ такъ свѣтло, все въ счастьѣ и въ лучахъ, представлялось мнѣ мое будущее — будущее вмѣстѣ, неразлучно съ нимъ. И давно ли это было? И все вокругъ темно, и впереди темно. Свѣтлый лучъ падаетъ ко мнѣ только изъ прошлаго. Но прошлымъ нельзя жить. Это не жизнь, а изнываньe. Хоть бы скорѣе весна! Мнѣ не жалко разставаться съ свѣтомъ. Я не знаю его, да никто и меня не знаетъ въ немъ. А кто зналъ — забылъ, все равно, что и не зналъ. Боже мой! какъ мнѣ грустно! Я желала бы, чтобы вокругъ меня были уже эти мрачныя, глухія стѣны, которыя такъ пугали меня когда-то. И за чѣмъ пришлось мнѣ покидать ихъ? Лучше бы съ дѣтства остаться тамъ, и не знать, что бываетъ свѣтлаго въ жизни. Я знаю, что грѣхъ роптать, но не могу побѣдить своего ропота. Иногда я думаю, что вѣдь была же я счастлива, что другимъ не достается на долю и того, что досталось мнѣ, что надо быть за то благодарной судьбѣ; а я ропщу... Да, я желала бы лучше, чтобъ и позади меня лежала такая же печальная тьма, какая глядитъ мнѣ на встрѣчу изъ моего будущаго. Было бы легче. Приходи скорѣе, весна! Опять я буду въ той тѣсной келейкѣ, гдѣ такъ гудѣли окна отъ благовѣста. Въ молитвѣ и въ слезахъ утонетъ мое горе. Старыя поросшія мохомъ могилы будутъ напоминать мнѣ, что все проходитъ на свѣтѣ. На одной могилѣ, помню, была тамъ надпись, въ которой гробъ названъ тихимъ домомъ. Видно недаромъ еще безсмысленнымъ ребенкомъ учила я наизусть эту надпись. Мнѣ хотѣлось бы поскорѣе въ этотъ тихій домъ. — А *онъ?* вспомнитъ ли хоть когда нибудь обо мнѣ?

3 марта.

Боже мой! только этого недоставало. И я была такъ слѣпа. Мнѣ надо бы давно бѣжать изъ этого дома. Онъ упалъ передо мной на колѣни, умолялъ меня. Скорѣе отсюда!.. Катерина поможетъ мнѣ, и завтра же меня не будетъ здѣсь.

Digitized by Google

II.

— Возьми все это, говорила Пашенька Катеринѣ, отдавая ей всѣ свои золотыя вещицы, браслеты, брошки, кольца, часы: — завтра поутру, потихоньку, заложи, продай, хоть за пол-цѣны; только чтобы никто не видалъ.

Катерина стояла передъ питомицей своей какъ окаменѣлая, и насилу смогла спросить:

— Пашенька! голубушка! да на что тебѣ деньги? Успокойся, матушка! Сколько тебѣ нужно? Вѣдь у меня есть деньги. Возьми у меня.

— Мнѣ надо завтра же уѣхать отсюда, я не могу здѣсь оставаться, говорила Пашенька.

— Да кто тебя обидѣлъ, голубушка?

— Ахъ, не спрашивай, няня! Я тебѣ говорю, что не могу здѣсь оставаться. Дня здѣсь не останусь.

— Пашенька! да скажи ты мнѣ свою бѣду! скажи, что съ тобой случилось? кто обидѣлъ тебя?

— Не могу, няня!

Катерина стала гладить Пашеньку по головѣ и прослезилась.

— Что это, голубушка ты моя? будто я нынче ужь и не няня тебѣ? заговорила она сквозь слезы: — развѣ не я тебя вынянчила?.. Мнѣ-то ты горя своего сказать не хочешь! И горе-то вѣдь вдвоемъ легче.

— Тяжело мнѣ, няня.

— Скажи — легче будетъ... что такое?

— Егоръ Александрычъ... начала-было Пашенька и остановилась.

— Это онъ сдѣлать посмѣлъ? вскричала Катерина: — да я...

— Тише, няня, тише! остановила ее Пашенька: — вотъ ты какая! хочешь, что бы всѣ услыхали.

— Ахъ, прости меня, голубушка! Забылась я. Это ужъ больно меня изъ себя вывело: что̀ онъ сдѣлать посмѣлъ?

— Ничего, няня; но только я не могу въ этомъ домѣ оставаться.

— Да скажи, что?

Digitized by Google

— Ахъ, няня!

— Полно, матушка, не таись; что такое? что онъ?

— Преслѣдуетъ меня, няня, все о любви своей говоритъ.

— Ахъ, онъ, злодѣй! ахъ, безстыдный!

— Тише, няня, опять ты!

— Да я бы глаза ему выцарапала!

— Полно объ этомъ, няня; ты постарайся только, чтобъ деньги у меня были.

— Да вѣдь не одна же ты, Пашенька, поѣдешь вѣдь и я съ тобой.

— Разумѣется, няня.

— Куда-жъ мы поѣдемъ?

— Къ брату.

— Да какъ же однѣ-то, Пашенька?

— А что же намъ сдѣлается? Только я боюсь, денегъ нужно будетъ много.

— У меня полтораста рублей есть. На эти деньги до Сибири доѣхать можно. Да ты бы, голубушка, сказала имъ, они на дорогу-то дали бы тебѣ, и совсѣмъ бы какъ должно снарядили.

— Ахъ, что ты, няня! ни за что! Непремѣнно надо потихоньку. А то они не пустятъ меня; всячески станутъ задерживать.

— Да какъ утаиться-то, Пашенька? Вѣдь укладываться надожъ. Поклажи не мало будетъ. Платьевъ однихъ что!

— Ничего съ собой не возьмемъ — только бѣлья немного. Ты свяжешь въ узелокъ, будто къ прачкѣ отнести.

— Что ты, Пашенька! какъ же безъ платьевъ-то? Новыя надо же будетъ шить.

— Новыхъ ненадо будетъ: отъ брата поѣду въ монастырь. Тамъ ужъ ничего ненужно.

— Опять ты, Пашенька, за свое! полно ты, моя радостная. Такіе-ли твои года, чтобы въ монастырь идти? Тебѣ только-что жить да веселиться.

— Что мнѣ въ жизни-то, няня!

— Ахъ, не слушала бы тебя... Ну не было счастья, — придетъ.

Я ужъ такъ рѣшилась.

Digitized by Google

Я не могу отговорить; братецъ, можетъ, отговоритъ. А все жаль, Пашенька, платьица-то.

— Иначе нельзя, няня.

Старуху было трудно убѣдить; но Пашенька переспорила таки ее. Во время этихъ переговоровъ и спора, Катерина неразъ горько всплакнула. И вообще поѣздка Пашеньки казалась ей дѣломъ страннымъ и ненадежнымъ: пора зимняя, и дорога такая дальняя. Только свиданіе съ Васей, котораго Катеринѣ такъ давно хотѣлось повидать, нѣсколько озаряло передъ нею темную перспективу. Посреди самыхъ мрачныхъ мыслей о разныхъ дорожныхъ бѣдствіяхъ и неудобствахъ у нея безпрестанно вертѣлись на умѣ вопросы: «каковъ-то онъ сталъ теперь, голубчикъ? Узнаетъ ли меня, старуху? Помнитъ ли? Какъ встрѣтитъ? Радъ ли будетъ?» Но только-что припоминала Катерина рѣшеніе Пашеньки поступить въ монастырь, слезы ручьями бѣжали по ея широкому, очень постарѣвшему лицу.

Ни Катерина, ни Пашенька не подозрѣвали затрудненій, какія представились имъ въ ихъ таинственныхъ сборахъ. На слѣдующее утро няня Пашеньки ходила справляться, какъ имъ удобнѣе и лучше ѣхать, и принесла непріятное извѣстіе, что для выѣзда изъ Петербурга нужно Пашеньки имѣть какой нибудь письменный видъ, а у нея его не было. Послѣ слезъ и долгихъ колебаній Пашенька рѣшилась, однако, дѣйствовать прямо и открыто.

Она пошла въ комнату Лидіи Петровны, гдѣ застала и Егора Александровича, и объявила имъ, что хочетъ непременно ѣхать теперь же къ брату.

— Ты хотѣла остаться до весны, Поля, заговорила Лидія Петровна: — весной было бы гораздо лучше; я поѣхала бы въ деревню и отвезла бы тебя. За что ты насъ нынче такъ разлюбила?

— Неправда, мама, я васъ люблю по прежнему, но братъ такъ убѣдительно зоветъ меня. Я ему нужнѣе, чѣмъ здѣсь.

— А когда писалъ вамъ братъ? спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Я вчера получила отъ него письмо, отвѣчала Пашенька.

Digitized by Google

— Отчего же вы такъ вдругъ понадобились ему?

Пашенька все обдумала заранѣе.

— Ему нужна хозяйка въ домѣ; онъ занятъ службой, и потому самъ не можетъ за всѣмъ присмотрѣть.

— Такъ вы хотите въ экономки къ нему?

— Не смѣйтесь, Егоръ Александровичъ! Это нехорошо. Для меня было бы пріятно быть у брата и экономкой. Я по крайней мѣрѣ буду тамъ полезна; а здѣсь я ничего не дѣлаю, и мнѣ наконецъ тяжело, что я все на чужихъ рукахъ.

— Поля, зачѣмъ ты обижаешь меня? воскликнула Лидія Петровна, и при этомъ удобномъ случаѣ заплакала: — грѣхъ тебѣ!

— Простите меня, мама, если въ словахъ моихъ было что-нибудь обидное; но я думаю — вы сами желаете мнѣ добра, и потому прошу васъ отпустить меня.

— А я въ этомъ добра для васъ не вижу, сказалъ Егоръ Александровичъ: — и потому считаю обязанностью своей не отпускать васъ.

Онъ не радъ былъ, что сказалъ это. Обращенные къ нему глаза Пашеньки сверкнули такимъ негодованіемъ, что надо было ждать — она выскажетъ все, чего такъ не хотѣлось бы слышать Егору Александровичу въ присутствіи жены.

Пашенька, впрочемъ, сказала только:

— Все равно; если вы не хотите отпускать меня прямо къ брату, я найду себѣ здѣсь мѣсто гувернантки, и съ этого мѣста все-таки уѣду. Я не могу оставаться здѣсь — говорю это рѣшительно.

Лидія Петровна и плакала, и стонала, и жаловалась, и распрашивала Пашеньку; но Пашенька твердила одно, что хочетъ ѣхать, что оставаться не можетъ, и больше ничего не объясняла.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, Пашенькѣ предстояло объясненіе наединѣ съ Егоромъ Александровичемъ. Дѣвушка, не смотря на враждебное къ нему чувство, сильно кипѣвшее въ ней, была рада этому объясненію. Вся пылая гнѣвомъ, она высказала ему всю глубину своего презрѣнія.

Digitized by Google

— Мнѣ больно, заключила она:—что я должна говорить такія горькія слова человѣку, которому такъ много обязана; но какъ быть? Вы сами вызвали меня на это.

Егоръ Александровичъ чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Довольно несвязно началъ онъ извинять себя, говоря, что чувство его невольно, что сердцу нельзя запретить любить; но видя, что глаза Пашеньки опять горятъ негодованіемъ и что она, вѣроятно, снова осыплетъ его справедливыми и меткими упреками, Егоръ Александровичъ поспѣшилъ перемѣнить тонъ, и сказать, что онъ не только не станетъ удерживать Пашеньку, но постарается облегчить для нея сборы и самую поѣздку.

Отъ денегъ, предложенныхъ Егоромъ Александровичемъ Пашенька отказалась, и черезъ три дня ея не было уже въ домѣ.

III.

Дорога была не безъ хлопотъ и неудобствъ, потому-что Пашенька поѣхала только вдвоемъ съ Катериной и никакъ не согласилась взять человѣка отъ Дубровскихъ, какъ ни убѣждали ее къ тому и Лидія Петровна, и Егоръ Александровичъ. Съ разными остановками, путешественницы наши доѣхали однакожъ до города Н. ровно черезъ двѣ недѣли послѣ выѣзда своего изъ Петербурга. Пашенькѣ очень хотѣлось извѣстить брата о скоромъ свиданіи съ нимъ; но все дѣло рѣшилось съ такою быстротой, что письма отправить было уже некогда: оно прибыло бы къ Василію Петровичу вѣроятно въ одно время съ Пашенькой.

Шавровъ, разумѣется, и неподозрѣвалъ, что ему придется такъ неожиданно познакомиться съ сестрой. Онъ былъ очень удивленъ, когда по утру, въ то время, какъ онъ собирался въ должность, передъ крыльцомъ квартиры его остановилась дорожная повозка, изъ которой вышли двѣ женщины, спрашивавшія Шаврова. Онъ на скоро надѣлъ вицмундиръ, и выбѣжалъ въ сѣни.

Пашенька шла уже къ нему на встрѣчу.

— Вася! ты?

Digitized by Google

— Пашенька!

Пока Пашенька снимала съ себя дорожное теплое платье, Катерина обнимала, обливаясь слезами, своего бывшаго питомца, и спрашивала дрожащимъ голосомъ, помнитъ ли онъ ее.

— Какъ это ты надумала ко мнѣ, Пашенька? говорилъ Василій Петровичъ.

— Все разскажу послѣ, отвѣчала Пашенька:—а теперь скажи мнѣ только, не стѣсню ли я тебя, если пробуду у тебя нѣсколько дней.

— Нисколько, нисколько, хоть у меня, какъ ты видишь, тѣсненько-таки.

Василій Петровичъ говорилъ, впрочемъ, не правду. Первою мыслью его, какъ увидалъ онъ сестру, было, что вотъ нежданно-негаданно ему навязывается на шею новая обуза, и онъ, разумѣется, не былъ доволенъ. Пашенька утѣшила его не много только тѣмъ, что сказала ему, что она на нѣсколько дней пріѣхала.

— Ужъ я сегодня и въ должность не пойду, сказалъ онъ сестрѣ:—надо наговориться съ тобой. Вѣдь легко сказать, сколько мы не видались! Случись встрѣтиться на улицѣ, я думаю, разошлись бы въ разныя стороны, какъ чужіе.

— Вѣдь ужъ какъ измѣнился! заговорила Катерина: — изъ малаго ребенка совсѣмъ сталъ большой человѣкъ; а, кажись, гдѣ бы ни встрѣтилась съ тобой — все бы узнала: больно ужъ на покойницу Анну Васильевну съ лица-то похожъ.

Послѣ первыхъ непослѣдовательныхъ распросовъ и замѣчаній, Василій Петровичъ захотѣлъ узнать подробнѣе обстоятельства сестры.

— Разскажи мнѣ, Пашенька, все по порядку, говорилъ онъ:—вѣдь по письмамъ ни объ чемъ нельзя было и судить.

— Я такъ рада, что вижу тебя, Вася, отвѣчала сестра:— что у меня совсѣмъ путаница какая-то въ головѣ. Я, кажется, ничего и связать не могу. Ты спрашивай меня, что тебѣ хочется знать, и я стану тебѣ отвѣчать. А то сама я, право, не знаю, что и говорить; только бы смотрѣла на тебя, да вспоминала старину. Вѣдь и ты радъ мнѣ, Вася? да!

Digitized by Google

— Еще бы, Паша! конечно!

— Ну, что же тебѣ разсказать? Спрашивай!

— Во-первыхъ, скажи мнѣ, ты вѣдь не совсѣмъ оставила Дубровскихъ? опять къ нимъ воротишься?

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ, мы навсегда простились; я ужъ къ нимъ не поѣду.

— Отчего же? спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Василій Петровичъ: — развѣ ты недовольна ими?

— Мнѣ тяжело и говорить про эти отношенія, но отъ тебя нечего скрываться.

И Пашенька разсказала брату о преслѣдованіяхъ Егора Александровича.

— Ахъ, подлецъ! вскричалъ Шавровъ, выслушавъ разсказъ сестры. — И это было поводомъ, что ты уѣхала?

— Да.

— Но, надѣюсь, онъ хоть обезпечилъ тебя? хоть этимъ вознаградилъ свою обиду?

Пашенька не совсѣмъ поняла брата.

— Что ты хочешь сказать, Вася? спросила она.

— Вѣдь онъ не съ пустыми же руками тебя отпустилъ! отвѣчалъ братъ: — далъ тебѣ денегъ?

— А все-таки не понимаю тебя, братъ, возразила Пашенька: — о какомъ обезпеченіи ты говоришь, о какихъ деньгахъ? Развѣ мало того, что они воспитали, образовали меня? Мнѣ особенно горько, что съ людьми, которымъ я такъ много обязана, мнѣ пришлось разстаться почти враждебно.

— Да ужъ за одно-то, что онъ обидѣлъ тебя, возразилъ Василій Петровичъ: — онъ долженъ былъ тебѣ дать хоть небольшія средства къ жизни. Вѣдь жить тебѣ надо же чѣмъ-нибудь. Не случись этой исторіи, вѣдь ты осталась бы по прежнему въ ихъ домѣ.

Щеки у Пашеньки вспыхнули.

— Развѣ подобныя обиды оплачиваются? сказала она: — можетъ быть онъ думалъ тоже, что ты, когда предложилъ мнѣ денегъ передъ отъѣздомъ; но....

— А онъ предложилъ-таки?

— Да; но я не взяла.

Digitized by Google

— Какъ не взяла?

— Мнѣ казалось, что я поступлю противъ совѣсти, если возьму.

— Ну, этого я не понимаю, сказалъ Василій Петровичъ: — чѣмъ же ты жить станешь?

— У меня есть руки, есть голова.

— Что-жъ ты станешь дѣлать?

— Я и прежде думала поступить въ гувернантки куда-нибудь; если останусь въ свѣтѣ, поступлю; но мнѣ хочется въ монастырь.

— Что ты, Паша? Въ твои-то лѣта?

— Мнѣ не для чего жить.

— Это откуда у тебя такое отчаяніе? За мужъ выйдешь — я тебѣ и жениха найду.

— Напрасно, мой другъ, я ни за кого не выйду.

— Да почему-жъ?

Пашенька опустила глаза. Ей было какъ-то страшно говорить о своей любви къ Темникову. Братъ, какъ ей казалось, не пойметъ ея чувства: она уже начинала сомнѣваться въ возможности дружбы и довѣрія между имъ и ею.

Побѣдивъ, однакожъ, свои колебанія, Пашенька отвѣчала:

— Я писала тебѣ, Вася—помнишь?—о студентѣ, который училъ меня.

— Да, помню; что-жъ! ты въ него влюблена?

У Пашеньки какъ-то болѣзненно сжалось сердце отъ этого рѣзкаго вопроса.

— Вѣдь онъ — ты, кажется, писала — въ провинціи гдѣ-то теперь?

— Да.

— И вы переписываетесь?

— Нѣтъ, сначала переписывались, но потомъ онъ пересталъ писать — и я слышала, онъ женился.

— Надулъ, значитъ?

Пашенька готова уже была плакать: каждымъ словомъ братъ ее кололъ въ самое сердце.

— Такъ объ чемъ же тутъ печалиться? продолжалъ онъ:—вѣдь свѣтъ не клиномъ сошелся. Найдутся и еще женихи. Изъ за этого въ монастырь еще не стоитъ идти.

Digitized by Google

Дѣло это для тебя не давнее — поэтому ты такъ горячо и принимаешь его къ сердцу. Но вѣдь не цѣлый же вѣкъ будешь помнить — забудешь.

Пашенька заплакала.

— О чемъ ты, сестра? Ну, полно! я объ этомъ и говорить больше не стану, началъ успокоивать ее братъ.

— Да, не будемъ лучше говорить объ этомъ, сказала Пашенька сквозь слезы.

— Хорошо; только не плачь, ради Бога! прости меня, если я сказалъ что-нибудь неосторожно. Столько лѣтъ не видались: не ссориться-же намъ въ первое свиданіе!

— Не сердись на меня, Вася, что я заплакала отъ твоихъ словъ, просила съ своей стороны и Пашенька. — Мы не будемъ больше говорить объ этомъ предметѣ. Разскажи мнѣ лучше что-нибудь о себѣ. Какъ дѣла твои? что твоя служба?

— Служба идетъ ладно, и я надѣюсь скоро попасть въ столоначальники.

— А теперь какая у тебя должность?

— Теперь я еще помощникъ столоначальника.

— Ну, а что Войлоковы?

— Ахъ, да, я вѣдь тебѣ про нихъ ничего и не говорилъ. У нихъ очень-плохи дѣла.

— А что?

— Платона Николаевича исключили изъ службы; сначала онъ еще держался кое-какъ — было накоплено; но потомъ принялся кутить, и весь промотался. Пьетъ горькую теперь. У него и всегда къ этому наклонность была; но какъ постигло его это несчастіе, что онъ мѣсто потерялъ, совсѣмъ предался вину. Жалкій человѣкъ.

— Ахъ, какъ грустно это слышать! какъ жаль!

— А я такъ вовсе его не жалѣю. Такая скотина! Ты и не знаешь, что за житье мнѣ было у нихъ. Скупость нестерпимая, брань и крикъ съ утра до вечера.

— Что мать-то?

— Она лежитъ безъ рукъ, безъ ногъ — давно ужъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Платона Николаевича выгнали. И

Digitized by Google

языкъ тоже отнялся; говоритъ только одно слово: «нѣтъ». Если ты хочешь, съѣздимъ къ нимъ. Старуха обрадуется.

— А ты бываешь у нихъ?

— Хожу, да рѣдко — тоска.

— Я-бы желала ихъ видѣть.

— Поѣдемъ завтра.

— Хорошо.

Относительно рѣшенія сестры ѣхать въ монастырь, Василій Петровичъ замѣтилъ, что объ этомъ надо еще подумать, и сталъ просить ее, чтобы она погостила у него съ мѣсяцъ. Пашенька согласилась, и поэтому хозяйка дома, мѣщанка Конотопова, должна была очистить для помѣщенія Пашеньки комнату, примыкавшую къ квартирѣ Шаврова. Такъ-какъ жилецъ, занимавшій эту комнату, давно уже не платилъ хозяйкѣ, то дѣло мигомъ устроилось.

Катерина, при первомъ случаѣ, какъ могла переговорить съ питомцемъ своимъ наединѣ, кинулась ему въ ноги, и стала молить его, чтобы онъ отговорилъ ея ненаглядную Пашеньку идти въ монастырь.

— Мнѣ и самому не хотѣлось-бы этого, няня, говорилъ Василій Петровичъ, хотя думалъ совершенно-противное.

Ему казалось очень-удобнымъ, что Пашенька поселится въ монастырѣ, стало-быть не будетъ требовать отъ него никакой помощи, тогда-какъ, оставаясь въ свѣтѣ, она, вѣроятно, долго еще будетъ у него на рукахъ.

— Такъ ужъ ты уговори ее, родной! просила Катерина.

— Уговорю, няня, уговорю, успокоивалъ старуху Василій Петровичъ.

IV.

На другой день Василій Петровичъ повезъ сестру къ Войлоковымъ. Пашенька, разумѣется, не помнила вовсе ни Агаѳьи Максимовны, ни Платона Николаевича. Посѣщеніе это произвело самое невеселое впечатлѣніе на дѣвушку.

Войлоковы жили все въ той-же московской улицѣ, все въ домѣ той-же коллежской секретарши Бакалѣевой. Хозяйка Платона Николаевича успѣла уже выдать за-мужъ двухъ

Digitized by Google

старшихъ дочекъ своихъ, тѣхъ, которыя нѣкогда, забавы ради, щекотали юнаго воспитанника постояльцевъ. Подростала и третья дочка у Бакалѣевой, бывшая тогда еще безсмысленнымъ ребенкомъ. Теперь она была ужъ почти невѣста и такая хорошенькая, что всѣ любители изящнаго засматривались на нее, когда она шла, принарядившись, къ обѣдни въ воскресенье, или на гулянье, или когда сидѣла подъ окошкомъ въ своемъ флигелѣ, между кустомъ бальзамина и кустомъ ерани. Никто не обращалъ вниманія на эти цвѣты, и всякой любовался только на свѣжій «розанчикъ», который выглядывалъ изъ-за нихъ.

Отношенія самой коллежской секретарши Бакалѣевой къ ея постояльцамъ нѣсколько измѣнились. Какъ прежде считала она Платона Николаевича самымъ надежнымъ человѣкомъ и самымъ вѣрнымъ плательщикомъ и роптала иногда только на его строптивую маменьку, такъ теперь находила она, что Агаѳья Максимовна — женщина пресмирная (благо, Богомъ убита!), но что Платонъ Николаевичъ совсѣмъ сталъ какъ-то свихиваться и положиться на него теперь нельзя. Прежде, бывало, присылалъ деньги за квартиру задолго до срока, а теперь и послѣ сроку не допросишься, чтобы заплатилъ.

Если-бы Пашенька помнила то время, когда бывала она у почтенныхъ родственниковъ, въ дѣтствѣ своемъ, съ покойной теткой Анной Васильевной, и когда Агаѳья Максимовна угощала дѣвочку и брата ея червивыми яблоками и пыльными, сухими финиками, — еслибъ Пашенька помнила эту давнюю пору, она замѣтила-бы большую перемѣну въ домѣ. Года прошли надъ нимъ не даромъ, и на все наложили свою печать; къ суровости времени прибавилась и небрежность хозяевъ. Закоптѣвшіе потолки ни разу не подбѣливались съ того самаго времени, какъ поселился въ домѣ Платонъ Николаевичъ; стѣны тоже потемнѣли или полиняли; обои мѣстами отстали — или подымались бугромъ, или, завернувшись, обнаруживали газетную бумагу, подклеенную подъ ними. Особенный видъ новизны и опрятства былъ прежде у гостиной, гдѣ мебель покрывалась всегда бѣлыми чехлами. Съ того достопамятнаго дня, какъ у Агаѳьи Максимовны отнялась нога и ей нельзя уже было двинуться съ

Digitized by Google

мѣста изъ своей спальни, чехлы не снимались и не мылись, а въ послѣднее время никто не заботился даже и пыль съ нихъ стирать. И пыль лежала на нихъ толстыми слоями, и когда кто скоро проходилъ по комнатѣ, его щекотило въ носу, и съ непривычки чихалось. Только у Платона Николаевича носъ притерпѣлся. На всемъ въ домѣ лежала, кромѣ слоя пыли, печать какой-то ветхости, дряхлости; все клонилось незамѣтнымъ образомъ къ упадку. Про органъ, такъ услаждавшій нѣкогда слухъ и сердце маменьки и сынка, нечего и говорить: онъ издавалъ теперь только какой-то предсмертный храпъ и шипѣнье, да изрѣдка взвизгивалъ, такъ-что самъ даже Платонъ Николаевичъ не могъ различить «Ѣхалъ казакъ за Дунай» отъ своей любимой польки-мазурки. Комната Агаѳьи Максимовны, по-прежнему, напичканная всякою всячиной, не представляла уже болѣе того уюта, какъ встарь. Никто не прибиралъ ея какъ слѣдуетъ; приказанія Агаѳьи Максимовны, ограниченныя неопредѣленнымъ словечкомъ «нѣтъ», не исполнялись, и безпорядокъ въ комнатѣ возрасталъ не по днямъ, а по часамъ. Казалось, скоро негдѣ будетъ ни стать, ни сѣсть. И большое нужно было самоотверженіе, чтобы стоять тутъ, или сидѣть. Воздухъ былъ такого свойства, что продышать имъ полчаса — хоть у кого разболѣлась-бы голова. Василиса, всё еще процвѣтавшая въ домѣ и все болѣе и болѣе толстѣвшая и оплывавшая, не отличалась, какъ извѣстно, особеннымъ самоотверженіемъ и преданностью интересамъ Агаѳьи Максимовны и Платона Николаевича, и сидѣла у постели старухи только по нѣскольку минутъ съ часовыми и двухчасовыми антрактами, хотя приказаніемъ Платона Николаевича и было поставлено ей въ обязанность — не отходить ни на шагъ отъ постели больной. Но такъ-какъ Платонъ Николаевичъ самъ рѣдко сидѣлъ дома, то и не трудно было не исполнять его приказаній. Старуха и рада-бы пожаловалась, да не можетъ. Даже и то прошло Василисѣ безнаказанно, что она, кормя старуху, вышибла ей ложкой (впрочемъ, безъ намѣренія) единственный ея зубъ, давно уже переставшій служить термометромъ кипучаго сердца Агаѳьи Максимовны. Старуха пыталась, правда, передать своему Платошѣ постигшую ее

Digitized by Google

непріятность; но изъ «нѣтъ, нѣтъ», Платонъ Николаевичъ ничего не понималъ, и наконецъ только, какъ озаренный, воскликнулъ: «А! зубъ у васъ, маменька, выпалъ!» Маменька, разумѣется, отвѣчала: «нѣтъ!» и на этотъ разъ совершенно-справедливо, потому-что зубъ у нея не выпалъ, а она проглотила его по милости Василисы. Василиса улыбалась, и улыбкой своей только увеличивала безсильное и безполезное раздраженіе Агаѳьи Максимовны. — Постарѣлъ и измѣнился и Платонъ Николаевичъ, — и какъ измѣнился! На мѣстѣ горделиваго локона, завившагося съ праваго виска на подобіе сосиски, теперь изъ-подъ рѣдкихъ волосъ предательски сквозила лысина; опухшее лицо его, на которомъ проступилъ какой-то сизый румянецъ, давно уже не вызывало ни въ комъ прежняго чувства, того чувства, которое заставляло нѣкогда барынь и барышень средней руки именовать Платона Николаевича «красавцемъ-мужчиной». Вообще весь онъ какъ-то опустился и былъ очень подстать пыльной мебели въ своей гостиной и охрипшему органу. Къ тому-же, мало-по-малу Платонъ Николаевичъ совершенно утратилъ склонность къ щегольству, такъ выгодно отличавшую его когда-то. Куда дѣлись и бѣлоснѣжные воротнички и манишки, и тщательно вычищенные сюртукъ и сапоги? Духовъ и въ поминѣ уже не было; отъ Платона Николаевича пахло теперь не «букетомъ императрицы», не эссенціею изъ тысячи цвѣтовъ», а большею частью водкой.

Шавровы пріѣхали подъ-вечеръ. Между прочимъ Василій Петровичъ разсчитывалъ, что, отдохнувъ послѣ обѣда, Платонъ Николаевичъ бываетъ обыкновенно свѣжѣе, чѣмъ въ остальное время дня, кромѣ развѣ ранняго утра, и слѣдовательно произведетъ на Пашеньку менѣе-непріятное впечатлѣніе. Онъ и не ошибся. Правда, Платонъ Николаевичъ успѣлъ уже выпить послѣ сна бутылку пива, но его еще не разобрало съ нея.

Онъ уже совсѣмъ одѣлся, чтобы идти со двора, когда вошелъ Василій Петровичъ и представилъ ему сестру.

— Пашенька.... Прасковья Петровна, воскликнулъ Платонъ Николаевичъ: — какъ вы выросли, какъ похорошѣли!

Digitized by Google

Позвольте поцѣловать вашу ручку. Вѣдь мы старые знакомые — когда-то на рукахъ васъ носилъ.

Пашенька, не безъ нѣкотораго отвращенія, прикоснулась губами къ колючей щекѣ Платона Николаевича, когда онъ цѣловалъ ея руку.

— Вы хорошѣете и расцвѣтаете, а мы ужъ въ землю растемъ, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — я-то еще ничего, а вотъ маменька совсѣмъ ужъ плоха. Конечно, васъ не узнаетъ, если не сказать. А какъ скажемъ — вотъ увидите, какъ обрадуется.

— Пойдемте къ ней, перебилъ его Василій Петровичъ.

Пашенька чувствовала какую-то неловкость и рѣшительно не находила словъ, чтобы поддержать разговоръ съ Платономъ Николаевичемъ.

Отворивъ дверь въ душную спальню, Платонъ Николаевичъ крикнулъ шутливымъ тономъ:

— Старуха! спишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, раздалось въ отвѣтъ съ постели.

— Знаешь-ли, кто къ намъ пріѣхалъ? а! Посмотри-ка!

Пашенька подошла къ постели старухи, и сказала:

— Здравствуйте, тетенька.

При довольно-скудномъ свѣтѣ сальнаго огарка, еле теплившагося въ углу на столѣ, старуха съ любопытствомъ и удивленіемъ всматривалась въ дѣвушку, и все тихо повторяла: «нѣтъ, нѣтъ!»

— Не узнали, маменька? началъ опять Платонъ Николаевичъ. — Да вѣдь это Пашенька — Прасковья Петровна.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнула радостнымъ голосомъ Агаѳья Максимовна.

— Чего нѣтъ! возразилъ Платонъ Николаевичъ: — да. Ужь я-жь вамъ говорю, что это Пашенька. Изъ Петербурга вчера пріѣхала.

— Нѣтъ! нѣтъ! тѣмъ же радостнымъ тономъ повторила Агафья Максимовна.

И опять таки Платонъ Николаевичъ возразилъ ей:

Да, а не нѣтъ, вамъ говорятъ. Изъ Петербурга пріѣхала, хотѣла съ вами повидаться. А вы, нѣтъ да нѣтъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! плаксиво воскликнула Агаѳья Максимовна.

Digitized by Google

— Ахъ, ты, Боже мой! затвердила свое «нѣтъ». Да, вамъ говорятъ, да.

— Нѣтъ! нѣтъ! вопила Агаѳья Максимовна, ужъ всхлипывая.

Слезы катились у нея по худымъ и блѣднымъ щекамъ.

— Платонъ Николаевичъ! сказала Пашенька: — какъ вамъ не грѣхъ? Вѣдь тетенька ничего больше не можетъ сказать; зачѣмъ же вы ее раздражаете?

— Хе, хе! засмѣялся Платонъ Николаевичъ, котораго начинало ужъ, по видимому, разбирать пиво:—я, знаете, все думаю, Прасковья Петровна, какъ этакъ примешься съ ней спорить, она разсердится, да и брякнетъ вдругъ, вмѣсто своего «нѣтъ» — «да!» Право.

— Нѣтъ! нѣтъ! всхлипывала между тѣмъ Агаѳья Максимовна.

— Какъ вамъ не стыдно! сказала Платону Николаевичу Пашенька.

Ей было такъ тяжело видѣть эту сцену, что она поспѣшила сократить визитъ, и шепнула брату.

— Поѣдемъ, Вася.

— Поѣдемъ, согласился Василій Петровичъ:—здѣсь просто дышать невозможно.

— Что же вы не посидѣли, Прасковья Петровна? говорилъ, провожая ее въ прихожую Платонъ Николаевичъ: — а вѣдь старуха моя какъ вамъ обрадовалась! я того и ждалъ, что она скажетъ: «да», вмѣсто «нѣтъ».

Пашенька торопливо покрывала себѣ голову теплымъ платкомъ и надѣвала салопъ: ей хотѣлось на воздухъ — подъ кровлей Платона Николаевича такъ стѣснялось дыханіе.

— Какъ можетъ упасть человѣкъ! сказала она брату, садясь въ сани: — у него, кажется, ужъ никакого чувства не осталось. Такъ мучить бѣдную старушку! Вѣдь она мать его.

— Онъ совсѣмъ человѣкъ потерянный! Замѣтилъ Василій Петровичъ.

— А вѣдь, мнѣ помнится, покойная тетенька Анна Васильевна говорила, что онъ и уменъ, и....

— А я тебѣ скажу, перебилъ ее братъ: — что онъ всегда

Digitized by Google

былъ глупъ. Воровалъ на службѣ, правда; да вѣдь на это большаго ума ненужно: тутъ ужъ все заранѣе устроено — только не зѣвай.

— Все-таки мнѣ жаль его, сказала Пашенька.

— Жалѣй не жалѣй—не поможешь, заключилъ Василій Петровичъ: — онъ совсѣмъ человѣкъ потерянный.

При этомъ Шавровъ, разумѣется, умолчалъ, что одного изъ главныхъ причинъ настоящаго бѣдственнаго положенія благодѣтельнаго родственника былъ онъ, Василій Петровичъ, и именно вотъ какъ.

Платонъ Николаевичъ, какъ извѣстно, отличавшійся вообще большою слабостію къ женскому полу, особенно плѣнился въ послѣднее время службы своей, время неудачь и непріятностей, вдовою Евграфа. Маша, какъ мы говорили уже, пренебрегала исканіями Платона Николаевича—и пренебрегала бы можетъ быть долго, еслибъ Василій Петровичъ не взялъ на этотъ разъ стороны своего благодѣтеля. Дѣло это сдѣлалось не совсѣмъ безкорыстно. Шавровъ какъ-то сильно проигрался въ карты, и обратился къ Машѣ, чтобы она достала ему денегъ. Маша, конечно, была не мало удивлена такимъ требованіемъ, и не знала, какъ его удовлетворить; но Василій Петровичъ сказалъ, что все уладитъ, только бы она ему не перечила. Нечего много разсказывать, какъ онъ это уладилъ. Платонъ Николаевичъ попрежнему чувствовалъ нѣжное влеченіе къ Машѣ, и готовъ былъ очень дорого купить ея расположеніе. Какъ во всѣхъ своихъ похожденіяхъ (за единственнымъ исключеніемъ исторіи съ Васей), и тутъ Маша поддалась не вдругъ, и Платону Николаевичу пришлось усадить не мало денегъ, прежде чѣмъ онъ могъ назвать себя счастливымъ. Но едва ли не больше сталъ онъ тратиться послѣ своего счастья. Маша, при посредствѣ своего пріятеля, пріучила Платона Николаевича еще болѣе къ вину, отъ котораго онъ и всегда былъ не прочь. Что ни день, новая прихоть Маши извлекала деньги изъ бумажника Войлокова и что ни день, больше и больше привязывался Платонъ Николаевичъ къ хорошенькой вдовѣ. Онъ уже ничего не жалѣлъ для нея, принялся просто сорить деньгами; благоразуміе усыплялось въ немъ ви-

Digitized by Google

номъ. Владѣй еще языкомъ Агаѳья Максимовна, можетъ-быть ея протестъ хоть сколько-нибудь удерживалъ сына въ границахъ; но съ ея единственнымъ «нѣтъ», нельзя было ничего сдѣлать.

V.

Въ первое воскресенье Пашенька пошла съ братомъ въ соборъ, къ обѣдни. Отъѣздъ ея изъ Петербурга произошелъ безъ всякой таинственности, и потому ненужно было бросать платьевъ, о которыхъ такъ жалѣла Катерина. Изящный петербургскій костюмъ Пашеньки, разумѣется, обратилъ на нее вниманіе многихъ барынь въ церкви.

Когда Василій Петровичъ явился въ понедѣльникъ къ должности, одинъ изъ совѣтниковъ, Михаилъ Мироновичъ Флоринскій, среднихъ лѣтъ холостякъ, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, съ кѣмъ онъ былъ вчера въ соборѣ.

— Это сестра моя, Михаилъ Мироновичъ, отвѣчалъ Шавровъ.

— Давно пріѣхала?

— На дняхъ-съ.

— Я слышалъ, она воспитывалась въ Петербургѣ. Говоритъ по французски?

— Какже.

— И на фортепьянахъ играетъ?

— Да-съ, она хорошая музыкантша.

Это пріятно слышать. Я надѣюсь, вы не будете держать ее въ четырехъ стѣнахъ. Такая прекрасная, образованная дѣвушка была бы пріобрѣтеніемъ для общества.

— Покорно васъ благодарю за такое доброе мнѣніе о моей сестрѣ, Михайло Мироновичъ; она, впрочемъ, не хочетъ почему-то заводить здѣсь знакомствъ.

— Напрасно, напрасно; я увѣренъ, она, при ея образованіи, была бы вездѣ принята съ удовольствіемъ. — Есть у васъ фортепьяны?

— Нѣтъ-съ, Михайла Миронычъ.

— Вотъ хоть бы и для одного этого.... Этакъ она и музыку забудетъ. Въ обществѣ, знаете, все и поиграла бы.

Digitized by Google

Для музыки необходима практика. Да и для французскаго языка — тоже. Вѣдь вы по французски не говорите?

— Нѣтъ-съ.

— Вотъ видите! Значитъ, дома ей не будетъ никакой практики.

— Можетъ быть, Михайла Миронычъ, она и перемѣнитъ намѣреніе свое сидѣть дома.

— Да, да, и вамъ надо стараться, чтобы перемѣнила. Я не говорю — знакомиться со всѣмъ городомъ. Это и тяжело, и.... Но покрайней мѣрѣ съ нѣкоторыми — съ избранными.... Это необходимо. — Вотъ хоть бы матушка моя.... Она будетъ очень рада видѣть у себя вашу сестрицу. И рояль у насъ есть. Ну, а тамъ еще два-три дома — вотъ и довольно. Она могла бы и выѣзжать съ матушкой. А то кстати ли молодой дѣвушкѣ сидѣть запершись въ четырехъ стѣнахъ? Когда же и повеселиться, какъ не теперь?

— Я передамъ сестрѣ ваше желаніе, Михайла Миронычъ, и вѣроятно она на дняхъ будетъ у вашей матушки.

— И вы тоже заѣзжайте!

— Покорно васъ благодарю.

Флоринскій ласково кивнулъ Шаврову головой, и ушелъ въ присутствіе.

— Что онъ съ тобой говорилъ? спрашивали Василья Петровича товарищи.

— Такъ, ничего; въ гости къ себѣ звалъ.

— Въ гости?!

— Да.

— Э! да ты, братъ, нынче въ гору лѣзешь! Совѣтникъ его въ гости къ себѣ зоветъ!

— Удивительно важное кушанье!

— Да вѣдь вотъ насъ не зоветъ же.

— Вы совсѣмъ другое дѣло.

Вопросами своими Михаилъ Мироновичъ обличалъ нѣкоторое сходство съ Платономъ Николаевичемъ — разумѣется, не съ нынѣшнимъ Платономъ Николаевичемъ, который возбуждалъ только жалость или отвращеніе, а съ прежнимъ Платономъ Николаевичемъ, съ тѣмъ, который еще гордо носилъ свой локонъ, закрученный съ праваго виска, и меч-

Digitized by Google

талъ о приличной партіи. Прежній Платонъ Николаевичъ не могъ бы конечно распрашивать объ Ольгѣ Владиміровнѣ иначе, чѣмъ распрашивалъ теперь Михаилъ Мироновичъ о Пашенькѣ.

Только впрочемъ желаніемъ жениться на образованной дѣвушкѣ, говорящей по французски и играющей на фортепьянахъ, и ограничивалось сходство, да развѣ тѣмъ еще, что и у Михайлы Мироновича была маменька, которая жила съ нимъ.

Между маменькой и имъ существовали однакожъ совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ между Платономъ Николаевичемъ и его почтенной родительницей. Въ домѣ Флоринскаго господствовалъ полный миръ; взгляды маменьки и сына были во всемъ согласны. Если же этотъ миръ и смущался иногда, очень впрочемъ рѣдко, легкимъ, мимолетнымъ облачкомъ, то ни одинъ посторонній глазъ не могъ этого замѣтить.

Наружность Михаила Мироновича была изъ числа очень обыкновенныхъ, если выключить огромную лысину, начинавшуюся прямо со лба. Флоринскій и не думалъ прикрывать ее парикомъ; напротивъ, онъ даже какъ-будто гордился недостаткомъ волосъ, вѣроятно какъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ по службѣ. При томъ лысина въ ранніе года, какъ извѣстно, считается полезною для служебной карьеры: никто не скажетъ, что человѣкъ, обладающій такимъ украшеніемъ, слишкомъ молодъ, если бы ему случилось хлопотать о полученіи почтеннаго и виднаго мѣста.

Всѣ въ городѣ считали Михаила Мироновича очень выгоднымъ и приличнымъ женихомъ. Не говоря уже о быстромъ ходѣ его по службѣ, какъ было не обратить особеннаго вниманія на его чрезвычайно порядочныя манеры, вѣроятно плодъ тонкаго воспитанія и свѣтской столичной жизни.

Маменька его считалась тоже очень умной и образованной дамой, и занимала одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ губернскомъ обществѣ.

Такое положеніе Флоринскіе заняли въ городѣ сразу, какъ только переселились сюда изъ Петербурга, гдѣ Миха-

Digitized by Google

илъ Мироновичъ началъ свое поприще въ одномъ изъ департаментовъ.

Шавровъ въ тотъ же день сообщилъ сестрѣ о вниманіи къ нему совѣтника и о его приглашеніи.

— Мы къ нему отправимся въ будущее воскресенье, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? спросила Пашенька.

— Какъ зачѣмъ? Не все же тебѣ дома сидѣть!

— Я ужъ говорила тебѣ, братъ, что мнѣ гораздо пріятнѣе быть одной, или съ тобой. Что я буду дѣлать въ гостяхъ?

— Тоже, что другіе дѣлаютъ. Мнѣ, право, странно смотрѣть на тебя: ты точно старуха какая-то. Вѣдь этакъ жить въ свѣтѣ нельзя, запершись отъ всѣхъ на замокъ.

— Да я и не желаю жить въ свѣтѣ, я говорила тебѣ объ этомъ.

— Ну, опять ты за свою пѣсню! Неужто такъ понравилось тебѣ съ тетушкой покойницей въ монастырѣ?

— Да, я бы желала опять туда.

— Не понимаю! Но положимъ, что и такъ; все же неловко, я думаю, отвѣчать людямъ на ихъ ласку грубостью. Тебѣ оказываютъ вниманіе, приглашаютъ тебя, а ты отворачиваешься. Да что ты, спрашивается, за важная птица?

— Я вовсе не горда, и только не хотѣла бы заводить лишнихъ знакомствъ. Поѣзжай одинъ, Вася, а я останусь дома!

— Покорно васъ благодарю, сказалъ Василій Петровичъ, и въ голосѣ его слышалась сильная досада.

— Ты сердишься, Вася? спросила его сестра.

— И не думаю, отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ, и сталъ ходить по комнатѣ.

Пашенькѣ хотѣлось заплакать.

— Развѣ это такъ нужно? спросила она наконецъ послѣ напряженнаго молчанія.

— Нѣтъ, ненужно, отвѣчалъ Василій Петровичъ все съ такою же досадой въ голосѣ. — Что за дѣло, что на брата будутъ коситься, будутъ даже, пожалуй, всячески притѣснять его! Было бы намъ спокойно.

Digitized by Google

Пашенька кинулась къ брату.

— Вася, прости меня! заговорила она умоляющимъ тономъ: — я не знала, что это можетъ повредить тебѣ; я думала, это такіе пустяки.... Прости меня. Я поѣду, куда ты хочешь и къ кому ты хочешь, только бы ты мнѣ сказалъ, что это тебѣ нужно. Ну, погляди же на меня не такъ сердито! Въ воскресенье мы поѣдемъ съ тобой.

Въ знакъ примиренія, Василій Петровичъ обнялъ сестру и поцѣловалъ ее въ щеку.

— Ты этого и не знаешь, началъ онъ спокойнѣе: — что отъ одного его слова можетъ-быть вся моя участь зависитъ. Онъ у насъ знаешь какое лицо важное. Это вѣдь онъ честь мнѣ дѣлаетъ, что приглашаетъ меня съ тобой. Пренебреги я его приглашеніемъ, да онъ никогда не проститъ.

— Ну, полно же, полно! успокоивала его сестра: — я поѣду, и все будетъ ладно. А вѣдь онъ это, вѣроятно, такъ сказалъ, не придавая своимъ словамъ особеннаго значенія.

— Все равно, возразилъ братъ: — какъ бы ни было сказано, хоть на вѣтеръ — пренебрегать нельзя.

Михаилъ Мироновичъ на вѣтеръ не любилъ говорить. Дня черезъ четыре онъ опять напомнилъ Васи о своемъ приглашеніи.

— Что же сестрицы вашей у насъ не видно, Шавровъ? спросилъ онъ, встрѣтивъ Василья Петровича.

— Она собирается къ вамъ въ воскресенье, Михайло Миронычъ, отвѣчалъ Шавровъ. — По буднямъ я занятъ, а она одна ѣхать не хочетъ.

— Пріѣзжайте-ка къ намъ съ нею сего дня обѣдать. Маменька будетъ очень рада.

— Очень хорошо-съ, Михайло Миронычъ.

— Сегодня погода скверная, я за вами пришлю экипажъ. Мы обѣдаемъ въ четыре. Будете?

— Непремѣнно-съ.

— Изъ присутствія можете немного пораньше уйдти — сказать дома.

— Покорно васъ благодарю.

— Да послушайте! сказалъ, понижая голосъ, Михаилъ Мироновичъ: — что это у васъ за страсть къ этимъ матер-

Digitized by Google

чатымъ жилеткамъ съ цвѣточками? Ихъ только мѣщане носятъ. Развѣ у васъ нѣтъ чернаго?

— Есть, Михайло Миронычъ.

— Носите черный; а то это ужасный мовежанръ. Такъ до свиданья!

И Михаилъ Мироновичъ кивнулъ Шаврову еще ласковѣе.

Только-что Флоринскій удалился, Василій Петровичъ подошелъ къ одному изъ товарищей, отъявленному франту, рябому и неказистому, но занимавшемуся собой не хуже знаменитаго Нарцисса. Шавровъ распахнулъ передъ нимъ свой фракъ, и спросилъ, похлопывая обѣими ладонями по груди:

— Что, какъ по твоему эта жилетка?

Франтъ только махнулъ рукой.

— Плоха? спросилъ Шавровъ.

— Прелесть! отвѣчалъ товарищъ:—я ужъ давно думаю, какъ бы себѣ этакую соорудить; да дорого.

— Хочешь, продамъ? Тебѣ въ самую будетъ пору.

— А тебѣ развѣ не въ пору?

— Подъ мышками не много тѣснитъ.

— Вырѣзать можно.

— Нѣтъ, ужъ я лучше новую сошью. Хочешь, такъ покупай!

— Дорого мнѣ.

— Я уступлю.

— Полно?

И Василій Петровичъ тутъ же сбылъ свою жилетку, разсрочивъ уплату чуть не на полгода.

Пашенькѣ очень не хотѣлось ѣхать обѣдать къ Флоринскимъ; но дѣлать было нечего. Василій Петровичъ обѣщалъ быть, и въ половинѣ четвертаго у воротъ остановился экипажъ Михаила Мироновича.

— Одѣнься получше, Поля! сказалъ сестрѣ Василій Петровичъ.

Пашенька надѣла черное платье, которое чрезвычайно шло къ ней. Братъ тоже принарядился: надѣлъ черный жилетъ и черный фракъ.

Маменька Михаила Мироновича сидѣла въ гостиной на

Digitized by Google

диванѣ, съ книгой въ рукахъ, когда пріѣхали гости. Лакей отворилъ дверь, доложилъ, и Шавровы вошли.

Василій Петровичъ видѣлъ госпожу Флоринскую только разъ, и то мелькомъ, такъ что она была для него почти такое же новое лицо, какъ и для Пашеньки.

Каролина Богдановна была когда-то очень хороша; не смотря на ея пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, это всякой бы сказалъ, глядя на нее: яркіе каріе глаза, правильныя черты, бѣлые ровные зубы, можетъ-быть впрочемъ вставныя. Вечеромъ всякой нашелъ бы очень свѣжимъ и цвѣтъ ея лица; но днемъ на полныхъ щекахъ Каролины Богдановны были слишкомъ замѣтны слѣды пудры и румянъ. Къ чести ея слѣдуетъ сказать, что волосъ, по которымъ уже сильно прошла сѣдина, она не красила. Густые сѣрые локоны, всегда очень тщательно завитые спускались изъ подъ кружевнаго чепца по обѣимъ сторонамъ лица и падали чуть не до самыхъ плечъ. Брови были почти совсѣмъ еще черны.

И въ это утро, какъ всегда, Каролина Богдановна была одѣта очень щеголевато и со вкусомъ, въ толстомъ шелковомъ коричневомъ платьѣ, въ черной бархатной мантильѣ. Изъ подъ широкихъ рукавовъ платья падалъ цѣлый каскадъ кружевъ на ея еще довольно красивыя, бѣлыя и полныя руки. Сбросивъ съ себя мантилью, госпожа Флоринская могла бы похвалиться и своей таліей, которую очень стройно обнимало поверхъ корсета платье. Если на Каролинѣ Богдановнѣ не было кринолинъ, то единственно потому, что это геніальное изобрѣтеніе не существовало еще даже и въ головѣ знаменитаго изобрѣтателя, имени котораго я къ сожалѣнію не знаю.

Пашенькѣ Каролина Богдановна не понравилась; она почувствовала сразу какую-то неловкость въ ея присутствіи, не смотря на самый ласковый, самый радушный пріемъ.

— Садитесь пожалуйста сюда, на диванъ, около меня, сказала густымъ контральто хозяйка, когда гостья хотѣла сѣсть рядомъ съ диваномъ на кресло. — Monsieur Шавровъ, je vous prie! обратилась она и къ Василью Петровичу, указывая на кресла и несправившись, понимаетъ ли онъ что-нибудь по французски.

Digitized by Google

Василій Петровичъ сѣлъ подальше.

И ему Каролина Богдановна не понравилась: онъ все глядѣлъ на нее и думалъ, что она должна быть жидовскаго происхожденія и вѣрно очень весело провела свою молодость.

— Я такъ рада, мадемуазель Полинъ.... Кажется, я не ошибаюсь? продолжала Флоринская.

Пашенька утвердительно кивнула головой.

— Я такъ рада, что сынъ доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами. Знаете ли вы, что вы обратили на себя всеобщее вниманіе въ соборѣ?

Пашенька покраснѣла.

— А Мишель мой говорилъ, что вы не хотите ни съ кѣмъ знакомиться въ городѣ. Признаюсь, это меня очень огорчило. Да и не одну меня. Всѣ такъ интересовались вами. Только и говорили: вотъ новая дѣвица пріѣхала—невѣста. Вся молодежь такъ и встрепенулась. Здѣсь общество бѣдно дѣвицами — просто на рѣдкость бѣдно. Я, разумѣются, говорю о дѣвицахъ de la bonne societé. Нѣтъ, вы непремѣнно должны выѣзжать. Съ вашимъ личикомъ, съ вашимъ образованіемъ....

— Вы заставляете меня краснѣть, перебила Пашенька, и точно покраснѣла еще больше.

— Вѣдь я вамъ не льщу, продолжала Каролина Богдановна:—нельщу ни на волосокъ. Хотите, скажу вамъ даже какой у васъ большой порокъ? Хотите?

— Пожалуйста, отвѣчала смущенная Пашенька.

— Ваше домосѣдство, ваше желаніе прятаться отъ всѣхъ — большой порокъ. Всѣ въ городѣ помнятъ еще вашихъ папа и maman; всѣмъ будетъ такъ пріятно, если вы займете въ обществѣ ихъ мѣсто. Они пользовались такимъ уваженіемъ. Вотъ не дальше, какъ вчера, говорила мнѣ прокурорша про вашу маменьку: какая, говоритъ, это была милая, веселая женщина; ее, говоритъ, называли душой общества. И прибавила къ этому: я была бы, говоритъ, очень очень рада, если бы мадемуазель Полина вспомнила, какъ я была дружна съ ея матерью и навѣстила меня. Надо вамъ заѣхать къ ней....

— Я, право, не знаю... проговорила Пашенька, все бо-

Digitized by Google

лѣе и болѣе смущаясь этимъ быстрымъ потокомъ любезныхъ и праздныхъ словъ.

— Знаете, что? Вы вѣдь никогда не соберетесь сами. Я это по глазамъ вижу. Я поѣду нынче въ воскресенье съ визитами, заѣду за вами, и мы вмѣстѣ отправимся къ Аннѣ Михайловнѣ. Согласны?

Пашенька поблагодарила.

— Да вамъ бы надо еще познакомиться съ губернаторшей, продолжала Каролина Богдановна: — она такая милая, такая радушная женщина. Притомъ у нихъ такъ пріятно бывать по вторникамъ: танцы, музыка...

— Братъ мой, кажется, не бываетъ у губернатора, рѣшилась возразить Пашенька.

Каролина Богдановна быстро обернулась къ Василью Петровичу.

— Вы не бываете? спросила она.

— Нѣтъ-съ, вѣжливо отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Да, точно я не встрѣчала васъ тамъ. Но отчего же и вамъ не бывать? Мой Мишель съ удовольствіемъ представитъ висъ. Это будетъ очень ловко: онъ вашъ начальникъ. Вѣдь вы танцуете?

— Очень плохо, отвѣчалъ Шавровъ.

— Ахъ, это непростительно для молодаго человѣка! воскликнула Каролина Богдановна. — Нынче вся молодежь какая-то стала вялая, не умѣетъ веселиться. Нѣтъ, вамъ надо учиться танцовать. Что вы не берете уроки у Дотти? говорятъ, у него въ танцклассѣ очень порядочное общество бываетъ.

— Два нашихъ чиновника у него учатся, замѣтилъ Василій Петровичъ.

— Вотъ и вамъ бы съ ними, посовѣтовала Флоринская. — Видно, и у васъ такой же характеръ, какъ у сестрицы? Это нехорошо. Молодому человѣку надо быть живымъ, развязнымъ, веселымъ. — Вѣдь вы теперь прямо изъ Петербурга, мадемуазель Полинъ? обратилась Каролина Богдановна къ Пашенькѣ.

— Да, изъ Петербурга, отвѣчала Пашенька.

— Ахъ, Петербургъ — это страсть моя, продолжала

Digitized by Google

Флоринская. — Вы не повѣрите, какъ тяжело мнѣ было привыкать къ провинціи послѣ петербургской жизни. Вѣдь я постоянно тамъ жила, тамъ и родилась, и замужъ вышла, тамъ и Мишель мой воспитывался и началъ свою карьеру. Я и до сихъ поръ не могу отучиться отъ смѣшной привычки говорить: «у насъ въ Петербургѣ».

Каролина Богдановна засмѣялась. Пашенька для приличія тоже улыбнулась.

— Вы, я слышала, такая отличная музыкантша, заговорила опять Флоринская: — вѣрно часто бывали въ оперѣ. Это моя страсть была — итальянская опера. Скажите, Рубини все еще тамъ? Что это за чудный голосъ! Помните его въ «Пуританахъ?»

Въ то время, какъ Пашенька отвѣчала, въ гостинную вошелъ Михаилъ Мироновичъ, только-что воротившійся домой.

Василій Петровичъ всталъ со стула; по мѣсто его было въ сторонѣ, и Флоринскій прошелъ прямо къ переддиванному столику съ ковромъ и лампой, за которымъ сидѣла съ своей гостьей Каролина Богдановна.

— Сынъ мой, отрекомендовала Каролина Богдановна: — мадемуазель Шавровъ.

— Давно желалъ имѣть счастье представиться вамъ, проговорилъ съ утонченной вѣжливостью и раскланиваясь, Михаилъ Мироновичъ. — Братецъ вашъ вѣрно говорилъ вамъ объ этомъ. Да гдѣ же онъ?

— Вотъ онъ, показала Пашенька.

— А! здравствуйте! воскликнулъ Флоринскій, поворачиваясь. — Извините, я и не замѣтилъ васъ, входя.

— Ничего-съ, отвѣчалъ Шавровъ.

— Здравствуйте! повторилъ Михаилъ Мироновичъ, подавая ему руку, или, правильнѣе сказать, два пальца.

Затѣмъ Михаилъ Мироновичъ подсѣлъ къ столу, и началъ занимательную бесѣду вопросами, какъ нравится Пашенькѣ городъ, помнитъ ли она его съ дѣтства или онъ показался ей совершенно новымъ, и т. п. Пашенька отвѣчала довольно коротко.

Наконецъ Михаилъ Мироновичъ не утерпѣлъ, чтобы не

Digitized by Google

заговорить о томъ же, о чемъ говорила уже такъ долго и скучно его маменька, именно о домосѣдствѣ Пашеньки, о не желаніи ея знакомиться и проч. Еслибъ онъ зналъ, какъ непріятна Пашенькѣ эта болтовня, онъ разумѣется лучше бы молчалъ.

— Вотъ я говорила мадемуазель Полинъ, сказала между прочимъ Каролина Богдановна: — что ей надо непремѣнно познакомиться съ губернаторшей. У нихъ такъ пріятно по вторникамъ.

— Да, да, согласился Михаилъ Мироновичъ: — всѣ проводятъ у нихъ время съ большимъ удовольствіемъ. Вы вѣдь вѣрно большая охотница до танцевъ? обратился онъ къ Пашенькѣ.

— Напротивъ, отвѣчала она: — я танцовать не люблю.

— Можетъ быть вы думаете, что послѣ петербургскаго общества, здѣшнее, провинціальное... началъ было Михаилъ Мироновичъ.

— Я вовсе не знаю петербургскаго общества, перебила его Пашенька: — я тамъ никуда почти невыѣзжала.

— Мадемуазель Полинъ говоритъ, сказала Каролина Богдановна: — что ей неловко бывать у губернатора, потому что тамъ не бываетъ ея братецъ. Я съ этимъ согласна; но говорю, что ничего нѣтъ легче, какъ бывать тамъ и мосьё Шаврову. Ты можешь представить его... какъ своего подчиненнаго, какъ чиновника, который служитъ у тебя... Не правда ли?

Михаилъ Мироновичъ посмотрѣлъ, какая жилетка на Шавровѣ, и отвѣчалъ:

— Да, отчего-жъ не представить? Разумѣется... съ удовольствіемъ.

Тутъ слуга доложилъ, что кушанье подано, и всѣ пошли въ столовую.

Столъ былъ накрытъ на пять приборовъ, и около него стояла уже особа женскаго пола, лѣтъ за тридцать, съ смуглымъ, очень непривлекательнымъ, кислымъ и подобострастнымъ лицомъ. На ней было старенькое, обдерганное черное шолковое платье и на шеѣ красная косыночка, завязанная на подобіе бабочки.

Digitized by Google

При входѣ гостей и хозяевъ, эта особа закатила нѣсколько глаза, причемъ обнаружила огромныя какъ у негритянки бѣлки, затѣмъ сладко улыбнулась и медленно, съ разсчитанной граціей, присѣла. Лицо ея изображало такую невинность, что Василью Петровичу захотѣлось ее прибить. Пашенька сразу почувствовала къ ней антипатію.

— Это Аграфена Ивановна... Черепкова, сказала мелькомъ Каролина Богдановна.

Передъ фамиліей она немного запнулась, словно немогла вдругъ ее припомнить. Это вовсе неудивительно: Аграфена Ивановна была извѣстна просто подъ именемъ Аграфены Ивановны; многіе были знакомы съ нею лѣтъ двадцать, но на вопросъ: «вы знаете Черепкову?» отвѣчали обыкновенно отрицательно; стоило впрочемъ прибавить: «Аграфену Ивановну,» и всякой восклицалъ: «А! Аграфену Ивановну! какъ ея не знать?» И точно не было, я думаю, человѣка въ городѣ, который бы не зналъ ея.

Пашенька помѣстилась за столомъ между ею и хозяйкой.

Тотчасъ же послѣ супа, Аграфена Ивановна обратилась къ Пашенькѣ со словами:

— А вы вѣрно совсѣмъ не помните меня, Прасковья Петровна?

Пашенька довольно пристально посмотрѣла на свою сосѣдку и отвѣчала:

— Я уѣхала отсюда, когда мнѣ было всего шесть лѣтъ.

— Ахъ, да! точно! согласилась Аграфена Ивановна: — какъ время-то идетъ! А мнѣ такъ это живо представляется, словно вчера... Маменька ваша, тетенька Анна Васильевна... Я имъ такъ много обязана! онѣ такъ меня ласкали!

— Вы бывали у насъ? спросила Пашенька, чтобы что нибудь спросить.

Какъ-же! какъ-же! отвѣчала Аграфена Ивановна. — Анна Васильевна покойница такъ была ко мнѣ добра. Бывало, увидитъ меня въ воскресенье у обѣдни въ соборѣ, или въ крестовой — она больше въ крестовой любила бывать — тотчасъ подойдетъ. «Поѣдемте, говоритъ, Аграфена Ивановна, къ намъ; вы вѣдь, я думаю, тоже, говоритъ, чайку не

Digitized by Google

пили.» Если никуда не отозвана, я, бывало и поѣду. Часто и обѣдывала у васъ.

— Вообще о семействѣ вашемъ, вмѣшался Михаилъ Мироновичъ, обращаясь къ Пашенькѣ: — особенно о батюшкѣ, сохранилась самая добрая память. Я думаю, вамъ очень пріятно это слышать?

— Конечно, отвѣчала Пашенька, хотя всѣ эти похвалы и разсказы очень казались ей похожими на лесть.

Она однаго только непонимала, съ какою цѣлью хотятъ ей льстить.

— Еели бы вы измѣнили ваше рѣшеніе, продолжалъ Михаилъ Мироновичъ: — и стали бы выѣзжать, увидали-бы наше общество, вы отъ всѣхъ услыхали бы тоже, что отъ меня.

— А я такъ была огорчена, вы не повѣрите, что мнѣ не удалось отдать послѣдній долгъ вашему батюшкѣ, начала опять Аграфена Ивановна. — Въ то время, какъ онъ скончался — это такъ чеожиданно случилось — въ то время меня въ городѣ не было: я гостила у Марьи Максимовны Любимцевой... въ деревнѣ у нихъ, верстъ отсюда за сорокъ... Я у нихъ была принята, можно сказать, какъ родная. Вы вѣрно и Марьи Максимовны непомните, а онѣ были очень дружны съ вашей маменькой...

Въ этомъ родѣ разговоръ шелъ во все придолженіе обѣда. Обѣдъ былъ очень хорошъ; къ дессерту Михаилъ Мироновичъ купилъ самыхъ лучшихъ конфектъ: самъ выбралъ, заѣхавши въ кондитерскую по дорогѣ изъ должности домой.

Послѣ обѣда онъ обратился къ Пашенькѣ съ просьбой сыграть что нибудь на фортепьяно.

— Вы вѣрно много играете изъ итальянскихъ оперъ, сказала Каролина Богдановна. — Не играете ли вы послѣдней аріи изъ «Лучіи?» Я такъ ее люблю. Помните, какъ чудно пѣлъ ее Рубини.

— Я почти ничего не знаю наизустъ, сказала Пашенька.

— Не найдете ли вы тутъ чего-нибудь знакомаго, сказала Флоринская, подвигая къ Пашенкѣ цѣлый ворохъ старыхъ нотъ на крышкѣ рояля. — Впрочемъ, прибавила она: — это все самая легкая музыка — больше все танцы... Я ужъ

Digitized by Google

давно не играю, совсѣмъ какъ-то отстала... Есть и романсы тутъ. Вы не поете?

— Почти нѣтъ, отвѣчала Пашенька.

Она стала перебирать ноты. Это было жалчайшее старье, разныя польки и вальсы, давно вышедшія изъ моды, да двѣ-три плохія французскія pièces de salon, годныя для шестилѣтнихъ пьянистокъ. Каролина Богдановна тѣмъ не менѣе хвалила многое изъ этой дряни.

— Ахъ! вотъ романсъ «Бывало! бывало!» Вы вѣрно его знаете. Неправда ли, прелестный? А вотъ полька «La plus jolie.» Я помню, какъ она только-что вышла, всѣ въ Петербургѣ съ-ума отъ нея сходили. Сыграйте пожалуйста. Вы вѣрно разыграете ноты à livre ouvert.

— Нѣтъ, ужъ я лучше сыграю вамъ что-нибудь наизусть, сказала Пашенька.

— Можно послать къ вамъ, за вашими нотами, предложилъ Михаилъ Мироновичъ.

— Ахъ, не безпокойтесь пожалуйста! возразила ему Пашенька: — я вамъ и такъ что-нибудь сыграю.

Михаилъ Мироновичъ открылъ фортепьяно, и Пашенька стала играть каприччіо Мендельсона.

— Ахъ, какъ мило! ахъ, какъ мило! хвалила Каролина Богдановна, обращаясь къ Василью Петровичу, который тоже въ первый разъ слышалъ игру сестры. — Какой тушъ! бѣглость какая!

— Души какъ много! вотъ что мнѣ ужасно нравится! замѣтила Аграфена Ивановна, вся превратившаяся въ подобострастную улыбку.

— Да, вы артистка, артистка! повторялъ отъ времени до времени Михаилъ Мироновичъ, слегка наклоняя голову.

У Пашеньки горѣли щеки, и она играла отъ всѣхъ этихъ похвалъ хуже обыкновеннаго.

Когда она кончила, похвалы посыпались на нее въ еще большемъ обиліи. Михаилъ Мироновичъ утверждалъ, что Пашенька первоклассная артистка и что такой игры, какъ ея, онъ не слыхалъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ бывалъ въ лучшихъ концертахъ.

— Ну скажите, маменька, заключилъ онъ: — есть ли

Digitized by Google

возможность сравнивать эту игру съ игрой старшей Картошовой? А еще она считается здѣсь первостепенной пьяницкой.

Каролина Богдановна только презрительно улыбнулась, промолвила: «ахъ!» и махнула рукой.

— Съ какой душой вы играете, Прасковья Петровна! съ какой душой! приставала, продолжая сладостно улыбаться, Аграфена Ивановна. — Душа, по моему, главное въ музыкѣ; а я ни у кого не слыхала такой души. Вотъ Михаилъ Миронычъ говорятъ о мамзель Карташовой... Сравненья никакого нѣтъ. У той хоть бы на волосъ души; а у васъ — ахъ, какая душа!

— И какая это пьеса миленькая! говорила Каролина Богдановна. — Скажите, это изъ оперы какой нибудь, или такъ, салонная пьеса?

— Да, это pièce de Salon, отвѣчала Пашенька.

— Чья?

— Мендельсона.

— Очень мило! А я ничего его не слыхала. Вѣрно изъ новыхъ композиторовъ?

— Нѣтъ, не очень новый.

— Не слыхала, не слыхала. А Кажинскаго вы ничего не играете? Тоже прекрасный композиторъ.

— Нѣтъ.

— Я очень люблю его «Арабскую польку;» только очень трудная пьеса: я ее не могла играть. Но вы бы отлично сыграли. У васъ такая бѣглость въ рукахъ, такъ выработанъ механизмъ!

Пашенька не знала, куда дѣться отъ этихъ похвалъ и разсужденій.

Ей очень хотѣлось уѣхать поскорѣе домой; но это было дѣло не совсѣмъ легкое: и Каролина Богдановна, и Михаилъ Мироновичъ оставляли ее до вечера. Надо было придумать что-нибудь особенное, чтобы вырваться изъ этого омута любезностей, и Пашенька стала жаловаться на головную боль.

— Знаете, что? Сказала на это Каролина Богдановна: — поѣдемте кататься. Это васъ освѣжитъ. Ну, а если не прой-

Digitized by Google

детъ ваша головная боль, я завезу васъ домой. Аграфена Ивановна, распорядилась она: — скажите, чтобы заложили лошадей, пару, въ новыя сани.

Пашенькѣ поневолѣ пришлось согласиться.

Василій Петровичъ все время игралъ страдательную роль. Къ нему лишь изрѣдка обращались съ незначительными вопросами, и только Аграфена Ивановна, по склонности своей къ сердечнымъ изліяніямъ, пристала къ нему съ какими-то разсказами, которые вовсе не развлекли его.

Тѣмъ не менѣе онъ не былъ не доволенъ: независимо отъ вниманія Михаила Мироновича, человѣка очень важнаго для его служебныхъ отношеній, нельзя было пренебрегать и сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ. Шавровъ давно не обѣдалъ такъ хорошо.

Можетъ-быть отъ этого, а можетъ быть и просто по привычкѣ, его началъ клонить послѣ обѣда сонъ, и только-что услыхалъ онъ, что Каролина Богдановна сама проведитъ домой сестру, тотчасъ же откланялся и пошелъ пѣшкомъ въ свой переулокъ.

На прощаньѣ Михаилъ Мироновичъ подалъ ему кажется ужъ не два, а три пальца, и сказалъ:

— Ни забывайте же насъ!

Шавровъ, разумѣется, поблагодарилъ.

Дома онъ тотчасъ же легъ въ постель и минуты черезъ двѣ уже крѣпко спалъ.

Онъ еще не просыпался, когда Каролина Богдановна завезла Пашеньку съ катанья.

VI.

Въ мнѣніи своемъ о Флоринскихъ братъ и сестра совершенно расходились — по крайней мѣрѣ на словахъ. Пашенька находила ихъ скучными и несносными; Василій Петровичъ говорилъ напротивъ, что у нихъ пріятно бывать. Пашенька называла Каролину Богдановну ханжой и пустой женщиной; Василій Петровичъ называлъ ее милой и образованной дамой. Пашенькѣ не хотѣлось повторять визита къ Флоринскимъ; Василій Петровичъ утверждалъ, что никакъ

Digitized by Google

не слѣдуетъ пренебрегать этимъ знакомствомъ, а напротивъ стараться всѣми мѣрами поддерживать его.

— Да зачѣмъ же? Спрашивала Пашенька.

— А хоть бы затѣмъ, что онъ мой начальникъ, отвѣчалъ братъ: — и можетъ мнѣ повредить, если я стану пренебрегать его вниманіемъ.

— Да вѣдь ты прежде не бывалъ у него?

— Не бывалъ, оттого что былъ глупъ: онъ меня много разъ приглашалъ, а я все собирался только.

Василій Петровичъ на этотъ разъ лгалъ.

— Можетъ-быть, у меня бы ужъ давно другое мѣсто было, еслибъ я держалъ себя иначе.

— Неужто тебѣ было у нихъ весело?

— А неужто же скучно? Обѣдъ прекрасный; и онъ, и она такіе радушные.

— Мнѣ показалось, что самъ онъ какъ-то холоденъ къ тебѣ.

— Не обниматься же ему со мной! Ты вспомни, что я его подчиненный — неважная птица.

Пашенька какъ-то не совсѣмъ понимала все это. Что касается Василья Петровича, онъ отлично понялъ, что любезность и ласки Михаила Мироновича и его маменьки ему не слѣдуетъ принимать на свой счетъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ придавалъ имъ большую цѣну, и нисколько не огорчался предпочтеніемъ, оказываемымъ сестрѣ.

Скоро и Пашенька стала догадываться, что она единственный предметъ какого-то особеннаго благоволенія Флоринскихъ, а что братъ ея тутъ не при чемъ.

На третій день послѣ обѣда у Михаила Мироновича къ Шавровымъ зашла Аграфена Ивановна. Василій Петровичъ только-что отправился къ должности, и Пашенька была одна. Она вовсе не ожидала визита дѣвицы Черепковой.

— А я никакъ не утерпѣла, чтобы не побывать у васъ, дорогая Прасковья Петровна! воскликнула самымъ сладкимъ голосомъ Аграфена Ивановна, кидаясь обнимать и цаловать Пашеньку. — Иду мимо; какъ, думаю, не завернуть? Вспомнила, какъ бывало, при покойницѣ Аннѣ Васильевнѣ, заходила къ ней по утрамъ. Она, бывало, всегда скажетъ: «Вотъ

Digitized by Google

хорошо-то, что зашли, Анна Васильевна; я, говоритъ, одна кофею не могу пить; а какъ есть компанія, я и рада.»

— Не хотители ли и теперь? спросила Пашенька, которой было и досадно на непрошенную гостью, и въ тоже время хотѣлось улыбнуться.

— Ахъ! что вы? Развѣ для того я это говорю? вскричала Аграфена Ивановна, спохватившись.

— А что же? теперь не мѣшаетъ выпить кофе, возразила Пашенька. — Сегодня очень холодно, и вы вѣрно озябли.

— Озябла-таки, озябла, отвѣчала Аграфена Ивановна: — только если для меня, Прасковья Петровна, такъ не безпокойтесь пожалуйста!

— Что за безпокойство!

И Пашенька кликнула Катерину. Аграфена Ивановна пришла въ совершенный экстазъ, узнавши, что и Катерина пріѣхала съ Пашенькой. Она съ такою же радостью, чуть не со слезами на глазахъ, кинулась обнимать старуху и припоминать ей разныя происшествія изъ давнишней старины.

Катерина сначала тоже какъ будто обрадовалась; но потомъ, словно и сама припомнила что-то, какъ-то вдругъ охладѣла къ ласкамъ Аграфены Ивановны и очень нелюбезно сказала посреди самаго пыла разсказовъ Аграфены Ивановны:

— Вы меня извините, Аграфена Ивановна, я пойду кофей варить.

— Ахъ, какая это у васъ безцѣнная женщина, Прасковья Петровна! воскликнула Аграфена Ивановна, когда Катерина удалилась. — Я думаю, она на васъ не даетъ вѣтерку дунуть.

— Да, отвѣчала Пашенька: — она такъ меня любитъ, и я къ ней такъ привязана. Я и вообразить этого не могу, чтобы разстаться съ ней.

— Да вѣдь и она-то, я думаю, ни за что бы съ вами не разсталась. Выняньчила васъ, выростила.

И Аграфена Ивановна пустилась въ нескончаемыя воспоминанія и разсказы.

Только на время прекратилъ ихъ кофе, на который она

Digitized by Google

напала съ жадностью, отличающей всѣхъ лизоблюдокъ, пробавляющихся чужими обѣдами.

Двѣ чашки кофе настроили Аграфену Ивановну еще пріятнѣе. Отъ воспоминаній о старинѣ она перешла къ настоящему, и принялась разсыпаться передъ Пашенькой въ самой приторной лести. Какъ ни непріятны были Пашенькѣ льстивыя похвалы гостьи, она не знала, какъ остановить ихъ.

Между-прочимъ многое въ нихъ не только непріятно поражало ее, но и удивляло. Чуть не послѣ каждыхъ десяти словъ Аграфена Ивановна упоминала о Флоринскихъ, то о маменькѣ, то о сынкѣ, преимущественно впрочемъ о послѣднемъ.

— Я вамъ это скажу за тайну и прошу васъ, не выдайте какъ нибудь меня, сказала она наконецъ: — а Михаила Миронычъ совсѣмъ, что называется, совсѣмъ влюбленъ въ васъ. Съ перваго же разу, какъ увидалъ васъ въ соборѣ, только у него и разговору, что о васъ. Я у нихъ обѣдала въ тотъ день; я же ему и сказала, кто вы такая. Въ церкви я тоже была, видѣла васъ тамъ и тотчасъ же справилась. Какъ сказала я ему, кто вы, онъ и говоритъ мнѣ: «вѣрите ли вы мнѣ, говоритъ, Аграфена Ивановна! Я, говоритъ, въ жизнь мою не видалъ такого ангела!» Я, разумѣется, тутъ ему отвѣчаю: «вы, говорю, всѣ такъ, нонешные молодые люди, а ужъ особенно петербургскіе, какъ увидите хорошенькое личико, такъ и говорите: «ангелъ, ангелъ!» А черезъ два дни, глядишь, и забыли.» А онъ мнѣ на это: «нѣтъ, говоритъ, Аграфена Ивановна, не такія ужъ мои лѣта, чтобы вспыхивать какъ порохъ.» Оно и такъ; а все же ужъ солидный, не вертопрахъ какой и мѣсто занимаетъ важное.

Тутъ слѣдовало цѣлое похвальное слово важному общественному и государственному значенію Михаила Мироновича.

— Потомъ, какъ онъ началъ ужъ очень васъ расхваливать, продолжала Аграфена Ивановна: — я и говорю ему: хотите, говорю, Михайла Миронычъ, я вамъ посватаю? «А онъ мнѣ на это: «разумѣется, говоритъ, еслибы я понравился Прасковьѣ Петровнѣ такъ-же, какъ она мнѣ понравилась, я бы и минуты не подумалъ — женился.» «Да какъ

Digitized by Google

вамъ непонравиться-то? говорю я ему: и видъ у васъ такой, и воспитаніе, и мѣсто. Только кличъ кликнуть, такъ всѣ что есть невѣсты въ городѣ, самыя что ни лучшія, сбѣгутся.»

— Ахъ, Аграфена Ивановна! сдѣлайте одолженіе, прекратите этотъ разговоръ, перебила Пашенька свою словоохотливую гостью: — вы не повѣрите, какъ мнѣ непріятно это слышать.

Аграфену Ивановну слова эти взволновали до глубины души.

Она бросилась къ Пашенькѣ съ объятіями и воскликнула умоляющимъ тономъ:

— Прасковья Петровна: душенька! родная! не сердитесь на меня, ради Христа! Вѣдь это я такъ только, по простотѣ своей сказала, больше оттого, что ничего, кромѣ добра и счастья, вамъ не желаю, помня всѣ благодѣянія и ласки папеньки вашего и маменьки и тетеньки покойницы Анны Васильевны. Ну простите же меня, ангельчикъ мой! скажите, что не сердитесь на меня.

Пашенька поневолѣ улыбнулась.

— За что же мнѣ на васъ сердиться? сказала она.

— Вѣрьте мнѣ, Прасковья Петровна, начала опять увѣрять Аграфена Ивановна: — клянусь вамъ всѣмъ на свѣтѣ, что только по дружбѣ моей сказала эти слова, потому желала бы вамъ отъ всей души всякаго счастія. Вѣрите ли вы мнѣ въ этомъ, Прасковья Петровна?

— Вѣрю, отвѣчала Пашенька.

Аграфена Ивановна поблагодарила и сказала при этомъ, какъ дорого ей вниманіе и расположеніе всѣхъ, какъ только съ такимъ вниманіемъ и расположеніемъ и можно жить на свѣтѣ ей, бѣдной сиротѣ.

— Вы меня поймете, Прасковья Петровна, продолжала она: — вы сами сирота и выросли безъ родительской ласки. Прежде, какъ была я молода, бывало, совсѣмъ иначе смотришь на свѣтъ: тѣмъ пренебрежешь, другимъ пренебрежешь. Личико же было хорошенькое.

Пашенька посмотрѣла на Аграфену Ивановну и какъ-то невольно подумала, что она вретъ и хорошенькаго личика у нея никогда не было.

Digitized by Google

— Потомъ и спохватиться, да поздно, продолжала она. — Вѣдь вотъ вы, пожалуй, не повѣрите мнѣ; а сколько жениховъ у меня было!

— Отчего же не повѣрить? возразила Пашенька.

— Пропасть было за мной ухаживателей, разсказывала, не останавливаясь, Аграфена Ивановна: — тогда тó не понравится, другое, и откажешь жениху. А теперь, какъ посмотришь, кàкъ была глупа тогда, думаешь.

Аграфена Ивановна вздохнула, и на этотъ разъ, по видимому чистосердечно.

— Сватался ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, Тихвинцевъ, Валерьянъ Васильичъ, служилъ онъ тогда въ губернскомъ правленіи столоначальникомъ. Прекрасный такой молодой человѣкъ, видный. У меня прежде какая-то это страсть была, чтобы носъ былъ съ горбомъ; а у него прямой. Только изъ-за этого дѣло и разошлось. А теперь Валерьянъ-то Васильичъ вицгубернаторомъ, да!

И Аграфена Ивановна опять вздохнула.

— А чтó не собираетесь ли вы какъ-нибудь къ Каролинѣ Богдановнѣ? спросила она, помолчавъ.

— Нѣтъ пока, отвѣчала Пашенька.

— Вы и Каролинѣ Богдановнѣ ужасно какъ понравились. А она такая дама умная, образованная! И души прекраснѣйшей, добрѣйшей. Я у нихъ сегодня обѣдать буду.

Аграфена Ивановна стала надѣвать свой коричневый капоръ.

— То-то будетъ мнѣ распросовъ отъ Михайла Миронычa, какъ онъ узнаетъ, что я была у васъ, сказала она, вставая. — Прощайте, Прасковья Петровна, голубушка. Благодарю васъ за ваши ко мнѣ ласки. Прикажете кланяться отъ васъ Каролинѣ Богдановнѣ, Михайлу Миронычу?

— Пожалуй, если зайдетъ обо мнѣ рѣчь, отвѣчала Пашенька.

— Чтобы объ васъ да рѣчь не зашла! воскликнула Аграфена Ивановна, и вѣрно всплеснула бы руками, еслибъ не надѣвала въ это время свой старенькій салопчикъ. — Вотъ вы все мнѣ не вѣрите, а я васъ совѣстью завѣряю: влюбленъ въ васъ Михайла Миронычъ, влюбленъ такъ, что...

Digitized by Google

— Опять вы, Аграфена Ивановна! остановила Пашенька.

— Ну, не буду, не буду! забылась опять. Простите, ради Христа, голубушка!

Когда она ушла, Пашенька спросила Катерину, помнитъ ли она Аграфену Ивановну.

— Какъ не помнить! отвѣчала Катерина: — мало ли она у насъ пороги-то оббивала!

— Она говоритъ, что тетенька Анна Васильевна очень любила ее.

— Вретъ все, Пашенька; разумѣется, какъ придетъ, бывало, изъ дому не гоняли; вотъ и вся любовь.

— Да кто она такая?

— Такъ, ходитъ изъ дому въ домъ да вѣсти переноситъ. Папенька, покойникъ терпѣть ея не могъ. Бывало, какъ увидитъ ее, «зачѣмъ, говоритъ, эта язва сибирская опять сюда залетѣла?» Она родомъ-то сама изъ Сибири.

Аграфена Ивановна прямо отъ Пашеньки направила стопы свои къ Флоринскимъ.

Каролина Богдановна принимала ее, кормила обѣдомъ, поила чаемъ и кофеемъ, но вообще держала въ черномъ тѣлѣ, и Аграфена Ивановна питала нѣкоторый страхъ къ ней и къ Михаилу Мироновичу. Съ Каролиной Богдановной она еще начинала иногда разговоръ сама, потому-что госпожа Флоринская была не прочь послушать ея сплетенъ. Но съ Михаиломъ Мироновичемъ говорила она, только когда онъ самъ обращался къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ. Для этого нужно было, чтобы Михаилъ Мироновичъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

На этотъ разъ Михаилъ Мироновичъ былъ почему-то очень веселъ и обратился къ Аграфенѣ Ивановнѣ не съ обыкновеннымъ своимъ холоднымъ кивкомъ, а съ такимъ вопросомъ:

— Ну, что вы подѣлываете, Аграфена Ивановна?

Чуть ли даже не сказалъ онъ: «почтеннѣйшая Аграфена Ивановна».

— Да что̀ мнѣ подѣлывать, Михаилъ Мироновичъ? отвѣчала Аграфена Ивановна, осчастливленная такимъ рѣдкимъ вниманіемъ. — Была у обѣдни сегодня въ крестовой, потомъ

Digitized by Google

зашла узнать о здоровьи къ кой-кому изъ добрыхъ знакомыхъ. Прасковья Петровна Шаврова кофейкомъ меня попотчивала. Что это за милая, за благовоспитанная дѣвица!

— Потому что кофеемъ-то попотчивала? спросилъ, подшучивая, Михаилъ Мироновичъ, и весело засмѣялся.

— Ахъ, полноте, Михаилъ Мироновичъ! За кого вы меня принимаете? отвѣчала полу-обиженнымъ, полу-веселымъ тономъ Аграфена Ивановна.

— Ну новенькаго чего нѣтъ ли? спросилъ Михаилъ Мироновичъ.

— На счетъ чего изволите спрашивать? спросила въ свою очередь Аграфена Ивановна.

— Такъ, вообще.

— Ничего не слыхала, Михайла Миронычъ. Три ложки серебряныхъ вотъ пропаю у питейнаго управляющаго.

— Ну это не важная новость.

— А то вотъ у отца Григорія, у рожественскаго протопопа, младшій мальчикъ при смерти лежитъ — въ корь.

— Какія у васъ новости всегда глупыя! замѣтилъ безцеремонно Михаилъ Мироновичъ.

Аграфена Ивановна и сама знала, что разсказываетъ Михаилу Мироновичу вещи вовсе для него не интересныя, а потому и поспѣшила поправиться.

— Слышала еще кое-что про васъ, Махайла Миронычъ, сказала она: — да боюсь вамъ сказать.

— Отчего?

— Боюсь, что разсердитесь.

— Развѣ очень что-нибудь дурное?

— Ахъ, нѣтъ! Какъ можно!

— Ну, такъ разсказывайте.

— Была я сегодня, какъ и докладывала ужъ вамъ, у Прасковьи Петровны у Шавровой...

— И кофей тамъ пили.

— Точно тамъ. Вотъ за кофеемъ-то и зашелъ разговоръ объ васъ. Наслушалась же я вамъ всякихъ похвалъ.

— Отъ кого?

— Да отъ Прасковьи Петровны: только мы двое и были.

— Что же она говорила?

Digitized by Google

— Я ужь теперь и не припомню всего, а одно вамъ только скажу, Михайла Миронычъ — голову свою отдамъ на отсѣченье, если она да не влюблена въ васъ.

— Что̀ это скоро такъ? Да изъ чего же вы это заключаете?

— А изо всего, Михайла Миронычъ. Сначала стала говорить, какой вы радушный, какой обходительный, образованный какой человѣкъ; а потомъ говоритъ: лицо, говоритъ, у него такое прекрасное; вся, говоритъ, душа его на лицѣ видна. И при этомъ вся разгасилась, какъ уголекъ.

— А вы, я думаю, надъ лысиной моей подсмѣялись?

— Ахъ, что̀ вы! Какъ это вамъ не грѣхъ, Михайла Миронычъ? Что я за неблагодарная такая!

— Ну, и больше ничего?

— Нѣтъ-съ, потомъ и говоритъ: я, говоритъ, во снѣ Михаила Мироновича видѣла. Такой, говоритъ, сонъ пріятный. Готова была плакать, какъ проснулась. А я и говорю ей на это: «что̀ это, говорю, Прасковья Петровна, вы все о Михайлѣ Миронычѣ разсказываете? Видно очень онъ вамъ понравился». «Да развѣ, говоритъ, можетъ онъ кому не понравиться: этакой видный, пріятный мужчина». А я ей на это: «кто, говорю, противу этого споритъ? Только вы такъ объ немъ говорите, словно какъ влюблены въ него». Еслибъ вы только видѣли, Михайла Миронычъ, какъ я ее сконфузила этими словами! Раскраснѣлась она какъ розанъ, закрыла глаза руками и говоритъ: «Ахъ, не говорите этого, Аграфена Ивановна! ахъ, не говорите!» Вы простите меня, Михайла Миронычъ, что я вамъ это все разсказываю. Такъ мнѣ пріятно всегда, когда слышу похвалу вамъ или Каролинѣ Богдановнѣ.

— Вѣдь, я думаю, половину вы выдумали дорогой, какъ сюда шли? скептически спросилъ Михаилъ Мироновичъ.

Трудно было нанести болѣе горькую обиду преданной интересамъ ближняго душѣ Аграфены Ивановны. Она чуть не плакала, оправдываясь и увѣряя Михаила Мироновича, что въ разсказѣ своемъ она слова не прибавила лживаго.

— Вѣрю, вѣрю, успокоилъ ее наконецъ Михаилъ Мироновичъ, хотя и остался при своемъ убѣжденій, что Аграфена

Digitized by Google

Ивановна соврала если не на половину, такъ по-крайней-мѣрѣ на четверть.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ ощущалъ большую пріятность въ душѣ отъ словъ почтенной вѣстовщицы. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ: изъ какихъ устъ ни исходи похвала, она все-таки сладко щекочетъ сердце.

При первомъ же случаѣ Михаилъ Мироновичъ сказалъ Каролинѣ Богдановнѣ:

— Что̀, маменька, послать завтра экипажъ за Шавровыми? Вы вѣдь никуда не собираетесь.

Каролина Богдановна точно не собиралась никуда, и экипажъ послали.

Флоринскій предупредилъ объ этомъ Василья Петровича, проходя мимо его стола въ присутствіе.

Пашенька вздумала было отказываться и просить брата, чтобы онъ ѣхалъ одинъ; но Василій Петровичъ такъ разсердился, началъ съ такою горечью упрекать сестру, что она для него не хочетъ сдѣлать шагу, что̀ Пашенька должна была согласиться.

На этотъ разъ она была еще, что называется, авантажнѣе, чѣмъ въ первый визитъ свой къ Флоринскимъ: синее шелковое платье съ кружевнымъ воротничкомъ и съ кружевными рукавами такъ шло къ ней, размолвка съ братомъ придала такое привлекательно-грустное выраженіе ея лицу, что сердце Михаила Мироновича было окончательно покорено.

Аграфена Ивановна забѣгала въ это утро къ Флорининскимъ, и узнала о томъ, что Шавровы будутъ у нихъ обѣдать. Каролина Богдановна оставляла и ее, но Аграфена Ивановна отказалась отъ этого приглашенія, сказавши, что она уже дала слово обѣдать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Аграфена Ивановна соврала: она просто боялась, чтобы въ этотъ разъ какъ-нибудь не обличилось ея вчерашнее вранье. По видимому, бояться этого было нечего: случай былъ бы не первый и конечно не послѣдній въ жизни и дѣятельности Аграфены Ивановны; но такъ ужъ проявлялся обыкновенно въ ней остатокъ совѣсти.

Послѣ обѣда Пашеньку опятъ упросили сѣсть за форте-

Digitized by Google

пьяно: братъ заставилъ ее взять съ собой нѣсколько тетрадей нотъ, и отговариваться было уже нечѣмъ.

— Позвольте мнѣ сѣсть поближе! сказалъ Михаилъ Мироновичъ, ставя себѣ стулъ около стула Пашеньки.

— Пожалуйста, сказала Пашенька.

— Мой Мишель такой страстный любитель музыки, замѣтила Каролина Богдановна. — А мы съ вами сядемте въ гостиной, обратилась она къ Василью Петровичу: — я больше люблю слушать музыку издали.

Пашенька заиграла; Михаилъ Мироновичъ пожалѣлъ вслухъ, что не знаетъ на столько музыки, чтобы перевертывать страницы нотъ передъ Пашенькой, и сѣлъ; Каролина Богдановна и Шавровъ ушли въ гостиную, и помѣстились тамъ на маленькомъ диванчикѣ.

Каролина Богдановна любила слушать издали музыку, но вѣроятно еще болѣе любила болтать. Она завела очень оживленную бесѣду съ Василіемъ Петровичемъ, и онъ не могъ на этотъ разъ пожаловаться, что съ нимъ были холодны.

По видимому, Каролина Богдановна принимала самое горячее участіе въ его судьбѣ: она распрашивала его обо всемъ — о его воспитаніи, о прежней жизни, о роднѣ. Особенно интересовали ее свѣдѣнія о Дубровскихъ, объ ихъ состояніи, объ отношеніяхъ ихъ къ Пашенькѣ и къ самому Василью Петровичу.

Это не помѣшало ей однакожъ, когда Пашенька окончила пьесу, зааплодировать и закричать изъ гостинной въ залу:

— Charmant! charmant! Съиграйте пожалуйста еще что-нибудь.

Михаилъ Мироновичъ съ своей стороны тоже обратилъ къ Пашенькѣ такую просьбу.

Между прочимъ онъ сказалъ, что Пашенька играетъ такъ хорошо, что во все время ея игры онъ чувствовалъ желаніе расцаловать ея прелестные пальчики. При этомъ на лицѣ его изображалась такая сладкая улыбка, чтъ, еслибъ Пашенька взглянула на него, ей навѣрное стало бы противно. Къ счастію она не посмотрѣла, не сказала ни слова, и только быстро покраснѣла.

Digitized by Google

Краску эту Михаилъ Мироновичъ не преминулъ объяснить въ свою пользу.

— Пожалуйста, Полина Александровна, еще что-нибудь, повторилъ онъ.

Пашенька развернула ноты и опять заиграла.

Она играла для себя, а не для Михаила Мироновича. Могъ ли онъ понимать хоть одну ноту въ большомъ полонезѣ Шопена? Пашенькѣ хотѣлось, чтобы Флоринскій хоть изъ вѣжливости молчалъ — такъ надоѣли ей его плоскія фразы, которыя, послѣ словъ Аграфены Ивановны, даже какъ-то пугали ее. Но она ошибалась, думая, что музыка помѣшаетъ Михаилу Мироновичу говорить любезности. Напротивъ Михаилъ Мироновичъ считалъ своею обязанностью разсыпаться въ похвалахъ тому, чего не понималъ, и въ комплиментахъ Пашенькѣ.

Она никакъ не могла отдѣлаться отъ него, когда и кончила, и принуждена была дать ему поцаловать свою руку — такъ онъ умолялъ ее доставить ему это счастіе. Чрезвычайно нѣжный поцалуй Михаила Мироновича былъ такъ же непріятенъ Пашенькѣ, какъ укушеніе какого-нибудь нечистаго насѣкомаго. Щеки ея запылали отъ досады; но Михаилъ Мироновичъ, разумѣется, опять объяснилъ этотъ густой и внезапный румянецъ въ свою пользу.

Окончивъ игру, Пашенька поспѣшила въ гостинную. Каролина Богдановна осыпала ее такими же похвалами, спросила, что̀ Пашенька играла, и сказала, что она безъ ума отъ музыки Шопена, а подъ конецъ посовѣтовала ей непремѣнно достать Арабскую польку Кажинскаго и съиграть ее...

— Это прелесть что̀ за пьеса!

На этотъ разъ Пашенька, при всемъ желаніи своемъ, не съумѣла сократить свой визитъ.

Когда она поднялась съ мѣста и стала прощаться, Каролина Богдановна рѣшительно объявила, что не пуститъ ее.

— Пейте у насъ чай, Полина Александровна. Вечеромъ у насъ кое-кто будетъ. А дома что̀ вы будете дѣлать?

Пашенькѣ было уже неловко отзываться мнимой головной болью, другой отговорки она не могла найти, и потому, скрѣпя сердце, осталась.

Digitized by Google

Василью Петровичу хотѣлось соснуть послѣ сытнаго обѣда, и отговорку онъ нашелъ, сказавши, что у него взято на домъ казенное дѣло.

Его впрочемъ и не удерживали, хотя и Каролина Богдановна и Михаилъ Мироновичъ сказали ему, что ждутъ его вечеромъ. Пашенька была очень недовольна уходомъ брата: не смотря на его страдательную роль, она чувствовала при немъ какъ-то больше увѣренности въ себѣ; ей были даже какъ будто менѣе несносны праздныя рѣчи и маменьки и сына.

Безконечнымъ показалось Пашенькѣ время до чая; безконечнымъ послѣ чая. Пріѣхали двѣ какія-то барыни съ мужьями, а одна кромѣ того и съ сестрой, дѣвой лѣтъ тридцати, которая тотчасъ же овладѣла Пашенькой, начала разспрашивать о петербургскихъ удовольствіяхъ и разсказывать мѣстныя сплетни. Пріѣхало еще нѣсколько мущинъ. Наконецъ пришелъ и Василій Петровичъ.

Пашенька стала надѣяться, что хоть теперь ей можно будетъ поскорѣе возвратиться домой; но братъ ея усѣлся за карты съ дамами, и опять она не видѣла конца вечеру.

Раза два приставали къ ней, чтобы она съиграла что-нибудь на фортепіано; Пашенька, разумѣется, соглашалась, но играла такъ плохо, какъ, кажется, никогда еще не играла. Въ ней все увеличивалось какое-то лихорадочное раздраженіе, и по временамъ ей хотѣлось заплакать.

Наконецъ братъ окончилъ игру и Пашенька подошла къ нему и стала звать его домой.

— Да куда же торопиться? Сейчасъ ужинъ, отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Мнѣ нездоровится, я не могу, пожалуйста пойдемъ! просила Пашенька.

— Глупости какія! сердито проговорилъ братъ, и взялся за шляпу.

Дѣло не обошлось, конечно, безъ возгласовъ со стороны хозяевъ: «Да кудажъ вы? Посидите? Сейчасъ ужинъ».

Но на этотъ разъ Пашенька настояла на своемъ, и Михаилъ Мироновичъ распорядился, чтобы заложили поскорѣе лошадь отвезти гостей.

Digitized by Google

Онъ проводилъ Пашеньку въ прихожую, самъ помогъ ей надѣть шубу, и прощаясь пожалъ ей руку.

Пашенька вздохнула свободно, выйдя на воздухъ. Василій Петровичъ былъ, напротивъ, не въ духѣ. Всю дорогу говорилъ онъ:

— Ну, чего мчимся домой? Чего тамъ не видали? Кабы зналъ, ни за что бы не пошелъ вечеромъ. Только на ужинъ и разсчитывалъ, думалъ, что поужинаю какъ слѣдуетъ. А то проигралъ лишь полтора цѣлковыхъ. Никогда этого не будетъ, чтобы я поѣхалъ съ тобой куда-нибудь. Точно маленькій ребенокъ: домой да домой! Что̀ это, въ Петербургѣ у васъ такая мода, что̀ ли?

Пашенька возразила было, что онъ могъ бы остаться, а ее отпустить домой одну; но Василій Петровичъ еще больше разсердился на это замѣчаніе. Онъ началъ говорить еще крупнѣе. Со стороны можно было подумать, что Шавровъ умираетъ съ голоду: такъ дорого цѣнилъ онъ ужинъ, отъ котораго уѣхалъ.

Пашенька пріѣхала домой съ красными отъ слезъ глазами.

Василій Петровичъ сердито хлопнулъ дверью и легъ спать, не простившись съ сестрой.

VII.

Съ этого вечера Пашенька почувствовала, какъ печально становится ея положеніе. Скоро убѣдилась она въ этомъ и на дѣлѣ.

Совершенное разногласіе съ братомъ въ образѣ мыслей съ каждымъ днемъ становилось для Пашеньки все тяжеле и тяжеле, потому-что Василій Петровичъ хотѣлъ, чтобы сестра поступала, какъ хочется ему. Онъ и не думалъ скрывать, что у него на первомъ планѣ своя выгода. Не разъ заводилъ онъ рѣчь о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ Пашенька вышла замужъ за Михаила Мироновича. Если же она возражала ему, онъ сердился, упрекалъ ее въ недостаткѣ любви къ брату и даже въ какой-то неблагодарности. Онъ, по видимому, считалъ себя уже благодѣтелемъ сестры, за то,

Digitized by Google

что пріютилъ ее и держалъ у себя почти по неволѣ. Пашенька много разъ со слезами на глазахъ просила отпустить ее въ монастырь; но братъ отвѣчалъ обыкновенно на эти просьбы такимъ гнѣвомъ, что ей становилось страшно. Онъ говорилъ деспотически, что она не смѣетъ и думать объ этомъ, что онъ съумѣетъ поставить на своемъ, и ни на кого не посмотритъ.

Онъ началъ такъ говорить особенно съ того времени, какъ замѣтилъ, что ухаживанья Михаила Мироновича принимаютъ серьезный характеръ, что онъ имѣетъ видимое намѣреніе жениться на Пашенькѣ.

Пашенька плакала по ночамъ и замѣтно худѣла; но бороться съ братомъ въ ней не было силы. При томъ на свои обязанности къ брату она смотрѣла съ какой-то суевѣрной сентиментальностью, и ей казалось грѣхомъ идти упорно на перекоръ ему. Въ ней не угасала надежда, что постоянствомъ своимъ она побѣдитъ-таки современемъ сопротивленія брата, и разстанется съ нимъ безъ враждебнаго чувства. Пашенька видѣла, что братъ по всему ей чужой, но ей было больно остановиться на этой мысли, и она все ждала какъ-будто, что въ немъ проявится что-нибудь родственное съ ней. Впечатлѣнія дѣтства были въ ней живы.

Каролина Богдановна говорила не на вѣтеръ, предлагая свои услуги, чтобы ввести Пашеньку въ губернское общество. Въ первое же воскресенье заѣхала она за Пашенькой чтобы отправиться вмѣстѣ къ губернаторшѣ. Пашенька не могла отдѣлаться отказомъ отъ неотступныхъ настояній Флоринской и брата, и поѣхала. Михаилъ Мироновичъ со своей стороны представилъ и Василья Петровича, и съ этихъ поръ и его и сестру стали часто приглашать на вечера. У Пашеньки была очень основательная причина отказываться отъ этихъ приглашеній: выѣзды требовали расходовъ, а денегъ у нея не было. Но и тутъ братъ возсталъ противъ ея домосѣдства, и сказалъ, что если нужны деньги, такъ онъ найдетъ. И точно находилъ.

Пашенька танцовала на этихъ вечерахъ и скучала. Молодые люди на перерывъ ухаживали за ней, потому-что не было въ городѣ дѣвушки красивѣе и граціознѣе; но, при

Digitized by Google

всемъ стараніи своимъ находить удовольствіе въ этихъ выѣздахъ и въ этихъ ухаживаньяхъ, Пашенька не могла отдѣлаться отъ своего сердечнаго горя, и находила молодыхъ людей скучными, а вечера тяжелыми и несносными.

Нечего и говорить, что еще скучнѣе и несноснѣе было для нея вниманіе Михаила Мироновича. А онъ просто преслѣдовалъ ее этимъ вниманіемъ. Интересъ, который Пашенька возбуждала во всей молодежи, кажется еще болѣе разжигалъ его. Можно было повѣрить теперь Аграфенѣ Ивановнѣ, что Михаилъ Мироновичъ влюбленъ—совершенно влюбленъ въ Пашеньку.

Чтобы избѣжать самыхъ печальныхъ, самыхъ непріятныхъ сценъ съ братомъ, Пашенька принуждена была бывать у Флоринскихъ часто, чуть не каждый день. Дни, когда экипажъ съ приглашеніемъ Каролины Богдановны не останавливался у воротъ квартиры Шавровыхъ, казались Пашенькѣ праздниками. Она радовалась и тому, если какое-нибудь нездоровье позволяло ей остаться въ постели.

Впрочемъ рѣдко не грозила ей тогда другая непріятность. Того и гляди явится Аграфена Ивановна и въ разговорѣ ея черезъ каждыя десять словъ будетъ упоминаться или Михаилъ Мироновичъ или его маменька.

Пашенька рѣшительно объявила Аграфенѣ Ивановнѣ, что она не станетъ говорить о любви Михаила Мироновича. Аграфена Ивановна о любви его точно старалась умалчивать; но могла ли она умолчать о несравненныхъ достоинствахъ Флоринскаго?

Къ чести Аграфены Ивановны слѣдуетъ впрочемъ сказать, что она дѣйствовала тутъ безкорыстно: вѣдь не могла же она разсчитывать, что Пашенька, выйдя замужъ за Флоринскаго, будетъ въ знакъ признательности поить ее кофеемъ и кормить обѣдами?

Наконецъ въ одно изъ посѣщеній Пашеньки, Михаилъ Мироновичъ подсѣлъ къ ней и—ни больше, ни меньше признаялся ей въ своей любви. Онъ сказалъ въ довольно гладкихъ, отборныхъ фразахъ, что съ перваго раза, какъ встрѣтилъ ее, возгорѣлся желаніемъ узнать ее поближе, что никто еще во всю его жизнь не нравился ему такъ съ пер-

Digitized by Google

ваго раза, какъ Пашенька, что, наконецъ, узнавши ее, онъ только объ одномъ и думаетъ, какъ бы понравиться ей. При этомъ онъ разумѣется спросилъ Пашеньку, сдѣлалъ ли въ этомъ отношеніи какія-нибудь успѣхи.

Пашенька не могла произнести ни слова: сердце у нея кипѣло досадой, смѣшанной съ какой-то грустью, щеки горѣли, а къ глазамъ какъ-будто приливали слезы, и она ничего не могла сказать.

— Не молчите такъ, Полина Петровна, скажите хоть одно словечко, началъ опять умоляющимъ тономъ Михаилъ Мироновичъ, у котораго щеки тоже покраснѣли отъ нѣкотораго напряженія при довольно новомъ для него любовномъ признаніи.

Пашенька придумывала, чтобы сказать Михаилу Мироновичу, чтобы не обидѣть его, чтобы не выказать вполнѣ своихъ чувствъ, которыя разумѣется не порадовали бы его.

— Скажите одно словечко, повторялъ Михаилъ Мироновичъ: — не убивайте во мнѣ надежды. Повѣрьте я готовъ на все для вашего счастія.

Въ головѣ Пашеньки вдругъ мелькнула мысль, которая показалась ей спасеніемъ въ ея положеніи; она собралась съ духомъ и отвѣчала Михаилу Мироновичу на сколько могла спокойно:

— Ваши слова такъ для меня неожиданны; я такъ удивлена ими....

Но Михаилъ Мироновичъ не далъ ей продолжать.

— Неужели вы не замѣчали моихъ чувствъ, Полина Петровна? воскликнулъ онъ почти съ увлеченіемъ. — Мнѣ кажется, ихъ можно было замѣтить изъ всѣхъ моихъ поступковъ, изъ всѣхъ моихъ....

— Не станемте говорить объ этомъ, перебила его Пашенька. — Позвольте отвѣчать вамъ не теперь, а не много спустя. Ваши слова, я вамъ говорю, такъ для меня неожиданны....

— Ахъ, все, что вы хотите! покорно отвѣчалъ Михаилъ Мироновичъ: — только не убивайте во мнѣ надежды.

— Я ничего не скажу вамъ теперь, отвѣчала Пашенька.

Разговоръ этотъ происходилъ вскорѣ послѣ обѣда. Па-

Digitized by Google

шенька была такъ встревожена, что Флоринскіе не могли удерживать ее и отпустили домой.

Василій Петровичъ обѣдалъ въ этотъ разъ дома, и сестра застала его спящимъ.

Она тотчасъ же сѣла къ столу, и стала что-то быстро писать.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ комнату вошла Катерина. Она подошла на цыпочкахъ къ Пашенькѣ, взяла ее за плечо, и сказала:

— Пашенька, скажи: слава Богу!

Пашенька испугалась не много и подняла глаза на свою старую няньку.

— Да ты плакала никакъ, Пашенька! воскликнула встревоженная нянька: — что это глазки-то у тебя красные?

Пашенька провела рукой по глазамъ и сказала:

— Нѣтъ, это такъ, съ вѣтру. Ты пришла сказать мнѣ что-то?

— Скажи: славу Богу! повторила Катерина.

— Ну, славу Богу!

— Я Андреяна сейчасъ видѣла.

— Какого Андреяна?

— А что у Николая-то Иваныча служилъ, у Темникова.

У Пашеньки вся кровь бросилась въ лицо, сердце какъ-то замерло, и она затаивъ дыханіе стала ждать, что скажетъ Катерина; спрашивать она была не въ силахъ.

— Вѣдь это наврали все — сказали, будто женился Николай Иванычъ. И не думалъ, сказываетъ Андреянъ-то. Живетъ, говоритъ, домосѣдомъ такимъ, нигдѣ и въ домахъ-то такихъ не бываетъ, гдѣ есть невѣсты.

— За чѣмъ же Андреянъ пріѣхалъ сюда? спросила наконецъ Пашенька.

— А онъ съ знакомымъ однимъ сюда пріѣзжалъ съ Николаемъ Иванычевымъ. Да такая-то право досада — вотъ ужъ цѣлую недѣлю они здѣсь живутъ, а я и не повстречалась ни разу съ Андреяномъ. Сегодня только увидалась, да и то на одну минуточку. Нынче вечеромъ они ѣдутъ, такъ онъ торопился: некогда, сказалъ.

— А куда-жъ они ѣдутъ? быстро спросила Пашенька.

Digitized by Google

— Да опять туда же, къ Николай Иванычу. Андреянъ-то сказывалъ: баринъ, говоритъ, собирается въ Петербургъ. Какъ, говоритъ, я ворочусь, такъ и поѣдемъ съ нимъ.

— Ты не спросила, гдѣ они остановились?

— На площади, сказывалъ онъ — гостинница-то что большая.

— Послушай, няня! я напишу сейчасъ маленькое письмецо, а ты снеси его Андреяну, пусть отвезетъ.

— Къ Николаю Иванычу?

— Да. Можетъ-быть я и успѣю.

— Онъ говорилъ, черезъ часъ ѣдутъ; ну, да авось еще застану. Пиши, Пашенька, пиши, а я покамѣстъ одѣнусь пойду. Да поскорѣе, много-то не пиши.

Пашенька поспѣшно взялась за перо и стала писать.

Вотъ что написала она:

«Не удивляйтесь письму моему, Николай Ивановичъ. Вѣсть о васъ застала меня въ такую горькую минуту, что я какъ за послѣднее утѣшеніе ухватилась за мысль написать къ вамъ эти строки. Пишу къ вамъ не для того, чтобы напоминать о прошедшемъ или жаловаться на настоящее. Мнѣ хотѣлось только еще разъ навсегда проститься съ вами. Я твердо рѣшилась вступить въ монастырь, и когда вы получите это письмо, я вѣрно буду уже на дорогѣ туда. Знать, что вы счастливы, останется моимъ единственнымъ счастіемъ, и я буду молиться Богу, чтобы онъ хранилъ и благословилъ вашу жизнь. П. Ш.»

Пашенька на-скоро запечатала письмо облаткой, надписала адресъ и отдала его Катеринѣ, уже надѣвшей свой заслуженный салопъ.

— Пожалуйста, поскорѣе, няня, просила Пашенька: — я все боюсь, что они ужъ уѣхали.

— Кто ихъ знаетъ! можетъ, и уѣхали. Да я мигомъ слетаю.

— Пожалуйста, няня. Да если они не уѣхали, распроси хорошенько у Андреяна объ Николаѣ Ивановичѣ, сказала Пашенька, провожая Катерину къ двери.

— Хорошо, хорошо, проговорила старуха, уходя.

Проводивъ ее, Пашенька не могла уже взяться за нача-

Digitized by Google

тый ею листъ, за которымъ застала ее Катерина со своимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Она оставила на столѣ перо и бумагу, подвинула стулъ къ окну, сѣла и стала смотрѣть на улицу. Сумерки быстро наплывали, вѣтеръ постукивалъ ставнями и отъ окна дуло; но Пашенькѣ не было до этого дѣла. Она смотрѣла не глядя въ глухой и пустой переулокъ, на которомъ не показывалось ни одной живой души, и думала.

Думы были безконечныя и невеселыя. Прежде всего пережила она въ воспоминаніи тѣ единственные свѣтлые дни своей жизни, когда около нея былъ человѣкъ, къ которому она только-что написала прощальныя строки. Но эти ясныя картины безпрестанно застилалъ въ ея воображеніи холодный туманъ дальнѣйшихъ годовъ. Отъ воспоминаній перешла она къ своему настоящему. Можетъ, къ этому возвратило ее тихое похрапыванье брата въ сосѣдней комнатѣ.

Она начала обдумывать свое рѣшенье, высказанное въ письмѣ къ Теминкову. Читатель знаетъ уже, что рѣшеніе это было не ново, но всѣ колебанія исчезли въ Пашенькѣ послѣ признанія, обращеннаго къ ней въ этотъ день Михаиломъ Мироновичемъ. Она рѣшилась бороться съ братомъ до истощенія силъ, и только ждала его пробужденія, чтобы сказать ему все.

А Катерина все еще не возвращалась.

Отъ времени до времени Пашенька всматривалась въ сумракъ, совсѣмъ уже залившій узкій переулокъ, и прислушивалась, не стукнутъ-ли вороты, не заскрипятъ-ли шаги по снѣгу.

Нетерпѣніе ея все росло, и превратилось наконецъ въ какой-то страстный трепетъ ожиданія. Она напрасно старалась успокоить себя мыслью, что письмо можно отправить по почтѣ, если Андреянъ уже уѣхалъ; она вмѣстѣ-съ-тѣмъ надѣялась, не узнаетъ-ли отъ него чего-нибудь Катерина, и начинала досадовать на себя, зачѣмъ не научила свою старую няньку, о чемъ именно спрашивать.

Наконецъ, Пашенькѣ показалось, что на улицѣ слышны шаги, она быстро встала и выбѣжала изъ комнаты на крыльцо. Вѣтеръ сильно шумѣлъ и обсыпалъ ей волосы и плечи снѣгомъ. Пашенька еще разъ прислушалась, и выбѣжала за

Digitized by Google

ворота, нисколько не заботясь о томъ, что ноги ея въ тонкихъ башмакахъ, чуть не по щиколку уходятъ въ снѣгъ.

Въ переулкѣ было пусто, но изъ-за угла, гдѣ падалъ на снѣгъ свѣтъ изъ оконъ, кто-то показался.

Вся дрожа отъ холода и отъ ожиданія, смотрѣла Пашенька вдоль по улицѣ; а вѣтеръ продолжалъ осыпать ее снѣгомъ.

— Пашенька! Сумасшедшая ты этакая! закричала Катерина, увидавъ ее: — что ты, простудиться захотѣла, что-ли? Иди скорѣе въ горницу. Я, вонъ, и въ салопѣ тепломъ, да продрогла вся; а ты въ одномъ платьѣ выбѣжала.

— Что, уѣхали? спрашивала Пашенька, не обращая вниманія на слова старухи.

— Уѣхали, отвѣчала Катерина уже на крыльцѣ.

— А письмо?

— Письмо отдала, и проводила ихъ.

— А ничего не распросила? сказала Пашенька, останавливаясь въ сѣняхъ.

— Какія распросы? отвѣчала Катерина: — такую суету застала, что просто бѣда! И слова не удалось сказать. Да что ты стоишь-то тутъ, Пашенька? Иди въ горницу скорѣе. Распростудишься: холодъ этакой на дворѣ.

— Ничего.

— Какъ ничего? Иди! иди!

И она почти силой втолкнула Пашеньку въ комнату.

Тутъ было уже свѣтло. Василій Петровичъ проснулся, всталъ и зажегъ свѣчу.

Когда Пашенька, вся дрожа отъ холоду, переступила порогъ, братъ ея сидѣлъ у стола, за которымъ она писала полчаса тому назадъ, и держалъ въ рукѣ оставленную ею бумагу.

Извѣстіе, принесенное Катериной, письмо къ Темникову и посылка няньки въ гостинницу заставили Пашеньку совсѣмъ позабыть, что она писала до прихода въ комнату Катерины.

Братъ напомнилъ ей объ этомъ.

— Это что такое? спросилъ онъ нѣсколько хриплымъ отъ сна голосомъ, и подалъ ей бумагу.

Пашенька взглянула на бумагу, и тутъ только пришло

Digitized by Google

ей въ память все, что было до такъ взволновавшаго ее извѣстія.

Она и безъ того собиралась говорить обо всемъ съ братомъ въ этотъ вечеръ, но неожиданный вопросъ его очень смутилъ ее. Она знала, что будетъ съ его стороны сопротивленіе, и готовилась собрать всѣ свои силы, чтобы не уступить ему; но теперь она почувствовала, что вопросъ застаетъ ее въ расплохъ и что она не съумѣетъ дѣйствовать съ такою увѣренностію, какъ-бы хотѣла.

Руки и ноги ея были все еще холодны какъ ледъ и непріятный ознобъ пробѣгалъ у нея по тѣлу. Ожиданіе очень-щекотливой бесѣды не могло согрѣть ея, и только щеки у нея разгорѣлись.

Она сѣла, не выпуская изъ рукъ бумаги и не отвѣчая.

— Съ чего это пришло тебѣ въ голову писать письмо къ Флоринскому? спросилъ Василій Петровичъ.

— Надо-же кончить это когда-нибудь, проговорила Пашенька.

— Что такое кончить? спросилъ опять Василій Петровичъ.

— Какъ будто ты не знаешь?

— Не знаю, и прошу тебя разсказать.

Голосъ измѣнялъ Василью Петровичу: въ немъ была слышна его внутренняя дрожь.

— Я ужъ говорила тебѣ, братъ, и опять повторю, что не останусь въ свѣтѣ, начала, собираясь съ духомъ Пашенька.

— Я тебя не объ этомъ спрашиваю, сказалъ братъ. — Развѣ говорилъ тебѣ что-нибудь Флоринскій?

— Да, онъ постоянно надоѣдаетъ мнѣ своими любезностями, а сегодня совсѣмъ вздумалъ объясняться мнѣ въ любви. Онъ спрашивалъ у меня, могу-ли я его любить. Я ничего не отвѣтила, но допишу это письмо и пошлю ему.

Пашенька проговорила все это съ величайшимъ напряженіемъ: руки ея все еще дрожали отъ холода и зубы едва сходились.

— Ты его не допишешь и не пошлешь, проговорилъ братъ, выхватилъ листъ бумаги изъ рукъ сестры и изорвалъ его на части.

Digitized by Google

Пашенька никакъ не ожидала такого рѣзкаго отвѣта и почти испугалась.

— Такъ я скажу ему все это на словахъ, сказала она.

— Не скажешь, проговорилъ опять братъ съ такимъ удареніемъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что заставитъ сестру дѣйствовать такъ, какъ ему будетъ угодно.

— Чего-же ты хочешь отъ меня? спросила черезъ силу Пашенька, и слезы побѣжали у нея по щекамъ.

— Хочу того, чего-бы хотѣлъ твой отецъ, еслибъ былъ еще живъ.

— Да чего-же? скажи, проговорила Пашенька въ отчаяніи.

— Хочу, чтобы ты вышла за-мужъ за Флоринскаго.

— Я не могу этого.

— Отчего?

— Я не люблю его.

— А надо любить?

Пашенька не отвѣчала.

Василій Петровичъ всталъ и началъ сердито ходить изъ угла въ уголъ.

— Такъ ты хочешь, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, останавливаясь передъ сестрой: — такъ ты хочешь, чтобы изъ-за твоего упрямства мнѣ пришлось поплатиться всею своей карьерой?

— Этого не можетъ быть, перебила его Пашенька: — Флоринскій не такой злой человѣкъ, чтобы сталъ вредить тебѣ, если я ему откажу. Я сама попрошу его....

— Очень ему нужны твои просьбы. Какъ-же! Такъ и растаетъ, не бойсь!

— Такъ что-же мнѣ дѣлать, братъ?

— Выйдти за него.

— Я все никакъ не могу понять этого. Неужто тебѣ хотѣлось бы, чтобы на всю жизнь была несчастна?

— А я вотъ этихъ нѣжностей твоихъ понять не могу. Какого же тебѣ мужа еще надо? Или желаешь остаться у меня на плечахъ?

— Братъ! начала Пашенька едва удерживая рыданія: —

Digitized by Google

прошу тебя — чтобы ты отпустилъ меня отъ себя. Я вовсе не хочу выходить замужъ.

— Такъ зачѣмъ же ты меня въ расходы вводила? закричалъ братъ. — Выводилъ ее, сдѣлалъ ей платья — чортъ знаетъ для чего! нашла какого богача.

Пашенька совсѣмъ душили слезы.

— Развѣ не ты самъ принуждалъ меня? проговорила она едва внятно: — я постоянно отказывалась.

Но Василій Петровичъ не слушалъ; онъ сердито расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ:

— Вотъ дѣлай послѣ этого добро! старайся! За все это кромѣ непріятностей ничего не дождешься. Ужь былъ бы живъ отецъ, онъ не позволилъ бы тебѣ артачиться. Изъ-за ея нѣжностей и сантиментальностей братъ хоть по міру иди! А тоже Богу молиться, прикидываться не знаю какой святой! Въ монастырь она поѣдетъ, схиму тамъ приметъ, откажется отъ міра. А нагадить ближнему своему, родному, брату — это что? Плевое дѣло!

Слова одно другаго жостче и непріятнѣе лились потокомъ съ языка Василья Петровича. Пашенька давно уже всхлипывала; но онъ не обращалъ вниманія на ея слезы, напротивъ, раздражался все болѣе и болѣе, и когда по временамъ останавливался передъ сестрой, сердце Пашеньки сжималось отъ страха.

Въ нѣкоторое оправданіе слѣдуетъ замѣтить, что Василій Петровичъ обѣдалъ въ этотъ день не одинъ. Къ нему зашелъ школьный товарищъ его Алеша Пирожковскій и они роспили вдвоемъ графинчикъ водки и бутылку мадеры.

Вы скажете: хорошо оправданіе! Другаго не знаю.

— Да нѣтъ! закричалъ наконецъ Василій Петровичъ, останавливаясь передъ сестрой: — я заставлю тебя выйдти за него! заставлю!

Слезы остановились въ глазахъ Пашеньки; она черезъ силу приподнялась со стула и сказала, собравъ послѣдній остатокъ твердости:

— Ты не можешь меня заставить.

— Не могу? закричалъ братъ, схвативъ Пашеньку за плечи. — Я тебѣ покажу, что могу.

Digitized by Google

Пашенька глухо простонала, и Василій Петровичъ почувствовалъ, что она выскользаетъ изъ его рукъ. Онъ не успѣлъ еще договорить, какъ сестра вдругъ упала на полъ.

Тутъ только онъ опомнился, кинулся къ ней, началъ нѣжнѣе спрашивать, что съ ней, и видя, что Пашенька безъ чувствъ, поднялъ и положилъ ее на постель и побѣжалъ за Катериной.

Нянька, вопя и всплескивая руками, бросилась къ постели, Василій Петровичъ побѣжалъ за докторомъ.

Пашенька очнулась отъ обморока кажется для того только, чтобы тотчасъ же впасть въ бредъ. Съ ней сдѣлалась горячка, которую Катерина, не зная, что произошло безъ нея между братомъ и сестрой, приписывала исключительно простудѣ.

Для нея наступили теперь безсонныя ночи. Положеніе питомицы ея съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Были дни, что докторъ сомнѣвался, встанетъ ли она.

Двѣ недѣли продолжалось такое состояніе. Пашенька жила словно во снѣ: грезы перемѣшивались съ дѣйствительностю, прошедшее съ настоящимъ. Ей казалось по временамъ, что всѣ перебывали около ея постели, и Флоринскій, и маменька его, и Платонъ Николаевичъ, и Лидія Петровна съ мужемъ, и Темниковъ.

Наконецъ докторъ сталъ замѣчать перемѣну къ лучшему. Скоро она стала замѣтна и для окружающихъ. Когда Пашенька обращала къ Катеринѣ какой-нибудь вопросъ, старуха не просила уже ее молчать, чтобы не утомлять себя, и отвѣчала.

Василій Петровичъ, словно сознавая вину свою, рѣдко подходилъ къ постели больной, и то большею частію, когда она спитъ.

Ровно черезъ двѣ съ половиной недѣли послѣ несчастнаго дня когда Пашенька захворала, она проснулась особенно рано и тотчасъ же тихо позвала Катерину, которая чутко дремала на полу около самой кровати. Катерина быстро встала спросила Пашеньку хорошо ли она спала и какъ себя чувствуетъ, и не могла порадоваться, когда Пашенька отвѣчала ей, что спала прекрасно, спокойно, и что чувствуетъ себя гораздо лучше.

Digitized by Google

— Долго ли мнѣ еще лежать, няня? сказала Пашенька.— Мнѣ бы хотѣлось ужь встать.

— Полно, голубушка, какъ это можно? отвѣчала Катерина: — какъ можно теперь вставать. Погоди денька два три, поукрѣпишься нѣсколько. Ну, тогда другое дѣло.

— Тогда мы станемъ собираться, няня, и какъ только можно мнѣ будетъ, уѣдемъ.

— Куда, матушка?

— Въ монастырь.

— Да полно ты, Пашенька! ненадо будетъ и въ монастырь ѣхать. Все, Богъ дастъ, уладится.

Нѣтъ, ничего не можетъ уладится, грустно отвѣчала Пашенька.

— Какъ знать? возразила Катерина. — А у меня вотъ чуетъ сердце, что Николай Ивановичъ скоро сюда будетъ.

— Если и будетъ, такъ не для меня.

— Это отъ чего?

— Онъ давно забылъ обо мнѣ.

— А ужь я жь тебѣ скажу, что не забылъ.

— Да ты почему знаешь?

— Знаю.

Въ голосѣ Катерины была такая увѣренность, что Пашенька поспѣшно спросила:

— Послушай, няня, нѣтъ ли письма отъ него?

— Письма нѣтъ, а только я знаю, что онъ будетъ сюда, самъ будетъ и не для кого другаго, какъ для тебя.

— Ты нарочно говоришь все это, няня, только чтобы утѣшить меня.

— Хочешь, побожусь?

— Ахъ, нѣтъ ненадо; я вѣрю. Только отъ кого же ты узнала это?

— Сказывалъ одинъ человѣкъ оттуда пріѣзжій.

— Вѣрно это не правда.

— Самый правдивый человѣкъ. Не сегодня — завтра Николай Ивановичъ будетъ здѣсь. Можетъ, вотъ, мы говоримъ теперь съ тобой, а онъ ужъ и пріѣхалъ и сюда собирается.

Пашенька не сказала ни слова, она пристально смотрѣла въ доброе лицо Катерины все дышавшее довольствомъ и ра-

Digitized by Google

достью и у нея въ душѣ пробуждалось какое-то неясное воспоминаніе. Ей начинало казаться, что не во снѣ видѣла Темникова у своей постели, что онъ въ самомъ дѣлѣ и стоялъ и сидѣлъ тутъ не разъ въ эти страшныя горячечныя ночи, которыя представлялись ей теперь какою-то, не то дикой грезой сказочной дѣйствительностью. Пашенька припоминала какъ будто тихій шопотъ около ея постели и въ этомъ шопотѣ она узнавала знакомый, милый давно не слышенный голосъ.

Катерина замѣтила странный, какъ-будто терявшійся въ далекой дали взглядъ своей больной питомцы, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросила:

— Что ты такъ на меня смотришь, Пашенька? Пашенька словно проснуласъ.

— Онъ пріѣхалъ, няня, сказала она вдругъ: — онъ здѣсь. Я это знаю

— А развѣ ты видѣла его? спросила Катерина, неуспѣвши спохватится.

— Видѣла, видѣла, радостно воскликнула Пашенька. — Да гдѣ же онъ? Я хочу говорить съ нимъ? что говорилъ онъ съ тобой, няня?

— Мало ли что говорилъ! говорилъ по прежнему тебя любитъ, и только одного боялся, что ты позабыла объ немъ. Писемъ твоихъ изъ Петербурга онъ ни одного не получилъ. Да онъ все тебѣ самъ разскажетъ. Чрезъ полчаса здѣсь будетъ. А ты успокойся, полно. Что это плакать-то вздумала?

— По щекамъ Пашеньки тихо скатывались слезинки.

— Я такъ рада, няня, такъ рада, проговорила она: — Мнѣ кажется, я вовсе и больна не была, такъ я хорошо чувствую теперь себя отъ радости.

— А плакать-то зачѣмъ?

— Тоже отъ радости, няня. Подойди ко мнѣ поближе, мнѣ такъ хочется обнять тебя.

— Ахъ ты бѣдняжечка моя! истомилась ты у меня совсѣмъ, сказала Катерина, обнимая Пашеньку и цалуя ее въ лобъ. — Ну, теперь заживемъ получше.

— Няня, намочи мнѣ полотенце, и дай, я оботрусь, да достань мнѣ чистый чепецъ просила Пашенька. — Мнѣ ка-

Digitized by Google

жется, здѣсь такъ душно, такъ нехорошо. Какъ онъ сюда придетъ.

— Ужъ не въ первый разъ.

— Да когда онъ пріѣхалъ?

— Съ нѣдѣлю ужь.

— Что жъ ты мнѣ прежде не сказала, няня? Мнѣ кажется, я бы тотчасъ выздоровѣла, какъ только узнала что онъ здѣсь.

— А мы все боялись испугать тебя, думали, какъ бы хуже тебѣ не было.

— Пашенька только-что вытерла себѣ лицо, пригладила немного развившіеся волосы и надѣла чепецъ, какъ по двору послышались шаги. Они послышались только для нея, Катерина ихъ не слыхала.

— Это онъ, онъ! вскричала Пашенька. — Бѣги скорѣй все и его сюда!

Катерина вышла въ сѣни и встрѣтилась тутъ съ Николаемъ Ивановичемъ.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Чего тутъ распрашивать? крикнула радостно Катерина. — Идите, что ли, за мной скорѣе; я ей сказала; она васъ ждетъ.

Темниковъ быстро сбросилъ съ себя шубу и шляпу въ передней, отворилъ дверь и подошелъ къ постели Пашеньки.

VIII.

Немого времени прошло съ выздровленія Пашеньки — всего какихъ нибудь два три года, а сколько измѣненій произошло съ лицами, которые проходили по сценѣ этой драмы или комедіи, не знаю, право, какъ назвать правильнѣе.

Василій Петровичъ Шавровъ, какъ оказалось, очень ошибался, предполагая въ Михаилѣ Мироновичѣ Флоринскомъ недоброжелательное и мстительное сердце. Михаилъ Мироновичъ, разумѣется, пожалѣлъ, что Пашенька не захотѣла выйдти за него замужъ; но и не подумалъ мстить за это Шаврову. Конечно, будь Василій Петровичъ зятемъ Флоринскаго, было бы лучше: служебная карьера его, о которой онъ начиналъ уже говорить съ такимъ же жаромъ, какъ нѣкогда Платонъ

Digitized by Google

Николаевичъ, была бы, навѣрное, виднѣе и представляла бы, стало быть, больше всякихъ, нравственныхъ и общественныхъ выгодъ. Но какъ быть? Нельзя же вѣкъ прожить безъ небольшихъ неудачь и безъ обманутыхъ надеждъ? Ни тѣ, ни другія не мѣшали Василью Петровичу идти по службѣ твердымъ шагомъ къ болѣе свѣтлой цѣли.

Каролина Богданова приняла отказъ Пашеньки ближе къ сердцу нежели самъ Михаилъ Мироновичъ. И всемірная, и естественная исторія достаточно говорятъ о материнскомъ чувствѣ, а потому, здѣсь распространяться объ немъ нечего. Надо сказать, однакожь, что госпожа Флоринская никакъ не могла понять, какъ можно промѣнять ея сына чортъ знаетъ на кого, потому-что всѣ, какъ-скоро становились на одну съ нимъ доску, были чортъ знаетъ кто.

Неразъ въ бесѣдахъ своихъ съ Аграфеной Ивановной, Катерина Богдановна называла Шаврова дуракомъ за то, что онъ не умѣлъ образумить сестру, и показать ея всю громадную разницу между Михаиломъ Мироновичемъ и Темниковымъ. Аграфена Ивановна, какъ водится, поддакивала; кромѣ того, она стала находить и въ Пашенькѣ множество недостатковъ, которыхъ прежде не замѣчала. Главный, по ея мнѣнію, былъ — неблагодарность и неумѣнье цѣнить вниманіе такихъ людей, какъ Михаилъ Мироновичь и Каролина Богданова.

— Что сказала бы она, еслибъ узнала, какъ поступилъ со своимъ благодѣтелемъ Василій Петровичь? Впрочемъ, она вѣроятно узнаетъ и побранитъ его порядкомъ.

А Василій Петровичь вотъ какъ поступилъ.

Давно уже приглядывался онъ къ младшей дочкѣ вдовы Бакалѣевой и наконецъ рѣшился жениться на ней. Вдова была очень довольна предложеніемъ Шаврова и согласилась отдать за него дочь, дочь, вѣроятно, тоже была довольна и вышла за него.

Еще за нѣсколько недѣль до свадьбы, Бакалѣева объявила жильцу своему, Платону Николаевичу, который, какъ вы знаете, уже давно пересталъ быть аккуратнымъ плательщикомъ за квартиру, чтобы онъ съѣзжалъ.

Платонъ Николаевичь очень ужъ обжился въ домѣ вдовы

Digitized by Google

и съѣзжать ему не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что приходилось уже нанять квартиру подешевле и поменьше. Но дѣлать было нечего. Старуха Войлокова хоть и твердила: нѣтъ, нѣтъ! но ея не послушали, Платонъ Николаевичь думалъ, что Василій Петровичь, какъ женится, поселится въ домѣ. Этого однакожъ не случилось: новобрачные остались жить во флигелѣ, и домъ опять стали отдавать въ наймы. Не велико было утѣшеніе Платону Николаевичу при каждомъ удобномъ случаѣ бранить облагодѣтельствованнаго имъ сироту и называть его не иначе, какъ неблагодарнымъ подлецомъ Васькой.

Во время переѣзда съ квартиры Агаѳья Максимовна простудилась и ужь окончательно расклеилась. Сколько ни говорила она свое: «нѣтъ», смерть сказала *да* и положила этимъ конецъ спору.

Не лучше, чѣмъ съ Платономъ Николаевичемъ, поступилъ Шавровъ и съ Машей. Обобравъ черезъ нее Войлокова, онъ ничего не оставилъ посредницѣ, и когда выходитъ теперь изъ дому съ женой, почти боится съ нею встрѣтиться. Оно и понятно: Маша просто возненавидѣла его. Притомъ она получила большое пристрастіе къ мадерѣ, которую очень хорошо дѣлаетъ мѣстный виноторговецъ и продаетъ недорого, и очень можетъ надѣлать какихъ-нибудь непріятностей не только самому Шаврову, но и женѣ его.

Тѣмъ неменѣе, Василій Петровичь, по его понятію, благоденствуетъ.

Пашенька уѣхала съ мужемъ въ Москву. Они живутъ не богато, но и не нуждаются. У нихъ уже двое дѣтей, и Пашенька усердно молится, чтобы Богъ не оставилъ ихъ сиротами, хотя Василій Петровичь и не отказался бы въ этомъ случаѣ оказать имъ посильное благодѣяніе.

М. МИХАЙЛОВЪ.

Digitized by Google

ПРИСОЕДИНЕНІЕ АМУРА КЪ РОССІИ.

ПЕРІОДЪ III.

Возвращеніе Амура.

(1847 — 1858 г.)

Статья четвертая и послѣдняя.

Доведя разсказъ о дѣйствіяхъ Амурской экспедиціи до 1853 года, приходится обратиться къ экспедиціи подполковника Агте, занимавшейся въ это время изслѣдованіями, назначенными ей генералъ-губернаторомъ. Она кончила свои дѣйствія въ 1852 году и доставила достовѣрныя свѣдѣнія о странѣ къ сѣверу отъ Амура лежащей, хотя и не была на самой рѣкѣ, за исключеніемъ топографа экспедиціи, который спускался въ лодкѣ до устья р. Камары. Подполковникъ Агте нашелъ пограничные знаки или *амвоны*, поставленные Китайцами, еще южнѣе тѣхъ пунктовъ, на которые указывалъ г. Миддендорфъ; но для общаго успѣха дѣла особенно важны были собранныя подполковникомъ Агте на мѣстѣ свѣдѣнія и мнѣнія мѣстныхъ жителей о независимости отъ Китая Восточнаго Приамурскаго края и о правахъ Россіи на эти страны. Подполковникъ Агте доставилъ точныя свѣдѣнія, что только верхняя часть Амура отъ Усть-Стрѣлки до рѣки Бурси считается принадлежностью Маньчжуріи, остальная затѣмъ считается жителями независимою, потому что по всѣмъ правамъ должна принадлежать Россіи.

Digitized by Google

Такимъ образомъ изслѣдованія г. Агте вполнѣ подтвердили доводы капитана Невельскаго по этому же предмету, изложенные имъ въ своемъ донесеніи къ генералъ-губернатору восточной Сибири въ іюнѣ 1852 года. Подполковникъ Агте возвратился въ С. Петербургѣ въ 1853 году.

Таково было положеніе, въ которомъ находились дѣла наши на Амурѣ къ концу 1853 года. Для полноты разсказа слѣдуетъ здѣсь упомянуть о входѣ въ устьѣ Амура въ этомъ же году перваго военнаго судна, винтовой шкуны «Востокъ», посланной изъ Японской эскадры изъ Нагаксаки, вице-адмираломъ Путятинымъ *) съ бумагами къ генералъ-губернатору и начальнику Амурской экспедиціи, а также и за свѣденіями о положеніи и средствахъ нашихъ на устьѣ Амура. Экспедиція и посольство въ Японію адмирала Путятина въ 1851—53 годахъ не имѣли до этого времени никакой связи съ событіями происходившими на Амурѣ, а потому они и не вошли въ составъ этого расказа, и первое соприкосновеніе ихъ съ Амуромъ начинается съ плаванія шкуны «Востокъ» въ 1853 году. Командиръ шкуны капитанъ лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, слѣдуя Татарскимъ проливомъ, описалъ западный берегъ острова Сахалина, между мысами *Дуй* и *Тыкъ*, и изслѣдовалъ встрѣчавшіеся ему мѣсторожденія и обращики каменнаго угля. Потомъ перейдя къ матерому берегу, онъ, руководствуясь картою капитана Невельскаго 1849 года и указаніями лейтенанта Чихачева *), прошелъ удачно въ Лиманъ Амура и слѣдуя южнымъ фарватеромъ, достигъ до южнаго сходнаго въ Амуръ мыса *Проне*. Такимъ образомъ 13 сентября 1853 года въ первый разъ русское военное судно бросило якорь въ рѣкѣ Амурѣ. Оставивъ здѣсь шкуну наливаться пресною водою и отправивъ лейтенанта Чихачева на гичкѣ въ Николаевскій постъ, самъ капитанъ Римскій-Корсаковъ отправился на барказѣ въ Петровское. Не найдя здѣсь капитана Невельскаго и поручика Орлова, отправившихся въ это время для занятія Сахалина,

*) Нынѣ адмиралъ графъ Евѳимій Васильевичъ Путятинъ.

**) Отправившагося въ 1852 году изъ Петровскаго чрезъ Аянъ и Якутскъ въ Иркутскъ и далѣе въ С. Петербургъ, оттуда кругомъ свѣта прибывшаго къ японской эскадрѣ вице-адмирала Путятина.

Digitized by Google

командиръ шкуны сдалъ бумаги штабсъ-лекарю Орлову, остававшемуся комендантомъ зимовья и на другой день отправился обратно на шкуну къ мысу Пронге. — Получивъ въ Петровскомъ свѣденія, что открыта Императорская гавань, что озеро Кызи и заливъ де-Кастра заняты нашими постами, капитанъ Римскій-Корсаковъ направился къ послѣднему пункту, надѣясь встрѣтиться тамъ съ капитаномъ Невельскимъ. Но найдя тамъ, въ Александровскомъ посту только бумаги и карты, адресованныя командиру русскаго военнаго судна, для передачи адмиралу, онъ отправился снова къ Сахалинскому берегу, изслѣдовалъ протоку *Віахту*, и нагрузившись углемъ южнѣе мыса Дуй, оставилъ здѣсь для ломки и заготовленія его лейтенанта Чихачева, а самъ въ началѣ октября вторично пошелъ въ заливъ де-Кастри. На обратномъ пути шкуна «Востокъ», нагрузивъ у Сахалинскаго берега наломанный лейтенантомъ Чихачевымъ уголь, заходила въ Императорскую гавань, и оттуда отправилась къ Нагассаки *). Плаваніе шкуны «Востокъ» въ устьѣ Амура было тѣмъ важно, что тогда только въ С. Петербургѣ повѣрили открытію капитана Невельскаго, подтвержденному донесеніями г. Римскаго-Корсакова, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, что на мѣстѣ означеннаго на картахъ Крузенштерна перешейка дѣйствительно существуетъ проливъ въ 5 саж. глубиною и что поэтому входъ въ Амуръ съ юга изъ Японскаго моря для морскихъ судовъ возможенъ.

Ожидаемый разрывъ съ Европой, понудилъ генералъ-губернатора въ началѣ 1853 года прибыть въ С. Петербургъ, для обсужденія различныхъ предположеній о защитѣ ввѣреннаго ему края, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. 22 Апрѣля Государь Императоръ изволилъ принимать генерала Муравьева и благосклонно выслушать его донесенія о нашихъ дѣйствіяхъ въ низовьѣ Амура, будущія предположенія и доводы о правахъ Россіи на Амуръ, для чего изъ генеральнаго штаба были потребованы всѣ записки и карты подполковника Агте. Между прочимъ генералъ Муравьевъ представлялъ, что военныя обстоятельства вынужда-

*) М. Сб., т. XXXV.

Digitized by Google

ютъ мѣру не обыкновенную, — именно *сплавъ по Амуру* изъ Забайкалья до моря, и что безъ этого нельзя подкрѣпить Камчатку, нельзя сухопутьемъ послать туда большихъ орудій и много войска, и что самая доставка по Амуру обойдется несравненно дешевле сухопутной перевозки. Государь Императоръ изволилъ найти основательными доводы генерала Муравьева о нашихъ правахъ на Амуръ, повелѣлъ написать объ этомъ Китайцамъ, а предложеніе о сплавѣ по Амуру разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ. Въ слѣдствіе этого 16 іюня 1853 года былъ посланъ листъ Пекинскому трибуналу въ которомъ было сказано, что по существующимъ трактатамъ, границею отъ вершины р. Горбицы къ востоку положенъ хребетъ горъ, такимъ образомъ, что всѣ рѣки текущія на сѣверную сторону отъ сихъ горъ должны состоять во владѣніи Россійскаго государства, а рѣки текущія въ полуденную сторону, — во владѣніи Китайскаго государства. Но такъ какъ на этомъ пространствѣ граничные знаки не поставлены, то приглашаютъ китайское правительство прислать своихъ уполномоченныхъ для постановленія знаковъ и разграниченія пространства, прилегающаго къ морю, оставленнаго впредь до усмотрѣнія не разграниченнымъ.

По прибытіи генерала Муравьева изъ заграницы, особый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его предложеній объ Амурѣ. Генералъ-губернаторъ представилъ вышеизложенные доводы, почему намъ необходимо теперь воспользоваться удобнымъ водянымъ путемъ къ морю, и послѣ долгихъ и жаркихъ преній, настала наконецъ та рѣшительная минута, которую Россія ожидала болѣе 150 лѣтъ. Рѣшено было: «*плыть по Амуру.*»

Государь Императоръ, утвердивъ таковое рѣшеніе изволилъ лично прибавить генералу Муравьеву: «но чтобы и не пахло пороховымъ дымомъ.» — Послѣ этого генералъ-губернаторъ тотчасъ же отправилъ въ Иркутскъ подполковника Корсакова курьеромъ, съ порученіемъ ускорить распоряженія по амурскому сплаву, которыя всѣ уже были заранѣе подготовлены генераломъ Муравьевымъ, въ твердой увѣренности на непремѣнный успѣхъ своихъ стараній. Еще въ

Digitized by Google

1851 году назначенный для особыхъ порученій къ генералъ-губернатору капитанъ-лейтенантъ Казакевичъ сдѣлалъ промѣръ и опись р. Шилки, съ цѣлію доказать возможность заведенія по ней пароходства. Проэктъ этотъ былъ высочайше утвержденъ и въ слѣдствіе этого въ 1853 году въ Шилкинскомъ заводѣ былъ заложенъ 60 сильный пароходъ «Аргунь», строившійся подъ руководствомъ капитанъ-лейтенанта Казакевича и корабельнаго инженера Шарубина.

Вслѣдъ за отъѣздомъ подполковника Корсакова, самъ генералъ-губернаторъ въ началѣ 1854 года выѣхалъ изъ С. Петербурга въ Иркутскъ, и еще по льду переѣхалъ Байкалъ и продолжалъ путь въ Забайкалье. Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она дожидалась слишкомъ 150 лѣтъ. Николая Николаевича вездѣ встрѣчали съ восторгомъ давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни *). По прибытіи его въ

*) Вотъ стихи, сказанные Николаю Николаевичу на обѣдѣ въ Кяхтѣ, 27 апрѣля 1854 года, однимъ изъ членовъ купечества, г. Ксенофонтомъ Кондинскимъ:

Пируя праздникъ возвращенья,
Сподвижникъ царскій, твоего —
Не можемъ чувства восхищенья
Вполнѣ мы выразить всего.
Отъѣздъ твой скорый предвѣщаетъ
Сибири новую зарю,
Онъ свѣжи лавры обѣщаетъ
И Руси, и Бѣлому Царю.
Сибирь съ надеждой несомнѣнной
Глядитъ на рдѣющій Востокъ
И ждетъ, что трудъ свой вдохновенный
Богатствамъ нашимъ дастъ истокъ.
Амуромъ путь ты имъ проложишь,
Движенье силамъ нашимъ дашь,
Добра начало тѣмъ положишь
И край счастливѣй будетъ нашъ.
Быть можетъ, нашъ орелъ двуглавый
Пробудитъ дремлющій народъ,
И, озарившись новой славой,
Его онъ къ жизни призоветъ.
Счастливъ, кого судьба избрала
Орудьемъ помысловъ благихъ,
Счастливъ, кому она сказала:
Ступай впередъ!... Исполни ихъ!...

Digitized by Google

Шилкинскій заводъ, на водѣ уже красовался невиданный до сего времени въ Забайкальи пароходъ «Аргунь» и 75 номеровъ грузовыхъ барказовъ для экспедиціи. Горное вѣдомство сдѣлало въ честь торжества блестящую иллюминацію, въ которой на сосѣднихъ береговыхъ утесахъ красовались составленныя изъ плошекъ громадные двуглавые орлы, и вензеля Николая Николаевича; на транспортахъ были изображены аллегорическія картины, приличествующія событію. Наконецъ 14 мая экспедиція послѣ напутственнаго молебна передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной изъ Албазина и при салютаціи изъ древней Албазинской пушки, отвалила отъ берега и пустилась въ дальній путь по невѣдомой рѣкѣ. «Впереди всѣхъ понеслась лодка генерала» говоритъ очевидецъ событія *), «а за нею и всѣ прочіа суда. «Запестрелись передъ нами берега Шилки, оглушаемые громкими криками ура съ берега и рѣки и плесками веселъ. «Великолѣпна была Шилка въ эту свѣтлую минуту; гордо «катились волны ея; ей, казалось, нравилась, полюбилась свѣжая флотилія, которая неслась передъ ея берегами къ свѣжему дѣлу. Заводская пушка привѣтствовала нашу флотилію; горныя пади вторили ей, и все населеніе Шилки кидало шапки па воздухъ при крикѣ ура.—Это было восторженное, единодушное радостное привѣтствіе, предзнаменованіе благаго исхода новаго пути!»

17 Мая вечеромъ экспедиція подошла къ усть-Стрѣлкѣ, при сліяніи Шилки съ Аргунью, и 18 въ 2½ часа послѣ обѣда вступила въ воды Амура. «Трубачи играли *Боже царя храни!* всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Генералъ зачерпнулъ въ ста-

---

Свершить вѣковъ опредѣленье
Тебѣ назначено судьбой,
И Богъ свое благословенье
Пошлетъ на подвигъ трудный твой!
И вся Сибирь изъ рода въ родъ
Прославитъ смѣлый твой походъ!
И мы воскликнемъ всѣ тогда:
Ура, нашъ Муравьевъ! — Ура!...

*) Г. Свербеевъ въ своемъ описаніи плаванія по Амуру въ 1854 году.

Digitized by Google

«канъ воды амурской, поздравилъ всѣхъ съ началомъ пла-«ванія по Амуру; раздалось ура! Торжественна была эта «минута послѣ двухъ вѣковаго промежутка повторившаяся «для русскихъ на Амурѣ; весело было смотрѣть на суда, «которыя неслись по гладкой поверхности рѣки *).»

20 Мая экспедиція подошла къ бывшему Албазинскому острогу, слѣды котораго явственно сохранились до настоящаго времени. «Причаливая къ пустынному холму, священ-«ному по преданіямъ, музыка играла: *Коль славенъ нашъ «Господь въ Сіонѣ;* по всѣмъ судамъ скомандовали на моли-«тву, всѣ встали и сняли шапки. Въ этомъ молитвенномъ «приближеніи къ мѣсту древняго обиталища нашихъ соотечественниковъ, почившихъ уже давно, слышалось благого-«вѣйное почитаніе потомками историческаго пепелища, дра-«гоцѣннаго русскому сердцу. За молитвой слѣдовалъ народ-«ный гимнъ, при звукахъ котораго мы вступили на алба-«зинскую почву. Что-то родное сказалось сердцу, когда мы «вышли на долину, гдѣ жили русскіе люди, гдѣ они такъ «долго, храбро и упорно отстаивали права своего обладанія. «Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на Албазин-«скій валъ и осмотрѣть его въ подробности; первымъ взо-«шелъ генералъ, за нимъ послѣдовали всѣ кому нечего было «дѣлать на лодкахъ *).»

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ сплава по Амуру, изъ С. Петербурга былъ посланъ листъ Пекинскому Трибуналу Внѣшнихъ Сношеній, отъ 4 февраля 1854 года, въ которомъ извѣщалось, что отъ нынѣ повсѣмъ дѣламъ о разграниченіи земель, разрѣшено генералъ-губернатору Восточной Сибири сноситься съ ними прямо отъ себя. Въ слѣдствіи этого для предупрежденія Китайскаго правительства о нашемъ сплавѣ по Амуру, генералъ-губернаторъ послалъ въ Пекинъ первый свой листъ, отъ 14 апрѣля, съ полковникомъ Заборинскимъ. Но поѣздка эта не состоялась по случаю непропуска полковника Заборинскаго Ургинскими правителями, почему листъ этотъ изъ Кяхты былъ отправленъ въ Ургу и Пекинъ

*) Свербеевъ, описаніе плаванія по Амуру въ 1854 году.
**) Свербеевъ, описаніе плаванія по Амуру въ 1854 году.

Digitized by Google

обыкновеннымъ порядкомъ. Въ этомъ листѣ между прочимъ заключалось, что послучаю открывшихся у насъ военныхъ дѣйствій съ другими державами, генералъ-губернаторъ, въ слѣдствіе полученнаго имъ приказанія, отправляется съ приличнымъ числомъ чиновниковъ и войска на судахъ по р. Амуру, на подкрѣпленіе нашихъ приморскихъ владѣній,—и спрашиваетъ къ какому времени и куда будутъ высланы уполномоченные Дайцинскаго *) государства для опредѣленія границы.

28 Мая экспедиція подошла къ Маньчжурскому городу Сахалянъ-ула-Хотонъ, или Аихунъ. Генералъ-губернаторъ остановившись на ночлегъ при устьѣ Зси, послалъ впередъ на лодкѣ чиновниковъ Свербеева и Сычевскаго, которые передали исправляющему должность правителя города *Мейрень Джынгинъ-Хуцумбу* Маньчжурскую копію съ вышепомянутаго листа. Комендантъ города еще не получалъ отъ своего правительства извѣстія о намѣреніи русскихъ плыть по Амуру, и поэтому представлялъ невозможность пропуска Русской флотилій мимо города. Въ то время, когда наши чиновники откланивались Мейрены-Джангину, къ нему вбѣжалъ старичекъ Хафань (чиновникъ), сталъ на колѣно и въ испугѣ донесъ Хуцумбу, что по Амуру, *словно шуга,* идутъ русскія суда, запрудившія всю рѣку, что у пристани остановились большое судно и нѣсколько лодокъ. Послѣ этого двое изъ Маньчжурскихъ чиновниковъ, принятыхъ генераломъ на пароходѣ «Аргунь», желали только, чтобы русскій отрядъ скорѣе миновалъ ихъ городъ. Генералъ-губернаторъ имѣлъ съ правителемъ города торжественное свиданіе на берегу въ особо приготовленной палаткѣ, при чемъ былъ угощаемъ со своею свитою.

Продолжая путь далѣе къ устью Амура, экспедиція 30 мая достигла устья р. Буреи, 2-го іюня миновала устье р. Сунгари, а 5-го іюня устье Усури. Послѣ томительныхъ ожиданій окончанія путешествія по неизвѣстной рѣкѣ, которая была въ это время въ такомъ высокомъ разливѣ, что

*) Китайское государство въ настоящее время называется по имени царствующаго дома *Дайцинскимъ.*

Digitized by Google

баржи часто проплывали поверхъ островов и по верхушкамъ растущихъ на нихъ кустовъ, — задѣвавшихъ иногда за колеса парахода, — экспедиція 9-го іюня находилась въ окрестностяхъ деревни Май, — около 200 верстъ ниже устья р. Усури. За неимѣніемъ никакихъ картъ рѣки Амура, длину пути исчисляли по генеральной картѣ Азіи, и по этому полагали, что подходятъ къ озеру Кызи, тѣмъ болѣе что и самая мѣстность, по удостовѣренію бывшихъ тамъ, походила на окрестности Маріинскаго поста. Въ этотъ день внезапно налетѣла буря и въ нѣсколько минутъ затопила суда, такъ что въ этотъ критическій моментъ экспедиція едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня были употреблены на просушку провіанта у низменнаго острова, названнаго въ память святаго празднуемаго въ этотъ день, — островомъ *Св. Кирилла.* 10 іюня вечеромъ, замѣчена была на рѣкѣ лодка, идущая парусомъ противъ теченія, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу кругомъ генерала, съ нетерпѣніемъ ожидая извѣстій. Еще лодка неуспѣла подойти къ берегу, какъ генералъ крикнулъ: «далеко ли до Маріинскаго поста?» Офицеръ отвѣчалъ — 500 верстъ, — что непріятно разочаровало всѣхъ, ожидавшихъ близкаго конца своего плаванія. Офицеръ былъ мичманъ Разградскій, посланный отъ капитана Невельскаго на встрѣчу экспедиціи генералъ-губернатора. — Онъ сообщилъ, что капитанъ Невельской самъ вмѣстѣ съ нимъ ожидалъ здѣсь генерала, — согласно полученнымъ отъ него распоряженіямъ, въ которыхъ генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ, что онъ будетъ въ Маріинскій постъ 15-го мая, — но недождавшись, отправился обратно въ Кызи и заливъ де-Кастри, куда должны были прибыть транспортъ «Байкалъ» изъ Камчатки и суда эскадры графа Путятина изъ Японіи. — Мичманъ Разградскій вручилъ генералу письмо отъ капитана Невельскаго, въ которомъ онъ указывалъ на необходимость оставить на устьяхъ рѣкъ Хунгари и Усури — какъ въ странѣ по всѣмъ правамъ принадлежащей Россіи — небольшіе посты, которые служили бы опорными точками нашего сооещенія по Амуру и мѣстами складовъ припасовъ.

До этого пункта экспедиція находила большую часть при-

Digitized by Google

брежныхъ деревень пустыми, потому что жители бѣжали отъ страха, но отсюда экспедиція вступила въ страну какъ-бы давно принадлежащую Россіи. — Начали встрѣчаться Гольды, съ любопытствомъ разсматривавшіе Русскихъ; изъ числа ихъ явились лоцмана и проводники, приготовленные г. Невельскимъ, — которыхъ до того времени нельзя было достать нигдѣ, чрезъ что плаваніе по неизвѣстной рѣкѣ еще болѣе затруднялось и замедлялось. Приваливъ въ одной деревнѣ къ берегу для обѣда, генералъ по обыкновенію началъ раздавать жителямъ серебро и разныя бездѣлушки; — это ободрило Гольдовъ и они по очередно съ женами и дѣтьми подходили къ кресламъ въ которыхъ сидѣлъ генералъ, кланялись ему и получали или серьги, или слитокъ серебра и т. п. — Наконецъ прибѣжалъ бывшій въ деревни Маньчжурскій купецъ, бросился передъ генераломъ на колѣни, и показывая Маньчжурскій листъ на право торговли, извинялся что онъ заѣхалъ въ эти мѣста безъ дозволенія Русскихъ, что онъ незналъ до сихъ поръ что эта страна принадлежитъ Русскимъ, и въ заключеніе просилъ дозволенія на производство торговли въ низовьяхъ Амура, — которое было ему дано тутъ же. — Этотъ фактъ вполнѣ подтверждалъ справедливость заключеній г. Невельскаго, что Приамурскій край отъ устья Усури до моря долженъ по всѣмъ правамъ принадлежать Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ вліяніе, которое Амурская экспедиція успѣла пріобрѣсти надъ этою страною, — не смотря на то, что начальнику этой экспедиціи дано было право распространять это вліяніе только на страну прилегающую устью Амура.

Въ этомъ же году, послучаю разрыва съ Англіей и Франціей, адмиралъ Путятинъ получилъ въ Японіи высочайшее повелѣніе отправиться съ судами своей эскадры къ берегамъ Амура. — По полученіи таковаго повелѣнія, адмиралъ Путятинъ отправилъ изъ своего отряда весною 1854 года корветъ «Оливуца» на подкрѣпленіе Петропавловскаго порта, приказавъ на пути зайти и дать знать о разрывѣ въ императорскую гавань. Прибывъ туда въ половинѣ апрѣля корвертъ «Оливуца.» — Нашелъ экипажи зимовавшихъ тамъ корабля «Николай» и транспорта «Иртышъ» въ изнуренномъ положе-

Digitized by Google

ніи и цынгѣ, а потому вмѣстѣ съ вошедшимъ тудаже 1-го мая транспортомъ «Князь Меншиковъ,» снабдилъ ихъ свѣжею провизіею и улучшилъ по возможности положеніе больныхъ. — Отсюда транспорты «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ», по распоряженію адмирала Путятина, отправились въ заливъ Анниву на островѣ Сахалинѣ, гдѣ соединились съ транспортомъ «Байкалъ», идущимъ изъ Петропавловска въ заливъ де-Кастри съ провіантомъ, требованнымъ капитаномъ Невельскимъ въ концѣ 1853 года. — Начальствующій здѣсь маіоръ Буссе, по совѣту вице-адмирала Путятина, — переданному ему пришедшими судами, — снялъ Муравьевскій постъ и посадивъ свою команду на транспорты «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ» прибылъ вмѣстѣ съ нею въ императорскую гавань. Транспортъ же «Байкалъ,» согласно данному ему назначенію, направился изъ залива Анива прямо въ заливъ де-Кастри, куда и доставилъ провіантъ, за которымъ онъ былъ посланъ капитаномъ Невельскимъ изъ Петровскаго осенью 1853 года въ Петропавловскъ.

Между тѣмъ самъ адмиралъ Путятинъ на 52-хъ пушечномъ фрегатѣ «Паллада» въ сопровожденіи шкуны «Востокъ» прибылъ въ императорскую гавань 20-го мая. — Находя весьма удобнымъ защищаться здѣсь противъ непріятеля, онъ соединилъ всѣ свои суда въ Константиновской бухтѣ и усилившись прибывшею тогда на транспортахъ «Иртышъ» и «Князь Меншиковъ» командою Муравьевскаго поста, приступилъ къ укрѣпленію своей позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ кромѣ корвета «Оливуца», ушедшаго уже тогда согласно приказанія въ Петропавловскій портъ, онъ отправилъ транспорты «Иртышъ,» «Двина» и шкуну «Востокъ» въ заливъ де-Кастри, пославъ на послѣдней увѣдомленія начальнику Амурской экспедиціи и генералъ-губернатору о предпринимаемыхъ имъ мѣрахъ защиты въ императорской гавани и прося вмѣстѣ съ тѣмъ прислать для своей эскадры продовольствіе на посылаемомъ транспортѣ «Иртышъ». — Такимъ образомъ въ заливъ де-Кастри, вскорѣ по приходѣ туда транспорта «Байкалъ» изъ Петропавловска, собрались транспорты, «Иртышъ,» «Двина» и шкуна «Востокъ».

Генералъ-губернаторъ продолжая свое плаваніе по Аму-

Digitized by Google

ру, недоходя Маріинскаго поста, отправилъ впередъ пароходъ «Аргунь,» который и прибылъ туда 12-го іюня. — Находившійся тогда въ заливѣ де-Кастри капитанъ Невельской, получивъ объ этомъ извѣстіе, немедленно прибылъ въ Маріинскій постъ, откуда отправился въ байдаркѣ на встрѣчу генералъ-губернатора. — Въ 7-ми верстахъ отъ поста, онъ встрѣтилъ экспедицію и здѣсь донесъ генералу о благополучномъ состояніи нашихъ постовъ на Амурѣ и островѣ Сахалинѣ, о прибывшихъ въ заливъ де-Кастри судахъ—«Двина,» «Иртышъ» «Байкалъ» и «Востокъ», о соединеніи всѣхъ судовъ адмирала Путятина въ императорской гавани, и представилъ на выборъ генерала защищаться съ нашими судами или въ Петропавловскомъ портѣ, или въ императорской гавани, упоминая, что всѣ войска и припасы, назначаемыя въ Камчатку, возможно теперь же переправить изъ Маріинскаго поста прямо въ заливъ де-Кастри, гдѣ посадивъ и погрузивъ на пришедшія суда, отправить къ избранному для обороны пункту.

Къ полудню 14-го іюня 1854 года экспедиція прибыла наконецъ въ Маріинскій постъ, гдѣ всѣ барказы и лодки вошли въ заливъ (Курью) Амурской протоки, на берегу котораго стояли въ это время только двѣ избы, существующія и до настоящаго времени, — въ которыхъ помѣщались 5 человѣкъ содержавшихъ постъ, и сохранялись товары и продовольствіе, — Въ этотъ день за обѣдомъ у Николая Николаевича собрались всѣ его спутники и дружно и радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой русской экспедиціи по рѣкѣ Амуру, совершенной подъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева.

350 человѣкъ нижнихъ чиновъ, сплывшихъ по Амуру на укомплектованіе находящагося въ Камчатской флотиліи 47-го флотскаго экипажа, отправились изъ Маріинскаго поста чрезъ озеро Кызи въ заливъ де-Кастри, и отсюда на транспортахъ «Иртышъ» и «Двина,» — пришедшихъ кругомъ свѣта изъ Кронштадта въ Камчатку съ орудіями, — направились въ Петропавловскій портъ. — Сотня казаковъ, при двухъ гор-

Digitized by Google

ныхъ орудіяхъ, была оставлена въ Маріинскомъ посту, остальные пустились внизъ по Амуру въ Николаевскій постъ.

Отправленный адмираломъ Путятинымъ въ Петропавловскій портъ корветъ «Оливуца,» прибывъ туда, передалъ Камчатскому военному губернатору извѣстіе о разрывѣ съ Англіей и Франціей, и что по этому случаю онъ присланъ на подкрѣпленіе Петропавловска, вмѣсто фрегата «Паллада,» оставленнаго адмираломъ Путятинымъ при себѣ. — Контръ-адмиралъ Завойко, получивъ эти извѣстія, тотчасъ же отправилъ корветъ «Оливуца» обратно въ заливъ де-Кастри, увѣдомляя, что онъ не въ состояніи продовольствовать вновь прибывшую команду, потому что у него всего провіанта для находящихся въ Петропавловскомъ портѣ жителей имѣется только до 1-го ноября. — Въ слѣдствіе этого распоряженія, корветъ «Оливуца» прибылъ въ заливъ де-Кастри уже послѣ ухода оттуда транспортовъ «Двина» и «Иртышъ,» которые успѣли прибыть въ Петропавловскій портъ и доставить туда подкрѣпленіе и провіантъ до непріятельскаго нападенія. — Корветъ «Оливуца», отправленный съ провіантомъ изъ залива де-Кастри вторично въ Петропавловскій портъ, не засталъ уже тамъ непріятельскихъ судовъ и остался здѣсь на зимовку.

Генералъ-губернаторъ, получивъ высочайшее повелѣніе, чтобы суда наши находящіяся въ Японіи, были на время войны введены въ устье Амура, по прибытіи своемъ въ Маріинскій постъ, отправился вмѣстѣ съ капитаномъ Невельскимъ на пароходѣ «Аргунь» по озеру Кызи въ заливъ де-Кастри, и оттуда на шкунѣ «Востокъ» прибылъ въ императорскую гавань. — Здѣсь условившись съ адмираломъ Путятинымъ о вводѣ фрегата «Паллада» въ устье Амура, генералъ-губернаторъ отправился на шкунѣ «Востокъ» обратно, въ заливъ де-Кастри и отсюда чрезъ лиманъ въ Петровское. — На этомъ пути генералъ-губернаторъ осмотрѣлъ мысъ Лазарева, оставилъ на немъ нѣсколько матросовъ, для указанія имѣющему прибыть изъ императорской гавани фрегату «Паллада» мѣста для разгрузки, — и слѣдуя Сахалинскимъ каналомъ далѣе къ сѣверу, пробовалъ на пути открыть средній фарватеръ въ устье Амура, но эти отрывочныя изслѣдованія не повели ни къ какимъ результатамъ. —

Digitized by Google

Фарватеръ этотъ предполагался капитаномъ Невельскимъ на основаніи изслѣдованій поручика Воронина въ 1853 году, по которымъ только небольшой промежутокъ между Сахалинскимъ и промѣреннымъ г. Ворониным среднимъ каналомъ, остался необслѣдованнымъ. По прибытіи въ Петровское большая часть штаба генералъ-губернатора отправлена была на шкунѣ «Востокъ» въ Аянъ, а самъ генералъ Муравьевъ съ капитанами Невельскимъ и Казакевичемъ, на оленяхъ сухопутьемъ доходилъ до Николаевскаго поста, для осмотра низовья рѣки Амура, и выбора мѣста для укрѣпленій. Въ это время въ Николаевскомъ посту существовали только три дома, о которыхъ было помянуто выше, и компанейскій магазинъ.

Между-тѣмъ адмиралъ Путятинъ, исполняя Высочайшую волю, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, прекратилъ всѣ работы по укрѣпленію Императорской гавани, снялъ Константиновскій постъ и вышелъ со всѣми судами къ лиману Амура. — Прибывъ 15-го іюля къ мысу Лазарева, онъ приступилъ къ разгрузкѣ и снятію рангоута съ фрегата «Паллада», а между-тѣмъ этого-же числа вошелъ въ заливъ де-Кастри, — отправленный изъ Кронштадта въ 1853 году на смѣну фрегата «Паллада», — 52-хъ пушечный фрегатъ «Діана», который, согласно сдѣланнымъ распоряженіямъ, пошелъ отсюда къ мысу Лазарева, куда и прибылъ 20-го числа этого мѣсяца. Въ это время часть гребныхъ судовъ эскадры, въ свободное отъ работъ время, производила изслѣдованія и промѣры лимана, а вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ Путятинъ съ генералъ-губернаторомъ и капитанами Невельскимъ и Казакевичемъ ходили на пароходѣ «Аргунь» въ лиманъ для изслѣдованія средняго канала, но всѣ эти поиски оказались неудовлетворительными. Впрочемъ, всѣ эти изслѣдованія, вмѣстѣ съ промѣрами, произведенными въ августѣ этого года поручиками Моисеевымъ и Ворониным на катерахъ фрегата «Паллада», подтвердили вѣрность карты пути по лиману въ устье Амура, представленной въ 1853 году капитаномъ Невельскимъ генералъ-губернатору, и показали что фрегатъ «Паллада», совершенно разоруженный и разгруженный, можетъ войти въ устье Амура по сахалинскому и сѣ-

Digitized by Google

верному каналамъ, если только не будетъ упущено время высокихъ приливовъ до половины августа, и если проводка пустаго фрегата будетъ облегчена пароходами.

По возвращеніи шкуны «Востокъ» изъ Аяна въ Петровское, а отсюда въ Николаевскій постъ, генералъ-губернаторъ съ остальною частію своего штаба, отправился на этомъ-же суднѣ въ Аянъ *). Отсюда онъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ слѣдовавшихъ въ Камчатку чиновниковъ и часть почты на кораблѣ Россійско-американской компаніи «Ситха» въ Большерѣцкъ, но корабль направился прямо въ Петропавловскій портъ и здѣсь, при входѣ въ Авачинскую губу, былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскою эскадрою, возвращавшеюся послѣ дѣла подъ Петропавловскомъ. Шкуна-же «Востокъ», отправленная генералъ-губернаторомъ также съ почтою въ Петропавловскъ, выйдя изъ Аяна 17-го августа, 26-го вошла въ Авачинскую губу и, встрѣтившись при входѣ съ ботомъ N° 1, была предупреждена командиромъ онаго, боцманомъ Новограбленымъ, о нахожденіи здѣсь непріятельскихъ судовъ, почему и повернула обратно. Починившись на одномъ изъ сѣверныхъ курильскихъ острововъ (Поромуширѣ), и передавъ почту на встрѣченный транспортъ «Байкалъ», который направился къ Большерѣцку, шкуна «Востокъ» прибыла туда-же 20-го сентября и чрезъ 8 дней отправилась обратно въ Петровское, куда и прибыла на зимовку 10-го октября **).

Отъѣзжая изъ Аяна въ Иркутскъ, генералъ-губернаторъ оставилъ тамъ распоряженіе капитану Невельскому, продолжать постройки въ Николаевскомъ посту, имѣя въ виду, что туда соберется на зимовку до 800 человѣкъ, и снабдить этотъ постъ продовольствіемъ на гребныхъ судахъ изъ Петровскаго. По прибытіи-же шкуны «Востокъ» изъ Аяна (которой назначено было вернуться въ устье Амура, тотчасъ-же по доставленіи въ Аянъ генералъ-губернатора), отправить ее

*) Это плаваніе шкуны «Востокъ» описано однимъ изъ участниковъ его, нашимъ извѣстнымъ литераторомъ И. А. Гончаровымъ, который, по прибытіи съ адмираломъ Путятинымъ на фрегатѣ «Паллада» въ Императорскую гавань, отправился оттуда въ Петровское зимовье, а отсюда съ генералъ-губернаторомъ продолжалъ плаваніе въ Аянъ.

**) Случаи и замѣтки на винтовой шкунѣ «Востокъ». М. Сб., т. XXXVIII.

Digitized by Google

въ распоряженіе адмирала Путятина, для содѣйствія при проводкѣ фрегата «Паллада» въ устье Амура. Командиру-же фрегата, капитану Унковскому, было предложено, по совершенной разгрузкѣ фрегата, стараться какъ-можно-скорѣе ввести его въ Амуръ, не упуская удобнаго для того времени; въ случаѣ-же, если-бы фрегатъ «Паллада» не вошелъ въ устье Амура, то поставить его на зимовку въ лиманъ, окруживъ отъ напора льда сваями. Фрегатъ «Паллада», разгрузившись и разоружившись у мыса Лазарева и оставивъ здѣсь свою артиллерію, сидѣлъ въ водѣ 18 футовъ 9 дюймовъ, и только 10-го августа тронулся отсюда въ путь по прибрежному фарватеру. 1-го сентября онъ вошелъ въ Сахалинскій каналъ, успѣлъ перейдти баръ этого канала и достигнуть паралели мыса Табахъ, гдѣ, 6-го сентября, при штормѣ отъ NW, онъ потерялъ всѣ шлюпки. Другихъ средствъ къ дальнѣйшему его слѣдованію между-тѣмъ не было, потому-что винтовая шкуна «Востокъ», по доставленіи генералъ-губернатора въ Аянъ, не вернулась оттуда къ устью Амура, а была отправлена, (какъ было выше помянуто), въ Камчатку; другое-же паровое судно, «Аргунь», требовало въ это время исправленій. Безъ паровыхъ-же судовъ и безъ шлюпокъ не представлялось никакой возможности успѣть въ такое позднее время года пройти съ фрегатомъ «Паллада» еще около 80 миль по фарватеру, чтобы ввести его въ устье Амура. Вмѣстѣ съ тѣмъ оставить фрегатъ на зимовку въ Лиманѣ, окруживъ отъ напора льда сваями, адмиралу Путятину казалось ненадежнымъ, почему онъ, поставивъ на немъ фальшивое вооруженіе, вмѣстѣ съ фрегатомъ «Діана» отправился въ Императорскую гавань. Оставивъ здѣсь фрегатъ «Паллада» на зимовку, при караулѣ изъ 10-ти человѣкъ, съ боцманомъ Синицынымъ, самъ адмиралъ Путятинъ, на фрегатѣ «Діана», отправился въ Японію, имѣя намѣреніе возвратиться сюда раннею весною и взять съ собой фрегатъ «Паллада», для ввода его въ устье Амура.

Для полноты разсказа слѣдуетъ привести, что въ этомъ-же году, въ бытность генералъ-губернатора въ Николаевскомъ посту, онъ получилъ отвѣтъ на посланный имъ предъ

Digitized by Google

отправленіемъ по Амуру листъ Пекинскому трибуналу о разграниченіи земель. Отвѣтъ этотъ заключался въ присланномъ изъ Кызи 21-го іюля письмѣ отъ Цзиринскаго (Гиринскаго) Гусайды Фунянги, въ которомъ увѣдомлялось, что по указу богдыхана онъ назначенъ для осмотра и разграниченія мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Россіею, и что поэтому онъ изъ города Санъ-Сина отправился въ лодкахъ внизъ по Сунгари-ула, но узнавъ, что генералъ проплылъ внизъ, онъ остановился въ деревнѣ *Мылки,* оттуда и отправляетъ чиновника Тэйхенъ, Бошховъ (капраловъ) Далинь и Сиченъ съ товарищами, для извѣщенія о таковомъ указѣ богдыхана, а самъ, по прибытіи нашихъ чиновниковъ, отправится осматривать пограничныя мѣста.

1854 годъ составилъ важную эпоху среди событій, совершившихся на Амурѣ. Благодаря настойчивымъ стремленіямъ и энергической дѣятельности генерала Муравьева, одушевленныхъ величіемъ совершаемаго имъ подвига, образованный и ученый міръ впервые услыхалъ о недоступнѣйшей, заповѣданной части азіятскаго материка; промышленность и торговля впервые получили обстоятельныя свѣденія о судоходности Амура; политическія сношенія наши съ Китаемъ впервые приняли характеръ увѣренности. Плаваніе генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева по Амуру доставило обстоятельныя свѣденія о характерѣ береговъ, ихъ растительности, и удобствахъ для поселенія; разсѣяло прежніе смутные толки и слухи о небывалыхъ на Амурѣ непроходимыхъ порогахъ, о страшныхъ водоворотахъ и стремнинахъ, о китайскихъ крѣпостяхъ и гарнизонахъ, о сильной военной флотиліи, содержимой Китайцами на Амурѣ и о воинственномъ духѣ береговыхъ жителей. Оно показало китайскому правительству, что мы никогда не отказывались отъ своихъ правъ на Амуръ, и если не пользовались ими до сего времени, то вовсе не потому, что не имѣли на то позволенія Китайцевъ. Послѣ занятія устья Амура и открытія свободнаго пути изъ него въ океанъ, это былъ рѣшительный шагъ, поставившій твердо русскую власть на берегахъ Амура, утвердившій прочно русское вліяніе въ приамурскомъ краѣ и расшевелившій надолго обитателей

Digitized by Google

крайняго востока, погруженныхъ въ вѣковой сонъ съ своимъ одряхлѣвшимъ правительствомъ. Это былъ сильный рычагъ, подвинувшій китайское правительство къ скорѣйшему разрѣшенію вѣковаго вопроса объ Амурѣ; наконецъ, это было событіе до такой степени важное по своимъ послѣдствіямъ, что не далѣе какъ черезъ 4 года, оно выразилось окончательнымъ присоединеніемъ Амура къ Россійской имперіи.

Но дальновидныя соображенія генерала Муравьева при домогательствѣ разрѣшенія на сплавъ по Амуру, особенно-вѣрно и блистательно оправдались въ томъ-же 1854 году. Войска и припасы, доставленные въ этомъ году по Амуру въ Камчатку, были причиною блистательнаго отраженія англо-французской эскадры отъ Петропавловска. Часть пушекъ для укрѣпленія этого порта, по настоянію Николая Николаевича, была доставлена изъ Кронштадта на транспортѣ «Двина», другой транспортъ, «Нѣманъ», шедшій также въ Камчатку съ орудіями и припасами, погибъ въ Категатѣ. Такимъ-образомъ, безъ плаванія по Амуру генерала Муравьева, въ 1854 году, и безъ его настоятельныхъ убѣжденій о снабженіи Камчатки орудіями кругомъ свѣта изъ Кронштадта, Петропавловскій портъ и находившаяся тамъ русская военная эскадра, были-бы обречены на несомнѣнную гибель, и русская военная исторія не записала-бы на своихъ страницахъ одного изъ блестящихъ подвиговъ минувшей войны.

Содержаніе амурской экспедиціи на счетъ Россійско-американской компаніи кончилось въ 1853 году. Съ 1854 года весь приамурскій край, съ островомъ Сахалиномъ, и амурская экспедиція поступили въ полное завѣдываніе правительства. При этомъ россійско-американской компаніи были уплачены всѣ издержки, употребленныя ею на содержаніе амурской и сахалинской экспедицій. Съ экспедиціей генералъ-губернатора прибыли въ составъ амурской экспедиціи рота 47-го флотскаго экипажа изъ 280 человѣкъ и сотня Казаковъ, кромѣ-того осенью прибыла на устье Амура команда фрегата «Паллада», изъ 380 человѣкъ. Отъ такого непредвидѣннаго скопленія людей, г. Невельской былъ поставленъ въ весьма-затруднительное положеніе. Избравъ главнымъ

Digitized by Google

пунктомъ управленія всѣмъ краемъ Николаевскъ, г. Невельской окончательно перешелъ сюда изъ Петровскаго съ своимъ семействомъ, 24-го августа, и не теряя времени, дѣятельно принялся за постройку помѣщеній. Одновременно съ этимъ нужно было перевезти въ Николаевскій постъ запасы и продовольствіе, прибывшіе 25-го августа изъ Аяна въ Петровское, нужно было доставить продовольствіе къ мысу Лазарева, на фрегатъ «Діана», отправляющійся въ Японію и всю эту перевозку надобно было производить на гребныхъ судахъ по лиману въ бурное осеннее время, и успѣть окончить до закрытія навигаціи. Команда фрегата «Паллада» прибыла въ Николаевскій постъ только 22-го сентября, и только съ этого времени начала принимать участіе во всѣхъ работахъ, а между-тѣмъ для нея надобно было заранѣе приготовить теплое помѣщеніе. Отправленный въ Императорскую гавань, фрегатъ «Паллада» выгрузилъ свои орудія на мысѣ Лазарева, гдѣ они и остались на зиму, за неимѣніемъ никакихъ средствъ доставить ихъ въ устье Амура. Поэтому зимою г. Невельской заложилъ въ Николаевскомъ посту первое русское на Амурѣ судно, шкуну «Лиманъ» *), чтобы имѣть возможность весною перевезти орудія съ мыса Лазарева въ Николаевскъ. Не смотря, однако, на ничтожность тогдашнихъ средствъ, на недостатокъ помѣщенія и на неожиданное прибытіе команды, г. Невельской успѣлъ выстроить казармы, дома для офицеровъ и всѣ зданія, сохранившіяся до настоящаго времени по обѣимъ сторонамъ главной улицы Николаевска, (Амурскаго проспекта) между сухарнымъ заводомъ и площадью. Въ порту, на кошкѣ Куэгда, было въ это время выстроено нѣсколько магазиновъ и сараевъ, а въ слободкѣ до 11-ти частныхъ домовъ. Прибытіе офицеровъ и команды съ фрегата «Паллада» оживила новыхъ жителей Николаевскаго поста, привыкшихъ къ пустынной жизни въ Петровскомъ. Устроилось общество, театръ и даже танцы, не смотря на то, что было только двѣ дамы:

*) Шкуна «Лиманъ», существующая до настоящаго времени, какъ первое на Амурѣ построенное судно, прозвана въ шутку моряками «Бабушка», потому-что «Дѣдушкой» считался ботъ, построенный капитаномъ Невельскимъ еще въ Петровскомъ.

Digitized by Google

г-жа Невельская и г-жа Бачманова, первыя русскія дамы на берегахъ Амура. Команда фрегата «Паллада», вмѣстѣ съ ротою 47-го флотскаго экипажа и прежними чинами Амурской экспедиціи, составила въ Николаевскѣ до 800 человѣкъ жителей, — сотня Казаковъ зимовала въ Маріинскомъ посту, а шкуна «Востокъ» въ Петровскомъ зимовьѣ. Не смотря на недостаточность средствъ и помѣщенія, зимовка, при большемъ скопленіи народа, вообще прошла благополучно, такъ что въ Николаевскомъ посту изъ 800 жителей умерло въ эту зиму не болѣе 6-ти человѣкъ.

Въ теченіи этой-же зимы, съ 1854 на 1855 годъ, происходила переписка генералъ-губернатора съ пекинскимъ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній о непропускѣ ургинскими правителями нашего курьера, полковника Заборинскаго, въ Пекинъ, и о назначеніи мѣста для съѣзда уполномоченныхъ для разграниченія. Въ этихъ бумагахъ генералъ-губернаторъ между прочимъ увѣдомлялъ китайское правительство, что весною онъ снова отправится съ войсками по Амуру къ морю для защиты его отъ Англичанъ, почему и просилъ извѣстить его о мѣстѣ, назначенномъ для съѣзда уполномоченныхъ, и отвѣтъ объ этомъ прислать въ Иркутскъ, или на Амуръ.

По полученіи въ С. Петербургѣ извѣстія объ отбитіи нападенія англо-французской эскадры на Петропавловскій портъ, общественное мнѣніе на западѣ сильно заговорило объ нанесенномъ имъ пораженіи, и требовало чтобы соединенныя эскадры въ Тихомъ Океанѣ на слѣдующій годъ шли опять къ Петропавловскому и уничтожили бы его. Генералъ-губернаторъ, получивъ изъ С. Петербурга извѣстіе объ этихъ слухахъ, не дожидаясь приказанія, послалъ своего адъютанта Есаула Мартынова курьеромъ въ Камчатку, съ приказаніемъ военному губернатору Камчатской области контръ адмиралу Завойкѣ снять Петропавловскій портъ, погрузить все казенное имущество на суда эскадры и отправиться къ устью Амура. Есаулъ Мартыновъ, слѣдуя чрезъ Якутскъ и Охотскъ, и оттуда на собакахъ по дикому прибрежью Охотскаго моря, на которомъ разстоянія между жилыми пунктами иногда простираются до 400 верстъ, переѣзжая поперегъ широкихъ за-

Digitized by Google

ливовъ съ опасностію при случайномъ вѣтрѣ погибнуть отъ страшныхъ вьюгъ, или при разломѣ льда отъ морскихъ вѣтровъ быть унесеннымъ на льдинѣ вмѣстѣ съ собаками въ море,—совершилъ весь путь отъ Иркутска до Петропавловскаго порта около 8000 верстъ, неслыханно быстро а именно *въ три мѣсяца*. Скорость его слѣдованія, не смотря на претерпѣнныя имъ опастности и лишенія, — спасли Камчатку и Петропавловскій портъ! Военный губернаторъ контръ-адмиралъ Завойко обратился къ содѣйствію офицеровъ эскадры, и благодаря ихъ стараніямъ, а также усиліямъ и трудамъ прочихъ морскихъ чиновъ, работа по пріѣздѣ Есаула Мартынова въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 года закипѣла быстро. До расхода льда успѣли вооружить суда, погрузить на нихъ казенное имущество, посадить команды служащихъ, съ ихъ семействами и выпилившись изъ льда выдти въ море. Есаулъ Мартыновъ оставленъ былъ въ Петропавловскомъ портѣ начальникомъ Камчатки.

Во время описываемыхъ событій, контръ-адмиралъ Невельскій получивъ увѣдомленіе адмирала Путятина объ оставленномъ имъ въ Императорской гавани на зимовку фрегатѣ «Паллада», и о его намѣреніи зайти за этимъ фрегатомъ раннею весною на обратномъ пути изъ Японіи, отправилъ туда въ исходѣ марта 1855 года по льду на собакахъ чрезъ озеро Кызи, рѣки Яй (Ай), Хояль и Тумджинъ прапорщика корпуса штурмановъ Кузнецова. — Ему приказано было остаться въ Константиновскомъ посту, завѣдывать фрегатомъ «Паллада» и въ случаѣ если до прибытія туда адмирала Путятина непріятель взойдя въ заливъ будетъ имѣть намѣреніе овладѣть фрегатомъ, то взорвать его на воздухъ, всѣ строенія въ посту сжечь, а самому съ командою отступить на р. Амуръ чрезъ р. Хунгари.—

Весною 1855 года контръ-адмиралъ Невельской, получивъ въ Николаевскомъ посту въ началѣ апрѣля увѣдомленіе генералъ-губернатора, что съ открытіемъ навигаціи прибудутъ изъ Камчатки въ заливъ де Кастри транспорты съ семействами служащихъ въ Петропавловскомъ портѣ, озаботился отправленіемъ въ заливъ де Кастри для этихъ семействъ сухарей, муки и проч.—Въ началѣ мая, г. Невельской получилъ

Digitized by Google

извѣстіе изъ Маріинскаго поста что въ заливъ де Кастри прибылъ транспортъ «Двина», и что за нимъ слѣдуетъ вся Камчатская эскадра.—Фарватеръ Амура въ это время уже очистился, а заливъ Личъ-ду былъ еще покрытъ льдомъ, а потому г. Невельской перетащивъ черезъ ледъ пароходъ «Надежда» на фарватеръ, отправился на немъ въ Маріинскій постъ для сдѣланія нужныхъ распоряженій. — На половинѣ дороги онъ получилъ извѣстіе изъ залива де-Кастри, что эскадра изъ Камчатки пришла и что за ней гонятся 10-ть непріятельскихъ судовъ, а нѣсколько позже другое извѣстіе, что непріятель вошелъ въ заливъ и атаковалъ наши суда. — Г. Невельской тотчасъ же съ дороги отправилъ приказаніе въ Николаевскъ окружить постъ засѣками, на мысахъ Куэгдѣ, Мео и Чныррахѣ строить временныя 10-ти орудійныя батареи, спѣшить постройкою шкуны «Лиманъ» а капитанъ-лейтенанту Бужакову съ командою изъ 160 человѣкъ, взявъ съ собою на 10 дней сухарей и 200 пушечныхъ зарядовъ, выступить изъ Николаевска на гребныхъ судахъ въ лиманъ и слѣдовать до того мѣста, гдѣ встрѣтятъ льды. Тамъ высадиться на берегъ и слѣдовать имъ на мысъ Лазарева, гдѣ ожидать прибытія Камчатской эскадры, поднять орудія фрегата «Паллада», и устроить изъ нихъ временную батарею, могущую удержать первый натискъ непріятеля.—Капитанъ-лейтенантъ Бужаковъ, съ лейтенантами Бирюлевымъ, Шварцемъ и мичманомъ Ивановымъ, согласно данному приказанію вышли на гребныхъ судахъ въ лиманъ; встрѣтивъ у мыса Усн льды, вытащили свои лодки на берегъ и пѣшкомъ по дикому прибрежью моря, съ командою, которая сверхъ 10-ти дневнаго продовольствія несла на плечахъ своихъ 200 боевыхъ зарядовъ для большихъ орудій,—достигли съ невообразимыми трудностями и лишеніями мыса Лазарева, гдѣ изъ мерзлой земли начали строить батарею, ожидая прибытія Камчатской эскадры.

Между тѣмъ разъ открытое уже сообщеніе по Амуру, удобство и дешевизна его, побуждали воспользоваться имъ, и на будущее время. Это еще болѣе вызывалось тогдашними военными обстоятельствами и необходимостью подкрѣпить устье Амура, гдѣ предположено было сосредоточить суда

Digitized by Google

наши находившіяся въ Японіи и Камчаткѣ. — По этому въ 1855 году произведенъ былъ 2-й амурской сплавъ, который былъ раздѣленъ на три рейса или отдѣленія. 1-е состояло изъ 26 баржъ подъ начальствомъ самаго генерала Муравьева, который въ этотъ разъ отправился по Амуру вмѣстѣ съ своею супругою; 2-е изъ 52 баржъ, подъ начальствомъ командира 15 линейнаго баталіона полковника Назимова и 3-е изъ 35 баржъ, вмѣстѣ съ купеческими, подъ начальствомъ полковника Карсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту приамурскаго края 15 линейный баталіонъ, 14 линейный полубаталіонъ и сводный казачій полубаталіонъ. — Дивизіонъ линейной горной артиллеріи былъ сплавленъ сюда еще въ 1854 году. При третьемъ рейсѣ этого сплава находилась порвая ученая Амурская экспедиція, снаряженная Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, — на счетъ члена соревнователя отдѣла, почетнаго гражданина Степана Ѳедоровича Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амура полпуда золота. Экспедиція состояла изъ членовъ: натуралиста Маака, астронома Рожкова, маштетра Герстфельда, прапорщика корпуса топографовъ Зондгагена и чиновника Кочетова.—

Съ этимъ же сплавомъ прибыли въ низовье Амура первые русскіе переселенцы, составленные изъ Иркутскихъ и Забойкальскихъ крестьянъ, изъявившихъ согласіе поселиться на Амурѣ. Они были поселены между Маріинскимъ и Николаевскимъ, и такимъ образомъ возникли нынѣ существующія селенія: *Иркутское*, *Богородское*, *Михайловское*, отъ котораго въ послѣдствіи отдѣлилась часть въ *Новомихайловское*, и *Сергіевское*.—*Воскресенское* селеніе основалось въ послѣдствіи изъ крестьянъ переселившихся изъ Иркутскаго селенія. Эти первые переселенцы получили отъ казны пособія и освобождены на всегда отъ рекрутской, земской и подушной повинностей. Вмѣстѣ съ ними близь Маріинскаго поста поселилась сотня конныхъ козаковъ, на возвышенномъ острову Амура и назвали свою станицу *Сучи*.

Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая Камчатская эскадра подъ начальствомъ контръ-адмирала Завойко, прибыла въ заливъ де-Кастри, благополучно избѣжавъ встрѣчи

Digitized by Google

съ непріятельскими судами. На пути она заходила въ Императорскую гавань, чтобы, согласно приказанія генералъ-губернатора, взять оттуда фрегатъ «Паллада», — но получивъ свѣдѣніе о скоромъ прибытіи въ Татарскій проливъ непріятельской эскадры, отказалась отъ этого намѣренія и поспѣшила въ заливъ де-Кастри. Здѣсь во время стоянки на якорѣ за островомъ Обсерваторіи, она была открыта непріятельскимъ пароходомъ и фрегатомъ, показавшимися у входа въ заливъ де-Кастри. 9 мая пароходъ сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по судамъ эскадры, и произведя рекогносцировку залива, вышелъ вмѣстѣ съ фрегатомъ въ море и отправился къ югу.—Контръ-адмиралъ Невельской прибывъ между тѣмъ 12 мая въ заливъ де-Кастри, предложилъ собрать изъ офицеровъ эскадры военный совѣтъ, который рѣшилъ ожидать здѣсь непріятеля, драться съ нимъ до послѣдней крайности и въ случаѣ надобности зажечь и взорвать суда. Г. Невельской предложилъ свое мнѣніе, чтобы эскадра, не смотря на неразошедшіеся еще на сѣверѣ отъ залива де-Кастри льды, шла къ мысу Лазарева, гдѣ подъ прикрытіемъ батареи г. Бутакова могла бы разгрузиться и войти въ устье Амура. Это мнѣніе было принято и вслѣдствіе того 13 мая всѣ суда поставивъ паруса, нисколько нетеряя времени, направились на сѣверъ къ лиману Амура и не встрѣтивъ льдовъ, 17 и 18 мая пришли къ мысу Лазарева.—Здѣсь большіе суда разгрузились и пройдя пустыми чрезъ баръ благополучно были введены въ устье Амура. Семейства же, прибывшія изъ Камчатки, всѣ были высажены на берегъ въ заливѣ де-Кастри, откуда пѣшкомъ по тропинкѣ пробрались на озеро Кызи и далѣе въ лодкахъ въ Маріинскій постъ. Въ пособіе имъ при перетаскиваніи по глухой тропинкѣ ихъ имущества, были высланы изъ Маріинскаго поста находившіяся тамъ казаки.

Непріятельская эскадра подошедшая послѣ того къ заливу де-Кастри не нашла тамъ ни одного изъ нашихъ судовъ и не встрѣтила никого изъ людей, потому что г. Невельской опасаясь, чтобы непріятель не захватилъ кого нибудь изъ нашихъ въ плѣнъ, и не свѣдалъ бы отъ нихъ, что наша эскадра пошла къ сѣверу, гдѣ у мыса Лазарева онъ могъ застать ее разоруженною и разгруженною и овладѣть какъ

Digitized by Google

легкою добычею, почти безъ боя,—счелъ за лучшее удалить изъ залива де-Кастри даже всѣхъ гиляковъ здѣшней деревни Нянгмаръ, а нашему посту приказать при приближеніи непріятеля отступать на соединеніе съ казаками, расположенными на тропинкѣ ведущей изъ залива де-Кастри на озеро Кызп. Англичане высаживались на берегъ, осмотрѣли нашъ домикъ построенный лейтенантомъ Бошнякомъ въ 1853 году разсыпали мѣшокъ муки и вернулись обратно на свои суда, которыя послѣ сего отправились въ море.—Командиръ Англійскаго парахода, посѣщавшаго заливъ де-Кастри во время стоянки тамъ нашей эскадры, оправдывалъ свой уходъ изъ залива къ югу тѣмъ, что на всѣхъ картахъ къ сѣверу отъ залива де-Кастри означены сплошные мели,—между матерымъ берегомъ и островомъ Сахалинымъ,—и потому проходъ чрезъ нихъ русской эскадры онъ считалъ невозможнымъ.

Послѣ входа Камчатской эскадры въ устье Амура, въ началѣ іюля, туда же вошла шкуна «Хеда» съ адмираломъ Путятинымъ изъ Японіи. Отправившійся съ нимъ отъ береговъ Амура фрегатъ «Діана», какъ извѣстно, — погибъ въ Симодѣ отъ землетрясенія, и потому адмиралъ Путятинъ выстроивъ въ Японіи шкуну «Хеда», отправился на ней къ Петропавловскому порту, но не найдя тамъ судовъ нашей эскадры, пошелъ къ устью Амура, заходилъ въ Императорскую и въ Татарскомъ проливѣ едва не былъ настигнутъ непріятельскими судами. Другая часть экипажа «Діаны», отправившаяся съ лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ на купеческомъ американскомъ суднѣ въ Петропавловскъ, и оттуда возвращавшаяся къ устью Амура, около сѣверной оконечности острова Сахалина была взята въ плѣнъ непріятелемъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ, находившихся въ 1855 году въ Восточномъ Океанѣ, одинъ только фрегатъ «Паллада», и то только по особымъ обстоятельствамъ, не былъ введенъ въ устье Амура; для всѣхъ же остальныхъ судовъ, рѣка эта послужила надежнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ къ спасенію отъ сильнѣйшаго непріятеля. Въ 1855 году зимовали въ Амурѣ слѣдующія военныя

Digitized by Google

суда: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуци», винтовая шкуна «Востокъ», шкуна «Хеда», транспорты: «Двина», «Иртышъ», и «Байкалъ». Такимъ образомъ открытіе рѣки Амура, въ первые годы уже принесло величайшую пользу тѣмъ, что доставила убѣжище и защиту нашей военной эскадрѣ, безъ котораго оная была бы поставлена въ критическое положеніе при встрѣчѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Суда наши нашли въ устьѣ Амура спокойный и надежный пріютъ, а команды ихъ провели зиму на родной почвѣ, среди русскаго населенія, со всѣми принадлежностями и особенностями русской жизни. Большое скопленіе въ 1855 году въ низовьѣ Амура судовъ, войскъ, и въ особенности семействъ Камчатскихъ жителей и служащихъ, происшедшее сверхъ всякаго ожиданія и приготовленія, естественно должно было породить многія лишенія, стѣсненія въ помѣщеніи, недостатокъ во многихъ предметахъ продовольствія и принадлежностяхъ порядочнаго быта. Въ Николаевскомъ посту, имѣвшемъ весною 1854 года помѣщеній только на 25 человѣкъ, — явилось осенью этого года до 800, а весною 1855 года до 5000 человѣкъ! Надобно было всѣхъ размѣстить и пріютить, доставить всѣмъ средства къ жизни, приготовить къ зимѣ для всѣхъ теплыя помѣщенія и все это производить въ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, при ежеминутной готовности къ отраженію его и одновременно съ постройкой и вооруженіемъ береговыхъ батарей. — По справедливости можно сказать, что еслибы въ Приамурскомъ краѣ не было такого изобилія рыбы, дичи и проч., то не только тамъ, но и во всякой другой мѣстности Россіи, при такомъ внезапномъ стеченіи народа и при подобныхъ обстоятельствахъ, явились бы лишенія и болѣзни не меньше тѣхъ, какія были зимою 1855 года на устьѣ Амура. — Поэтому всѣ эти неудобства и лишенія переносились большинствомъ безропотно, съ сознаніемъ, что во время войны и въ новомъ краѣ онѣ неизбѣжны, и тѣмъ болѣе, что онѣ хотя были велики, но все-таки ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя въ это же время переносились на другомъ концѣ материка ихъ собратіями, обливавшими своею кровью твердыни Севастополя. Но вмѣстѣ съ этимъ нашлись и такіе, которые не взвѣсивъ безпристрастнымъ

Digitized by Google

образомъ всѣ эти обстоятельства, смотрѣли на свою тогдашнюю жизнь въ Приамурьѣ съ одной только эгоистической стороны переносимыхъ ими лишеній и неудобствъ, и этимъ опредѣляли значеніе занятія русскими рѣки Амура. — Дурныя вѣсти всегда охотнѣе распускаются и скорѣе распространяются чѣмъ хорошія; и потому вотъ причина преувеличенныхъ ужасовъ и страданій амурской жизни, которые съ этого времени распространились въ массѣ русской публики, и которыя до-сихъ-поръ невозможно искоренить никакими достовѣрными фактами и положительными событіями. Большинство публики воображаетъ, что до-сихъ-поръ въ низовьѣ Амура существуютъ такія же лишенія, какія были зимою съ 1855-го на 1856-й годъ, и въ доказательство указываетъ на появившіяся въ послѣднѣе время статьи морскихъ офицеровъ въ «Морскомъ Сборникѣ», не справляясь, что всѣ эти событія относятся къ первымъ временамъ занятія Амура, между которыми и настоящимъ, существуетъ неизмѣримая разница. Нѣкоторыя изъ подобныхъ статей, повидимому, стараются выставить тогдашнее положеніе и жизнь на Амурѣ въ особенно дурномъ и непріязненномъ видѣ (*), забывая что эта же самая зимовка на Амурѣ, можетъ быть спасла русскій военный флагъ отъ позора быть спущеннымъ передъ непріятелемъ, а ихъ самихъ можетъ быть отъ плѣна, отъ смерти, или отъ горькой обязанности затопить свои суда, какъ то выпало на долю ихъ черноморскихъ товарищей.

Генералъ-губернаторъ, спускаясь въ этомъ 1855-мъ году внизъ по Амуру, близь устья р. Камары встрѣтилъ 12 мая 4 маньчжурскія джонки съ чиновниками изъ Гириня и Сахалянъ-ула, отправленными китайскимъ правительствомъ чрезъ Маньчжурію по р. Сунгари въ Горбицу, для совѣщанія о разграниченіи. Генералъ-губернаторъ предложилъ имъ вернуться въ Маріинскій постъ, гдѣ при переговорахъ предложилъ имъ признать обоюдною границею р. Амуръ. Китайскій уполномоченный уклонялся отъ этого, и въ подтвержденіе своихъ доводовъ представилъ листъ нашего сената, посланный въ Пекинъ въ іюнѣ 1853 года, въ которомъ призна-

*) Отрывки изъ писемъ морскаго офицера. М. Сб., т. XXIX.

Digitized by Google

валась границею р. Горбица и отъ вершины ея хребты горъ. Генералъ губернаторъ настаивалъ на своемъ предложеніи, утверждая, что онъ имѣетъ на это повелѣніе своего Государя, послѣдовавшее послѣ отправки листа Сената въ Пекинъ. Посольство отправилось безъ всякаго результата, но у Китайцевъ явилось убѣжденіе, что генералъ Муравьевъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего Правительства, что въ послѣдствіи выражалось въ ихъ оффиціальныхъ бумагахъ и было замѣчено иностранными газетами.

Въ этомъ же году вошелъ въ устье Амура первый иностранный корабль, бригъ «Пальметто», купленный и присланный изъ Соединенныхъ Штатовъ капитаномъ Казакевичемъ, который отправился туда чрезъ С. Петербургъ въ концѣ 1854 года, для разныхъ заказовъ по морской части, назначенныхъ на Амуръ. На этомъ суднѣ, пришедшемъ подъ Американскимъ флагомъ, доставлены были разные продовольственные припасы и др., въ которыхъ при большомъ скопленіи войскъ оказывался недостатокъ въ низовьѣ Амура. По выгрузкѣ его въ Николаевскѣ, генералъ-губернаторъ съ своею супругою и штабомъ отправился на немъ въ Аянъ, избѣжавъ благополучно встрѣчи съ крейсировавшими въ это время около сѣверной части лимана непріятельскими судами. Другой Американскій корабль, брикъ «Берингъ» вошелъ въ этомъ году въ заливъ де-Кастри и тамъ выгружался въ присутствіи непріятельской эскадры.

1855 годъ еще замѣчателенъ первымъ произведеннымъ въ теченіи его опытомъ пароваго сообщенія по Амуру береговъ Восточнаго Океана съ Сибирью. Возвратившійся на шкунѣ «Хеда» изъ Японіи вице-адмиралъ Путятинъ, поднялся на винтовомъ пароходѣ «Надежда» отъ устья Амура до его верховья. Первое плаваніе это было весьма медленно, какъ потому, что маленькій пароходъ былъ несоразмѣрно загруженъ и что ему привелось буксировать большой грузовый барказъ или баржу, такъ и потому, что этой весною вода въ Амурѣ была необыкновенно мелка, — между тѣмъ пароходъ имѣлъ машину всего въ 16 силъ и сидѣлъ въ водѣ $4\frac{1}{2}$ фута.

Поэтому не доходя 300 верстъ до Усть-Стрѣлки, онъ, за

Digitized by Google

мелководіемъ, былъ оставленъ на зимовку близь утеса Малой Надежды. Адмиралъ Путятинъ достигъ Усть-Стрѣлки въ буксирномъ барказѣ. — Осенью этого же года построенный въ Шилкинскомъ заводѣ, — второй послѣ «Аргуни» Сибирской пароходъ, — «Шилка», спускаясь внизъ по Амуру, сталъ на мель близь устья р. Кутоманды, выше Албазина, что послужило основаніемъ Кутомандскаго поста.

Между тѣмъ соединенная Англо-французская эскадра, какъ бы желая отмстить за свое неудавшееся въ прошломъ году покушеніе на Петропавловскій портъ, весною 1855 года вошла въ Авачинскую губу, и не найдя здѣсь ни судовъ, ни командъ, кромѣ есаула Мартынова съ нѣсколькими жителями, сожгла казенные магазины и направилась въ Татарскій проливъ. Здѣсь не найдя Камчатской эскадры, ускользнувшей почти въ глазахъ непріятеля изъ залива де-Кастри, англо-французская эскадра, въ октябрѣ 1855 года вошла въ этотъ заливъ, бомбардировала берегъ и сожгла ничтожныя юрты беззащитныхъ Гиляковъ, — жителей бывшей въ заливѣ деревни Нянгмаръ. Войска наши, прикрытые густымъ лѣсомъ не потерпѣли никакого вреда отъ жестокаго огня непріятеля, снаряды котораго срывали только верхушки деревьевъ, и безуспѣшно зажигали деревянную казарму, которая была въ одну ночь разобрана и переставлена на другое мѣсто. Предпринятая же непріятелемъ, вскорѣ послѣ его прихода, попытка къ высадкѣ на берегъ залива де-Кастри, была остановлена и отражена огнемъ расположенныхъ на берегу 120 казаковъ подъ командой есаула Пузино и 2-хъ горныхъ орудій подъ командой мичмана Ельчанинова, а послѣ него штабсъ-капитана Кузменко.

4-го декабря 1855 года, камчатскій военный губернаторъ контръ-адмиралъ Завойко, оставшійся главнымъ начальникомъ въ низовьѣ Амура, вмѣсто контръ-адмирала Невельскаго *)

*) Контръ-адмиралъ Невельской, по прибытіи генералъ-губернатора въ низовье Амура, былъ назначенъ исправлять должность начальника штаба сухопутныхъ и морскихъ войскъ, въ Приамурскомъ краѣ сосредоточенныхъ, а послѣ 25-го сентября, за невозможностію возвратиться вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ въ Аянъ и за неимѣніемъ другихъ средствъ къ выѣзду, остался зимовать въ Кызи и отправился съ своимъ семействомъ въ Иркутскъ и С. Петербургъ чрезъ Аянъ только въ навигацію 1856 года.

Digitized by Google

отправилъ мичмана Разградскаго въ Императорскую гавань, для уничтоженія фрегата «Паллада» и снятія находившейся тамъ команды. Контръ-адмиралъ Невельской, получивъ въ это время въ Кызи чрезъ инородцевъ донесеніе г. Кузнецова отъ 3-го ноября, что команда вся здорова, фрегатъ цѣлъ и непріятеля во все лѣто и осень не было, — задержалъ на время мичмана Разградскаго, и препроводивъ донесеніе г. Кузнецова контръ-адмиралу Завойкѣ, писалъ ему, что къ уничтоженію фрегата еще не настоитъ никакой крайности, тѣмъ болѣе, что до вскрытія Императорской гавани отъ льда въ маѣ мѣсяцѣ, можетъ еще послѣдовать перемиріе, — а что нужно только доставить туда продовольствіе, что удобно сдѣлать чрезъ рѣку Фунгари, и подтвердить г. Кузнецову дѣйствовать согласно даннымъ ему инструкціямъ. Но это предложеніе контръ-адмираломъ Завойко принято не было; въ слѣдствіе чего, въ исходѣ декабря мичманъ Разградскій отправился въ Константиновскій постъ чрезъ рѣку Хунгари, куда прибылъ 17-го января 1856 года, въ 16 дней затопилъ фрегатъ «Паллада» и забравъ бывшую при немъ команду, 23-го марта возвратился тѣмъ же путемъ въ Маріинскій постъ. Такимъ образомъ нашъ постъ въ Императорской гавани существовалъ съ 1-го августа 1853 по 4-е февраля 1856 года.

Въ началѣ 1856 года генералъ-губернаторъ прибылъ въ С.-Петербургъ, куда въ это время Дзянъ-Дзюны Гиринской и Сахалянской съ Ургинскимъ Ваномъ Вейдзы прислали отъ себя листъ нашему сенату. Въ немъ они изъясняли, что генералъ-губернаторъ сдѣлалъ имъ такія предложенія (въ Маріинскѣ), которыя они не смѣютъ показать своему правительству, а между тѣмъ Русскіе плаваютъ по ихъ рѣкамъ, строятъ города (Маріинскъ) и пр. Листъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго комитета, который положилъ предоставить генералъ-губернатору послать Дзянь-Дзюнамъ отвѣтъ отъ себя. Въ слѣдствіе этого генералъ Муравьевъ написалъ имъ, что онъ имѣя право распечатывать листы къ сенату, прочелъ ихъ объясненіе и въ свою очередь тоже не рѣшается показать его сенату. Это еще болѣе утвердило

Digitized by Google

Китайцевъ въ мнѣніи, что генералъ Муравьевъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего правительства.

Весною 1856 года, полковникъ Карсаковъ съ открытіемъ навигаціи спустился по Шилкѣ въ Амуръ и взявъ зимовавшій въ 300 верстахъ ниже Усть-Стрѣлки пароходъ «Надежда», слѣдовалъ на немъ далѣе въ Айхунь, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Амбанемъ или правителемъ города. Полковникъ Карсаковъ предупреждалъ его, что нынѣшней навигаціей мы снова поплывемъ по Амуру, и что кромѣ того по берегамъ его будутъ поставлены наши посты, для облегченія возвращенія нашихъ войскъ съ низовья Амура, но что Маньчжуры этимъ тревожиться не должны, потому что это не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго и не измѣнитъ ихъ положенія и порядка на Амурѣ. Полковникъ Карсаковъ возвратился на пароходѣ «Надежда» тою же весною обратно, и несмотря на большую осадку этого парохода въ водѣ, — именно $4\frac{1}{2}$ фута, — успѣлъ, поднятся на немъ по Шилкѣ до *Срѣтенска*, откуда начинается сухопутная дорога. Въ слѣдствіе этого, въ этомъ же году, поставлены были по Амуру русскіе посты *Камарскій* (противъ устья рѣки Камари), *Зейскій* (близь устья рѣки Зеи) и *Хинганскій* (при входѣ въ щеки Малаго Хингана). Въ этомъ же году спустился по Амуру 3-й амурскій рейсъ, подъ начальствомъ подполковника Буссе, состоящій изъ 110 баржъ и плотовъ.

Весною 1856 года возвратившійся изъ Соединенныхъ Штатовъ капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, былъ назначенъ исправляющимъ должность камчатскаго военнаго губернатора, и на пароходѣ «Надежда» спустился въ Николаевскій постъ. Тогда же отправились обратно въ Кронштадтъ зимовавшіе въ устьѣ Амура: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца» и транспортъ «Двина». Въ этомъ же году Англійскій фрегатъ «Pique», подъ командою капитана Никольсона, который въ прошлое лѣто ограбилъ и раззорилъ наше компанейское селеніе на островѣ Урупѣ, въ Курильской грядѣ, послѣ уже заключенія перемирія вошелъ въ Императорскую гавань и не найдя затопленнаго фрегата «Паллады», сжегъ зданія Константиновскаго поста, а самую гавань (Императорскую), назвалъ заливомъ *«Барракута»*. Другое французское судно за-

Digitized by Google

шло въ заливъ *Посьета*, открытый и описанный адмираломъ Путятинымъ въ 1854 году и назвалъ его *рейдомъ «Наполеона»*.

Въ концѣ 1856 года была Высочайше утверждена приморская область Восточной Сибири, въ составъ которой вошла прежняя Камчатская область, Удской край и Приамурскій край. Мѣстопребываніемъ военнаго губернатора назначенъ Николаевскій постъ, на устьѣ Амура, имя котораго поэтому случаю въ первый разъ было объявлено печатно въ офиціальныхъ актахъ. Вмѣсто же прежней Камчатской флотиліи была Высочайше учреждена Сибирская флотилія на Восточномъ океанѣ. Исправлявшій должность камчатскаго военнаго губернатора, капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, былъ вмѣстѣ съ этимъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Приморской области Восточной Сибири, и командиромъ Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана. Такимъ образомъ, учрежденіемъ новой области явно, признавалась зависимость устья Амура отъ Россіи и Приамурскій край съ этого времени офиціально присоединялся къ Русскимъ владѣніямъ въ Азіи.

Въ навигацію этого года прибыли къ устью Амура изъ Соединенныхъ Штатовъ военный пароходъ — корветъ «Америка», заказанный тамъ г. Казакевичемъ, и два купеческихъ судна: баркъ «Берингъ» съ грузомъ товаровъ и корабль «Европа», доставившій заказанные капитаномъ Казакевичемъ въ Соединенныхъ Штатахъ механическое заведеніе и рѣчные желѣзные пароходы, названные «Сунгоры» и «Усури», а въ С.-Петербургѣ переименованные въ «Амуръ» и «Лена». Осенью 1856 года между Маріинскомъ и Николаевскомъ были построены станціи, на каждую было поставлено по 4 лошади, — казаковъ и крестьянъ, — и зимою открыто было первое по Амуру почтовое сообщеніе на лошадяхъ, — тройками и въ кибиткахъ. Въ эту же зиму совершено было г. Паргачевскимъ первое путешествіе по льду Амура на собакахъ и лошадяхъ изъ Николаевска въ Забайкальскую область.

Въ это время возникла переписка съ китайскимъ правительствомъ о назначеніи въ Пекинъ новой миссіи, и въ отвѣтахъ Китайцевъ иногда проявлялись замѣтки объ Амурѣ. Такимъ образомъ до этого времени сношенія наши съ Ки-

Digitized by Google

таемъ ограничивались маловажною перепискою о разграниченіи и сожженіи нашей факторіи въ Чугучакѣ, — но при всемъ этомъ смыслъ листа нашего Сената, посланнаго въ 1853 году, о томъ, что разграниченіе поручено генералъ-губернатору Восточной Сибири, — оставался неизмѣннымъ. Но въ концѣ 1856 года послѣ отъѣзда генерала Муравьева изъ С.-Петербурга въ Сибирь, былъ назначенъ посланникомъ въ Китай графъ Путятинъ, по случаю особенныхъ обстоятельствъ, возникшихъ между Россіею и Китаемъ, какъ было сказано въ извѣщеніи объ этомъ пекинскому трибуналу. Графъ Путятинъ въ началѣ 1857 года прибылъ въ Кяхту, отсюда послалъ ноту китайскому правительству, требуя пропуска въ Пекинъ, и увѣдомляя, что онъ будетъ ожидать отвѣта до такого то времени, послѣ чего отправится въ Китай Амуромъ и моремъ. Китайцы медлили отвѣтомъ до мая, и по отъѣздѣ графа Путятина изъ Кяхты, прислали ему въ Селенгинскъ увѣдомленіе, въ которомъ отзывались что у нихъ нѣтъ никакихъ особо-важныхъ дѣлъ съ Россіею, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ Посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Графъ Путятинъ отправивъ Китайцамъ соотвѣтствующій ихъ увѣдомленію отвѣтъ, продолжалъ путь по Забайкалью въ Шилкинской заводъ, откуда въ одно время съ генералъ-губернаторомъ поплылъ по Амуру. Въ Айхунѣ, принимая поздравленія Амбаня съ пріѣздомъ, графъ Путятинъ спросилъ его не получены-ли на имя его какія-либо бумаги изъ Пекина и узнавъ что нѣтъ, продолжалъ путь далѣе къ устью Амура. Генералъ-губернаторъ изъ Айхуня возвратился въ Зейскій постъ и здѣсь остался ожидать прихода войскъ и переселенцевъ назначенныхъ на Амуръ. Въ началѣ этого года было Высочайше утверждено заселеніе лѣваго берега Амура, и потому весною переселенцы Амурскаго коннаго казачьяго полка были двинуты внизъ по Амуру и подъ личнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора заняли лѣвый берегъ отъ Усть-Стрѣлки до щекъ Малаго Хинганя. Кромѣ того при устьѣ Зеи стали лагеремъ 14-й Линейный баталіонъ и дивизіонъ Линейной легкой батареи. Въ этомъ же году доставка казенныхъ грузовъ на устье Амура производилась въ первый

Digitized by Google

разъ съ подряда иркутскими купцами Серебренниковымъ и Зиминымъ, и только часть ихъ слѣдовала съ казеннымъ рейсомъ подъ начальствомъ полковника Ушакова. Съ этимъ рейсомъ же прибыли на поселеніе въ Маріинскъ и Николаевскъ 60 женщинъ изъ ссыльно-каторжныхъ. Въ устье Амура въ этомъ году вошло 7 иностранныхъ кораблей: баркъ «Берингъ» и «Messenger Bird» изъ Бостона, шкуна «Люизъ-Перро» и «Камчадалъ» изъ Сан-Франциско, баркъ «Burnham» и шкуна «General Purce» изъ Хон-Конга и баркъ «Оскаръ» изъ Гамбурга, и въ первый разъ на пароходахъ «Амуръ» и «Лена» было доставлено по Амуру въ Сибирь не большое количество иностранныхъ товаровъ.

Не доходя устья Амура, графъ Путятинъ близь селенія Михайловскаго, былъ встрѣченъ адмираломъ Казакевичемъ на пароходѣ «Надежда», и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ плаваніе до Николаевска. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней въ ожиданіи парохода — корвета «Америка», отводившаго транспортъ «Байкалъ» въ заливъ де Кастри, и транспортъ «Иртышъ» въ Императорскую гавань для возобновленія Константиновскаго поста, — графъ Путятинъ на этомъ пароходѣ, въ сопровожденіи тендера «Камчадалъ», направился къ берегамъ Китая, открывъ на пути заливы *Св. Владиміра* (13-го іюля) и *Св. Ольги* (14-го іюля). Отправивъ изъ перваго залива тендеръ «Камчадалъ» съ лейтенантомъ Рудановскимъ на островъ Сахалинъ, графъ Путятинъ слѣдовалъ далѣе въ Корейскій портъ Гамильтонъ, куда и прибылъ 20-го іюля. Тендеръ «Камчадалъ», подойдя къ самой узкой части острова Сахалина, (въ широтѣ 48° N) высадилъ здѣсь на шлюпкѣ лейтенанта Рудановскаго съ 15-ю человѣками команды, и отправился далѣе въ заливъ де Кастри. Лейтенантъ Рудановскій возобновилъ бывшій при устьѣ рѣкѣ Кусунай Ильинскій постъ, выстроилъ здѣсь три дома, перевалилъ сухопутьемъ на другой (восточный) берегъ озера и здѣсь у устья рѣки Мануэ, въ растояніи около 35 верстъ отъ Кусунайскаго поста, поставилъ русскій крестъ. Осенью лейтенантъ Рудановскій на шлюпкѣ, слѣдуя вдоль берега Сахалина, возвратился съ командою въ Николаевскъ.

Между тѣмъ графъ Путятинъ изъ порта Гамильтонъ на-

Digitized by Google

правился въ заливъ Печели и прибывъ 24-го іюля къ устью рѣки Пей-хо (Хай-хэ), вошелъ здѣсь въ сношенія съ китайскими начальниками, которыя послѣ различныхъ отговорокъ и уклоненій только 12-го августа приняли пакетъ, съ условіемъ доставить отвѣтъ въ Печели. Послѣ этого пароходъ «Америка» отправился въ Шанхай за бумагами ожидаемыми изъ Россіи и оттуда снова прибылъ въ Печели, гдѣ 4-го сентября получилъ подобный же первому неудовлетворительный отвѣтъ китайскаго правительства. Между тѣмъ изъ Пекина былъ посланъ листъ нашему Сенату, въ которомъ Китайцы жаловались, что графъ Путятинъ, не смотря на дружескія отношенія ихъ къ Россіи, рѣшился въ противность трактатамъ проникнуть въ портъ, закрытый для Европейцевъ, именно въ Печели, гдѣ для встрѣчи его были высланы чиновники, но что онъ передавъ свои требованія, отправился въ Шанхай, ожидая туда присылки отвѣта. Между тѣмъ для нашихъ переговоровъ есть Кяхта, и разсматривать вопросы объ Амурѣ въ Шанхаѣ неудобно, ибо для окончанія его у нихъ есть на Амурѣ особый уполномоченный главнокомандующій (Дзянь-Дзюнь), къ которому и слѣдуетъ обратиться для переговоровъ по сему предмету, а потому они и просятъ отозвать графа Путятина изъ Шанхая. Листъ этотъ, вмѣстѣ съ донесеніями графа Путятина о неудавшейся его попыткѣ проникнуть въ Пекинъ чрезъ Печели и объ открытіи переговоровъ въ Шанхаѣ, былъ полученъ въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1857 года, во время пріѣзда туда изъ Сибири генералъ-губернатора Муравьева.

Всѣ эти обстоятельства заставили принять новыя мѣры для успѣха переговоровъ. Въ слѣдствіе того было рѣшено предоставить графу Путятину, не касаясь вопроса объ Амурѣ, домогаться отъ Китайцевъ только тѣхъ преимуществъ для Россіи, какія получатъ другія націи, подкрѣпивъ его для этого эскадрою изъ 7-ми винтовыхъ судовъ, назначавшихся на службу въ сибирскую флотилію. Это распоряженіе было послано къ графу Путятину чрезъ Суэцъ въ Шанхай съ особымъ курьеромъ, адъютантомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, подполковникомъ Мартыновымъ. Переговоры-же о разграниченіи Приамурскаго края снова воз-

Digitized by Google

ложить на генерала Муравьева, и увѣдомить объ этомъ Китайцевъ. По этому случаю былъ посланъ листъ пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній, въ которомъ упоминалось, что всѣ дѣйствія русскихъ на Амурѣ производятся съ утвержденія высшаго правительства, и что самъ генералъ-губернаторъ былъ вызванъ Государемъ Императоромъ въ С. Петербургъ, и получаетъ лично отъ него приказанія; по этому, если Китайцы желаютъ кончить дѣла на Амурѣ, то могутъ обратиться къ генералъ-губернатору Муравьеву.

Въ это-же время, въ бытность генералъ-губернатора въ С. Петербургѣ, былъ утвержденъ уставъ амурской компаніи, составленный для торговли въ приамурскомъ краѣ, гг. Бенардаки и Рукавишниковымъ.

Китайское правительство, встревоженное появленіемъ на Амурѣ русскихъ военныхъ поселеній, въ то время, какъ западныя державы начали свои дѣйствія противъ Кантона, сдѣлало распоряженіе о сборѣ на Амурѣ мѣстныхъ маньчжурскихъ войскъ и по донесенію архимандрита Палладія изъ Пекина доставило туда три тысячи пудовъ пороха. Но получивъ успокоительный листъ изъ С. Петербурга, поспѣшило отвѣчать нашему Сенату, что оно послало уже своего коммисара въ Кантонскую губернію для изслѣдованія безпорядковъ, произведенныхъ тамъ Англо-Французами *), о которыхъ предупреждалъ ихъ посланникъ Соединенныхъ штатовъ. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ китайское правительство присоединяло, что изъ возникшихъ недоразумѣній намъ не приходится разрывать двухсотлѣтней дружбы, тѣмъ болѣе, что вопросъ о разграниченіи на Амурѣ, рѣшить въ Шанхаѣ неудобно, что для этого у нихъ на Амурѣ есть особый уполномоченный главнокомандующій (дзянь-дзюнь), а для окончанія Чугучакскаго дѣла, есть другой уполномоченный главнокомандующій въ Или. Между-тѣмъ генералъ Муравьевъ, во время своей поѣздки за границу, осмотрѣвъ въ Шербургѣ суда эскадры, отправлявшейся изъ Кронштадта къ устью Амура, въ началѣ февраля 1858 года возвратился въ Иркутскъ. Отсюда онъ послалъ въ Ургу пограничнаго кяхтинскаго коммисара,

*) Въ это время Англичане и Французы взяли Кантонъ.

Digitized by Google

для подробнѣйшихъ объясненій съ тамошними правителями, въ духѣ листа сената, и что для этого нужно послать къ нему одного изъ членовъ нашей пекинской миссіи. Въ отношеніи-же заселеній на Амурѣ велѣно было предупредить ургинскихъ правителей, что оныя будутъ продолжаться, и въ нынѣшнемъ году будутъ заселять различныя мѣста по Амуру и Усури, на основаніи данныхъ генералъ-губернатору Высочайшихъ повелѣній; но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ Китаю въ себѣ не заключаютъ, а напротивъ клонятся къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ. Въ тоже время генералъ-губернаторъ, отправляя изъ Иркутска коллежскаго ассесора Карчевскаго на устье Зеи, поручилъ ему между прочимъ, когда будетъ въ Айхунѣ, на вопросъ Амбапя объ немъ, отвѣчать что генералъ Муравьевъ будетъ на Амурѣ тотчасъ по вскрытіи навигаціи, но что не можетъ медлить въ верховьяхъ рѣки, а долженъ спѣшить къ устью, и что если они желаютъ съ нимъ переговариваться, то это удобнѣе будетъ сдѣлать на его возвратномъ пути въ устья Амура. Предупрежденіе это генералъ Муравьевъ сдѣлалъ во первыхъ, въ надеждѣ получить на устьѣ Амура извѣстія отъ графа Путятина, и во вторыхъ, чтобы показать Китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особаго стремленія съ ними переговариваться.

Результатъ показалъ, что и то и другое объясненія въ Ургѣ и Айхунѣ достигли своей цѣли. Генералъ-губернаторъ, переѣхавъ озеро Байкалъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, еще по льду, продолжалъ дальнѣйшій путь на колесахъ до Срѣтенска. Отсюда, въ сопровожденіи преосвященнаго архіепископа камчатскаго, Иннокентія, онъ 26-го апрѣля, вмѣстѣ со льдомъ, поплылъ на Амуръ. Пароходъ «Лена», зимовавшій въ Шилкинскомъ заводѣ, стоялъ еще во льду, задержанномъ молою, ограждавшею пароходъ. Не доходя устья Зеи, въ станицѣ *Нарасунской* (нынѣ *Бибикова*), генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ чиновникомъ изъ Айхуна, который просилъ его подождать нѣкоторое время пріѣзда дзянь-дзюня (главнокомандующаго) Цицигарскаго, назначеннаго уполномоченнымъ при переговорахъ. 5-го мая генералъ Муравьевъ прибылъ въ Усть-зейскую станицу, гдѣ на другой день къ ему пріі-

Digitized by Google

ѣхалъ айхунскій Амбань Дзиранинга, онъ сообщилъ, что дзянь-дзюнь прибылъ уже въ Айхунъ, и проситъ генерала, хотя на нѣсколько дней отсрочить свое дальнѣйшее плаваніе, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ о разграниченіи; такъ-какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій. При этомъ Амбань намекнулъ генералъ-губернатору, что онъ во всемъ успѣетъ и все сдѣлаетъ; спросилъ есть-ли у него дѣти, и узнавъ, что нѣтъ,— сожалѣлъ, говоря, что послѣ великаго дѣла хорошо-бы было оставить славу въ потомствѣ. Въ заключеніи Амбань просилъ назначить мѣстомъ для переговоровъ г. Айхунъ, и звалъ туда къ себѣ обѣдать. Генералъ-губернаторъ согласился какъ на то, такъ и на другое, тѣмъ-болѣе, что Амбань посѣщалъ его уже два раза.

Обстоятельства, сопровождавшіе заключеніе послѣдняго трактата, такъ интересны и современны, что здѣсь оныя излагаются со всѣми подробностями.

9-го мая въ Устьзейской станицѣ заложенъ былъ архіепископомъ Иннокентіемъ храмъ во имя Благовѣщенія, а самая станица переименована въ городъ Благовѣщенскъ. На другой день генералъ-губернаторъ на своемъ катерѣ въ сопровожденіи двухъ, такъ называемыхъ канонерскихъ, лодокъ, отправился въ Айхунъ на обѣдъ къ Амбаню. Маньчжуры заранѣе еще просили позволенія генерала принять его съ почестями и пушечными выстрѣлами, на что онъ изъявилъ свое согласіе. Поэтому при выступленіи его на берегъ показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ нѣсколько разъ: пушекъ не было видно, но судя по звуку можно было судить что это были небольшія мортирки подобно какъ въ Маймачинѣ. Наши канонерскія лодки отвѣчали имъ 3-мя выстрѣлами изъ полевыхъ орудій, громкій звукъ которыхъ озадачилъ, и, какъ въ послѣдствіи оказалось, не понравился Маньчжурамъ. Генералъ-губернатора посадили вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку Амбаня, свитѣ его предложили приготовленныхъ на берегу верховыхъ лошадей, и такимъ порядкомъ всѣ въ па-

Digitized by Google

радной формѣ слѣдовали чрезъ городъ и крѣпость при большомъ стеченіи народа. Амбань встрѣтилъ генералъ-губернатора какъ почетнаго гостя у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутренніе дворы его дома. Введя въ комнату, онъ указалъ ему на сидѣвшаго тутъ Дчянь-Дзюня (главнокомандующаго) Амурскими силами князя И—Шань, родственника Богдыхана. Генералъ-губернатора посадили въ той же комнатѣ вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ, оберъ-квартирмейстеромъ подполковникомъ Будогоскимъ, переводчикомъ Маньчжурскаго языка Шишмаревымъ, и завѣдывающимъ путевою канцеляріей Карповымъ. Съ ними помѣстились Дзянъ-Дзюнъ И-Шань, и Амбань Дзираминга. Секретарь Маньчжуровъ, ротный командиръ Айжиндай, стоялъ за столомъ. Остальные члены свиты генералъ-губернатора (*) помѣстились въ другой комнатѣ, служившей сѣнями въ двѣ половины дома, и были угощаемы сидѣвшими вмѣстѣ съ ними Маньчжурскими штабсъ-офицерами съ синими прозрачными шариками на шапкахъ. Началось угощеніе, состоявшее изъ чая и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столѣ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ, потомъ подавали жареную баранину, жаренаго поросенка, нарѣзанныхъ мелкими кусочками, которые приходилось класть въ ротъ по Маньчжурски двумя палочками, и въ заключеніе подобіе супа съ клещевиннымъ масломъ. Во время обѣда неоднократно подавали теплую рисовую водку (мангалу) въ крошечныхъ чашечкахъ, — фарфоровыхъ, а генералу въ серебрянной, съ соблюденіемъ строгаго чинопочитанія, т. е. начиная всегда съ генерала, потомъ поднося г. Перовскому и тѣмъ которые или по своей тучности, или по своей презентабельности ка-

*) Въ этотъ разъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ были: приставъ духовной миссіи нашей въ Пекинѣ, статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Перовскій, оберъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба подполковникъ Константинъ Фадѣевичъ Будогоскій, секретарь по дипломатической части, титулярный совѣтникъ Евгеній Карловичъ Бюцовъ, переводчикъ маньчжурскаго языка, губернскій секретарь Яковъ Парфентьевичъ Шишмаревъ, чиновники особыхъ порученій: коллежскій ассессоръ Дмитрій Николаевичъ Гурьевъ, коллежскій ассессоръ Петръ Викентьевичъ Карчевскій, коллежскій секретарь Василій Дмитріевичъ Карповъ и артиллеріи поручикъ Михаилъ Ивановичъ Катлубовскій.

Digitized by Google

зались имъ старше другихъ. Обѣдъ прошелъ весьма весело; говорили любезности, сообщали другъ другу новости, но о главномъ дѣлѣ не упоминали ни слова. Послѣ обѣда Дзянъ-Дзюнъ предложилъ генералъ-губернатору переговорить о дѣлѣ, но Николай Николаевичъ отклонилъ это, говоря что сегодня будемъ пировать, а всѣ дѣла отложимъ до завтра. Этимъ генералъ Муравьевъ между прочимъ хотѣлъ показать Маньчжурамъ, что онъ не слишкомъ дорожитъ и вовсе не торопится переговорами съ ними. Обѣдъ кончился въ седьмомъ часу вечера, послѣ чего генералъ-губернаторъ и его свита отправились въ свои катера и вмѣстѣ съ канонерскими лодками перешли къ противуположному берегу, гдѣ стали на якорь у песчанаго острова.

На другой день, 11 мая, генералъ-губернаторъ съ своимъ штабомъ въ парадной формѣ, перешелъ въ катерѣ къ противуположному берегу. Та же одноколка и верховыя лошади ожидали ихъ въ Айхунѣ, но на этотъ разъ генералъ-губернаторъ отправился верхомъ съ своею свитою, въ домъ Амбаня, гдѣ Дзянъ-Дзюнъ ожидалъ его къ 10 часамъ утра. Предварительно условлено было, чтобы при переговорахъ присутствовали съ обѣихъ сторонъ только необходимыя лица: съ Китайской стороны Дзянъ-Дзюнъ, Амбань и Айжиндай, съ нашей генералъ-губернаторъ, статскій совѣтникъ Перовскій и переводчикъ Шишмаревъ; но въ первое же засѣданіе потребовали съ картами оберъ-квартирмейстера Будогоскаго. Всѣ эти лица помѣстились въ той же комнатѣ, въ которой накануне обѣдали, такимъ образомъ что на лѣво отъ входа на широкихъ нарахъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ стола Дзянъ-Дзюнъ и на право отъ него Амбань; на право отъ входа на такихъ же нарахъ сидѣлъ за столомъ генералъ-губернаторъ, справа отъ него статскій совѣтникъ Перовскій, а слѣва подполковникъ Будогоскій когда его потребовали. Переводчикъ Шишмаревъ и секретарь Айжиндай стояли по бокамъ, каждый у стола своей стороны. Сначала генералъ-губернаторъ изложивъ съ исторической послѣдовательностію наши дѣйствія на Амурѣ, причины и цѣль этихъ дѣйствій, клонящіяся къ пользѣ обоихъ Государствъ, для чего необходимо опредѣлить границу по Амуру и Усури, — состав-

Digitized by Google

ляющую удобнѣйшую естественную черту между обоими Государствами.

По окончаніи всего изложенія генералъ-губернаторъ представилъ Китайскому уполномоченному заблаговременно написанный на бумагѣ проэктъ граничной черты по Амуру, Усури и верхнія притоки ея на притоки рѣки Тумень-ула, и по теченію послѣдней до моря. Но чтобы еще болѣе объяснить Маньчжурамъ направленіе этой черты, онъ потребовалъ изъ другой комнаты оберъ-квартирмейстера Будогоскаго, который указалъ эту черту на картѣ Маньчжуріи.

Затѣмъ генералъ-губернаторъ предъявилъ свое полномочіе написанное на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, которымъ объявлялось, что ему, генералъ-губернатору Восточной Сибири, поручено отъ Русскаго Правительства вести переговоры съ Китаемъ, какъ о разграниченіи, такъ равно и о всѣхъ дѣлахъ, которыя по его мнѣнію могутъ клониться ко взаимнымъ пользамъ обоихъ государствъ.

Генералъ-губернаторъ предложивъ обсудить всѣ его предположенія о границахъ, обѣщалъ прислать на бумагѣ проэктъ договора и сказалъ, что вѣроятно Дзянь-Дзюнь утомленъ продолжительнымъ преніемъ, (ибо былъ уже 3 часъ послѣ полудня) и можетъ быть привыкъ въ это время обѣдать. Потомъ просилъ посѣтить его и для этого назначилъ часъ. Условились, что Дзянь-Дзюнь прибудетъ на катеръ въ 4 часа по полудни.

Такъ кончилось первое засѣданіе. Всѣ переговоры велись на Маньчжурскомъ языкѣ; но не смотря на то, что Дзянь-Дзюнь былъ родственникъ Богдыхана, слѣдовательно истый Маньчжуръ, — онъ повидимому лучше зналъ придворный, — китайскій языкъ, — нежели свой родной маньчжурскій. Рѣчь генералъ-губернатора къ Дзянь-Дзюну Шишмаревъ переводилъ Амбаню по Маньчжурски и тотъ передавалъ ее Дзянь-Дзюню по китайски. Когда же генералъ-губернаторъ адресовался къ Амбаню, то слова Шишмарева на маньчурскомъ языкѣ передавались Амбаню особымъ переводчикомъ по китайски.

Около половины 4 часа стали подтягиваться къ катеру генералъ-губернатора двѣ огромныя джонки, назначившіяся

Digitized by Google

по словамъ маньчжурскихъ чиновниковъ для переѣзда Дзянь-Дзюня на катеръ. Ихъ поставили по сторонамъ катера, но Николай Николаевичъ послалъ г. Шишмарева просить Дзянь-Дзюня переѣхать къ нему на вельботѣ. Ровно въ 4 часа показалось изъ города шествіе Дзянь-Дзюня съ огромною свитою, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катеръ генералъ-губернатора были впущены: Дзянь-Дзюнь, Амбань, Айжиндай, личный секретарь Дзянь-Дзюня, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, шампанскаго и наконецъ ликера. Хоръ трубачей иркутскаго коннаго полка игралъ на берегу въ близкомъ разстояніи отъ катера. Музыка какъ видно очень нравилась Дзянь-Дзюню, въ особенности веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которые по его желанію повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно между веселымъ разговоромъ и изобильнымъ угощеніемъ. Наконецъ Дзянь-Дзюнь, согрѣтый виномъ, снялъ даже свою курму (родъ кофты съ широкими руковами) и пожелалъ выйти на чистый воздухъ, чтобы нѣсколько освѣжиться, послѣ чего уѣхалъ на берегъ къ себѣ домой.—

На слѣдующій день 12 мая генералъ-губернаторъ, сказавшись больнымъ, отправилъ съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и переводчикомъ Шишмаревымъ проэктъ договора состоящій изъ 5 пунктовъ. *Въ первомъ* опредѣлялась точная граничная черта между Россіею и Маньчжуріею отъ сліянія р. Шилка съ Аргунью по Амуру до устья Усури, далѣе вверхъ по Усури и по верхнимъ ея притокамъ до водораздѣльнаго хребта, чрезъ который переваливала на лѣвыя притоки рѣки Тушень-Ула, и по сей послѣдней до моря; *во второмъ* назначалось свободное плаваніе по всѣмъ рѣкамъ составляющимъ границу; *въ третьемъ* дозволялось свободное переселеніе жителей обоихъ государствъ съ земель отошедшихъ во владѣніе другаго государства въ теченіе одного года; *въ четвертомъ* учреждалась взаимная торговля по Амуру и Усури для жителей обоихъ береговъ этихъ рѣкъ и *въ пятомъ* назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ относительно торговыхъ сношеній, сообщеній съ Пекиномъ, отправленіе миссій, пословъ, курьеровъ и прочаго, могущаго до-

Digitized by Google

ставить пользу и славу двумъ дружественнымъ государствамъ. По предъявленіи этого проэкта договора, Маньчжуры снова возобновили передъ статскимъ совѣтникъ Перовскимъ свои односторонніе доводы и опроверженія всѣхъ пунктовъ, а о послѣднемъ рѣшительно отказались разсуждать, говоря что Дзянь-Дзюнь не имѣетъ на это полномочія и что ему поручено только о здѣшнихъ дѣлахъ на Амурѣ, а если мы желаемъ сверхъ того коснуться нашей торговли съ Китаемъ то должны буеемъ начать отдѣльныя переговоры, совершенно особо отъ настоящихъ. О словѣ «граница», употребленномъ въ нашемъ договорѣ, Маньчжуры не хотѣли и слышать, ссылаясь на то, что граница Россіи съ Китаемъ уже утверждена прежними трактатами. Айжиндай указалъ на то мѣсто договора, гдѣ было сказано: «ради большей *славы* и пользы обоихъ государствъ», говоря что зачѣмъ тутъ упомянуто слово «слава»; наше государство и безъ того такъ славно, что большей славы ему желать нельзя. По его желанію это выраженіе было замѣнено: ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и проч. Засѣданіе кончилось безъ всякаго результата.

Вечеромъ въ этотъ же день пріѣхалъ Айжиндай для подробнѣйшихъ объясненій съ г. Шишмаревымъ и привезъ свой проэктъ договора, утверждая что Дзянь-Дзюнь и Амбань никакъ не согласятся измѣнить его, такъ что если генералъ не согласиться уступить и измѣнить своего проэкта, то они должны будутъ разойтись.

Всѣ эти разсужденія съ Айжиндаемъ производились на этотъ разъ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ и г. Шишмаревымъ въ каютѣ катера. Въ другой каютѣ, отдѣленной отъ первой тонкой перегородкой находился генералъ-губернаторъ, слѣдившій за ходомъ переговоровъ и когда нужно было — то и принимавшій въ нихъ участіе или посредствомъ записокъ, передаваемыхъ Перовскому, или посредствомъ громкаго разговора, заставляя подполковника Будогоскаго говорить громко, какъ бы въ разговорѣ съ нимъ, ту мысль, или то выраженіе, которыя нужно было чтобы слышали въ другой каютѣ гг. Перовскій и Шишмаревъ.

13-го Мая утромъ г. Шишмаревъ отправился въ Айхунь

Digitized by Google

и предложилъ измѣненный проэктъ договора на равсмотрѣніе Дзянь-Дзюня и Амбаня. Прежнія доказательства и опроверженія снова возобновились съ ихъ стороны, такъ что г. Шишмаревъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, успѣлъ только согласить Амбаня на допущеніе обоюдной торговли по Амуру, но съ тѣмъ, чтобы мы измѣнили 1-й пунктъ договора. Послѣ этого прибылъ Айжиндай, который согласно новымъ условіямъ, вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ составилъ новый проэктъ договора и повезъ его въ Айгунъ. Но вечеромъ Айжиндай снова прибылъ на катерѣ и съ отчаяніемъ увѣрялъ, что онъ не досмотрѣлъ первую статью договора о земляхъ отъ Усури до моря и при чтеніи не вникнулъ въ смыслъ этой статьи, а потомъ уже, по пріѣздѣ въ Айхунъ, вмѣстѣ съ Амбанемъ разсмотрѣлъ ее. При этомъ Айжиндай со слезами умолялъ г. Шишмарева измѣнить эту статью, утверждая, что его ожидаетъ тяжкое наказаніе за этотъ недосмотръ, такъ что если не согласятся измѣнить этотъ параграфъ, то онъ сей-часъ же въ виду ихъ утопится въ Амурѣ. Г. Шишмаревъ упрекнулъ его говоря, что нельзя безпрерывно измѣнять одно и тоже; на это Айжиндай отвѣчалъ г. Шишмареву, что хорошо вамъ такъ разсуждать, когда вы хотите отъ насъ брать, тогда какъ нашему Дзянь-Дзюну приходится уступать; вотъ если бы вашъ Дзянь-Дзюнъ уступалъ что нибудь, то вѣроятно онъ разсуждалъ бы на переговорахъ иначе. Г. Шишмаревъ повелъ Айжиндая къ генералъ-губернатору, предъ которымъ онъ снова возобновилъ свои просьбы о томъ, чтобы выраженіе о земляхъ отъ Усури до моря было вовсе исключено изъ договора. Генералъ вмѣсто этого пункта приказалъ зачеркнуть, слова о которыхъ говорилъ Айжиндай и написать что «объ этомъ генералъ и Дзянь-Дзюнь завтра будутъ разсуждать.»

Убѣдившись безуспѣшнымъ ходомъ переговоровъ, проводившихъ только время, что обыкновеннымъ путемъ нельзя добиться отъ Маньчжуровъ никакого толка, генералъ-губернаторъ рѣшился, по совѣту Перовскаго, измѣнить характеръ переговоровъ. — Для этого 14-го мая онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Будогоскимъ и г. Шишмаревымъ прибылъ въ Айгунъ и предложилъ окончательный проэктъ договора.

Digitized by Google

Маньчжуры снова начали приводить свои односторонніе и шаткія доказательства на право владѣнія этими странами, собираемый ими ясакъ съ жителей, и проч. Главное затрудненіе предстояло въ уступкѣ Приусурійской страны, пренія о которой теперь уже болѣе не отклонялись Маньчжурами, подъ предлогомъ что они не имѣютъ на это права. Кромѣ прежнихъ доказательствъ, что у нихъ по берегу моря вездѣ есть свои караулы, Маньчжуры приводили, что на югѣ Приусурійской страны находится родина ихъ императорской фамиліи, и что по этому уступка этой страны была бы съ ихъ стороны государственною измѣною. На это имъ возражали, что родина ихъ царствующей династіи есть Индень, что въ Приусурійскомъ краѣ у нихъ нѣтъ ни какихъ учрежденій, что они объ этой странѣ, — какъ и сами сознались, — не имѣютъ никакихъ свѣденій и что тамъ живутъ только одни бѣглые, отъ которыхъ Китайцы не имѣютъ ни какой пользы. Вмѣстѣ съ тѣмъ приводили Маньчжурамъ, что все что Россія непредпринимала въ Приамурскомъ краѣ съ 1854 года — все это клонилось къ пользамъ ихъ имперіи, что употребивъ уже на осуществленіе подобной цѣли столько трудовъ и издержекъ, Россія не можетъ отказаться отъ своихъ благодѣтельныхъ для Китая намѣреній, не приведя ихъ къ окончательному результату и т. п. — Дзянь-Дзюнь возражалъ, что онъ не сомнѣвается въ высокой цѣли русскихъ, но въ случаѣ если бы для подобной цѣли пришли Китайцы въ Нерчинскій край, то дозволило ли бы имъ Русское правительство перейти чрезъ Аргунь и прогнать варваровъ? Время шло въ подобныхъ отклоняющихъ отъ цѣли разговорахъ; Маньчжуры не убѣждались ни какими доводами, и тянули только время, несмотря на то, что генералъ-губернаторъ предупреждалъ ихъ, что онъ не можетъ оставаться долго у Айхуна и спѣшитъ на устье Амура *) Наконецъ когда всѣ убѣжденія на соглашеніе Дзянъ-Дзюна оказались тщетными, генералъ-губернаторъ всталъ изъ-за стола, взялъ за руки Дзянь-Дзюна и Амбаня и обратясь съ сердитымъ видомъ къ

*) Въ это время ожидали прихода въ Николаевскъ англійскихъ и французскихъ судовъ изъ китайской эскадры, намѣревавшихся производить въ этихъ моряхъ опись береговъ.

Digitized by Google

г. Шишмареву поручилъ ему передать имъ, что онъ лично съ Дзянь-Дзюномъ останется друзьями, но что такъ переговариваться нельзя, — что онъ имъ сказалъ все, что отъ него зависѣло, и теперь ихъ дѣло обсудить это и согласиться на его предложенія, для чего онъ даетъ имъ сроку до завтра. Не дождавшись пока г. Шишмаревъ успѣлъ перевести это, генералъ быстро вышелъ изъ комнаты, у воротъ сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи подполковника Будогоскаго и г. Шишмарева поѣхалъ къ пристани, — гнѣвно посматривая на собравшіяся толпы народа. — Вскорѣ генерала догналъ Айжиндай съ мрачной физіономіей и подъѣхавъ къ г. Шишмареву спрашивалъ его куда генералъ такъ спѣшитъ; теперь поднялся такой сильный вѣтеръ и на рѣкѣ волненіе, что Дзянь-Дзюнь говоритъ, что лучше бы немного обождать. Но Шишмаревъ слѣдовалъ молча за генералъ-губернаторомъ, который подъѣхавъ къ берегу, быстро соскочилъ съ коня, бросилъ въ сторону нагайку, сѣлъ въ катеръ, въ которомъ оставалась вся его свита и приказавъ поставить парусъ, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ быстро пошелъ вверхъ по рѣкѣ къ противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу Маньчжуровъ выпучили глаза отъ удивленія, привыкнувъ видѣть генерала всегда привѣтливо посматривающаго на толпящійся по улицамъ Айхуна народъ, а теперь увидя его нахмуреннымъ, разсерженымъ и уходящимъ прочь отъ Айхуна *). Отойдя вверхъ по рѣкѣ до 7 верстъ, генералъ остановился у Маньчжурской деревни лѣваго берега, обѣдалъ здѣсь съ своею свитою и къ вечеру возвратился въ своемъ катерѣ къ канонирскимъ лодкамъ, стоявшимъ по прежнему напротивъ Айхуна, у противуположнаго берега. Вскорѣ сюда прибыли чиновники отъ Дзянь-Дзюна спросить о здоровьѣ генерала и о причинѣ его гнѣва, а вмѣстѣ съ тѣмъ просили извинить ихъ, утверждая, что впредь они будутъ себя вести такъ, чтобы генералъ не сердился.

Въ слѣдствіе этого на другой день, 15-го мая, прибылъ

*) Во время этого проѣзда по улицамъ Айхуна, генералъ потерялъ бриліантовую звѣзду ордена Св. Александра Невскаго, которая и послѣ не отыскалась.

Digitized by Google

на катеръ генерала Гусайда (батальонный командиръ) Маншань съ Айжиндаемъ, для окончательнаго соглашенія всѣхъ договорныхъ статей. Слово «*граница*», которое Маньчжуры никакъ несоглашались употребить въ договорѣ, — было вычеркнуто и замѣнено выраженіемъ, что лѣвый берегъ рѣки Амура отъ рѣки Аргуни до морскаго устья да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый до р. Усури — Дайцинскаго государства. Земли отъ р. Усури до моря положено оставить въ общемъ владѣніи, къ чему Айжиндай предложилъ прибавить фразу: «какъ и нынѣ,» что и было сдѣлано. Право обоюднаго плаванія по пограничнымъ рѣкамъ Амуру и Усури, въ Маньчжурскомъ текстѣ вышло по рр. Сахалянъ-ула, Сунгари-ула и Усури-ула *). Айжиндай возразилъ, что стало быть въ слѣдствіе этого пункта русскіе могутъ плавать по рѣкѣ Сунгари внутрь Маньчжуріи, и торговать въ лежащихъ по берегамъ этой рѣки городахъ? Ему отвѣчали на это утвердительно и доказывали всю пользу этого, какъ для самихъ Маньчжуровъ, такъ и для всей ихъ страны, — съ чѣмъ онъ и согласился.

Въ заключеніе генералъ выразилъ, что такъ какъ теперь они уже окончательно согласились во всѣхъ пунктахъ, то онъ намѣренъ подойти съ канонерскими лодками ближе къ городу и салютовать въ честь заключенія трактата. Айжиндай предлагая подойти къ ихъ берегу, если генералу это угодно, просилъ только не стрѣлять, прибавивъ, что мы, чиновники, не боимся, а наши военные люди не любятъ выстрѣловъ. Это желаніе Маньчжуровъ было исполнено, и затѣмъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій никакихъ выстрѣловъ произведено не было. Для окончанія различныхъ мелкихъ недоразумѣній г. Шишмареву приходилось еще два раза ѣздить въ Айхунъ къ Амбаню.

Наконецъ наступилъ и достопамятный день 16-го мая. Трактатъ назначено было подписывать въ 12 часовъ, но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, время протянулось до вечера. — Въ

*) Рѣка Амуръ у Маньчжуровъ и Китайцевъ раздѣляется на двѣ части: верхняя называется Сахалянъ-ула, а нижняя Сунгари-ула.

Digitized by Google

6 часовъ генералъ-губернаторъ съ своею свитою, въ парадной формѣ, вышли на берегъ Айхуна и пѣшкомъ отправились къ Дзянъ-Дзюню, гдѣ тотчасъ же началось подчиванье чаемъ и сластями. Послѣ краткаго привѣтствія, генералъ Муравьевъ сказалъ Дзянъ-Дзюню, что онъ очень радъ, что наконецъ они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутора столѣтія и давно заботившее ихъ Правительство, послѣ чего приступили къ чтенію и повѣркѣ текста на Маньчжурскомъ языкѣ. За тѣмъ началось подписываніе трактата на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ — генералъ-губернаторомъ, Дзянъ-Дзюномъ, Перовскимъ, Амбанемъ, Шишмаревымъ и Айжиндаемъ (*). Послѣ подписи генералъ-губернаторъ и Дзянъ-Дзюнь взяли каждый въ одну руку по два подписанныхъ экземпляра на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ, въ одно время обмѣнялись ими и передали другъ другу со взаимнымъ поздравленіемъ.

Окончивъ весь церемоніалъ заключенія трактата, генералъ Муравьевъ вскорѣ оставилъ Дзянъ-Дзюна, поцаловавшись съ нимъ на прощаньи, и отправился на своемъ катерѣ въ обратный путь къ Благовѣщенску. По прибытіи на катеръ, спутники Николая Николаевича, по русскому обычаю съ шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, доставившимъ Россіи болѣе милліона кв. верстъ богатой территоріи, открывшемъ Сибири удобный водяной путь къ Океану, оправдавшимъ блестящимъ образомъ дальновидныя соображенія и предположенія генерала Муравьева и увѣнчавшимъ достойнымъ образомъ его многолѣтніе труды и усилія.

Для полноты расказа слѣдуетъ здѣсь прибавить подробности дальнѣйшаго плаванія генералъ-губернатора по Амуру. 17-го мая ночью генералъ Муравьевъ возвратился изъ Айхуна въ Благовѣщенскъ, гдѣ на другой день, въ Воскресенье 18-го мая, было совершено Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ благодарственное Господу Богу молебствіе о совер-

*) Перо, которымъ Николай Николаевичъ Муравьевъ подписалъ возвращеніе Амура, взялъ къ себѣ на сохраненіе оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогоскій.

Digitized by Google

шившемся радостномъ и великомъ событіи, и всѣ чины бывшіе въ Благовѣщенскѣ обѣдали у Николая Николаевича. Въ тотъ же день при церковномъ парадѣ генералъ-губернаторъ отдалъ по войскамъ слѣдующій лаконическій приказъ:

«Товарищи! Поздравляю Васъ! Не тщетно трудились «мы: Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи. — Св. церковь «молится за насъ, Россія благодаритъ. Да здравствуетъ «Императоръ Александръ и процвѣтаетъ, подъ кровомъ Его, вновь пріобрѣтенная страна. Ура!»

20-го мая генералъ-губернаторъ отправилъ подлинный трактатъ при своемъ донесеніи къ Государю Императору съ секретаремъ по дипломатической части Бюцовымъ. Такимъ образомъ первое извѣстіе, посланное въ С. Петербургъ изъ вновь основаннаго за 10-ть дней передъ симъ города *Благовѣщенска*, была *благая вѣсть* о присоединеніи Амура къ русскимъ владѣніямъ. — 21-го числа генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ отплылъ въ дальнѣйшій путь къ устью Амура. Во время этого плаванія, оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогосскій избиралъ мѣста для поселеній Амурскаго пѣшаго баталіона, который въ этомъ году занялъ своими станицами лѣвый берегъ Амура отъ начала хребта Малаго Хингана, до устья Усури. При впаденіи этой послѣдней рѣки въ Амуръ, было основано поселеніе 13-го Линейнаго баталіона, названное *Хабаровскимъ*. Отъ этого населенія, дальнѣйшій путь свой генералъ-губернаторъ продолжалъ на ожидавшемъ его здѣсь пароходѣ «Амуръ», въ сопровожденіи прибывшаго сюда на встрѣчу военнаго губернатора Приморской области г. Казакевича. Прибывъ 8-го іюня въ Маріинскій постъ, генералъ посвятилъ этотъ день обзору казармъ, церкви и другихъ зданій, выстроенныхъ здѣсь въ теченіи 2-хъ лѣтъ, послѣ его отсутствія, и 10 числа прибылъ въ Николаевскъ, при солютаціи береговыхъ батарей. Послѣ 1855 года, въ которомъ генералъ-губернаторъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, Николаевскъ изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ, протянулся на $1\frac{1}{2}$ версты по берегу Амура, и въ немъ теперь однихъ частныхъ домовъ считалось уже до двухъ сотъ номеровъ. Генералъ остался здѣсь на нѣсколько дней, въ ожиданіи при-

Digitized by Google

хода судна изъ эскадры графа Путятина съ извѣстіями отъ него о ходѣ переговоровъ въ Китаѣ.

15-го іюня въ госпитальной церкви Николаевска было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе о заключеніи договора. При этомъ преосвященнѣйшій Иннокентій произнесъ краткое, приличествующее торжеству, слово, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что онъ радуется, видя себя среди дѣятелей этого края въ такую минуту, когда труды ихъ вознаграждены возвращеніемъ Амура къ Россіи. Въ заключеніе молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому, вѣчная память Императору Николаю I, многолѣтіе генералъ-губернатору, Николаю Николаевичу, вѣчная память всѣмъ положившимъ животъ свой за Амурскій край, и многолѣтіе всѣмъ подвизавшимся и подвизающимся въ здѣшнемъ краѣ дѣятелямъ. При провозглашеніи многолѣтія Императорской фамиліи, съ береговыхъ батарей былъ произведенъ салютъ.

Отправившись изъ Николаевска на пароходѣ «Амуръ» въ обратный путь вверхъ по Амуру, 19-го іюня, генералъ-губернаторъ 21-го прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ на другой день, въ воскресенье 22-го іюня, въ его присутствіи былъ освященъ преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ первый на берегахъ Амура православный храмъ. Остальныя церкви, строющіяся въ Николаевскѣ и селеніи Михайловскомъ, еще не были окончены. Выйдя 24-го числа изъ Маріинска, въ сопровожденіи парохода «Шилка», генералъ остановился у мыса Джай (въ 35-ти верстахъ выше Маріинска), гдѣ въ присутствіи его, на избранномъ здѣсь пунктѣ для поселенія, преосвященнѣйшій Иннокентія заложилъ храмъ во имя св. Софіи (премудрости Божіей) и тѣмъ положилъ основаніе будущему *городу Софійску*. Отсюда архіепископъ Иннокентій, съ военнымъ губернаторомъ г. Казакевичемъ, отправился на пароходѣ «Шилка» обратно въ Николаевскъ, а генералъ-губернаторъ, продолжая плаваніе на пароходѣ «Амуръ», 28-го прибылъ въ Хабаровское, а 2-го іюля подошелъ къ устью р. Сунгари. Здѣсь, взявъ изъ Маньчжурскаго поста начальника съ его свитою, генералъ-губернаторъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднялся по ней до 20-ти верстъ.

Digitized by Google

Такимъ-образомъ пароходъ «Амуръ» былъ первый, конечно, отъ сотворенія міра, пароходъ, который показался на рѣкѣ Сунгари, и положилъ 2-го іюля 1858 года, первое начало русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго Айхунскимъ трактатомъ права. Обозрѣвъ пройденную часть рѣки и ея низменные берега, приведя въ изумленіе жителей двухъ деревень, видѣнныхъ на берегу, пароходъ вернулся обратно въ Амуръ, открывъ при устьѣ р. Сунгари баръ съ наименьшею глубиною 15-ти футъ.

Продолжая путь далѣе вверхъ по Амуру, 8-го іюля генералъ-губернаторъ прибылъ въ Айхунъ. Начиная съ устья Усури, ежедневно встрѣчали цѣлыми десятками баржи и плоты, спускавшіеся внизъ по рѣкѣ, съ провіантомъ, съ переселенцами, различными тяжестями, съ рогатымъ скотомъ, лошадьми и проч., такъ-что рѣка, не смотря на свои пустынныя берега, представляла въ это время довольно-оживленное зрѣлище. Въ Айхунѣ генералъ съ своею свитою отправился пѣшкомъ въ домъ Амбаня, находящійся въ крѣпости, гдѣ хозяинъ принялъ его съ распростертыми объятіями у наружныхъ дверей. Послѣ краткихъ привѣтствій и распросовъ о здоровьи, Амбань, по приглашенію генерала, отправился пѣшкомъ, вмѣстѣ съ нимъ, на пароходъ, на которомъ его прокатили съ музыкой вверхъ и внизъ по рѣкѣ. По прибытіи генералъ-губернатора, 9-го іюля, въ Благовѣщенскъ, 12-го числа туда-же прибылъ, на трехъ большихъ джонкахъ, Амбань, съ огромною свитою. Его джонка, съ каютою на верху, подошла къ самой пристани; для встрѣчи его были посланы на нижнюю площадку пристани нѣкоторыя лица изъ штаба генералъ-губернатора и при его выходѣ музыка, стоявшая у балкона дома, заиграла маршъ. Шествіе открывали по лѣстницѣ пристани 6 ноіоновъ (офицеровъ) съ бѣлыми шариками и павлиньями перьями на шапкахъ (за храбрость); за ними слѣдовалъ церемоніймейстеръ съ голубымъ шарикомъ, и сзади его Амбань, остальная свита котораго слѣдовала въ безпорядкѣ. Поднявшись по лѣстницѣ на верхъ берега и подойдя къ балкону, шедшіе впереди разступились, стали по обѣимъ сторонамъ дороги и пропустили впередъ церемоніймейстера и Амбаня, котораго на порогѣ

Digitized by Google

балкона встрѣтилъ генералъ-губернаторъ. Войдя въ гостиную, Амбаня усадили на диванѣ за столомъ, слѣва отъ него помѣстился генералъ Муравьевъ, справа генералъ Карсаковъ, съ боку стола въ креслахъ комендантъ г. Айхуна и еще два Гусайды (штабъ-офицера) съ голубыми шариками на шапкахъ. Прочая свита Амбаня стояла въ комнатѣ, а секретарь его вмѣстѣ съ г. Шишмаревымъ помѣстились у стола. Подали угощеніе, состоящее изъ чая варенья, разныхъ сластей, орѣховъ, шампанскаго, наливокъ, папиросъ и сигаръ. Маньчжуры вообще не церемонились и не заставляли себя долго просить: Амбань горстями раздавалъ своимъ приближеннымъ бѣлые сухари и хлѣбъ, поданные къ чаю, свита его горстями же забирала поданныя сигары и папиросы и прятала по карманамъ. Цѣль пріѣзда Амбаня состояла въ представленіи генералъ-губернатору составленнаго Дзянъ-Дзюномъ объясненія статей трактата, въ которомъ между прочимъ заключались правила для обоюдной между Русскими и Маньчжурами торговли на Амурѣ. Это объясненіе состояло изъ 14 пунктовъ, заключающихъ въ себѣ большею частію мелочныя и стѣснительныя обряды трусливой Китайской администраціи, относительно жителей лѣваго берега и торговли по Амуру. Между прочимъ въ нихъ упоминалось о необходимости назначенія особыхъ сборныхъ пунктовъ для взаимной торговли, подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля должна быть подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, которые будутъ слѣдить за правильностью ея и установлять обоюдныя цѣны. Генералъ не принялъ этихъ правилъ, доказывая Маньчжурамъ, что торговля тогда только можетъ развиваться и быть выгодою для обѣихъ странъ, когда она производится свободно безъ всякихъ стѣсненій и надзора, и въ числѣ своихъ возраженій упомянулъ, что за чѣмъ чиновниковъ утруждать частными дѣлами. На это Маньчжуры, желая какимъ бы то ни было доводомъ поставить на своемъ, отвѣчали, что это не составитъ препятствія, потому что у нихъ столько чиновниковъ, что они не знаютъ что съ ними дѣлать! Всѣ ихъ доводы и убѣжденія явно клонились къ тому, чтобы поставить торговлю въ зависимость отъ чиновниковъ, чтобы дать послѣднимъ возмож-

Digitized by Google

ность наживаться на счетъ мѣстныхъ жителей, производящихъ торговлю.

Генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ этимъ не соглашался на предложеніе Маньчжуровъ, чтобы на всемъ протяженіи Амура былъ назначенъ только одинъ пунктъ для торговли, а требовалъ, чтобы жители обоихъ береговъ производили свободно взаимную торговлю гдѣ пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія и надзора чиновниковъ. Наконецъ послѣ долгихъ преній постановили что на первое время, чрезъ каждые восемь дней, будетъ открываться семидневная ярмарка по очередно въ Благовѣщенскѣ и въ Айхунѣ, а жители обоихъ береговъ могутъ производить между собою свободную торговлю на всемъ протяженіи рѣки. На остальные пункты объясненія Дзянь-Дзюна генералъ-губернаторъ обѣщалъ прислать свой отвѣтъ въ Айхунъ, послѣ чего Амбань со свитою, получивъ богатые подарки и отдаривъ съ своей стороны кусками простой шерстяной съ шелкомъ матеріи, грубыми вѣерами, трубками, связками простаго табаку (махорки), китайскими сухими сластями и проч., тѣмъ же порядкомъ вернулся съ своей свитою обратно на джонкахъ въ Айхунъ.

На другой день былъ послалъ отвѣтъ генералъ-губернатора на статьи Дзянь-Дзюня, въ которомъ было сказано, что такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ статей противорѣчатъ смыслу, трактата, то объясненіе на нихъ пришлется изъ Иркутска. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ комендантъ изъ Айхуна просить, чтобы это объясненіе было прислано теперь для отправки къ Дзянь-Дзюню, но такъ какъ генерала не было дома, то онъ оставивъ къ нему письмо на красной бумагѣ, прибылъ за отвѣтомъ на другой день. Въ этотъ разъ онъ съ своими спутниками былъ принятъ генераломъ, который въ продолжительной бесѣдѣ съ нимъ, развивалъ выгоды, которыя произойдутъ для нихъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ русскими, толковалъ о нашей долгой дружбѣ съ Китаемъ и о пользѣ сохраненія ея для Китая, о своемъ расположенія къ Дзянъ-Дзюню и проч. Получивъ отъ генерала письмо къ Дзянь-Дзюню, въ которомъ онъ обѣщалъ прислать объясненіе на предложенные имъ пункты изъ Иркутска, комендантъ отправился обратно въ Айхунъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-

Digitized by Google

губернаторъ, отправивъ 20 іюля пароходъ «Амуръ» обратно въ Николаевскъ, самъ на пришедшемъ изъ Усть-Стрѣлки пароходѣ «Лена» отправился въ дальнѣйшій путь вверхъ по Амуру. —

Между тѣмъ графъ Путятинъ, соединившись съ Англійскимъ, Французскимъ и Американскимъ уполномоченными, вмѣстѣ съ ихъ эскадрами прибыли въ Печенійскій заливъ. Союзники взяли форты при устьѣ рѣки Пей-хо, ведущей къ Пекину и заняли городъ Тянь-Цзинь. Устрашенный Пекинскій дворъ выслалъ сюда своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ иностранцами, и графъ Путятинъ успѣлъ первый заключить съ ними трактатъ $^1/_{13}$ іюня. Нѣсколько дней послѣ его Китайцы заключили договоръ съ Американскимъ посланникомъ, $^{14}/_{26}$ іюня съ Англійскимъ, а $^{15}/_{2}$ съ Французскимъ. Заключая трактатъ съ графомъ Путятинымъ, Китайцы уже получили отъ Дзянь-Дяюня Цицигарскаго князя И-Шань извѣстіе о заключенномъ имъ въ Айхунѣ 16 мая съ генераломъ Муравьевымъ трактатѣ, по которому Амуръ уступленъ Россіи, но не сообщили этого графу Путятину. По этому въ статьѣ 9 заключеннаго графомъ съ Китайцами договора постановлялось, что неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіею, будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обихъ правительствъ и заключенное ими условіе о граничной чертѣ *составитъ дополнительную статью* къ настоящему трактату. Но чрезъ три дня послѣ заключенія Тянь-цзинскаго договора, Китайскіе уполномоченные, по повелѣнію Богдыхана, извѣстили графа Путятина о заключенномъ главнокомандующимъ въ Амурской области княземъ И-Шань съ генераломъ Муравьевымъ договорѣ, и о томъ, что Богдыханъ утвердилъ этотъ договоръ, по которому *границею* между двумя государствами *назначена рѣка Усури до морскихъ портовъ* и открыта торговля на Амурѣ. Такимъ образомъ при переговорахъ съ генераломъ Муравьевымъ въ Айхунѣ, Маньчжуры избѣгали слова *граница*, и положительно отказывались назначить границу по Усури опредѣленною чертою, вѣроятно опасаясь отвѣтственности передъ Пекинскимъ дворомъ, а теперь самъ Богдыханъ утвердилъ границею между обоими го-

Digitized by Google

сударствами *рѣку Усури до морскихъ портовъ*, и тѣмъ самымъ окончательно призналъ принадлежность Приусурійской стороны къ Россіи.

Графъ Путятинъ, по окончаніи своихъ переговоровъ въ Тянь-Цзинѣ, отправилъ подлинный договоръ*) съ командиромъ пароходъ-корвета «Америка», капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ, 7-го іюня чрезъ Суэцъ и Тріестъ въ С.-Петербургъ, а чрезъ 8 дней послѣ этого, а именно 15-го іюня, отсылая прибывшаго къ нему изъ С.-Петербурга чрезъ Суэцъ курьеромъ, Адъютанта генералъ-губернатора Восточной Сибири подполковника Мартынова обратно въ Иркутскъ чрезъ Калганъ и Гобійскую степь, — графъ Путятинъ послалъ съ нимъ письмо къ генералу Муравьеву и при немъ копію съ заключеннаго въ Тянь-Цзинѣ договора. Подполковникъ Мартыновъ, слѣдуя по Гобійской степи верхомъ, успѣлъ чрезъ 25 дней прибыть въ Сибирь и за отбытіемъ генерала Муравьева на Амуръ, сдалъ бумаги въ Иркутскѣ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири военному губернатору Венцелю. Генералъ Венцель найдя въ этихъ бумагахъ копію съ заключеннаго графомъ Путятинымъ договора и узнавъ отъ подполковника Мартынова, что куръеръ графа Путятина капитанъ Чихачевъ везетъ въ С.-Петербургъ только подлинный русскій договоръ и ничего не знаетъ о заключенныхъ послѣ его отъѣзда договорахъ Китайцевъ съ Агличанами и Французами, счелъ весьма нужнымъ отправить съ этимъ извѣстіемъ въ С.-Петербургъ очевидца событія — подполковника Мартынова, поручивъ ему же доставить туда копію заключеннаго графомъ Путятинымъ договора. Такимъ образомъ адъютантъ генералъ-губернатора Восточной Сибири г. Мартыновъ, не успѣвъ еще оправиться отъ своего путешествія по Монголіи, долженъ былъ снова скакать въ перекладной съ извѣстіями, которыхъ съ нетерпѣніемъ ждала вся Европа. Доѣхавъ до Перми онъ окончательно ослабѣлъ отъ дурной осенней дороги и потому дальнѣйшій путь продолжалъ на пароходѣ до Твери. Это замѣдлило его слѣдованіе, такъ что онъ прибылъ въ С.-Петер-

*) См. Приложеніе.

Digitized by Google

бургъ только 7-го августа, — чрезъ 50 дней послѣ отбытія изъ Тянь-Цзина. Въ тотъ же день подполковникъ Мартыновъ имѣлъ счастіе представляться въ С.-Петербургѣ Государю Императору и въ тотъ же день дана было знать по телеграфу въ Лондонъ, Парижъ и другія столицы о заключенныхъ Французами и Англичанами договорахъ съ Китаемъ. Такимъ образомъ по распоряженію генералъ-лейтенанта Венцеля *) въ С.-Петербургѣ получили съ подполковникомъ Мартыновымъ копію заключеннаго графомъ Путятинымъ въ Тянь-Цзинѣ договора гораздо ранѣе подлинника, посланнаго 8-ю днями впередъ чрезъ Суэцъ съ капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ, а Европа — *въ первый разъ чрезъ Сибирь* — узнала о заключеніи своихъ договоровъ еще ранѣе полученія извѣстія отъ своихъ уполномоченныхъ.

Генералъ-лейтенантъ Венцель, отправляя подполковника Мартынова въ С.-Петербургъ, въ тоже время послалъ 11-го іюля къ генералу Муравьеву на Амуръ другого курьера съ письмомъ отъ графа Путятина и съ копіей заключеннаго имъ договора. Генералъ Муравьевъ встрѣтилъ этого курьера 22-го іюля у станицы Карсакова, идя вверхъ на пароходѣ «Лена». Команда была вызвана на верхъ, ей объявили о заключенномъ графомъ Путятинымъ договорѣ, дали по чаркѣ водки, и всѣ бывшіе на пароходѣ поздравили генералъ-губернатора и другъ друга съ окончаніемъ китайскаго вопроса. Пароходъ «Лена» 1-го августа прибылъ въ Усть-Стрѣлку и въ тотъ же день вышелъ въ Шилку, 5-го августа достигъ Горбицы а 7-го Шилкинскаго завода. Генералъ-губернаторъ продолжалъ свое плаваніе еще далѣе и 12-го достигъ Срѣтенска, гдѣ пароходъ «Лена» и остался на зимовку. Отсюда генералъ-губернаторъ отправился сухопутьемъ въ дальнѣйшій путь къ Иркутску. По всей дорогѣ во всѣхъ деревняхъ его встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, — толпы крестьянъ

*) Въ извѣстіи объ этомъ въ русскихъ газетахъ адъютантъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, подполковникъ Мартыновъ, совершенно несправедливо названъ курьеромъ, присланнымъ отъ графа Путятина. Курьеръ графа Путятина изъ Тянь-Цзина былъ капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ, а подполковникъ Мартыновъ былъ посланъ изъ Иркутска въ С. Петербургъ курьеромъ по распоряженію генералъ-лейтенанта Венцеля. С. Петерб. Вѣд., № 173, 1858 г.

Digitized by Google

и казаковъ вездѣ привѣтствовали его криками «ура», въ городахъ являлись депутаціи разныхъ сословій съ поздравленіями, давали обѣды, дѣлали денежныя пожертвованія на пользу новаго края, — словомъ всякій хотѣлъ принять какое-нибудь участіе въ общей радости всей Сибири, чѣмъ-нибудь выразить свою признательность Николаю Николаевичу Муравьеву за совершенный имъ великій подвигъ, — и свое сочувствіе къ Амурскому краю, такъ неожиданно и блистательно возвращенному имъ снова въ составъ областей Сибири. По прибытіи въ Иркутскъ, 20-го августа, въ первомъ часу пополудни, генералъ-губернаторъ отправился прямо въ Богоявленскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ Преосвященнѣйшимъ Евсевіемъ, совершившимъ въ присутствіи всѣхъ начальниковъ войскъ и высшихъ должностныхъ лицъ губерніи благодарственное Господу Богу молебствіе за благополучно совершенное путешествіе и счастливое окончаніе великаго дѣла, которое въ русской исторіи останется навсегда соединеннымъ съ памятью объ управленіи Восточною Сибирью Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. По окончаніи молебствія Преосвященнѣйшій Евсевій благословилъ генерала иконою Спасителя и сказалъ ему нѣсколько приличныхъ событію словъ. Собравшіяся кругомъ собора толпы народа, по выходѣ генерала на крыльце, привѣтствовали его криками «ура», сопровождавшими его до самаго дома *). Затѣмъ начался рядъ праздниковъ, заключавшихся въ роскошныхъ обѣдахъ, блестящей иллюминаціи, великолѣпномъ фейерверкѣ, парадномъ спектаклѣ и проч., которыми городъ Иркутскъ желалъ выразить свое сочувствіе своему правителю и великому совершенному имъ дѣлу.

Такъ кончилось путешествіе по Амуру генералъ-губернатора Восточной Сибири, Николая Николаевича Муравьева въ 1858 году. Это было *третье* его плаваніе къ устью рѣки Амура, изъ которыхъ каждое имѣло много знаменательное значеніе для совершившихся на Амурѣ событій. *Въ первое* свое плаваніе въ 1854 году Николай Николаевичъ *открылъ Амуръ*, — *во второе* въ 1855 году *защитилъ его отъ враговъ*, —

*) Иркутскіе Губ. Вѣдом., № 34, 1858 г.

Digitized by Google

и въ *третье* въ 1858 году — *возвратилъ Амуръ Россіи.* Не слабому перу этого разсказа судить о заслугѣ Николая Николаевича, а въ заключеніе всего приличнѣе будетъ привести подлинныя слова Высочайшаго Рескрипта, которымъ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ почтить многолѣтнія старанія, труды и подвиги генерала Муравьева:

Графъ Николай Николаевичъ! Примѣрно ревностное и полезное служеніе ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличіями на поприщѣ гражданскаго управленія, обратили на себя вниманіе въ Бозѣ почившаго Родителя Моего. Справедливо оцѣняя ваши достоинства, Онъ ввѣрилъ начальствованію вашему обширный край въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Имперіи. Вы вполнѣ оправдали довѣріе Наше одиннадцатилѣтними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство ввѣренной управленію вашему Восточной Сибири. Просвѣщеннымъ дѣйствіямъ вашимъ обязанъ этотъ край началамъ своего гражданскаго возрожденія; благоразумными и настойчивыми мѣрами, вами принятыми, упрочены наши мирныя сношенія съ сосѣднимъ Китаемъ, и заключеннымъ вами трактатомъ дарованъ Сибири новый торговый путь по рѣкѣ Амуру, служащій залогомъ промышленному развитію Государства. Столь счастливое для Россіи событіе даетъ вамъ справедливое право на искреннюю Мою признательность. — Въ воздаяніе за таковыя заслуги ваши, Я возвелъ васъ указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ Графское Россійской Имперіи достоинство, съ присоединеніемъ къ имени вашему названія Амурскаго, въ память о томъ краѣ, которому въ особенности посвящены были, въ послѣдніе годы, настоятельные труды ваши и постоянная заботливость. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ и на всегда доброжелательнымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскою рукою написано:

«Александръ».

Въ Москвѣ, августа 26 дня 1858 года.

Д. РОМАНОВЪ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Трактатъ, заключенный 1-го іюня 1858 года въ Тяньцзинѣ, между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Богдыханомъ Китайскимъ.

Его Величество Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Его Величество Богдыханъ Дайцинской имперіи, признавая необходимымъ опредѣлить вновь взаимныя отношенія между Китаемъ и Россіею и утвердить новыя постановленія для пользы обоихъ государствъ, назначили для сего полномочными: Его Величество Императоръ Всероссійскій, императорскаго коммиссара въ Китаѣ начальствующаго морскими силами въ Восточномъ Океанѣ, своего генералъ-адъютанта вице-адмирала, графа Евоимія Путятина; а его величество Богдыханъ Дайцынскій своего государства Восточнаго отдѣленія Да-сіо-ши (государственный мужъ), главноуправляющаго дѣлами уголовной палаты, высокаго сановника Гуйляна и своего государства предсѣдателя, инспектора палаты, дивизіоннаго начальника тяжелаго войска голубаго знамени съ каймою, высокаго сановника Хуашана.

Означенные полномочные, на основаніи данной имъ власти отъ своихъ правительствъ, согласились и постановили слѣдующія статьи:

Статья 1-я. Настоящимъ трактатомъ потверждаются миръ и дружба, съ давнихъ временъ существовавшія между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Богдыханомъ Дайцынскимъ и ихъ подданными.

Личная безопасность и неприкосновенность собственности русскихъ въ Китаѣ и Китайцевъ, въ Россіи, будутъ всегда состоять подъ покровительствомъ и защитою правительствъ обѣихъ имперій.

Статья 2-я. Прежнее право Россіи отправлять посланниковъ въ Пекинъ всякій разъ, когда россійское правительство признаетъ это нужнымъ, теперь вновь подтверждается.

Сношенія высшаго россійскаго правительства съ высшимъ китайскимъ, будутъ производиться не чрезъ сенатъ и Ли-фань-юань, какъ было прежде, но чрезъ россійскаго

Digitized by Google

министра иностранныхъ дѣлъ и старшаго члена верховнаго государственнаго совѣта (Цзюнь-цзи-чу), или главнаго министра, на основаніи совершеннаго равенста между ними.

Обыкновенная переписка между означенными выше лицами будетъ пресылаться чрезъ пограничныхъ начальниковъ. Когда же встрѣтится надобность отправить бумагу о весьма важномъ дѣлѣ, то для отвоза ея въ столицу, и для личныхъ по дѣлу объясненій съ членами Государственнаго Совѣта, или главнымъ министромъ, будетъ назначаться особый чиновникъ. По прибытіи своемъ, онъ предаетъ бумагу чрезъ президента палаты церемоній (Ли-бу).

Совершенное равенство будетъ также соблюдаться въ перепискахъ и при свиданіяхъ россійскихъ посланниковъ или полномочныхъ министровъ съ членами государственнаго совѣта, съ министрами пекинскаго двора и съ генералъ-губернаторами пограничныхъ и приморскихъ областей. На томъ же основаніи будутъ происходить всѣ сношенія между пограничными генералъ-губернаторами и прочими начальниками смежныхъ мѣстъ обоихъ государствъ.

Если бы россійское правительство нашло нужнымъ назначить полномочнаго министра для жительства въ одномъ изъ открытыхъ портовъ, то въ личныхъ и письменныхъ своихъ сношеніяхъ съ вышими мѣстными властями и съ министрами въ Пекинѣ, онъ будетъ руководствоватся общими правилами теперь постановленными для всѣхъ иностранныхъ государствъ.

Россійскіе посланники могутъ слѣдовать въ Пекинъ или изъ Кяхты чрезъ Ургу, или изъ Дагу, при устьѣ рѣки Хай-хэ (Peiho), или инымъ путемъ изъ другихъ открытыхъ городовъ или портовъ Китая. По предварительномъ извѣщеніи, китайское правительство обязывается немедленно сдѣлать надлежащія распоряженія какъ для скораго и удобнаго слѣдованія посланника и сопровождающихъ его лицъ, такъ и относительно пріема ихъ въ столицѣ съ должнымъ почетомъ, отвода имъ хорошихъ помѣщеній и снабженія всѣмъ нужнымъ.

Денежные по всѣмъ этимъ статьямъ расходы относятся на счетъ россійскаго государства, а отнюдь не китайскаго.

Статья 3-я. Торговля Россіи съ Китаемъ отнынѣ можетъ производится не только сухимъ путемъ въ прежнихъ

Digitized by Google

пограничныхъ мѣстахъ, но и моремъ. Русскія купеческія суда могутъ приходить для торговли въ слѣдующіе порты: Шанхай (Schanghai), Нин-бо (Ningpo), Фучжоу-фу (Foo-chow-foo), Ся-мынь (Amoy), Гуандунъ (Canton), Тайвань-фу (Taiwan foo) на островѣ Формозѣ, Цюн-чжоу (Kiungchow) на островѣ Хайнанѣ, и въ другія открытыя мѣста для иностранной торговли.

Статья 4-я. Въ торговлѣ сухопутной впередъ не должно быть никакихъ ограниченій относительно числа лицъ въ ней участвующихъ, количества привозимыхъ товаровъ, или употребляемаго капитала.

Въ торговлѣ морской и во всѣхъ подробностяхъ ея производства, какъ то: представленіи объявленій о привезенныхъ товарахъ, уплатѣ якорныхъ денегъ, пошлинъ, по дѣйствующему тарифу и т. п., русскія купеческія суда будутъ соображатся съ общими постановленіями объ иностранной торговѣ въ портахъ китая.

За контрабандную торговлю, Русскіе подвергаются конфискаціи свезенныхъ товаровъ.

Статья 5-я. Во всѣ означенные порты россійское правительство имѣетъ право по своему желанію назначать консуловъ.

Для наблюденія за порядкомъ со стороны рускихъ подданныхъ пребывающихъ въ открытыхъ портахъ Китая и для поддержанія власти консуловъ, оно можетъ посылать въ нихъ свои военныя суда.

Порядокъ сношеній между консулами и мѣстными властями, отведеніе удобной земли для постройки церквей, домовъ и складочныхъ магазиновъ, покупка земли Русскими у Китайцевъ по взаимному соглашенію, и другіе подобнаго рода предметы, касающіеся обязанностей консуловъ, будутъ производится на основаніи общихъ правилъ, принятыхъ китайскимъ правительствомъ въ разсужденій иностранцевъ.

Статья 6-я Еслибы русское военное или купеческое судно подверглось крушенію у береговъ Китая, то мѣстныя власти обязанны немедленно распорядится о спасеніи погибающихъ, имущества, товаровъ и самаго судна. Они также должны принимать всѣ мѣры, чтобы спасенные люди, имущество ихъ

Digitized by Google

и товары были доставленны въ ближайшій изъ открытыхъ портовъ, гдѣ находится русскій консулъ, или агентъ какой либо націи дружественной Россіи, или наконецъ на границу, если это будетъ удобнѣе сдѣлать. Издержки, употребленныя на спасеніе людей и товаровъ, будутъ уплачены впослѣдствіи по распоряженію русскаго правительства.

Въ случаѣ, если русскимъ купеческимъ или военнымъ судамъ встрѣтится надобность во время ихъ плаванія у береговъ китайскихъ исправить повреждения, запастись водою или свѣжею провизіею, то они могутъ заходить для этого и въ не открытые для торговли порты Китая и преобрѣтать все нужное по добровольно условленнымъ цѣнамъ, и безъ всякихъ препятствій со стороны мѣстнаго начальства.

Статья 7-я. Разбирательство всякаго дѣла между русскими и китайскими подданными въ мѣстахъ открытыхъ для торговли, неиначе должно производиться китайскимъ начальствомъ какъ сообща съ рускимъ консуломъ, или лицемъ, представляющимъ власть россійскаго правительства въ томъ мѣстѣ. Въ случаѣ обвиненія Русскихъ въ какомъ либо проступкѣ, или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ. Равно и китайскіе подданные за всякую вину или покушеніе на жизнь или собственность Рускихъ, будутъ судиться и наказываться по постановленіямъ своего государства.

Русскіе подданные, проникнувшіе внутрь Китая и учинившіе тамъ какой либо проступокъ или преступленіе, должны быть препровождены для сужденія ихъ и наказанія по русскимъ законамъ на границу или въ тотъ изъ открытыхъ портовъ, въ которомъ есть русскій консулъ.

Статья 8-я. Китайское правительство, признавая, что христіанское ученіе способствуетъ водворенію порядка и согласія между людьми, обязуется не только не преслѣдовать своихъ подданныхъ за исполненіе обязанностей христіанской вѣры, но и покровительствовать имъ на равнѣ съ тѣми, которые слѣдуютъ другимъ, допущеннымъ въ государствѣ вѣрованіямъ.

Считая христіанскихъ миссіонеровъ за добрыхъ людей, не ищущихъ собственныхъ выгодъ, китайское правительство позволяетъ имъ распространять христіанство между своими

Digitized by Google

подданными, и не будетъ препятствовать имъ проникать изъ всѣхъ открытыхъ мѣстъ внутрь имперіи, для чего опредѣленное число миссіонеровъ будетъ снабжено свидѣтельствами отъ рускихъ конуловъ или пограничныхъ властей.

Статья 9-я. Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіей будетъ безъ отлагательства изслѣдованны на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ, и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату. По назначеніи границъ сдѣланны будутъ подробныя описанія и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ.

Статья 10-я. Вмѣсто пребыванія въ Пекинѣ членовъ русской духовной миссіи, по прежнему обычаю въ теченіе опредѣленнаго сорока, каждый изъ нихъ можетъ по усмотрѣнію высшаго начальства возвращаться въ Россію чрезъ Кяхту или инымъ путемъ во всякое время, и на мѣсто выбывающихъ могутъ назначаться въ Пекинъ другія лица.

Всѣ издержки на содержаніе миссіи съ настоящаго времени будутъ отнотиться на счетъ россійскаго правительства, а китайское правительство вовсе освобождается отъ расходовъ, доселѣ имъ производившихся въ ея пользу.

Издержки проѣзда членовъ миссіи, курьеровъ и другихъ лицъ, отправленныхъ русскимъ правительствомъ изъ Кяхты или открытыхъ портовъ Китая въ Пекинъ и обратно, будутъ уплачиваться имъ самимъ; китайскія же мѣстныя власти обязанны содѣйствовать съ своей стороны всѣми мѣрами къ удобному и скорому слѣдованію всѣхъ выше упомянутыхъ лицъ къ мѣстамъ своего назначенія.

Статья 11-я. Для правильныхъ сношеній между россійскимъ и китайскимъ правительствами, равно какъ и для потребностей Пекинской духовной миссіи учреждается ежемѣсячное легкое почтовое сообщеніе между Кяхтою и Пекиномъ. Китайскій курьеръ будетъ отправляться въ опредѣленное число каждаго мѣсяца изъ Пекина и изъ Кяхты и долженъ не болѣе какъ чрезъ пятьнадцать дней доставлять посланныя съ нимъ бумаги и письма въ одно изъ означенныхъ мѣстъ.

Digitized by Google

Сверхъ того чрезъ каждыя три мѣсяца или четыре раза въ годъ будетъ отправляться тяжелая почта съ посылками и вещами, какъ изъ Кяхты въ Пекинъ, такъ и обратно, и для слѣдованія оной опредѣляется мѣсячный срокъ.

Всѣ издержки по отправленію какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ почтъ будетъ поровну уплачиваться русскимъ и китайскимъ правительствами.

Статья 12-я. Всѣ права и преимущества политическія, торговыя и другаго рода, какія впослѣдствіи могутъ пріобрѣсть государства наиболѣе благопріятствуемыя китайскимъ правительствомъ, распространяются въ тоже время и на Россію, безъ дальнѣйшихъ съ ея стороны по симъ предметамъ переговорамъ.

Трактатъ сей утверждается нынѣ же его Величествомъ Богдыханомъ Дайцинскимъ и по утвержденію онаго Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ, размѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Пекинѣ, чрезъ годъ или ранѣе, если обстоятельства позволятъ. Теперь же размѣниваются копіи трактата на русскомъ, маньжурскомъ и китайскомъ языкахъ за подписью и печатями полномочныхъ обоихъ государствъ, и маньжурскій текстъ будетъ принимаемъ за основаніе при толкованіи смысла всѣхъ статей.

Всѣ постановленія сего трактата будутъ храниться на будущія времена обѣими договаривающимися сторонами вѣрно и ненарушимо.

Заключенъ и подписанъ въ городѣ Тянь-цзинѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемсотъ осьмое, іюня въ первый (тринадцатый) день, царствованія же Государя Императора Алкксандра Втораго въ четвертый годъ.

Подписали:

(М. П.) Графъ Евѳимій Путятинъ.

(М. П.) Гуй-лянъ. Хуашана.

Того ради Наше Императорское Величество, по довольномъ разсмотрѣніи вышеписаннаго трактата, подтвердили и ратификовали оный, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ, за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, что все въ ономъ трактатѣ постановленное, на-

Digitized by Google

блюдаемо и исполняемо нами будетъ ненарушимо. Во увѣреніе чего мы сію нашу ратификацію подписавъ своеручно повелѣли утвердить государственною нашею печатью. Дано въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ осьмаго, августа дня, государствованія Нашего въ четвертое лѣто.

На подлинномъ, Собственною Его Императорскаго Величества рукою, написанно:

«Александръ».

Констросигнировалъ министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ.

Digitized by Google

Безнадежность.

(12-й сонетъ Мицкевича.)

Несчастливъ любящій — взаимно не любимый,
Еще несчастнѣй тотъ, въ комъ силы нѣтъ любить;
Изъ всѣхъ же мукъ земныхъ — нѣтъ мукъ невыносимѣй,
Когда былой любви не можетъ кто забыть.

Былое гаситъ въ немъ всю жажду наслажденья,
При встрѣчѣ съ наглостью предательскихъ очей;
А къ чистой красотѣ и чуетъ онъ влеченье,
Но съ дряблымъ сердцемъ пасть не смѣетъ въ ноги къ ней.

Не хочетъ знать людей, подъ часъ себя винитъ,
Минуетъ смертную, уступитъ путь богинѣ,
И въ слѣдъ же имъ прости! надеждѣ говоритъ.....

И сердце у него — руина той святыни,
Гдѣ пролетѣлъ вѣковъ и грозъ могучій рядъ,
Гдѣ мы не смѣемъ жить, а боги — не хотятъ.

Къ ***.

(13-й сонетъ Мицкевича.)

Ты смотришь мнѣ въ глаза! Вздыхаешь! О незнанье!...
Страшись! Опасенъ ядъ коварныхъ глазъ змѣи!
Бѣги! чтобъ не проникъ въ составъ твой ядъ дыханья,
Чтобъ ты не предала проклятью дни свои!

Digitized by Google

Я искрененъ и прямъ; пріими-жъ мое признанье:
Знай, что преступный пылъ зажгла ты мнѣ въ крови;
Зачѣмъ же я въ концѣ существованья
Сгублю изъ прихоти младые дни твои?

Я гордъ, чтобъ обольщать изъ страсти къ наслажденью....
Вѣдь ты еще дитя, — я съ горя одряхлѣлъ:
Жизнь свѣтская — твое прямое назначенье;

Могилы прошлаго, кладбище — мой удѣлъ.
О! вейся-жъ, юный плющъ, вкругъ тополи зеленой,
А терпье пусть живетъ съ надгробною колонной!

НИКОЛАЙ ЛУГОВСКОЙ.

Фортуна.

(Изъ Беранже.)

Стукъ! стукъ! Ужъ не моя-ль брюнетка?
Стукъ! стукъ! Кто въ дверь стучится тамъ?
Стукъ! стукъ! Фортуна въ гости къ вамъ!
Стукъ! стукъ! Не отворю, сосѣдка!

Друзья, пируя, орошаютъ
Мое убѣжище виномъ, —
Одну лишь Лизу поджидаютъ:
Ступай же прочь своимъ путемъ!
Стукъ! стукъ! Ужъ не моя-ль брюнетка?
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она толкуетъ намъ, что злато
На свѣтѣ чудеса творитъ:
Но мы виномъ еще богаты, —
И въ погребу открытъ кредитъ.
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она сулитъ жемчугъ, топазы
И платья съ дорогимъ шитьемъ:

Digitized by Google

На что намъ пурпуръ и алмазы?...
Раздѣвшись, веселѣй мы пьемъ!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Она, считая за мальчишекъ,
Насъ славой, геніемъ манитъ:
Увы! запасъ земныхъ страстишекъ
У лавровъ отнялъ весь кредитъ!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Признаться, мы не тароваты
За нею мчаться къ облакамъ:
Пускай летятъ аэростаты,
Съ земли полетъ ихъ виденъ намъ.
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Толпа сосѣдей въ общей сходкѣ
Фальшивыхъ проситъ ласкъ у ней:
Друзья! обманъ любой красотки
Для насъ гораздо веселѣй!
Стукъ! стукъ! и проч. и проч.

Н. ЛУГОВСКОЙ.

Digitized by Google

ГОРЕ ОТЪ БЛИЖНИХЪ.

— Пора тебѣ одѣваться, сказалъ князь Лыговъ молодой женѣ своей: — восемь часовъ, — въ десять начнутъ съѣзжаться.

Княгинѣ Ольгѣ не хотѣлось перемѣнить своего положенія, она такъ картинно помѣстилась на мягкомъ диванѣ; полулежа, напѣвала она что-то въ полголоса, чтобы увѣрить мужа въ своемъ присутствіи, тогда какъ мысленно....

Въ княгинѣ кокетство сдѣлалось искусствомъ, къ которому она такъ привыкла, что оно проявлялось въ ней само собой, безъ всякихъ усилій съ ея стороны; кокетствомъ пріобрѣла она вліяніе надъ мужемъ и кокетствомъ же выхлопотала себѣ позволеніе дать балъ. Маленькая ножка, выказывая всю свою прелесть, шалила на коврѣ; голова ея, нѣсколько откинутая назадъ, опиралась на руку, которая давно ужъ рисовалась на бархатной подушкѣ; глаза были обращены на мужа, который сидѣлъ къ ней бокомъ и потягивался предъ огонькомъ своего камина, безпрестанно оборачиваясь къ женѣ, чтобъ вызвать ее изъ спокойнаго ея положенія: «Ольга, Ольга, пора одѣваться, пора!»

— Пора, сказала Ольга протяжнымъ голосомъ и вслѣдъ за этимъ зѣвнула такъ музыкально, что изъ другой комнаты можно было бы отгадать присутствіе хорошенькой женщины; не-хотя разставшись съ турецкимъ диваномъ, подошла она къ мужу.

— Будешь ли ты готова къ десяти часамъ? спросилъ князь.

Digitized by Google

— За туалетнымъ занятіемъ время идетъ такъ незамѣтно, что трудно опредѣлить его! — она проговорила голосомъ сонного ребенка, наклонилась къ мужу, чтобъ поцѣловать его, и въ то же время опять зѣвнула, но на этотъ разъ такъ протянула послѣднюю нотку, что собака, лежавшая у ногъ князя, встрепенулась и начала лаять. Что-то злое выразилось на лицѣ княгини. — Александръ, вели выбросить твою собаку, она меня все пугаетъ.

— Молчать, жужу, молчать! Ну, поди-же, душа моя, одѣваться.

Медленными шагами пошла княгиня къ двери, потомъ вернулась назадъ: ей нужно было сдѣлать одинъ вопросъ, но она не пріискала ему еще формы. Она подошла къ письменному столу, окинула взглядомъ разбросанныя бумаги своего мужа, начала обзоръ съ праваго конца стола, — тамъ попалась ей на глаза табатерка мужа, съ видимымъ отвращеніемъ отвернулась она и прильнула взглядомъ къ визитной карточкѣ, которой кончикъ едва выглядывалъ изъ-подъ бумагъ. — Княгиня схватила карточку, поднесла къ лампѣ и, задыхаясь отъ волненія, прочла: Сергѣй Львовичъ Краховскій. — Когда это Краховскій былъ у васъ? спросила она нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Сегодня утромъ. А ты еще не ушла?

— Чтожъ вы его не пригласили? Она всегда прибѣгала къ почтительной формѣ въ важныхъ случаяхъ.

— Пригласить-то пригласилъ, да что толку въ немъ? Не танцуетъ, въ карты не играетъ, мало говоритъ; не люблю я такихъ.... Ольга не дала ему кончить и судорожно позвонила; вошелъ камердинеръ князя.

Не перемѣняя положенія, стоя у стола, быстро проговорила она: «Велѣть зажечь въ моей туалетной канделабры, позвать ко мнѣ Маргариту, сказать офиціантамъ, чтобъ въ половинѣ десятаго былъ вездѣ огонь, чтобъ теперь же вездѣ курились духи и живые цвѣты были вездѣ разставлены.

— Слушаю-съ, сказалъ камердинеръ; но едва собрался онъ выйти, она опять позвонила.

— Какой отвѣтъ отъ Горскихъ? спросила она, не поворачивая головы и не сходя съ мѣста.

Digitized by Google

— Постараются быть.

— Постараются, какъ это глупо. Какъ будто онѣ этимъ дѣлаютъ намъ особенную честь или удовольствіе! А у Забѣльскихъ былъ?

— Былъ-съ.

— Чтожъ?

— Племянница ихъ были не такъ здоровы; на той недѣлѣ, впрочемъ, и они обѣщали постараться.

— Comme votre domestique est sot, mon ami, сказала она съ досадой и скоро пошла къ дверямъ.

Александръ Павловичъ Льговъ привсталъ со стула, заглянулъ въ дверь, увѣрился въ отсутствіи своей жены, опустился опять въ кресло, вздохнулъ такъ неосторожно, что разбудилъ свою собаку; только на этотъ разъ она не залаяла, а встала, встряхнулась, вытянула заднія лапки, оперлась на переднія, пошевелила хвостомъ, посмотрѣла въ лицо своему хозяину, обошла разъ около мѣста, гдѣ лежала и опять заняла его, успокоившись. Лакей все еще стоялъ у двери кабинета, въ полномъ нарядѣ, заложивши руки за спину, князь забылъ объ его присутствіи.

— Больше ничего не будетъ-съ? робко проговорилъ камердинеръ.

— Зачѣмъ ты, братецъ, все глупости говоришь?

— Слушаю-съ.

— Барыня еще молодая, надобно стараться угождать, продолжалъ жалобнымъ голосомъ Александръ Павловичъ.

— Барыня приказала вамъ доложить, что парикмахеръ дожидается денегъ, проговорила живо вошедшая горничная; лакей воспользовался этимъ появленіемъ и ускользнулъ.

— Надобно стараться угождать, повторялъ князь, самъ того не замѣчая: — надобно стараться угождать, и съ этими словами вынулъ портфель и заплатилъ что слѣдовало за женскія прихоти.

Туалетъ княгини былъ конченъ, она приподнялась на цыпочки, два раза повернулась предъ трюмо, на третьемъ поворотѣ замѣтила она какую-то складку не кстати и неудовольствіе выразилось на ея прекрасномъ, но капризномъ лицѣ.

Digitized by Google

— Что это за складка, Маргарита, никакого нѣтъ старанія.

Маргарита робко подошла къ своей барынѣ, взяла съ туалета булавку, съ намѣреніемъ, помѣстить ее поискуснѣе, булавка слегка коснулась княжеской спинки и румянецъ негодованія заигралъ на щекахъ княгини; гроза готова была разразиться, но въ эту минуту вошелъ князь и поставилъ на туалетъ маленькій футляръ. Ольга, избалованная подобными сюрпризами, поняла въ чемъ дѣло, и черезъ минуту бриліантовой браслетъ красовался на рукѣ ея, очаровательная улыбка разсѣяла собравшуюся тучку и поцѣлуй счастливыхъ супруговъ раздался въ комнатѣ.

Ольга предъ зеркаломъ натянула свои перчатки, лѣвой рукой сдѣлала нѣсколько граціозныхъ движеній, чтобъ полюбоваться новымъ своимъ браслетомъ, потомъ очень-близко подошла къ зеркалу, такъ близко, что почти лицомъ коснулась стекла, посмотрѣла себѣ прямо въ глаза, смѣнила двѣ, три улыбки, отступила на нѣсколько шаговъ и, дѣлая па польки, опять добралась до зеркала.

— Впрочемъ, я сегодня не танцую, отвѣтила она на какую-то свою мысль.

— Отчего не танцуешь? спросилъ Александръ Павловичъ.

— Я сегодня въ нарядѣ неприличномъ для танцевъ, сказала княгиня, и обвившись рукой около руки своего мужа, повлекла его за собой въ пріемныя комнаты. Тутъ все возвѣщало прелесть бала, ароматъ живыхъ цвѣтовъ и появленіе Ольги имѣли въ себѣ что-то общее. Всѣ комнаты были уже освѣщены, множество зеркалъ отражало красоту и изящество наряда молодой княгини, черное бархатное платье обрисовывало ея гибкій станъ, марабу съ бриліантами составляли ея головной уборъ, на платьѣ въ разныхъ мѣстахъ были видны бриліанты. Черные глаза Ольги не пропустили ни одного зеркала, чтобъ не поискать въ нихъ своего отраженія, и такъ дошла она съ мужемъ до танцовальнаго зала, тутъ оставила она руку князя и начала скользить ножкой по паркету, чтобъ увѣриться въ ловкости для танцевъ, осталась довольна, запѣла какой-то вальсикъ и только что задумалась надъ позой, которую ей выбрать для пріема гостей, какъ дверь

Digitized by Google

отворилась и вошла мадамъ Горская съ тремя дочерьми, едва выпущенными изъ Смольнаго Монастыря.

— Bonjour, chère princesse; сама себѣ не вѣрю, что у васъ то — то, то — другое; на силу собралась, ну, comment celà va-t-il?

Ольга усадила ихъ по мѣстамъ, бросила имъ двѣ, три фразы, и ея нерасположеніе къ нимъ за то, что онѣ какъ-то неловко отвѣтили на ея приглашеніе, осталось незамѣтымъ для нихъ. Въ обращеніи свѣтской женщины есть какая-то особенная прелесть, которой нечѣмъ выразить и которая даже замѣняетъ то, что мы привыкли называть любезностью, потому и неудивительно, что неудовольствіе княгини ускользнуло отъ Горскихъ.

Дверь передней безпрестанно отворялась отъ множества входящихъ лицъ и наконецъ уже совсѣмъ осталась открытою; въ залѣ пестрѣлись платья всѣхъ цвѣтовъ; дѣвицы, сплетясь руками, ходили изъ конца въ конецъ. Ольга съ свойственной ей ловкостью привѣтствовала каждаго, тутъ кланялась, тамъ протягивала руку и, прибѣгая къ короткимъ выраженіямъ, всѣмъ и каждому улыбалась. Къ ней безпрестанно подходили рекемендовать кавалеровъ, приглашенныхъ во имя бала, на ихъ долю доставалось по лишнему слову — такова форма новаго знакомства.

У дверей гостинной составилась маленькая толпа изъ франтовъ въ палевыхъ перчаткахъ. «Какова хозяйка, прелесть, прелесть!» повторяло нѣсколько голосовъ. «Какъ хороша, какъ любезна!» подхватилъ вмѣшавщійся въ толпу студентъ втораго курса. Ольга въ это время проходила мимо, на лету поймала она восторженныя слова студента и сказала, лукаво улыбнувшись: «берегите ваше сердце, молодой человѣкъ», и въ ту же минуту была на другомъ концѣ залы, доказывая одному гвардейскому офицеру, что красота женщины всегда выражаетъ ея душу. — Pardon, madame, pardon, madame, возражалъ офицеръ.

Оцѣнивши опытность своего собесѣдника, княгиня подошла къ кружку дѣвицъ, сказала каждой по комплименту, увѣрила, что къ каждой идетъ цвѣтъ, въ который она нарядилась и, сама нисколько не участвуя въ этомъ разговорѣ,

Digitized by Google

вдругъ вспомнила, что не осмотрѣла туалета своего мужа и бросилась искать его въ толпѣ.

О ужасъ! разсѣянность князя, составлявшая одну изъ отличительныхъ его чертъ, перешла теперь предѣлы возможнаго: онъ перемѣнилъ только халатъ на фракъ и съ спокойной совѣстью представился гостямъ. Ольга подошла къ нему, сказала что-то въ полголоса и онъ торопливо пошелъ за ней; едва вошли они въ кабинетъ Александра Павловича, какъ гнѣвъ жены его разразился вполнѣ.

— Вы, князь, хуже всякаго ребенка; вы не уважаете ни свѣта, ни приличій, или лучше сказать, не понимаете ни того, ни другаго! Громко позвонила она, вошелъ камердинеръ; князь радъ былъ найдти существо слабѣе себя и надѣялся этимъ искупить свое личное достоинство.

— Какъ ты, братецъ, одѣлъ меня! сказалъ онъ лакею, стараясь разсердиться.

— Вы, сударь, сами велѣли подать вамъ одинъ фракъ, я не смѣлъ....

Боясь, что новое обвиненіе падетъ на него, Александръ Павловичъ перебилъ опасную рѣчь и началъ увѣрять своего камердинера, что онъ просто глупъ; Ольги ужъ давно не было въ комнатѣ.

— Теперь совсѣмъ — сказалъ слуга, охорашивая своего барина; но едва князь хотѣлъ уйти, онъ закричалъ ему: — Нѣтъ еще, нѣтъ еще, волосы извольте поравить! Терпѣніе князя истощилось, онъ не хотѣлъ и оглянуться, торопился только уйти, но все-таки собралъ волосы лѣвой рукой въ одно мѣсто, концы ихъ сошлись на серединѣ лба и завились кольцомъ. Едва вошелъ князь въ залу, какъ напалъ на какого-то своего сослуживца и между ними завязался разговоръ; камердинеръ нашелъ его и тутъ и, наклонившись надъ ухомъ, сказалъ: — княгиня велѣла вамъ сказать, что вы забыли звѣзду надѣть!

— Хорошо, братецъ, хорошо. Такъ какъ же вы изволите говорить? спросилъ онъ у своего собесѣдника.

— Княгиня говорятъ, что онѣ изъ залы уйдутъ, если вы не надѣнете звѣзды, проговорилъ лакей, не переводя духа.

— Иду, иду! Извините меня, любезнѣйшій. Наконецъ

Digitized by Google

появился князь въ залѣ въ полномъ сіяніи, тѣмъ и кончилась семейная сцена.

Зала стала еще полнѣе, толпа не представляла ничего, кромѣ пестроты, ничто еще не отдѣлилось отъ нее рѣзкой чертою. Мущинамъ надоѣло прогуливаться вмѣстѣ, одни стояли у дверей со шляпой въ рукахъ, въ ожиданіи сигнальнаго смычка, другіе помѣстились возлѣ дамъ и кто сидя, кто стоя, каждый старался что-то выразить, мѣряя все на свой аршинъ. — Въ томъ числѣ и одинъ гусаръ: долго не находилъ онъ точки опоры въ этомъ незнакомомъ для него обществѣ, наконецъ пристроился и даже очень удачно, около дѣвицы въ пунсовомъ платьѣ; разговоръ переходилъ изъ тона въ тонъ, но когда напали они на непостоянство, то не сошлись въ мнѣніяхъ и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился споръ, еслибъ одинъ его пріятель, едва надѣвшій эполеты, не повисъ у него на рукѣ, которую онъ держалъ крючкомъ.

— На два слова. — Сей часъ, сей часъ. — Очень нужно.

Около дѣвицы въ красномъ платьѣ открылась вакансія, молодые люди удалились.

— Не стыдно ли тебѣ, братецъ, прійдти и все разстроить.

— Да что разстроить?

— Интересный разговоръ объ чувствахъ.

— Еще успѣешь дочувствовать, а вотъ скажи-ка мнѣ лучше, какъ зовутъ хозяйку дома?

— И ты за этимъ только меня звалъ?

— За этимъ. Бездѣлица! она подойдетъ ко мнѣ, а я и не знаю, какъ назвать ее.

— Madame la princesse, проговорилъ скоро гусаръ, стараясь высвободить руку отъ своего докучливаго товарища.

— Да что ты, влюбленъ, что-ли, въ это красное платье?

— Влюбленъ, не влюбленъ, а не могу не оцѣнить того, что вижу: какъ знаетъ свѣтъ, людей! какъ насъ, братецъ, понимаетъ!

— Развѣ тебя, а я не имѣю чести....

— Все равно, и тебя понимаетъ.

— Ну что, развѣ она тебѣ сказала, что ты въ нее влюбленъ, что она тебя такъ разгадала. Скажи-ка лучше, можно ли видѣть княгиню и не восхищаться ею? Что за улыбка!

Digitized by Google

продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ. — Ея улыбка длится цѣлыя десять минутъ; ты смотришь на нее: она улыбается, все улыбается; ты думаешь, она начала новую улыбку, нѣтъ, братецъ, все та-же, все та-же!

Послѣднія его слова потерялись въ воздухѣ, не дошли до его товарища: едва дѣло дошло до улыбки, какъ онъ понялъ, что это минута рѣшительная, что надобно ею пользоваться и однимъ скачкомъ переселился на мѣсто очарованья.

Стулъ его былъ занятъ студентомъ втораго курса, ему пришлось стоять. Разговоръ опять завязался; дѣвица въ красномъ платьѣ въ смущеніи играла концемъ своего шарфа, офицеръ до тѣхъ поръ отъ нее не отошелъ, пока она не дала слова, на двѣ кадрили и на мазурку. Студентъ имѣлъ то же намѣреніе, но говорятъ, во второмъ курсѣ нѣтъ полнаго счастья; нашъ студентъ сдѣлалъ все, что могъ, забралъ всѣ остальныя кадрили такъ, что другимъ ничего не осталось.

— Будь моимъ vis-à-vis на цѣлый вечеръ, сказалъ одинъ молодой человѣкъ другому, остановивши его за руку. — Bon, mon cher, bon. А съ кѣмъ ты танцуешь первую кадриль?

— Лучше не спрашивай! Хорошенькое личико привлекло меня, я и пригласилъ, а теперь не знаю, что и дѣлать съ такой будущностью. — Да что жъ такое?

— Не ужели ты не понимаешь? Ни на одномъ изъ человѣческихъ языковъ порядочно не говоритъ; я вздумалъ было познакомиться съ нею до кадрили, да и не радъ этой опытности. А ты, вѣрно, и теперь, какъ всегда, счастливѣе меня.

— Я доволенъ тѣмъ, что имѣю, и не ищу новаго; впрочемъ, чтобъ вознаградить тебя за неудачу, я представлю тебя моей дамѣ, и увѣряю, что ты не соскучишься. Говоритъ она обо всемъ, въ одну кадриль разгадаетъ тебя всего, опишетъ тебѣ твой характеръ, твои свойства.

— Право? это интересно!

У входа въ залу съ лѣвой стороны сидѣло нѣсколько дѣвицъ, какъ будто забытыхъ всѣми; по временамъ дѣлали онѣ другъ другу вопросы: Ты ангажирована, ma chère? — Нѣтъ!

Digitized by Google

А ты?—Нѣтъ еще. Спроси у дѣвицы, которая возлѣ тебя, приглашена ли она на первую кадриль?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвица: да если меня и пригласятъ, такъ я откажу; что здѣсь за кавалеры!

Въ это время офицеръ, едва надѣвшій эполеты, получивши отказъ отъ madame la princesse на всѣ возможные танцы, остановился по среди залы, окинулъ взглядомъ все общество и направилъ свой путь къ лѣвой сторонѣ залы, къ знакомымъ намъ дѣвицамъ, но еще неизвѣстно было, къ которой именно. Не знаю, бились ли у нихъ сердца въ это время, но глаза у всѣхъ были опущены въ землю, чтобъ не показать молодому офицеру, что дѣйствія его замѣчены. Выборъ его палъ на ту изъ дѣвицъ, которой не нравились всѣ кавалеры въ этомъ обществѣ.

— На первую кадриль. — Извольте.

— Вѣдь вы хотѣли отказывать всѣмъ кавалерамъ, сказала возлѣ сидѣвшая дѣвица.

— Ну, да этотъ еще лучше другихъ.

Звуки польки раздались въ залѣ. — Mademoiselle, un tour de polka, un tour de polka, слышно было со всѣхъ сторонъ и на середину залы выступили любители и любительницы польки.

Польку нельзя научиться танцовать, для польки надобно родиться. Вы смѣетесь, господа, а я вамъ скажу, что всѣ танцуютъ польку, и право, худо дѣлаютъ; взгляните по-пристальнѣе на истинно-способнаго человѣка въ этомъ отношеніи: на немъ особый отпечатокъ, онъ въ душѣ полькеръ, стоя, сидя, онъ всегда полькируетъ; даже на Невскомъ вы отличите такого человѣка, онъ проѣдетъ мимо васъ на дрожкахъ и способность его выразится.

Полька смѣнилась кадрилью. Вотъ и кадриль кончилась. Офиціанты по всѣмъ концамъ залы разносили чай. У входа въ залу показалась m-me Забѣльская съ мужемъ и съ племянницею. — Mademoiselle Zabelsky! шептали въ залѣ: — про нее такъ много говорятъ.

— Она недурна, сказала дѣвица въ голубомъ платьѣ, блондину, который неутомимо воспѣвалъ на ней все до послѣдняго бантика.

Digitized by Google

— Я знаю только, что она не успѣетъ отвлечь мое вниманіе отъ того, что меня въ эту минуту занимаетъ, и, боясь что его великолѣпная фраза останется не понята, онъ заключилъ ее протяжнымъ вздохомъ.

— Вамъ это такъ кажется, продолжало голубое платьице, вы взгляните только на нее и послѣ, право, будете меня благодарить.

— Нельзя же двумя вещами восхищаться вдругъ, тѣмъ болѣе... Но вы сами знаете, сказалъ онъ, чтобы выпутаться изъ своего положенія.

Хозяйка была въ эту минуту въ гостинной и, чтобъ дойти до нее, Забѣльскіе должны были пройти всю залу. Взоры всѣхъ гостей были обращены на Лидію Забѣльскую; она не прошла, а пронеслась по залѣ, такъ легка и воздушна была она! Она была вся въ бѣломъ, въ рукахъ держала букетъ изъ бѣлыхъ камедій и къ нему казался прикованъ ея взглядъ; она имѣла привычку держать голову нѣсколько внизъ, это придавало ея темноголубымъ глазамъ, когда они обращались на кого нибудь, особенное какое-то выраженіе; каштановые волосы густыми локонами оттѣняли ея прекрасную головку.

Покуда она шла отъ залы до гостинной, она должна была раздать всѣ свои кадрили и даже мазурку, но кому? она и сама не знала, потому что всѣ эти приглашенія касались только ея слуха и она отвѣчала на нихъ еще большимъ наклоненіемъ головы.

Ольга, облокотившись на спинку своего кресла, говорила съ кѣмъ-то съ большой живостью.

— Стало-быть вы никогда не любили?

— Никогда такъ, какъ бы я хотѣлъ, проговорилъ мужской голосъ.

Лидіи понравился отвѣтъ, она взглянула на говорящаго; это былъ мужчина лѣтъ тридцати, большаго роста, съ смуглымъ выразительнымъ лицомъ. При видѣ приблизившихся дамъ, онъ отошелъ съ ловкостью свѣтскаго человѣка и занялъ мѣсто у дверей залы.

Ольга осыпала Лидію любезностями и отвела ее наконецъ въ залу, гдѣ всѣ съ нетерпѣніемъ ее ожидали. Лидія исполняла свои танцовальныя обязанности не такъ легко, какъ

Digitized by Google

другія: въ ней замѣтно было какое-то страданіе и, хотя иногда улыбка оживляла ея блѣдное лицо, но эта улыбка была какъ-то неуловима, въ нее нельзя было всмотрѣться, ее едва-едва можно было замѣтить; говорила она очень тихо, такъ что слова ея едва касались слуха, разговоръ ея былъ выраженіемъ ея ума и глубокаго чувства, и потому, возбуждая участье, сообщалъ какую-то тихую грусть. Она умѣла вызывать чужую мысль и чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла опытомъ, не свойственнымъ ея лѣтомъ, и ясностью, съ которой она все видѣла; передъ ней вещь распадалась на части; она не была разочарована, потому что еще не очаровывались, каждую вещь называла своимъ именемъ, воображеніе ея не было испорчено чтеніемъ пустыхъ романовъ и она брала чувство прямо изъ сердца, а не изъ головы. Она много страдала и за себя и за другихъ, боролась съ жизнію, которая съ трудомъ давалась ей и каждый день въ ея существованіи былъ новый трудъ для нее.

Одинъ изъ молодыхъ людей, имѣвшихъ счастье танцовать съ царицей бала, Лидіей, отошелъ въ самый отдаленный уголъ залы. Это обстоятельство не скрылось отъ нашего наблюдателя, занявшаго мѣсто у дверей въ то время, какъ пріѣздъ Забѣльскихъ прервалъ его разговоръ съ Ольгой: въ одну минуту очутился онъ около молодаго Мельхова, отчаянно занявшаго мѣсто въ углу.

— Что съ тобой, Мельховъ, ты подъ впечатлѣніемъ?

— Волна все съ собой уноситъ, Сергѣй Львовичь, придетъ завтра и сегодня не будетъ.

— Учись у меня, Мельховъ, — меня ничто не сдвинетъ съ мѣста; за то я цѣлъ и не вредимъ.

— Ты понялъ меня, Краховскій, ты человѣкъ съ душой и душа твоя пробивается сквозь ледяную кору разсудка; сядь возлѣ меня, я подѣлюсь съ тобой всѣмъ, что вынесъ новаго изъ этой кадрили. Слыхалъ ли ты Эолову арфу? спросилъ Мельховъ Краховскаго и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — она потрясаетъ душу и дѣйствуетъ на всѣ нервы; голосъ Лидіи Забѣльской имѣетъ то же самое дѣйствіе и я въ четверть часа сдѣлался совершенно боленъ. Я вижу ее сегодня не въ первый разъ, и вліяніе ея испытываю

Digitized by Google

не въ первый и не во второй разъ; она какъ будто заглядываетъ вамъ въ сердце и душу, крадетъ у васъ мысль и васъ же ею встрѣчаетъ, отдаетъ ее вамъ, какъ вашу собственность, или мѣняетъ ее на свою. Въ ней такъ много чего-то, что нужно каждому и чего никто изъ насъ не находитъ ни въ одной изъ женщинъ, которыхъ мы встрѣчаемъ. Проницательность ея васъ не пугаетъ, вы сами готовы ей все высказать, все отдать; попробуйте съ ней обмѣняться мыслью и вамъ покажется, что вы давно, давно ее знаете: такую женщину можно полюбить въ одну минуту! Теперь, когда встрѣтилъ я умъ въ такой формѣ, теперь вѣрю я, что умъ есть искра Божества. Нѣтъ, эта умная женщина не испугаетъ васъ, вы не убѣжите отъ нее, какъ отъ того вреднаго женскаго ума, который дается имъ на счетъ сердца. Нѣтъ, тутъ вы не отдѣлите сердца отъ ума, тутъ ненарушимая гармонія.

Мельховъ замолчалъ, Краховскій задумался; къ нимъ подошла княгиня.

— Что вы не танцуете, Мг Мельховъ?

— Я только что кончилъ.

— А вы, Мг Краховскій?

— А я еще не начиналъ.

— Начнете ли вы, Мг Краховскій, и будете ли вы продолжать? сказала она, обращаясь къ Мельхову.

— Съ насъ и этого довольно, сказали они почти въ одинъ голосъ.

— Вѣрно вы подѣлились вашею кадрилью съ Мг. Краховскимъ, что вы оба довольны.

— Да, мы танцовали пополамъ; Мельховъ раздѣлилъ со мной свое богатство.

— И вы взяли половину чужаго наслажденія тогда, какъ вамъ нечѣмъ заплатить за это, вы ни чѣмъ не запаслись въ теченіи вечера.

— Я выслушалъ Мельхова, сказалъ Краховскій съ особеннымъ выраженіемъ, — и мы довольны другъ другомъ.

— Развѣ слушать есть особенная способность, что вы выбираете ее наградой за щедрость Мг. Мельхова?

— Мы всѣ, кажется, слышимъ, что намъ говорятъ; но

Digitized by Google

рѣдкій изъ насъ умѣетъ такъ слушать, чтобъ молчаніе его выражало глубокое сочувствіе; такое молчаніе овладѣваетъ чужимъ интересомъ; между тѣмъ, кто говоритъ, и тѣмъ, кто слушаетъ, нѣтъ ничего отдѣльно принадлежавшаго одному изъ нихъ, между ними все общее. Да, слушать есть конечно способность; и для этого мало ума, нужно еще и сердце, а его труднѣе всего доискаться, особенно въ женщинахъ: вотъ почему женщины менѣе всего умѣютъ слушать.

— За то онѣ часто не замѣчаютъ, когда и ихъ не слушаютъ, подхватилъ Мельховъ.

Досада Ольги отразилась въ ея большихъ черныхъ глазахъ, они зажглись какимъ-то особеннымъ огнемъ.

— Сколько полезнаго въ вашей бесѣдѣ, messieurs! Кстати о пользѣ: пойду спрошу m-lle Lydie всегда ли полезное пріятно?

— Какого вздору я ей наговорилъ, сказалъ Краховскій: — мнѣ такъ жаль было разстаться съ нашимъ разговоромъ, такъ досадно было перейти отъ идеальной дѣвушки, отъ эстетически нравственнаго существа къ отъявленной кокеткѣ; въ эту минуту ея красота замѣнилась какимъ-то безобразіемъ въ моихъ глазахъ.

— Знаешь, Краховскій, ты ушелъ дальше меня, ты сей часъ такъ описалъ Лидію Забѣльскую, какъ будто зналъ и ея нравственную сторону, ты забылся; вѣдь это я съ ней говорилъ, а не ты; я тебѣ ее описывалъ, а не ты мнѣ. Да, Краховскій, ты хорошо умѣешь слушать. И съ этимъ словомъ они разстались; Мельхову видимо досадно было, что Краховскій такъ скоро понялъ и оцѣнилъ Лидію, а отчего — онъ и самъ этого не понималъ.

Настала пора ужина.

— Ведите вашу даму къ ужину, сказалъ Александръ Павловичъ Краховскому, попавшемуся ему на встрѣчу.

— Я одинъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій; пойдемте-ка, я самъ вамъ выберу даму, и онъ подвелъ его къ m-lle Забѣльской. — Позвольте этому молодому человѣку имѣть честь быть вашимъ кавалеромъ за ужиномъ, за его любезность я ручаюсь.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ въ вашей любезности найти

Digitized by Google

точное опредѣленіе этого слова, сказалъ Краховскій Лидіи подавая ей руку: — признаюсь что при всемъ моемъ желаніи, я не съумѣлъ бы оправдать рекомендацію князя, тѣмъ болѣе, что я хорошенько не понимаю, что такое любезность; смыслъ этого слова всегда какъ-то ускользалъ отъ меня.

— На свѣтскомъ языкѣ вамъ и мнѣ одинаково знакомо это слово; а въ моемъ словарѣ оно имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, оно опредѣляетъ поэтическую сторону человѣка; а такая любезность не дается воспитаніемъ, этимъ надѣляетъ природа, и потому это врожденное свойство. Французы, продолжала Лидія: — пріискали этому слову еще одно значеніе; въ ихъ молитвѣ вы часто встрѣчаете: mon aimable Seigneur; этимъ они указываютъ на божественную сторону той доброты, которой начало находимъ мы въ Спасителѣ, какъ источникѣ всѣхъ благъ.

Съ этими словами дошли они до стола и помѣстились рядомъ; Мельховъ видимо былъ раздасадованъ и сѣлъ напротивъ. Ольга усаживала гостей и не пріискала себѣ мѣста; замѣтивши Краховскаго возлѣ Лидіи, она подошла къ нимъ.

— Какъ я рада, что нахожу васъ подлѣ m-lle Забѣльской; я вижу, Краховскій, что вы такъ хорошо слушали вашего пріятеля, что даже отказались отъ роли наблюдателя, чтобъ имѣть правъ въ свою очередь подѣлиться. m-lle Lydie, заставьте вашего кавалера отыскать въ своей груди сердце, сказала Ольга, слегка краснѣя: — а я не буду ужинать и чтобъ мѣсто Сергѣя Львовича не оставалось празднымъ, возьму на себя роль наблюдателя.

— Я бы повторилъ эту просьбу, еслибъ имѣлъ на это право.

— Не ищите ничего, сказала тихимъ голосомъ Лидія: — довѣрьтесь жизни и заговоритъ въ васъ сердце.

— Да что такое жизнь, чтобъ довѣриться ей?

— Для каждого изъ насъ жизнь имѣетъ свое значеніе; для нравственнаго существа это вѣчный трудъ, основаніе такой жизни есть чувство, смыслъ ея не въ головѣ, а въ сердцѣ человѣка.

— Я принимаю вашъ совѣтъ за приглашеніе на трудъ.

— Да потрудитесь, такъ, хоть для новости, предоставьте

Digitized by Google

чувствамъ ту свободу, которая дана имъ отъ природы; бросьте свѣтскую форму и не лишайте сердца простоты, какъ самого лучшаго его выраженія.

— Отдавая всю жизнь сердцу, какое занятіе пріищите вы для ума?

— У человѣка со смысломъ чувство такъ связано съ умомъ, что одно безъ другого теряетъ свою силу. Умъ опредѣляетъ, приводитъ въ ясность, показываетъ всѣ стороны предмета; чувство, опираясь на него, дѣйствуетъ разумно, достойно человѣка. Едва же чувство пересиливаетъ умъ, человѣкъ начинаетъ страдать и тутъ увеличивается тотъ трудъ, который я называю жизнію, и на этотъ-то трудъ пригласила я васъ, только потому, что видѣла ваше желаніе сблизиться съ вашимъ сердцемъ.

— Вы слишкомъ правы, сказавши, что умъ вызываетъ чувство, и вотъ почему во мнѣ все молчитъ, кругомъ все смѣшно у пусто; мнѣ дѣлается какъ-то жаль и себя и людей и какое-то болѣзненное настроеніе мѣшаетъ моей силѣ развиться, и я лишенъ тѣхъ наслажденій, которые даны въ удѣлъ человѣку.

— Придетъ вашъ часъ, умъ вашъ найдетъ, сердце оцѣнитъ, сказала Лидія пророческимъ голосомъ и задумалась надъ своимъ букетомъ.

Мельхову было какъ то неловко, до него долетали одни несвязныя слова, онъ удерживалъ ихъ, игралъ ими страдальчески, приискивалъ имъ смыслъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣянно всѣ разговоръ съ своей домой. Минутно возмущался противъ своего положенія и, желая отдѣлаться тяжелаго впечатлѣнія, совсѣмъ не кстати начиналъ хохотать, оживлялся принужденно, брался за веселый разсказъ, но ему какъ-то все не удавалось: посреди анекдота онъ задумывался и опять ему дѣлалось и неловко и досадно; снова дѣлалъ онъ усилія и послѣ минутнаго успѣха впадалъ опять въ какія-то размышленія.

Между Краховскимъ и Лидіей воцарилось маленькое молчаніе: Лидія слегка наклонилась надъ своимъ букетомъ, какъ будто договаривая цвѣтку все, что осталось недосказаннымъ; Краховскій не оправился еще отъ впечатлѣнія, которое на

Digitized by Google

него произвелъ разговоръ Лидіи и, желая повѣрить слова ея, устремилъ на нее взоръ и задумался надъ ней. — Лидія первая вышла изъ этого молчанія, она какъ будто оторвалась отъ своего букета, съ живостью приподняла голову, взглянула на своего собесѣдника, встрѣтила его глаза, смутилась, румянецъ стыдливости заигралъ на ея щекахъ и скоро смѣнился обычной блѣдностью — лицо ея выразило минутное страданіе. Краховскій слѣдилъ за всѣми ея движеніями и наконецъ рѣшился выразить ей то, что яркой чертой отдѣляло ее отъ всего общества.

— Сегодня въ первый разъ встрѣчаю васъ, сказалъ онъ Лидіи: — и потому не знаю сегодня или всегда вы исключительно принадлежите вашему букету; вы какъ будто съ трудомъ отрываетесь отъ него и тогда только, когда вамъ нужно прогнать какую-то мысль, отъ которой вы какъ будто бѣжите и которая васъ вездѣ находитъ: мысль эту открыло страданіе, которое по временамъ высказывается на вашемъ лицѣ, желаніе ваше бѣжать отъ этой мысли выражается въ вашихъ движеніяхъ; съ вашимъ же букетомъ вы больше бесѣдуете чѣмъ со всѣмъ, окружающимъ васъ, онъ какъ будто служитъ дополненіемъ вашей особы и мнѣ кажется, что думая о васъ, трудно отдѣлить одно отъ другаго.

Лидія была испугана этимъ открытіемъ, она понимала свѣтъ, берегла отъ него свои страданія, сердце ея сжалось отъ словъ Краховскаго; положеніе это было ново для нее, она была разгадана; она не находила словъ, изумленная смотрѣла она на своего кавалера, онъ продолжалъ:

— Я наблюдалъ за вами въ продолженіи цѣлаго вечера, вы часто прибѣгали къ улыбкѣ, чтобъ затаить мысль; мнѣ казалось, что я въ маскарадѣ и вижу предъ собой женщину, которая въ торопяхъ надѣла чужую маску; а еслибъ эта женщина была совсѣми безъ маски, можетъ быть труднѣе было бы узнать ее.

Въ это время зашумѣли стульями, всѣ встали и Краховской опять подалъ руку своей дамѣ, довелъ ее до гостиной, гдѣ раскланявшись готовъ былъ отойти, но остановленъ былъ вопросомъ Лидіи.

Digitized by Google

— Можно ли наблюдать и наслаждаться, учиться жить и жить въ тоже время?

— Отыскали ли вы ваше сердце? сказала Ольга, подойдя къ Краховскому и помѣшала ему отвѣчать на предложенный вопросъ. Вмѣсто отвѣта, онъ поклонился Ольгѣ въ знакъ прощанья и пошелъ къ дверямъ залы.

— Voilà ce qui est aimable! сказала княгиня внѣ себя отъ досады:— что сдѣлали вы съ вашимъ кавалеромъ, m-lle Lydie?

Вмѣсто словъ Лидія улыбнулась и подошла къ своей старушкѣ теткѣ, приглашая ее уѣхать.

Мельховъ вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ Забѣльскими, подалъ дамамъ салопы, усадилъ ихъ въ карету, получилъ приглашеніе посѣщать ихъ, бросился въ свои сани и закричалъ кучеру какимъ то дикимъ голосомъ: — Тебѣ говорятъ, пошелъ!

Скоро княжеская зала совсѣмъ опустѣла, вездѣ погашенъ былъ огонь, вездѣ воцарилась тишина, кромѣ кабинета князя, гдѣ все еще раздавался голосъ Ольги, доказывавшей своему мужу, что онъ не знаетъ ни свѣта, ни приличій.

Вошедшій камердинеръ, какъ всегда, спасъ барина и погубилъ себя: князь излилъ на него всю желчь; тѣмъ бы и кончился вечеръ, еслибъ не нашлась еще одна жертва въ домѣ — Маргарита. Она едва успѣвала подбирать съ полу туалетныя принадлежности, которыя не снимала съ себя, а сбрасывала съ какой-то досадой Ольга, сопровождая каждое движеніе такими словами, отъ которыхъ у бѣдной Маргариты навертывались слезы и которыя конечно не были созданы для устъ хорошенькой, благовоспитанной женщины.

Было четыре часа ночи. Опустѣла набережная передъ княжескимъ домомъ, но не всѣ еще добрались до покоя; въ разныхъ направленіяхъ по улицамъ Петербурга ѣхали еще гости извѣстнаго намъ бала. И не удивительно: на извощичьихъ лошадяхъ, да еще по таксѣ, не скоро будешь дома; а кто и въ своемъ экипажѣ, такъ гололедица такая, что приходится шагомъ тащиться; инымъ, хоть напримѣръ, тому блондину, что расточалъ такія любезности голубому платьицу, совсѣмъ пришлось идти пѣшкомъ, ни одного извощика не встрѣтилъ, да и къ лучшему — прогулка эта легла прохладительнымъ

Digitized by Google

пластыремъ на грудь, уставшую отъ искуственныхъ вздоховъ. Онъ жилъ на Невскомъ противъ самой церкви Знаменія, и едва занесъ онъ ногу на первую ступень своего крыльца, какъ ударили въ колокъ къ заутрени; ударъ этотъ попалъ ему прямо въ сердце. — А я-то, подумалъ онъ, цѣлый вечеръ служилъ лукавому, все лгалъ, безсовѣстно лгалъ.— И съ этимъ торопливо поднялся онъ на верхъ, дернулъ колокольчикъ, показалась сильная свѣчка и чьи-то заспанныя глаза; черезъ минуту ключь сдѣлалъ два смѣлыхъ поворота въ замкѣ и на лѣстницѣ ужъ никого не было: блондинъ нашъ скрылся за дверью, да и Богъ съ нимъ, не развозить же намъ всѣхъ гостей по домамъ, довольно если мы проводимъ Забѣльскихъ на Васильевскій Островъ въ 15-ю линію.

Карета ихъ едва движется, въ каретѣ царствуетъ тишина, нарушаемая изрѣдка крикомъ Анны Егоровны, приходящей въ отчаяніе отъ каждаго ухаба, въ слѣдствіе чего Ѳедоръ Андреевичъ высовывался изъ окна и кричалъ кучеру: «Тише, тише, куда ты такъ гонишь! Говорятъ тебѣ, тише!»

Оттого-то все тише и тише катилась карета Забѣльскихъ. Лидія забилась въ самый уголъ и молчала; мысль ея, вызванная разговоромъ съ Краховскимъ, долго ее не оставляла, мягкое, любящее сердце Лидіи сдѣлало ее такою впечатлительною, что это ей обращалось въ страданіе; непріятное еще сильнѣе пріятнаго врѣзывалось въ ея памяти и съ трудомъ стирался слѣдъ прошедшей бѣды. Дѣятельность ума Лидіи была такъ велика, что разъ вызванная мысль пробуждала остальныя, пересоздавалась, проходила всѣ степени возможнаго и доводила Лидію до результата иногда знакомаго, иногда совершенно свѣжаго.

Лидія забилась еще болѣе въ уголъ кареты и закрыла глаза, какъ будто желая избавиться отъ пестрой толпы, которая все еще кружилась въ ея воображеніи и мѣшала ей погрузиться въ свои думы. Мало по малу воображеніе уступило мышленію, Краховскій какъ бальная принадлежность исчезъ, осталась только мысль и не объ немъ, а объ томъ чему нѣтъ ни формы, ни имени въ женскомъ словарѣ.

Такъ доѣхала она до дому, порхнула въ свою комнату и

Digitized by Google

въ первый разъ прежде всего съ любопытствомъ подошла къ зеркалу; ей хотѣлось всмотрѣться въ то страданіе, которое противъ воли выразилось сегодня на ея лицѣ. Въ комнатѣ горѣла лампада; слабый ея свѣтъ такъ усилилъ блѣдность лица Лидіи, что она невольно вспомнила объ смерти; со страхомъ отошла она отъ зеркала и начала звать Машу.

Горничная ея, дѣвушка 22 лѣтъ, спала такъ крѣпко, что имя ея, повторенное нѣсколько разъ съ трудомъ ее разбудило. «Маша, Маша!» раздалось опять въ комнатѣ и тутъ ужъ Маша торопливо встала, съ помощью сѣрной спички зажгла свѣчу и, протирая рукой глаза, вошла въ комнату.

Поставивши подсвѣчникъ на туалетъ, Маша принялась раздѣвать свою барышню, Лидія же все еще не разставалась съ своимъ букетомъ и думала надъ нимъ. Сонъ мало по малу разсѣялся и словоохотливость горничной къ ней возвратилась.

— Ну что, барышня, много было и хорошо были одѣты?

Вмѣсто отвѣта Лидія вынула изъ платка конфекту и дала ей.

— Благодарствуйте, благодарствуйте красавица; никогда меня не забываете. Говорила Маша, подавая ей кофту и чепецъ.

Лидія одѣлась на ночь, но спать какъ кажется не собиралась, и помѣстилась на своемъ мягкомъ креслѣ возлѣ письменнаго столика и задумалась. Сильныя несчастія, испытанныя ею въ дѣтствѣ, такъ развили ея чувствительность, что весь ея умъ, опытъ, вся жизнь были въ ея сердцѣ; разсудокъ указывалъ ей часто на себя, руководилъ ея поступками, чувствовала же она такъ, какъ сердце говорило.

Маша вывела наконецъ свою барышню изъ задумчивости; Лидія оставила кресло, помолилась Богу и скрылась за занавѣскою своей почти дѣтской кроватки.

Шесть часовъ вечера. Все семейство Забѣльскихъ въ гостинной: старикъ сидитъ развалившись въ креслахъ, старушка спитъ крѣпкимъ сномъ на диванѣ, а Лидія, по приказанію дяди, читаетъ ему вслухъ полицейскую газету. Тя-

Digitized by Google

жело у ней на сердцѣ, по временамъ голосъ ея дрожитъ, слезы навертываются на глазахъ и мѣшаютъ слѣдить за печатью; она останавливается, переводитъ духъ и снова принимается за чтеніе. Внутренняя ея борьба ни кѣмъ не замѣчена, она одна на свѣтѣ — живетъ она потому что страдаетъ и страдаетъ потому что живетъ.

Въ рукахъ у ней газеты, передъ глазами два сонныхъ существа, кругомъ — пустота, въ душѣ — холодъ.

Въ борьбѣ съ жизнью выросла и окрѣпла нравственная сила Лидіи; сила эта лишена была всякаго проявленія и Лидія падала, изнемогая подъ своимъ собственнымъ оружіемъ. Сила причиняла ея безсиліе и заставляла ее страдать, невыразимо страдать.

Вниманіе Лидіи было обращено, конечно, не на газету, мысль ея носилась надъ жизнью, молила всѣхъ объ участіи и потомъ камнемъ ложилась на сердце.

Къ чему приложить мнѣ свои способности, какъ израсходовать эту силу, это могущество — создать счастье другаго, связать цѣлую семью, цѣлый міръ своимъ чувствомъ? Что такое мой умъ? — вредный даръ, который довелъ меня до пагубнаго пониманья и поссорилъ съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей; онъ истребилъ во мнѣ привитые съ дѣтства предразсудки, указалъ путь къ истинѣ, надѣлилъ энергіей, далъ огромныя средства къ жизни, а жизни — не далъ.

Мысли эти съ быстротою молніи смѣнялись въ умѣ Лидіи; вотъ отчего голосъ ея дрожалъ и слеза за слезой катилась по блѣднымъ щекамъ.

Чтеніе ея убаюкивало старика, но едва она понижала голосъ, какъ Ѳедоръ Андреевичъ просыпался и говорилъ:

— Ну, что тамъ еще, Лидинька? или: — Пропусти это, мой другъ, это все глуности.

Чтеніе опять возобновлялось, но скоро громкое храпѣніе старика возвѣстило молодой читательницѣ глубокій его сонъ. Она опустила газету на колѣни, но не смѣла перемѣнить своего положенія; облокотясь на руку, смотрѣла она на своихъ старичковъ и ждала ихъ пробужденія.

Неужели это жизнь? думала она; въ этихъ модяхъ сонъ не успокоеніе, а какая-то апатія (Ѳедоръ Андреевичъ спалъ

Digitized by Google

все свободное время отъ условій службы, а иногда и свѣта). Эти люди не спрашиваютъ отчета у жизни, у нихъ нѣтъ чувства пользы; со всѣмъ тѣмъ они счастливы, а я?

Исполняя свои обязанности съ какимъ-то фанатизмомъ, Лидія стерегла сонъ своихъ стариковъ, погасила свѣчу и заняла опять прежнее мѣсто.

Темнота навѣяла на нее новыя думы, она сравнивала себя съ другими дѣвицами и нашла, что всѣ счастливѣе ея, всѣ умѣютъ пользоваться тѣмъ, что находятъ: ей-же мало того, что удовлетворяетъ другихъ; ей жалко тамъ, гдѣ другимъ смѣшно; что другихъ восхищаетъ, то находитъ она обыкновеннымъ; передъ простою вещью останавливается она; благоговѣетъ передъ тѣмъ, чего другіе даже не замѣчаютъ. Одна съ собой она менѣе одинока, тогда-какъ другіе, чтобъ уйти отъ одиночества, бѣгутъ къ людямъ, ищутъ общества.

Отъ сравненія себя съ другими сжалось ея сердце, она начала себя въ чемъ-то упрекать и заключила тѣмъ, что она — что-то неконченное, недосозданное, однимъ словомъ: нравственный уродъ. Въ комъ искать участья, къ кому обратиться, всѣ родные, близкіе, давно въ землѣ — и она залилась слезами.

Обязанности Лидіи, въ отношеніи ея родственниковъ, брали почти все ея время, но не занимали ея ума и сердца, то и другое оставались праздны. То хозяйничала она, то должна была усыпить Ѳедора Андреевича чтеніемъ, то разбудить его, то слѣдить за пасьянсомъ Анны Егоровны или выслушивать и растолковывать ей ея сны. Анна Егоровна до того была напитана предразсудками, что всѣ явленія жизни, все существующее внѣ ея дѣлила на хорошій и дурной знакъ. Самое лучшее время для Лидіи былъ часъ успокоенія дяди и тетки, тутъ она углублялась въ самое себя, разлагала свои страданія и доходила до сознанія своего безсилія и той невозможности, въ которой находится женщина, перемѣнить свое положеніе или силой воли выйти изъ тѣхъ трудностей, которыя ей портятъ жизнь.

Четвергъ былъ у Забѣльскихъ день, назначенный для пріема гостей; Лидія была душой этихъ собраній, она была центромъ всѣхъ удовольствій и затѣй въ этомъ кругу; она

Digitized by Google

была не веселаго, но живаго характера, живость свою сообщала она всему обществу, всѣ стремились знакомиться съ Забѣльскими и четверги ихъ становились все полнѣе и полнѣе.

Анна Егоровна не разъ начинала роптать на это:

— Что это, Ѳедоръ Андреевичъ, нельзя отбиться отъ гостей, просто раззоренье. То-ли дѣло прежде, когда племянницы не было въ домѣ, столикъ бостончика въ углу, да двѣ-три старушки; а теперь что у тебя за народъ собирается: едва намъ старикамъ кивнутъ головой, а тамъ въ цѣлый вечеръ и дѣла нѣтъ. Право, хоть-бы Лидію-то скорѣе съ рукъ сбыть. На этомъ основаніи Анна Егоровна, хотя и роптала, а сама приглашала каждаго изъ молодыхъ людей, который успѣвалъ ей чѣмъ-нибудь прислужиться.

Вотъ и семь часовъ било. Лидія отерла слезы, позвонила, приказала освѣтить комнаты и принялась будить тетку:

— Тетенька, тетенька, проснитесь!

— А? ч-т-о?

— Тетенька, Горскіе всегда рано пріѣзжаютъ и застанутъ, что вы спите; Тетенька, сегодня четвергъ, вамъ надобно еще пріодѣться.

— Ну, да замолчи, Лидія, какая ты тараторка! Ну, что-жъ такое, что четвергъ? Я вѣдь не ты, мнѣ прыгать не хочется.

Лидія тяжело вздохнула за спинкой дивана: никто, можетъ былъ, не страдалъ столько, сколько она, отъ общества и въ обществѣ. Въ упрекѣ тетки было столько несправедливаго, что Лидія не хотѣла даже оправдываться, въ душѣ-же ей было больно и обидно. Она постоянно жертвовала собой людямъ; не имѣя въ сердцѣ радости, брала на себя видъ счастья; сообщала его другимъ, увлекала всѣхъ веселостью, которую умѣла создавать изъ любви къ ближнимъ; сама-же вдвое страдала отъ принужденнаго своего состоянія и отъ противорѣчія, которое она находила въ томъ, что она была, и чѣмъ должна была казаться.

— Поди-ка, лучше разбуди дядю, сказала Анна Егоровна: — успѣешь еще напрыгаться. Лидія подошла къ дядѣ и слегка дотронулась его руки: испуганный этимъ прикосновеніемъ, онъ вскочилъ.

Digitized by Google

— Что, что такое? бормоталъ онъ, съ трудомъ отбиваясь отъ сна.

— Охъ, матушка, какъ ты меня испугала.

Сцена эта повторялась каждый день: всегда и все племянница дѣлала не въ попадъ; всего же болѣе доставалось ей, когда не умѣла затаить чувства оскорбленнаго достоинства. — Видишь какая нѣжная! — говорила Анна Егоровна мужу въ присутствіи племянницы, не удостоивая ее ни словомъ, ни взглядомъ.—А все оттого, что романовъ начиталась.

Старикъ Забѣльскій былъ нѣсколько добрѣе своей жены,— вотъ все что можно было сказать про эти два бездушныя существа: некого было любить Лидіи, однако она все таки любила и тетку, и дядю, и всѣхъ и каждаго, ее же любила только одна ея горничная Маша; не смотря на разность состояній, между ними была симпатія душъ, призванныхъ на добро.

Впрочемъ каждое семейство имѣетъ свои тайны,—тайны, которыя оно больше всего бережетъ отъ гостей, вотъ по чему черезъ часъ, когда всѣ собрались, не осталось на лицахъ Забѣльскихъ ни малѣйшаго слѣда домашняго междоусобія.

Лидія всѣмъ ужь пріискала занятіе: однихъ усадила за карты, другихъ свела для разговора, а сама сѣла за фортепіано и заиграла кадриль для тѣхъ, которые оставались праздными. Лидія разнообразила, сколько могла, занятія гостей, сама же по временамъ изчезала изъ залы и запиралась на нѣсколько минутъ въ своей комнатѣ, чтобъ вздохнуть на свободѣ и съ новыми силами вернуться къ людямъ. Все что ее окружало, такъ мало подходило къ ея понятіямъ, разговоръ былъ такъ мелокъ, такъ безцвѣтенъ, что умъ ея совершенно бы заглохъ, еслибъ она не научила себя жить съ собою, вопрошать и отвѣчать себѣ на все, что свѣтъ оставляетъ безъ отчета и вниманія.

Вотъ ужъ во второй разъ Лидія убѣжала отъ гостей въ свою комнату гдѣ горѣла одна знакомая намъ лампада; Лидія заперла на замокъ дверь и бросилась на свой маленькій, мягкій диванъ, сложила руки крестомъ и задумалась —

Digitized by Google

ей было такъ свободно, такъ легко дышать въ своей комнатѣ, и это выразилось на ея лицѣ.

Въ эту минуту вошла Маша въ дверь, которая оставалась не запертою и вела въ дѣвичью; Маша пришла за какимъ-то дѣломъ и никакъ не ожидала найти тутъ барышню.

— Что это вы, мой ангелъ, ушли отъ гостей въ свою комнату, а тамъ такъ весело шумятъ.

— Мнѣ здѣсь веселѣе, Маша!

— Что это вы, красавица; молодая барышня, чѣмъ бы съ кавалерами заниматься да танцовать, а вамъ бы вотъ только сидѣть въ своей комнатѣ, да книгу читать. Нехорошо, красавица, право, нехорошо; посмотрите другія дѣвицы, нарядныя какія, веселыя.

— Развѣ я въ залѣ не была веселая? сказала Лидія, не выходя изъ задумчивости.

— Ну да веселы-то, вы веселы; да какъ одѣлись? ни на что не похоже, а еще сегодня у насъ въ первый разъ какъ его, какъ его... скажите же, мой ангелъ.

— Что Маша?

— А вы и не слыхали ничего! Какъ зовутъ этого, что сегодня въ первый разъ?

— Мельховъ, Мельховъ, торопливо сказала Лидія, желая на этотъ разъ отдѣлаться отъ словоохотливой горничной.

Маша попробовала повторить фамилію, но не съумѣла и сказала: — И имя то какое важное и самъ какой красивый! А знаете, матушка, что мы съ Авдотьей замѣтили? тутъ она понизила голосъ и сказала на ухо Лидіи: — мы замѣтили, что онъ все на васъ смотритъ; вы изъ одной комнаты въ другую, и онъ, да все на противъ становится; а вы, мой ангелъ, будьте поласковѣе съ нимъ, да другой разъ не надѣвайте чернаго платья. Что онъ подумаетъ? Молодая дѣвица, да въ черномъ; совсѣмъ не прилично, а все оттого, что маменьки нѣтъ, сиротская доля!

— Маша не говори такъ, ради Бога, не говори! — и слезы навернулись у Лидіи на глазахъ: повѣрь, что я всегда помню, что я сирота.

— Вотъ сейчасъ — и сирота! сказала разжалобленная Маша,

Digitized by Google

я говорю вамъ только, чтобъ вы шли въ гостиную, а то вѣдь замѣтятъ, нехорошо!

— Иду, иду, Маша. — И Лидія встала съ дивана и остановилась посреди комнаты.

— Идите, идите, красавица, говорила горничная, охорашивая барышню заботливой рукой.

— Ну подиже, Маша, а я сей часъ явлюсь.

— Придете?

— Да, да!

— А не то, я опять вернусь надоѣдать вамъ, говорила Маша, скрываясь за дверью.

Лидія проводила ее глазами и подошла къ образу; мысль объ матери навела на нее грусть, ей захотѣлось помолиться; она стала на колѣни и взывала къ Богу, Отцу сиротъ. Въ цѣломъ мірѣ одна Маша думала объ ней; она не была виновата, если не могла возвыситься до того, чтобъ понять свою барышню, но за то она любила ее; мысль эта предавала еще болѣе теплоты молитвѣ Лидіи. Она забыла и гостей и весь міръ; въ умиленіи стояла она передъ иконой Божіей Матери и сознавая свое горькое, одинокое существованіе, благодарила небо за Машу — безъ Маши она была бы еще несчастнѣе!

Въ это время послышался стукъ у двери и оторвалъ ее отъ бесѣды съ Богомъ; со вздохомъ подошла она къ дверямъ и спросила, кто тутъ?

— Лидія, ты здѣсь? Кричала ей меньшая Горская.

— Здѣсь.

Дверь отворилась.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила Лиза Горская и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Скажи, ma chère, какимъ чудомъ очутился у васъ Мельховъ?

— Право, не знаю, сказала Лидія и сдѣлала шагъ впередъ, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Постой, душенька, не уходи; сядемъ здѣсь на диванѣ, проговорила Лиза умоляющимъ голосомъ.

— Я очень рада поболтать съ тобой, но боюсь что тамъ замѣтятъ мое отсутствіе.

Digitized by Google

— Ничего, ничего, и молодыя дѣвушки усѣлись на диванѣ.

— Какъ тебѣ нравится Мельховъ? лукаво спросила Лиза.

— Я его со всѣмъ не знаю.

— Не знаешь, а всегда такъ много съ нимъ танцуешь, такъ много и долго говоришь съ нимъ.

— И все таки не знаю его.

— Право, я тебя не понимаю, Лидія; ты какая-то странная. Неужели ты не знаешь, что такое значитъ нравиться? Ну какъ ты находишь его ростъ, лицо, ловкость?

— Для меня внѣшность не существуетъ; впрочемъ если ты хочешь, я сего дня займусь Мельховымъ и скажу тебѣ потомъ, восколько я оцѣню его красоту. Послушай, Лиза, продолжала Лидія:—мнѣ нужно идти къ гостямъ, не будемъ терять время; дѣло вотъ въ чемъ: ты влюблена въ Мельхова и ревнуешь, а теперь пришла кой-что поразвѣдать и я очень рада, что могу успокоить тебя. Любитъ ли меня Мельховъ, ты это спроси у него, потому что я никакихъ доказательствъ на это ни имѣю; я же Мельхова нисколько не отдѣляю отъ толпы и кромѣ человѣческаго чувства, которое я раздаю всѣмъ людямъ вообще, ничего исключительнаго къ нему не чувствую. Теперь пойдемъ!

— Еслибъ я тебя не любила, я бы тебя боялась, сказала Лиза Лидіи, входя въ залу:—отъ тебя нельзя спрятать никакой мысли.

— Да и зачѣмъ? вотъ я и не прячу своихъ мыслей, да никто въ нихъ не заглядываетъ.

— Ты такая неприступная, холодная!

— Право! оттого что не умѣю влюбиться?

— Конечно, можно ли дожить до двадцати лѣтъ и ни разу не влюбиться?

— Да если я не умѣю; поучи меня, Лиза! — Говорила Лидія, подходя къ фортепіано.

— Чему хотите вы учиться? спросилъ Мельховъ, поймавши послѣднія слова разговора двухъ дѣвицъ.

— Любить — отвѣчала Горская.

Digitized by Google

— Не любить, а влюбиться, сказала Лидія съ маленькимъ упрекомъ. Лиза покраснѣла.

— Кто васъ видѣлъ разъ, сказалъ съ жаромъ Мельховъ тотъ пойметъ конечно, что на днѣ вашего сердца есть сила, которую не всякому дано вызвать и обратить на себя. Блаженъ тотъ, кто возбудитъ любящую способность вашего сердца! Теперь остается вопросъ: когда и кто?

Влюбленная Лиза не ошиблась, ревность и досада выразились на лицѣ ея.

— Вѣроятно это будетъ какой нибудь житель неба, сказала она иронически улыбаясь и покраснѣла до ушей.

Лидія взяла два — три акорда и перешла къ вальсу; всѣ засуетились и вихрь вальса умчалъ съ собой и Лизу, и любовь ея, и неразлучную съ ней ревность.

Вальсъ еще не кончился, а ужъ Лидія простила Лизѣ обиду, которую за минуту до того такъ живо почувствовала; съ быстротой, свойственной ея уму, она разсудила, что это говорила не Лиза, а ревность ея; кончила тѣмъ, что обвинила себя въ томъ, что возбудила непріятныя чувства въ душѣ влюбленной дѣвушки и дала себѣ слово не только избѣгать, но даже постараться внушить Мельхову дурное мнѣніе объ себѣ.

Дѣвицы Горскія были, подобно другимъ, немножко хороши, немножко умны, и на столько же добры: меньшая изъ нихъ, Лиза, была самая добрая, она очень скоро почувствовала свою вину и робко подошла къ Лидіи; но каково было ея удивленіе, когда Лидія обвилась рукой около ея таліи и дружески ее поцѣловала.

— Ты просто ангелъ, сказала тронутая Лиза, а я извергъ! или нѣтъ, хуже.... но хуже слова не нашлось, и ангелъ съ извергомъ остались довольны другъ другомъ.

Мельховъ слѣдилъ за Лидіей, понялъ ея поступокъ, оцѣнилъ его и любовь его сдѣлала два три шага впередъ.

Съ какой то лихорадочностью переходила Лидія отъ одного къ другому, нетерпѣливо ожидая конца своей пытки; пришолъ и желанный часъ: гости разъѣхались, Лидія не только ужъ къ своей комнатѣ, но даже и въ постелѣ.

Digitized by Google

— Ну что, мой ангелъ, говорила ей Маша, подвертывая одѣяло подъ ноги и спину: вѣдь весело было?

— Кому, Маша?

— Да вамъ, красавица.

— Мнѣ не бываетъ весело, Маша.

— Вотъ, Богъ дастъ, найдется женишокъ, выйдите замужъ и будетъ весело... а ужъ этотъ новичекъ очень на васъ посматриваетъ.

— Прощай, прощай, Маша, говорила Лидія, желая избѣгнуть разговора о женихахъ: — прощай, Маша.

— Прощайте, красавица, Христосъ съ вами; почивайте съ Богомъ.

Долго, долго не могла еще заснуть Лидія, она думала объ своей участи, искала выхода изъ своего положенія. Она жила не въ своей сферѣ и, подобно растенію, лишеному воздуха и свѣта, видимо истреблялась, худѣла, изчезала; стремленіе ея къ добру, къ пользѣ — не приносило никакого плода; это былъ талантъ, зарытый въ землю; она упрекала себя въ этомъ и каждую свободную минуту употребляла на то, чтобы разсмотрѣть и себя и обстоятельства, старалась переселить препятствія, отдавала людямъ и себя, и свои способности и опять возвращалась къ существенности, не пріискавши цѣли тому, что не могла не сознавать въ себѣ и что въ своихъ страданіяхъ называла она напраснымъ даромъ.

Желая употребить себя хоть гдѣ нибудь съ пользой, она создавала себѣ обязанности и была счастлива по своему въ тотъ день, когда ей удавалось хорошо ихъ исполнить. Лидія охотно бы промѣняла жизнь на смерть, еслибъ въ ней не было упованія на будущее: не можетъ быть, думала она, чтобъ не открылся смыслъ моего существованія. Эта надежда мирила ее съ жизнію и она ждала, ждала нетерпѣливо, страдальчески, начинала ужъ нѣсколько уставать, но все еще ждала....

Въ Лидіи многіе имѣли друга, у ней же друга не было. Для Лидіи всѣ знакомыя ей женщины, были похожи одна на другую; ни въ одной изъ нихъ не нашла она прямаго взгляда на жизнь; ни одна изъ нихъ не страдала подобно ей отъ законовъ, созданныхъ свѣтомъ; ни одна изъ нихъ не разу-

Digitized by Google

ждала. Всѣ онѣ существовали по одной мѣркѣ, по одному образцу: издавали себѣ романъ, вздыхали надъ нимъ, выходили за-мужъ, или за героя своего романа или за кого нибудь другаго, не заботясь объ счастіи ни того, ни другаго.

Частые выѣзды ничѣмъ не наполняли сердце Лидіи, ничего новаго не представляли ея уму, но помогли ей изучить свѣтъ: мужчины жили въ немъ, сберегая себя, и дѣлали тысячи жертвъ; отъ женщинъ требовалась красота, французскій языкъ, а главное — хорошее приданое. Если женщина находила покровительство своему богатству, партія считалась прекрасною: мужчина и женщина были равно довольны, равно достигали своей цѣли.

Забѣльскіе очень любили домъ княгини Льговой, и раза по два въ недѣлю тамъ бывали; тутъ Лидія встрѣчала каждый разъ Краховскаго: онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ первый разъ, онъ сдѣлался гораздо живѣе, очень былъ занятъ княгиней, танцовалъ когда танцовали всѣ; танцовалъ со всѣми, кромѣ Лидіи; едва же подходилъ къ ней, едва разговоръ ихъ дѣлался интереснымъ, какъ законъ общества разлучалъ ихъ и оставалось что-то недосказанное, тяжелое для обоихъ. Лидіи казалось, что она что-то нашла и опять потеряла, какое-то безпокойное чувство поселялось у ней въ сердцѣ, ей все хотѣлось какъ будто что-то припомнить, хотѣлось уловить и пріискать форму чувству, совершенно новому для нея, но оно ускользало отъ нея и съ той же пустотой въ душѣ возвращалась она домой.

Очень много говорили въ свѣтѣ объ новой побѣдѣ Ольги, и отнынѣ Краховскій казался прикованнымъ къ княжеской колесницѣ. Ольга наружно торжествовала, кокетство и веселость ея съ каждымъ днемъ дѣлались живѣе, но совсѣмъ тѣмъ внутренній голосъ, или лучше сказать тотъ инстинктъ, которымъ природа замѣнила умъ женскій, мѣшалъ ей вполнѣ довѣриться новому поклоннику, и равно не вѣрила она ни вниманію, которое онъ ей оказывалъ, ни равнодушію его къ Лидіи. Ольга безперестанно ѣздила къ Забѣльскимъ, желая напасть на слѣдъ истины, поведеніе молодыхъ людей, было все тоже и тоже.

Digitized by Google

Княгиня могла бы радоваться, но радости ей не давалась; ей все что-то мѣшало.

Ольга вздумала разъ посвятить цѣлый вечеръ наблюденію, и она поѣхала къ Забѣльскимъ, уговорила стариковъ отпустить Лидію провести съ нею вечеръ en tête-à-tête. Старики согласились, Лидіи не хотѣлось, но она не позволила себѣ противорѣчить и поѣхала. Черезъ часъ явился и Краховскій.

Княгиня почти одна поддерживала разговоръ, остроуміе ея, подобно фейерверку, ослѣпляло взоръ, но ничего не оставляло въ памяти; время проходило, подали чай, Ольга нашла предлогъ уйти изъ гостиной, а сама остановилась за дверью и вся превратилась въ слухъ.

Молодые люди остались въ двоемъ, никто не рѣшался, или просто не хотѣлъ нарушить молчаніе. Ольга блѣднѣла и краснѣла за дверью.

— Что вы думаете новаго объ жизни? Спросилъ наконецъ Краховскій Лидію.

— Въ моей жизни такое единство, что съ той минуты какъ я поняла ее, я не мѣняла объ ней своего мнѣнія.

— Для васъ стало быть ничто не перемѣнилось? сказалъ Сергѣй Львовичъ голосомъ, въ которомъ выразилось чувство.

— Нѣтъ, а для васъ? спросила Лидія едва внятно: — не сбылось еще мое пророчество?

Краховскій молчалъ, Лидія не смѣла повторить вопроса и безотчетно задумалась.

Теперь для Ольги ужъ не было болѣе тайны, въ досадѣ изгрызла она себѣ всѣ ногти за дверью, мщеніе загорѣлось въ душѣ и она рѣшилась продлить отсутствіе, чтобъ вѣрнѣе поразить свою жертву.

Молодые люди были чѣмъ-то заняты, каждый думалъ объ чемъ то и не замѣчалъ общаго молчанія; обязанность говорить, непремѣнно говорить, была ими забыта; между ними было что-то общее въ эту минуту, имъ было пріятно вмѣстѣ, пріятно какъ еще не бывало.

Съ большимъ искусствомъ владѣла Ольга собою и теперь, желая нарушить нѣмой разговоръ Краховскаго и Лидіи, во-

Digitized by Google

шла она все также кокетливо, замѣтила молодымъ людямъ, что ни одного изъ нихъ нельзя упрекнуть въ любезности.

— Это значитъ, что мы сходимся въ понятіяхъ объ любезности, сказалъ Краховскій самымъ равнодушнымъ тономъ.

— Можетъ быть это значитъ и больше, подхватила Ольга и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

— M-lle Zabielsky, я обѣщала доставить васъ лично; Mr Краховскій вѣрно не откажется насъ проводить, я велю заложить четвероместныя сани, мы покатаемся au clair de la lune и я съ благодарностью представлю васъ вашимъ старичкамъ.

Чрезъ часъ послѣ того прогулка была совершена и сани остановились у подъѣзда Забѣльскихъ.

Княгиня и Лидія вышли, Краховскій не рѣшился и остался въ саняхъ; Лидія не имѣла права пригласить и молчала.

Княгиня торопливо прошла всѣ комнаты, представила Аннѣ Егоровнѣ ея племянницу и на просьбу посидѣть у нихъ, отвѣтила, что она не одна, что въ саняхъ ждетъ другъ ихъ дома Кроховскій, что она боится ѣздить вечеромъ одна, что князя не было дома, потому она и пригласила молодаго человѣка сопутствовать имъ.

— Да попросите его войти сказали въ одинъ голосъ дядя и тетка, и напали на Лидію за то, что она сама не догадалась этого сдѣлать.

— Что подумаютъ теперь объ насъ, говорила Анна Егоровна: — что мы и людей не умѣемъ принимать! Эй, Ѳедоръ? Ѳодоръ вошелъ.

— Пошолъ, бѣги скорѣй, проси барина, что сидитъ въ саняхъ, Краховскаго, сдѣлать намъ честь войти.

Краховскій вошелъ. Съ Лидіей сдѣлалось что-то странное, сейчасъ хотѣлось ей плакать отъ мысли, что ей никогда не удается угодить своимъ старикамъ, а теперь ей вдругъ сдѣлалось весело. Черезъ четверть часа гости поднялись ѣхать, Краховскій получилъ приглашеніе посѣщать домъ Забѣльскихъ.

Лидія простилась съ дядей и теткой и побѣжала съ свою комнату.

— Маша, Маша! Кричала она веселымъ голосомъ. Маша вошла.

Digitized by Google

— Что вамъ, мой Ангелъ?

— Какая ты смѣшная, Маша, и Лидія начала хохотать. Маша никогда не видала свою барышню веселою и потому не обрадовалась, а скорѣе испугалась ея смѣху.

— Да что это съ вами, красавица? Христосъ въ вами! Лидія еще болѣе начала хохотать.

— Ахъ-ты Господи, да что это такое, этого еще никогда не бывало! Успокойся, успокойся, мой ангелъ, говорила Маша, усаживая свою барышню на диванъ.

Испуганный видъ Маши все болѣе и болѣе смѣшилъ Лидію, она хохотала до слезъ, слезы эти обратились наконецъ въ настоящія слезы — Лидія рыдала; Маша чуть сама не плакала.

— Ангелъ вы мой, красавица моя, бѣдная вы сирота, ужъ подлинно сирота, некому пригрѣть и приласкать.

Лидія махнула рукой Машѣ, чтобъ та перестала говорить а сама рыдала такъ жалобно, что у Маша сердце разрывалось на части; молча помѣстилась она за спинкой дивана и въ душѣ молила Бога о помощи.

Мало по малу слезы унялись, Лидія улыбнулась, а съ ней вмѣстѣ и горничная ея ожила.

— Маша! проговорила наконецъ Лидія тихимъ голосомъ.

— Я здѣсь; что лучше вамъ, красавица?

— Да, лучше; дай мнѣ воды.

— Что это съ вами было? сказала Маша, подавая воду.

— Я и сама не знаю; въ продолженіи вечера мнѣ было то весело, то грустно, что-то душило меня, что-то со мной сдѣлалось такое, чего я и сама не понимаю. Когда я вошла въ свою комнату и начала звать тебя мнѣ было весело; когда же я услыхала свой смѣхъ, мнѣ сдѣлалось грустно, или нѣтъ, мнѣ было страшно, что я такъ смѣюсь, а какъ я плакать начала и сама того не знаю. Теперь я тоже себя не понимаю, мнѣ весело и вмѣстѣ страшно, какъ будто предчувствіе бѣды легло на душу.

Послѣдняго Маша не поняла, а только покачала головой; вдругъ вспомнила она что-то, подошла къ письменному столу, взяла съ него запечатанное письмо, и подала его барышнѣ.

— Отъ кого? спросила Лидія, утирая слезы.

Digitized by Google

— Не знаю-съ, съ городской почты, отвѣтила Маша и поднесла свѣчку къ своей красавицѣ, чтобъ не заставить ее встать съ мѣста. Лидія читала:

«Завтра мои имянины, tres chère Lydie; маменька позво-«лила мнѣ созвать всѣхъ моихъ друзей, а сама обѣщала «уѣхать, чтобъ дать намъ полную волю умничать и хозяйни-«чать. Если ты не пріѣдешь, ты меня очень разсердишь и «огорчишь. Пріѣзжай же, душа моя; сестры тебя цѣлуютъ. «Ainsi au revoir».

Твоя навѣки

Лиза Горская.

«P. S. Мнѣ обо многомъ нужно съ тобой переговорить. «Еслибъ ты знала, ma chère, какъ мнѣ грустно! Ты одна «можешь спасти меня; ты не женщина, а какая-то волшеб-«ница.

«Можетъ быть ты завтра пріѣдешь, и меня не будетъ на «свѣтѣ или я съума сойду, такъ велико мое горе! Ахъ, я и «забыла тебѣ сказать, мнѣ ma tante подарила прехорошенькую «шляпку, бѣлую, съ розаномъ на боку и съ преинтереснымъ «бантомъ на другой сторонѣ — впрочемъ, пріѣдешь завтра и «сама увидишь. Папа подарилъ мнѣ прелестное платье, а «завтра жду отъ него и отъ maman еще какого нибудь сюр-«приза. — Чуть-чуть не забыла сказать тебѣ еще новость: «съ нами познакомился одинъ гусаръ, очень comme il faut, «любезный такой, такъ умно говоритъ!.. Напримѣръ вчера «сравнилъ меня съ Флорой, ты вѣрно про нее слышала, ты «все знаешь.

«Прощай еще разъ. Не видала ли ты его... день и ночь «объ немъ думаю. Прощай, помолись за свою несчастную «Лизу».

Записка эта не сдѣлала на Лидію никакого впечатлѣнія, даже не вывела ее изъ задумчивости, и, можетъ быть, долго еще просидѣла бы она на своемъ диванѣ, еслибъ Маша почти силой не заставила ее лечь.

Лидія такъ привыкла повѣрять себя во всемъ, что не могла уснуть, не разъяснивши себѣ причину своей радости, и своего страха; состояніе это было для нее ново: какъ

Digitized by Google

будто мелькнула надежда.... на чтожъ она надѣялась и чего боялась?...

Знакомство съ Краховскимъ пріятно мнѣ — но и только, сказала она себѣ: — чего же я боюсь и чему радуюсь? просто нервный припадокъ, — рѣшила она и закрыла глаза, чтобы бѣжать отъ тревоги душевной и заснуть, во что бы то ни стало.

Утромъ, на другой день, Лидія проснулась не такъ, какъ обыкновенно: день не испугалъ ее своимъ началомъ, она встала съ постели съ упованіемъ на что-то безсознательное, одѣлась особенно скоро, и съ веселымъ лицемъ вошла въ гостиную. Никто не замѣтилъ въ ней перемѣны; одна Маша, одѣвая свою барышню, не узнавала ее и не знала радоваться ли ей или пугаться, такъ сильно подѣйствовалъ на нее переходъ отъ смѣха къ рыданіямъ.

На одномъ концѣ дивана въ гостиной, сидѣла Анна Егоровна и гадала въ карты; на другомъ Ѳедоръ Андреевичъ засиулъ отъ нечего дѣлать; Лидія рисовала у окна.

Утро прошло незамѣтно, было ужъ два часа, а ей казалось что день едва начинается.

Она держала въ рукахъ карандашъ и не столько рисовала, сколько собиралась рисовать, и наконецъ, вмѣсто рисовальнаго штриха, на бумагѣ показались какіе-то три слова, Лидія раздѣлила ихъ запятыми; нашла, что не въ томъ порядкѣ ихъ помѣстила, и только что собралась первое сдѣлать послѣднимъ или послѣднее первымъ, какъ вошелъ лакей, и громко сказалъ: — «г. Краховскій. Прикажете принять»?

Лидія поблѣднѣла, легкая дрожь пробѣжала по всѣмъ ея жиламъ.

— Проси, проси, торопилась проговорить Анна Егоровна, поправляя на головѣ чепчикъ, и охарашиваясь одной рукой, другой старалась она разтолкать Ѳедора Андреевича.

— Передъ чѣмъ это вы такъ спите, Ѳедоръ Андреевичъ? Да проснитесь, ради Бога, ну что про васъ люди скажутъ? Женихомъ были, все спали, и до старости дожили тоже дѣлаете. Да встаньте же, — говорятъ, Краховскій пріѣхалъ.

— Ахъ, очень радъ, очень радъ, говорилъ Ѳедоръ Андреевичъ въ полуснѣ, приподнимаясь съ дивана, и протягивая руку Краховскому, котораго еще не было въ комнатѣ.

Digitized by Google

— А все-жъ, Лидія виновата, говорила Анна Егоровна въ то время, когда дядя ея привѣтствовалъ не вошедшаго еще гостя:—все ты! Чѣмъ бы развлекать дядю, усѣлась за свое пачканье. Ужъ эти мнѣ романы, романы!

Краховскій вошелъ и декорація перемѣнилась: Анна Егоровна ласково улыбалась; Ѳедоръ Андреевичъ, обманувшійся въ своемъ ожиданіи, опять заснулъ; Лидія углубилась въ рисованье.

— Очень пріятно, прошу садиться, говорила Забѣльская, ну, что, какъ вчера доѣхали? Морозъ, говорятъ, сегодня? Вотъ мой, продолжала она, указывая на мужа: — гулялъ цѣлый часъ по набережной, такъ прозябъ, что вотъ и вздремнулъ; извините, батюшка, старика.

— А? что? проговорилъ Ѳедоръ Андреевичъ, пробужденный громкимъ говоромъ.

— Сергѣй Львовичъ здѣсь, шептала ему жена.

— Сергѣй Львовичъ! Ну, что, любезнѣйшій, какъ можете?

— Благодарю васъ и прошу извиненія, если я васъ обезпокоилъ; вы, кажется, отдыхали.

— Какоо отдыхалъ! совсѣмъ сна нѣтъ, почтеннѣйшій!

Аннѣ Егоровнѣ разговоръ, видимо, не нравился, она кашляла, поправляла на себѣ платокъ, ворочалась на стулѣ и кончила тѣмъ, что сдѣлала вопросъ объ холерѣ, получила на него приличный отвѣтъ и бросила косвенный взглядъ на мужа, который съ минуту тому назадъ опять заснулъ. Чтобъ скрыть свой стыдъ и досаду, она встала со стула, поручила гостя Лидіи, а сама обѣщала черезъ минуту воротиться.

— Займи-же, Лидинька, займи Сергѣя Львовича, а я, вотъ, сейчасъ.

Краховскій подошелъ къ рисовальному столику и сѣлъ возлѣ Лидіи.

— Давно желалъ я знакомства съ вашимъ домомъ, сказалъ онъ почтительнымъ голосомъ: — но уважая вашъ совѣтъ, ничего не искать, а довѣриться жизни, я поручилъ себя случаю; случай мнѣ благопріятствовалъ, и я теперь пріѣхалъ благодарить за наставленіе, которое ручается за вѣрность всего вами сказаннаго.

— Я принимаю вашу благодарность только потому, что

Digitized by Google

хотѣла-бы права на награду; за свой совѣтъ требую тоже совѣта: укажите мнѣ порядокъ этихъ словъ, сказала она, указывая на три слова, написанные внизу слегка набросаннаго ландшафта.

«Учись, мысли и люби», прочелъ Краховскій. — Любовь, какъ связь, должна быть и прежде и послѣ и потомъ, а остальныя два слова могутъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Любовь связываетъ все; вездѣ, гдѣ человѣкъ не одинъ, тамъ нужна любовь. Между вами и жизнію пускай не будетъ любви и вы не будете жить; между собой и людьми оставьте пустое мѣсто и передъ вами будетъ не человѣкъ, а простая машина; полюбите, и вы не отдѣлите человѣка отъ себя. Хотите насладиться наукой, полюбите ее, иначе она не откроетъ вамъ своего тайнаго смысла; попробуйте не согрѣть вашей мысли чувствомъ, любовью ко всему изящному, мысль эта оледѣнитъ ваше сердце и помѣшаетъ вашему эстетическому развитію.

Лидіи поразили успѣхи ея ученика; теперь ужъ ненадо было спрашивать его объ сердцѣ, — оно сказывалось въ каждомъ словѣ; отвѣтъ его такъ былъ проникнутъ чувствомъ, что не могъ не вызвать симпатіи, и на чувство нельзя было не отвѣтить чувствомъ. Лидія вполнѣ раздѣляла мнѣніе Краховскаго, но ей хотѣлось заставить его говорить, и она сдѣлала ему вопросъ о томъ, что ужъ давно было рѣшено для нее.

— Стало-быть, вы принимаете любовь за основаніе цѣлой жизни?

— Да, сказалъ Краховскій рѣшительнымъ тономъ и продолжалъ съ одушевленіемъ: — любовь и жизнь почти синонимы по моимъ понятіямъ: жить, значитъ удовлетворять своимъ страстямъ; любовь есть страсть, какъ чувство, по преимуществу, исключительное, а такъ какъ мы всѣ любимъ или себя или другихъ, то удовлетвореніе этого чувства и есть жизнь. Любимъ-же мы непремѣнно; чувства наши вызываются рано, еще въ дѣтствѣ, когда умъ не стоитъ на сторожѣ и не противится законамъ природы; разъ вызванная сила требуетъ дѣятельности: отсюда проистекаетъ необходимость любить, которую испытываетъ каждый болѣе

Digitized by Google

или менѣе. Этимъ объясняется и страданіе человѣка въ томъ возрастѣ, когда онъ любитъ съ отчетомъ; тутъ жизнь его часто останавливается....

Анна Егоровна вошла и помѣшала ему договорить.

— Хорошо-ли Лидія рисуетъ, спросила она Краховскаго.

— Я хочу просить позволенія привести свои рисунки, и тогда мы обмѣняемся мнѣніями на счетъ нашей рисовки.

— Хорошо, батюшка, хорошо; пріѣзжайте когда угодно, и утромъ и вечеромъ, мы всегда дома; захотите потанцовать, такъ въ четвергъ; а не то, такъ, когда вздумается; жаль только, что Ѳедоръ Андреевичъ-то мой сегодня такъ....

— Я непремѣнно воспользуюсь вашей любезностью, надоѣмъ вамъ своими посѣщеніями, сказалъ Краховскій и раскланялся съ хозяйкой дома; Лидіи-же онъ поклонился какъ-то особенно, больше глазами, нежели головой, взоръ его краснорѣчиво досказалъ неконченную фразу о любви.

Разговоръ съ Краховскимъ придалъ дѣятельности уму Лидіи: одна мысль вызывала другую, на сердцѣ у ней было легко, какъ-будто она подѣлилась чѣмъ-то; она молчала, онъ одинъ говорилъ, но ей казалось, что и она высказывалась. Глубокій вздохъ вырвался изъ сердца, за нимъ и сердце просилось на свободу: Лидія-же не сказала еще себѣ, что она любитъ, ей было только хорошо, ловко, пріятно съ Краховскимъ, она наслаждалась его бесѣдой — и только.

Вечеромъ Лидія поѣхала къ Горскимъ. Едва услыхали стукъ ея экипажа, какъ всѣ дѣвицы выбѣжали къ ней на встрѣчу въ переднюю.

— Bon soir, bon soir, Lydie! кричали ей всѣ въ одинъ голосъ.

— Lydie, мнѣ нужно съ тобой поговорить, говорила одна.

— Lydie, ты пойдешь со мной послѣ походить, я должна открыть тебѣ тайну.

— Знаешь, Lydie, мы упросили маменьку уѣхать, сказали всѣ три Горскія въ одинъ голосъ:— и теперь свободны дѣлать что хотимъ; пойдемъ-же въ наше отдѣленіе.

И Горскія утащили Лидію въ свою комнату, гдѣ составился тѣсный кружокъ. Одна изъ дѣвицъ отдѣлилась, усѣ-

Digitized by Google

лась у окна и, не сводя глазъ съ неба, вела тайную бесѣду съ избранной звѣздочкой; Лидію посадили на середку дивана.

— Ну что, mesdames, сказала она, обращаясь ко всѣмъ: — довольны ли вы, веселы ли, счастливы ли?

— Я счастлива, сказала Зоя, живая, веселая дѣвушка.

— Я нѣтъ, — я тоже нѣтъ, — я была счастлива только два дня, говорили дѣвицы, перебивая одна другую.

— Какое счастье можетъ быть на землѣ, сказала мечтательница сидѣвшая у окна.

— На землѣ есть счастье, только земное, сказала Лидія: — оно можетъ быть и не далеко отъ тебя, да ты не замѣчаешь его; ты отвернулась отъ цѣлаго міра, не видишь ни себя, ни другихъ.

— Другихъ? перебила Зенаида:—я не хочу думать о другихъ; я ненавижу людей, я бѣгу отъ нихъ.... Надѣну черную мантію, завернусь въ черный флеръ и умру въ какомъ нибудь отдаленномъ монастырѣ.

— Нарядъ тебѣ будетъ очень къ лицу, я въ этомъ не спорю, но въ монастырѣ запрещено зеркало; положеніе твое будетъ сносно до тѣхъ поръ, пока оно будетъ интересно въ твоихъ глазахъ, на это довольно трехъ дней. Послѣ трехъ дней ты выйдешь изъ монастыря, тѣмъ болѣе, что за эти три дня ты не умрешь, какъ думаешь.

— Не разбивай моей мечты, не отнимай у меня послѣдняго утѣшенія, Лидія!

— Напротивъ, я хочу отнять у тебя послѣднее, чтобъ обратить твое вниманіе, на все, что есть перваго въ обязанностяхъ женщины; только для этого ты должна спуститься къ намъ на землю, и одна, безъ твоей звѣздочки. Или, говоря простымъ языкомъ, брось твой идеалъ, такихъ людей нѣтъ на свѣтѣ, да и слава Богу что нѣтъ; праздное воображеніе создаетъ ихъ, чего же ожидать отъ нихъ? — Повѣрь, что они никогда не принесли бы пользы ни себѣ, ни другимъ.

— Да ты, кажется, помѣшана на пользѣ, Лидія.

— Да, и если я несчастлива, такъ только потому, что жизнь моя не приноситъ пользы ни мнѣ, ни другимъ.

Digitized by Google

— Давно ли ты, Зинаида, видѣла Б.? спросила живо одна изъ дѣвицъ.

— Давно, отвѣтила Зинаида и вздохнула такъ протяжно, что всѣ дѣвицы на нее оглянулись.

— Ага, сказала Зоя, лукаво улыбаясь: — то-то тебѣ и въ монастырь захотѣлось, но туда вѣдь вдвоемъ не пустятъ; а лучше подожди еще два дня, ты увидишь Б. у насъ на балѣ. Вчера онъ воротился изъ полка и сегодня былъ съ визитомъ.

Зинаида вспыхнула отъ удовольствія, встала съ своего мѣста и присоединилась къ кружку.

— Зоя, ты обманываешь меня!

— Увѣряю тебя что нѣтъ; ты знаешь, я въ сердечныхъ дѣлахъ очень осторожна; я везла сюда эту новость и собиралась этимъ воротить тебя съ того свѣта.

— Какъ же ты мнѣ прежде не сказала, что у васъ будетъ балъ; теперь я не успѣю приготовиться, у меня нѣтъ туалета! Розоваго моего платья я не люблю,—въ немъ я кажусь красна; въ голубомъ меня видѣли въ благородномъ собраніи.

— Ничего, сказала Зоя, надѣнь голубое: во первыхъ — это цвѣтъ твоего любимаго неба, во вторыхъ — это очень идетъ къ твоимъ глазамъ. А объ балѣ я не говорила тебѣ прежде, потому что ты собиралась въ монастырь и заказала себѣ монашеское платье, а въ немъ ты бы испугала маменьку; это будетъ день ея рожденія.

Зинаидой такъ овладѣла забота объ нарядѣ, что она не слыхала послѣднихъ словъ Зои.

— Если надѣть голубое платье, тогда что же на голову? думала она вслухъ:—у меня есть хорошенькій цвѣтокъ, только онъ не идетъ къ моимъ волосамъ.

Всѣ дѣвицы, кромѣ Лидіи, подхватили послѣднія слова Зинаиды, приняли участье въ ея положеніи; разговоръ оживился, всѣ говорили въ одинъ голосъ, каждая высказывала свое мнѣніе: голубое съ бѣлымъ хорошо, съ палевымъ еще лучше!—Нѣтъ, еслибъ Зинаида была брюнетка, къ ней бы шелъ палевый, а къ блондинкѣ — ни!

— За то къ платью идетъ. — Лицо важнѣе платья. —

Digitized by Google

Такъ по твоему что надѣть на голову? — Что нибудь темное. — Quelle idée, темное! развѣ она старуха?

И между дѣвицами завязался горячій споръ.

— Вотъ Лидія рѣшитъ, какой цвѣтъ приличнѣе, сказали они наконецъ.

— Mesdames, нельзя ли рѣшить безъ меня; право, я въ этомъ ничего не понимаю, для меня существуетъ только два цвѣта: бѣлый и черный; бѣлый есть сочетаніе всѣхъ цвѣтовъ, черный отсутствіе всякаго цвѣта; а выбрала я эти два цвѣта можетъ быть оттого, что между ними нѣтъ никакого сходства; въ одномъ все, въ другомъ ничего.

Въ дамскомъ обществѣ разговоръ объ нарядахъ есть плодовитая тема; нѣкоторыя дѣвицы вскочили съ своихъ мѣстъ, доказывали, спорили, суетились.

Лиза Горская воспользовась всеобщимъ одушевленіемъ, чтобъ отвлечь Лидію.

— Пойдемъ въ залу, Лидія, я должна открыть тебѣ свою душу.

Едва вошли онѣ въ залу, какъ Лиза упала передъ Лидіей на колѣни.

— Лидія, возьми всѣхъ, отдай мнѣ только его; онъ тебя любитъ, а меня ненавидитъ!

— Встань Лиза, ради Бога встань, ты меня ставишь въ непріятное положеніе; я готова тебѣ отдать все, только не требуй отъ меня того, чего у меня нѣтъ. Меня никто не любитъ; по крайней мѣрѣ, я не имѣю на это никакихъ доказательствъ.

Лидія говорила чистосердечно, она была такъ самолюбива, что не умѣла перетолковать вещей въ свою пользу.

— Мельховъ тебя не только любитъ,—онъ тебя обожаетъ! Онъ друженъ съ моимъ братомъ и признался, что ты внушаешь ему страсть, какой онъ до сихъ поръ не испытывалъ и что онъ употребитъ все, чтобъ заставить тебя полюбить его, а въ противномъ случаѣ онъ не ручается за свою жизнь.

Грусть выразилась на лицѣ Лидіи; ей больно было выслушивать Лизу, она страдала отъ слишкомъ сильнаго желанія добра и пользы: любила всѣхъ, хотѣла всѣхъ сблизить,

Digitized by Google

соединить, а вмѣсто того раздѣляла два существа и каждаго осуждала на страданіе.

— Чтожъ мнѣ дѣлать, Лиза, что мнѣ дѣлать? научи, скажи! Я этого не хотѣла, не искала, говорила Лидія, помогая Лизѣ встать и дружески, сжимая ея руки въ своихъ. Приказывай, Лиза, я сдѣлаю все, что ты хочешь!

— Ты умнѣе меня, Лидія, ты найдешь средство оттолкнуть его отъ себя и обратить ко мнѣ. До знакомства съ тобою, онъ былъ мой, даже разъ мазурку со мной танцовалъ, нашелъ, что ко мнѣ очень идетъ зеленый цвѣтъ. Въ другой разъ подарилъ мнѣ цвѣтокъ... но всего не перескажешь, а теперь... и слезы показались на ея глазахъ.

Изъ послѣднихъ словъ Лидія заключила, что Лизу можно легко вылечить и сдѣлала маленькій опытъ.

— Успокойся же, Лиза, и будь увѣрена что тотъ умъ, который ты во мнѣ предполагаешь, будетъ весь употребленъ на то, чтобъ угодить тебѣ; теперь скажи, какъ ты полюбила Мельхова и что тебѣ въ немъ понравилось?

— Что понравилось? До все—ростъ, фигура; онъ блондинъ, я брюнетка, насъ была бы пора. Какъ я его полюбила? Изволь: на балѣ у Зои увидѣла я его въ первый разъ; едва я вошла въ залу, какъ замѣтила его, онъ мнѣ понравился; въ первой кадрили я не столько слушала его, сколько разсматривала; потомъ танцовалъ онъ со мной еще и еще; за ужиномъ сидѣлъ возлѣ меня. Въ каретѣ я ужъ думала объ немъ, пріѣхала домой и хотѣла сѣсть писать журналъ; маменька велѣла лечь, я легла. Тутъ я не знала, какъ отбиться отъ сна, и такъ это было досадно, думать хотѣлось и спать тоже,—я уснула и во снѣ видѣла его, это усилило мою любовь; я проснулась въ шесть часовъ, вставать было рано, я и принялась думать... Полюбила же я его почти съ той минуты, какъ увидѣла.

— Ты любишь въ первый разъ, Лиза?

— Да.

— А тотъ студентъ, которымъ ты такъ восхищалась?

— То была не любовь, ma chère! Можно ли сравнивать этихъ двухъ людей?

— А гдѣ тотъ молодой человѣкъ, высокой, очень высо-

Digitized by Google

кой, помнишь, Лиза, ты называла его своей первой любовью, тебѣ въ немъ нравилось многое, между прочимъ и палевыя его перчатки, — гдѣ онъ теперь?

— Фи, ma chère, не вспоминай объ немъ, такой mauvais genre; неужели ты думаешь, что я его любила — никогда! Мнѣ казалось, будто я его люблю, но какая разница съ тѣмъ чувствомъ, которое я теперь испытываю: напомнить мнѣ объ этомъ чувствѣ все равно, что взрослаго человѣка упрекать въ любви къ деревянной лошадкѣ, въ младенчествѣ.

— Я не хотѣла упрекать тебя, Лиза, а пересчитывала твои привязанности для того, чтобы сказать тебѣ въ собственное твое утѣшеніе, что если ты любишь не въ первой, и не во второй разъ, такъ любишь и не въ послѣдній. Всего же больше будешь ты любить своего жениха, и это будетъ не Мельховъ, а какой нибудь уланъ или гусаръ и даже, если хочешь, у меня есть предчувствіе на твой счетъ.

— Неужели! какъ это странно, а съ нами именно и познакомился гусаръ; да я тебѣ ужь писала объ немъ, какъ же ты объ немъ думаешь?

— Я? я ничего не думаю; ты забываешь даже, что я его никогда не видала.

— Это все равно, ты можешь оставить себѣ объ немъ понятіе изъ того, что я тебѣ объ немъ говорила, на примѣръ что онъ сказалъ мнѣ, помнишь на счетъ флоры.

— Это доказываетъ только то, что у каждаго свой взглядъ; онъ нашелъ сходство между тобой и флорой, царицей цвѣтовъ, я бы пріискала для тебя, можетъ быть, другое сравненіе,—каждый свое, но дѣло не въ томъ; это еще нисколько не обрисовываетъ твоего гусара, но я желаю ему всѣхъ возможныхъ достоинствъ и полнаго успѣха вамъ обоимъ.

Въ эту минуту дверь отворилась и дѣвицы съ шумомъ вбѣжали въ залу.

— Что это, mesdames, сказали они цѣлый часъ секретничали, а объ насъ забыли.

— Потанцуйте, mesdames. — И Лидія подошла къ фортепіано и заиграла имъ польку; полька образовалась въ нѣ-

Digitized by Google

сколько паръ. Зоя, танцуя за кавалера, передразнивала каждаго изъ знакомыхъ, хохотъ былъ всеобщій.

Полька кончилась и Лидія уступила мѣсто Зинаидѣ, пѣніе которое имѣло большой успѣхъ между дѣвицами. Всѣ окружили ее.

— Спой «Любила я твои глаза». — Нѣтъ, Зинаида, лучше мѣсяцъ ясный.

— Нѣтъ, mesdames, сказала Лидія—пускай Зинаида сама выберетъ.

«Malheur à toi» запѣла Зинаида. Всѣ призадумались, прослушали Зинаиду, осыпали ее комплиментами; тѣ, кому было о чемъ помечтать и которыя помечтали подъ ея пѣнье, въ особенности благодарили.

Лидія взглянула на часы, было десять часовъ; она начала прощаться со всѣми.

— Погоди еще, Лидія, говорили ей всѣ.

— Нельзя, нельзя. Тетенька не любитъ, когда я поздно возвращаюсь; къ тому же въ одинадцать часовъ надо послать экипажъ за дядей, онъ сегодня въ клубѣ.

— Какой у васъ хорошенькій экипажъ, сказала Зоя Лидіи:—всегда когда встрѣчаю тебя на Невскомъ завидую тебѣ: сидишь ты такой grande dame; лакей пренарядный, экипажъ щегольской; тебѣ же какъ будто все равно, равнодушіе твое даже сердитъ.

— Стоитъ намъ только помѣняться мѣстами, чтобъ быть счастливыми, неправда ли Зоя? Тебѣ хочется въ мои сани, а я охотнѣе пошла бы пѣшкомъ; можетъ быть одна скорѣй бы я дошла до какой нибудь цѣли; теперь мы обѣ недостойны зависти: ты идешь, я ѣду и обѣ недовольны своей участью.

— Ты какъ то странно всегда говоришь, перебила ее Зоя: — не даромъ тебя въ свѣтѣ зовутъ идеалисткой.

Лидія горько улыбнулась и крѣпко поцѣловала своего судью. Молодые дѣвушки разстались друзьями.

Этимъ бы день и кончился, еслибъ тетка, узнавши объ возвращеніи Лидіи, не потребовала ее къ себѣ.

— Княгиня Ольга Борисовна была у меня сказала она: — просидѣла со мной, старухой, цѣлый вечеръ, а то бы я съ тоски пропала одна одинешенька. И какъ она насъ любитъ,

Digitized by Google

какое участіе въ тебѣ, сирота, принимаетъ; а вотъ вы, молодые люди, ничего цѣнить не умѣете, все вѣнецъ въ головѣ!

Это только прелюдія, думала Лидія, что будетъ дальше? и сердце ее сильно билось.

— Ольга Борисовна пріѣзжала предупредить насъ, чтобъ мы были осторожны съ этимъ, что недавно познакомился съ нами, какъ бишь его? и, не вспомнивши его имени ,продолжала:—онъ страшный волокита, всѣмъ головы кружитъ, а свою бережетъ.

— Да, Ольгѣ Борисовнѣ нельзя въ этомъ не повѣрить, проговорила Лидія съ негодованіемъ:—она это знаетъ по опыту. За меня же будьте покойны, я сама свою голову умѣю беречь.

— Больно спѣсива, сказала тетка, а прошу слушать старыхъ людей, у нихъ головы не на проволокахъ, какъ ваши. Теперь ступайте спать, сударыня.

Лидія вышла и странно — эта сцена мало растропла ее; она не боялась знакомства съ Краховскимъ, она не собиралась ни сама въ него влюбиться, ни влюбить его въ себя; она рада была ему, какъ пріятному собесѣднику; ей легче жилось съ тѣхъ поръ, какъ нашелся человѣкъ, который ее слушалъ. Словами же тетки она хоть и огорчалась, но скоро забывала и прощала ихъ: она знала, что старуха все таки любитъ ее, хоть и совсѣмъ на особенный ладъ.

Краховскій же дѣйствительно умѣлъ пользоваться позволеніемъ ѣздить въ домъ: все чаще и чаще показывался онъ у Забѣльскихъ. Лидія не считала нужнымъ скрывать, что ему рада, даже сама тетка забыла свои опасенія и такъ скоро привыкла къ нему, что подчасъ ждала его съ нетерпѣніемъ, чтобъ передать ему видѣнный сонъ и спросить его что онъ значитъ. Наконецъ всѣ такъ привыкли къ нему, что не считали ужъ нужнымъ будить для него Ѳедора Андреевича, да и Анна Егоровна встрѣчала его часто безъ чепца.

Забѣльскіе были люди стараго вѣка, чрезвычайно гостепріимные, потому и не удивительно, что на частаго гостя смотрѣли они, какъ на роднаго. Это не мѣшало однако же Аннѣ Егоровнѣ поворчать иногда на то, что Краховскій часто

Digitized by Google

ѣздитъ; рядомъ съ этимъ заказывала она два лишнихъ блюда и сладкій пирогъ на его счетъ.

Спустя недѣль пять послѣ перваго появленія Краховскаго въ семействѣ Забѣльскихъ, на моховой, въ домѣ Максимова, въ 10 часовъ утра, раздался звонокъ, у входа въ квартиру N 24. Дверь отворилась, вошелъ знакомый намъ Мельховъ, безъ доклада добрался до кабинета и занялъ первый попавшійся ему стулъ; хозяинъ квартиры изучилъ комфортъ до тонкости, такъ все въ этой комнатѣ манило къ покою, такъ все было обдумано, хорошо, столько вкусу во всемъ, что и женскій глазъ не окрылъ бы никакой ошибки.

Хозяинъ не показывался, Мельховъ начиналъ волноваться; наконецъ вошелъ Краховскій въ изящномъ неглиже, дружески протягивая руку.

— А, Мельховъ! Очень радъ. Давно мы не видались; это не похоже на друзей. Что новаго? и отчего такъ рано?

— Новаго только то, отвѣтилъ Мельховъ, не вставая со стула и не подавая руки, что я страшно поглупѣлъ и въ своихъ глазахъ и въ глазахъ цѣлаго міра. Что за чушь городилъ я на балѣ у князя Льгова!... А у васъ не достало великодушія остановить меня.

Краховскій, какъ свѣтскій человѣкъ, умѣлъ казаться покойнымъ, хотя давно понялъ, что дѣло принимаетъ скверный оборотъ.

— Послушай, Мельховъ, ты просто ребячишься и что тебѣ за охота гоняться за какимъ нибудь словомъ, сказаннымъ хорошему пріятелю въ минуту увлеченія. Ты влюбленъ, вотъ и все — и прекрасно: предметъ твоей страсти вполнѣ достоинъ твоихъ восторговъ.

— Прошу васъ однако, возразилъ Мельховъ, говорить осторожнѣе обо мнѣ — и при мнѣ. Къ тому же кто далъ вамъ право рыться въ моихъ тайнахъ, какъ въ кучѣ сора ни къ чему не годной? Что касается до предмета моихъ восторговъ, какъ вы говорите, то это ни честно, чтобъ не сказать безчестно, играть чужимъ именемъ.

— Безчестно... честь, проговорилъ Краховскій сквозь зубы.

— Я этимъ хотѣлъ сказать, продолжалъ Мельховъ, что

Digitized by Google

честь есть что-то весьма относительное. Увесть чужую жену — ничего, а взять гривенникъ съ чужаго стола — скажутъ воръ. Заставить человѣка высказать противъ воли то, чего бы онъ нехотѣлъ, или говоря иначе, украсть изъ чужой души лучшую ея часть — это не воровство! Воровство, это вещь осязательная, когда у васъ и кошелекъ толще и карманъ туже.

Мельховъ замолчалъ; Краховскій скорыми шагами ходилъ по комнатѣ и тоже молчалъ. Наконецъ Мельховъ взялъ шляпу и торопливо пошелъ къ двери, непрощаясь съ хозяиномъ. Краховскій удержалъ его за руку.

— Нѣтъ, Мельховъ, вы такъ не уйдете, вы говорили слишкомъ крупно, чтобъ уйти, не размѣнявши вашу монету на мелочь. Присядьте, ради Бога!

Но Мельховъ не сѣлъ, а началъ шагать отъ одного конца комнаты къ другому съ той же лихорадочностью, съ которой пріѣхалъ изъ дому.

— У меня нѣтъ мелочи, а можетъ быть у васъ, Краховскій, найдется сдача, я былъ бы очень радъ.

— Чтожъ это вызовъ?

— Да....

Не смотря на то, что Краховскій отлично владѣлъ собою, кровь давно прихлынула къ его сердцу, дыханіе сдѣлалось неровно, и голосъ по временамъ измѣнялъ ему.

— Я тогда только приму вашъ вызовъ, когда вы успокоитесь и повторите мнѣ его.

— Благодарю за участіе, покойнѣе этого я ужъ не буду; я самъ разчитывалъ на время и потому не показывался вамъ до сихъ поръ.

— Повѣрите ли, Мельховъ, не смотря на все что я слышу и вижу, я не успѣлъ еще оскорбиться; а мнѣ жаль, душевно жаль....

— Поберегите вашу жалость для себя, перебилъ его Мельховъ задыхающимся голосомъ, пріятельскій вашъ поступокъ давно меня душитъ, давно любуюсь я вашимъ волокитствомъ за княгиней и почтительными посѣщеніями дома Забѣльскихъ. Сдѣлайте, если можете, счастливой Лидію Николавну и идите къ этой цѣли прямой дорогой, а вы пробуете

Digitized by Google

въ одно и тоже время играть одной рукой тему, а другой варіяціи. Женитесь на Забѣльской, заставьте свѣтъ молчать; а теперь ваше имя приклеиваютъ то къ дому княгини, то къ Лидіи Николаевнѣ. Это невыносимо!

— Позвольте мнѣ теперь въ свою очередь спросить васъ: кто далъ вамъ право читать мнѣ наставленія и прописывать рецепты? Въ первую минуту я отказался донкиходствовать съ вами, потому что наше порядочное разстояніе лѣтъ; у васъ душа на ладонкѣ, а моя прячется отъ людей; вамъ жизнь еще не давала уроковъ, а меня учила и кой чему выучила. Теперь прощайте. И, повернувшись на каблукахъ, скрылся онъ за спущенной портьерой.

Съ опущенной головой, со шляпой въ рукахъ простоялъ съ минуту Мельховъ, потомъ какъ будто опомнившись, бросился вонъ. Человѣкъ долженъ былъ бѣжать за нимъ по лѣстницѣ, чтобъ накинуть на его плечи шинель; на калоши же онъ не обратилъ никакого вниманія и оставилъ ихъ въ рукахъ изумленнаго лакея.

Краховскій и Мельховъ оба воспитаны были въ лицеѣ, оба были умны, говорили однимъ языкомъ: у одного кровь била горячимъ ключомъ, у другаго ровно текла по жиламъ. Они часто помогали другъ другу; Мельховъ бѣжалъ къ своему пріятелю, когда ему нужно было прохладить себя; тотъ какъ будто обновлялся новыми силами въ бесѣдѣ съ пылкимъ молодымъ человѣкомъ, любовался его юношескимъ жаромъ, который Мельховъ такъ искусно умѣлъ ему сообщать. Одному было тридцать, другому двадцать пять лѣтъ.

Тотчасъ послѣ ухода своего гостя, Краховскій велѣлъ подать себѣ одѣться и вышелъ изъ дому, самъ не зная въ какую сторону поворотить ему.

— Досадно и глупо, думалъ онъ, въ мои лѣта не умѣть угомонить себя. Жениться! жениться! легко сказать, а трудно исполнить.

До сихъ поръ каждый изъ его романовъ начинался послѣ брака, онъ вздыхалъ надъ замужними женщинами, въ первый разъ встрѣтилъ онъ дѣвушку, которая такъ сильно задѣла его умъ, что заставила говорить и сердце. Но теперь на-

Digitized by Google

добно избѣгать ее, думалъ онъ, на несчастьи ближняго неблагородно строить свое счастье и я на это не способенъ.

Безсознательно шелъ Краховскій и самъ не помнилъ, какъ очутился на Николаевскомъ мосту. — Вотъ и Васильевскій островъ, тихій, спокойный! мирный ангелъ всегда стережетъ его! И какое однообразіе въ его разнообразіи: тутъ есть линія студентовъ, линія военныхъ, линія старухъ въ шляпахъ съ огромными полями и узенькихъ солопахъ, линія духовенства, линія мальчишекъ, линія покойниковъ, линія учителей и наконецъ больной проспектъ, гдѣ есть все что вамъ угодно. Едва линія пересѣкаетъ проспектъ, она на минуту теряетъ свой характеръ, но это не надолго; потомъ опять старухи, такъ старухи; мальчишки, такъ мальчишки.

Хоть набережная и принадлежитъ исключительно англійскимъ ножкамъ, однако тутъ та же смѣсь, которую находимъ мы на большомъ проспектѣ и рядомъ съ представителемъ третей линіи вамъ попадется предводительствующій девятнадцатой или двадцать первой, и если правду сказать, то и насъ петербуржцевъ довольно, потому что многіе изъ насъ очень любятъ Васильевскій островъ.

Вотъ, напримѣръ, если вы теперь выйдете погулять, вы встрѣтите Краховскаго; онъ съ мосту поворотилъ на лѣво и какъ кажется идетъ ужъ не безсознательно, замѣтно что онъ на что-то рѣшился.

У Забѣльскихъ въ послѣднее время всѣ такъ привыкли видѣть Краховскаго, что ни кто не удивился его появленію; какъ всегда нашелъ онъ Лидію въ гостинной за работой, но въ первый разъ одну.

— А гдѣ ваши? спросилъ онъ раскланиваясь.

— Поѣхали отдать визитъ одной пріѣзжей дамѣ, скоро будутъ. Садитесь.

— Я пришелъ съ вами проститься, я завтра ѣду.

— Куда? какъ? зачѣмъ?

— Въ Москву къ отцу, хочу провести съ нимъ праздникъ.

— А я думала мы вмѣстѣ встрѣтимъ новый годъ.

— Мы его и встрѣтимъ вмѣстѣ, хоть и въ разлукѣ, вы меня вѣдь не забудете? вырвалось у него. Желая выкупить

Digitized by Google

это неосторожное слово, онъ прибавилъ: — Вы пожалѣете меня. Еще хуже, подумалъ онъ и внутренно покраснѣлъ.

— Мое жаль негодится для васъ. Когда мнѣ кого жаль, такъ я не сплю, не ѣмъ, страдаю столько же, а иногда и больше чѣмъ тотъ, кто вызываетъ мою жалость. Вы же не только не внушаете мнѣ этого чувства, а напротивъ; вамъ такъ хорошо на свѣтѣ, что еслибъ я умѣла, я бы завидовала.

До сихъ поръ между ними былъ только обмѣнъ ума, но не было обмѣна тѣхъ задушевныхъ чувствъ, которыми опредѣляются отношенія между людьми; они не безотчетно искали другъ друга, имъ было хорошо, очень хорошо вмѣстѣ; но они еще не сказали себѣ, что не могутъ жить одинъ безъ другого. Такъ иногда солнышко изъ-за тучки грѣетъ насъ, а мы и не знаемъ отчего намъ тепло; вотъ выплыветъ оно изъ-за облака, начнетъ жечь насъ, тогда мы догадаемся, что и прежде грѣло оно, и теперь жжетъ оно же. Правду говоритъ Жанъ Поль, что любовь, какъ картофель, можно приготовить на тысячу и одинъ ладъ; если она ужъ разъ вызвана, такъ ее можно приправить всѣмъ, чѣмъ угодно, и равнодушіемъ, и большимъ пыломъ, и разлукой, и частыми свиданіями, и умомъ, и глупостью, и тѣмъ и другимъ.

— Неужели вы находите меня достойнымъ зависти, возразилъ Краховскій. — Вы, которые такъ хорошо читаете въ чужой душѣ, вы не хотите даже догадаться, что въ эту минуту мнѣ тяжело, очень тяжело.

Защемило сердце Лидіи, поняла она, что любитъ всѣми способностями души и сердца. Все было давно готово для вспышки между ними, не доставало только одного слова — но теперь и его ненадобно. Какъ громомъ пораженная сидѣла Лидія, она не оправилась еще отъ всѣхъ нечаянностей, которыя сыпались на нее, въ смущеніи молчала она, онъ одинъ говорилъ:

— У меня есть до васъ просьба, не откажите ради Бога; помогите пережить разлуку, уясните мнѣ то, чего я не понимаю. Откуда это огромное развитіе чувства, какое не встрѣчалъ я ни въ одной женщинѣ, тѣмъ менѣе въ дѣвушкѣ? И какъ все это уживается и мирится съ умомъ вашимъ и съ

Digitized by Google

самою жизнью. Вамъ это легко будетъ сдѣлать, потому что, какъ вы сами говорили, вы всегда вели свои записки.

— Вы хотите знать, сказала она съ глубокимъ вздохомъ, — отчего я такой уродъ и отчего я такъ мало похожа на другихъ? Извольте. Жизнь свою дѣлю я на три періода: въ первомъ я такъ страдала за другихъ, что не сознавала себя; во второмъ страдала опять за другихъ и много за себя; въ третьемъ больше страдаю за себя, чѣмъ за другихъ. Съ первымъ періодомъ моей жизни готова я познакомить каждаго нравственнаго человѣка; второй періодъ берегу для кого-нибудь одного, а третьимъ живу въ настоящее время.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Краховскій: — я приму ваше согласіе на мою просьбу за большое одолженіе и буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашей рукописи. Завтра я ѣду въ двѣнадцать часовъ.

Въ это время старики Забѣльскіе подъѣхали къ крыльцу, но не скоро еще явились въ гостинной. Молодые люди молчали въ ожиданіи ихъ, и молчаніе это въ первый разъ тяготило ихъ; дорого бы дали они за какой-нибудь легкой, пустой разговоръ, но ни одно подобное слово не пришло ихъ выручить. Наконецъ показалась въ дверяхъ одна Анна Егоровна и кивнула по своему головой, Краховскій поклонился, Лидія подошла къ ней, поцѣловала ея руку и сказала едва внятно:

— Сергѣй Львовичъ завтра уѣзжаетъ и пріѣхалъ проститься.

— Что вы это, батюшка мой, уѣзжать вздумали? говорила она, помѣщаясь на диванѣ. — Что это за вздоръ! прибавила она, почти сердясь.

Лидія была какъ на иголкахъ, она знала свою тетку.

— У меня есть въ Москвѣ старикъ-отецъ, я хочу съ нимъ встрѣтить и провести праздникъ.

— Онъ самъ могъ бы сюда пріѣхать и мы бы съ нимъ познакомились. Къ тому же въ Петербургѣ веселѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

— Вы очень любезны и добры, Анна Егоровна; отецъ же мой такъ старъ, что легче мнѣ двигаться, чѣмъ ему.

— Нехорошо, батюшка, нехорошо; а я вотъ за это

Digitized by Google

время васъ даже полюбила. Пойду, огорчу Ѳедора Андреевича этимъ извѣстіемъ.

— Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за доброе ко мнѣ вниманіе, сказалъ Сергѣй Львовичъ, останавливая ее у дверей и почтительно цѣлуя ея руку. Я прощаюсь съ вами въ полной увѣренности, что вы встрѣтите меня такимъ же дружескимъ словомъ, съ какимъ отпускаете.

— Непріятно, да чтожъ дѣлать; вѣдь силой тебя не удержишь. — Она и сама не замѣтила какъ перешла къ фамильярности, такъ взбудоражилъ ее неожиданный отъѣздъ.

Молодые люди простились безъ словъ.

Краховскій не шелъ, а летѣлъ домой, онъ вполнѣ былъ доволенъ собою: ему казалось, что онъ поступилъ благородно, что онъ принесъ жертву дружбѣ, уѣзжалъ самъ и предоставлялъ свои права другому. Теперь онъ очистилъ свою совѣсть, нечаянно только подвинулъ свою сердечную статью, но чтожъ дѣлать? Этого вѣдь онъ и самъ не хотѣлъ.

— Придя домой, написалъ онъ Мельхову записку.

«Я завтра уѣзжаю, довольны ли вы? Разумнѣе этого я ничего не могъ придумать. Протягиваю вамъ не одну, а обѣ руки, чтобъ доказать, какъ я дорожу вашей дружбой.

«Весь вашъ. С. Краховскій.»

На другой день уѣхалъ онъ Москву и увезъ съ собой рукопись, которая была ему прислана еще на канунѣ поздно вечеромъ.

— Ну что, сударыня, сказала Анна Егоровна Лидіи, когда та вошла утромъ въ гостинную и поздоровалась съ теткой: вотъ и упустила жениха, а все оттого что не умѣла себя вести, романовъ начиталась. Я нарочно прислушивалась къ вашимъ разговорамъ: симпатія, да симпатія какая-то; въ старину этого не бывало, такъ и въ дѣвкахъ не сидѣли. Нарочно бывало уйду изъ гостинной, сама за дверью останавлюсь послушать: молчатъ, молчатъ да и только, ушамъ своимъ не вѣрю, плюну да и отойду. Въ гостинной ли на диванѣ сижу: сочувствіе, симпатія — ничего не понимаю. А мы то, старые дураки, собирай эту голь, корми ее, а кончится ничѣмъ.

Digitized by Google

Вошелъ Ѳедоръ Андреевичъ и спасъ Лидію отъ дальнѣйшихъ упрековъ.

— Брось это, другъ мой, сказалъ онъ обращаясь къ женѣ: это все глупости; а ты, Лидія, сядька возлѣ меня, да разгони мою скуку; гдѣ сегодняшняя газета?

Газета была уже въ рукахъ Лидіи, она впилась глазами въ нее, желая хоть этимъ спастись отъ ничѣмъ неудержимаго потока словъ тетки.

— Ну-да, потакай больше, продолжала еще ворчать Анна Егоровна и вышла изъ комнаты.

Въ этотъ день пришлось Лидіи испытать еще одну пытку, ее повезли на цѣлый вечеръ къ княгинѣ Льговой — хуже этого трудно было что нибудь придумать. Никого посторонняго не было. Анна Егоровна, не скрывая своего гнѣва, усѣлась на княжескомъ диванѣ съ душой на распашку и начала свою жалобу.

— Представьте себѣ, княгиня, вѣдь молодецъ-то уѣхалъ. Ужъ правду ты, матушка, сказала, что вертопрахъ; понадобилось видишь ты въ Москву, къ отцу будто бы, а вѣрно все вздоръ: знаемъ какая въ наше время честь старикамъ.

— Я васъ не понимаю, сказала Ольга, блѣднѣе отъ неожиданнаго извѣстія: — кто уѣхалъ и куда?

— Да какъ-его, все забываю; такое премудрое названіе. Лидія, какъ его? Вѣдь тебѣ надо знать; вѣдь ты съ нимъ все шушу да шушу....

Анна Егоровна могла долго еще говорить, ни которая изъ дамъ не была въ состояніи ей отвѣчать.

Княгиня молчала и сама не замѣчая, отгрызала себѣ ноготь за ногтемъ, красными пятнами выступала досада на ея лицѣ. Уѣхалъ, не простившись, думала она; онъ хочетъ, играя мной, заслонить отъ свѣта свою тайну; но его знакомство со мной еще не кончилось, я тоже съумѣю врѣзаться въ памяти такъ, что онъ долго меня не забудетъ.

Боже мой, думала Лидія, какъ безчеловѣчно распоряжаются мной, какъ съ какой нибудь негодной вещью; не довольствуются выбросить, но прежде стараются измять, изкомкать хорошенько и потомъ ужъ вышвырнутъ. Одна мысль

Digitized by Google

тяжеле другой волновала Лидію, больше она не могла владѣть собой, съ рыданіями бросилась она къ теткѣ на шею; но вдругъ, опомнившись, отскочила отъ нее и ужъ безъ слезъ, но умоляющимъ голосомъ сказала:

— Пощадите меня, не касайтесь моихъ нѣжныхъ струнъ; вы всѣ ихъ сегодня перервали. Не задѣвайте моей чести, вы причиняете мнѣ невыносимое страданіе; я готова жертвовать всѣмъ; но не отдамъ одного — своего достоинства, своей чести. Это мой щитъ, это моя вѣра, это мое все; это что-то, чего я не умѣю опредѣлить словами, но я это чувствую, этимъ живу, это течетъ въ моихъ жилахъ и заставляетъ биться сердце.—Снимите же съ себя подобнаго рода заботу обо мнѣ; у меня есть честь, она бережетъ меня, а я ее. — И гордо вышла она изъ гостинной.

Анна Егоровна такъ поражена была проявленіемъ смѣлости, которой и не подозрѣвала, что тряслась всѣмъ тѣломъ отъ гнѣва еще болѣе, чѣмъ отъ удивленія.

— Слыхали ли вы что нибудь подобное, княгиня, еще молоко на губахъ не обсохла, а смѣетъ ужъ учить. Вотъ какова нынче благодарность за то, что сиротой въ домѣ приняли, и старуха силилась заплакать.

Княгиня молча что-то обдумывала, разговоръ не клеился; къ счастью, вошелъ Александръ Павловичъ въ полномъ нарядѣ, со звѣздой на фракѣ.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, сказала Анна Егоровна, приподнимаясь на минуту съ своего мѣста и отирая не выступившія еще слезы.—Моя племянница надѣлала тутъ такой суматохи, что мы съ Ольгой Борисовной сидимъ точно безъ головы.

— Моя Ольга дѣйствительно что-то завяла за это время. — И съ этими словами нагнулся онъ къ женѣ, чтобъ поцѣловать ее въ лобъ.

— Что это вамъ вздумалось? проговорила Ольга съ неудовольствіемъ и отшатнулась къ спинкѣ кресла. — Вамъ пора ѣхать, сани васъ давно ждутъ.

— Уѣду, уѣду, душа моя. Вотъ каково, матушка Анна Егоровна, говорилъ князь, направляясь къ двери передней.

Digitized by Google

Старуха боялась вымолвить слово и только махнула рукой въ знакъ согласія.

Гдѣ же Лидія? Она убѣжала къ дѣтямъ княгини, которыя помѣщались въ нижнемъ этажѣ съ своей гувернанткой. Неудивительно, что мы забыли объ нихъ упомянуть; посѣщая домъ княгини, нельзя было и догадаться о ихъ существованіи; они рѣдко показывались на верху и то только тогда, когда кто нибудь, открывши случайно ихъ присутствіе въ домѣ, въ видѣ милости получалъ позволеніе ихъ привести на верхъ. Отецъ по своему любилъ ихъ, но не смѣлъ ничего перемѣнить въ ихъ участи; мать иногда спускалась къ нимъ внизъ; а случалось, что проходила цѣлая недѣля и они не видали матери, только изъ окна кивали ей курчавыми головками, когда она садилась въ ихъ глазахъ въ карету и уѣзжала. Но за то объ здоровьи ихъ присылала узнавать каждый день.

Видъ дѣтей отрадно подѣйствовалъ на душу Лидіи, она застала ихъ играющими, веселыми. Двѣ старшія дѣвочки одна шести, другая пяти лѣтъ, нарядились въ какія-то яркія лоскутья, воткнули себѣ, въ волосы по бумажному розану; братишку своего, четырехлѣтняго Жоржа, одѣли въ красную чалму и хохотали безъ умолку. Когда Лидія, вошла, они всѣ съ радостнымъ крикомъ бросились къ ней на шею и, едва она сѣла, какъ всѣ ужъ повскокали къ ней на колѣни.

Самые лучшіе люди на свѣтѣ, это дѣти, думала Лидія, и съ умиленіемъ смотрѣла на нихъ; и въ самомъ дѣлѣ они были чрезвычайно милы: никто не восхищался ими, изъ равнодушія къ нимъ, не выводили ихъ къ гостямъ на показъ и они остались вѣрны своей природѣ, были чрезвычайно просты и наивны.

— Лидія, возьмите насъ съ собою на верхъ, просила старшая Ольга.

— Когда вы ѣдите на дрожкахъ, ваши ноги стоятъ или висятъ? перебилъ Жоржъ сестру и ручонками своими поворотилъ лицо Лидіи въ свою сторону, чтобъ она слушала его одного.

Digitized by Google

— Какое у васъ было сегодня кушанье? спросила Вѣра въ свою очередь: — пирожное было?

Лидія не знала кому отвѣчать, цѣловала каждаго по одиночкѣ и всѣхъ разомъ, наконецъ уговорила мамзель Луизу идти съ дѣтьми наверхъ.

Никогда дѣти не были еще такъ кстати, какъ въ этотъ вечеръ, даже княгиня была имъ рада. Съ какой-то дикой живостью пустились они бѣгать по всему дому и забыли даже подойти къ матери; гувернантка должна была сама бѣжать за ними, чтобы собрать ихъ въ кучу и подвести къ княгинѣ.

— Вотъ отчего не позволяю я имъ ходить на верхъ, говорила Ольга Борисовна своей гостьѣ:—они у меня какіе-то дикія, необузданныя; этого дурачка я еще люблю, продолжала она, протягивая руку Жоржу и сажая его себѣ на колѣни, все таки мальчикъ, на что нибудь да пригодится.

Стоять смирно было совершенно невозможно этимъ дѣтямъ, они переминались съ ноги на ногу, лукаво посматривали другъ на друга и продолжали исподтишка смѣяться своему собственному смѣху, съ которымъ они прибѣжали и который начался два часа тому назадъ. Едва имъ показалось, что старшіе заговорились и забыли объ нихъ, Жоржъ быстро вырвался изъ рукъ матери и пустился бѣжать, дѣвочки послѣдовали его примѣру.

— Это нестерпимо; мамзель Луиза, мамзель Луиза! кричала княгиня, закрывая уши руками:—уведите, ради Бога, вашу команду; никакого терпѣнья не достанетъ переносить эту суматоху. — Вотъ какъ свѣтской рукой отталкиваются семейныя радости.

— И намъ пора; Лидія, поѣдемъ; прощайте, княгиня, не поминайте лихомъ.

Дорогой старухѣ очень хотѣлось разшевелить свою племянницу, но та упорно молчала. Анна Егоровна, кажется, почувствовала свою ошибку, ей было даже жаль Лидію, но она никогда бы не призналась въ этомъ. Такъ ведется у людей! Одному не совѣстно поступить дурно, другому совѣстно поступить хорошо.

Digitized by Google

Навязавши себѣ сыновнюю нѣжность по необходимости, Краховскій умиралъ со скуки въ Москвѣ; родные его въ продолженіи двухъ недѣль, не давали ему ни отдыху, ни сроку, возили его съ утра до вечера; показали его вездѣ, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ требовалось; дальше ни онъ не зналъ, что дѣлать, ни они, что съ нимъ дѣлать. Къ чтенію рукописи, которую онъ привезъ изъ Москвы, онъ не приступалъ еще; ему хотѣлось испытать себя, и опредѣлить отношенія свои къ Лидіи: все еще не рѣшался онъ признаться себѣ, что любитъ ее, и больше всего боялся онъ того, что поведутъ его въ церковь и обручальнымъ кольцомъ закуютъ двѣ руки въ одну.

Но сердце не камень и вотъ онъ заперся въ отведенной ему комнатѣ и принялся читать:

«Вамъ понадобился разсказъ мой; извольте, онъ взятъ прямо изъ жизни, и потому въ немъ больше горя, чѣмъ радости.

«Родилась я не на великолѣпной кровати, но въ погребѣ, между разными соленьями и вареньями: мать моя отправилась туда похозяйничать, поскользнулась на грязной лѣстницѣ и въ слѣдствіе этаго суждено мнѣ было прежде всего увидѣть погребъ. Жизнь свою начала я крикомъ и слезами, подобно всѣмъ вызваннымъ противъ воли изъ ничтожества.

«Мѣсто рожденія моего Черниговъ, но я его почти не видала; отецъ мой былъ военный и жизнь вели мы бивачную. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, мѣняли каждый мѣсяцъ моихъ кормилицъ, одна попадалась хуже другой; наконецъ отъ послѣдней отлучилъ меня шестимѣсячную деньщикъ отца моего, который въ отсутствіи моихъ родителей хватился меня, и послѣ многихъ неуспѣшныхъ поисковъ, нашелъ меня въ кабакѣ: я сидѣла на столѣ, кормилица моя на скамьѣ возлѣ стола, одна ея рука была въ рукѣ ея сосѣда, толстаго мужика, другой подносила она къ моимъ губамъ стаканчикъ простой водки. Въ ужасѣ схватилъ меня деньщикъ нашъ, запретилъ кормилицѣ показываться на барскомъ дворѣ, а самъ завернулъ меня въ полу своего сюртука, и понесъ домой. Дорогой я уснула послѣ чарочки, которою меня уго-

Digitized by Google

стили. Когда возвратилась мать моя, она нашла меня на рукахъ деньщика.

— Гдѣ же кормилица? спросила она.

— Я не велѣлъ ей показываться на глаза, и самъ буду няньчить свою барышню.

И въ самомъ дѣлѣ онъ вскормилъ меня на рожкѣ, и о трехъ лѣтъ я не имѣла другой няньки.

«Мы продолжали нашу кочевую жизнь, иногда была у насъ порядочная квартира, иногда просто изба; иногда показывалась на нашемъ дворѣ хорошая коляска, но безъ лошадей; въ другое время были лошади, а коляски не было. Все это приводили, приносили къ намъ и потомъ опять относили, отвозили — куда и почему не знаю.

«Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, добрались мы до Саратова, отецъ мой вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву искать гражданской службы: мать осталась одна со мной, и двумя братьями моими, гораздо старше меня. Мнѣ минуло три года, и съ этихъ лѣтъ я ужъ сама все помню. Помню степь, въ которой мы жили: ни деревца, ни зеленаго листка въ глазахъ; помню, какъ ураганъ съ дороги поднималъ пыль и какъ она врывалась къ намъ въ окна, если не успѣвали ихъ запереть, и покрывала наши столы и стулья пескомъ съ каменьями: мы жили тогда на краю города. Помню слезы матери, когда она распечатывала и читала письма отца моего. Скоро и на мою долю начались посылки: почти съ каждой почтой, приносили заколоченный ящикъ, нетерпѣливо вертѣлись мы около него, и вскорѣ выходила оттуда кукла, съ меня ростомъ. Сначала это меня восхищало, но скоро я перестала радоваться подобнымъ посылкамъ: мою куклу продавали, и на эти деньги мы часто обѣдали. Въ послѣдствіи я такъ привыкла къ этому порядку вещей, что всякую присланную мнѣ игрушку встрѣчала непріязненно, и нисколько не удивлялась, когда она на другой день изчезала.

«Изъ жизни нашей въ Саратовѣ, помню я еще одинъ случай: одинъ изъ братьевъ взялъ меня за руку, завелъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ никто не жилъ и стояли одни сундуки, и по праву сильнаго высѣкъ меня: оправдывался онъ тѣмъ,

Digitized by Google

что его такъ часто сѣкутъ, что и ему захотѣлось кого нибудь высѣчь. Тотчасъ послѣ этой операціи, онъ цѣловалъ, обнималъ меня, просилъ прощенія, и все-таки извинялся тѣмъ, что кромѣ меня, ему некого было высѣчь. Я обѣщала не жаловаться и сдержала слово; съ этихъ поръ началось уваженіе братьевъ ко мнѣ, и я всегда была повѣренная всѣхъ ихъ таинъ.

«Мать моя была еще тогда молодая, красивая женщина, и когда она принимала гостей, или сама ѣхала въ гости, я не узнавала ее, — такъ мѣнялось выраженіе ея лица.

«Наконецъ пришло такое письмо съ почты, что мать не только не заплакала, а напротивъ, даже видимо радовалась: ненавистныхъ куколъ на этотъ разъ не было прислано. Мать собрала всѣхъ насъ во кругъ себя, и объявила намъ скорый переѣздъ въ Москву. Братья на радостяхъ подрались, я раздарила всѣ тряпочки и бумажки, которыя составляли мое достояніе; мы столько болтали въ этотъ день, что няня чтобъ угомонить меня, начала пугать муромскимъ лѣсомъ. — «Погодите, погодите, вы ужо поѣдете муромскимъ лѣсомъ, тамъ изъ каждаго куста по разбойнику».

«Черезъ недѣлю мы очутились въ самомъ дѣлѣ въ муромскомъ лѣсу; вспомнила я разсказы няни, страшно было мнѣ: все время сидѣла я съ разкрытыми глазами и дрожала всѣмъ тѣломъ. Едва тащилась туго набитая наша кибитка по песчаному грунту; никто не повѣритъ сколько насъ помѣщалось тутъ: мать моя съ тремя дѣтьми; нѣмецъ, гувернеръ братьевъ, который все время сидѣлъ на облучкѣ и болталъ ногами, не имѣя точки опоры; крѣпостная наша женщина съ тремя ребятишками и наконецъ ямщикъ на козлахъ. Хотя это не совсѣмъ понятно, но совершенно справедливо. Доѣхали мы наконецъ и до начлега.

Двигаясь очень тихо отъ одного ночлега до другаго, добрались мы наконецъ до послѣдней станціи подъ Москвой: тутъ нашу радость и описать трудно, мы буквально ходили на головахъ. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, въѣхали мы въ Москву и остановились у большаго каменнаго дома, въ покровской части. Тутъ началась наша выгрузка изъ кибитки: первый спрыгнулъ съ облучка Францъ Францовичъ и

Digitized by Google

началъ вытаскивать насъ по одиначкѣ и ставить на мостовую, послѣдняя вышла мать моя; черезъ минуту очутились мы въ прекрасномъ, большомъ залѣ; тутъ начались обниманіе, цѣлованіе.

«Отцу моему было въ то время подъ сорокъ лѣтъ, онъ былъ еще очень красивъ и свѣжъ. Возлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, очень высокій, тонкій, съ суровымъ вздлядомъ, смотрѣлъ онъ на все изъподлобья; кажется не радъ былъ онъ намъ. Меня подвели къ нему, онъ протянулъ мнѣ руку; мнѣ сказали, что это сынъ какой то моей тетки, мой двоюродный братъ; я поднялась на цыпочки, чтобъ поцѣловать его, онъ ко мнѣ не нагнулся; тѣмъ и кончилось первое наше знакомство.

«Домъ нашъ былъ какъ полная чаша: прислуги много, въ комнатахъ великолѣпіе, экипажи отличные, на этотъ разъ съ лошадьми; увеличилось и число нашихъ гувернеровъ, прибылъ французъ съ женою, да еще молодая нѣмочка въ pendant къ Францу Францовичу. Веселой толпой приходили мы всѣ къ обѣденному столу; я выпросила себѣ позволеніе садиться около двоюроднаго брата, безпрестанно засматривала ему въ лицо, надоѣдала ему то тѣмъ, то другимъ, желая заставить его говорить: онъ сердился и что-то ворчалъ сквозь зубы, я не отставала.

«Одинъ изъ такихъ обѣдовъ врѣзался на вѣки въ мою память. Отворилась дверь передней и вошелъ полицейскій чиновникъ; отецъ торопливо всталъ къ нему на встрѣчу, оба они поговорили тихо и оба вышли. Говоръ за столомъ прекратился, всѣ чего то ждали; мать безпрестанно оборачивалась въ ту сторону, откуда долженъ былъ выйти отецъ; даже Сережа, двоюродный мой братъ, и тотъ по временамъ подымалъ голову и смотрѣлъ на дверь. Наконецъ воротился отецъ, молча занялъ свое мѣсто за столомъ, черезъ минуту окинулъ насъ всѣхъ взглядомъ и сдѣлалъ рукой знакъ, чтобъ мы удалились. Загремѣли стульями и ушли всѣ, кромѣ меня: въ общей суматохѣ меня и забыли, я спряталась подъ столъ и помѣстилась у ногъ матери.

«Отецъ и мать говорили такъ тихо, что я ничего не могла разслышать, да еслибъ и слышала, мало бы поняла; но когда

Digitized by Google

послѣ какихъ-то словъ, сказанныхъ почти на ухо, мать моя разрыдалась, я не вытерпѣла и однимъ скачкомъ пересѣлась на ея колѣни.

— Зачѣмъ ты здѣсь, дитя мое? сказала она и прижала меня такъ крѣпко, что я сама инстинктивно начала рыдать. Перестань плакать, душа моя, посмотри я ужъ не плачу, надо молиться Богу, мы теперь будемъ очень бѣдны. И въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же день къ вечеру великолѣпія и слѣда не осталось: все было продано за безцѣнокъ, одна бѣда осталась при насъ.

«Безъ денегъ, безъ всякой надежды на будущее, переѣхали мы на маленькую квартиру, которую нечѣмъ было ни освѣтить, ни стопить. Съ этой поры каждый день нашей жизни была жалкая драма.

«Я всегда спала на постелѣ съ матерью; не спитъ она— не сплю и я. Въ два-три часа ночи входилъ отецъ. — Что? ничего, ни копейки не привезъ — мать продолжала не спать, не спала и я; иногда получали мы другой отвѣтъ, но рѣдко засыпали прежде возвращенія отца. Случалось однакожъ, что онъ радостно кидалъ золотые на нашу постель и на другой день все забывалось: не было разнощика, который бы даромъ прошелъ мимо нашихъ оконъ, вечеромъ собирались гости и мы походили на всѣхъ людей. На слѣдующій день опять мы безъ хлѣба, опять намъ холодно и опять сидимъ въ потьмахъ.

«Много хлопотъ стоило наше устройство; съ ранняго утра отправлялась мать изъ дому и брала меня съ собою. «Одна я не въ состояніи, вдвоемъ намъ будетъ легче». Мать забывала во мнѣ ребенка и это такъ двигало меня впередъ, что я всегда была старше своихъ лѣтъ. Долго шли мы разными улицами, мать шла скоро; уцѣпившись за ея платье, бѣжала я въ припрыжку. Въ передней сильныхъ міра сего есть конечно время отдохнуть, не одинъ часъ пройдетъ въ напрасномъ ожиданіи, и чтожъ послѣ? придешь домой съ той же ношей на плечахъ.

«Кажется весь городъ исходили мы пѣшкомъ, много слезъ много страданій разсѣяли по воздуху; но наконецъ послалъ

Digitized by Google

намъ Богъ помощь: ходатайствомъ нѣкоторыхъ лицъ, братья мои и я были приняты безденежно въ два лучшіе пансіона.

«Мать такъ пріучила меня жить одной съ ней жизнью, что я и не понимала жизни безъ нея, къ тому же семья наша была такъ несчастна, что привязанность моя къ дому была болѣзненная и трудно было пересилить ее.

«Мнѣ было восемь лѣтъ, когда меня отвезли въ пансіонъ и это былъ день моего перваго, персональнаго горя: я страдала прямо за себя; вотъ почему я и теперь не могу думать равнодушно о тѣхъ несчастныхъ дѣтяхъ, которыхъ часто безъ всякой нужды выталкиваютъ преждевременно изъ родительскаго гнѣзда и заключаютъ на нѣсколько лѣтъ подъ замокъ, потомъ показываютъ этимъ же родителямъ этихъ самыхъ дѣтей, какъ животныхъ въ звѣринцѣ, сквозь рѣшотку раззолоченной клѣтки.

«Возненавидѣла я огромныя комнаты моей тюрьмы; холодно, непріютно было мнѣ тутъ; даже дѣти моихъ лѣтъ не грѣли меня, или, говоря правду, дѣтей моихъ лѣтъ не было — я была старуха между ними и тутъ впервые сердце мое сжалось отъ этого сознанія. Весело, легко было у нихъ на душѣ: однѣ бѣгали, рѣзвились въ рекреаціонномъ залѣ, другія усѣвшись кружкомъ въ какомъ-нибудь углу дѣлили какой-нибудь пряникъ, я же ходила одна по залѣ и слезы противъ воли текли по щекамъ. Мнѣ нужна была моя мать и ея грустный видъ, нуженъ былъ нашъ голодъ и нашъ холодъ. Теперь, когда я не дѣлила нужду моей семьи, я не могла забыть ее ни на минуту, теперь мнѣ все представлялось сильнѣе и ужаснѣе.

«Скоро раздался звонокъ и насъ повели въ классъ, я заняла послѣднее мѣсто въ числѣ восьмидесяти воспитанницъ, очень почувствовала это и обѣщала себѣ скорымъ шагомъ обогнать многихъ и въ самомъ дѣлѣ взялась горячо за дѣло.

«Вечеромъ, когда насъ повели спать, представила я себѣ мать одну, на колѣняхъ передъ кіотомъ, и сама бросилась на колѣни передъ маленькимъ образомъ, ея благословеніемъ, и такъ разрыдалась, что привлекла цѣлую толпу вокругъ себя. Однѣ смѣялись надо мной, другія утѣшали, но я такъ разшумѣлась, что сама содержательница пансіона

Digitized by Google

пришла угомонить меня. Я сказала, что привыкла спать съ матерью, что не умѣю заснуть безъ ея креста и что я непремѣнно хочу домой, потому что мнѣ невыносимо. Она выслушала меня очень милостиво и обѣщала исполнить мое желаніе и отправить меня завтра домой. До половины ночи не спалось мнѣ, все казалось что вотъ сей часъ войдетъ отецъ и скажетъ привезъ ли денегъ или нѣтъ; не дождавшись однакожь отца, глаза мои, уставшіе отъ слезъ, закрылись и я уснула.

«Спала я не долго, но крѣпко, и проснулась уже не тѣмъ, чѣмъ была вчера: я поняла мои новыя обязанности и покорилась изъ необходимости. Въ теченіе слѣдующаго дня вела себя прилично, научилась прежде всего скрывать все, что чувствовала; вотъ отчего въ теченіе восьмилѣтняго моего пребыванія въ пансіонѣ не могла я привыкнуть къ моему заключенію, не могла не считать тюрьмой мѣста, которое сковывало мою свободу и заставляло меня казаться не тѣмъ, чѣмъ я была.

«Спасите, спасите вашихъ дѣтей, вы которые столько можете! Не налагайте преждевременныхъ оковъ, не насилуйте природы, дайте ребенку пожить простотой его сердца. онъ самъ вылетитъ изъ своего гнѣзда, когда оперится, и можетъ-быть даже угадаетъ, въ какую сторону летѣть.

«Право, и у дѣтей есть свои страданія!

«Въ первый день пансіонной моей жизни много роптала я на родителей; мнѣ казалось несправедливо и жестоко оторвать свое дитя отъ роднаго крова и бросить въ среду чужихъ, такъ мало на меня похожихъ. На другой день я ужъ думала иначе, я поняла необходимость такой мѣры, поняла многое и молчала, не съ кѣмъ было подѣлиться мнѣ.

«Послѣ обѣда во время рекреаціи многія дѣвицы явились ко мнѣ съ предложеніемъ дружбы:

— Будь моимъ другомъ.

— Какъ это? спросила я.

— Разсказывай мнѣ свои секреты и отдавай половину всякого лакомства.

— Лакомства у меня нѣтъ, а что такое секретъ я не знаю.

Digitized by Google

«И въ самомъ дѣлѣ многое сказалось мнѣ въ жизни слишкомъ рано, секретъ же не попадался еще, — въ родительскомъ домѣ нѣтъ въ немъ нужды.

«Дѣвицы со смѣхомъ отскочили отъ меня; это продолжалось не долго, скоро пріобрѣла я тотъ тактъ, безъ котораго нельзя жить съ людьми; меня полюбили, дѣлились со мной впечатлѣніями. Еще разъ поняла я разницу между собой и другими, поняла эту разницу сердцемъ и молчала, только слушала другихъ, объ себѣ же говорить не только не чувствовала надобности, но старалась все глубже и глубже уйти въ себя. И могла ли я говорить объ себѣ, когда вездѣ я была не одна, я вся переселилась въ свою семью, жила ея страхомъ, ея волненіями, жила-бъ и надеждами, еслибъ онѣ были.

«Въ субботу, день отпуска, въ 3 часа вбѣжала одна изъ дѣвицъ другаго класса и сказала во всеуслышаніе:

— За вами, Лидія, пришла какая-то старуха въ лохмотьяхъ.

«Всѣ расхохотались, кромѣ меня; многія бросились смотрѣть старуху. Я поняла, что прислали за мной Домну, кухарку, крѣпостную нашу женщину. Собравши свои тетрадки, я простилась съ кѣмъ слѣдовало, и не пошла, но побѣжала домой. Старуха моя едва дышала, догоняя меня. Хоть мнѣ и казалось дорогой, что я теперь самая счастливая въ мірѣ, однако увидавши мать, я бросилась къ ней на шею съ горькими слезами, передала ей все, что чувствовала и что думала въ теченіе недѣли. Мать то улыбалась, то хмурила брови.

«Братья были счастливѣе меня; они каждый вечеръ возвращались домой, это не мѣшало имъ радоваться свиданію со мной и не легко было уложить насъ спать въ этотъ день, мы готовы были болтать всю ночь.

«Но вотъ прошла суббота, прошло и воскресенье; въ понедѣльникъ утромъ опять та же старуха повела меня въ пансіонъ. Я шла тихо, уныло и считала себя самою несчастною въ мірѣ: я завидовала каждому мужику, онъ свободенъ, онъ идетъ куда хочетъ, а я въ продолженіе цѣлой недѣли

Digitized by Google

должна дѣлать то, чего хотятъ другіе. Тяжело, страшно тяжело было мнѣ въ пансіонѣ, хотя онъ былъ изъ первыхъ въ Москвѣ; для меня это была тюрьма, безъ воздуха и жизни, и я не виновата если она меня давила.

«Перестали наконецъ смѣяться надъ моей старухой въ лохмотьяхъ, помирилась и я съ своей участью; такъ прошелъ годъ, мнѣ минуло девять лѣтъ.

«Разъ, возвратившись изъ пансіона, нашла я свою мать очень больною, она лежала въ постелѣ въ сильномъ жару; тогда послала я въ пансіонъ записку съ просьбой объ отпускѣ на все время болѣзни матери, у которой открылась нервная горячка. Изъ прислуги была у насъ только старуха Домна, которая готовила кушать въ тѣ дни, когда было что ѣсть, и жила въ кухнѣ въ отдѣльномъ флигелѣ. Сыновья, ея, два рыжихъ мальчика — Дмитрій и Матвѣй, были въ бѣгахъ: одинъ занимался воровствомъ и возвращался домой только тогда, когда ему нужно было сдать свою добычу въ руки матери; другой хоть и босикомъ, но бѣгалъ цѣлый день по улицамъ собирая милостыню и игралъ въ бабки, за то ночи всегда проводилъ дома. Братья мои были въ пансіонѣ, я оставалась одна, буквально одна при такой опасно-больной, спала съ ней вмѣстѣ, за недостаткомъ тепла въ комнатѣ обертывала ея бѣлье вкругъ себя, чтобъ согрѣть его передъ тѣмъ, какъ надѣть на нее.

«Всю ночь бредила она, иногда душила меня своими руками, иногда заставляла смотрѣть въ темный уголъ, указывая на то, что ей тамъ чудилось: но такова сила любви, я забывала бояться.

«Одинъ старикъ докторъ посѣщалъ насъ и вмѣсто того, чтобъ брать съ насъ деньги, всегда, вмѣстѣ съ рецептомъ, оставлялъ ассигнацію; онъ понималъ, что мы изъ тѣхъ бѣдныхъ, которые не протягиваютъ руки за милостынею. Разъ, когда припадокъ лихорадки былъ такъ силенъ, что больную подбрасывало на постелѣ, я не знала какъ согрѣть ее и разсудила положить ей бутылки съ кипяткомъ въ ноги: сбѣгала черезъ дворъ въ кухню и въ одну минуту привела въ исполненіе задуманное, бутылки эти тотчасъ же лопнули и обварили мать мою кипяткомъ; больная выскочила изъ по-

Digitized by Google

стели и въ одной рубашкѣ начала бѣгать по комнатамъ. Отчаяніе мое было не описано, я то бѣгала за ней, стараясь ее поймать, то бросаясь на колѣни передъ образомъ, прося Бога о помощи и, видя безчувственное состояніе матери, ломала свои маленькія рученки. Но какъ всему есть конецъ, то больная моя подошла сама къ постели и, почти падая отъ изнеможенія, легла съ моей помощью; уложивши мать и понимая очень хорошо, что подобная продѣлка не можетъ не имѣть послѣдствій, надѣла свой коротенькій салопъ и полинялую шляпку и отправилась за докторомъ, сама не зная куда идти за нимъ. Богъ и тутъ выручилъ меня; я съ лѣстницы, докторъ на встрѣчу: куда вы? Тутъ я съ отчаяніемъ открыла ему свое преступленіе; молча выслушалъ онъ меня и сѣлъ возлѣ больной, которая спала и такъ тяжело дышала, что докторъ, глядя на нее, качалъ головою, и не смотря на то, что я терзалась около него, упорно молчалъ.

«Молитесь Богу, вы дитя еще, Богъ проститъ вамъ проговорилъ онъ наконецъ: — теперь совершается кризисъ, можетъ кончится худо, можетъ быть и хорошо. Предъупредите вашего отца, что больной очень тяжело.

— Съ этимъ докторъ ушелъ и я осталась одна у постели умирающей. Умирала мать и еще отъ моей руки! Предоставляю каждому вообразить себѣ мой ужасъ, мое отчаяніе, я даже плакать не могла. Не сводя съ нея глазъ, на колѣняхъ стояла я у постели, и тутъ-то научилась я молиться, тутъ поняла я ту высокую молитву, которая дается тѣмъ, кто умѣетъ любить, безпредѣльно любить; много струнъ порвалась у меня въ эту минуту и съ тѣхъ поръ началось неровное біеніе моего сердца. Къ вечеру положеніе мое стало сноснѣе: семья была въ сборѣ, я не одна была у постели; пріѣхалъ докторъ, взялъ больную за руку, она проснулась. Онъ поздравилъ насъ: мать была спасена.

«Бѣда миновала, но я не воскресла — убито было во мнѣ дитя: никакая забава, никакая розовая шляпка не заставила бы меня забыть то, что я перечувствовала въ теченіе дня.

«Годъ спустя послѣ этого происшествія я, отравила мою мать, дала ей въ торопяхъ восемьдесять капель опіума вмѣсто лекарства отъ спазмовъ: Богъ и тутъ спасъ... но чего

Digitized by Google

мнѣ это стоило? Тутъ узнала я, что отъ горя не всегда умираютъ, пережила я и эти минуты, только еще серьезнѣе стала смотрѣть на жизнь: во мнѣ поселился какой-то страхъ, ожиданіе какой-то бѣды, и это болѣзненное настроеніе почти не оставляло меня.

«Очень часто, возвращаясь изъ пансіона, находила я свою семью на новой квартирѣ.

«Какъ хозяева дома замѣчали, что мы не всегда обѣдаемъ, что мы денегъ не платимъ, да и не можемъ платить, насъ заставляли очистить квартиру и за долги удерживали часть скуднаго имущества. Иногда послѣ тѣсной съ низенькими потолками квартиры, переѣзжали мы въ великолѣпную, богато меблированную, на томъ основаніи, что все ровно не платить что тутъ, что тамъ.

«Въ шестнадцать лѣтъ взяли меня совсѣмъ домой; на женскій ладъ я кой чему выучилась, многому учила меня жизнь; во мнѣ развилась ужь дѣвушка: воздухъ, цвѣтокъ, какое нибудь облачко на небѣ сказывалось мнѣ поэзіей; душа жаждала чего то лучшаго. Любовь въ природѣ была для меня источникомъ большаго наслажденія, я вела съ ней тайную бесѣду и она всегда умѣла утѣшать меня, но съ приближеніемъ зимы и она измѣняла мнѣ, снѣжная ея пелена падала чѣмъ-то на сердце и мнѣ становилось опять и холодно и страшно.

«Въ это время средства наши къ жизни совсѣмъ прекратились, отецъ мой ужъ давно не игралъ въ карты, онъ много работалъ головой, но въ то время мало цѣнили подобный трудъ; мать и я мы таже работали, но всего этого было слишкомъ мало. — Бывали дни, когда Сережа, который продолжалъ жить съ нами, зазывалъ меня на верхъ въ свою комнату и покупалъ на мѣдный пятакъ тарелку крыжовнику; боясь оскорбить его отказомъ и желая сохранить дружбу, которою я давно ужъ пользовалась, я на тощій желудокъ глотала эти ягоды. Такъ какъ подобное угощеніе предлагалось мнѣ рано утромъ, то нерѣдко, сойдя внизъ, находила я самоваръ на столѣ: паръ его подымался до потолка нашихъ низенькихъ комнатъ, но чаю не было и самоваръ уно-

Digitized by Google

сили въ кухню; подавали же его на столъ каждый день утромъ и вечеромъ въ извѣстный часъ.

«Бывали дни, въ которые собирались мы всѣ за кускомъ чернаго хлѣба и этимъ обѣдали, скрывая одинъ отъ другаго, что думалось въ подобныя минуты. Нерѣдко въ такой день приходило къ вечеру приглашеніе на какой-нибудь балъ, на меня надѣвали платье сшитое на послѣднюю трудовую копѣйку и везли меня на балъ. Можно себѣ представить какъ дико смотрѣла я на чужую веселость, какъ мало понимала я, что дѣлалось вокругъ меня. За чужимъ ужиномъ забывали мы однакожъ объ своемъ обѣдѣ, и только на другой день боль въ желудкѣ напоминала безпорядокъ вчерашняго дня.

«Скоро захворала мать своей послѣдней болѣзнію, у ней открылась водяная и чахотка вмѣстѣ, — она слегла. На мнѣ одной лежала тогда забота объ семьѣ, я работала день и ночь, дѣлала между прочимъ цѣпочки изъ бисера, которыя брали у меня знакомые; больше другихъ помогалъ мнѣ молодой докторъ, который лечилъ мать: онъ не только не требовалъ денегъ за свои визиты, но еще покупалъ мои цѣпочки до тѣхъ поръ, пока ему это было возможно. Тогда я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать: — отецъ слегъ тоже отъ горя, одинъ изъ братьевъ захворалъ горячкой; мущины лежали на верху, я одна была съ матерью внизу и перебѣгала безпрестанно отъ одного больнаго къ другому; мои мысли до того путались, что мнѣ иногда казалось, что я схожу съ ума.

«Наконецъ пришлось признаться доктору, что не на что покупать лекарства; онъ сказалъ, что больше ничего не остается, какъ отвезти мать въ больницу, — что безъ помощи медицинской она и трехъ дней не проживетъ. Я послала къ знакомымъ просить кареты; карета пріѣхала; сестра моей матери была тогда у насъ...

«Что было дальше не знаю, сильнѣе этого я никогда не чувствовала: помню только что я надѣла салопъ и шляпу, чтобъ ѣхать съ матерью, но какъ ее увезли и какъ я очутилась на полу, безъ всякаго чувства, — не знаю... Когда я пришла въ себя и могла встать, нашла я всѣ двери настежь и

Digitized by Google

кровать матери пустою; тишина была мертвая, казалось, что ангелъ смерти еще леталъ по комнатамъ, мнѣ сдѣлалось страшно и невыразимо грустно, я начала не только рыдать, но просто кричала; ни кто не отзывался на мой крикъ...

«Теперь довольно, хоть далеко не все. Передаю вамъ кой-что, однѣ верхушки того, что дѣйствовало на мое развитіе. Какъ видите — жизнь не прятали отъ меня; это была всегда раскрытая для меня книга, никто мнѣ не говорилъ — читай это, не читай того.

«Въ первый разъ встрѣтила я васъ въ обществѣ, — мѣсто, гдѣ всѣ мы теряемъ общее намъ значеніе людей, гдѣ человѣкъ подъ буквой М знаетъ, что онъ стоитъ передъ буквой Р, иначе онъ и говорить съ нимъ не будетъ: насъ же забыли представить другъ другу и мы сошлись просто, по человѣчески, также просто посылаю я вамъ и рукопись свою.»

Дитя природы и горя, думалъ Краховскій, дочитавъ все до послѣдняго слова: — много правды въ твоемъ голосѣ; не обманешъ ты сердце, которое выберешъ; но кто изъ насъ съумѣетъ безъ обмана отвѣтить на твой вызовъ? кто сказавши, что любитъ, поручится что не разлюбитъ? Мущины и женщины такъ различны въ основаніи, такъ неодинаково смотрятъ на семейную жизнь и на обязанности свѣта, что трудно имъ гармонировать вмѣстѣ. Да и самый бракъ не равняетъ ихъ: мущину отодвигаетъ онъ назадъ или заставляетъ стоять на мѣстѣ, — однимъ словомъ, это могила мужескаго развитія; тогда какъ женщина тутъ только достигаетъ полнаго своего выраженія и каждый день, развиваясь, идетъ впередъ — ясно что мужъ и жена не могутъ идти рядомъ.

Все это думалъ Краховскій, дочитавши рукопись Лидіи, и съ этими мыслями воротился онъ въ Петербургъ; каждый вечеръ говорилъ онъ себѣ, что завтра поѣдетъ къ Забѣльскимъ; приходило завтра и намѣреніе откладывалось до другаго дня. Но любовь не стоитъ на мѣстѣ, хотя онъ любилъ не пылко, не бѣшено; даже еслибъ его спросили какого цвѣта глаза у той, которую онъ любитъ, онъ сказалъ бы можетъ быть сѣрые, тогда какъ они голубые. Онъ любилъ тихо, безъ порывовъ, съ анализомъ; онъ могъ себѣ сказать — за что онъ

Digitized by Google

любитъ и почему? Любовь съ отчетомъ не любовь, скажите вы — Краховскій съ вами не согласится.

Такъ проходили дни, прошелъ и мѣсяцъ: Краховскій не переставалъ думать объ Лидіи, сердце его рвалось къ ней, но разсудокъ удерживалъ, онъ не довѣрялъ себѣ, онъ понималъ, что теперь довольно одного слова, чтобъ связать себя на вѣкъ. Слухъ объ его возвращеніи носился по городу, всѣ знали, что ужъ мѣсяцъ прошелъ, какъ онъ въ Петербургѣ, но никто не могъ сказать, чтобъ онъ былъ у кого изъ нихъ, а каждый, говоря о немъ, прибавлялъ: — я встрѣтилъ его на англійской набережной, или на Невскомъ или въ книжномъ магазинѣ. Нашлись услужливые люди, которые сказали о его возвращеніи Лидіи.

Горько ей было встрѣтить противорѣчіе въ поведеніи человѣка, котораго полюбила она такъ просто, непринужденно, однимъ сердцемъ, безъ помощи воображенія; — человѣка, къ которому чувствовала глубокую симпатію и котораго не съумѣла-бы замѣнить другимъ. Неужели это была только игра въ любовь, думала она, неужели я не такъ прочла въ душѣ его? Неужели довольно одного намека на чувство, на любовь, чтобъ завладѣть женскимъ сердцемъ? Гдѣ-же наша гордость?

Но — ни гордость, ни разсудокъ, ничто не могло ее успокоить, тысяча разныхъ предположеній волновали ее и она не знала, какъ дожить до дня, въ который все объяснится. Тетка вела себя прилично, она тоже знала о возвращеніи Краховскаго, но молчала; даже когда при ней заходила рѣчь объ немъ, она дѣлала видъ, что ничего не слышитъ, и только украдкой поглядывала на племянницу, чтобъ увѣриться въ томъ, какъ все это на нее дѣйствуетъ. Но такова глубина души человѣческой, что безъ воли его не выльется оттуда ни одна капля горечи, ни одна черта въ лицѣ не откроетъ душевнаго страданія; иначе вы привлечете толпу, она потребуетъ отъ васъ эфектовъ, безъ которыхъ она не признаетъ вашего горя, не приметъ въ васъ участія. Смиреніе Анны Егоровны было только наружное, въ душѣ она проклинала Краховскаго, и едва Лидія уходила изъ комнаты,

Digitized by Google

какъ не жалѣла старуха — ни словъ, ни выраженій, ни красокъ для нашего героя.

Сказавши себѣ въ тридцать первый разъ, что пора показаться людямъ, Краховскій вышелъ утромъ погулять и, вернувшись домой, нашелъ у себя на столѣ три запечатанныхъ конверта. Въ одномъ было приглашеніе на свадьбу Лизы Горской съ гусаромъ Бѣльцынымъ; въ другомъ похоронный билетъ, въ которомъ княгиня Льгова извѣщала съ душевнымъ прискорбіемъ о скоропостижной кончинѣ своего мужа, послѣдовавшей сего апрѣля девятаго числа; третья была записка отъ Мельхова.

Смерть князя такъ поразила Краховскаго, что онъ забылъ все остальное. Вотъ жизнь наша, думалъ онъ: — не спишь, все думаешь объ ней, какъ-бы по-больше мудрости вложить въ нее, какъ-бы по-умнѣе устроить и себя и обстоятельства; не замѣчаешь даже въ этихъ хлопотахъ счастья, которое представляется можетъ-быть и не разъ въ жизни, но которымъ мы не умѣемъ пользоваться, потому-что гонимся за тѣмъ, что далеко, и не замѣчаемъ того, что близко, что въ нашемъ кругу.

Онъ закурилъ сигару и началъ ходить по комнатѣ, продолжая размышлять: да, не подобаетъ человѣку быть одному, сказалъ онъ себѣ, тяжело становится это произвольное заключеніе, не даромъ же говорится, что на людяхъ и смерть красна.

Въ шесть часовъ вечера отправился онъ на панихиду: князь покоился съ большой помпой,— не только люди въ домѣ, но даже комнаты были въ траурѣ. Княгиня такъ умѣла драпироваться своимъ новымъ положеніемъ, что любители сильныхъ ощущеній рѣшили, что она не перенесетъ этого удара, такъ велика была ея скорбь.

Дѣти ея, которыхъ никто не видалъ въ дни радости и блеска, были теперь тутъ, они стояли смирно, смутно понимая, что происходитъ что-то ужасное, и готовы были плакать, не зная хорошенько, отчего. Но скоро положеніе ихъ перемѣнилось, имъ дали въ руки по зажженной свѣчкѣ: это показалось имъ такъ занимательно и такъ ново, что

Digitized by Google

расположеніе духа перемѣнилось и съ тѣмъ вмѣстѣ произошелъ поворотъ къ шалостямъ. Жоржъ живо задулъ свою и меньшой сестры свѣчу, чтобъ имѣть удовольствіе, вновь ее зажечь и опять погасить, этимъ надѣялся онъ сократить время и расчитывалъ на помощь Ольги, у которой свѣча еще горѣла: но вотъ и у нее погасъ огонь; дѣти не на шутку испугались, они надѣялись своими средствами поддержать игру въ огонь, а теперь пришлось дамѣ, которая стояла сзади ихъ, зажечь имъ свѣчи, что она и сдѣлала, обѣщая ихъ всѣхъ размѣстить по угламъ, если они не будутъ стоять смирно. Дѣти присмирѣли.

Панихида была ужъ въ половинѣ, когда вошли Забѣльскіе, имъ тоже подали свѣчи; Лидія искала гдѣ зажечь свою, когда Краховскій протянулъ ей руку съ горѣвшей ужъ свѣчей. Она такъ вздрогнула отъ нечаянной встрѣчи съ нимъ, что свѣча, которую она собиралась зажечь, выпала у ней изъ рукъ и съ шумомъ покатилась по паркету. Это ее очень сконфузило, тѣмъ болѣе, что всѣ головы повернулись въ ея сторону, даже княгиня отвела платокъ отъ глазъ и пристально посмотрѣла на молодыхъ людей, которые стояли какъ преступники съ опущенными головами.

Какое глупое мое положеніе, думалъ Краховскій, точно школьникъ, котораго поймали въ чужомъ саду, въ кустахъ малины или крыжовника.

Что со мной, говорила себѣ Лидія, я вся дрожу, чуть не падаю.

Когда кончилась панихида, двѣ пожилыя дамы подхватили княгиню подъ руки, и повели въ гостинную, гдѣ, усадивши ее на диванъ, сами сѣли по сторонамъ и, наперерывъ заботясь объ ней, подносили ей — то спиртъ къ носу, то засматривали ей въ глаза, чтобъ прочесть въ нихъ ея волю.

По немногу ушли всѣ изъ залы: одни совсѣмъ уѣхали, другіе усѣлись во кругъ стѣнъ въ гостинной, и въ молчаніи смотрѣли на княгиню, которая какъ казалось не замѣчала того, что вокругъ нее дѣлалось.

— Вотъ какъ суждено было намъ встрѣтиться съ вами, сказала Лидія Краховскому, который провожалъ ихъ до кареты.

Digitized by Google

— Да, я очень виноватъ передъ вами, отвѣтилъ онъ, обращаясь болѣе къ теткѣ, нежели къ племянницѣ.

— Да, батюшка, странно вы поступаете, забыли нашу хлѣбъ-соль, говорила Анна Егоровна:—ныньче молодежь не то, что въ старину.... А какъ жаль князя! торопилась она перемѣнить разговоръ — въ нѣсколько часовъ отъ холеры... страшная болѣзнь, не даромъ я такъ ее боюсь.

— Къ намъ милости просимъ, не удержалась она прибавить, когда дверца захлопнулась, и Краховскій нѣсколько отошелъ.

— Завтра, если позволите, кричалъ онъ имъ вслѣдъ.

На другой день схоронили князя. Долго шла княгиня за гробомъ, опираясь на руку Краховскаго, котораго просила она не оставлять ее въ эти трудныя минуты; въ каретѣ на возвратномъ пути, пригласила она его сѣсть рядомъ съ собой; прощаясь, она такъ протянула ему руку, что онъ не могъ не поцѣловать ее.

— Я всегда считала васъ лучшимъ другомъ нашего дома, надѣюсь вы не забудете меня и теперь въ горѣ. Пришлось еще разъ поцѣловать ея ручку, что Краховскій и сдѣлалъ.

Вечеромъ того же дня, отправился онъ на васильевскій островъ. Лидія встрѣтила его такъ просто, такъ искренно была ему раду, такъ скоро простила ему то, чѣмъ такъ сильно огорчалась нѣсколько дней тому назадъ; говоря правду и всѣ были ему рады, у старухи даже щеки разгорѣлись отъ удовольствія.

— Вотъ вѣдь ты какой негодный, говорила она, а мы все-таки тебя любимъ; признавайся, Сергѣй Львовичъ, отчего ты столько времени глазъ не показывалъ?

— Да, руку на сердце, признайтесь-ка, Краховскій, прибавила Лидія:—отчего вы не хотѣли раньше вспомнить насъ?

— А, почтеннѣйшій, гдѣ вы это пропадали? говорилъ Ѳедоръ Андреевичъ, приподнимаясь съ дивана, и протягивая ему руку.

Все это высказали Забѣльскіе такъ весело, такъ дружески, что и его расположили къ откровенности.

— Виноватъ, очень виноватъ передъ вами, только не въ

Digitized by Google

томъ, что будто бы забылъ васъ, а въ томъ, что давно воротился изъ Москвы, и до-сихъ-поръ не показался вамъ.

— Не забылъ, а не былъ. Извини, батюшка, я этого ужъ по старости не понимаю.

— Поди-ка, Лидочка, вели приготовить чайный столъ въ гостинной, и напой насъ чаемъ.

Краховскому казалось, что онъ самъ принадлежитъ къ этой семьѣ, такъ всѣ жили за одно въ этотъ вечеръ. Не разъ упрекалъ онъ себя тайкомъ, что отодвигалъ отъ себя счастье, и умничалъ тамъ, гдѣ надобно пить наслажденіе изъ полной чаши, давно приготовленной для него руками Лидіи.

Развѣ эта дѣвушка похожа на другихъ, что я казню ее тѣмъ недовѣріемъ, съ которымъ смотрю на всякую другую; развѣ другая дѣйствовала бы такъ просто, такъ открыто?

И въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ только поръ пряталась въ ней любовь, пока она сама не знала, что любитъ; съ той минуты какъ она призналась себѣ въ этомъ, она стала высоко въ своихъ глазахъ, и могла это громко сказать цѣлому міру; теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь боялась она людей и приговора свѣта. Она любитъ, она счастлива! Въ этомъ чувствѣ столько силы, что все остальное блѣднѣетъ передъ нимъ. Удивительно ли послѣ этого, что Лидія такъ свободно выражала Краховскому удовольствіе видѣть его.

Послѣ чаю, молодые люди ушли въ залу походить, старики остались въ гостинной на диванѣ.

— Какъ провели вы время въ Москвѣ? спросила Лидія своего кавалера.

— Въ борьбѣ съ собою, отвѣчалъ онъ.

— Я этого не понимаю, не понимаю, чтобъ можно было употребить на это такъ много времени, сказала Лидія съ жаромъ.—Мнѣ кажется довольно одного такого дня для того, чтобъ рѣшить кто выше, или сильнѣе — человѣкъ или обстоятельства?

— Да, это возможно, когда сердце за-одно съ разсудкомъ.

— Неужели они у васъ въ разладѣ?

— Человѣкъ, который любитъ, не можетъ быть въ ладу

Digitized by Google

съ разсудкомъ, потому что онъ часто самъ не знаетъ, чего хочетъ.

— Неужели можно любить, и не знать чего хочешь? Я знаю, чего я хочу: я хочу идти рядомъ съ человѣкомъ, котораго люблю; хочу возвыситься, дорости до него, чтобъ онъ могъ иногда опереться на меня такъ, какъ и мнѣ нужна будетъ его опора. Хочу создать ему счастье, — счастье каждый день новое, которое такъ легко будетъ разнообразить, когда въ душѣ много поэзіи, и когда цѣлъ тотъ идеалъ, который бережешь и хранишь отъ людей, на днѣ сердца, какъ великую драгоцѣнность.

— И какое счастье должно быть для мущины, перебилъ ее Краховскій, вывесть такую думу на просторъ и осуществить съ ней вмѣстѣ тотъ идеалъ жизни, который у обоихъ лежалъ на сердцѣ камнемъ и мѣшалъ имъ создавать себѣ мелкія радости, съ которыми тѣмъ труднѣе было мириться, что сердце понимало другое наслажденіе, другую радость: взаимную любовь, согласіе душъ и сердецъ и вѣчную связь между ними.

Они сѣли. Лидія была сильно взволнована, въ Краховскомъ все кипѣло, онъ продолжалъ:

— Въ первый день нашего знакомства и до-сихъ-поръ вы поражали меня правдой, пускай же и теперь правда будетъ между нами. Я люблю васъ такъ, какъ не любилъ еще ни одну изъ женщинъ, я не только люблю васъ, но уповаю, вѣрую въ васъ, готовъ вамъ отдатъ все, даже свою свободу.

— Не говорите этого, — перебила его Лидія — свободы своей нельзя отдать никому, я не возьму ее отъ васъ и не отдамъ вамъ своей, такъ какъ не отдамъ своихъ убѣжденій, ни своей вѣры: это мой костыль, на него опираясь шла я до-сихъ-поръ и не выпущу его даже въ минуты счастья.

— Развѣ бракъ не есть лишеніе свободы? спросилъ ее Краховскій отрывисто.

— Бракъ по моему есть позволеніе дѣвушкѣ дѣлить вашу жизнь открыто; она любя и безъ вѣнца пошла бы за вами, но мущины не поставили себя такъ высоко, чтобъ не стыдиться положенія, которое они создаютъ и себѣ и женщинѣ.

Digitized by Google

Женщина, если рѣшается на подобную жизнь, меньше краснѣетъ и можетъ быть больше наслаждается, у ней нѣтъ мысли о перемѣнѣ, она считаетъ вѣчнымъ то, что мущина выбираетъ на время. Вотъ отчего бракъ такъ страшенъ мущинѣ.

— Вы поняли меня, Лидія Николаевна, вы отвѣтили на всѣ мои сомнѣнія; рѣшитесь же теперь довѣрить мнѣ самую жизнь вашу.

— Возьмите ее, сказала Лидія, со слезами на глазахъ и употребите ее на пользу себѣ и ближнимъ; только не забывайте во мнѣ женщину, принимая это слово въ широкомъ его значеніи. Я такъ люблю свое назначеніе, женскія обязанности такъ хороши, что я никогда бы не утѣшилась еслибъ мнѣ пришлось сложить съ себя свое достоинство и быть въ глазахъ мужа только женой, какъ это бываетъ въ русскихъ бракахъ, когда женщина переходитъ въ руки мужа, какъ его собственность, когда она становится вещью. Такое замужество считаю я крѣпостнымъ состояніемъ: русская женщина безъ боязни его принимаетъ и считаетъ его своей нормой, невозмущаясь становится она рабой, а мужъ ея повѣлителемъ. Но такова ли должна быть участь развитыхъ людей? — конечно нѣтъ! И вотъ моя рука — она горяча, горячо и мое сердце.

Краховскій взялъ обѣ ея руки и поцѣловалъ ихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Оба они плакали, только не отъ горя.

— Мнѣ бы хотѣлось нѣкоторое время поберечь нашу тайну отъ людей — сказала Лидія съ чувствомъ.

— Лидія, вы слишкомъ совершенны — это пугаетъ меня; укажите мнѣ на вашу слабую сторону.

— Я ее и не скрываю: чрезмѣрность во всемъ, даже и въ любви.

— Тѣмъ для меня лучше.

Съ этими словами вошли они въ гостинную, лица ихъ приняли выраженіе той шутки, которую придумали они, чтобъ скрыть отъ свидѣтелей тайну, которая была теперь между ними.

Digitized by Google

Краховскій подсѣлъ къ Аннѣ Егоровнѣ, пристально смотрѣлъ въ ея карты и такъ усердно хлопоталъ о пиковомъ тузѣ, доказывая что безъ него пасьянсъ не выйдетъ, что Анна Егоровна готова была ему душу отдать.

— Знать не бывать тому, что я задумала.

— А что вы задумали, Анна Егоровна?

— Много будешь знать, скоро состарѣешься; а вотъ достань-ка лучше пиковаго туза.

Въ эту минуту Ѳедоръ Андреевичъ такъ громко всхрапнулъ, что невольно всѣ на него оглянулись; Краховскій посмотрѣлъ на часы.

— Двѣнадцать, сказалъ онъ. Какъ я засидѣлся! Надѣюсь, что добрая Анна Егоровна проститъ мнѣ за это — старые грѣхи.

— Богъ съ тобой, батюшка, будь впередъ умнѣе.

— Аминь, проговорилъ Краховскій и вышелъ, почтительно раскланиваясь.

Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ, думалъ Краховскій, возвращаясь домой. И какъ не увѣровать, когда принимаешъ истину изъ устъ самого ангела, когда этотъ ангелъ самъ знакомитъ васъ со всѣми чарами жизни; и какъ сама жизнь хороша и легка, когда вѣрится!

Но когда же бываетъ нехорошо тому, кто любитъ и кто любимъ? И какъ въ подобныя минуты человѣкъ добръ, какъ снисходителенъ и какъ довѣрчивъ.

Надобно навѣстить бѣдную княгиню, говоритъ себѣ Краховскій, она совершенно убита своей потерей.

За недѣлю до сегодняшняго вечера, онъ бы сказалъ иначе; вотъ истинная кокетка, рѣшилъ бы онъ, даже у гроба мужа не забываетъ своихъ маневровъ.

Съ серьезнымъ лицомъ вошелъ на другой день Краховскій къ княгинѣ, которая принимала посѣтителей въ кабинетѣ мужа. Здѣсь она обманывала себя; ей все казалось, что, вотъ, онъ сейчасъ войдетъ; это повторяла она каждому, кто къ ней пріѣзжалъ.

Съ искреннимъ участіемъ подошелъ къ ней Краховскій, взялъ ея руку и, не выпуская ее изъ своей, пристально смотрѣлъ ей въ глаза; съ большой заботливостью распра-

Digitized by Google

шивалъ онъ ее объ здоровьи, о томъ, какъ провела она ночь и не поѣдетъ-ли сегодня прокатиться, чтобъ подкрѣпить себя воздухомъ.

— За чѣмъ такъ хлопотать объ себѣ, сказала Ольга, приваливаясь къ стѣнкѣ кресла: — я довольно жила; къ тому-же, что за жизнь безъ мужа. И она глубоко вздохнула.

— Вы еще такъ молоды, такъ хороши, что вамъ грѣхъ ссориться съ жизнью. Хоть вашъ мужъ былъ прекрасный человѣкъ, но онъ былъ старъ для васъ; онъ не могъ васъ понимать своей отжившей душою.

— Да; но онъ любилъ меня.

— Развѣ любить васъ такъ трудно, что вы ставите ему это въ заслугу; позвольте только, такъ у ногъ вашихъ явится много искателей счастья, а вамъ останется только выбрать одного изъ всѣхъ.

Глаза Ольги загорѣлись, траурное выраженіе лица пропало, надежда зашевелилась въ душѣ: любовь Краховскаго ей-бы очень польстила, а теперь истолковала она все въ свою пользу. Такъ ошибаемся мы часто, когда сходимся въ свѣтѣ: нота ужъ давно взята, а струна дрожитъ еще, но не отъ нашего прикосновенія, а отъ другой, неизвѣстной намъ руки.

— Да, мнѣ очень тяжело; я чувствую, что я теперь одна. Но вы не поймете меня, Краховскій, вы никогда не чувствовали необходимости, чтобъ кто-нибудь подумалъ объ васъ, кто-нибудь одинъ....

Краховскій былъ такъ настроенъ на любовь, что онъ любилъ даже и Ольгу въ эту минуту, любилъ ее за то, что и она женщина, а въ лицѣ Лидіи полюбилъ онъ всѣхъ.

— Жалкій бы я былъ мущина, еслибъ не съумѣлъ довольствоваться собой; да и кто взялъ бы на себя трудъ думать за меня и обо мнѣ. Вы же, княгиня, несправедливы къ своей долѣ, кругомъ все васъ обожаетъ: оставя въ сторонѣ преклоненіе мужскихъ головъ передъ вами, вы пользуетесь дружбой многихъ достойныхъ женщинъ, и сколько я могъ судить по наружности, Забѣльскіе принимаютъ въ васъ живое участіе.

Digitized by Google

— Забѣльскіе! живо перебила его Ольга, и на лицѣ ея выступила краска: — я не хотѣла-бы съ ними и встрѣчаться, не только искать въ нихъ утѣшеніе, продолжала она. — Въ послѣдніе два мѣсяца эти люди вполнѣ выразились: старуха нестерпимо-глупа и груба и такъ хлопочетъ выдать за-мужъ свою племянницу, что готова и на другихъ навалить эту заботу. Надобно было ее видѣть, когда вы уѣхали въ Москву; какъ бѣшено, какъ неистово жаловалась она всѣмъ и каждому на вашъ, по ея понятіямъ, неблагородный поступокъ: вскружилъ голову дѣвушкѣ, обнадежилъ ее и уѣхалъ, негодяй этакой, вѣтряный мальчишка. А Лидія Николаевна — это пустая резонерка, вѣчно на ходуляхъ; изъ книгъ набралась она той мудрости, которою щеголяетъ, мужчины же такъ легковѣрны. Женщина женщину видитъ издалека, и тамъ, гдѣ мужчина предполагаетъ глубину чувства, она видитъ одну сухость сердца, одно желаніе выйти изъ своего положенія и занять какое-нибудь выгодное мѣсто въ свѣтѣ. Это и доказала Лидія Николаевна въ вашемъ отсутствіи; стрѣлы ея были направлены на Мельхова, но онъ скоро понялъ, что обратилъ на себя вниманіе faute de mieux, и совершенно вылечился отъ своей страсти.

— Простите меня, княгиня, за дерзость выраженія; но вы жестоко клевещете, сказалъ Краховскій, вскочивъ со стула. — Не беру на себя роль защитника Лидіи Николаевны, она не имѣетъ въ этомъ нужды: она стоитъ такъ высоко, что никакое жало....

Сильный шумъ, хохотъ и топотъ бѣгущихъ дѣтей помѣшалъ Краховскому докончить. Жоржъ первый вбѣжалъ въ комнату съ пылающими щеками, съ визгомъ и смѣхомъ вскочилъ на диванъ и спрятался у матери за спиною; съ такимъ же крикомъ бѣжала за нимъ маленькая Вѣра и бросилась подъ первый попавшійся стулъ, закрывши лицо руками; за ними показалась Ольга, въ роли волка. У-у-у, силилась прокричать малютка, желая придать своему голосу страшное выраженіе, но вмѣсто того что-то пресмѣшное выходило изъ ея личика, которое выставляла она впередъ, въ видѣ мордочки. Но, Боже, какая злоба выразилась на

Digitized by Google

лицѣ матери, какъ жестоко вытолкнула она маленькаго Жоржа изъ его засады!

— Негодный мальчишка, проговорила она. — Какое наказаніе эти дѣти! и кто позволилъ вамъ прійти на верхъ.

Въ одну минуту исчезъ дѣтскій смѣхъ; повѣся головки, стояли они теперь, ожидая своего приговора.

— Аннушка, Аннушка! продолжала кричать княгиня.

Показалась и Аннушка въ дверяхъ. Ее приставили къ дѣтямъ со вчерашняго дня; гувернантка отказалась въ самый день смерти Александра Павловича; она поняла, что ее теперь могло ожидать и дня не хотѣла провесть въ прямой зависимости отъ княгини.

— Какъ ты худо за ними смотришь, Анна.

— Да они меня, сударыня, не слушаютъ; говорятъ: ты не гувернантка; внизу шалятъ еще больше, прыгаютъ по столамъ, по стульямъ; такія проказы придумываютъ, что иной разъ глядя на нихъ, не вытерпишь да и расхохочешся.

— Только бы я этого ничего не видала. Уведи ихъ внизъ и привяжи къ стульямъ, если они не будутъ слушаться.

Какъ гадка было теперь княгиня въ глазахъ Краховскаго, онъ готовъ былъ смѣшать ее съ грязью, готовъ былъ раздавить ее, какъ какого-нибудь гада, котораго безъ отвращенія нельзя почувствовать и подъ ногой. Ольга, проигравши сраженіе противъ Краховскаго, была вѣрна себѣ въ сценѣ, которой онъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ; она очень хорошо поняла, что своей собственной рукой сорвала съ себя маску и сама легла на мѣстѣ, которое готовила для своей жертвы.

Все кончено, думала Ольга, не воротить мнѣ его. Теперь, когда ясно представилась ей невозможность приковать его къ своей колесницѣ, онъ потерялъ весь интересъ въ ея глазахъ; за часъ до этого ей еще казалось, что она любитъ и отличаетъ его отъ другихъ: теперь онъ былъ простымъ человѣкомъ въ ея глазахъ, не только не доставлялъ ей удовольствія своимъ присутствіемъ, но тяготилъ ее.

— Le dernier mot est dit entre nous, проговорила Ольга. Краховскій взялся за шляпу; но кто-то показался въ дверяхъ и помѣшалъ хозяйкѣ выпроводить непріятнаго гостя.

Digitized by Google

— А, Петръ, это ты; что тебѣ надо? сказала она, своему управляющему, крѣпостному человѣку, который былъ почестнѣе другихъ и притомъ грамотный, оттого и поручилъ ему князь управленіе домомъ на Литейной.

— Я пришелъ доложить вашему сіятельству, что жилецъ изъ флигеля собирается завтра съѣхать, не заплативши по контракту. Я ходилъ въ полицію, да тамъ на меня и смотрѣть не хотятъ, надо бы чтобъ ваше сіятельство потрудились....

— Теперь не время и не мѣсто, сказала княгиня.

— Прикажете, такъ я велю завтра ворота запереть, чтобъ помѣшать ему съѣхать.

— Ахъ, Боже мой, по чемъ я знаю, что тамъ за жилецъ и по какому контракту онъ не заплатилъ. Дѣлай, что хочешь, и оставь меня въ покоѣ.

— Прощайте, княгиня, рѣшился наконецъ сказать Краховскій. — Я теперь кажется лишній — и съ этимъ онъ вышелъ торопливо изъ комнаты.

— Еще осмѣлюсь доложить вамъ, что квартиры въ верхнемъ этажѣ требуется отдѣлать за-ново; никто не хочетъ въѣзжать, всѣ говорятъ, что грязно. Я было принанялъ маляровъ, и шпалеры смотрѣлъ, да денегъ требуется; покойный князь обѣщали дать на это тысячу рублей, такъ вотъ за этимъ-то я больше и пришолъ, не будетъ ли ваша милость?

— Ты съ ума сошелъ, Петръ, говорила княгиня, не скрывая ужъ нисколько ни гнѣва, ни досады. Гдѣ я возьму денегъ на твои пустяки и что мнѣ за дѣло до твоихъ квартиръ.

— А доходъ-то съ чего собирать будемъ, а жить-то чѣмъ будемъ, а малые сироты, что ѣсть-то будутъ?

— Это ужасно, это не стерпимо, всякій мужикъ смѣетъ теперь со мною разговаривать какъ съ равной, говорила Ольга. Не смѣй больше показываться на глаза, не смѣй, говорю я тебѣ, безпокоить меня такимъ вздоромъ; ступай и помни, что ты крѣпостной и что на тебя есть расправа.

— Богъ съ вами, пойду — мнѣ что, коли вамъ ничего.

Digitized by Google

Жаль только сиротъ сердечныхъ. И грусто, повѣся голову, ушелъ онъ.

Теперь только, когда Ольга очутилась лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, поняла она, что положеніе ея менѣе интересно, чѣмъ несчастно. При жизни мужа не засыпала она никогда, не придумавши для завтрешняго дня новой радости, новаго удовольствія; всѣ затѣи ея осуществляли, всѣ прихоти ея, хоть имъ не было ни мѣры, ни конца, приводились въ исполненіе какой-то волшебной рукой. Ей не говорили объ деньгахъ, она знала, что онѣ есть, но не понимала, что ихъ можетъ и не быть. Она не принимала участія въ дѣлахъ мужа, да онъ признаться и самъ былъ тѣхъ понятій, что это дѣло не женское; къ тому же когда ей было и заняться этимъ: утромъ визиты, вечеромъ балъ; довольно того, что она знала что у нихъ есть домъ на Литейной, маленькая деревня въ Курской губерніи, да еще небольшой капиталъ, а сколько именно — ей было неизвѣстно.

Послѣ смерти мужа нашла она въ письменномъ его столѣ совсѣмъ засвидѣтельствованное духовное завѣщаніе, написанное годъ тому назадъ; прочитать его она не поинтересовалась: все оставлялъ князь дѣтямъ, а ее назначалъ опекуньшей, она этого еще не знала. У ней было въ рукахъ четыре тысячи, которыя нашла она въ другомъ ящикѣ стола въ день смерти, и считала себя обезпеченною на всю жизнь. Теперь, когда управляющій явился съ требованіемъ денегъ на поддержку дома, рѣшилась она заглянуть въ портфель и съ ужасомъ увидѣла, что въ нѣсколько дней истратила она больше половины: полторы тысячи стоили похороны, куда же дѣвались остальныя?

Тутъ узнала она цѣну деньгамъ и пришла въ отчаяніе отъ мысли о своемъ будущемъ.

Краховскій воротился отъ княгини сильно разстроенный, разговоръ съ нею напомнилъ ему, что онъ не только не прочелъ записки, полученной отъ Мельхова въ одно время съ приглашеніемъ на похороны и на свадьбу, но даже забылъ объ ней до того, что не зналъ теперь, гдѣ и искать ее.

Давно не сидѣлъ я на своемъ фатеръ-штулѣ, сказалъ онъ

Digitized by Google

себѣ и, надѣвши длинный спокойный сертукъ, помѣстился въ креслахъ, вытягивая ноги еле возможно.

Какъ хорошо дома, думалъ онъ, приходя мало-по-малу въ себя и мѣняя безперестанно покойныя позы; для полнаго наслажденія закурилъ онъ сигару. Глазъ его бѣгалъ по всѣмъ предметамъ, отыскивая записку Мельхова. А, вотъ и она! На письменномъ столѣ изъ подъ чернильницы выглядываетъ ея кончикъ. Онъ позвонилъ, вошелъ лакей.

— Подай-ка ты мнѣ, братецъ, вонъ ту записку, что попала подъ чернилицу.—Да не то, братецъ. Изъ подъ чернилицы, говорятъ тебѣ, а ты берешься за шандалъ; опять не то. Экой ты олухъ, ступай, я самъ достану. И онъ потянулся за запиской.

Давно бы такъ, скажете вы; да за чѣмъ же ему вставать съ кресла, когда этого не хочется и когда есть люди, нарочно созданные для того, чтобъ дѣлать не то, чего имъ хочется: вотъ когда такихъ людей не будетъ, когда нельзя будетъ ихъ достать ни за какія деньги, тогда другое дѣло — Краховскій будетъ самъ все дѣлать и не станетъ на это роптать.

«Благодарю васъ, Краховскій,— писалъ Мельховъ,— за то что вы не наказали меня за неумѣстную горячность и дали мнѣ время подумать. Теперь я не тотъ, что было два мѣсяца тому назадъ, но для дружбы я все тотъ же. При всемъ моемъ желаніи тотчасъ отвѣчать на вашу записку, я не могъ этого сдѣлать: васъ не было въ Петербургѣ. Едва узналъ я о вашемъ возвращеніи, какъ тороплюсь увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и въ дружбѣ, которую очень радъ сохранить. Весь вашъ. А. Мельховъ.»

Княгиня права, онъ въ самомъ дѣдѣ простылъ; но не права она въ остальномъ, думалъ Краховскій, дочитавши записку. Отчего же мнѣ такъ тяжело, отчего слова ея такъ врѣзались въ мою память и отчего не могу снять съ себя этого впечатлѣнія. Вотъ она, твердость мужская! одного убѣжденія не стаетъ на сутки! Вечеромъ думалъ такъ, а утромъ ужъ иначе. Увижу Лидію, все забуду. Нецадо мѣшкать, сейчасъ же ѣду.

— Эй, человѣкъ! Скорѣй, одѣваться.

Digitized by Google

Черезъ четверть часа на крыльяхъ любви несся онъ на васильевскій островъ. Лидія, увидавши его изъ окна, выбѣжала къ нему на встрѣчу въ залу и, протягивая ему руку, сказала:

— Какъ я ждала васъ, какъ я рада вамъ. Теперь и у меня есть что-то родное, мать моя какъ будто ожила, нѣтъ ужъ того сиротства въ душѣ.

— Отрадны ваши слова, Лидія, и еслибъ вы знали, какъ они мнѣ нужны сегодня.

— Отчего сегодня?

— Оттого, что я сегодня много думалъ объ себѣ, и очень недоволенъ собою.

Они вошли въ гостинную и заняли обыкновенныя свои мѣста: Лидія у окна возлѣ рабочаго столика, онъ рядомъ.

— А я вами довольна, вы пріѣхали раньше чѣмъ я васъ ожидала. Достоинства ваши я знаю, а объ недостаткахъ не хлопочу.

— Отчего же я такъ боюсь встрѣтиться съ вашими недостатками: вы такъ совершенны въ моихъ глазахъ, что я не знаю, какъ бы я простилъ вамъ малѣйшую погрѣшность.

— Вы пугаете меня. За чѣмъ ставить меня безъ моего согласія на какія-то подмостки, на которыхъ мнѣ трудно будетъ удержаться. Представьте себѣ мое положеніе, когда все это обрушится и когда я на обломкахъ своего величія разобьюсь на части въ вашихъ глазахъ.

Чѣмъ выше ставите вы меня, тѣмъ опаснѣе будетъ мое паденіе потомъ.

— Что мы за дѣти, сказалъ Краховскій:—зачѣмъ намъ говорить о томъ, чего никогда не будетъ; развѣ мы теперь не счастливы?

Онъ взялъ ея руку, но не поцѣловалъ, какъ бы сдѣлалъ еслибъ былъ женихомъ другой дѣвушки, которая бы дѣйствовала на него своей красотой, не занимая ни головы его, ни сердца. Все легче и легче становилось у него на душѣ: утреннее впечатлѣніе на время забылось.

Тихая, теплая бесѣда продержала бы ихъ долго на одномъ мѣстѣ, еслибъ Лидія не вспомнила своихъ стариковъ.

Digitized by Google

— Тетинька сегодня не такъ здорова и не выходитъ изъ своей комнаты; я пойду сказать ей, что вы здѣсь.

Краховскій чувствовалъ себя виноватымъ передъ Лидіей, онъ хотѣлъ сказать ей еще разъ, что отдаетъ ей себя, хотѣлъ связать себя съ ней новымъ словомъ.

— Пойдемте вмѣстѣ къ тетинькѣ, попросимте ее благословить насъ. Я такъ горжусь тѣмъ, что принадлежу вамъ, что хотѣлъ бы сказать это цѣлому міру; счастье это такъ велико, что можетъ быть для того, чтобъ я ему больше вѣрилъ, мнѣ нужно, чтобъ и другіе мнѣ объ немъ говорили.

На самомъ же дѣлѣ Краховскій боялся, чтобъ новое сомнѣніе не набѣжало ему на душу, чтобъ не нашелся еще какой-нибудь охотникъ до чужаго счастья.

Лидія пошла предупредить тетку объ желаніи Краховскаго войти къ ней.

— Сергѣй Львовичъ проситъ позволенія видѣть васъ, тетенька.

— На что это я ему понадобилась? Пожалуй, коли такая охота, пусть войдетъ.

Краховскій вошелъ, поцѣловалъ почтительно ея руку и, безъ предисловій, безъ лишнихъ словъ, просилъ ея согласія на соединеніе съ Лидіей. Хоть Анна Егоровна и готова была на это, но не вдругъ оправилась отъ давно желаннаго удара, радость ея была такъ велика, что трудно было ее скрыть.

— По мнѣ, Богъ съ вами, живите счастливо, говорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ:—да вотъ надобно узнать, что думаетъ объ этомъ Ѳедоръ Андреевичъ.

Радость Анны Егоровны не понравилась Краховскому; онъ вспомнилъ слова княгини; ему досадно было что такъ скоро согласились. Хоть бы Ѳедоръ Андреевичъ поупрямился, думалъ онъ. Ему хотѣлось завоевать свое счастье, а теперь оно само падало ему въ руки и теряло цѣну въ его глазахъ. А все княгиня, таковъ ядъ женскаго слова.

Анна Егоровна забыла и головную боль, хлопотала, суетилась, надѣла даже чепчикъ для такого торжества; нѣжность не была въ ея характерѣ, а то бы она давно подошла къ Краховскому и обняла его и Лидію, на долю которой

Digitized by Google

въ первый разъ выпала бы ласка, но за то и въ первый разъ удалось ей угодить теткѣ.

Когда они всѣ вернулись въ гостинную, то нашли Ѳедора Андреевича спящимъ на диванѣ.

— Полно спать, Ѳедоръ Андреевичъ; встаньте благословить Лидію: Сергѣй Львовичъ проситъ ея руки.

— А, что?

— Сергѣй Львовичъ проситъ руки Лидіи.

— Очень, очень радъ, проговорилъ онъ сквозь сонъ: — онъ кажется хорошій человѣкъ, и, повернувшись на другой бокъ, продолжалъ спать.

— Да очнитесь совсѣмъ, говорила жена, толкая его въ бокъ:— что про васъ люди скажутъ; надобно благословить племянницу, а вы спите какъ передъ бѣдой какой, какъ спали передъ собственной своей свадьбой.

— Очень, очень радъ, продолжалъ Ѳедоръ Андреевичъ, поднимаясь съ дивана и протягивая руку:—благодарю за честь, любезнѣйшій; славную дѣвочку выбрали себѣ. Кто-то будетъ теперь читать мнѣ газету; придется Анну Ѣгоровну засодить.

И расхохотался старикъ своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Что ты, что ты, батюшка, стану я на старости такія глупости дѣлать.

Принесли образъ, благословили.

Теперь кончено, думалъ Краховскій, нельзя назадъ; — и онъ сдѣлался покойнѣе, онъ какъ будто оправдался въ собственныхъ глазахъ.

Кончено, кончено, повторялъ онъ, нельзя назадъ. Проклятое сегоднешнее утро.

Всѣ усѣлись кругомъ стола въ гостинной, всѣ были веселы, кромѣ Краховскаго, но не кому было читать въ его душѣ: Лидія была погружена въ мечты о будущемъ, она простила жизни всѣ ея обиды, всѣ утраты; она начинала новую жизнь, которая отрѣзывала ее отъ всего прошлаго.

Ѳедоръ Андреевичъ рѣшился больше не спать и, сидя на диванѣ, смѣшилъ всѣхъ разсказами о волокитствѣ своемъ за Анной Егоровной и о томъ, какъ онъ чуть не проспалъ часъ самой свадьбы.

Digitized by Google

— Ну объ этакихъ вещахъ разсказывать-то не слѣдовало бы, сказала Анна Егоровна:—а коли ужъ пошло на правду, дѣло прошлое, а я тебя батюшка Сергѣй Львовичъ очень бранила за то, что ты уѣзжалъ въ Москву; право совсѣмъ было не кстати, тогда бы все кончилъ и теперь бы ужъ катался по Невскому съ женой. Ну, да это дѣло прошлое, а поѣдемъ-ка завтра въ собраніе на балъ.

Лицо Краховскаго судорожно исказилось; къ счастью Лидіи въ это время не было въ комнатѣ, она ушла за рисункомъ, который кончила утромъ и собиралась отдать на судъ жениха. До сихъ поръ всѣ слова княгини оправдывались, неужели была она права и въ остальномъ? задавалъ себѣ по тихоньку вопросъ Краховскій и не слышалъ того, что говорилось дальше.

— Вотъ ужъ настоящій женихъ, говорила Анна Егоровна, не слышитъ, что ему говорятъ — поѣдемьте-ка завтра на балъ въ дворянское собраніе.

— Виноватъ, тетинька, что не тотчасъ отвѣтилъ; Лидія Николаевна ушла, а за ней и я. На балъ завтра я готовъ, я вѣдь теперь въ полномъ вашемъ распоряженіи.

И онъ силился улыбнуться и придать своему разговору легкій тонъ.

Вошла Лидія съ рисункамъ въ рукахъ.

— Слышала, Лидія, сказала ей тетка, мы ѣдемъ завтра на балъ въ дворянское собраніе, тамъ встрѣтимъ многихъ знакомыхъ и объявимъ васъ женихомъ и невѣстой; потомъ поужинаемъ, выпьемъ шампанскаго, а дня черезъ два или три повеземъ Сергѣя Львовича ко всѣмъ нашимъ хорошимъ знакомымъ.

— Вѣдь вы съ нами ѣдете—сказала Лидія Краховскому.

— Какъ же это можетъ быть иначе? позвольте только взглянуть на вашъ рисунокъ и до завтра; я буду ожидать васъ въ собраніи.

— Теперь я не позволяю развертывать рисунокъ, увезите его домой, онъ вашъ и—когда будете одни—посмотрите на него.

На этотъ разъ Краховскому въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось весело; онъ предчувствовалъ, что этотъ свертокъ, вышедшій

Digitized by Google

изъ рукъ Лидіи, вылечитъ его отъ всѣхъ сомнѣній и будетъ служить противоядіемъ отравѣ сегодняшняго утра. Нѣжно поцѣловалъ онъ ея руку, почтительно простился съ новой родней, и нетерпѣливо направился къ дому.

Какъ велико было его удивленіе, когда онъ раскрылъ свертокъ и поднесъ его къ свѣчкѣ, чтобы разсмотрѣть: картина представляла гостиную Забѣльскихъ, на столикѣ, за которымъ Лидія обыкновенно работала, горѣла лампа съ абажуромъ; Краховскій сидѣлъ на креслахъ, передъ нимъ лежала раскрытая книга, — онъ читалъ; Лидія сидѣла возлѣ, работа лежала на ея колѣнахъ, но она забыла работать, она вся превратилась въ слухъ; облокотясь на руку, не сводила она глазъ съ Краховскаго, и сколько любви, сколько отрады было въ этихъ глазахъ.

И эта дѣвушка не умѣетъ любить! это страшная клевета, а я ей такъ легко повѣрилъ!

Долго сидѣлъ Краховскій не выпуская картины изъ рукъ. Боже, какое сходство, какая кисть, я и не подозрѣвалъ такого таланта; сколько совершенствъ — и все это достается мнѣ, чѣмъ же я лучше другихъ? И счастье его выросло теперь въ его глазахъ; еслибъ онъ теперь встрѣтилъ Лидію, какъ бы онъ благодарилъ ее; онъ бы испугалъ ее своею страстію, избыткомъ своей силы; такъ онъ никогда еще не любилъ.

Всю ночь не спалъ онъ; чѣмъ болѣе всматривался онъ въ картину, тѣмъ сильнѣе терзало его раскаяніе, онъ плакалъ надъ ней какъ ребенокъ; онъ то свертывалъ, то развертывалъ ее; глаза Лидіи продолжали такъ живо смотрѣть на него, что ему дѣлалось то холодно, то жарко и все не могъ онъ отдѣлаться отъ магнетическаго вліянія этихъ глазъ, которые безъ словъ говорили ему объ любви, и зажигали всю его кровь.

Голова его страшно болѣла; на дворѣ ужь начинало свѣтать. Довольно, сказалъ онъ, и силой оторвался отъ чарующаго листка, свернулъ его опять въ трубку, и унесъ съ собой въ спальню. Совершенно больной легъ онъ въ постель. Незнаю, что будетъ со мной завтра, а теперь скверно; хоть за докторомъ посылать.

Digitized by Google

Измученный ощущеніями дня, онъ заснулъ противъ ожиданія. Сонъ успокоилъ его, кровь перестала бушевать; картина была опять въ его рукахъ, подобно весеннему вѣтерку она теперь не раздражала, а сладко убаюкивала его; онъ часто закрывалъ глаза, и уносился за своими мечтами, которымъ предавался теперь, какъ дѣвушка въ 16 лѣтъ.

По временамъ взглядывалъ онъ на часы, и считалъ время. Било два часа. Далеко еще до вечера, говорилъ онъ, потягиваясь передъ своимъ каминомъ. Досадно, что мы должны встрѣтиться сегодня въ публикѣ, такъ много бы хотѣлось сказать ей; я готовъ бы упасть къ ея ногамъ, и встать только тогда, когда она скажетъ, что я не совсѣмъ недостоинъ ея. А то на балѣ, какъ на выставкѣ, особенно съ такой тетушкой, какъ наша.

Въ десять часовъ вечера показалась Лидія на ступенькахъ, ведущихъ въ залъ собранія, тихо спускалась она по знакомой всѣмъ лесенкѣ, и искала глазами далеко въ толпѣ того, кто уже стоялъ около нее: легкое прикосновеніе къ ея рукѣ заставило ее оглянуться и найти его; крѣпко и радостно пожали они другъ другу руку.

— Вы тутъ, а я ищу васъ далеко; такъ бываетъ и съ счастьемъ,—оно у насъ подъ руками, а мы бѣжимъ за тысячу верстъ отыскивать его.

— Лидія, я полонъ огня и чувства въ эту минуту, я готовъ броситься къ вашимъ ногамъ, и благодарить васъ за тотъ избытокъ счастья, которымъ живу теперь.

— Лидія Николаевна, не откажите на первую кадриль— сказалъ гвардейскій полковникъ, старый знакомый Забѣльскихъ, и подалъ руку молодой дѣвушкѣ.

Лидія въ счастіи была неузнаваема; живая, веселая, блестѣла она теперь въ залѣ. Но не по себѣ было Краховскому, досадно было ему: не на танцовальный ладъ и не на бальный тонъ была настроена его душа. Онъ усадилъ будущую свою родню на первый, попавшійся бархатный диванчикъ, а самъ, прислонясь къ колонѣ, кипѣлъ злостью и досадой.

Лидія иногда возвращалась къ нимъ, но очень не на долго; новое приглашеніе на кадриль, на вальсъ или польку, уно-

Digitized by Google

сили ее въ даль; протанцовавши съ однимъ, съ другимъ, она не считала себя въ правѣ отказывать остальнымъ знакомымъ.

Сегодня Лидія не та, думалъ Краховскій, которую ношу я въ своемъ сердцѣ; сегодня она такая же свѣтская дѣвушка, какъ многія подобныя ей; даже выраженіе лица ея какое-то краденое, искусственное — а можетъ быть, оно-то и есть истинное. Сегодня она та Лидія, объ которой говорила мнѣ княгиня; стрѣлы ея, говоря словами Ольги Борисовны, летятъ въ разныя стороны; всѣхъ привлекаетъ своимъ блескомъ, своей живостью; всѣ курятъ ей ѳиміамъ, и въ чаду своего торжества, забыла она, что ужъ не принадлежитъ себѣ. Впрочемъ теперь, когда нѣтъ вопроса объ будущемъ, съ бо̀льшимъ спокойствіемъ можетъ она порхать и блестѣть; вотъ онѣ женщины! и это еще лучшая изъ нихъ.

Страдалъ нашъ бѣдный Краховскій у своей колонны, только Анна Егоровна по временамъ обрывала нить горькихъ его размышленій, чтобъ представлять его, какъ жениха, то тому, то другому.

Вотъ глупая-то вещь женихъ, сказалъ самъ себѣ Краховскій, возвращаясь десятый разъ къ своей коллоннѣ: парадный шутъ на показъ такимъ же шутамъ, только менѣе параднымъ.

Настала наконецъ пауза танцевъ, воротилась Лидія.

— Какъ давно я васъ не видала, сказала она Краховскому, садясь возлѣ тетки и дѣлая ему знакъ рукою, чтобъ онъ помѣстился около нее. Какъ жаль, Serge, что вы не танцуете, какъ бы мнѣ весело было танцовать именно съ вами.

— Благодарю васъ, я не танцоръ; къ тому же и безъ меня много.

— Пожалуй вы и правы, сегодня я готова танцовать со всѣми, даже и одна готова вертѣться — такъ мнѣ весело; я такъ счастлива, что еслибъ пришла въ общество, гдѣ всѣ бы прыгали, скакали, бѣгали, я начала бы дѣлать тоже. L'amour est un enfant, il fait du bruit — прибавила она.

— Въ первый разъ мы съ вами не сходимся, Лидія Николаевна, — отвѣтилъ онъ грустно: — вы ищете шумнаго проявленія своему счастью, мое же слишкомъ серьезно и не

Digitized by Google

годится для бала; оттого-то можетъ быть я и не нахожу себѣ кавтенансу и вы извините меня, если я сей часъ же уѣду.

— Serge, вы обижаете меня; вамъ не нравится моя веселость, вы не увидите ее больше.

— Вамъ, какъ женщинѣ, это возможно, вы умѣете взять на себя тотъ видъ, который считаете необходимымъ, мущинѣ труднѣе сладить съ собою; мы изъ грубой коры и не обладаемъ той эластичностью, которою надѣленъ женскій умъ и можетъ быть женское сердце. Прощайте, Лидія Николаевна.

— Нѣтъ, Serge, вы не уѣдите, я просто заплачу.

— Я и этому не удивлюсь, сегодня я на все готовъ.

— Боже мой, что съ вами? сказала Лидія испуганнымъ голосомъ: — а моя картина? — вы мнѣ еще не сказали за нее ни слова.

— Картина ваша! Если ей вѣрить, такъ можно съ ума сойти отъ восторга и счастья, которое такими живыми красками изобразили вы на бумагѣ.

— А вы не вѣрите ей? Стало быть не вѣрите и мнѣ?

— Сегодня нѣтъ; не знаю что скажу я завтра.

— Уѣзжайте же, Сергѣй Львовичъ; теперь я васъ больше не удерживаю. Не отдамъ я моей жизни тому, кто отнялъ у меня сердце и потомъ бросилъ его съ насмѣшкой мнѣ же подъ ноги; картину возвратите мнѣ такъ, какъ я вамъ возвращаю ваше слово.

— Туръ польки, сказалъ подскачившій лейбъ гренадеръ.

Молча положила Лидія руку на его плечо, щеки ея пылали, грудь тяжело подымалась, слезы душили ее. Не сдѣлавши полнаго круга, она остановилась, поклонилась своему кавалеру, живо пошла впередъ, потомъ опять остановилась, не понимая куда ей идти и что дѣлать. Мущины и женщины слились для нее въ одно, она не могла отдѣлить ни одного лица и пошла по теченію, ноги ея подгибались, она чуть не падала, все было смутно и въ памяти и въ глазахъ: — одно понимала она, что она одна и что надобно найти тетку.

Въ толпѣ наткнулась она на Мельхова, онъ пораженъ былъ ея видомъ: нѣсколько разъ брала она себя за голову, чтобы припомнить гдѣ она и что съ ней; рукой сбила она всѣ волосы, розанъ приколатый съ боку косы, вырвался изъ

Digitized by Google

своего мѣста и держался больше на воздухѣ, чѣмъ на головѣ; ко всему этому присоединилась страшная блѣдность лица и глаза безъ всякаго смысла.

— Боже, что съ вами? сказалъ Мельховъ съ чувствомъ глубокаго участья:—вы сейчасъ упадете, облокатитись на мою руку, я доведу васъ до мѣста.

На все это не получилъ онъ отвѣта и почти силой увлекъ ее за собой. Но никакъ не могъ онъ отыскать Забѣльскихъ: они были удивлены внезапнымъ отъѣздомъ Краховскаго; хоть онъ сослался на головную боль и не совсѣмъ лгалъ, говоря это, но старики не вполнѣ ему повѣрили и встали съ своего мѣста, чтобы не много подвигаться и разогнать сомнѣнія.

— Господи, въ какомъ ты видѣ? вскрикнула Анна Егоровна, встрѣтивши племянницу съ Мельховымъ:—что все это значитъ? Вся прическа на боку.

— Довольно, перебилъ ее Мельховъ: — развѣ вы не видите, что она страшно больна. Пойдемте, я провожу васъ до кареты.

На подъѣздѣ Лидія опустилась какъ мертвая на стулъ, который ей подали и даже закрыла глаза; Анна Егоровна терзалась тѣмъ, что всѣ это видятъ; Лидія же едва ли сознавала, что толпа любопытныхъ ее окружила; впрочемъ, еслибъ она это и знала, такъ теперь было ей все ровно.

На рукахъ внесли ее въ карету.

— Вотъ начали свадьбой, говорила Анна Егоровна, а свели на упокой. И чтобы все это значило, ужъ не ссора ли?

Ѳедоръ Андреевичъ молчалъ, замолчала и Анна Егоровна; такъ доѣхали они до дому. Тутъ опять вынесли Лидію на рукахъ изъ кареты и положили прямо въ постель. Послали за докторомъ; спать никто не ложился.

Лидія не открывала глазъ и казалось не дышала, по временамъ движеніе бровей выражало физическое страданіе и было единственнымъ признакомъ жизни; Маша надрывалась отъ слезъ у ея изголовья; Ѳедоръ Андреевичъ сидѣлъ на диванчикѣ и противъ обыкновенія не спалъ.

Черезъ часъ пріѣхалъ докторъ; Анна Егоровна подвела

Digitized by Google

его къ постели больной; долго сидѣлъ онъ молча, иногда бралъ больную за руку и слушалъ пульсъ.

— Нехорошо, сказалъ онъ наконецъ: — у нее воспаленіе въ головѣ, раньше двухъ сутокъ трудно рѣшить вопросъ объ ея жизни, продолжалъ докторъ. — Голову надобно обрить и прикладывать ледъ къ темени, изъ руки открыть кровь, внутрь ничего нельзя дать, зубы такъ сжаты, что и капли въ ротъ не вольешь. Не скоро подастъ она признаки жизни; поторопитесь исполнить все, что предписано; утромъ часовъ въ десять я буду опять.

Анна Егоровна, уставшая отъ бала, сконфуженная неудачей, порядочно поворчала, но исполнила въ точности приказанія доктора; Маша же такъ рыдала и отчаявалась, что была плохая ей помощница. Пришлось послать за сестрой милосердія; докторъ потребовалъ этого, когда пріѣхавши утромъ, нашелъ больную одну, онъ понялъ, что нѣтъ горячаго сердца около нея.

На третьи сутки больная начала метаться, часто бралась за голову — это былъ несомнѣнный признакъ возвращенія къ жизни. На четвертый день она открыла глаза и прежде всего взялась за голову; нашла ее безъ волосъ и не выразила никакого удивленія.

Маша, которая была въ это время около нее, чуть не закричала отъ радости, когда открыла глаза ея барышня; сестра милосердія, предвидя ее пробужденіе, по ходу болѣзни, отошла въ сторону, чтобъ не испугать больной своимъ присутствіемъ.

— Обрѣй и ты себѣ голову, Маша, сказала Лидія такъ серьезно, что отняла у той всю охоту радоваться.

— Какой сегодня день? спросила она погодя немного.

— Вторникъ, отвѣчала Маша.

— Не можетъ быть, — и Лидія взялась за голову, долго не отнимала рукъ, стараясь что-то припомнить и вдругъ зарыдала; блѣдная, безжизненная рука ея упала на одѣяло.

Вошла тетка; хоть она и всегда любила племянницу, но, къ несчастью, любила ее по своему; въ теченіи же этихъ трехъ сутокъ научилась она цѣнить ее. — Безъ нее пропали

Digitized by Google

бы мы старики со скуки и тоски, рѣшила она и начала смотрѣть на нее иначе.

— Успокойся, Лидія, никто какъ Богъ, говорила старуха: — все перемелется — мука будетъ.

— Все кончено, все кончено, повторяла Лидія, отчаянно рыдая.

Хоть Аннѣ Егоровнѣ очень хотѣлось узнать какъ и почему кончено, но она боялась распрашивать, чтобъ не разстроить больную.

— Сейчасъ поѣду я ко Всѣмъ Скорбящимъ помолиться за тебя и отслужу молебенъ Царицѣ небесной.

Лидія не отвѣчала ни слова и опять закрыла глаза. Потихоньку вышла отъ нее Анна Егоровна, надѣла шляпу и салопъ, и поѣхала къ воскресенскому мосту въ коляскѣ, которая давно ждала ее у подъѣзда.

— Помолитесь, батюшка, о изцѣленіи болящей, сказала она священнику, войдя въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, сама стала на колѣни передъ образомъ и усердно клала поклоны.

— На петербургскую сторону, закричала она кучеру, садясь опять въ коляску по окончаніи молебна. Кучеръ долженъ былъ самъ догадаться объ остальномъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ зналъ, куда ѣхать и гдѣ остановиться. Долго возилъ онъ свою барыню по грязнымъ улицамъ, подъѣхалъ наконецъ къ покосившемуся забору и остановился у калитки.

Барыня вышла изъ коляски и по грязному двору добралась до крыльца деревяннаго домика о трехъ окнахъ; ступени этого крыльца давно сгнили, ихъ замѣняла доска, которая однимъ концомъ упиралась въ порогъ, а другимъ въ землю; страшно было на нее ступить, такъ круто она лежала, но Анна Егоровна прошла по ней привычной ногой и также свободно пролезла въ щель низенькой полурастворенной двери. Никто не вышелъ къ ней на встрѣчу.

Въ одномъ углу комнаты, въ которую она попала, стояла кровать съ грязной постелью, на ней сидѣла такая же грязная старуха съ большимъ чернымъ котомъ на колѣняхъ, остальные углы были пусты; кой гдѣ по стѣнамъ торчали стулья съ ободранными спинками и продавленными сидѣньями,

Digitized by Google

у одной стѣны стоялъ вмѣсто дивана большой окованный желѣзомъ сундукъ, на которомъ валялись разныя тряпки, мельница и черный, какъ уголь, кофейникъ.

Прядьми висѣли волосы старухи изъ подъ бумажнаго платка и заслоняли ея глаза; передъ нею стоялъ столъ, покрытый грязной вѣтошкой, и на немъ прямо противъ носа старухи, суповая миска съ водою, возлѣ лежали карты и какая-то книга, которую, казалось, читала теперь съ большимъ вниманіемъ старуха.

— Опусти рублевикъ въ воду, сказала она, не поднимая глазъ на вошедшую, и сама начала пристально смотрѣть въ миску и дуть на воду. Анна Егоровна опустила туда цѣлковый.

— Вьется коршунъ въ высотѣ, носится онъ надъ голубкой, а она, бѣдняжка, грѣется на солнышкѣ да клюетъ свою пшеничку, не чуетъ бѣды надъ головой, говорила гробовымъ голосомъ старая мегера. — Охъ, какъ темно стало въ водѣ, ничего не вижу, положи-ка еще рублевикъ. Новый рублевикъ былъ отправленъ въ воду и, опускаясь на дно, стукнулся въ мѣдный крестъ, который лежалъ въ мискѣ.

— Досталъ таки коршунъ голубку, вцѣпился онъ въ сердечную когтями, да и поднялся съ нею въ высь; только одно черное пятно видитъ глазъ вмѣсто коршуна, такъ высоко онъ забрался. Вотъ выпустилъ онъ бѣдняжку изъ своихъ когтей, упала она бездыханна на землю, и изъ подъ лѣваго крыла....

— Полно, полно, бабушка, сердце сжалось отъ твоихъ словъ. Погадай лучше на картахъ.

— Не я говорю, судьба говоритъ. Положи еще рублевикъ на карты.

Еще рублевикъ выложенъ былъ на столъ; ворожея разложила карты и начала:

— Просватали бѣдняжку за милаго, за богатаго, да и черезъ золото слезы льются, и то, что было мило, сдѣлалось постыло....

— И тутъ не легче, сказала Анна Егоровна, и пошла къ двери, не прощаясь съ хозяйкой.

Digitized by Google

— Погоди, графиня, сказала старуха, не поднимая на нее глазъ: — вотъ, на тебѣ ладонку, отвези твоей сердечной, да не давай ей въ руки, а сунь ей подъ подушку, и подала Аннѣ Егоровнѣ тряпку, сшитую по концамъ толстой, сѣрой ниткой.

Анна Егоровна взяла эту тряпку и не поблагодарила; вѣрно таковъ былъ обычай въ этомъ углу вселенной. Прежнимъ порядкомъ вышла она изъ комнаты, дошла до своей коляски и очень не веселая вернулась домой.

Больной съ каждымъ днемъ становилось лучше, конечно, не оттого, что ладонка лежала у ней подъ подушкой, а оттого, что женщина та-же кошка: судьба броситъ ее съ крыши на мостовую, она вскочитъ, и опять побѣжитъ на крышу. Бѣдная наша Лидія была еще не совсѣмъ кошка, она хоть и встала черезъ недѣлю съ постели, но не вернулась еще къ жизни. Она упорно молчала, была равнодушна ко всему, что ее окружало; докторъ называлъ это состояніе апатичнымъ и находилъ его не безопаснымъ.

Много горевала Анна Егоровна, глядя на Лидію, много сердилась и не мало ворчала она. Нѣтъ, это такъ не кончится, говорила она сама себѣ, не отвертится отъ меня этотъ голубчикъ.

Дней черезъ десять послѣ бала въ дворянскомъ собраніи, Анна Егоровна послала за Иваномъ Никифоровичемъ Мироновымъ, служившимъ при ней по особымъ порученіямъ. Вечеромъ, когда онъ явился, она увела его въ свою комнату и заперлась тамъ на ключь.

Они говорили не долго, но такъ таинственно, что никто въ домѣ не могъ догадаться, какое-бы это могло быть дѣло, требовавшее такой непроницаемости.

Когда дверь отворилась, можно было разсмотрѣть маленькаго человѣчка, сухощаваго, сутуловатаго, съ кислой физіономіей и нѣсколько лакейскимъ выраженіемъ лица.

— Непремѣнно, непремѣнно, говорилъ онъ, расшаркиваясь хозяйкѣ: — завтра-же, непремѣнно; будьте безъ сумленія.

Digitized by Google

— Завтра непремѣнно, часовъ въ восемь, повторяла ему Забѣльская, провожая его за дверь своей комнаты.

— Не дамъ и глазъ открыть, самъ разбужу.

Это были послѣднія слова чиновника особыхъ порученій.

На другой день, въ половинѣ восьмаго, раздался такой судорожный звонокъ въ знакомой намъ квартирѣ N° 24, на Моховой, въ домѣ Максимова, что дверь тотчасъ отворилась; лакей ждалъ чего-то необыкновеннаго и, въ самомъ дѣлѣ, пораженъ былъ видомъ посѣтителя; съ любопытствомъ разсматривалъ онъ его, держа въ одной рукѣ щетку, тогда какъ другая была въ сапогѣ, который онъ собрался чистить.

— Что-жъ ты, болванъ, не снимешь шинели. Всѣмъ извѣстна заносчивость маленькихъ людей.

— Да сюда-ли вы пришли-то? не ошиблись-ли? у насъ такихъ не бываетъ.

— Грубіянъ, закричалъ на него недоросшій до другихъ людей человѣкъ, сбросилъ съ своихъ плечь шинель на стулъ и мелкимъ, но скорымъ шагомъ пошелъ въ комнаты.

— Экой заноза, проворчалъ лакей, куда ты лѣзешь? Баринъ спитъ еще и не велитъ такъ рано себя безпокоить.

— Убирайся, говорятъ тебѣ; у меня есть дѣло и я знаю, что дѣлаю.

Говоря это, онъ продолжалъ заглядывать въ каждую дверь и наконецъ открылъ спальню Краховскаго; въ одну минуту очутился онъ у его кровати.

— Проснитесь, господинъ, проснитесь, закричалъ онъ ему на ухо: — такъ не дѣлаютъ, говорятъ вамъ, такъ не дѣлаютъ; это безсовѣстно, совершенно безчестно....

Краховскій въ испугѣ вскочилъ на постели, торопливо теръ себѣ глаза, брался за голову, смотрѣлъ какъ безумный на чиновника, не понимая ни его грозной рѣчи, ни его появленія; съ трудомъ могъ онъ прійти въ себя.

— Однако, что все это значитъ? Откуда вы, что вы за человѣкъ, а главное, откуда такая дерзость?

— Меня прислала къ вамъ Анна Егоровна; вы убили ея племянницу, говоритъ она, ѣздили въ домъ, кружили голову молодой дѣвушкѣ, а теперь, когда всему свѣту извѣстно это дѣло, бросили ее. Это безчестно. Анна Егоровна будутъ

Digitized by Google

жаловаться, сами поѣдутъ къ царю и вамъ велѣно будетъ загладить вашъ поступокъ.

— Кланяйтесь отъ меня Аннѣ Егоровнѣ, говорилъ взбѣшенный Краховскій: — и скажите ей, что я ей совѣтую не откладывая ѣхать къ царю, потому-что ужъ теперь я никакъ не женюсь; а вы убирайтесь, пока цѣлы, не то.... я за себя не ручаюсь.

— Помилуйтесъ, да какой-же отвѣтъ я привезу; опомнитесь немного, господинъ, раскайтесь, я и свезу это госпожѣ Забѣльской.

— Ахъ ты, этакая бестія, продажная душа, закричалъ Краховскій, внѣ себя отъ досады и, не удерживая болѣе своего гнѣва, всталъ съ постели, схватилъ посланника Анны Егоровны за плечи и выбросилъ, какъ тряпку, въ другую комнату.

— Человѣкъ, человѣкъ, кричалъ онъ въ то-же время: — вышвырнуть эту тварь на улицу и не впускать ко мнѣ ничего подобнаго.

У бѣднаго Миронова въ глазахъ потемнѣло, съ трудомъ устоялъ онъ на ногахъ, повернулся, бросился въ переднюю, схватилъ шинель и какъ сумашедшій выбѣжалъ на улицу; тутъ только набросилъ онъ шинель на плечи, сѣлъ на извощика и боялся оглянуться, чтобъ не увидѣть бѣгущаго за нимъ Краховскаго. Только переѣхавши симеоновскій мостъ, задалъ онъ себѣ вопросъ: прямо-ли ему ѣхать съ отвѣтомъ къ Аннѣ Егоровнѣ или завернуть прежде домой? Сцена эта такъ его перевернула, что онъ разсудилъ лучше проѣхать теперь домой, а отвѣтъ Аннѣ Егоровнѣ отложить до завтра.

Много перечувствовалъ Краховскій за это время; онъ тоже былъ боленъ, его лечилъ тотъ самый докторъ, котораго мы видѣли у Забѣльскихъ. Черезъ него зналъ Краховскій, что Лидіи лучше и что она встала съ постели.

Сколько разъ, въ порывѣ любви, готовъ онъ былъ бѣжать къ Лидіи и у ногъ ея вымолить себѣ прощеніе; его, конечно, простила-бы Лидія, но сердце ея не вернулось-бы къ нему, онъ это понималъ, и иногда часами плакалъ надъ картиной счастья, съ которой не имѣлъ еще силъ разстаться.

Digitized by Google

А все это несчастное утро у княгини — однако, не оправдались-ли всѣ слова ея? Сама Лидія въ день бала не была-ли живымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго на ея счетъ?

Посѣщеніе Миронова положило конецъ всѣмъ сомнѣніямъ Краховскаго, онъ боялся и оглянуться на свое прошедшее, какъ на пропасть, въ которую-бы онъ свалился, еслибъ княгиня не протянула ему руки.

На другой день вечеромъ, но еще до свѣчей, Ѳедоръ Андреевичъ по обыкновенію дремалъ на диванѣ, положивши ноги на кресло; на другомъ концѣ дивана сидѣла Анна Егоровна съ картами въ рукахъ, но не гадала теперь, а внимательно слушала Миронова, который стоя передъ нею сильно размахивалъ руками и что то разсказывалъ съ большимъ жаромъ; легкой тѣнью носилась Лидія по комнатамъ, никѣмъ незамѣченная вошла она въ гостинную и сѣла на кресло у окна, гдѣ имѣла обыкновеніе принимать Краховскаго. Скоро разсказъ Миронова такъ овладѣлъ ея вниманіемъ, что ни одно его слово не ускользнуло отъ ея слуха.

— Совершенный разбойникъ, говорилъ Мироновъ:—только и твердить: не хочу жениться, пусть ѣдутъ къ царю. Я ему и то, и то, Анна Егоровна, говорю, очень изволятъ гнѣваться, прислали вамъ сказать, что имъ было бы очень желательно, еслибъ загладили вашъ поступокъ, еслибъ вы, говорю, какъ благородный человѣкъ извинились; Лидія Николаевна убивается, онѣ такія чувствительныя, нѣжнаго сложенія, Анна Егоровна говоритъ, что вы погубили ея племянницу, ѣздили въ домъ, сватались. Онъ не слушаетъ, только и кричитъ, что убирайтесь...

Лакей принесъ лампу въ гостинную и при свѣтѣ ея Анна Егоровна увидѣла Лидію блѣдную, въ креслахъ съ опрокинутой назадъ головой. Испуганная ея присутствіемъ, сдѣлала она Миронову знакъ рукой, чтобъ тотъ замолчалъ, подошла къ Лидіи и вскрикнула, та была безъ чувствъ.

— И какъ это она вошла? говорила встревоженная Анна Егоровна:—что мы то съ тобой, батюшка, ничего не видали и не слыхали, да и что это у тебя, Иванъ Никифоровичъ, за странная манера кричать на весь домъ.

Digitized by Google

— Помилуйте, Анна Егоровна, я тутъ ни въ чемъ не виноватъ, сами изволили приказать...

— Ну, ну, хорошо; замолчи батюшка, хоть теперь; да позови людей перенесть больную на постель, а самъ поѣзжай за докторомъ поскорѣе. Надѣлалъ ты мнѣ опять хлопотъ.

Мироновъ бѣгомъ бросился за людьми, привелъ Машу и Авдотью, которые снесли Лидію въ ея комнату и положили въ постель.

Горе не на шутку овладѣло Анной Егоровной; съѣздить развѣ къ Матрешѣ на Петербургскую, а то срамъ людямъ показаться.

Докторъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ больную, сказалъ что это нервный припадокъ отъ сильнаго душевнаго потрясенія, что это пройдетъ, надобно только оставить ее въ покоѣ. Въ самомъ дѣлѣ Лидія скоро очнулась, но не ѣла, не пила, почти не шевелилась въ теченіи двухъ сутокъ, только иногда открывала глаза и стремительно глядѣла на какой нибудь предметъ, потомъ опять опускала вѣки и тогда ничто не выражало въ ней жизни.

Анна Егоровна ожидала упрековъ, но ни однимъ словомъ Лидія не выразила своего страданія. Черезъ два дня она встала грустная, молчаливая, но твердая. Въ ней были силы, еще неизвѣданныя, были способности еще невызванныя — ими собиралась она жить.

Что же сталось съ нею, спросите вы? — Предоставляю вамъ, господа, пріискать положеніе для такой дѣвушки, какъ Лидія.

Въ домѣ тетки она никакъ не останется послѣ такого оскорбленія; не пробуйте выдавать ее замужъ, она отказала Мельхову, который черезъ полгода послѣ описаннаго нами произшествія, дѣлалъ ей письменное предложеніе; не посылайте ее и въ гувернантки, этимъ вы поставите прежде временный крестъ на могилѣ, которая еще не раскрылась.

Гдѣ же конецъ, скажете вы еще разъ? Право, я и сама не знаю, гдѣ конецъ. Если бы мы даже положили Лидію въ гробъ и опустили въ землю, такъ могли ли бы мы и тогда сказать съ увѣренностью — теперь конецъ; могли ли бы поручиться, что въ гробу нѣтъ жизни?

Digitized by Google

Если кого интересуетъ княгиня, тотъ можетъ обратиться къ Краховскому, который посѣщаетъ ее теперь усерднѣе прежняго.

Картина, нарисованная Лидіей, возвращена была въ домъ Забѣльскихъ; довольно долго валялся свертокъ, ни кѣмъ не замѣченный; иногда стирая пыль со стола, лакей перекладывалъ его на рояль, съ рояля попадалъ онъ на стулъ; какъ то затащили его въ кухню, а что дальше — право не знаю, какъ и многаго другаго.

СОФЬЯ АНДРЕЕВА.

Digitized by Google

Гроза.

Пятая недѣля нѣтъ дождя ни капли:
Высохло болото, отлетѣли цапли;

Голову понуря, истомленный зноемъ,
Скотъ и звѣрь далеко въ лѣсъ уходятъ съ восмъ.

На небѣ ни тучки, но кой-гдѣ, порою,
Дымъ лѣсныхъ пожаровъ всходитъ полосою;

Въ воздухѣ палящемъ слышенъ запахъ гари;
Душно человѣку, душно всякой твари!

Нивы пересохли, паритъ что̀ изъ печи;
Тужитъ людъ крещенный, ставитъ въ церкви свѣчи,

Вкругъ посѣвовъ тощихъ ходитъ крестнымъ ходомъ, —
Ну, и Богъ услышалъ, сжалясь надъ народомъ.

Вотъ и потянуло будто къ перемѣнѣ:
Вечеромъ, въ ту пору, какъ ложились тѣни

И склоняться началъ солнца обликъ жгучій,
Съ юга потянулись вереницей тучи,

Небо голубое сдѣлалось свинцовымъ,
Солнце закатилось въ заревѣ багровомъ.

Съ крикомъ надъ полями вьется галокъ стая,
Вотъ и ночь упала, душная такая!

Воздухъ неподвиженъ; но порой по нивамъ
Вѣтеръ вдругъ прорвется бѣшеннымъ порывомъ,

Digitized by Google

Пролетитъ, промчится, слѣдомъ землю роетъ.
Пыль клубитъ столбами, и визжитъ, и воетъ;

Съ свистомъ, какъ разбойникъ, въ старый боръ ворвется —
Заскрыпитъ дремучій, дрогнетъ, пошатнется,

Ропотно листами зашумитъ дуброва,
Жалобно и глухо, и замолкнетъ снова.

Мѣсяцъ мѣдно-красный въ темной тучѣ тонетъ,
Озеро лѣсное мечется и стонетъ.

Видно, какъ сбираетъ силы непогода.
Въ тягостной истомѣ бури ждетъ природа.

Страшно! Что-то будетъ? Много бѣдъ лихая
Порчи да изъяну натворитъ для края, —

Лѣсъ переломаетъ, выбьетъ яровое.
Вотъ минуло горе, такъ пришло другое!

Нѣтъ, не бойся бури: буря пронесется,
Но за то въ природѣ все вдругъ встрепенется.

Если же бы часомъ что̀ она сломила,
Такъ вѣдь сломитъ то лишь, что старо да гнило;

Что же уцѣлѣетъ, зацвѣтетъ пышнѣе.
Нѣтъ, не бойся бури — засуха вреднѣе!

РОЗЕНГЕЙМЪ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1741 — 1742.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Александру Ивановичу Семевскому.)

Статья вторая и послѣдняя.

X.

Пріѣздъ въ Петербургъ герцога голштинскаго, Карла Петра Ульриха. — День его рожденія: празднество по сему случаю. — Отъѣздъ на коронацію въ Москву. — Мѣры къ образованію наслѣдника престола. — Дѣло Святѣйшаго Синода. — Проповѣди. — Волненія гвардейцевъ. — Коронація: празднества, милости и награды по сему случаю. — Празднованіе дня коронаціи въ С. Петербургѣ:

«Прошло уже тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла!»

Сѣчкновъ (слово 1742 г., іюля 8-го, стр. 12).

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Елизаветы было утвержденіе порядка въ наслѣдованіи престола; еще въ декабрѣ 1741 г., императрица поручила генералъ-маіору барону Н. А. Корфу отправиться въ Голштинію за роднымъ ея племянникомъ, герцогомъ голштейнъ-готторпскимъ, Карломъ Петромъ Ульрихомъ (род. февраля 10-го 1728 г.).

Digitized by Google

1-го февраля 1742 года будущій наслѣдникъ престола пріѣхалъ въ Либау. Онъ остановился, по словамъ вѣдомостей, въ домѣ придворнаго фактора Фойхста. Во вторникъ Петръ принималъ поздравленія городскихъ чиновъ; а когда на другой день выѣзжалъ изъ города, его провожали «полки мѣщанъ съ своими знаменами и молодые солдаты на лошадяхъ съ ихъ штандартомъ.»

Въ Ригѣ герцога встрѣтили съ почетомъ: отъ Двины до квартиры его высочества въ парадѣ, стояли армейскіе и гарнизонные полки, также *Брауншвейгскій* кирасирскій полкъ и два городскихъ эскадрона. Съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ. Тѣ же встрѣчи и проводы были въ Нарвѣ, 4-го февраля. Наконецъ, на другой день, въ пятницу, герцогъ «къ великому удовольствію ея величества» прибылъ въ С.-Петербургъ. Онъ «принятъ былъ Елизаветой съ матернею любовью. Въ тотъ же день получилъ звѣзду Андрея Первозваннаго съ брилліантами.»

Вечеромъ императрица вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ открыла балъ. М. Л. Воронцовъ и А. Г. Разумовскій получили изъ рукъ великаго князя ордена св. Анны. Баронъ фонъ-Корфъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ (103).

Особый придворный штатъ, дворцы, богатыя помѣстья, и между прочимъ Ораніенбаумъ, великолѣпный загородный дворецъ на берегу Финскаго залива, назначены принцу. Архіепископъ Симеонъ Тодорскій приставленъ къ нему для наставленія въ православномъ законѣ (103). Преподавателемъ русскаго языка былъ назначенъ Иванъ Павловичъ Веселовскій, исполнявшій въ царствованіе Петра I-го разныя секретныя порученія, а при Елизаветѣ дослужившійся до тайнаго совѣтника. Профессору Штелину поручено преподавать исторію и математику.

Педагогическая дѣятельность наставниковъ не начиналась, а уже 10-го февраля, въ первые, съ полнѣйшимъ торжествомъ праздновали день рожденія герцога. Во дворцѣ послѣ принятія поздравленій, обѣдни и молебна, герцогъ былъ возведенъ въ званіе подполковника Преображенскаго полка, въ полдень былъ торжественный обѣдъ; государыня съ племянникомъ обѣдали, сидя на тронѣ, при звукахъ италіанской

Digitized by Google

музыки, пушечной пальбы и криковъ гвардейцевъ, выстроенныхъ у дворца. Въ 7 часовъ начался балъ, въ 8 зажжена преизрядная иллюминація (104), она изображала: увеселительный садъ съ цвѣтниками, посреди которыхъ находился басейнъ, вокругъ 14 *горшковъ* съ молодыми цвѣтущими деревцами. По сторонамъ пальмовыя аллеи, надъ сводами ихъ герцогскія короны, въ перспективѣ дворецъ, къ дверямъ его ведутъ 14 ступеней; двѣ статуи—*любовь* и *достоинство* видны по бокамъ, на фронтонѣ вензель герцога. Фейерверкъ изображалъ Россію въ видѣ «величественной и бодрой жены,» въ одной рукѣ ея щитъ съ вензелемъ императрицы, другою—указываетъ на пальмовое дерево съ надписью: «Возрастай.»

Въ этотъ же день Михайло Васильевичъ Ломоносовъ (105), поднесъ оду. Этотъ первый опытъ панигириста новой государыни былъ написанъ по случаю прибытія изъ Голстиніи и дня рожденія Петра Ѳедоровича и состоялъ изъ 140 стиховъ; вотъ нѣкоторые:

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна,
Россія зритъ конецъ бѣдамъ. —
И что уже Елизавета
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ,
Прекрасной Анной днесь рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всещедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ;
Ужъ съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно:
Всего народа веселъ шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верхъ восходитъ,
И мой отрады полный умъ,
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.....

Digitized by Google

Петрополь по тебѣ (Петрѣ) терзался,
Когда съ тобою разлучался,
Еще въ зачатіи твоемъ (106) и т. п.

Послѣдующіе дни Петръ знакомился съ достопримѣчательностями Петербурга; его, между прочимъ, возили 15-го февраля въ академію наукъ, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ разныя работы художниковъ, также кунсткамеру и медальный кабинетъ.

На слѣдующій день императрица, вмѣстѣ съ герцогомъ, дѣлали смотръ на льду Невы украинской ландмилиціи, состоявшей изъ 6000 *изрядныхъ* людей.

Заботясь о здоровьѣ племянника, государыня поспѣшила указомъ, отъ 11-го февраля, строжайше воспретить всѣмъ, у кого въ домѣ окажется оспа, отнюдь не пріѣзжать ко двору, какъ во время болѣзни, такъ спустя шесть недѣль послѣ ея окончанія; тѣмъ же людямъ, которымъ надо быть при дворѣ, не ѣздить въ дома, гдѣ есть таковые больные.

Страннымъ покажется, что въ это время, когда столь много людей, самаго низкаго происхожденія, или небольшихъ чиновъ, нерѣдко за заслуги сомнительныя, или по протекціи временщиковъ, получали весьма важные чины, почетнѣйшія должности и первѣйшіе ордена, въ сенатѣ состоялся, 15-го февраля, именной указъ о повышеніи *чинами по старшинству и заслугамъ*. «Буде кто того недостоинъ, хотя и имѣетъ старшинство о томъ приказывалось доносить съ объясненіемъ, а не по старшинству никого не производить.» Этотъ указъ остался безъ послѣдствій и примѣненій (107).

Еще въ первый день 1742 года было объявлено о томъ, что коронованіе ея величества имѣетъ быть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (107). При чемъ «требовалось, чтобы подданные молили Бога о здоровьи государыни.» Въ половинѣ февраля Елизавета стала собираться въ дорогу. Въ московскихъ окрестностяхъ все было приготовлено для царской охоты (107); дорога въ Москву исправлена. Сановники, долженствовавшіе принимать участіе въ церемоніалѣ, сдали свои дѣла помощникамъ (107).

Наконецъ *во вторникъ* (107), 23-го февраля, послѣ *короткаго* обѣда, въ исходѣ 2-го часа, государыня, въ сопровож-

Digitized by Google

денія громадной свиты, при громѣ пушечной пальбы, отправилась въ Царское село, откуда въ 1-мъ часу ночи выѣхала дальше.

Около этого же времени на горизонтѣ показалась комета. Въ вѣдомостяхъ, поэтому случаю, было сказано: «комета въ такое время на небѣ явилась, которое, по справедливости, за достопамятнѣйшее въ нынѣшній вѣкъ должно быть почтено (107).»

Государыня ѣхала довольно скоро. По словамъ тѣхъ же вѣдомостей: начальники городовъ и деревень всячески *содѣйствовали* жителямъ изъявлять свою любовь къ новой государынѣ: «улицы въ городахъ и деревняхъ, чрезъ которыя ѣхала императрица, были уставлены ёлками на подобіе аллей.» У каждой станціи дѣлались эти аллеи, бесѣдки и ворота изъ ёлокъ. По вечерамъ и ночью зажигались иллюминаціи, пылали смоляныя бочки. Градоначальники въ Новгородѣ, Торжкѣ, Валдаѣ, Твери, Клину ставили народъ такимъ образомъ, чтобъ мужской полъ былъ непремѣнно на правой, а женской полъ на лѣвой сторонѣ. Толпы падали ницъ при приближеніи экипажей и провожали ихъ *радостными восклицаніями*. 26-го февраля, сопровождаемая придворнымъ штатомъ, государыня прибыла въ село Всесвятское, отстоящее отъ Москвы въ семи верстахъ; туда пріѣхало множество знатныхъ особъ обоего пола, также и отъ синода духовенство для поздравленія императрицы съ благополучнымъ прибытіемъ. 28-го февраля происходилъ торжественный и весьма пышный въѣздъ въ Москву. Для сего случая было выстроено нѣсколько тріумфальныхъ воротъ: первыя на Тверской улицѣ у землянаго города отъ Московской губерніи; вторыя въ Китай-городѣ у гостиннаго двора отъ синода, третьи отъ купечества, на Мясницкой улицѣ, четвертыя на Яузѣ, у дворца ея величества.

28-го февраля девятью выстрѣлами изъ пушекъ, поставленныхъ на красной площади, поданъ былъ сигналъ къ начатію церемоніи; вслѣдъ за колоколомъ Ивана-великаго загудѣли всѣ московскіе колокола. По всему протяженію пути вытянуты были шпалерами полки Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій (они приведены были изъ С.-Петербурга

Digitized by Google

не въ полномъ составѣ). Также полки ландмилицкіе и армейскіе.

Въ Кремлѣ, по всему протяженію пути, отъ рѣшетки къ соборамъ были устроены помосты съ балюстрадами; все это было покрыто дорогими коврами и сукнами. Кромѣ того, всѣ дома были убраны разными украшеніями, изъ оконъ съ балконовъ вывѣшены персидскіе и турецкіе ковры, и разныя богатыя матеріи.

Отвсюду — со стѣнъ, съ заборовъ, съ крышъ, съ балконовъ, съ особо-устроенныхъ помостовъ, видны были несмѣтныя толпы любопытныхъ.

Въ 10 часовъ процессія тронулась: порядкомъ поѣзда распоряжался оберъ-прокуроръ сената. Въ современномъ описаніи подробно изложенъ составъ поѣзда, названы всѣ придворныя и знатныя персоны обоего пола; всѣ онѣ ѣхали въ богатѣйшихъ экипажахъ цугомъ, окруженные лакеями, гренадерами, ѣздовыми и скороходами. Государыня сидѣла въ великолѣпной каретѣ, запряженной 8-ю *препрядными* неаполитанскими лошадьми; ее непосредственно окружали лейбъ-компанцы, за ними тянулись вереницы камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, конюшенныхъ служителей и гайдуковъ. За поѣздомъ государыни ѣхалъ наслѣдникъ, за нимъ вытягивался его придворный штатъ. За экипажами штатсъ-дамъ, фрейлинъ и другихъ дамъ шли почтальоны, за ними везли «покоевыя, дорожныя сани ея величества и его высочества, и другихъ знатныхъ персонъ.»

Роскошный поѣздъ рѣзко выдѣлялся; тутъ же, подлѣ улицъ, украшенныхъ ради церемоніи, были видны слѣды бѣдственнаго Троицкаго, 1737 года, пожара. Еще много было пепелищъ, пустырей незастроенныхъ; казенныхъ зданій и частныхъ домовъ въ развалинахъ. Многія церкви стояли безъ кровель, главъ, крестовъ, другія извнѣ обгорѣлыя, треснувшія отъ жара... На улицахъ Китай-города между великолѣпными и огромными строеніями лѣпились мазанки съ завалинками, шалаши, покрытыя лубьемъ и рогожами; между каменными рядами кабаки, харчевни и выносные очаги (108).

У первыхъ воротъ процессія была встрѣчена губернаторомъ московскимъ, графомъ Салтыковымъ, также прези-

Digitized by Google

дентами и вице-президентами всѣхъ московскихъ коллегій, конторъ и канцелярій. У кремлевской рѣшетки государыню встрѣтили архіереи и архимандриты съ крестами. «Воспойте людіе болѣпно въ Сіонѣ и молитву воздадите Христу во Іерусалимѣ,» гласилъ хоръ пѣвчихъ, «самъ грядетъ во славѣ со областію... осанна благословенъ еси грядый.» Звонкіе голоса замирали въ оглушительномъ колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ изъ 85 орудій и ружейныхъ залповъ. Приложась къ иконамъ и мощамъ государыня стала на парадное мѣсто.

Хоръ умолкъ, среди всеобщаго безмолвія, раздалось слово Амвросія.

«Пріиде о Россія, говорилъ архіепископъ, твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія: пріиде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и раззореніе; пріиде тишина твоя, благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ неизмѣнная надежда, пріиде едина твоя радость, здравіе, цѣлость, долгоденствіе и отъ всѣхъ противностей оборона и спасеніе, пріиде злымъ и безсовѣстнымъ страхъ и побѣжденіе, пріиде сущая матерь отечества, которая не столько дней и мѣсяцевъ на престолѣ посидѣла, сколько добра, радости, пользы, счастія и безопасности Россіи сотворила.... Всѣ отъ мала до велика духомъ внутрь движимы желаютъ аки елень на источники водные лице государыни своей видѣти: духовенство торжествуетъ, яко своего благополучія крѣпкую получило защиту. Горитъ пламенемъ любви все воинство, яко праведную обидъ своихъ въ произведеніи ранговъ отмстительницу и въ освобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героиню пріобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отнынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины своя чаютъ произведенія... Наказалъ тебя о Россія — Богъ за грѣхи и беззаконія твоя самымъ большимъ наказаніемъ: коль много, по кончинѣ Петра втораго, ты претерпѣла бѣдъ, перемѣнъ, страховъ, пожаровъ, ужасныхъ войнъ, тяжкихъ и многотрудныхъ гладовъ, напрасныхъ смертей и прочихъ безчисленныхъ бѣдствій! Буди же впредъ осторожна, храни, аки зеницу своего ока, здоровье ея величества и его высочества; трепещи о Россія крѣпкихъ и неиз-

Digitized by Google

бѣжныхъ рукъ Божіихъ; перестань беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьянствовать, блудствовать, похищать, обижать, прелюбодѣйствовать...

«Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстановила ты государыня: лишь вступила на престолъ, не медля объявила Сѵноду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога, и какъ мы утаеніемъ сего отъ премудрыхъ и разумныхъ, и откровеніемъ младенцемъ честь и власть императорскую отъ него получили, такъ во первыхъ его-жъ божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одолжаемся.»

«Такимъ образомъ, книгу камень вѣры, въ тьмѣ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому искусному майстеру инструментъ, такъ и она намъ потребна. Враги наши домашніе, внутренніе какую стратагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя въ тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно: тотчасъ бѣды и гоненія надѣйся.»

«Нынѣ же радуется Христосъ, возрадовались ангелы, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поютъ, россіяне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила, и царство Бога, и облагость Христа, яко низложенъ бысть сатана (не Остерманъ ли?), и вси ангелы его съ нимъ. Самъ Христосъ ударилъ въ нихъ каменемъ вѣры, въ прахъ разсыпалъ, зубы ихъ сокрушилъ, и яко дымъ съ вѣтромъ разсѣялъ. И все сіе сдѣлалъ Господь чрезъ одушевленный инструментъ свой — Елизавету Петровну (108).»

Послѣ проповѣди, молебна, хожденій по церквамъ кремлевскимъ, церемоніальное шествіе въ дворецъ продолжалось прежнимъ порядкомъ. У синодальныхъ воротъ Елизавета была встрѣчена хоромъ студентовъ Славяно-греко-латинской академіи: одѣтыя въ бѣлыя платья въ вѣнцахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, они пропѣли сложенную для этого случая пѣсню:

Digitized by Google

Пристѣ день красный
Милость Россіи
Давно желанну.

Возсіяло ведро,
Небеса прещедро,
Зрѣти показали,
Прочь всѣ печали! —

Не одно, ни два
Все дождь проливалъ,
Такажъ пучина.

Но многая лѣта
И не было свѣта,
И слезъ бѣ безмѣстна.
Богу извѣстна. и т. д.

Московское купечество у своихъ воротъ встрѣтило государыню и герцога знатными *презентами*, которые и были приняты.

Во дворцѣ съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ ихъ оберъ-гофмейстеръ, графъ Салтыковъ, при громѣ выстрѣловъ изъ 101 пушки, поставленныхъ у Кремля, и 90 — предъ императорскимъ домомъ.

День заключился баломъ. Три дня сряду не умолкалъ колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ (до 500), и каждый вечеръ въ эти дни, Москва освѣщалась иллюминаціями. Елизавета съ герцогомъ ежедневно катались въ саняхъ (морозы стояли большіе) и любовались потѣшными огнями (108).

Но съ самаго начала великаго поста всѣ празднества, весь шумъ торжествъ утихъ. «Ея величество,какъ было сказано въ вѣдомостяхъ, «по *своему обыкновенію* съ самаго начала поста ежедневно въ молитвѣ упражняться изволила».

Государыней приняты были нѣкоторыя мѣры, указывающія на заботы ея о городѣ и его жителяхъ: такъ запрещено было на улицахъ, близъ строеній разводить огни, раскладывать костры (109). Запрещено было въ городѣ ѣздить на рѣзвыхъ лошадяхъ, мчаться сломя голову: давить и побивать такимъ образомъ проходящихъ. «Буде же у кого такія рѣзвыя лошади сыщутся, тѣ отводить въ конюшни ея величества (109).»

Если вѣрить Штелину, въ это время государыня обратила большое вниманіе «на нужное обученіе герцога-наслѣдника, воспитаніе котораго до селѣ было совершенно забыто въ его прежнемъ отечествѣ. Я, пишетъ Штелинъ, предложилъ прежде всего обучать его русской исторіи, географіи, статистики и точному познанію земли, какъ русской, такъ и

Digitized by Google

совѣдственныхъ государствъ. Государыня приняла мой совѣтъ и два дня спустя представила меня герцогу въ присутствіи Безстужева, Воронцова, Брюммера и Беркгольца. «Я замѣтила, что тебѣ часто бываетъ скучно, сказала императрица, обращаясь къ племяннику, то чтобъ сократить время, провести его и полезно, и пріятно, рекомендую тебѣ Штелина, онъ разсѣетъ твою скуку.»

Первое время Елизавета довольно часто приходила къ герцогу въ учебные часы, предъ полуднемъ, оставалась у него иногда по получасу, по увѣренію Штелина, препровождала время въ разговорахъ, исполненныхъ прекраснаго нравоученія. «Съ удовольствіемъ слушала наши бесѣды о дѣяніяхъ Петра, съ удовольствіемъ сама вспоминала о немъ. Разсказывала государыня между прочимъ о томъ, какъ ея отецъ за частую приходилъ то по утрамъ, то послѣ обѣда къ своимъ дочерямъ Аннѣ и Елизаветѣ, чтобы видѣть, какъ онѣ препровождали время. За частую спрашивалъ у нихъ чему они выучились, что читали, буде въ чемъ успѣвали хвалилъ, цѣловалъ ихъ, а не рѣдко за прилежаніе присылалъ подарки.

Однажды къ вечеру, когда при дворѣ нечего было дѣлать, разсказываетъ Штелинъ, и герцогъ съ учителемъ одни были въ учебной комнатѣ, нечаянно вошла Елизавета. Великій князь, подъ руководствомъ наставника, снималъ планъ кегорновой крѣпости. Ея величество просила продолжать занятія, любовалась почти съ часъ, приказала объяснить ей всѣ части крѣпости и разные образцы (?) фортификаціи, которую очень полюбилъ великій князь, и потомъ ему сказала: «Видишь, какъ пріятно проводить время, когда чему-нибудь выучишься. Я очень хорошо помню, какъ отецъ мой частенько выказывалъ сожалѣніе о томъ, что его въ молодости не побуждали учиться; всякій день видѣлъ онъ, чего ему не доставало, и чему необходимо было выучиться (109)».

Въ постѣ, молитвахъ, въ исполненіи церковныхъ обрядовъ проводила это время Елизавета: оно разнообразилось аудіенціями — такъ, напр. пріемомъ персидскаго посла (109), — смотрами войскъ, что вообще было довольно-рѣдко, надзоромъ за приготовленіями къ предстоящей коронаціи. Въ

Digitized by Google

вѣдомостяхъ было сказано: «Здѣсь, въ Москвѣ, со всякимъ прилежаніемъ строятъ великолѣпный, оперный домъ — онъ будетъ готовъ въ апрѣлѣ. Въ зимнемъ домѣ императрицы строятъ большую маскарадную залу; вообще идутъ большія приготовленія къ цѣлому ряду торжествъ».

Дѣлами государыня занималась мало, для нихъ не любила отвлекаться отъ церковныхъ службъ.

Елизавета продолжала съ большимъ усердіемъ посѣщать храмы Господни, гдѣ святѣйшія архипастыри не переставали гремѣть обличительными словами. Особенно замѣчательно было слово, сказанное въ это время въ придворной церкви архимандритомъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря Дмитріемъ Сѣченовымъ. «Будемъ благодарны, говоритъ между прочимъ ораторъ, благодарны Богу за восшествіе на престолъ Елизаветы, нынѣ день спасенія, отложимъ убо дѣла темныя, облецемся въ оружіе свѣта! Не стыдно ли коликое попеченіе о тѣлеси нашемъ имѣемъ, которое нынѣ красно, а утро гной, смрадъ, черви будетъ; тѣло и брашными тучными и вінами веселимъ, лѣкарствами подкрѣпляемъ, всѣ труды наша, все житіе въ единомъ тѣлоугодіи, а о душѣ несть ни единаго попеченія, вся скверна, окаянна, болѣзненна, и не думаемъ, поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку (?), за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи на ухо: я тебя не оставлю, возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть..... Нѣтъ у насъ ни любви, ни богомысліи, ни правды, ни милости, да о нихъ и не заботимся!.....» (110).

Не такъ рѣзко слово Маркелла епископа корельскаго и ладожскаго, сказанное имъ три дня спустя послѣ Сѣченова. Превознося Елизавету превыше облакъ ходячихъ, архипастырь много говоритъ самыхъ выспренныхъ похвалъ императрицѣ по поводу слѣдующаго событія. «Въ день своего рожденія, 18 декабря, лишь только Елизавета подъ балдахиномъ готовилась сѣсть на тронъ обѣдать, какъ увидѣла Богодухновеннымъ (111), православнымъ, внутреннимъ и внѣш-

Digitized by Google

нимъ окомъ, что нѣтъ надъ трономъ иконы. Удержась на время отъ *сѣдѣнія*, приказала принести и поставить подлѣ икону Богоматери съ младенцемъ на рукахъ и, не смотря на иностранныя обыкновенія, призвала архіереевъ, приказала благословить трапезу, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и нача постныя вкушати снѣди! И се православное дѣло, восклицаетъ Маркеллъ, се чудо во днѣхъ нашихъ бывшее и т. п.» Проповѣдникъ много говоритъ о необходимости стражайшаго соблюденія постовъ и образцомъ истиннаго благочестія приводитъ императрицу.

Высчитывая великія дѣянія новой государыни, архипастырь указывалъ на образованіе лейбъ-компанской роты, на щедрыя награжденія преображенцевъ и вообще гвардейскихъ солдатъ. Но именно въ это время поведеніе героевъ 25-го ноября было далеко не безукоризненно.

Лишь только дворъ оставилъ Петербургъ, гвардейцы воспользовались слабымъ за ними надзоромъ и уже ободренные примѣрами лейбъ-компанцевъ позволяли себѣ всевозможные безпорядки. Пьянство, разгулъ, развратъ, драки, ссоры не прекращались, батожье, сѣченье не останавливало, напротивъ возбуждало негодованіе солдатъ противъ иноземныхъ офицеровъ. Солдаты толпами врывались въ дома именитѣйшихъ сановниковъ, съ угрозами требовали у нихъ денегъ, безъ церемоній брали все, что имъ казалось лучшаго. Всегда пріученные къ палкѣ и кнуту, говоритъ Манштейнъ, ни вновь произведенные офицеры, ни солдаты освобожденные на время отъ палокъ, не могли привыкнуть къ жизни тихой, трезвой, хорошей. — Безобразіе жизни лейбъ-компанцевъ дошло до того, что Елизавета принуждена была многихъ выключить изъ этой роты и опредѣлить офицерами въ другіе полки, на вакатныя мѣста: «это лучшее средство, замѣчаетъ Манштейнъ, *имѣть хорошихъ* офицеровъ въ арміи.»

Гвардейцы, и въ особенности лейбъ-компанцы, пишетъ современникъ Бибиковъ, пьянствуютъ, развратничаютъ, таскаются по трактирамъ, составляютъ картежныя общества, вовлекаютъ въ свою среду молодежъ, нещадно колотятъ тѣхъ, кто имъ противится (112).

Безъ дѣятельныхъ мѣръ, принятыхъ фельдмаршаломъ Лас-

Digitized by Google

сп, буйства гвардейцевъ имѣли бы пагубныя слѣдствія для жителей столицы. Къ концу великаго поста безпорядки эти приняли большіе размѣры: въ день Свѣтлаго праздника одинъ гвардейскій солдатъ поссорился на улицѣ съ армейскимъ гренадеромъ, отъ спора произошла у нихъ драка; во время оной одинъ офицеръ, изъ нѣмцевъ, того полка, въ которомъ служилъ гренадеръ, проходя мимо, почелъ обязанностію ихъ развести, и оттолкнулъ гвардейскаго солдата; сей послѣдній началъ кричать и звать на помощь товарищей, находившихся въ сосѣдствѣ. Въ ту же минуту явилась толпа буйныхъ солдатъ, офицеръ не могъ одинъ противостоять имъ и ушелъ въ сосѣдній домъ, въ которомъ находились другіе офицеры изъ иностранцевъ. Толпа мятежниковъ пошла за нимъ и разломала двери, которые успѣли на скоро заложить; мятежники напали на офицеровъ; эти, будучи въ меньшемъ числѣ, отступали изъ комнаты въ комнату, до чердака; но солдаты и туда дошли. Нѣкоторые офицеры спаслись по кровлямъ, другіе были схвачены и почти до смерти избиты: Сотронъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Броунъ были изувечены до полусмерти. Мятежъ укрощенъ посланными пикетами, зачинщики взяты подъ стражу. Ласси сдѣлалъ донесеніе ко двору и мятежники были наказаны, но слишкомъ легко, отъ чего своеволіе гвардейцевъ увеличилось. Ласси приказалъ по всѣмъ улицамъ поставить пикеты армейскихъ солдатъ, которые ходили по городу днемъ и ночью. Не смотря на это, жители Петербурга были въ большомъ страхѣ: многіе оставили свои дома, всѣ ворота были заперты (112).

Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ буйствовали солдаты,— въ Москвѣ было тихо и спокойно: Свѣтло Христово Воскресенье государыня съ придворнымъ штатомъ встрѣтила въ любимомъ своемъ селѣ Покровскомъ, въ церкви, выстроеной, по ея указу, въ шесть недѣль. По случаю наступившихъ празднествъ всѣ дѣла государственныя были отложены: съ 17-го апрѣля по 3-е мая не вышло ни одного указа, между тѣмъ какъ въ остальное время они выходили почти ежедневно.

Распорядителями торжествъ были назначены: верховнымъ маршаломъ князь Н. Ю. Трубецкой, верховнымъ церемоніймейстеромъ баронъ Люберасъ, оберъ-церемоніймейстерами

Digitized by Google

князь Черкаской и Лопухинъ (президентъ канцеляріи конфискацій).

23-го апрѣля съ надлежащею церемоніею было объявлено о времени коронованія герцогу, иностраннымъ министрамъ; герольды *со всею помпою*, возвѣстили жителей столицы. Въ тотъ же день, государыня съ придворнымъ штатомъ изъ зимняго дома, переѣхала въ кремлевскій императорскій домъ, и *резидовала* въ покояхъ потѣшнаго дома, который по сему случаю, былъ пребогато убранъ.

Еще съ большею роскошью, приготовлены были въ Успенскомъ соборѣ мѣста для императрицы, герцога, министровъ, именитаго духовенства и галлереи — для высоко-чиновныхъ особъ обоего пола.

Въ 5-ть часовъ утра, 25-го числа, данъ сигналъ изъ двадцати одной пушки, для сбора войскъ и участвовавшихъ въ процессіи: лейбъ-компанцы вытянулись шеренгами отъ внутреннихъ покоевъ государыни, по красному крыльцу, до церковныхъ дверей. Въ 6-ть часовъ стали съѣзжаться сановники, посланники, дамы и дѣвицы *знатнѣйшаго шляхетства*, убранныя въ пребогатыхъ *робахъ*, всѣ они становились въ дворцовыхъ покояхъ, сѣняхъ, на лѣстницѣ, на помостѣ, въ церкви, противъ нумеровъ, наканунѣ назначенныхъ имъ отъ коммиссіи. Въ церковь впускались не иначе какъ по билетамъ. Въ 8-мъ часу императорскія *регаліи* церемоніально перенесены изъ мастерской палаты въ аудіенцъ-камеру. Въ тоже время заблаговѣстили, и по первому удару колокола, въ соборъ съѣхалось знатное духовенство; отслуживъ заздравный молебенъ и часы, оно ожидало императрицу. Вслѣдъ за его высочествомъ, и его придворнымъ штатомъ, явилась государыня: надъ нею несли великолѣпнѣйшій балдахинъ, шлейфъ несли двѣнадцать человѣкъ по парно на довольномъ разстояніи другъ отъ друга, впереди по бокамъ и сзади, въ строгомъ порядкѣ шли придворные, депутаты и представители разныхъ областей, городовъ, сословій и правительственныхъ учрежденій. Любопытно, что тутъ были тридцать шесть представителей русскихъ, древнѣйшихъ фамилій. Лишь только началась процессія, усилились колокольный звонъ, пушечная пальба, войско взяло на караулъ, зна-

Digitized by Google

мена преклонились, архіепископъ Амвросій и епископъ псковской Стефанъ—кадили фиміамъ, кропили священною водою.

Обрядъ коронованія производился по общепринятому порядку (*), тѣмъ не менѣе въ современномъ описаніи помѣщены всѣ подробности сего обряда, приведены псалмы, молитвы, мѣста изъ священнаго писанія, символъ вѣры.... Амвросіемъ сказано было выспренное поздравленіе.

«Кое жъ большое можетъ быть великодушіе, восклицаетъ между прочимъ витія, какъ сіе: забыть деликатность своего пола, пойти въ малой компаніи на очевидное здравіе своего спасенія, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятелей, и сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла Россійскаго, ночныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра I изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ русскихъ изъ неволи высвободить.... За это освобожденіе, уже не одну, но тысячу коронъ на тебя возложить долженствуетъ, Ты попрала смерть, разорила адъ, связала дьявола, и всѣмъ узникамъ, сѣдящимъ въ тьмѣ и сѣни смертной, вѣчное даровала освобожденіе» и т. д.

По окончаніи обряда коронованія, при шествіи въ разные кремлевскіе соборы, — въ народъ кидали золотые и серебренные жетоны. По возвращеніи во дворецъ, въ ожиданіи обѣда, ея величество наградила слѣдующихъ лицъ:

Принцъ *Гессенъ-гомбургскій* генералъ-фельдцейхмейстеръ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Орденъ св. Андрея получили: В. *Долгоруковъ*, В. *Салтыковъ*, А. *Разумовскій*, М. *Безстужевъ-Рюминъ*, Н. *Трубецкой*, А. *Нарышкинъ* и *Бриммеръ*.

Въ полные генералы произведены: А. *Бутурлинъ*, *фонъ-Люберасъ*, Д. *Шепелевъ*.—М. *Хрущовъ* получилъ прежній чинъ генералъ-лейтенанта. (?)

Въ генералъ-лейтенанты: — А. *Елагинъ*.

---

*) См. «Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось коронованіе Елизаветы», 1742 г., въ листъ, славянскими буквами.

Digitized by Google

Въ тайные совѣтники: — баронъ А. *Строгоновъ*.

Орденъ св. Александра Невскаго получили: *Берхгольцъ*, М. *Воронцовъ*, А. и П. *Шуваловы*, А. *Татищевъ* и Е. *Рагузинскій*.

Въ генералъ-маіоры — В. *Салтыковъ*, всего пять человѣкъ.

Дѣйствительными камергерами въ отставку: князья А. *Вяземскій*, В. *Хаванскій*, М. *Голицынъ*, гофъ-юнкеръ В. *Мошковъ*.

Дѣйств. стат. совѣтникомъ Н. *Строгоновъ*.

Графскимъ титуломъ пожалованы: А. и И. *Гендриковы*, также сестры ихъ фрейлины *Марья* и *Марва Гендриковы*, И. и А. *Ефимовскіе*, также Г. *Чернышевъ*, П. *Бестужевъ-Рюминъ*.

Баронскій титулъ получилъ И. *Черкасовъ*.

Въ дворяне пожалованъ лейбъ-кучеръ *Гаврила Скорняковъ*.

Въ статсъ-дамы фрейлина Мавра *Шувалова*, графиня Марья *Гендрикова*, Анна *Воронцова*.

Въ бригадиры, между другими произведенъ полковникъ О. *Вишневскій*, виновникъ счастія кавалера Андрея Первозваннаго А. Г. *Разумовскаго*.

Въ полковники произведены двое.

Въ подполковники — одинъ.

Въ капитаны — одинъ.

Въ Преображенскомъ полку въ капитаны, произведено восемь человѣкъ, между ними князь *Константинъ Кантеміръ*.

Затѣмъ въ остальные чины въ томъ же полку произведено 70 человѣкъ.

Въ Семеновскомъ полку, въ подполковники произведенъ С. *Апраксинъ;* въ остальные чины 43 человѣка.

Въ поручики, между другими, изъ камеръ-пажей произведенъ Иванъ *Шубинъ*, вѣроятно родственникъ А. Я. *Шубина*.

Въ Измайловскомъ полку, производство было столь же велико: пожаловано разными чинами, отъ капитанскаго до прапорщичьяго 68 человѣкъ.

Въ лейбъ-гвардіи конномъ полку — 56 человѣкъ.

Деревнями пожалованы: *Ласси* четырмя мызами въ Лифляндіи.

Кейтъ — тамъ же 23 гаками.

Левендаль — тремя мызами.

Digitized by Google

Вслѣдъ за объявленіями о тѣхъ наградахъ и производствахъ Василій Тредіаковскій *раболѣпно* поднесъ государынѣ *усерднѣйшею* привѣтственную оду (117), изъ 120 стиховъ.

Народъ, восклицаетъ между прочимъ поэтъ, вспоминая прежнее время:

Народъ тогда колико бѣдный
Лилъ теплыхъ къ вышнему молитвъ,
Да взыдетъ та на тронъ наслѣдный,
Хоть былъ ему страхъ отъ ловитвъ!
О! Вы толь храбрые солдаты,
Монархіни ея коль краты
Сердецъ желали въ глубинѣ?
Вы, о! стѣна Россіи тверда,
Ужь видите, что милосерда
Верховнѣйшея въ сей странѣ!
Поставлены ужъ сѣти были;
Ямъ оказалась глубина;
Бѣды и скорби насъ губили;
И ненависть воружена:
Блевала злость зміинымъ ядомъ,
Со дна всѣмъ подъималась Адомъ.
Россіи горькій токмо стонъ.
Всѣ безъ защиты отъ навѣта!
Но ты зря, о! Елизавета,
Какъ будто сихъ не зрила сонъ.
Особа жъ ли твоя дражайша
Тогда пребыть могла безъ бѣдъ?
Вездѣ обиды, всюду страхи;
Уже и самые всѣ прахи
Любезну гнали небесамъ. —
Нынѣ же:
Нѣтъ мѣста у Роса фортунъ съ коломъ
Вѣнецъ твой щитъ намъ отъ всего и. т. д.

Прочтя произведеніе придворнаго поэта, государыня въ процессіи придворныхъ отправилась обѣдать въ грановитую палату. Лейбъ-компанцы окружали Елизавету. «Потомъ, когда ея величество, сидя на тронѣ, изволила спросить кушать, выпила и прикушала, тогда всѣ особы знатныя, отдавъ поклонъ, сѣли за столы, были трактованы пребогатымъ обѣ-

Digitized by Google

домъ.... «Кушанье приносили знатнѣйшіе сановники и подавали императрицѣ съ колѣноприклоненіемъ.»

Во время стола играли *преизрядные* концерты два хора итальянской музыки. По окончаніи обѣда, изъ окна грановитой палаты Елизавета Петровна бросала жетоны: народъ съ воплями, съ шумомъ и ссорами подхватывалъ золотые и серебренные кружки (113).

«Торжество коронаціи, по словамъ описанія, продолжалось съ радостными забавами цѣлую недѣлю: во всѣ дни звонъ колоколовъ не умолкалъ, а по вечерамъ зажигались въ Москвѣ преизрядныя и весьма великія иллюминаціи (114).»

26-го Апрѣля въ аудіенцъ-камерѣ, что на потѣшномъ дворѣ *), государыня, сидя на тронѣ *со всею помпою* принимала поздравленія особъ первыхъ четырехъ классовъ, они опускались на колѣни и цѣловали ея руку. Въ 4 часа, послѣ обѣда, принимала поздравленія отъ всего духовенства иностранныхъ министровъ, женъ и дочерей особъ пятаго и шестаго классовъ, лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства отъ бригадировъ до маіоровъ включительно, наконецъ депутатовъ Эстляндіи и Лифляндіи; послѣдніе говорили поздравительныя рѣчи.

Между тѣмъ предъ грановитой палатой на двухъ высокихъ *рундукахъ* поставлены были жареные быки, начиненные разнаго рода жареными птицами, тутъ же устроены были фонтаны краснаго и бѣлаго вина. По данному знаку императрицей народъ стремглавъ разхваталъ яства, ловя при этомъ жетоны, бросаемые изъ оконъ дворца.

27-го Апрѣля въ собраніи всѣхъ чиновъ, представлялся съ поздравленіемъ персидскій полномочный посолъ Магометъ-Гусейнъ-Ханъ съ своею свитою (116).

На послѣ-обѣденной аудіенціи представлялись между другими члены академіи наукъ и медицинскаго факультета. Привѣтственную рѣчь говорилъ профессоръ аллегоріи Штелинъ.

28-го числа были допущены на аудіенцію придворные чины и лейбъ-компанцы, съ ихъ офицерами. Въ этотъ же

*) Бывшій домъ *И. Д. Милославскаго.* Онъ удержалъ за собой названіе дворца потѣшнаго съ-тѣхъ-поръ, какъ въ царствованіе Алексѣя представляли здѣсь комедіи и духовныя мистеріи. *Спб. Арх.* 1822. № 21.

Digitized by Google

день народу вновь были выставлены жареные быки, птицы, и фонтаны винъ. День кончился баломъ въ грановитой палатѣ.

29-го Апрѣля, въ 10 часовъ утра, государыня и герцогъ церемоніально-предшествуемые и послѣдуемые всѣмъ своимъ штатомъ, въ дорогихъ экипажахъ отправились въ яузкій дворецъ, провожаемые колокольнымъ звономъ, пушечной и ружейной пальбой, криками солдатъ, музыкой своихъ всѣхъ полковыхъ хоровъ. Улицы были обставлены частымъ ельникомъ. Послѣ торжественнаго обѣда, вечеръ заключился баломъ.

Публичные обѣды и балы для особъ первыхъ пяти классовъ были 3-го, 4-го и 7-го мая. Съ этого же времени во дворецъ допускались всѣ желающіе видѣть императорскіе регаліи: корону, скипетръ, державу, мантію, ордена и проч. Но *«подлыхъ людей»* приказано было не пускать (115).

Съ 8-го мая начались при дворѣ маскарады. Въ продолженіи ихъ государыня и герцогъ были въ маскарадномъ платьѣ; всѣ присутствующіе угощаемы были пребогатыми обѣдами, при чемъ кушали безъ масокъ. Купечество угощали въ особомъ залѣ, за особыми столами. Билетовъ для входа въ маскарадъ было выдано не болѣе 900.

29-го мая при дворѣ шла итальянская опера, зрители были въ маскарадныхъ платьяхъ.

Поставили на сцену: «Милосердіе Тита» слова *Метастазія*, музыка славнаго *Гассе*, съ музыкальнымъ прологомъ сочиненнымъ *Доменико-Даллогліо*, подъ названіемъ: «Россія, опечаленная и утѣшенная» текстъ пролога былъ написанъ Штелинымъ. Въ этомъ прологѣ, такъ разсказываетъ современникъ, была одна арія, которую пѣла олицетворенная Россія: «Ato mici figli» и которую Елизавета Петровна выслушала со слезами.

Для представленія оперы построили въ Москвѣ, противъ императорскаго дворца, на обширной площади, театральную залу въ новѣйшемъ вкусѣ, въ которой помѣщалось до 5000 зрителей. Главные роли были играны г-ею Жіоржи и ея мужемъ, двумя пѣвицами: Розиною Бонъ и Екатериною Масони и теноромъ Кричи. Хоры исполнялись огромною массою

Digitized by Google

голосовъ, при чемъ впервые были употреблены пѣвчіе императорской капеллы.

Если вѣрить Штелину, то желаніе московской публики видѣть эту первую оперу было столь сильно, что множество зрителей обоего пола собралось въ залу за шесть часовъ до начала представленія, для того чтобы занять мѣста (118).

31-го мая балъ и маскарадъ повторенъ, а 3-го іюня во время великолѣпнаго бала, маскарада и ужина сожгли громадный фейерверкъ.

6-го числа снова былъ балъ, маскарадъ, и шла опера италіанская.

Празднества заключены были 7-го іюня великолѣпнѣйшей иллюминаціей во всей Москвѣ (115).

День коронованія Елизаветы Петровны былъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ съ большимъ торжествомъ: обѣдами, балами, фейерверками и иллюминаціями. (119) Утромъ сего дня въ собраніи членовъ академіи, многихъ генераловъ и постороннихъ особъ, Крафтъ, профессоръ физики, читалъ рѣчь о изобрѣтенныхъ недавно во Франціи клавикордахъ глаза веселящихъ, «и при томъ старался, по словамъ вѣдомостей, по физическимъ основаніямъ разрѣшить сей вопросъ: *могутъ ли цвѣты, при извѣстномъ расположеніи, въ глазахъ глухаго человѣка такое-жъ увеселеніе произвести, какое мы чувствуемъ ушами отъ музыкальныхъ звуковъ?*» На это отвѣчалъ отъ лица академіи докторъ Вейтбрехтъ, профессоръ физіологіи. Проповѣдь, сказанная въ этотъ день протопопомъ Петропавловскаго собора Петромъ Гребневскимъ (120) есть повтореніе сказаннаго Амвросіемъ, Маркелломъ и друг.» О несмысленныя галоти, — говоритъ ораторъ крѣпостнаго собора, выступая съ новыми проклятіями надъ изгнанниками Березовскимъ и Пелымскимъ,—кто васъ прельстилъ не покаяться истиннѣ? О гробы повапленные, како отъ внѣ являлися красны, внутрь же исполнены были зміевъ ядовитыхъ! О яблоки содомскія; како добры вѣдѣнію человѣческому являлися, внутрь же сокрывали пепелъ, червіе и жупелъ? О лисы прехитрыя; взоромъ смиреніе показывающіи, внутрь же ухищрении и козней діавольскихъ исполнены были! О

Digitized by Google

ковчеги позлащенныя, не манну, но обману и квасъ фарисейскій въ себѣ содержащія!»

XI.

Перемиріе.— Приготовленія къ возобновленію кампаніи.— Состояніе шведской арміи. — Манифестъ 18-го марта. — Бунтъ гвардейцевъ. — Занятіе Мендолакскаго дефиле и Фридрихсгама.— Бѣгство Левенгаупта.— Дѣйствія на морѣ.— Письмо офицера въ Стокгольмъ. — Занятіе Нейшлота, Тавасгуста и Кексгольма. — Присоединеніе уѣздовъ борговскаго, нюланскаго и тавасгустскаго.— Обходное движеніе русской арміи. — Арестъ шведскихъ военачальниковъ. — Капитуляція 24-го августа. — Покореніе Финляндіи (121).

«Милосердый Господи! Истреби шведовъ бурею твоею, смути ихъ гнѣвомъ твоимъ, исполни лица ихъ безчестія, да постыдятся и смятутся въ вѣкъ вѣка, да посрамятся и исчезнутъ, и да погибнутъ нечестивіи: имя же твое, премилосердый Боже, да прославится въ насъ, прилѣжно молимся, услыши и помилуй!»

(О побѣдѣ на супостаты. М. 1742, стр. 16).

Начиная кампанію 1741 года, шведы объявили, что они хотятъ возвести на престолъ дочь Петра I и освободить Россію отъ иноземнаго ига. Но Елизавета взошла на престолъ безъ помощи шведскихъ пушекъ; главнѣйшій поводъ къ войнѣ самъ собою уничтожился, война по видимому должна была прекратится, но не такъ вышло. Шведамъ въ сущности все было равно: Анна или Елизавета занимаютъ русскій престолъ, Остерманъ или Бестужевъ правитъ Россіей: имъ нужны были области, отнятыя у нихъ Петромъ.

Какъ бы то ни было, но 25-го ноября новая государыня освободила плѣннаго капитана Дидрона и отправила его къ военачальнику шведской арміи съ извѣстіемъ о переворотѣ и письмомъ Шетарди. Послѣдній именемъ Елизаветы предлагалъ заключить перемиріе. 27-го числа Левенгауптъ принялъ предложеніе, послѣ чего до марта мѣсяца уполномоченные обѣихъ сторонъ вели безплодные переговоры о мирѣ.— Шведы, разбитые на всѣхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, съ странною самоувѣреностью и настойчивостью требовали всей Финляндіи съ городомъ Выборгомъ. Петербургское правительство рѣшительно объявило, что оно не намѣрено дѣлать

Digitized by Google

уступки петровскихъ завоеваній, но готово деньгами вознаградить военные издержки. Стокгольмскій кабинетъ отказался.

Тогда начались съ нашей стороны приготовленія къ войнѣ, сбирались войска, свозили хлѣбъ, овесъ, ячмень, *пиво* и прочіе запасы (122). Въ концѣ марта большую часть войска переправили черезъ Неву и стали стягивать къ Выборгу. Туда двинулись полки конной и пѣшей гвардіи (не въ полномъ составѣ), 15 драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Въ самомъ скорѣйшемъ времени, объявляли вѣдомости, близъ Выборга, подъ начальствомъ «фельдмаршала Ласси соберется армія изъ 70,000 регулярнаго, 12,000 иррегулярнаго войска, (не считая гарнизоновъ); да въ Лифляндіи и Эстляндіи 15000. Кронштадтскій флотъ, по тѣмъ же офиціальнымъ извѣстіямъ, состоялъ изъ *великаго числа* военныхъ и транспортныхъ судовъ; на нихъ кромѣ матросовъ, было помѣщено 5000 пѣхоты, вооружалось 70 галеръ, для 15-ти тысячнаго отряда.— Генералъ-инспекторы доносили, что полки обмундированы, вооружены и снабжены запасами; конница *удовольствована* весьма добрыми лошадьми и т. д. (122).»

Но газеты увеличивали число нашего войска. Достовѣрно извѣстно, что вся наша дѣйствующая армія въ Финляндіи состояла изъ 35,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 10,000 на судахъ. Флотъ, довѣренный вице-адмиралу Мишукову, не превышалъ 12-ти линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и мелкихъ судовъ.

Среди приготовленій къ войнѣ, государыня, по словамъ иностранцевъ, созвала на совѣтъ отрядныхъ начальниковъ; между прочимъ явился и донской атаманъ, маститый старецъ (123), закаленный въ бояхъ. «Государыня,— началъ онъ, обращаясь къ Елизаветѣ, — еслибы вашъ государь батюшка послушался меня, такъ шведы бы теперь не посмѣли и пикнуть. Забравшись къ нимъ, въ ихную сторонку, стоило только перерѣзать побольше этихъ бусурмановъ и дѣло было бы кончено!»

Но непріятельская армія и безъ пособія ножей и пикъ казацкихъ приведена была въ самое жалкое состояніе. Въ лагерѣ ихъ у Фридрихсгама отъ дурной пищи, тѣснаго по-

Digitized by Google

мѣщенія, скверной погоды распространились заразительныя болѣзни. Солдаты укрывались отъ дождя, снѣга и слякоти въ землянкахъ: но въ нихъ было такъ сыро, что платье плеснѣвело на платьѣ. Въ день умирало по нѣскольку сотень людей; землянки стали замѣнять могилы, ихъ наполняли трупами, сбрасывали крышу и засыпали землей. Трупы хоронились безъ церковныхъ обрядовъ, нагіе, нерѣдко истерзанные голодными собаками.

Въ Швеціи, между тѣмъ, не довѣряли искренности Россіи относительно мира, и король еще 7-го декабря 1741 года писалъ Левенгаупту: «Елизавета успокоиваетъ насъ обѣщаніями: правительство ея утвердится, мы упустимъ благопріятное время, не мѣшкайте, идите къ Петербургу».— Но до 19-го марта шведскій военачальникъ не трогался съ мѣста, доносилъ что непріятеля не видать, и, обманутый письмами Шетарди, вполнѣ вѣровалъ въ успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ. Вдругъ 25-го февраля прискакалъ курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что перемиріе прекращено. Въ арміи разнесся слухъ, что 50-ти тысячный отрядъ двигается къ Фридрихсгаму; поднялась страшная суматоха, полки форсированными маршами шли къ этому городу, валы и бастіоны его были укрѣплены и вооружены, наконецъ, по порученію главнокомандующаго, полковникъ Лагеркранцъ отправленъ въ Москву съ предложеніемъ перемирія и даже мира. Старанія полковника не увѣнчались успѣхомъ; 18-го марта русское правительство обнародовало манифестъ (124): «Мы употребляли всезависящія отъ насъ средства,—объявляла Елизавета,—чтобы прекратить богопротивныя распри: остановили военныя дѣйствія, въ минуту самыхъ блестящихъ успѣховъ нашего оружія; въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ ждали мы мирныхъ предложеній со стороны Швеціи (??), оказывали ея подданнымъ всевозможныя услуги; но мы узнали только одно, что настоящая война начата не съ общаго согласія государственныхъ чиновъ Швеціи; напротивъ немногіе, ради себялюбивыхъ замысловъ, пожертвовали общимъ счастіемъ отчизны: вотъ почему жители Финляндіи желаютъ мира: ихъ страна и имущества подвержены бѣдствіямъ войны. Не желая дѣлать новыя завоеванія, мы принимаемъ въ финлянд-

Digitized by Google

цахъ самое живѣйшее участіе и обѣщаемъ имъ твердо, нерушимо: если они не примутъ ни малѣйшаго участія въ настоящей войнѣ, то никому изъ нихъ не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда; каждый финляндецъ будетъ пользоваться нашимъ покровительствомъ и защитой, наконецъ мы поможемъ княжеству Финляндскому освободиться отъ владычества шведовъ, сдѣлаться государствомъ независимымъ, съ собственнымъ правленіемъ, съ своими законами, правами и привиллегіями. Финляндія сдѣлается такимъ образомъ посредницею между Швеціей и Россіей, чрезъ что и уничтожатся всѣ безпокойства и распри между двумя государствами. Мы готовы завѣрить финляндцевъ, что наше обѣщаніе будетъ свято исполнено. Буде же, вопреки ожиданіямъ, наше благое предложеніе не будетъ принято и финляндцы, изъ неумѣстнаго упрямства, примутъ участіе въ войнѣ противъ насъ, то мы повелимъ раззорить всю страну огнемъ и мечемъ.

Финляндія, занятая шведскими войсками, выжженная и раззоренная, не имѣющая поводовъ довѣряться призывамъ русской самодержицы *къ свободѣ*, не отвѣчала на эти призывы. Что же касается до шведскаго короля, то онъ не замедлилъ обнародовать декларацію, выставляя въ ней Россію единственною виновницею войны. Между тѣмъ въ Фридрихсгамѣ умирало такъ много, что гарнизонъ смѣнялся каждыя двѣ недѣли. Неудовольствія въ арміи возрастали; уваженіе къ начальству исчезло; офицеры веселились въ трактирѣ и подгулявъ, позволяли самые дерзкіе поступки. Однажды отправили они депутацію къ главнокомандующему съ извѣстіемъ, что пьютъ за здоровье короля Карла XIII-го, такъ называли они племянника Елизаветы, внука Карла XII-го.

Въ концѣ апрѣля русская армія собралась у Выборга. Ласси, по словамъ Манштейна, хотѣлъ воспользоваться жестокостью зимы, чтобы овладѣть Фридрихсгамомъ. Часть войска должна была, перейдя по льду Финскій заливъ, атаковать крѣпость со стороны моря, чего непріятель не могъ предвидѣть, остальное же войско должно было идти по Выборгской дорогѣ. Наступившая оттепель разрушила планъ. Ласси ограничился мелкими стычками; въ этой *партизанской*

Digitized by Google

войнѣ казаки выжигали деревни, топтали поля, уничтожали сады, угоняли скотъ, грабили бѣдныхъ поселянъ, дѣлали всякаго рода неистовства, по понятіямъ того времени, считавшіеся важными подвигами (125). Эти подвиги не прекращались до мая мѣсяца. Отрядные начальники въ донесеніяхъ къ Ласси безстыдно лгали: увеличивали непріятельскія потери, уменьшали свои, увеличивали число сожженныхъ деревень и т. д. Петербургскія Вѣдомости спѣшили публиковать эти извѣстія, не обращая вниманія на то, что если бы онѣ были справедливы, то въ Финляндіи не осталось бы ни одной избушки, ни одной коровы.

Въ то время, когда отдѣльныя команды отличались въ грабежахъ и убійствахъ, въ самой средѣ русской арміи буйствовали герои 25-го ноября, гвардейскіе солдаты. Слѣдующее обстоятельство послужило поводомъ къ рѣшительному бунту. Изъ непріятельскаго стана прибылъ унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ для врученія писемъ къ фельдмаршалу Ласси. Дежурный генералъ-маіоръ Ливенъ встрѣтилъ посланныхъ на аванпостахъ, привелъ ихъ въ свою палатку, а письма повезъ къ главнокомандующему въ Выборгъ. Нѣсколько гвардейцевъ видѣли Ливена, проходящаго съ шведами, сказали товарищамъ, и въ полкахъ быстро пронеслась молва, что иноземцы умышляютъ заговоръ противъ государства, что они принимаютъ гонцевъ и письма непріятельскія, что пора перебить измѣнниковъ генераловъ. Сбѣжалось около 400 солдатъ, преимущественно преображенцевъ и семеновцевъ: они устремились къ палаткѣ Ливена. Не найдя его тамъ гвардейцы бросились въ канцелярію: избили до полусмерти шведовъ, ливенова адъютанта, слугъ, караульныхъ солдатъ... Тщетно старались остановить мятежъ—сбѣжавшіеся офицеры. «Смерть нѣмцамъ! ревѣла толпа, не хотимъ иныхъ начальниковъ, кромѣ русскихъ!» Неизвѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ бы мятежъ, къ счастію на мѣсто драки явился генералъ Кейтъ. Смѣло бросился онъ въ толпу, схватилъ одного изъ зачинщиковъ и велѣлъ священнику приготовить его къ смерти. Адъютанты и ординарцы схватили еще нѣсколько мятежниковъ. Громкій спокойный голосъ генерала, его энергическія распоряженія навели на толпу паническій

Digitized by Google

страхъ: солдаты бросились въ разныя стороны. Конная гвардія и армейскіе полки не принимали участія въ безпорядкахъ: имъ было приказано охранять лагерь. Зачинщики были арестованы и преданы суду; главнѣйшему изъ нихъ, унтеръ-офицеру Преображенскаго полка, по приговору коммиссіи и ея предсѣдателя А. И. Румянцова, отсѣчена правая рука. Остальныхъ нещадно выпороли кнутомъ и сослали въ Сибирь (126).

«Замѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ войсками, сказалъ нѣсколько дней спустя Кейтъ въ обществѣ офицеровъ; явись славный фельдмаршалъ хоть на нѣсколько дней и все бы приняло другой видъ» (127). Если посвидѣтельству генерала состояніе русской арміи было далеко неудовлетворительно, за то съ наступленіемъ весны положеніе шведовъ значительно улучшилось. Каждый день приходили суда съ провіантомъ и войскомъ, и къ концу мая, Левенгауптъ снова имѣлъ 15,000 свѣжаго войска, сосредоточеннаго въ Фридрихсгамѣ. Близь этого города, сильно укрѣпленнаго, находилось Мендылакское дефиле. Въ слѣдствіе своего выгоднаго положенія и небольшихъ укрѣпленій, оно было несравненно сильнѣе Фридрихсгама, такъ что 2,000 отрядъ могъ легко отразить 10,000 войска. Защита столь важнаго поста была поручена полковнику Фреберту, человѣку трусливому и бездарному. Этотъ витязь до того растерялся, при одной вѣсти о движеніи русскихъ войскъ, что вопреки всѣмъ приказаніямъ, бѣжалъ съ своимъ отрядомъ, настаивая на необходимости заклепать и бросить пушки, чего впрочемъ не сдѣлалъ начальникъ артиллеріи.

Нельзя сказать, чтобы движенія русскаго войска были быстры и рѣшительны: только 16-го іюня передовой отрядъ козаковъ въ расплохъ напалъ на мѣстечко, сосѣднее Фридрихсгаму, изрубилъ фуражировъ, и захватилъ генералъ-квартирмейстера Норденкрейца. Козаки предали его ужаснымъ пыткамъ, требовали выдачи казенныхъ денегъ, на конецъ ничего не добившись, безжалостно его умертвили. При вѣсти о нападеніи козаковъ въ непріятельскомъ лагерѣ, поднялась суматоха. Въ два часа ночи козаки съ гикомъ устремились къ лагерю, и если бы маіоры Крабе и Дельвигъ

Digitized by Google

не успѣли отразить аттакующихъ, то козаки ворвались бы въ лагерь.

Рѣшительныя схватки русскаго авангарда, занятіе недоступнаго доселѣ Мендолакса—все это поразило шведовъ. «Гдѣ же наконецъ и защищаться, если Мендолаксъ оставленъ?» говорилъ смущенный непріятель. Трусость Фреберга была рѣшительно непостижима. Позиція была столь сильна, что при малѣйшемъ отпорѣ русскіе потеряли бы значительную часть своей пѣхоты. Изъ любопытства, говоритъ Манштейнъ, мы послали нѣсколько гренадеровъ: прошло болѣе часа, прежде нежели они могли взойти на рентрашементы съ фронта. Легко себѣ представить какихъ бы усилій стоило взойти этимъ же путемъ при пушечной и ружейной пальбѣ?» (128)

Шведы могли поправить дѣло обороною Фридрихсгама; это тѣмъ легко было сдѣлать, что обширныя его укрѣпленія примыкали къ морю и озеру, въ тылу стояла вся армія, а впереди была каменистая почва, весьма неудобная для веденія траншей. Но страхъ уже сталъ мутить головы шведскихъ военачальниковъ и въ тотъ же день, когда пришла вѣсть о бѣгствѣ Фреберга, на военномъ совѣтѣ почти единогласно рѣшено оставить Фридрихсгамъ, укрѣпленія котораго стоили много времени, людей и средствъ. 26-го іюня подошли русскіе; Ласси готовился приступить къ продолжительнымъ осаднымъ работамъ, а 28-го числа непріятель тянулся къ рѣкѣ Кюмени. Съ наступленіемъ сумерекъ предъ изумленными русскими запылали дома, хлѣбные магазины; пороховые погреба одинъ за другимъ взлетѣли на воздухъ, наконецъ весь городъ исчезъ въ облакахъ дыма и столбахъ пламени: бомбы и гранаты съ трескомъ лопались въ цейхгаузахъ, на валахъ разрывало пушки, все падало и рушилось. Русскіе сначала думали, что непріятель уничтожаетъ предмѣстья, никому и въ голову не приходило, что крѣпость брошена безъ боя: 1,000 пудовъ пороха, множество снарядовъ, 10 мѣдныхъ и 120 чугунныхъ пушекъ достались въ добычу русской арміи. Шведы не отступали, а бѣжали: бросали многихъ больныхъ, забыли полковое знамя; въ почтамтѣ русскіе захватили кучу не отправленныхъ писемъ, изъ нихъ Ласси получилъ много свѣдѣній о непріятельской арміи (129).

Digitized by Google

Оставивъ Фридрихсгамъ Левенгауптъ сдѣлалъ большую ошибку; главный магазинъ находился въ этомъ городѣ, отступающая армія имѣла продовольствія только на десять дней, распоряженія о доставкѣ провіанта не были сдѣланы, весь край до Гельсингфорса переходилъ къ русской арміи. Странно, что самъ Левенгауптъ за десять дней до ретирады говорилъ, что съ оставленіемъ Фридрихсгама, пропадетъ всякая надежда на заключеніе славнаго и выгоднаго мира! Что было причиною подобнаго противурѣчія? Неизвѣстно (130).

Въ непостижимомъ припадкѣ паническаго страха генералы шведскіе истребляли на пути своего бѣгства обывательскіе дома, амбары, всякаго рода запасы, все это безъ жалости и безъ надобности предавалось пламени: потери простирались на нѣсколько милліоновъ рублей. Армія останавливалась, но не для отпора, а для новыхъ совѣщаній трусливыхъ генераловъ, они продолжали почти единогласно говорить: «что вступать въ бой съ русскими, дѣло слишкомъ рискованное, а ради безопасности отчизны необходимо сохранить армію и флотъ». Напрасно посылали изъ Стокгольма строжайшія повелѣнія Левенгаупту: защищать Финляндію, отстаивая каждый шагъ у непріятеля; главнокомандующій продолжать отступать, окруженный генералами трусливыми и неспособными. Остановись они хоть разъ и сдѣлай видъ, что готовы дать отпоръ, дѣло приняло бы другой оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, 2-го іюля Ласси получилъ приказъ непремѣнно окончить военныя дѣйствія, лишь только Шведы будутъ отброшены за рѣку Кюмень; въ день полученія приказа русскіе сами стояли по той сторонѣ рѣки. На военномъ совѣтѣ *русскіе* генералы предложили буквально выполнить приказъ; генералы *изъ иностранцевъ* настаивали на необходимости продолжать преслѣдованіе и только взятіемъ Гельсингфорса заключить кампанію. Послѣднее мнѣніе восторжествовало.

«Странная война: начальники обѣихъ армій поступали вопреки приказаніямъ своихъ правительствъ. Одному приказывали сражаться, и онъ не сражался; другому прекратить военныя дѣйствія, а онъ продолжалъ сражаться. Одинъ хотѣлъ противъ приказанія *сохранить* армію и съ нею собственную жизнь: погубилъ армію и поплатился за то жизнью;

Digitized by Google

другой — рисковалъ арміею и собственною головою: сберегъ то и другое, и завоевалъ цѣлую страну!»

У малаго Абборфорса непріятель остановился: спокойно простоялъ онъ здѣсь цѣлую недѣлю; Ласси, связанный повелѣніемъ двора своего, боялся тратить людей и не тревожилъ непріятеля (131).

Во всю кампанію этого года дѣйствія на морѣ были весьма не важны: на обоихъ флотахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни; шведскіе корабли стѣснены были тѣмъ, что служили прикрытіемъ сухопутному войску, хотя при рѣшительномъ движеніи на Кронштадтъ или Ригу, они дали бы другой ходъ своей кампаніи. Что касается до нашего флота, то начальникъ — Мишуковъ больше былъ занятъ своей распрей съ графомъ Головинымъ, президентомъ адмиральтейской коллегіи, нежели непріятельскими кораблями. Всѣ подвиги вице-адмирала ограничились взятіемъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ. Темныя ночи и сильные вѣтры мѣшали ему сняться съ якоря и вступить въ бой, такъ доносилъ Мишуковъ ко двору.

Между тѣмъ 12-го іюля непріятель снова началъ ретираду: всѣ дѣла ограничивались небольшими стычками, съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ рядахъ отступающей арміи съ каждымъ днемъ усиливался ропотъ, негодованіе; наконецъ презрѣніе къ Левенгаупту. Солдаты толпами оставляли знамена. Армія упала духомъ; храбрость, бодрость, увѣренность въ свои силы — все это исчезло.

«Я увѣренъ, — писалъ одинъ офицеръ въ Стокгольмъ, — что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только достигъ Швеціи, но облетѣлъ и весь свѣтъ. Мы въ виду непріятеля сожгли Фридрихсгамъ, и не потеряли при этомъ подвигѣ ни одного человѣка. Можно себѣ представить, какъ поражены были русскіе, когда увидѣли, съ какою смѣлостью сожгли мы нѣсколько тысячъ пудовъ пороха, прекрасный цейхгаузъ, провіантскій магазинъ и т. п. Что за великолѣпная была иллюминація, когда между двумя арміями лопались тысячи бомбъ и гранатъ, разрывало пушки, рушились укрѣпленія. По окончаніи иллюминаціи, мы въ порядкѣ пробѣжали до Кю-

Digitized by Google

мени. Было свѣтло; мы неутомимо жгли мельницы, амбары, мосты, все — до собачьей будки. Бѣдные русскіе съ трудомъ успѣвали насъ преслѣдовать. Не нахвалишся нашими генералами: всѣ свои подвиги они совершили безъ малѣйшей капли крови, а неблагодарные солдаты были взбѣшены, проклинали трусовъ командировъ, плакали съ отчаянья, что имъ не позволяли драться. Если наше бѣгство продолжиться съ прежнимъ успѣхомъ, то я надѣюсь такъ скоро увидѣться съ стокгольмскими друзьями, что они врядъ ли успѣютъ окончить тріумфальныя ворота къ нашему прибытію.»

Авторъ письма имѣлъ полное право, съ такимъ злымъ сарказмомъ, отзываться о своихъ начальникахъ: въ бѣдственномъ исходѣ кампаніи нельзя уже было сомнѣваться. Ласси уже доносилъ Елизаветѣ, что толпы жителей спѣшатъ къ нему съ изъявленіемъ покорности, что Нейшлотъ, Тавасгустъ и Кексгольмъ безъ труда заняты нашими отрядами, что наконецъ депутаты отъ уѣздовъ борговскаго, нюландскаго и др. явились къ нему съ униженными просьбами принять ихъ въ русское подданство (132).

29-го іюля, уничтоживъ мостъ у Борго, шведы ретировались на новую позицію къ Гельсингфальму, по прежнему выгодную, крѣпкую, но для нихъ безполезную. Левенгауптъ не думалъ сражаться: опасеніе проиграть сраженіе заставляло забывать, что его собственная честь и честь шведскаго оружія страдаютъ отъ его постыднаго бѣгства.

Вечеромъ 9-го числа, пишетъ современникъ Тибурціусъ, Левенгауптъ предпринялъ самое странное, болѣе того, безумное передвиженіе: мы занимали весьма выгодную позицію; но кто-то увѣрилъ главнокомандующаго, что гораздо удобнѣе для отпора низменные луга у Домарбю. Армія въ потьмахъ, въ страшномъ безпорядкѣ перешла рѣку по плавучему мосту. Солдаты не знали куда идти, гдѣ остановиться, каждый легъ на землю тамъ, гдѣ стоялъ и ждалъ разсвѣта. Съ солнечнымъ восходомъ всѣ увидѣли, что стоятъ въ ямѣ, со всѣхъ сторонъ открытой для нападенія. Гибель арміи была бы неизбѣжна, если бы русскіе не сдѣлали оплошность и не дали бы время непріятелю перейдти на прежнюю позицію. Когда я вечеромъ въ тотъ день, — продолжаетъ пасторъ

Digitized by Google

Тибурціусъ, — читалъ молитву для гвардейцевъ, то замѣтилъ, что офицеры, стоявшіе на колѣняхъ у своихъ барабановъ, постоянно поглядываютъ на гору, находившуюся по ту сторону рѣки въ трехъ-стахъ верстахъ отъ насъ. Лишь только солдаты, по окончаніи молитвы, запѣли псаломъ, я оглянулся и увидѣлъ на горѣ весь русскій генералитетъ, стоявшій съ обнаженными головами и молившійся вмѣстѣ съ нами; воздухъ былъ тихъ и каждое слово молитвы долетало къ русскимъ.»

На другой день, при дальнѣйшемъ отступленіи къ Гельсингфорсу, завязалась самая жаркая перестрѣлка. Левенгаунтъ, въ бѣломъ плащѣ, на конѣ, являлся въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. Убитый неудачами, онъ видимо искалъ смерти въ бою, но ни пуля, ни ядро не коснулись злополучнаго фельдмаршала.

11-го августа армія добралась до Гельсингфорса, прошла его, сожгла за собой мостъ и расположилась укрѣпленнымъ лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго кладбища. Русскіе не замедлили явиться. Финнскій мужикъ донесъ Ласси о намѣреніи непріятеля отступить къ Або, о возможности обойдти его дорогой, проложенной еще во время петровскихъ войнъ. Къ разсвѣту дорога была осмотрѣна, очищена и въ шесть часовъ утра русская армія отрѣзала шведамъ сообщеніе съ Або сухимъ путемъ; сообщенія моремъ уже не было: шведскій флотъ, потерявъ отъ болѣзней большую часть матросовъ, ушелъ въ Карлскрону.

Среди переговоровъ, начавшихся между двумя арміями, 19-го августа королевскіе посланные арестовали графа Левенгаупта и помощника его, генералъ-лейтенанта Будденброка. Тотъ и другой были потребованы въ Стокгольмъ съ отчетами о ихъ дѣйствіяхъ (133). Начальство надъ арміей принялъ генералъ-маіоръ Бускетъ. Послѣ неудачной попытки затѣять бой, онъ заключилъ 24-го августа капитуляцію на слѣдующихъ условіяхъ:

«Вся шведская пѣхота, офицеры и солдаты, также находящіеся при арміи гражданскіе чиновники, со всѣмъ оружіемъ, аммуниціей, багажемъ, знаменами, штандартами и проч. будутъ посажены на суда въ Гельсингфорсѣ и от-

Digitized by Google

правлены въ Швецію. Кавалерія пойдетъ въ Торнео, чтобъ возвратиться сухимъ путемъ, или къ Або, чтобъ сѣсть тамъ на суда. Имущество и личная безопасность каждаго будутъ ограждены.

«Провіантъ и припасы, находящіеся на судахъ при заключеніи капитуляціи, будутъ оставлены шведамъ. Вся-же полевая артиллерія и артиллерійскіе снаряды, также крѣпостныя пушки и городскіе запасы должны быть сданы русскимъ. На проѣздъ шведы могутъ взять изъ магазиновъ необходимое число запасовъ.

Финнскимъ полкамъ (всѣхъ десять) предоставляется на произволъ: сдавъ обозъ, лошадей и знамена, идти-ли въ Швецію, либо разойтись по домамъ»

Финны предпочли послѣднее и сдавъ оружіе, печально разошлись по домамъ. Всѣ условія капитуляціи были строго исполнены. Но бѣдствія шведовъ не кончились; во время переѣзда ихъ въ отчизну буря потопила множество судовъ; между солдатами, отъ тѣсноты помѣщенія, скверной пищи и сырости начались болѣзни: отъ нихъ пало множество жертвъ. Незначительные остатки, и въ самомъ жалкомъ видѣ, высадились на берега Швеціи. Кавалерія понесла не меньшія потери: отъ безкормицы, дальности пути и болѣзней. Русскіе были крайне изумлены удачнымъ заключеніемъ капитуляціи. Шведская армія состояла въ это время изъ 17,000 человѣкъ; русская, ослабленная отдѣленіемъ гарнизоновъ для занятія крѣпостей, превышала ее не болѣе, какъ пятью сотнями. «Можно было держать пари два на одного, — говоритъ Манштейнъ, — что если-бы шведы не согласились на эту постыдную капитуляцію, а аттаковали-бы русскихъ, то одержали-бы верхъ: позиція ихъ была чрезвычайно выгодная и хорошо укрѣплена. Но дѣйствія непріятеля были такъ странны, до того противорѣчили здравому смыслу, что потомство не повѣритъ имъ.»

А между тѣмъ, прямымъ слѣдствіемъ этого — было покореніе всей Финляндіи (134)! По удаленіи шведской арміи, генералъ Кейтъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ побѣжденной странѣ. Онъ занялъ Або, тогдашнюю столицу Финляндіи. Для охраненія береговъ остав-

Digitized by Google

лено въ Гельсингфорсѣ 16 галеръ и двѣ прамы, да пять галеръ въ Фридрихсгамѣ. Войска отвезены на зимнія квартиры; Ласси уѣхалъ въ Петербургъ.

«Величайшимъ счастіемъ для Финляндіи, — пишетъ Топеліусъ, — было то, что начальство надъ оставшимся войскомъ ввѣрено было Кейту, человѣку въ высшей степени достойному и великодушному. Жители, трепетавшіе отъ ужасовъ войны, нашли въ немъ отца и покровителя; онъ держалъ войско въ строжайшемъ порядкѣ: ни одна жалоба не была имъ оставлена безъ вниманія, ни одинъ нуждающійся въ помощи и защитѣ не былъ имъ отвергнутъ. Съ другой стороны недовольные его строгостью, были, однако, вполнѣ преданы своему начальнику; онъ заботился о ихъ нуждахъ и строго наказывалъ офицеровъ за злоупотребленія ихъ власти».

XII.

Жизнь Елизаветы въ Москвѣ. — Предики. — Троицкой походъ. — Трофеи взятые у непріятеля. — Герцогъ голштинскій принимаетъ православье, объявленіе его наслѣдникомъ русскаго престола. — Разсказъ Екатерины II о малолѣтствѣ и воспитаніи Петра III. — Годовщина 25 ноября 1741 года; раздача 14,000 душъ крестьянъ преображенскимъ гренадерамъ. — Возвращеніе Елизаветы въ С. Петербургъ; ода Ломоносова въ 440 стиховъ. — Характеристика государыни, сдѣланная дьякономъ крѣпостнаго собора.

Въ то время, когда на берегахъ Финнскаго залива Левенгауптъ и Ласси не воевали, а вѣрнѣе сказать, играли въ кошки и мышки, государыня, съ своимъ дворомъ, проводила время по-прежнему — въ потѣшныхъ зрѣлищахъ, молитвахъ, въ постройкѣ церквей, хожденіяхъ по монастырямъ и проч. Во всѣхъ храмахъ возсылались усердныя моленія «о низпосланіи побѣды на супостаты христоименитому воинству (135).»

«О еже студа и безчестія лица противящихся намъ исполнити, сердце-же ихъ страха и ужаса, и ангель Господень да будетъ погоняяй и поражаяй ихъ, Господу помолимся!

«Оружіе супостатъ нашихъ и казни, и сокруши, и мечь ихъ скоро сотвори внести въ сердца ихъ, и посли стрѣлы твои, Господи, блести молніи, соразженни, и смяти враговъ нашихъ и истреби ихъ отъ земли, и изши насъ, и избави имени твоего ради: Господи, помолимся!» и т. д.

Digitized by Google

Отъ этого-же времени сохранилось нѣсколько проповѣдей (136), говоренныхъ въ разные дни, на разные случаи, въ присутствіи любительницы ихъ Елизаветы. Таковы слова: архим. *Маминовскаго* (20-го іюня), іеремон. *Кословича* (26-го ч.), митр. *Арсенія* (29-го ч.), свящ. *Могилянскаго* (11-го іюля), арх. *Флоринскаго* (15-го ч.), свящ. *Комаровскаго* (18-го ч.), *Красильникова* (25-го ч.), арх. *Петрункевича* (6-го авг.), іерея *Мартиміанова* (16-го ч.) и многіе другіе; всѣ они наполнены длинными, скучными, схоластическими разсужденіями на разные тексты, но въ нихъ ничего нѣтъ по поводу современной войны (137). Это обстоятельство дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что тѣ же проповѣдники такъ недавно восхваляли миролюбіе императрицы: война возобновлена по ея желанію и ораторы до времени не задѣвали этого щекотливаго предмета. За то нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ, весьма немногіе), довольно-смѣло и рѣзко говорили о порокахъ и общественныхъ недостаткахъ.

«Многіе-ли, — вопрошаетъ (4-го іюля) придворный проповѣдникъ *Савицкій*, — многіе-ли хоть копѣйку потратили *на обученію православію?* Весьма немногіе. А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ. А чтобъ *научиться* Бога знать, о томъ не подумали, въ томъ у нихъ нѣтъ манеру! Не такъ поступаетъ наша государыня: она не только о временномъ, но и о вѣчномъ добрѣ неусыпно промышляетъ; по ея волѣ, *ни одного воскресенья безъ того не пройдетъ, чтобы не было сказано проповѣди.... Мы же сколько скучаемъ, ропщемъ, что проповѣдь долга, сказать трудно; одинъ часикъ послушать о своемъ спасеніи тягостно*, а сколько часовъ проводимъ безъ скуки, въ разговорахъ о деньгахъ, о высокихъ рангахъ, о годовыхъ доходахъ.... О тьма со воистинну страшная, тьма мукъ достойная! А отъ нея происходитъ то, что подымемся-ли мы, какъ паръ водяной, въ верьхъ: получимъ-ли чинъ, богатство или иную милость, дѣлаемся столь страшными и неприступными, что кажемся не отъ земли, а отъ небесъ рожденными; не людьми, но великолѣпными и неприкосновенными божками себя почитаемъ; немилосерды къ ближнему, лучше собаку,

Digitized by Google

лучше скота великаго любимъ и милуемъ, нежели брата своего бѣднаго!»

Еще любопытнѣе по бойкости и рѣзкости выраженій слово архимандрита *Сѣченова*, сказанное 8-го іюля (139). Сѣченовъ сдѣлался въ послѣдствіи весьма извѣстнымъ проповѣдникомъ, и уже это слово заявило его, какъ человѣка, далеко выдвигающагося впередъ изъ толпы. «Какъ мы любимъ Христа?— спрашиваетъ Сѣченовъ, послѣ разсужденія о достоинствахъ православія относительно другихъ вѣрованій. — Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасныя покои, бани, поварни, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ крышъ погнили. У меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные, а въ церкви свинцовые сосуды. У меня златотканныя одѣялы, завѣсы, а тайны Христовы крашениною покрыты. Вмѣсто кваса пью шампанское и венгерское, а въ церковь волоскаго галенка не посылаю. Искать чиновъ, богатства, путешествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь легко, не скучно, а въ церькви постоять нѣкогда. Другу, патрону или сроднику за его просьбу или дары говорю: надѣйся, дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а завтра указъ получишъ. А бѣдный копіистъ напрасно проситъ: «сотвори Бога ради милость!» Смотрѣть не хочу, и съ гнѣвомъ отвѣчаю: не шуми, теперь не до тебя, много дѣлъ государственныхъ. Свои имянины какъ безъ торжества пропустить: три дня и три ночи веселюсь, пьянствую, а придетъ праздникъ Рождества или Христова Воскресенья: за уборами, развозами по домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій и въ церькви не былъ: рано заблаговѣстили! На словахъ: да будетъ воля твоя Господи, а на дѣлѣ всего желаемаго достигаемъ чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябедниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другіе коварные способы. Противникамъ нашимъ грозимъ не Божьимъ именемъ, а именемъ своего благодѣтеля кокого-нибудь президента, губернатора, воеводы, секретаря. А того не знаемъ, что утромъ патрона чести лишатъ! Мы православные христіане, а за кабаками, торгомъ, обѣдами, работою, не причищаемся, Отче нашъ прочитать не умѣемъ, другаго писанія и не спрашивай! У всякаго вмѣсто

Digitized by Google

писанія хула, клеветное сквернословіе, на языкѣ обманъ, въ очахъ зависть, руки связаны грабежомъ, ноги заняты скоморошествомъ! Вся любовь наша къ ближнему въ коварной политикѣ: какъ ласково встрѣтить, проводить, пріятныя письма, сладкія словца, низкіе поклоны, частое блаженство. «Здравствуй, здравствуй!» а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было!... Правосудіе-ль тамъ вижу? Въ передней избѣ часовъ пять постой, да завтра приди, больше не жди. Милости-ли сыскать хочешь? Съ ногъ до головы обдерутъ: не срачицу, но и кожу снять готовы, а когда станешь правду искать, то и въ Сибири мѣста не сыщешъ! Мы православные христіяне, а сколько межъ насъ лихоимцевъ, ябедниковъ, словолюбцевъ, ласкателей, *раскольниковъ*, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, *костоддовъ*, гордыхъ, немилостивыхъ, еретиковъ таковыхъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, въ тартарскихъ мѣстахъ! Но я всуе расточаю слова. Если Христу, и апостоламъ его не вѣрятъ, то мнѣ послѣдней спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто менше правды говоритъ, милѣе живетъ (139).»

Подъ вліяніемъ духовныхъ ораторовъ и по влеченію религіознаго настроенія — Елизавета отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру. Отправившись изъ анненгофскаго дворца 31-го іюля въ 12 часовъ, государыня, какъ видно изъ камерфурьерскаго журнала (140), не утруждала себя большими переходами; чрезъ каждые два часа отдыхала въ роскошныхъ ставкахъ, «вкушала обѣденныя кушанья», затѣмъ продолжала шествіе въ сопровожденіи племянника, двора и лейбъ-компанской роты. 4-го августа государыня слушала въ монастырѣ обѣдню. Нарожницкій, намѣстникъ лавры, не преминулъ сказать проповѣдь, въ которой называлъ государыню *умудренною Юдифью*, Остермана гордымъ, окоянным *Олоферномъ*; находилъ *добродѣтель, благочестивое житіе и христоподрожательное смиреніе въ страннической пѣшехожденіи* Елизаветы; увѣрялъ, что нѣтъ въ свѣтѣ ей подобной *за превосходствомъ многихъ ея добродѣтелей и прерогативъ* (141).

5-го Августа императрица возвратилась въ Москву.

Каждое благопріятное извѣстіе, приходившее съ театра войны, сопровождалось молебнами и щедрыми награжденіями

Digitized by Google

вѣстниковъ. Вѣстниками обыкновенно являлись сродники именитыхъ вельможъ: флигель-адъютантъ *Лестокъ*, генералъ-адъютантъ *Безстужевъ*; съ реляціей о взятіи Фридрихсгама прискакалъ родственникъ Куракина, П. И. Панинъ, молодой человѣкъ, едва начинавшій служебную карьеру, онъ былъ пожалованъ капитаномъ гвардіи (142).

Редакція вѣдомостей, выполняя желанія своихъ читателей, заинтересованныхъ военными событіями, спѣшила объявить, что она не станетъ стѣсняться изданіемъ двухъ листовъ въ недѣлю, какъ то было прежде, но будетъ печатать немедля всѣ донесенія, получаемыя съ театра войны (134). Такъ, по словамъ вѣдомостей, 19-го сентября въ Москвѣ происходило особое торжество (144), чрезъ весь городъ церемоніально пронесли во дворецъ финдлянскіе трофеи (145), процессія шла въ слѣдующемъ порядкѣ (146): маіоръ на лошади, 50 гренадеровъ, рота мушкатеровъ, послѣдній изъ *радостныхъ* вѣстниковъ, молодой Безстужевъ, шведскія литавры на лошади, которую вели два солдата; пятьдесятъ шесть рядовыхъ: они волокли по землѣ непріятельскія знамена и штандарты; процессія замыкалась мушкатерскою ротою.

Занятая подобными церемоніями, богослуженіями, увеселеніями, охотою, — императрица съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе удалялась отъ дѣлъ, и съ каждымъ днемъ увеличивалась власть А. П. Безстужева-Рюмина: онъ дѣлался полнымъ властелиномъ Россіи. «Императрица чрезвычайно пристрастилась къ охотѣ, — писалъ англійскій резидентъ Wich, въ депешѣ 9-го октября; — министры рѣдко находятъ случай представлять ей какія-нибудь серьезныя дѣла (147).»

Важнѣйшимъ событіемъ сего времени было принятіе герцогомъ голштинскимъ православной вѣры. 7-го ноября 1742 года, въ девять часовъ утра, все именитое духовенство съ архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ, сенатъ, генералитетъ и придворные чины — собрались въ дворцовой церкви на торжественный обрядъ (148). Въ десять часовъ вошла императрица, въ сопровожденіи своего племянника. Сенатскій секретарь прочелъ манифестъ, объявлявшій *Петра Ѳедоровича* наслѣдникомъ всероссійскаго престола. Послѣ чего великій князь, ставъ на колѣна «россійскимъ языкомъ учинилъ съ ве-

Digitized by Google

ликимъ усердіемъ и желаніемъ обыкновенное отъ противныхъ православной церкви и отверженныхъ отъ нея всѣхъ еретичныхъ мудрованій отрицаніе.» Послѣ чего наслѣдникъ прочелъ символъ вѣры: всѣ догматы новой вѣры, по словамъ современника, принялъ, а противныя и несогласныя нашей церкви отметнуть и анаѳемѣ предать соизволилъ.

Послѣ прочтенія молитвъ Амвросій помазалъ его высочество мѵромъ, а епископъ Стефанъ вымазанныя мѣста отеръ губкой. Во время обѣдни Петръ Ѳедоровичъ прикладывался къ иконамъ, причастился святыхъ тайнъ и принялъ послѣ литургіи троекратное поздравленіе сената, синода и всего генералитета. Высокоторжественный день отпразднованъ былъ пышнымъ обѣдомъ, вечеромъ иллюминаціей, фейерверкомъ, а во дворцѣ — концертомъ итальянскихъ артистовъ.

Празднества не прекращались въ теченіи трехъ дней. Москва оглашалась колокольнымъ звономъ, въ церквахъ служили молебны, приводили всѣ чины къ присягѣ наслѣднику престола, во дворцѣ подходили къ его рукѣ и приносили поздравленія. На лицевой сторонѣ медали, выбитой по сему случаю Vestner-омъ, была изображена Elisabetha, d. g. imperatrix rvssorvm. На оборотѣ бюстъ Петра III-го на пьедесталѣ съ подписью: Petro Fedorowiz natal. dvce Holsat. (Петръ Ѳедор. урожд. герц. Голштин.) По сторонамъ два другихъ пьедестала: на одномъ крестъ и евангеліе: religio. На другомъ: корона, скипетръ и мечь: Potentia (могущество). Вверху лента: firmamenta imperii russici (твердь росс. импер.). Въ обрѣзѣ: magno principe russ. et futuro successore declarato, 1742 an, 18 Nov (149).

Такимъ образомъ Елизавета, въ цвѣтѣ красоты и здоровья обезпечила наслѣдіе престола назначеніемъ преемникомъ своимъ тринадцатилѣтняго племянника. Она не хотѣла вступать въ бракъ, предпочитая, по словамъ Фридриха II, свободу супружескимъ законамъ, по ея мнѣнію, слишкомъ несноснымъ и тягостнымъ.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1742 года, въ Москву прибыли депутаты отъ стокгольмскаго сейма съ предложеніемъ великому князю шведской короны. Петръ благодарилъ ихъ на

Digitized by Google

аудіенціи, но какъ наслѣдникъ русскаго престола, не принялъ шведскаго.

25-го ноября 1742-го года прошелъ годъ со времени восшествія на престолъ Елизаветы: этотъ день былъ отпразднованъ въ обѣихъ столицахъ съ особымъ торжествомъ, т. е. обѣдами, балами, фейерверками, иллюминаціями, проповѣдями... Дьяконъ Неруновичъ толковалъ о могуществѣ сѣмянъ Петра и Елизаветы, въ Петропавловскомъ соборѣ, епископъ Стефанъ въ выспренней рѣчи увѣрялъ: «что до Петра мы и ѣсть, и пить не умѣли», а въ его *великой дщери* находилъ: *природное остроуміе*, въ слѣдствіе котораго она умѣетъ отличить бѣлое отъ чернаго, кривое отъ прямаго. *Безприкладную милость*, равняющую ее съ солнцемъ. *Любомудріе*, подобное любомудрію Александра Македонскаго: *правосудіе, благость, милость, кротость, великодушіе*, наконецъ *благочестіе*, но не то, которое въ тьмѣ состоитъ, чтобъ предъ людьми чаще вздыхать, головою кивать, лбомъ объ полъ стучать, глаза вперять въ потолокъ, либо въ землю потуплять, руки на воздухъ поднимать, но благочестіе истинное, состоящее въ полнѣйшей вѣрѣ въ Бога и его святое Откровеніе. Въ моей скудоумной бесѣдѣ, сознается ораторъ, я не могу перечислить всѣ добродѣтели Елизаветы.»

Годовщина восшествія на престолъ Елизаветы, была ознаменована пожалованіемъ преображенскихъ гренадеръ людьми и землями, въ вѣчное потомственное владѣніе. Эти подарки дѣлались изъ конфискованныхъ имѣній главныхъ сановниковъ: М. Г. Головкина и друг. Адъютанту *Грюнштейну* подарено 1000 человѣкъ муж. пола; прапорщику *Зотову* — 682 чел.; сержанту *Сурину* 500 душ.; *Журавлеву* 543 души; *Улучкину* 537 душъ; *Охлестышеву* 469 душъ; *Игнатьеву*, *Савину*, *Семенову* подарено каждому по пяти сотъ человѣкъ. Шесть вице-сержантовъ получили по 500 чел., два подпрапорщика 90 душъ, двѣнадцать капраловъ раздѣлили межъ собой 480 мужиковъ; двѣнадцать вице-капраловъ получили на брата по 35 душъ; двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ преображенцевъ, герои 25-го ноября, должны были довольствоваться каждый 29-ю душами. Земли отдѣлялось каждому соотвѣтственно числу подаренныхъ крестьянъ. Такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, благодаря щедротамъ любомудрой, великодушной и остроумной монархини, прибавилось 300 новыхъ помѣщиковъ (изъ числа гренадеровъ преображенскихъ, только немногіе были прежде пожалованія помѣщиками), и 14000 крестьянъ, православныхъ русскихъ душъ мужскаго пола съ ихъ семьями, по мелочамъ, по штучно, раздарены въ вѣчное владѣніе новымъ помѣщикамъ, столбовымъ дворянамъ (150). Такъ отпразднована была годовщина 25-го ноября!

Съ начала декабря въ Петербургѣ ждали императрицу. «Молимъ тебя и просимъ, — взывалъ къ отсутствующей государынѣ, дьяконъ Петропавловскаго собора, — молимъ тя матерь всесладчайшая, пріиде во градъ Петровъ, красная въ женахъ, красная тѣломъ, краснѣйшая душею. Пріиде утѣха Россіянъ! Пріиде, сего желаетъ духовенство, сего жарко ожидаетъ воинство и все гражданство, которое не такъ огни веселые сожигаютъ, какъ сердца свои, горящія пламенною любовью, вашему величеству пріуготовляютъ»!

11-го декабря императрица имѣла торжественный въѣздъ въ С. Петербургъ. Весь Невскій проспектъ былъ разукрашенъ по сему случаю, на немъ возвышались двое тріумфальныхъ арокъ: у *Аничкова* и *Зеленаго* (съ 1797 года Полицейскаго) мостовъ (151). Ломоносовъ, молчавшій съ 10 февраля, ради настоящаго торжества, снова «ударилъ по струнамъ своей лиры», и привѣтствовалъ Елизавету одой въ 440 стиховъ, между которыми Д. Н. Бантышъ-Каменскій находилъ множество стиховъ, вылившихся прямо изъ души поэта. Вотъ немногія строфы этой оды (изд. 1751 г. с. 49 — 72), неизвѣстно почему не вошедшей въ изданіе Смирдина:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.
. . . . . .

Digitized by Google

Холмы и древа скачите,
Ликуйте множество озеръ,
Руками рѣки восплещите,
Петрополь буди вамъ примѣръ:
Елизавета къ вамъ приходитъ!
. . . . . .
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Которыхъ жаръ не погасится,
И будетъ чтущихъ двинетъ умъ;
Завистно на меня взирая,
И съ жалостію воздыхая,
Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
О коль ты счастливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ,
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.
Но чтобы вымышлять намъ можно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно,
Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
Въ сіе благословенно время,
Въ которое Петрово сѣмя,
Всѣхъ женъ хвала Елизаветъ.
Сладчайшій музамъ вѣкъ даетъ.
. . . . . .
Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшею ревность,
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность,
Въ забвеніи не могутъ скрыть.
Котору будутъ вѣкъ хранить,
Дѣла Петровой дщери громки.
Что станутъ позны честь потомки.

Съ пріѣздомъ Елизаветы петербургскія празднества оживились: именитые сановники едва успѣвали отдыхать между придворными балами, торжественными обѣдами, молебнами, орденскими праздниками и проч.

18-го декабря, всѣ вельможи *возчувствовали великое удовольствіе* (152) при слушаніи проповѣди дьякона Флорова (152).

Digitized by Google

Все слово оратора, какъ самъ онъ сознается, направлено на православленіе тѣлесной и душевной красоты, нашей августы Елизаветы. «Одно лицезрѣніе ея красоты, по словамъ дьякона, просвѣтляетъ потемненное сердце! «За краткостью времени», ораторъ не берется исчислить всѣ добродѣтели августы, но указываетъ на *любовь* ея къ Богу, на слезное *моленіе* Господа, *на охоту*.... къ слушанію проповѣдей, *ревность* къ православію, *терпѣніе*, крѣпкое на Бога *упованіе*, *смиреніе*, *милость*, *правосудіе*, *любовь къ ближнему*, но легче звѣзды на небѣ исчислить, заключаетъ восторженный дьяконъ петропавловскаго собора, нежели перечесть добродѣтели нашей Августы — Елизаветы»!

XIII.

Общія замѣчанія о первомъ годѣ царствованія Елизаветы. — Занятія академиковъ. — Публичныя лекціи. — Книги и рукописи сего времени. — Музыка, театръ, опера, балетъ. — Постройка и возобновленіе дворцовъ и церквей. — Содержаніе и разборъ важнѣйшихъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1743 года.

Какъ ни часты были празднества, въ первый годъ царствованія Елизаветы, какъ ни завалены были *ученые* сего времени, составленіемъ плановъ и изъясненій иллюминацій, сочиненіемъ одъ, панегириковъ, подносовъ, посвященій, изъясненій аллегоричечкихъ картинъ, но они находили время и для чтенія *публичныхъ лекцій*. Объ этомъ любопытномъ фактѣ свидѣтельствуютъ нѣсколько объявленій въ вѣдомостяхъ 1748 года:

Февраля 12-го. Профессоръ Крафтъ, въ залахъ академіи по прежнему будетъ читать публичныя, экспериментальныя лекціи по средамъ и субботамъ отъ 10-ти до 12 ч. утра (153).

Марта 11-го. Профессоръ Гензіусъ, снова начнетъ лекціи изъ геометріи по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверкамъ и пятницамъ, отъ 12-ти до 1-го часа.

Іюля 8-го. Въ рисовальной палатѣ академіи наукъ, по вторникамъ, средамъ и четверкамъ будутъ учится рисовать съ живого человѣка. Желающіе могутъ приходить заниматься отъ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера» (153).

Кто были посѣтителями этихъ *публичныхъ* лекцій, и въ

Digitized by Google

какой степени интересовали онѣ современную публику? вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго было бы тѣмъ интереснѣе, что, по свидѣтельству конференцъ-секретаря Д. В. Волкова, важнѣйшія лица того времени были лишены самыхъ элементарныхъ познаній. Такъ особы, высоко поставленныя въ порядкѣ государственнаго управленія, не знали, что Великобританія есть островъ....» (154).

Ни число, ни содержаніе книгъ, явившіяся въ это время, отнюдь не замѣчательно. Волчковъ (155) былъ плодовитѣйшій переводчикъ; но и переводить дозволялось не иначе, какъ съ большою осторожностью; басни Эзопа, выдержавшія въ разное время множество русскихъ переводовъ, были предаваемы чуть-чуть не анаѳемѣ, со стороны духовныхъ ораторовъ. Даже *ректоръ* Законоспаской академіи назвалъ въ своей проповѣди (156) «Эзопа — кощуномъ, плетущимъ басни и увеселяющимъ нечестивыхъ!»

Интереснѣйшимъ изданіемъ былъ переводъ Волчкова: «Граціанъ придворный человѣкъ» 4 д. 1742 г. Выходъ книги о *придворномъ* человѣкѣ, въ годъ дворцовыхъ переворотовъ, ознаменованныхъ возвышеніемъ однихъ сановниковъ и паденіемъ другихъ, было дѣломъ случайнымъ, тѣмъ не менѣе, не лишеннымъ интереса. Читая книгу, современники легко могли примѣнять *регулы Граціана* къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой книги: *Регула 3-я*: не открывайся никому. Нѣтъ ни пользы, ни забавы играя, игру свою всѣмъ показывать. (Лестокъ не выполнялъ этого правила.) Тайность приноситъ почитаніе. Что важное кому говоришь, всячески старайся говорить не ясно. (Остерманъ постоянно выполнялъ эту *регулу*.) *Ремарка на 3-ю регулу:* простакъ можетъ обмануть лучшаго мудреца своимъ молчаніемъ, покрываясь кожею несмысленнаго вида: молчаливый всегда слыветъ умнымъ человѣкомъ. (Смотри въ VII-й главѣ характеристику А. М. Черкасскаго.) *Регула 5-я:* взявши власть надъ самодержцемъ, надо быть крайнѣ осторожнымъ, и не давать имъ замѣчать своего вліянія на ихъ умъ и дѣйствія. (Минихъ, не исполнявшій сего правила, въ 1741 году, потерялъ при правительницѣ всякое значеніе. А. П. Безстужевъ-Рюминъ поплатился

Digitized by Google

за это ссылкою при Елизаветѣ.) Вотъ какого рода правила предлагалъ Граціанъ въ переводѣ Волчкова для придворныхъ сановниковъ, и нельзя не согласится, что многіе изъ нихъ поступали по писанному, какъ по сказанному: «Удерживайся отъ свободнаго мнѣнія. Узнавай слабости сильныхъ и пользуйся ими. Счастливцамъ льсти, несчастныхъ убѣгай. Имѣй высокія манеры. Примѣняйся къ случаямъ, къ времени, къ друзьямъ. Оставляй дѣла, пусть они идутъ какъ нибудь, въ особенности, когда море волнуется. Если ты фаворитъ, имѣй голову твердую, способную вынести всѣ промахи и ошибки своего властелина, всѣ они падаютъ на фаворита. О павшемъ царедворцѣ отнюдь не сожалѣй. Не будь безобразенъ... Насмѣшки сноси, но самъ не смѣйся и проч. въ этомъ родѣ.

Въ примѣчаніяхъ къ вѣдомостямъ сего года между изъясненіями фейерверковъ, реляцій Ласси, журналовъ военныхъ дѣйствій и придворныхъ праздниковъ, помѣщены были довольно разнообразныя ученыя статьи (много ли онѣ имѣли читателей?) Таковы: ученіе Пиѳагора. — О произведеніи огня изъ тѣлъ (ст. Крафта). — О машинахъ (начало этихъ статей въ вѣдомостяхъ 1739 года). — О явившейся кометѣ. — О составленіи ландкартъ и извѣстія о сѣверномъ морскомъ ходѣ россіянъ изъ устей рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, для провѣдыванія восточныхъ странъ. — Послѣдняя статья особенно интересна и важна, какъ историческій матеріалъ.

Календари на 1742-й годъ ни чѣмъ не отличались отъ мѣсяцесловов прежнихъ лѣтъ: въ нихъ между прочимъ напечатаны были росписанія дней, *въ которые* весьма благопріятно можно принимать лѣкарства, пускать кровь, пускать кровь рожечную, волосы стричь, дѣтей отъ грудей отнимать и проч. (157).

«Чинъ како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ. Въ листъ церков. печат. 1742 г.» Москва (158). Книга важна въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ религіозное настроеніе, фанатизмъ своего времени. Вотъ образцы содержанія этой книги: «...Архіерей говоритъ кающемуся, чтобы тотъ проклялъ ереси, отступничества, злохуленія и расколы, начавшіеся въ Россіи отъ Авакума протопопа съ братьею». Кающійся прокли-

Digitized by Google

наетъ и ихъ, и ихъ послѣдователей: проклинаетъ всѣхъ зовущихъ трехперстное знаменіе печатью антихриста, слагающихъ два перста для креста, а не три; порицающихъ троекратное глаголеніе аллилуія, писаніе имя *Іисусъ*; зовущихъ четвероконечный крестъ «идоломъ, кумиромъ, мерзостью запустѣнья на мѣстѣ святомъ». Нарицающихъ молитву: Господи, Іисусе, Христе Боже нашъ помилуй насъ — новою еретическою молитвою. «Какъ сквернѣйшихъ еретиковъ проклинало всѣхъ блядословящихъ, книги церковныя новоисправленными, растлѣнными и весьма еретическими. Не вѣрующихъ въ евхаристію, семь тайнъ и прочія церковныя дѣйствія, совершаемыя въ православной церкви — яко хульниковъ предаю анаѳемѣ. Равно и тѣхъ, которые увѣряютъ, что съ 7166-го года повредилось православіе, а Никона и прочихъ патріарховъ, архіереевъ еретикама клевещущихъ, и яко антихристъ уже пришелъ, а чувственно не придетъ; и похищающихъ власть духовную и измѣняющихъ православію и совершающихъ разные священнодѣйствія безъ рукоположенія и всѣхъ таковыхъ безчинныхъ и дерзостныхъ святотателей осуждаю и анаѳемѣ предаю, равно и тѣхъ, которые протопопа Авакума, попа Никиту (пустосвята), Лазаря и Ѳедора не проклинаютъ, а мученниками и страдальцами исповѣдуютъ. Разные толки: поповщину, безпоповщину, перекрещенцевъ, неперекрещенцовъ, онуфріевщинцовъ, андреевщинцовъ, стариковщинцевъ, діаконовщинцевъ, лысеновщину, кадильниковъ, и прочихъ сущихъ за рубежемъ, у Поморья, въ Польшѣ (159), на Вяткѣ, на Корженцѣ проклинаю, и отъ старцевъ ихъ, лживыхъ поповъ, учителей отрицаюсь. Если же все это говорю лицемѣрно, или когда-нибудь бѣсовскимъ навожденіемъ впаду въ прежнее заблужденіе, «аки песъ на своя блевотины возвращуся» да возвратятся тогда на мою голову всѣ клятвы и анаѳемы; да подлежу всѣмъ казнямъ и суду ея величества. За тѣмъ преклоня колѣна кающійся, *по чину*, долженъ стоять съ сердечнымъ сокрушеніемъ, должно же тогда и слезамъ быть (160).»

Если первый годъ царствованія Елизаветы не ознаменовался изданіемъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ сочиненій, за то уже въ это время стали замѣчаться успѣхи свѣтскаго

Digitized by Google

вкуса. Уже дворъ нашъ, говоритъ Карамзинъ, блисталъ великолѣпіемъ и, нѣсколько лѣтъ говоря по нѣмецки, началъ употреблять языкъ французскій. Въ одеждахъ, экипажахъ, въ прислугѣ — вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.»

Итальянскій театръ въ Петербургѣ приведенъ былъ въ лучшее состояніе. Осенью 1742 года Аража возвратился изъ Италіи съ славнымъ пѣвцомъ Салетти превосходнымъ сопрано. Между артистами, явившимися по приглашенію Аража, замѣчательны еще были: гобоистъ Стацци, скрипачи Тито, Верокаи; придворнымъ поэтомъ для либрето итальянскихъ оперъ былъ Боггачи, изъ Флоренціи; декораціи ставилъ Валеріани, изъ Рима; при чемъ искусствомъ своимъ поражалъ зрителей, до такой степени, увѣряетъ Штелинъ, что картины имъ поставленныя подражали природѣ. Для балета былъ выписанъ знаменитый, по своему времени, Фузано съ женою своею Антониною (162).

По пріѣздѣ двора въ Петербургъ опера «Титово Милосердіе» было неоднократно играна на придворномъ театрѣ, возобновленномъ и украшенномъ. Либрето переведено было на русскій языкъ (163). Вотъ прологъ, при слушаніи котораго государыня постоянно «проливала токи слезные.» Содержаніе пролога даетъ понятіе о томъ, какъ ставились въ то время оперы, какъ роскошны были сценическія представленія:

«Россія по печали паки обрадованная.

Персоны, дѣйствующія въ прологѣ: Астрея — *Г-жа Джорджи.* Рувенети—*Г-жа Роза.* Персоны безъ рѣчей, участвующія въ балетѣ: пять главныхъ свойствъ, добродѣтелей, ея величества Елизаветы: справедливость, храбрость, человѣколюбіе, великодушіе, милость. Пять главныхъ свойствъ ея подданныхъ: любовь, вѣрность, сердечная искренность, надежда, радость. Персоны, составляющія хоръ: европейцы, азіятцы, африканцы и американцы. На сценѣ, во мракѣ, страна запустѣлая, мѣстами поросшая дикимъ лѣсомъ; тамъ и сямъ полуразвалившіяся или недостроенныя зданія. Рутенія съ дѣтьми сидитъ подъ горой и сѣтуетъ о томъ, что земля ея снова покрывается мракомъ, веселыя рощи заросли, поля раззорены и запустѣли. Воспоминаетъ благополучныя вре-

Digitized by Google

мена Петра I. Дѣти плачутъ, мать утѣшаетъ ихъ.... узаконеньями Петра и Екатерины; обнадеживаетъ ихъ тѣмъ, что Петръ еще живъ, въ лицѣ своей дщери, и что скоро возвратитъ Россіи прежнюю ея славу. Рутенія поэтъ:

Сжальтесь, сжальтесь небеса, милосерды боги!
Зря на мать, и на дѣтей, и на муки многи.
Стражду въ горестной любви, духъ изнемогаетъ,
Ревность скорби въ естествѣ вышній силъ рождаетъ.
(На горизонтѣ занимается заря утренняя)
Ежель образомъ боговъ долженъ быть царь свѣта,
Кто достойнѣе владѣть, какъ Елизавета.
Сей доброты изрещи, нельзя и помыслить;
Развѣ прежде въ небесахъ звѣзды всѣ изчислить.

Свѣтъ увеличивается. Рутенія утѣшаетъ дѣтей, дѣлается веселѣе. Слышны музыка и пѣсни. Рутенія удивляется, радуется, сомнѣвается. На горизонтѣ свѣтло восходящее солнце; въ растворенномъ небѣ показывается Астрея. Она опускается на свѣтломъ облакѣ, съ щитомъ. Астрея окружена хоромъ добродѣтелей Елизаветы и ея подданныхъ. Изъ угловъ театра выходятъ четыре части свѣта, каждая съ свитами. Дикіе лѣса смѣняются лавровыми и кедровыми рощами. Запустѣлыя поля обращаются въ цвѣтущіе сады. Астрея поднимаетъ и утѣшаетъ колѣнопреклоненную Рутенію. «Я не безъ причины, — говоритъ богиня, — надѣлила ея величество высокими свойствами и *царскими* добродѣтелями. Великость ихъ, неоспоримыя права государыни на престолъ, жалобы, желанія и надежды Россіи, я давно признала. Я украшу Елизавету императорскою короною, и Россія возстановится, просвѣтится и сдѣлается благополучною:

Видитъ свѣтъ, и я сама въ ней добротъ причины:
Идетъ по слѣдамъ Петра и Екатерины.

Астрея ведетъ Рутенію въ паки цвѣтущую страну. Народы удивляются сему приключенію и *въ радости* поютъ:

Милость и храбрость царю лавры сплетала,
Титова когда рука Римской скипетръ держала:
Образъ коего и мы зримъ на тронѣ нынѣ,
И того днесь похвалы сплетемъ богинѣ.

«*Добродѣтели и свойства* Елизаветы Петровны, заканчи-

Digitized by Google

ваютъ прологъ *балетомъ*». Затѣмъ слѣдуетъ самая опера. Достойно замѣчанія, что роль императора Тита Веспасіана — исполняла *госпожа* Жоржи: видимое желаніе весь ходъ оперы примѣнить къ обстоятельствамъ ноябрской экспедиціи.

Балетъ вообще выполнялся въ это время особенно хорошо. Елизавета по прежнему страстно любила танцы, съ прежнимъ пыломъ, ловкостью и отчетливостью выполняла труднѣйшіе па. Балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностью и приличіемъ, какъ при дворѣ Елизаветы (164).

Героиня танцевъ — государыня, судя по современнымъ портретамъ, была еще очень хороша, хотя ей уже шелъ 34-й годъ. Впрочемъ, сама государыня очень огорчалась, что ни одинъ живописецъ, по ея мнѣнію, не можетъ написать сходно ея портрета. Разсказывая объ этомъ Сильвестру Кулябкѣ, Елизавета показала ему однажды нѣсколько своихъ портретовъ. *Предметъ огорченія вашего величества*, сказалъ тогда Сильвестръ, *составляетъ предметъ радости нашей?* — Почему? — *Красота ваша неописанна!* (165).

Кромѣ исполненія церковныхъ обрядовъ, устройства маскарадовъ, баловъ, театральныхъ зрѣлищъ и проч., государыня, по свидѣтельству современниковъ, любила заниматься постройкою и передѣлкою церквей и соборовъ.

Такъ на мѣстѣ съѣзжей избы преображенскаго полка, у литейнаго проспекта, въ память ночнаго дѣла 25 ноября, Елизавета заложила здѣсь соборъ *Спаса Преображенія:* «по древнему, россійскому манеру, о пяти позлащенныхъ главахъ» (166). До сорока церквей въ разное время и въ разныхъ концахъ Петербурга заложены, или стали передѣлываться, по приказу Елизаветы (167). Императрица, собственными руками, утверждала первыя камни въ фундаментахъ храмовъ, постоянно присутствовала при ихъ освященіи; находила время, для важныхъ религіозныхъ подвиговъ: вышивала воздухи, пелены, ризы на образа, тесьмы на лампады и проч. Сама переписывала молитвы, дѣлала большіе церковные вклады, и т. п. Что касается до дворцовъ, то въ 1742-мъ году, начато строить нѣсколько: одинъ на мѣстѣ нынѣшняго михайловскаго замка; другой на Фонтанкѣ про-

Digitized by Google

тивъ лѣтняго петровскаго дома. Дворецъ ея на красной (садовой) улицѣ, поступившій въ ея владѣніе съ 1732 года, былъ поправленъ и подаренъ А. Г. Разумовскому.

Въ заключеніе нашего разсказа о первомъ годѣ царствованія Елизаветы, намъ остается разсмотрѣть важнѣйшіе изъ 222-хъ указовъ, обнародованныхъ съ 25-го ноября 1741 года по 1-е января 1743 года (168). Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Извѣстно, на какомъ основаніи, и въ какомъ составѣ былъ возстановленъ Правительствующій Сенатъ 12-го декабря 1741 года. Послѣдующими указами (мар. 16-го, 17-го, 22-го, апр. 7-го, 10-го, іюня 17-го), былъ возобновленъ петровскій порядокъ въ производствѣ дѣлъ, въ порядкѣ подписей, въ веденіи протоколовъ; сенатъ освобожденъ отъ рѣшенія дѣлъ не столь важныхъ, переданныхъ въ нисшія инстанціи, для рѣшенія же дѣлъ государственныхъ, назначалось полное собраніе сенаторовъ, по пятницамъ въ 7 часовъ по полуночи (іюня 23-го). Власть сената нѣсколько расширена: *не утруждая* докладами государыню, онъ могъ выдавать жалованье разнымъ чинамъ, вдовамъ дозволять, при малолѣтнихъ дѣтяхъ, продавать имѣнья покойныхъ мужей, для удовлетворенія кредиторовъ (окт. 15-го); могъ распоряжаться суммами штатной конторы, составлявшейся изъ вычетовъ жалованій всѣхъ служащихъ (дек. 11-го). Губернаторы и воеводы не смѣли (мая 3-го) ни отрѣшать, ни опредѣлять секретарей, безъ сенатскаго указа; не смѣли опредѣлять на службу всякаго рода недорослей (дек. 11-го). Двѣнадцатилѣтніе недоросли представлялись въ сенатъ, здѣсь назначались они по желанію, во всѣ роды службы; до совершеннолѣтія «для обученія въ наукахъ, и чтобы душевредительнаго гулянья, и другихъ непотребствъ не было»; недоросли посылались въ школы, или отправлялись на время къ родителямъ. Скрывшій лѣта, и неявившійся въ сенатъ— опрелѣлялся до совершеннолѣтія матросомъ, съ 20-ти лѣтъ въ солдаты безъ выслуги, не годные къ службѣ, ссылались въ Оренбургъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что это распоряженіе пришлось не по сердцу помѣщикамъ, облѣнившимся, и въ тайнѣ надѣявшимся, что Елизавета не потревожитъ ихъ праздной жизни (169).

Digitized by Google

Составлено было новое положеніе о числѣ членовъ, присутствующихъ въ разныхъ коллегіяхъ и конторахъ (сент. 17-го), въ слѣдствіе чего, многіе чиновники остались заштатными. Для уменьшенія числа дѣлъ, подтвержденъ былъ (сент. 30-го) указъ 7194 г. — взыскивать истцамъ проѣсти и волокиты съ виновныхъ отвѣтчиковъ. Съ другой стороны, въ видахъ облегченія дворянъ, имѣющихъ дѣла въ вотчинной коллегіи, отъ путевыхъ издержекъ въ Петербургъ, Коллегія переведена (ноябр. 26-го) въ Москву, и только одна контора вотчинныхъ дѣлъ оставлена въ С. Петербургѣ.

Относительно купеческаго сословія, торговли, промышленности и мануфактуръ, не было сдѣлано никакихъ болѣе или менѣе важныхъ распоряженій, имѣвшихъ благотворныя послѣдствія; въ инструкціи, выданной тремъ купеческимъ гильдіямъ, подтверждалось все, что уже было постановлено Петромъ I, относительно сего сословія; обращено было вниманіе на акуратность въ сборѣ подушныхъ съ купечества денегъ. Пошлины таможенныя взимались со всѣхъ товаровъ (февр. 12-го, апр. 6-го). Неявленные товары, гдѣ бы они не были найдены, кромѣ домовъ иноземныхъ пословъ, подлежали конфискаціи. Подтверждены петровскіе указы (дек. 21-го, апр. 7-го) Объ отсылкѣ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, негодной бумаги въ камерцъ-коллегію, о покупкѣ на мѣсто той бумаги хорошей, у русскихъ фабрикантовъ — этимъ распоряженіемъ, обезпечивался сбытъ ихъ фабрикъ. На счетъ выдѣлки бумаги, приказано дѣлать ее для книгъ тоньше, а то «книги въ величинѣ чрезвычайно наполняются переплетомъ, по толстотѣ скоро вредны, а книги должны выходить субтильнѣе». — Бергъ-директоріумъ былъ уничтоженъ (апр. 7), а возобновлены съ отдѣльными вѣдомствами, Бергъ- и Мануфактуръ коллегіи; президенты и члены коллегій должны были осматривать фабрики, слѣдить за тщательнымъ выполненіемъ заказовъ, заботиться о улучшеніи фабрикъ и проч. Впрочемъ не видно, чтобъ возобновленіе этихъ двухъ коллегій, замѣнявшихся Бергъ-директоріумомъ, было бы особенно полезно для улучшенія фабричной производительности: перемѣнились названія учрежденій, а дѣло осталось въ прежнемъ, довольно печальномъ состояніи.

Digitized by Google

Армянину Шербанову съ комп. выдана привиллегія (іюн. 15-го) на заведеніе шелководства въ Астрахани и въ Кизлярѣ, на сѣяніе сорочинскаго пшена, хлопчатой бумаги, на устройство фабрики шелковыхъ, полушелковыхъ и бумажныхъ парчей. — Обращено было вниманіе на выдѣлку суконъ, для обмундированія войска. Предметъ этотъ вызвалъ въ свое время нѣсколько распоряженій Петра I, и нынѣ тѣ указы были подтверждены. Фабрикантамъ выданы высочайше-утвержденные образцы, сукна должны были выдѣлываться не только одного достоинства съ ними, но съ теченіемъ времени должны были ихъ превзойти (11-го дек.). О продажѣ и производствѣ вина состоялось нѣсколько указовъ: зачитать сборщикамъ, у которыхъ противъ окладовъ явится приборъ вина на сто ведеръ по два съ половиною, а на тысячу по 25 ведеръ въ годъ и о взысканіи за излишнюю усышку и утечку денегъ по продажнымъ цѣнамъ (дек. 17-го). За каждый не клейменый кубъ и казанъ на винокуренныхъ заводахъ приказано (мар. 11-го) взыскивать отъ 25 до 100 рублей штрафа (окт. 20-го). Но въ особенности, отягощенъ былъ народъ отдачею (окт. 20-го) сборовъ на откупъ и въ компаніи. Въ обезпеченіе казна брала съ откупщиковъ, впредь одну треть годовыхъ доходовъ. У поставочнаго за домовымъ расходомъ и принятаго въ розну вина постановлено (ноябр. 3-го) вычитать вмѣсто прежнихъ полкопѣешныхъ пошлинъ съ хлѣба, хмѣлю и дровъ по 3 копѣйки съ ведра.

Въ то время, когда куреніе и продажа вина стѣснялась въ ущербъ нравственности народа, онъ страдалъ отъ недостатка хлѣба. Въ Петербургѣ дороговизна дошла до такой степени, что правительство приказало продавать хлѣбъ по утвержденной таксѣ и цѣнъ не возвышать (янв. 19) Изъ остзейскихъ губерній подъ тягчайшимъ штрафомъ воспрещенъ вывозъ хлѣба (іюля 7-го). Перекупщикамъ хлѣба, скота, живности, рыбы, капусты и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, также сѣна и дровъ, запрещено перекупать у продавцевъ явившихся въ столицу и никакихъ «вязокъ собрався компаніями не чинить», согласія съ продавцами къ повышенію цѣнъ не имѣть. Впрочемъ *послѣ полудня*, изъ опасенія, чтобъ продавцамъ не было лишняго *простоя* на рынкахъ, дозволялось

Digitized by Google

порекупщикамъ брать у нихъ ихъ товаръ. Ослушники указа лишались товара: половина его шла на госпиталь, половина доносчику; *иногда же* виновные подвергались штрафованію *морскими кошками*. Прямыми слѣдствіями столь страннаго распоряженія — были безпорядки, всякаго рода злоупотребленія, фальшивые доносы, взятки, напрасныя *сѣкущіи кошками* и презрѣніе къ закону (окт. 11-го).

Одною изъ причинъ дороговизны припасовъ въ С. Петербургѣ была трудность ихъ доставки: обратили вниманіе на исправленіе вышневолоцкихъ шлюзовъ и каналовъ. Сердюковъ, взявшій на себя сборъ узаконенныхъ пошлинъ съ барокъ и плотовъ, вѣдавшій и содержавшій шлюзы вышневолоцкіе, со времени царствованія Петра 1, доносилъ (въ 1742 г.), что истратилъ болѣе 40,000 руб. на починку шлюзовъ, и при всемъ томъ сообщеніе представляло невѣроятныя затрудненія: такъ напр. рѣка Тверца до того была крика, мелка, камениста, что для поднятія барки на ея порогахъ впрягалось до 50 лошадей; суда громадными караванами выжидали по недѣлямъ очистки пути. Хозяевамъ обходилась перевозка съ Вышняго-Волочка, на разстояніи 20-ти какихъ-нибудь верстъ такъ дорого, что цѣны возрастали болѣе нежели вдвое. Сердюковъ обѣщамъ фарватеръ въ мелкихъ мѣстахъ углубить, каменные шлюзы выстроить, каменистыя мѣста очистить, но за то выпросилъ разрѣшеніе, вмѣсто прежнихъ 5 копѣекъ, брать съ сажени 10-ть. Но обѣщанія остались обѣщаніями, а сообщеніе по вышневолоцкому пути было сопряжено съ прежними затрудненіями.

Распоряженія о улучшеніи сухопутныхъ путей сообщенія простирались только на дорогу изъ Петербурга въ Москву, или къ мѣсту военныхъ дѣйствій Выборгу. (Дек. 9-го, 23-го, фев. 19-го, іюля 9-го Авг. 17-го). Облегчена выдача и прописка подорожныхъ, отсылаемыхъ прежде изъ ямской канцеляріи въ сенатъ и коллегіи. Увеличены вообще прогоны (фев. 17-го Мар. 19-го, Окт. 15-го), съ обязательствомъ: платить ихъ каждому, ѣхалъ ли бы онъ по своей или казенной надобности. «Ѣздить по прешпективной дорогѣ силою (какъ то дѣлалось прежде) запрещено было принуждать (нояб. 12-го).»

По случаю войны обращено было вниманіе на улучшеніе

Digitized by Google

флота и арміи. Въ Кронштадтѣ для починки кораблей (фев. 15-го) заложенъ большой элингъ съ двумя воротами и шлюзами; обдѣланъ большой каналъ морскихъ доковъ (окт. 15-го). Для сокращенія издержекъ прекращена (февр. 17-го) выдача денегъ на угощеніе офицеровъ кронштадтскихъ въ *викторіальные* дни, что постоянно дѣлалось до 1737 года. Для этого же адмиральтейскими сборами поручено вѣдать губернаторамъ, а не особымъ офицерамъ (апр. 6-го). Во избѣжаніе недостатка офицеровъ во флотѣ воспрещенъ имъ переходъ на службу въ другія вѣдомства.

Для лучшаго надзора за выдѣлкой ружей, оружейная контора, также тульскіе и сестрорѣцкіе заводы подчинены непосредственно военной коллегіи (дек. 28-го и янв. 15-го). При сенатѣ для карауловъ и разсылокъ учреждена рота солдатъ. съ полнымъ числомъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ. Изъ чиновниковъ военной коллегіи составлены конторы коммисаріатская и цальмейстерская, къ первой присоединена мундирная контора (янв. 25-го). Инженерный *корпусъ* и фортификаціонная контора соединены въ одно вѣдомство (фев. 15-го). Малороссійской пороховой заводъ соединенъ съ московскимъ (окт. 15-го). Къ придворнымъ конюшнямъ приписаны 572 души мужескаго пола (въ зачетъ рекрутской повинности) съ тѣмъ, чтобы они изъ рода въ родъ были конюхами (авг. 27-го). Строго было подверждено офицеровъ отнюдь не увольнять въ отставку, а негодныхъ къ службѣ, больныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ отсылать въ дальніе гарнизоны (авг. 27-го), или на поселеніе за Каму рѣку (сен. 27-го). Всѣмъ членамъ военнымъ и статскимъ стражайше воспрещалось (сент. 17-го) употреблять солдатъ на собственныя работы и услуги. Шведскихъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ дозволялось (окт. 15-го, Ноября 26-го) принимать на службу не иначе, какъ съ опредѣленіемъ ихъ въ дальніе гарнизоны. По случаю прекращенія кампаніи 1742 г. третья часть штабъ и оберъ-офицеровъ арміи (окт. 18-го) были распущены въ отпускъ, но приготовленія къ новой кампаніи начались объявленіемъ новаго рекрутскаго набора. 31-го декабря было приказано представить въ сенатъ изъ всѣхъ коллегій и конторъ вѣдомости о числѣ нижнихъ чиновъ, о необходимомъ числѣ новыхъ для

Digitized by Google

укомплектованія всѣхъ командъ. За тѣмъ по примѣру 1741 года приказано приступить къ рекрутскому набору со всѣхъ посаженныхъ въ подушной окладъ «не обходя никого и не чиня зачетовъ (170).»

Сборъ податей, сборовъ и всякаго рода пошлинъ вызвалъ рядъ самыхъ энергическихъ распоряженій, напоминавшихъ указы Бирона. Губернаторы, воеводы и офицеры-сборщики неоднократно были *понуждавмы* къ сбору недоимокъ. За неисполненіе приказано (авг. 31-го) губернаторовъ съ ихъ товарищами сажать подъ арестъ, воеводъ и офицеровъ заковывать въ желѣза; для скорѣйшей высылки податей и недоимокъ разосланы по городамъ гвардейскіе солдаты. Для пресѣченія безпорядковъ въ платежѣ подушныхъ денегъ (17-го сентября) объявлена новая ревизія, съ тѣмъ, чтобы она возобновлялась черезъ каждыя 15 лѣтъ. Для составленія переписи назначались отставные генералы, штабъ-офицеры и статскіе чиновники; по указу—они должны были быть люди способные и надежные.»

Въ общую генеральную перепись внесли *людей и крестьянъ* (?), находившихся на казенныхъ работахъ по паспортамъ, безъ отсылки таковыхъ работниковъ къ мѣстамъ ихъ жительства. Безпаспортнымъ дозволялось оставаться при работахъ, но впредъ таковыхъ принимать запрещалось (нояб. 1-го). Недостатокъ денегъ въ государственномъ казначействѣ, за издержками на празденства, коронацію, и войну — былъ до того великъ, что правительство неоднократно приказывало (11-го декабря и проч.) взыскивать во всемъ государствѣ подати безъ увеличенія переписки и въ непродолжительномъ времени. Государыня находила, что подданные, освобожденные ею отъ многихъ недоимокъ, за два года получившіе облегченіе въ податяхъ (10 коп. вмѣсто 17-ти съ души) не позаботились изъ благодарности очистить прежніе недочеты. Виновниками того, по словамъ указа, были помѣщики, а имъ наровя, губернаторы и воеводы. Того ради *взыскивать безъ послабленія*. чинить *правежъ*, отписывать на государыню деревню *безновертно*, крестьянскихъ отговорокъ, что они только за себя могутъ выплатить подати, а за убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ взятыхъ въ солдаты платить не могутъ и тѣ отговорки не

Digitized by Google

принимать, а доправлять съ нихъ за всѣхъ. Сборщикамъ запрещалось брать взятки, впрочемъ ради только того, что отъ этого «государынѣ чинится ущербъ, *а слѣдственно и народное раззореніе возпослѣдуетъ.*

И такъ, хотя доимочная канцелярія, въ слѣдствіи страшныхъ злоупотребленій была закрыта, но народъ снова страдалъ отъ рекрутскихъ поборовъ, злоупотребленій, съ которыми сопровождалась *генеральная перепись*, производившаяся людьми неспособными, порочными, привыкшими къ мѣрамъ свирѣпой жестокости въ десятилѣтнее владычество Бирона. Угрожаемые съ одной стороны штрафованіемъ *кандалами*, съ другой — увлекаемые жаждою корысти, они какъ баскаки татарской орды налетѣли и на *людей* (помѣщиковъ?) *и на крестьянъ* (?).

Монетное дѣло было усилено. (Марта 26-го, мая 13-го, 24-го, ноября 19-го, декабря 11-го.) Государыня повелѣла вычеканить 10,000 червонныхъ съ ея портретомъ (Іюня 20-го.). Ради дешевизны въ наймѣ рабочихъ и доставкѣ матеріаловъ — монетному двору приказано (іюня 25-го) изъ Петербурга перебраться въ Москву, а мѣсяцъ спустя (іюля 20-го) указъ отмѣненъ (171).

Для улучшенія построекъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, селѣ Покровскомъ — Елизавета (апрѣля 17-го) запретила строить дома безъ разрѣшенія главной полиціи; при чемъ (мая 22-го) дома должны были строиться по планамъ, улицы проводились шириною въ восемь, переулки въ четыре сажени. Вся Москва обнесена была землянымъ рвомъ (іюня 10-го). Въ Петербургѣ обращено было вниманіе на обстройку васильевскаго острова (іюля 30-го). Въ обѣихъ столицахъ улицы предъ казенными и *конфискованными* домами были тщательно вымощены (авг. 7-го). Въ предохраненіе отъ пожаровъ, полицейская канцелярія должна была (авг. 24-го, сент. 2-го) надзирать за лучшею кладкою печей и проводкѣ трубъ въ домахъ. Набережныя обнесены перилою, запрещено кабаки и харчевни заводить на главныхъ улицахъ, ходы въ погреба дѣлать со двора.

Изъ другихъ городовъ обращено было вниманіе на Оренбургъ. Основанный въ 1734-мъ году на бухарской сторонѣ,

Digitized by Google

при рѣкѣ Яикѣ, онъ перенесенъ, по донесенію Неплюсва (окт. 15-го), нѣсколько верстъ далѣе отъ прежняго мѣста. Для заселенія сего города переселено туда (сент. 17-го) болѣе 1,000 семействъ малороссіянъ, молдованъ, волоховъ и грузинъ (172). Жителямъ Лифляндіи, Эстляндіи, Эзеля, городовъ: Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта, Пернова, Выборга и Нѣжина выданы жалованныя грамоты съ подтвержденіемъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ (ноября 3-го, іюня 25-го, сент. 17-го, окт. 27-го.).

Внѣшнія дѣла, заправляемыя Безстужевымъ (ноябр. 12-го, декабря 10-го), для начала были очень-хороши: вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, получено было извѣстіе, что дагестанскіе князья съ войскомъ, состоявшимъ болѣе 60,000 человѣкъ, вошли съ просьбою къ начальствовавшему въ Кизлярѣ генералу Тараканову о принятіи ихъ въ подданство Россіи, на что Елизавета изъявила согласіе. Съ Англіей заключенъ былъ (дек. 11-го) оборонительный союзъ на 15 лѣтъ, съ обезпеченіемъ взаимной цѣлости и спокойствія, особенно на сѣверѣ, и съ обязательствомъ, въ случаѣ нужды, снабжать вспомогательнымъ войскомъ. Англія только теперь признала за русскими государями императорскій титулъ.

«Мнѣ стоило большихъ хлопотъ, заключить этотъ договоръ», пишетъ англійскій резидентъ 15-го декабря. «Лестокъ и Безстужевъ, имѣя сильное вліяніе на дѣла, враждуютъ другъ съ другомъ. Съ трудомъ удалось мнѣ примирить ихъ, разумѣется, на время. Я предложилъ первому отъ имени короля великобританскаго 600 ливровъ годоваго дохода; онъ былъ очень доволенъ, надавалъ тысячу обѣщаній, но на нихъ нельзя много полагаться, ибо Лестокъ состоитъ на жалованьи отъ двора французскаго».

Послѣ капитуляціи 24-го августа съ Швеціей, дѣла были на время спокойны, и депутаты стокгольмскаго сейма признали Петра III (декабря 28-го) наслѣдникомъ русскаго престола, съ титуломъ императорскаго высочества. Съ оттоманскою портою миръ 1739 былъ подтвержденъ и по конвенціи (12-го окт. 1742) уполномоченныхъ обѣихъ державъ опредѣлена была граница: главнымъ рубежемъ назначена

Digitized by Google

линія со стороны Днѣпра, отъ вершины рѣки Конскихъ Водъ до рѣки Берды.

Достойно замѣчанія, что во все это время, наравнѣ съ съ указомъ довольно важнымъ, выходили постановленія, имѣвшіе смыслъ по отношенію къ забавамъ двора, прихотямъ двора и проч. Почти въ одинъ день съ возстановленіемъ сената, строжайше воспрещено (дек. 1-го, 19-го) ловить и стрѣлять птицъ и звѣрей около Петербурга и Москвы: право это удерживала за собой государыня съ своимъ дворомъ. Изъ всѣхъ указовъ и учрежденій правительницы Анны, немедленно уничтоженныхъ, подтвержденъ былъ указъ о содержаніи *Ягдъ-Штата* (февр. 18-го): онъ получилъ только новый видъ съ учрежденіемъ (окт. 30-го) оберъ-егермейстерской канцеляріи, управляемой А. Разумовскимъ.

Нѣкоторые указы уничтожились только потому, что они вышли въ правленіе Анны: такъ въ отмѣну прежнему постановленію, Елизавета дозволила (дек. 15-го) 1741 г., своимъ сановникамъ впрягать лошадей и содержать ихъ сколько кому угодно. Но уже 18-го октября 1742 г. запрещалось ѣздить цугами и четвернями ради того, объявляла государыня, что даже и посредственные люди изъ тщеславія стали ѣздить цугами. Быстро развившаяся роскошь при дворѣ повидимому вызывала мѣры, имѣвшіе цѣлью ее уменьшить: золотыя и серебряныя матеріи (особенно любимыя Елизаветой) воспрещалось продавать безъ ея дозволенія и выбора (мар. 11-го). Ко двору тѣмъ не менѣе съ большими издержками доставляли цѣлые обозы фруктовъ южной Россіи (авг. 13-го). Для приготовленія къ коронаціи драгоцѣннѣйшихъ вещей и уборовъ учреждена была (апр. 15-го) цѣлая комиссія. Купецъ Стегельманъ гофъ-факторъ двора (28-го авг.), едва успѣвалъ выписывать изъ за-границы всякаго рода драгоцѣнныя ткани и проч. Между тѣмъ, по указу 11-го дек. 1742 г., никто кромѣ военно-служащихъ и иностранцевъ не смѣлъ носить богатаго платья; лица *не имѣющія рангов* не смѣли носить даже шелковыя подкладки въ платьяхъ; первымъ пяти кассамъ предоставлялось право носить кружева. На русскихъ фабрикахъ воспрещено было дѣлать серебряныя и золотыя парчи; а позументы въ необходимомъ числѣ для церковныхъ ризъ, облаченій и т. п.

Digitized by Google

Слѣдующій, довольно оригинальный указъ заключилъ первый годъ царствованія Елизаветы: «государыня замѣтила (дек. 31-го), что въ петербургскомъ гостинномъ дворѣ продаютъ желѣзныя табакерки, крытыя лакомъ, съ нарисованными на нихъ *пасквилями*: пять персонъ мужескихъ и одна женская въ одной рубашкѣ, а половина оной нагая, въ коронѣ, съ подписью на англійскомъ языкѣ тѣхъ персонъ неприличныхъ разговоровъ; а понеже такіе и подобные тому пасквили здѣсь весьма ненавистны суть, того ради,» Сенатъ долженъ былъ принять мѣры къ воспрещенію таковыхъ вещей къ продажѣ.

По докладу князя Трубецкаго, Елизавета нашла, что Петербургскія вѣдомости печатаютъ *многія несправедливости*, какъ напр. ошибочно объявили (26-го февр. N-17), что Михайло Безстужевъ награжденъ орденомъ Андрея Превозваннаго. Академіи приказано (март. 18-го) отвѣчать въ этомъ сенату, а впредь печатать вѣдомости не иначе, какъ *съ дозволенія* сенатской конторы. Этотъ указъ былъ единственный въ первый годъ новаго царствованія, относившійся *къ дѣлу книжному, къ дѣлу народнаго образованія:* о немъ нѣтъ ни слова въ 222 указахъ сего времени.

За то множество относится къ увеличенію правъ духовенства, къ распространенію православія, уничтоженію *еретиковъ* и т. п. Не даромъ, не безплодно гремѣли духовные проповѣдники! Предики пожинали обильные плоды. Сама государыня по своему личному влеченію къ духовенству и религіозному настроенію приказала (декабр. 15-го 1741 г.) иновѣрцевъ, сдѣлавшихъ важное преступленіе и только изъ боязни казни обратившихся къ православію *казнить смертью* (янв. 16-го), армянскія церкви *закрыть* и впредь не позволять строить (янв. 22-го), церковно служителямъ, посланнымъ въ Камчатку для распространенія православія увеличить жалованье и назначить пособія (март. 30-го). Вдовымъ священнослужителямъ принятымъ въ монастыри, до постриженія ихъ въ монахи дозволять священнодѣйствовать, полковымъ священникамъ предоставить всѣ средства (апр. 6-го) обращать въ православіе калмыкъ, татаръ, черемисъ, мордву, чувашъ и другихъ иновѣрцевъ, находящихся на службѣ. Всѣхъ священниковъ освободить отъ присылки въ синодъ (мая 17-го) вѣдо-

Digitized by Google

мостей о исповѣдовавшихся и неисповѣдовавшихся. Въ пользу церквей и церковныхъ служителей взимать (мая 31-го, іюля 15-го), штрафъ съ человѣка по рублю за несоблюденіе тишины во время службы, за разговоры *о свѣтскихъ* дѣлахъ, за *неблагочинное* стояніе, за громкое лобзаніе иконъ во время пѣнія и т. п. Престарѣлыхъ и въ умѣ поврежденныхъ *колодниковъ* препровождать изъ тайной канцеляріи *для исправленія* въ монастыри (іюля 23-го), судебнымъ свѣтскимъ мѣстамъ запретить безъ архіерейскаго разрѣшенія задерживать духовныхъ лицъ, за исключеніемъ тяжкихъ, государственныхъ преступленій (іюл. 7-го), для *утвержденія православія*, для иновѣрческихъ дѣтей казанской губерніи завести школы. Всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи еще съ 1739 года, отпустить въ отечество, но принявшихъ христіанство возвратить на жительство въ Россію, (23-го сент.), ставленническія дѣла священниковъ вести не на гербовой, а на простой бумагѣ (апр. 7-го), домы и дворы церковнослужителей освободить отъ постоя. Духовныхъ сказавшихъ *слово и дѣло* отсылать не въ свѣтскіе суды, а въ синодъ. Помѣщиковъ, имѣющихъ у себя церкви, обязывать снабжать служащихъ въ тѣхъ церквахъ всѣмъ необходимымъ: землею, покосами и проч. (окт. 9-го).

Гоненія на раскольниковъ открылись съ перваго же года новаго царствованія: раскольническая контора, потерявшая свое значеніе со смерти Петра I, снова открыта (окт. 18-го) Она обложила «раскольниковъ и бородачей двойнымъ окладомъ» и поспѣшила устроить за ними «*духовный*, наикрѣпчайшій надзоръ.» Духовные приставники *безъ послабленія* раскольниковъ къ святой церкви побуждали, а бородачей отъ упрямства отгоняли (ноябр. 22-го).

Мечети приказано закрыть (ноябр. 19-го), за новоокрещенными слѣдить, да не обратятся они въ ересь, а таковыхъ *розыскивать*. Буде чуваши и иные *еретики* не пожелаютъ креститься таковыхъ штрафовать по указамъ. Но самымъ страннымъ распоряженіемъ, съ трудомъ извиняемымъ временемъ, было преслѣдованіе въ предѣлахъ россійской имперіи всѣхъ жидовъ. Государыня въ указѣ 2-го декабря 1742 объявила, что отъ этихъ ненавистниковъ имени Христа надо

Digitized by Google

ожидать крайняго вреда всѣмъ нашимъ подданнымъ, «почему и повелѣваемъ немедленно всѣхъ жидовъ и жидовокъ всякаго званія и достоинства выслать изъ нашихъ владѣній и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ Россію не впускать. При высылкѣ жидовъ тщательно наблюдать, чтобъ при нихъ не было золота, серебра и иностранныхъ ефимковъ, все это обмѣнять имъ на мѣдные пятикопѣешники и копѣйки. Ослушники указа подвергнуться подъ высочайшій гнѣвъ нашъ и будутъ преданы жесточайшимъ и тягчайшимъ истязаніямъ (173).»

Самое замѣчательное и гуманное распоряженіе было сдѣлано 21-го мая: приказано было малороссіянъ отнюдь никому не укрѣплять въ холопство, не принуждать ихъ вступать въ бракъ *съ крѣпостными* дѣвками и женщинами. Женившихся же добровольно немедленно съ женами отпускать на волю. Всѣ крѣпости и письма на холопство малороссіянъ отнынѣ считать недѣйствительными. Съ ослушниками указа, съ барами, *холопившими* малороссовъ и неотпускавшими ихъ на волю приказано (іюля 3-го) поступать какъ съ явными преступниками и ослушниками императорской воли «безъ всякаго милосердія.» По указу 9-го іюня свободные козаки имѣли право вездѣ нанимковать безъ запрету, продавать вино ведрами, куфами и квартами.

Недовольствуясь этимъ, государыня (август. 18-го) облегчила малороссіянъ отъ разныхъ повинностей: денежныхъ, лошадьми, отводомъ квартиръ, доставки припасовъ и проч. Подъ страхомъ жестокаго наказанія воспрещено препятствовать свободнымъ малороссіянамъ переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ царствованіе Екатерины II малороссы были тысячами роздарены придворнымъ сановникамъ, но въ 1742 году они были обязаны своей свободой ходатайству и заступничеству А. Г. Разумовскаго, крестьянина черниговской губерніи, да преставленіямъ А. Б. Бутурлина, управлявшаго въ то время Малороссіей. Такимъ образомъ цѣлая страна обязана своими правами двумъ придворнымъ, пользовавшимися въ разное время особымъ расположеніемъ императрицы... Если такъ много было сдѣлано для малороссіянъ, то какія же льготы

Digitized by Google

получили великороссіяне? Они видѣли освобожденіе своихъ сосѣдей, прислушивались къ восторженнымъ похваламъ императрицѣ монаховъ и священниковъ, слышали о щедрыхъ наградахъ русскихъ людей, предпочтительно предъ иноземцами, о набожности, кротости Елизаветы и молва облетѣла крѣпостную Русь: свобода, свобода, воля приходитъ, говорили мужички. Надежды, волновавшіе крестьянъ въ началѣ каждаго почти царствованія, на этотъ разъ заглохли съ слѣдующимъ указомъ, 2-го іюня.» Узнали мы въ прошломъ мѣсяцѣ,—объявляла государыня,—что многіе помѣщичьи крестьяне оставляютъ своихъ господъ, самовольно затѣваютъ будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ воля. Многіе стали проситься въ военную службу для освобожденія отъ помѣщиковъ; и о томъ просили насъ самихъ. Другіе, не подавая никакихъ челобитень, отъ господъ своихъ бѣжали и ждали указа объ освобожденіи, а за такіе ими вымышленныя и противозаконныя дерзновенія, по собственноручному нашему указу, учинено имъ на площади *предъ публикою* жестокое наказаніе: тѣ, которые подавали просьбы толпами, биты кнутомъ, зачинщики сосланы за тѣмъ въ Сибирь, въ каторжную работу, вѣчно, а подававшіе челобитныя порознь, по матернему милосердію нашему, биты плетьми, прочіе батогами; а по наказаніи, всѣ, кромѣ каторжныхъ, возвращены помѣщикамъ въ *услуженіе* по прежнему. И такъ, на крѣпко запрещаемъ крѣпостнымъ людямъ отъ помѣщиковъ не бѣгать, въ военную службу самовольно непросится, а ослушники какъ *наказанные ихъ братья* будутъ и впредь нещадно биты кнутомъ и сосланы въ каторжную вѣчную работу.»

Крестьяне увидѣли чего можно ждать, чего надѣяться и стали бѣгать толпами отъ помѣщиковъ въ привольную Малороссію. Изъ одного муромскаго уѣзда бѣжало болѣе 1000 семействъ крестьянскихъ; многіе вотчины лишились совершенно жителей (ук. авг. 2-го). Пойманныхъ пороли плетьми, батогами, били кнутомъ, и нерѣдко головой отдавали помѣщикамъ (174).... И такъ, «болѣзненно работающій земледѣлецъ (примѣняемъ слова дьякона Савицкаго изъ проповѣди его 10-го октября 1742 г. стр. 4), многотрудящійся крестьянинъ, ради своего (и помѣщичьяго) пропитанія, исто-

Digitized by Google

щающійся въ страшныхъ усиліяхъ, не отеръ кроваваго пота съ лица своего. Надежда его перемѣнилась въ отчаяніе, день и ночь ожидаемое благополучіе возрасло въ несравненный плачь и скорбь лютую!»....

У насъ вообще принято думать, что въ концѣ первой половины XVIII-го вѣка настала тишина, водворилось спокойствіе, прекратились пытки, казни — чуть-чуть не насталъ вѣкъ золотаго счастія. На сколько справедливо это странное мнѣніе, утвержденное всѣми учебниками, многими монографіями, трудами Н. А. Полеваго, А. И. Вейдемейера и друг. можно видѣть изъ нашихъ очерковъ.... Добавимъ въ заключеніе, что уже въ 1742 г. вышло нѣсколько указовъ по поводу казней и пытокъ: перебѣщиковъ за границу шведскую *казнить смертію безъ упущенія* (мар. 13-го); при губернскихъ канцеляріяхъ опредѣлить по два палача или заплечныхъ мастеровъ, а въ провинціальныхъ по одному *для розысковъ и экзекуцій* (іюня 10-го). За ложное сказаніе *слова и дѣла* приказано боярскихъ и посадскихъ людей *бить плетьми нещадно;* помѣщичьихъ *людей и крестьянъ*, ежели владѣльцы обратно взять не пожелаютъ, сѣчь плетьми, а кнутомъ *не бить.... дабы не попортить и въ службу негодными не сдѣлать* (іюня 25-го). Малолѣтныхъ преступниковъ важныхъ (менѣе 17-ти лѣтъ) отъ пытки и *смертной казни* освободить (значитъ вросльые не были освобождены), а въ замѣнъ, государыня всемилостивѣйше соизволила приказать сѣчь ихъ батогами, сѣчь плетьми и ссылать для *исправленія* въ монастыри (августа 23-го). Во избѣжаніе споровъ, показанія подсудимыхъ, говоренныя съ *виски*, *дыбы*, *огня*, *желѣза*, *воды*, *утки* и другихъ пытокъ (176), приказано было (сент. 1-го) записывать тутъ же въ застѣнкахъ, въ особый черновой журналъ и подписывать его судьямъ, не выходя изъ застѣнка или казамата, гдѣ производился *розыскъ* (175). Такимъ образомъ, говоритъ Н. М. Карамзинъ: грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматриваясь произносили имя кроткой Елизаветы или министра сильнаго; пытки и тайная канцелярія существовали: потоки крови лились, въ застѣнкахъ раздавались вопли терзаемыхъ!... (176).

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

(103) *Вѣд.* 1742, 85, 92—94. *Полеваго.* Стол. Россіи. 1845. ч. 1, стр. 58. *Манштейнъ*, стр. 451, ошибочно говоритъ, что герцогъ пріѣхалъ въ Спб. въ январѣ. *Беркгольцъ* (авторъ любопытнаго дневника), пробылъ въ Россіи до 1746 г. Кромѣ него прибыли изъ Голштиніи съ герцогомъ оберъ-гофмаршалъ *Брюммеръ* и камергеръ *Дукеръ*. Штатъ герцога умноженъ слѣдующими лицами: гофмаршалъ князь А. А. Черкасской; камергеры: графъ Г. И. Головкинъ, князь С. Гагаринъ, Лиліенфельдъ и П. С. Сумароковъ; каммеръ-юнкера: Лингардтъ, Н. И. Панинъ, Воронцовъ, Вожжинскій и Сиверсъ. Приказано каммеръ-юнкеровъ считать въ числѣ бригадировъ, а дѣйствительныхъ камергеровъ генералъ-маіорами (№ 8510). О призваніи въ Россію Петра III-го, смотр. рукопись Академ. Библіот. въ листъ, 650 стр. 1801 г.: «Дипломатическія сношенія между Россіей и Голштиніей. Сост. *А. Малиновскій.*

(104) *Вѣд.* 101, 109—111. *Примѣч.* 48—55. *Изъясняя* фейерверкъ, Штелинъ увѣряетъ, что все *веселящее* императрицу, должно приводить въ восторгъ ея рабовъ. Онъ-же обращаетъ вниманіе на 14-ти лѣтній возрастъ наслѣдника; по Пиѳагорову ученію, «кто священное седмиричное число лѣтъ дважды здраво, бодро и счастливо уже препроводилъ, тотъ многіе степенные годы проведетъ въ здравіи и счастіи». Смотр. также «Зерцало россійскихъ государей», Спб. 1794. *Мальшина*, стр. 527. Описаніе празднества 10-го февраля было напечатано въ 1742 г. и на франц. языкѣ. Празднованъ сей день въ Глуховѣ, Ригѣ и Нарвѣ. *Вѣд.* 127, 150, 182.

(105) Студентъ Ломоносовъ получилъ званіе адъюнкта 28-го января 1742 г., вмѣстѣ съ семинаристомъ г. Тепловымъ.

(106) Карлъ Голштинскій уѣхалъ въ Киль *въ іюлѣ 1727 г.;* Анна Петровна родила *10-го февраля 1728 г.;* такимъ-образомъ, по увѣренію Ломоносова, Петрополь терзался объ отъѣздѣ Петра III, когда онъ еще былъ въ материнской утробѣ. Собраніе сочиненій *Ломоносова* 1751 г., 8-я д., стр. 130—138. Первое собраніе его сочиненій, оно украшено его портретомъ. Книга нынѣ рѣдка.

(107) П. С. З. 8495, 8516, 8520, 8521. *Вѣд.* 117, 134, 143. Здѣсь ошибочно сказано, что Елизавета выѣхала *въ понедѣльникъ*, достовѣрно извѣстно, что она выѣхала *во вторникъ*. Достойно замѣчанія, государыня ничего не начинала *въ несчастный* день *понедѣльникъ*.

Digitized by Google

(108) Проповѣдь и дальнѣйшія подробности заимствуемъ изъ роскошнаго, по своему времени, изданія: «Обстоятельное описаніе вшествія въ Москву и коронованія Елизаветы». Спб. 1744, въ листъ, стр. 1—168, съ 60-ю рисунками, планами и чертежами. На приложенномъ портретѣ государыня изображена въ ростъ, стоитъ подъ балдахиномъ, въ Успенскомъ соборѣ. На головѣ корона, въ лѣвой рукѣ держава, въ правой скипетръ, на плечахъ порфира. Елизавета одѣта декольте, узкій корсетъ стягиваетъ талью, платье съ фижмами. Черные волосы густыми локонами падаютъ на плечи, обрамляя полное, круглое, улыбающееся лице. Глаза велики, ротъ малъ, подбородъ очень полонъ — вообще лицо довольное, спокойное, безъ думы и особаго выраженія. На первой страницѣ виньетка. Москва въ 1742 году изъ-за рѣки. Рисунки 1—9 изображаютъ тріумфальныя ворота, аллегорическія на нихъ картины, далѣе картина въѣзда въ Москву и проч. Объясненія картинъ такого рода: «Орелъ прогоняетъ *совъ и нетопырей*» и т. п. Картины сочинены Штелинымъ и архіепископомъ Амвросіемъ. Ворота строились подъ руководствомъ искуснаго зодчаго, князя Ухтомскаго. Смотр. «Старина» *А. Мартынова*, 1848 и 1853 г., ч. 1 и 4, стр. 23—26. Памятники Москвы, 1842 г. *Снегирева*, стр. 88—89. Описаніе Москвы, *Рубана*, 1782. Планъ Москвы 1739 г., *Мичурина*. О пожарѣ московскомъ 1737 г. въ «Чтеніяхъ исторіи» 1858 г., кн. 3. «Исторія московской академіи» *Смирнова*. М. 1855. Подносный экземпляръ описанія коронаціи 1742 г. хранится въ академіи въ богатомъ футлярѣ, съ раскрашенными чертежами и рисунками.

(109) П. С. З. 8523, 8530. *Штелина:* Сказанія о Петрѣ I-мъ. 1787, стр. 292. Описаніе двухъ аудіенцій персидскаго посла въ Москвѣ. 1742, въ 4-ю д.

(110) *Сѣченова*, «Слово», церковн. печати. М. въ 4-ю д. Гражд. печати. Спб. 1742, стр. 1—20.

(111) *Маркела*, на 28-е марта, церк. печати въ Москвѣ и гражд. въ Спб. 1742 г. *Флоринскій*, въ словѣ 11-го апрѣля, превозноситъ на 40-ка страницахъ кротость Елизаветы, *Крайскій*, 17-го апр., хвалитъ за призывъ Петра III-го. Вовсе не замѣчательны проповѣди *Топольскаго*, 30-го мая, *Григоровича*, 23-го, *Хотунцевича*, 26-го, *Кулябки*, 16-го. Въ нихъ попадаются, однако, такого рода воззванія: «Государыня, затвори гортани хульниковъ церкви, уста хульныя — глиною заключи, а и *снять* нечестивые языки не худо, яко-же всѣ благочестивые цари творили такъ» и т. п. *Маркела*, 23-го іюня, *Левицкаго*, 8-го августа, *Змилевскаго*, 16-го ок-

Digitized by Google

тября, *Левицкаго,* 25-го, *Антонскаго,* 31-го, *Горленко,* 28-го ноября и проч.

(112) «Записки о жизни и службѣ», *А. И. Бибикова,* 1817, стр. 12. *Manstein,* стр. 458. *Даниловъ,* стр. 34—35. Слѣдственныя дѣла за этотъ годъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ составляютъ толстѣйшіе томы, преступленія были самыя разнообразныя. Напримѣръ въ Измайловскомъ полку за 1742-й годъ: «N° 5, дѣло о дракахъ, ссорахъ и злыхъ поступкахъ солдатъ съ посторонними. N° 3, опредѣленіе солдатъ за продерзости въ армейскіе полки. N° 6, о выпибленіи у солдата Леонтьева праваго глаза..... N° 9, дѣло солдата Соколова въ порубленіи шпагою извощика. N° 10, о дракѣ солдатъ съ корабельною командою. N° 11, о обидѣ рядовымъ Аммосовымъ иноземца Гана. N° 12, дѣло гренадера Кременева съ товарищами въ продажѣ корчемнаго вина. N° 16, о продерзостяхъ солдатъ. N° 23, бой сержанта Колобова съ капраломъ Загоскинымъ. N° 24, о покраденыхъ изъ дворца вещахъ солдатомъ Ѳедоровымъ, въ бытность его тамъ на караулѣ. N° 29, дѣло о убіеніи гренадера Ѳедоева рядовымъ Пикинымъ. N° 35, о солдатѣ Артамонѣ Блудовѣ въ смѣшеніи блуда съ коровою и т. п. Объемъ нашего очерка не дозволяетъ намъ остановиться на этихъ дѣлахъ, но уже перечень ихъ довольно выразительно говоритъ о состояніи полковъ того времени. По случаю безпорядковъ, какъ видно изъ подлинныхъ бумагъ, многіе иностранцы офицеры поспѣшили выйти въ отставку.

(113) «Описаніе коронаціи» 1742 г. На поляхъ моего экземпляра рукою современника сдѣланы разныя поправки. Одинъ изъ рисунковъ изображаетъ маскарадъ-балъ въ яузскомъ дворцѣ.

(114) Описаніе иллюминаціи 25-го апр. 1742 г. М. 4-я д. Современнаго изданія оды *Тредьяковскаго,* 4-я д., 1742 г., мы нигдѣ не могли сыскать.

(115) Изображенія регалій въ *Обстоят. описан.* 1744 г. Любопытныхъ, явившихся ихъ осматривать, съ 7-го по 19-е мая, было 136,258 человѣкъ. На иллюминованномъ щитѣ въ уста *Россіи* вложена была надпись:

Надежда съ правомъ нынѣ довольны,
Желаніе съ вѣрностью спокойны.
Того Россія токмо ждетъ:
Да въ вѣкъ живетъ Елизаветъ.

Любопытны *изображенія иллюминацій,* бывшихъ предъ золотою рѣшеткою. Такъ, напримѣръ, представлено шесть сердецъ пирамидкою, на ней корона, подпись: *на сихъ подпорахъ безопасна.*

Digitized by Google

На столѣ стоитъ свѣчка въ подсвѣчникѣ: *егда свѣтъ всѣ просвѣщаются.* На скалѣ крѣпость, въ воздухѣ кнутъ: *ничего не ищу кромѣ правости.* Столбъ увѣнчанъ короной: *перемѣны не бойся* и т. д. Въ *Вѣд.:* «Экстрактъ изъ журнала о придворныхъ церемоніяхъ». *Въ примѣч.* (стр. 185—196) помѣщено было объявленіе такого рода: «По случаю коронаціи изданы разныя похвальныя стихи, рѣчи и тому подобныя сочиненія, которыя, можетъ быть, не во всѣхъ еще рукахъ находятся. Желая оказать нашимъ читателямъ наипріятнѣйшую услугу, мы будемъ ихъ печатать въ Вѣдомостяхъ и Примѣчаніяхъ». Но обѣщаніе остановилось на напечатаніи стиховъ кенигсбергскаго адвоката *Лестока, I. Л.* (?), столь-же высокопарныхъ, сколько и нелѣпыхъ. На медали, выбитой по случаю коронаціи, изображено на лицевой сторонѣ: «Б. м. елисаветъ: імперат. і самодер. всеросс.» поясное изображеніе государыни. На оборотѣ: «промыслъ божій чрезъ вѣрныхъ подъданныхъ». Елизавета въ порфирѣ, ее вѣнчаетъ геній, слетающій съ облаковъ; у ногъ Россія со щитомъ, сзади двѣ колонны съ вензелями Петра и Екатерины. Въ обрѣзѣ: «коронована в москвѣ 1742 год.» Работа неизвѣстнаго художника, есть снимки. Собр. русск. медал. 1840, N° 125. На жетонахъ золотыхъ и серебрянныхъ (мы имѣемъ серебрянный величиною съ четвертакъ) на лицевой сторонѣ: «елисаветъ імператрица всероссійская коронована в Москве 1742 г.» на оборотѣ «от вышнего благодать», корона въ лучахъ. Ода *Юнкера,* 29-го апр. 1742 г напечатанная въ листъ, на нѣмецкомъ языкѣ, была тогда переведена *Ломоносовымъ.* (Изд. *Смирдина,* 1847, т. 1, стр. 189—204.

(116) Персидскому послу дано деньгами 29,969 рубл., подарками на 44,315 рубл.

(117) Соч. *Тредьяковскаго,* изд. *Смирдина,* 1849, т. 1, стр. 291—304. День коронованія, говоритъ авторъ въ посвященіи, расширивъ чувствительнѣйшимъ веселіемъ мое сердце, не попускаетъ и мнѣ при всемірныхъ восклицаніяхъ быть безгласну.» Голосъ бывшаго пѣвца Анны Ивановны раздается въ 280 стихахъ оды *благодарственной* и 80 *привѣтственной,* та и другая Елизаветѣ. Впрочемъ піитическій угаръ Василія Кириловича остылъ, покрайнѣй мѣрѣ въ 1730-мъ году онъ съ большимъ чувствомъ восклицалъ привѣтствуя Анну Ивановну:

Веселіемъ у насъ всѣ плещутъ рѣкъ потоки!
Погибли въ безднѣ тьмы премерзкіе пороки:
Ужъ обстоятъ кругомъ:
Честь, правда, богу вѣра,

Digitized by Google

Усердность безъ примѣра,
И милость предъ судомъ.....

Послѣднее не было отличительною чертою Анны и ея соправителя Бирона.

(118) Исторія музыки со временъ Петра I-го, *Штелина.* Худ. Газ. 1840. N° 21.

(119) *Вѣд.* 278. 281. Курьезныя рѣчи обоихъ ученыхъ напечатаны 1742. д. 4. О празднованіи дня коронаціи въ Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кронштатѣ, Архангельскѣ, Берлинѣ у П. Г. Чернышева, въ Дрезденѣ у Кейзерлинга, въ Парижѣ у А. Д. Кантеміра смотр. *Вѣд.* 289. 295. 338. 410. 502. Описаніе иллюминаціи въ рижской на нѣмец. языкѣ, въ листъ. 1742 г.

(120) *Гребневскій,* въ послѣдствіи епископъ Владимірскій. Слово его гражд. печати, Спб. 1742. д. 4.

(121) Объемъ нашего разсказа, и безъ того уже принявшаго большіе размѣры, не позволяетъ намъ при описаніи военныхъ дѣйствій вдаваться въ мелкія подробности; мы остановимся на важнѣйшихъ фактахъ. О причинахъ видны 1741-1743, о ходѣ компаніи 1741 г. смотр. въ запискахъ *Манштейна*, обзорѣ *Вейдемейра,* наконецъ въ сочиненіи, недавно изданномъ *госпожею Шпилевскою:* Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741-1743 г. Спб. 8 до стр. 273 съ тремя планами 1858 г.» Трудъ госпожи Шпилевской подробно разобранъ нами въ 3 книжкѣ журн. Министер. народ. просвѣщ. 1859 г. О немъ же смотр. въ От. зап. 1859 N° 4, въ Военномъ Сборникѣ N° 3. и друг. журналахъ. При неизбѣжныхъ недостаткахъ книга госпожи Шпилевскій имѣетъ неоспоримыя достоинства: она освобождаетъ отъ труда рыться въ отдѣльныхъ брошюрахъ, Вѣдомостяхъ и проч. Большая часть извѣстій, многіе съ мельчайшими подробностями, сведены въ ея описаніи болѣе нежели изъ двадцати русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи почтенный трудъ составительницы заслуживаетъ полнѣйшій признательности. Смотр. также въ Финск. Вѣстникѣ 1845 т. 1. Очеркъ войны въ Финляндіи 1741-1742 г. «упущенный изъ виду авторомъ описанія- Мор. Сборн. 1856 г.» Отрывокъ изъ исторіи шведскихъ, морскихъ войнъ «*Гиленжанта*». Зап. Гидрогр. Общества 1847, т. 5. Морскіе походы противъ Шведовъ 1741-1743 г. *Соколова.*

(122) *Вѣд.* 175, 8. 79 и проч. П. С. З. N° 8552. 8554. Въ Акад. библіотикѣ есть гравированная карта Ингерманландіи, Кореліи и часто Финляндіи 1740 г.

Digitized by Google

(123) *Léoëque.* Hist. de Russ. V. p. 252. *Lesur:* Histoir des Kosaques. Paris 1814 т. 2. с. 176. Первое изданіе этой рѣдкой книги была напечатана въ числѣ 30 экземпляровъ смотр. Отчетъ Публич. биб. 1856 г.

(124). Онъ былъ напечатанъ: на нѣмецкомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ, нынѣ почти неизвѣстенъ; Шпилевская въ первые перевела и напечатала его на русскомъ языкѣ.

(125) *Примѣч.* с. 117. «Журналъ о происхожденіяхъ побѣдоноснаго русскаго оружія противъ вѣроломнаго шведа».

(126) *Manstein* 464. Въ полковыхъ приказахъ по усмиреніи мятежа строжайше было подтверждено о нечиненіи буйства и всякаго рода мятежей. *Рукоп.* Измайл. полка.

(127) От. зап. 1825. ч. 22 с. 59 записки *И. А. Остермана.* Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью престолу, храбростью и благородствомъ, нельзя ни въ чемъ попрекнуть его характера». Донесеніе *Миниха* 1737 г. Сѣв. Арх. 1822 N° 3 с. 207. Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de Russie. 1764 г. Оно переведено съ значительными выпусками въ *Рус. Вѣстн.* 1842. N° 1 Во второмъ нумерѣ помѣщены отрывки изъ записокъ *Вильбоа.*

(128) *Вѣд.* N° 60. Планъ мѣстности у Фридрихсгама смотр. описаніе *Шпилевской.*

(129) *Прим.* с. 263. Экстрактъ изъ Шведскихъ писемъ, заваленныхъ русскими».

(130) Донесеніе «Левенгаупта въ Relation exact et circonstance de la guerre entre la Moscovie et la Suède. т. II с. 86. Донесеніе Ласси *Вѣд.* N° 60, 61.

(131). *Шпилеская* 98-160. *Manstein* 450-480. *Примѣч.* 237-257 *Кашенскій* 1847. ч. 2. с. 430-437.

(132) *Шпилевская* 161-232. *Прпмѣч.* 277-297. 310-335, *Manstein* 482-485.

(133) Буденброкъ потерялъ голову на плахѣ 18 іюля 1743 г. 22-го числа казненъ Левенгауптъ.

(134) *Примѣч.* 337.

(135) Изд. 1742. М. 16 д. стр. 20. іюня 19-го,

(136) Церковн. печати. 4. д. 1742. Москва.

(137) Неправедныхъ судей, говоритъ Арсеній, хищниковъ и грабителей вымышленное правило: «знай насъ, не забывай насъ, дѣлись съ нами, будешь у мѣста: когда дашь — будешь князь, не дашь-будешь грязь». Митрополитъ рѣзко осуждаетъ корыстолюбіе и страсть къ земнымъ, столь тлѣннымъ благамъ: Въ цар-

Digitized by Google

ствованіе Екатерины II-й тотъ же Арсеній писалъ въ защиту монастырскихъ имѣній, былъ разстриженъ и бѣдственно кончилъ жизнь въ казаматѣ. Портретъ его въ Пантеонѣ *Бекетова* 1801 г. Сочиненія въ рукописи находиться въ Публич. библіот. біографія въ соч. Каменскаго, Евгенія, и Новикова. О мѣстѣ погребенія, если не ошибаюсь, въ началѣ любопытной запискѣ о Сибири *Штейнгеля*.

(138) По свидѣтельству Савицкаго многое множество раскольниковъ 1742 году сами себя и жгли и различнымъ смертямъ предали, избѣгая православія. «А кудажъ они пошли послѣ этого, вопрошаетъ придворный проповѣдникъ, да узнаетъ всякъ—пошли во тьму кромѣшную.» Фанатическіе возгласы подобныхъ проповѣдниковъ имѣли немаловажное вліяніе на Елизавету: многіе ея указы противъ раскольниковъ, жидовъ и разныхъ иновѣрцовъ, которые преслѣдовались въ это время съ особымъ ожесточеніемъ имѣютъ большую связь съ проповѣдями сего времени.

(139) М. 4. д. церк. печати. Проповѣдь заканчивается панегирикомъ Елизаветѣ.

(140) Каммерфурберскаго журнала за 1142 г. сохранилось три листика. Онѣ напечатаны въ 1858 году съ соблюденіемъ всѣхъ грубѣйшихъ ошибокъ подлинника подъ заглавіемъ: «Журналъ Троицкаго похода» Спб. 8 д., 1—5.

(141) Москва. 4 д. пер. печати.

(142) Мы видѣли подлинный указъ о пожалованіи Панина капитаномъ гвардіи: онъ написанъ безъ знаковъ препинанія, на толстой бумагѣ, собственноручная подпись: *Елисавета іюля въ 10 день въ Москвѣ.* Въ сѣверномъ архивѣ 1823 г. т. V, между другими помѣщена подпись Елисаветы. «Любителю исторіи, замѣчаетъ редакторъ архива, пріятно взглянуть на подпись руки, отъ мгновенья которой зависѣла участь многихъ тысячъ семействъ.»

П. И. Панинъ на четырнадцатомъ году отъ роду (въ 1736 г.) стоялъ на часахъ во дворцѣ, какъ солдатъ Измайловскаго полка. При отданіи чести Аннѣ Ивановнѣ на лицѣ молодаго человѣка показалось судорожное движеніе: это сочли за умышленное кривлянье. Едва избѣгъ онъ Сибири, но отправленъ въ Крымскую армію.

(143) *Примѣч.* 277.

(144) Слово *Крайскаго* М. 4-я д. 1742 г. авг. 26. *Топольскій* въ словѣ на 30 августа «что дщерь Петра, яко Соломонъ, разорвала челюсти свейскаго льва и оттуда подала намъ миръ и

Digitized by Google

благотишіе.» Слова *Петрункевича* на 19 сент. *Арсенія* на 16 октября. О празднованіи сего дня *въ Вѣд.* 757.

(145) Москва 4-я д. церк. печати. О празднованій сего дня въ Ригѣ, Выборгѣ, Ревелѣ смот. *Вѣд.* 602, 626, 632. Въ Петербургскомъ крѣпостномъ соборѣ *Барановичъ* сказалъ проповѣдь: «человѣкъ нѣкій бѣ домоватъ, иже насади виноградъ.» По незначительности содержанія рѣчь, кажется, не была напечатана.

(146) *Вѣд.* 693, 716. На возвратномъ пути изъ Финляндіи Ласси; сынъ его генералъ и весь остальной генералитетъ встрѣчены съ торжествомъ въ Ревелѣ, Ригѣ, Перновѣ и Спб.

(147) *La Cour de la Russie* 109.

(158) Описаніе дѣйствія..... объявленія Петра Ѳедоровичемъ наслѣдникомъ престола и мѵропомазанія его.» Сын. Отеч. 1839, т. 9, отд. VI, стр. 1 — 5. Рукопись сего описанія въ Акад. библіотекѣ.

(149) *Собраніе* медалей Спб. 1840 г. *Вѣд.* 748, 779, 780, 789, 795, 803. *Weidem.* 34 *Manstém* 483. Проповѣдь 8 ноября говорилъ *Амвросій.* Не важно слово 14 ноября *Скабовскаго.* М. 4-я д. церк. печати. *П. С. З.* N° 8671.

(150) П. С. З. т. XI N° 8666. Въ этомъ указѣ подробный списокъ всѣхъ гренадеровъ, сподвижниковъ Елисаветы, N° 8639, 8641, 8648. Странно, что при всеобщемъ истребленіи всего носившаго имя Іоанна, переднія ворота, ведущія въ Петропавловскую крѣпость со стороны Троицкаго моста носятъ названіе и надпись: *Іоанновскія ворота 1740 года.* О гербахъ преображенцевъ въ Общ. гербовн. 1797. 4 тома.

(151) П. С. З. 8612, 8672. Невскій проспектъ еще въ 1721 г. привлекалъ вниманіе пріѣзжихъ. «Это длинная и широкая аллея, говоритъ Беркгольцъ, вымощенная камнемъ и посправедливости, названа проспектомъ, конца ея почти не видно. Она проложена исключительно руками Шведовъ въ 1713 г. Деревья еще не велики, но улица необыкновенно красива по своей длинѣ и чистотѣ, такого проспекта я нигдѣ не встрѣчалъ (ч. 1, стр. 45 — 46). *Пушкаревъ* стр. 79. Описаніе обѣихъ тріумфальныхъ воротъ издана декабря 22, въ 1742 г. въ листѣ 18 стр. Около этого же времени, если не ошибаюсь, поднесена императрицѣ, иллюминованная большая карта Спб. (экземп. въ Акад. Наукъ). Елизавета въ золотомъ платьѣ изображена въ углу карты на великолѣпномъ пьедесталѣ, слава съ вѣнцомъ и знаменемъ витаетъ надъ ней, далѣе монументъ Петру I, музы, 12-ть коллегій.... Въ правомъ углу барабаны; пики, литавры, глобусы, книги и между

Digitized by Google

ними мертвая голова съ исковерканными чертами лица, подлѣ сѣкира палача. (?)

(152) *Вѣд.* 836, 843. Проп. гражд. печати Спб. 4-я д. 1—15.

(153) *Вѣд.* 103, 167, 444.

(154) О порчѣ нравовъ стр. 54—55. «Сія государыня, говоритъ современникъ о Елизаветѣ, изъ женскаго полу въ молодости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но о просвѣщеніи ея нельзя сказать многаго.... Съ природы веселаго нрава, жадноищущая удовольствій, чувствовала свою красоту и страстно украшаться разными украшеніями старалась, лѣнива и недокучлева къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу; такимъ образомъ внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣта безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за неохотою подписать свое имя у нея лежали. Роскошна, любострастна, дающая многую повѣренность своимъ фаворитамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

(155) Волчковъ въ послѣдствіи перевелъ и издалъ довольно много книгъ. У насъ подъ рукой: «Езоповы басни съ примѣчаніями Летранжа. Спб. 1747 г. Разговоры о разныхъ до наукъ и до любопытства касающихся весьма курьезныхъ вещахъ. Тавернье 1597 г. перев. 1757 г. Спб. 4-я д. и др.

(156) Слово 11 апрѣля 1742 г. 10.

(157) Третье изданіе Граціана въ 1760 году. Изъ книгъ 1742 г. мы не нашли: «Желаніе подданныхъ, изъясненныя Елизаветѣ въ день восшествія ея на престолъ. Спб. въ листѣ *Сопиковъ* ч. 3. N° 3924.

(158) Эта книга была выправлена и приготовлена къ изданію митрополитомъ *Арсеніемъ*.

(159) О этихъ толкахъ смотр. въ Исторіи Раскола *Іоанна* въ 1858 г. О выходѣ новаго изданія Камня Вѣры соч. *Яворскаго* было объявлено въ *Вѣд*, 1742 г. января 29. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о раскольническихъ сектахъ *учителя* и раскольническія *апостолы* страннымъ образомъ толкуютъ о Елизаветѣ, ея мнимомъ сынѣ Петрѣ III, о приверженности послѣдняго къ сектѣ хлыщей и т. п.

(160) Въ 1742 году въ Амстердамѣ напечатана Histoire de Pierre I, surnommé le grand, empereur de toutes les Russies, roi de Siberie, de Casan, d'Astracan, grand duc de Moscovie at. enrichis de plans, de batailles et de medailles. 8-я д. 4 т. Исторія

Digitized by Google

составлена довольно отчетливо и обстоятельно, авторъ между прочимъ цитуетъ дневникъ Корба, матеріалъ чрезвычайно драгоцѣнный, (1698 — 1699 г.) изд. 1700 г. Странно, что во всемъ сочиненіи нѣтъ ни слова о Елизаветѣ.

(161) Печатая его въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1842 г. N° 4 стр. 1 — 16, Н. А. Полевой замѣчаетъ это любопытное, современное сочиненіе, гдѣ воцареніе Елизаветы излагается въ видѣ легенды, «имя автора неизвѣстно.» Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ былъ духовнаго званія. Мы не нашли рукопись сей легенды.

(162) Худ. Газета 1840. N° 21. Многія подробности о театрѣ того времени собраны въ превосходной статьѣ г. *В. Стоюнина* «А. П. Сумароковъ» въ Музык. и Театр. Вѣстникъ 1856 года.

(163) Милосердіе Титово «1742 г. 4-я д, Ланде ставилъ балетъ, Бонъ декорація, Меркурьевъ перевелъ либрето.» Этотъ же сюжетъ въ послѣдствіи взятъ: *Я. Б. Княжнинымъ* для его трагедіи: Милосердіе Тита. Собр. его соч. 1787 г. т. I стр. 78 — 168.

(164) *Карниловичъ* Р. Старина. 1824 г. стр. 121. О русскомъ театрѣ изъ бумагъ А. П. Сумарокова Отеч. Записк. 1822 года N° 33. Записки А. М. о театрѣ: Сѣв. Арх., ч. 4. N° 21.

(165) Пантеонъ русскихъ авторовъ 1801 г. Словарь духовныхъ писателей *Евгенія*, ч. 2, стр. 579.

(166) Соборъ имѣетъ два придѣла: Сергія Родонежскаго и Климента Римскаго (празд. 25-го ноября) планы и фасады разсматривалъ архитекторъ *Зайцовъ*, строилъ соборъ *Трезинъ*, кончилъ *Растрелли*. Въ соборѣ мало достопримѣчательностей: Полковой образъ, корсунскій крестъ, евангелія временъ Петра и Анны, сосуды того же времени, *крестъ и евангеліе* Елизаветы: евангеліе, крестъ, лампады и сосуды Запорожской сѣчи, мундиры императора Николая и проч. Записка о соборѣ, доставленная намъ протопопомъ *П. В. Воиновымъ;* соч. *Боданова* стр. 304. *Пушкарева,* письмо *Трубецкаго* 7-го сентября 1742 г. *Салтыкову*. Приказъ по Преображенскому полку 7-го дек. 1741 г.; Исторія Спб. *Реймерса* 1805 г. ч. 1, *Георги* 1794 г. стр. 184.

(167) О нихъ смотр. въ соч. *Рубана* о Спб. стр. 163 — 197. Вообще это дорогой историческій матеріалъ и въ немъ много разсѣяно любопытныхъ извѣстій. Напр.: «изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невской лавры:....» Аще кто не покорится уставу, таковый да облежится узами и нещадно будетъ изтязанъ наказаніемъ на тѣлѣ. Аще кто дастъ брату удареніе да будетъ изтязанъ. Аще намѣстникъ вознерадитъ въ чемъ изтяжится соборьнѣ и проч. въ этомъ родѣ.

Digitized by Google

(168) П. С. З. суд. Спб. 1830 года т. XI, № 8473 — 8683 стр. 537 — 753.

(169) Въ небольшой книжечкѣ, неимѣющейся въ продажѣ и напечатанной не для публики: «Родословіе Головиныхъ соч. *Казанскаго*, М. 1847 г. разсѣяно довольно много самыхъ интересныхъ подробностей о нравѣ того времени (стр. 56-73.) Въ 1721-мъ году Матвей Алексѣевичъ Головинъ за то что не хотѣлъ рядиться на святкахъ и мараться сажею, раздѣтъ былъ до нога и, наряженный демономъ, долженъ былъ прогуливаться по льду Невы, среди веселящагося народа. Головинъ жизнью расплатился за невольную потѣху. Другой Головинъ Василій Васильевичъ по дѣлу Моня въ 1724-мъ году посаженный въ тюрьму на два года, былъ преданъ пыткѣ. Въ 1736-мъ году неизвѣстно за что онъ, по приказу Бирона, снова брошенъ въ казаматъ. Василій Васильевичъ былъ подвергаемъ невыразимымъ мукамъ: его подымали на пялы, вывертывали ему лопатки, гладили по спинѣ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти разожженными иглами, били кнутомъ и наконецъ истерзаннаго, не задолго до смерти Анны Ивановны, возвратили его семейству послѣ бывшаго выкупа, даннаго женою. Въ послѣдствіи Головинъ отмѣчалъ въ своихъ календаряхъ: «токого-то числа подчищали ногти у меня бѣднаго и ихъ изрядно изуродовали». Несчастный подъ пытками надавалъ множество обѣщаній, состоявшихъ въ служеніи обѣдней и молебновъ. Головинъ исполнялъ ихъ потомъ по особой запискѣ. Елизавета заботилась о поправленіи здоровья невиннаго страдальца», впрочемъ Казанскій не пишетъ въ чемъ состояли эти заботы, а благодарный Головинъ въ табельные дни постоянно служилъ молебны за здравіе государыни. Какъ видно здоровья онъ былъ атлетическаго, ибо умеръ на 86-мъ году отъ рожденія. Изъ оставленныхъ *записокъ* Василія Васильевича видно, какъ проводилъ время этотъ богатой помѣщикъ; нѣтъ сомнѣнія, что такъ или почти такъ, жили всѣ столбовые, дворяне-помѣщики, зажиточные люди того времени:

Головинъ вставалъ до восхода солнечнаго, прочитывалъ съ дьячкомъ полунощницу и утреню. То и другое смѣнялось бесѣдою дворецкимъ, ключникомъ, выборнымъ и старостою. Они входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки. «Здравствуйте, привѣтствовалъ ихъ баринъ, здравствуйте друзья немученные, неопытные и не наказанные». Друзья можетъ быть немученные, но не разъ наказанные, рапортовали каждый о своемъ вѣдомствѣ въ однихъ и тѣхъ же, разъ принятыхъ вы-

Digitized by Google

раженіяхъ». Ночью на землѣ трясенія не слыхалъ, говорилъ между прочимъ староста, небеснаго явленія невидалъ; котъ Ванька, сосланный вашею боярскою милостью въ деревню за съѣденную рыбу, и кошка Зажигалка-проживаютъ, и по приказу вашему господскому невѣйку ежемесячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ, и васъ государь слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили, и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили». — Откушавъ чаю, государь бояринъ соизволясь подняться для выслушанія въ храмѣ божьемъ службы, стоялъ на парадномъ мѣстѣ и уходилъ церемоніально, въ свитѣ челядинцевъ, поддерживаемый лакеями. Затѣмъ завтракъ и обѣдъ въ присутствіи священника и въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ семества. Обѣдъ занималъ болѣе трехъ часовъ времени. Кушаньевъ считалось семь, но число блюдъ доходило до пятидесяти. На кушанье былъ особый поваръ, разноска блюдъ производилась двѣнадцатью офиціантами, крѣпостными, по установленному церемоніалу. Въ 6-мъ часу государь бояринъ упитанный и насыщенный ложился въ постель, по прочтеніи молитвы во всемъ домѣ затворяли ставни. Староста, дворецкой и ключница, дѣвица, пользовавшаяся особно боярскою милостію, отдавали приказъ охранять спокойствіе, сонъ и здоровье государское. Близь спальни боярина было семь кошекъ; днемъ они ходили свободно, на ночь привязывались къ семиноженному столу. Семь крѣпостныхъ фрейленъ двора государя-боярина должны были наблюдать за ихъ поведеніемъ. Если случилось, что кошка срывалась и тѣмъ безпокоила боярина, то и гувернантка дѣвка, и воспитанница кошка подвергались нещадной сѣкуціи. Въ безсонныя ночи бояринъ читаетъ единственную книгу жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція въ русскомъ переводѣ (мы имѣемъ изданье 1759-го года). Или качаясь въ креслахъ заклиналъ бѣсовъ и перебиралъ четки.... Боярскіе выѣзды производились съ большимъ торжествомъ: ѣхало болѣе двадцати экипажей, шло подъ нихъ семьдесятъ лошадей; въ раззолоченной каретѣ везли икону и придворнаго боярскаго священника, въ остальныхъ везли боярскую фамилію, его самого и штабъ придворныхъ. Верховые охраняли затѣйливый поѣздъ.....»

За исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно Головину, жизнь его въ остальномъ была обща всей тогдашней помѣщичьей богатой Россіи. Тотъ же деспотизмъ, въ высшей степени произволъ, капризъ, тщеславіе, бездѣлье, хан-

Digitized by Google

женство, пустосвятство, жестокость съ подчиненными и униженіе предъ тѣми, которые ради своего удовольствія гладили помѣщичьи спины горячимъ утюгомъ, подчищали ногти и выправляли имъ лопадки!

(170) Съ 1727 г. взято въ рекруты 202,000 человѣкъ. Бѣжало отъ рекрутчины 197,876 чел. Сослано въ каторгу 2,494 чел. Съ 1736 по 1741 годъ взято въ военную службу 147,530 чел. Въ 1741-мъ году взято 28,935 чел. Да въ ноябрѣ 1742-го года 30,000 чел. П. С. З. N° 8619.

(171) Съ 1738 по 1741 г. на Петербурскомъ дворѣ вычеканено 5345 пудовъ серебра, на Московскомъ 3721 пудъ.

(172) Между другими рукописями мы владѣемъ слѣдующимъ манускриптомъ: «Топографія или описаніе Оренбургской губерніи ко изъясненію сочиненныхъ ландкардъ, на которыхъ оная губернія съ подчиненными ей мѣстами и народами представляется съ краткимъ изъявленіемъ, объ оныхъ мѣстахъ и народахъ и проч. 1754 г. Въ листъ 473 стр. Отрывки изъ этого сочиненія печатались въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ *Миллера*. С. п. б. 1755-1759. Наша рукопись имѣетъ предисловіе Михаила *Антоновскаго*.» Рукопись досталась мнѣ, пишетъ Антоновскій, случайно въ 1783-мъ году: бывшая при ней карта Оренбургскаго края 1754 года истлѣла. Боясь, чтобъ и рукопись не подверглась той же участи или съѣденію мышей и моли, а паче, по смерти моей, приближеніе которой весьма чувствую, рѣшился я нынѣ ее издать 1809 г. ноябрь. Подпись цензора Ив. Тимковскаго. С. п. б. апрѣля 30, 1810 г. На цензорскомъ просмотрѣ, кажется, изданіе остановилось. Рукопись найдена нами у г. Т., конецъ ея сгнилъ. —

(173) Если вѣрить Штелину, а вѣрить ему надо съ осторожностью, то и Петръ 1-й раздѣлялъ предразсудки своихъ предковъ противъ умнаго, даровитаго, промышленнаго народа Еврейскаго. Высланые изъ Россіи еще Іоанномъ IV-мъ евреи, просили чрезъ Амстердамскихъ своихъ собратій, а они черезъ бургомистра Вицена, у Петра 1-го дозволенія селиться имъ въ Россіи. «Другъ мой Виценъ, сказалъ Петръ съ усмѣшкою выслушавъ отъ него просьбу, знаешь ты жидовъ и образъ мыслей моихъ подданыхъ: и я знаю: и тѣхъ, и другихъ. Относительно моего народа, не время еще жидамъ дозволять пріѣзжать и жить въ моемъ государствѣ. Скажи имъ отъ моего имени: благодарю ихъ за предложеніе своихъ услугъ, но принять ихъ не могу въ Россію; хотя и почитаются они, что весьма искустно

Digitized by Google

умѣютъ обманывать весь свѣтъ, однакожъ я думаю, что немного у моихъ русаковъ выторгуютъ. (Сказанія 1787 г. с, 37-41.)

(174) Въ Временникѣ 1852 г. 12-й книж. стр. 12-32 напечатаны экономическіе до деревни слѣдующія записки «составленныя въ 1742-мъ году Астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ, человѣкомъ по словамъ Щербатова радушнымъ и предпріимчивымъ. — Вся записка его проникнута сознаніемъ помѣщичьей власти и презрѣніемъ къ крестьянамъ, которые, по понятіямъ Татищева, ничего не должны дѣлать безъ воли барина. Староста долженъ обращаться съ крестьянами съ весьма строгою прилежностью». Работу дѣлать сперва помѣщичью, а потомъ *принуждать* ихъ свою дѣлать, а не давать имъ то на волю. «Имъ опредѣлена дань съ крестьянъ живностью и деньгами. По мнѣнію автора записки, помѣщикъ, имѣющій 1000 душъ долженъ имѣть не менѣе двухъ камердинеровъ, трехъ поваровъ. кучера, форейтора, двухъ лакеевъ, истопника, работника, горничную, прачку и работницу. —

(175) Интересно приказаніе 7-го апр. 1742 г. не отсылать писцовъ и рукоприкладчиковъ для розыску въ тайную канцелярію, какъ то дѣлалось прежде, за неумышленные описки въ титулѣ ея величества». Но только въ царствованіе Екатерины II-й Державинъ могъ сказать: (соч. его. 1808 г. ч. 1 с. 44-45.)

Теперь можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Екатерины можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.....

(176) Въ чемъ состояли и какъ производились пытки въ Россіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка мы подробно говоримъ въ біографическомъ очеркѣ: Авдотья Ѳедоровна Лопухина 1669-1731, «который вскорѣ думаемъ напечатать». Объ этомъ же смотри: въ примѣчаніяхъ на Леклерка *Болтика* 1788 г, т. 1 стр. 558-552. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Снегирева* 1832 г, книж. 3-я стр. 173-177. Записки *Горюшкина*. Россійское уголовное право *Гуляева* 1826 г, Москва стр. 3-26 Описаніе С. п. б. *Рубана* 1779 г, стр. 35. Историческій взглядъ на правежи въ Россіи *Васильева* (Труды общества исторіи 1826 г, ч. 3.) *Voyage en Siberie Шаппа* 1769 г. и друг.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

Спб. 1-го іюня 1859 г.

Digitized by Google

Es ist eine alte Geschichte.

MEINE.

I.

Въ домикѣ укромномъ, трепетнымъ сіяньемъ,
Свѣтъ въ окнѣ блеститъ.
У одра умершей, съ сдавленнымъ страданьемъ,
Тамъ старикъ сидитъ.

Освѣщаетъ пламя тусклое огарка,
Бѣдность безъ конца.
И борьба съ судьбою выступаетъ ярко
На лицѣ отца.

Страшенъ этотъ образъ, и нѣмой и хилый,
Смятый злой нуждой.
Тупо какъ-то смотритъ въ очи дочки милой
Старичокъ сѣдой.

Шевелитъ въ немъ память прожитыя муки, —
Съ горемъ впереди.
Чу! струна порвалась, задрожали звуки
Изъ больной груди.

«Ахъ ты Маша, Маша, ты моя красотка,
Горя не снесла.
Разцвѣла цвѣточкомъ ты, моя лебедка,
Да и умерла.

Что-же дѣлать, Маша, — Богу то извѣстно,
Какъ я могъ любить.
Да, дитя, ошибся, думалъ, хлѣбъ нашъ честно
Службой заслужить.

Не одну провелъ я за трудами ночку,
Не смыкавъ очей.

Digitized by Google

Думалъ, вотъ поправлюсь, Богъ послалъ мнѣ дочку,
Все оставлю ей.

Ужъ осилю-жъ нужду и Машурку эту
Въ бархатъ наряжу.
Самъ тебя, голубку, я, на диво свѣту,
Людямъ покажу.

Шли деньки за днями, горемыка хилый
Въ нуждѣ изнемогъ.
И ничѣмъ потѣшить я голубки милой
Никогда не могъ.

Ахъ, идешь, бывало, улицею шумной,
Сердце такъ и жметъ.
Все кареты мчатся, смотришь, какъ безумный,
На большихъ господъ.

Думаешь, вѣдь есть-же, Господи, счастливцы!
Такъ-ли, иль не такъ,
Всѣ разбогатѣли, вотъ и сослуживцы,
Я-же все бѣднякъ.

Куколками дочки, ленты ввиты въ коски,
Бархатъ да атласъ.
Хоть-бы подарилъ кто Машинькѣ обноски,
Думалъ я не разъ.

Что-же это Мареа? гдѣ запропастилась?
Экій, вѣдь, народъ.
Да и то быть можетъ, — толку не добилась,
Чтецъ-то, знать, нейдетъ.

Видно, денегъ проситъ, — охъ, глаза плохіе,
Я-бъ не хлопоталъ.
Самъ-бы надъ тобою я псалмы святыя
Ночки всѣ читалъ.

Подожду, директоръ... онъ мое прошенье
Принялъ не сердясь.
Малую толику дастъ на погребенье
Завтра добрый князь.

Digitized by Google

А какой ужъ гробикъ, бархатный, пунцовый,
Машѣ закажу!
Всю увью цвѣтами, и въ одеждѣ новой
Въ гробикъ положу.

Можетъ, ты и слышишь, — не рядилась прежде, —
Думаешь, на что-жъ?
Нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ въ чистенькой одеждѣ
Къ Богу подойдешь.

Памятникъ поставлю я на томъ погостѣ,
Гдѣ почіешь ты.
Буду къ дочкѣ милой приходить я въ гости,
Приносить цвѣты.

Больше не осталось никакой отрады
Въ жизни бѣдняку.
Можетъ-же, въ могилкѣ будешь ты и рада,
Маша, старику.»

И отецъ склонился надъ ея подушкой,
Лепеча слова.
Ужъ часы въ простѣнкѣ, старые съ кукушкой,
Прокричали *два*.

Ужъ вернулась Мареа, хоть и безуспѣшно.
(Бѣдный угадалъ.)
Вотъ и утро скоро, а онъ неутѣшно
Все еще рыдалъ.

II.

Не въ духѣ сегодня, съ богатаго ложа,
Кряхтя и зѣвая поднялся вельможа,

Не въ духѣ облекся въ восточный халатъ,
Не въ духѣ сѣлъ въ кресла и слушалъ докладъ.

Смущенный стоялъ секретарь сердобольный,
Покуда вельможа, рукой недовольной

Digitized by Google

Царапалъ замѣтки и ставилъ кресты,
И рвалъ докладные, бросая, листы.

Когда-жъ *о пособьи* дошелъ до бумаги,
Исполненъ какой-то чиновной отваги,

Нахмурясь, на креслахъ Зевесомъ привсталъ.
«Казна не для нищихъ сундукъ», закричалъ
И вышелъ.

III.

Межъ-тѣмъ на Пескахъ, тамъ, въ укромномъ пріютѣ,
Едва-ли не вѣчность томленья въ минутѣ

Вмѣщалася каждой. О, если-бъ ты зналъ,
Какъ горе горюетъ порой, генералъ! —

Но зналъ-ли онъ, нѣтъ-ли, — а гордый, что рокомъ
Поставленъ былъ въ томъ положеньи высокомъ,

Что могъ иногда, оглянувъ съ высока,
Прижать ни за что червяка — бѣдняка,

По залѣ ходилъ онъ въ какомъ-то азартѣ,
Потомъ просвисталъ, да съигралъ на бильярдѣ;

Потомъ разъ пятнадцать къ трюмо подходилъ,
Глядѣлъ все языкъ свой, да печень бранилъ;

Послалъ медицинѣ эпитетъ нескромный,
Пока доложили, что докторъ въ пріемной.

Въ ту самую пору несчастный старикъ
Ждалъ тихо участья, считалъ каждый мигъ.

И всю возлагая надежду на Бога,
Отъ жизни теперь онъ не требовалъ много.

Какъ кто-то къ воротамъ примчался въ карьеръ,
И въ дверь постучался съ извѣстьемъ курьеръ.

Digitized by Google

IV.

Былъ вѣтеръ; сѣръ былъ день и хмурилась природа.
Сердито валъ въ рѣкѣ вздымала непогода.
Двѣ клячи тощія, въ то время, черезъ мостъ
Тащили чей-то гробъ, на охтенскій погостъ.
Не слѣдовалъ за нимъ ни рядъ каретъ богатыхъ,
Ни пѣвчихъ, ни поповъ, ни нищихъ провожатыхъ;
Одѣтъ въ дырявый плащъ, возница скорбныхъ дрогъ
Стегалъ усталыхъ клячь и вдоль и поперегъ.
Да съ горсточкой кутьи, завернутой тряпицей,
Старуха съ образомъ плелась за колесницей.
И только. Той порой я мимо проходилъ.
«А чей, старушка, гробъ?» я женщину спросилъ,
И рядомъ съ ней пошелъ.
— Охъ, родненькій, Спаситель
Пошли ей царствіе небесное; — родитель
Ея Степанъ Ильичъ, чиновникъ, можетъ, зналъ?
«Нѣтъ, бабушка. Гдѣ-жъ онъ?»
— Охъ, родненькій, пропалъ.
Пропалъ, кормилецъ мой, куда, намъ неизвѣстно.
И матушки-то нѣтъ; — охъ, въ царствіе небесно
Пятнадцатый годокъ ужъ взялъ ея Творецъ.
Сиротка мой родной, сиротка мой отецъ.
Прости ты, Господи, всѣ наши согрѣшенья.
Вотъ жизнь-то, батюшка! А я-то въ услуженьи,
Кормилецъ мой, жила; — при мнѣ, вѣдь, хоронилъ
И матушку-то самъ. А какъ ужъ онъ любилъ
Голубчикъ, барышню; — да все въ Господней власти.
Сегодня утре-тко, кормилецъ, вспомнить страсти.
«А что-же, бабушка?»
— Ахти, родной ты мой,
Не вспомню отродясь оказіи такой.
Ужъ подлинно скажу, живу шестой десятокъ.
Не приведи Господь нажить тому ребятокъ,
Кому богачества Творецъ не даровалъ.
Да, батюшка, любилъ и какъ ужъ баловалъ
Ея Степанъ Ильичъ; — да и была красотка.
Охъ, нужда лютый червь; — изгрызла, вишь, чахотка.
А тутъ, какъ умерла, хоть шаромъ покати; —
Въ дому ни грошика; — вотъ и пришлось идти

Digitized by Google

Ему, родимый мой, просить начальство, значитъ.
Одѣлся въ *вицъ-мундеръ*, пошелъ, да какъ заплачетъ,
Такъ ижно грѣшную меня морозъ подралъ.
Ну, а начальникъ, вишь, тамъ важный генаралъ.
Вѣстимо, что-жъ ему до всякаго за дѣло?
Не такъ-ли, родненькій? Пришлось, хоть выбрось тѣло.
Да охъ, кормилецъ мой, вѣдь свѣтъ не безъ людей.
Сосѣди собрали до тридцати рублей.
А тамъ священникъ нашъ,—когда узналъ, какъ варомъ
Окаченъ словно былъ; — отпѣлъ, спасибо, даромъ.
Спаси его Господь. — Да утре, вотъ, напасть, —
Какъ въ гробъ покойницу пришлось, кормилецъ, класть,
Степанъ Ильичъ-то къ ней съ прощаніемъ нагнулся.
Да охти, мой Господь....
«Что-жъ бабушка?»
— Рехнулся.
Рехнулся, батюшка, рехнулся, мой родной.
Не приведи Господь напасти зрѣть такой.
А впрочемъ, родненькій, въ десницѣ все Всевышней.
Ахъ, что-то станется со мною, горемычной.
Стара ужъ, батюшка, стара, не чую ногъ.
Ишь, кони какъ бѣгутъ, что не догонишь дрогъ.
«Ну, бабушка, прости, — возьми, вотъ, на поминки.
— Спаси тебя Господь, молитвой сиротинки —
Старуха молвила и осѣнясь крестомъ,
Пустилась догонять по лужамъ гробъ бѣгомъ.
«Что лѣзешь, раздавлю!»—вдругъ крикъ раздался ярый.
Арабскихъ лошадей заложенная парой,
Коляска мимо насъ стрѣлою пронеслась.
На мягкомъ бархатѣ роскошно развалясь,
Усталая, спѣша съ полуночныхъ веселій,
Одна изъ тысячи промчалася камелій.
Ни чуть не странныя двѣ встрѣчи. Отчего-жъ
Кольнуло что-то въ грудь, поворотясь какъ ножъ
И на глазахъ слеза застывшая повисла?
Нѣтъ, жизнь, подумалъ я, не шутка ты, безъ смысла,
Иначе горе-бъ намъ. — И грѣшная рука
Моя сложила крестъ за дочь и старика.

НИКОЛАЙ КРОЛЬ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа: «Дворянское гнѣздо» (Современникъ, 1859 г. N° 1).

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

Статья четвертая и послѣдняя.

XXI.

Разсмотрѣвши одну сторону характера Лаврецкаго — многозначительную по ея исторической задачѣ, я заключилъ свои разсужденія указаніемъ на черты, которыя дѣлаютъ его нашимъ общимъ представителемъ, на его жизненную сторону, на его глубокую физіологическую связь съ почвою, съ преданіями, съ жизнію родной стороны.

Высокое значеніе этого лица, не смотря на всю неполноту его изображенія, на всю робость пріемовъ автора при этомъ изображеніи, на всю болѣзненную неопредѣленность отношеній къ нему автора — прежде всего въ томъ, что это лицо, не сухой логическій выводъ, не итогъ, подведенный искусственно подъ извѣстными данными, а живорожденное, выношенное въ душѣ созданіе поэта, что онъ — лицо художественное.... По общему и непреложному закону, чѣмъ лице художественнѣе, т. е. чѣмъ зачатіе его въ душѣ поэта и рожденіе на свѣтъ совершаются свободнѣе, тѣмъ болѣе отражаетъ оно въ себѣ результаты жизни, тѣмъ болѣе оразумливаетъ оно высшимъ смысломъ цѣлыя группы явленій — тѣмъ болѣе раскрываетъ оно міросозерцаніе современной ему эпохи. Ни Обломовъ Гончарова, этотъ отвлеченный математическій итогъ недостатковъ или дефицитовъ того, что авторъ романа называетъ Обломовкой, — ни Калиновичъ

Digitized by Google

Писемскаго — эта программа — изо всѣхъ другихъ программъ самая впрочемъ, живая — отвлеченной дѣятельности, не говорятъ собою и въ сотую долю того, что говоритъ неполный, неопредѣленный образъ Лаврецкаго.

А между-тѣмъ, Лаврецкій не хочетъ ничего сказать собою. Онъ родился, а не сочинился — и Тургеневъ нисколько не виноватъ въ его рожденіи.

Творчество — я принужденъ напоминать и повторять для ясности дѣла принципы и положенія уже не разъ мной высказанныя — творчество, каково-бы оно ни было, субъективное или объективное, все равно, — есть результатъ внутренняго побужденія творить, т. е. выражать въ образахъ прирожденныя стремленія или благопріобрѣтенныя созерцанія своего внутренняго міра — и даже границы между творчествомъ субъективнымъ и творчествомъ объективнымъ, не могутъ быть рѣзко установлены: наблюденіями біографовъ и изслѣдованіями критиковъ-психологовъ доказана связь многихъ видимо объективнѣйшихъ созданій съ личною жизнію ихъ творцевъ, да оно иначе и быть не можетъ: чтобъ ни выражалъ человѣкъ, онъ выражаетъ только самаго себя. Бо́льшая степень способности, сообщать свои личныя впечатлѣнія и свои душевные опыты, отвлекая ихъ отъ частныхъ явленій и перенося ихъ на однородныя же, но другія явленія, есть объективность: меньшая степень такой способности — субъективность. Дѣло въ томъ только, что субъективнѣйшіе-ли изъ призраковъ Байрона, объективнѣйшіе-ли изъ вѣчныхъ типовъ Шекспира — равно не хотятъ собою что-либо намѣренно сказать, а если и говорятъ, такъ вотъ что: «Берите насъ, каковы мы родились, берите насъ, какъ примете вы орла, любящаго вершины горъ и утесы, какъ примете вы голубой василекъ въ широкомъ, желтоводномъ морѣ колыхающейся ржи: мы васъ ничему не учимъ и ни въ чемъ не виноваты; мы — дѣти любви нашихъ творцовъ, плоть отъ плоти ихъ, кровь отъ крови; насъ какъ мать выносила въ себѣ ихъ натура и мы рождены, какъ рождены вы сами, а не сдѣланы, какъ сдѣланы предметы вашей роскоши или вашего испорченнаго вкуса. Примите насъ — если мы родились даже не совсѣмъ доношенныя, примите насъ, если мы родились даже съ какими-либо органическими недостатками, примите насъ потому, что и такими-то насъ вамъ не сдѣлать, потому-что есть великая тайна въ нашемъ рожденіи тайна, которой вы не услѣдите и не объясните. Мы не то что сама жизнь, ибо мы не сколки съ нея: жизнь

Digitized by Google

сама-по-себѣ, а мы сами-по-себѣ — но мы такъ-же самостоятельны и необходимы и живы, какъ самостоятельны и необходимы и живы ея явленія. Вы насъ не встрѣчали нигдѣ — и между-тѣмъ — мы ваши старые знакомцы, вы насъ знаете — таково свойство нашего таинственнаго происхожденія — вслѣдствіе котораго мы существуемъ, не существуя, существуемъ явно, видимо, безспорно». Вотъ что сказали-бы созданія искусства и что говорятъ они любящимъ ихъ, съ которыми бесѣдуютъ они такъ, какъ, иногда-же, равнодушная природа съ своими жрецами, съ тѣми, которые слышатъ

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дальней лозы прозябанье.

Но не говоря ничего намѣренно, произведенія искусства связаны тѣмъ не менѣе органически съ жизнію творцевъ ихъ и посредствомъ этого съ жизнію эпохи; какъ живыя порожденія, они выражаютъ собою то, что есть живаго въ эпохѣ, часто какъ-бы предугадываютъ вдаль, разъясняютъ или опредѣляютъ смутные вопросы, сами нисколько, однако, не поставляя себѣ такого разъясненія задачею. Все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи. Больше еще: искусство часто заранѣе чувствуетъ приближающееся будущее, какъ птицы заранѣе чувствуютъ ведро или ненастье: трагическая черта въ величавыхъ ликахъ олимпійскихъ изваяній, глубоко-подмѣченная Гегелемъ — или что все-равно, таинственныя и грозныя для Олимпійцевъ провѣщанія эсхиловскаго Промиоея — одно изъ ручательствъ за непосредственную прозорливость искусства, за его истинно-божественное происхожденіе. Великій поэтъ-философъ призналъ его по этому за единственный истинный органъ даже своей трансцендентальной философіи. «Искусство», говоритъ Шеллингъ, «отверзаетъ святилище, въ которомъ горитъ единымъ огнемъ, сливаясь въ первобытное и вѣчное единство — то что раздѣлено въ природѣ и въ исторіи, что постоянно расходится въ жизни и въ интеллигенціи. Для художника, равно какъ и для философа, природа является ничѣмъ инымъ, какъ идеальнымъ міромъ безконечно проявляющимся въ конечныхъ формахъ, отраженіемъ міра имѣющаго только въ мысли полную реальность».... Искусство, связанное съ жизнію — видитъ, однако, дальше, нежели жизнь сама видитъ — а то что уже есть въ жизни, то, что носится въ воздухѣ эпохи, — постоянное или

Digitized by Google

преходящее — оно отразитъ какъ фокусъ и отразитъ такъ, что всякій почувствуетъ правду отраженія, что всякій готовъ дивиться, какъ ему самому эта высшая правда жизни не представала прежде столь-же ярко. Искусство уловляетъ вѣчно-текущую, вѣчно-несущуюся впередъ жизнь, отливаетъ моменты ея въ вѣковѣчныя формы, связывая ихъ процессомъ — опять-таки таинственнымъ съ общею идеею души человѣческой....

Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этимъ общимъ положеніямъ, къ этому философско-эстетическому profession de foi — по крайней необходимости. Все, что нѣкогда блистательно было высказано по этому поводу Бѣлинскимъ, въ наше время какъ будто забыто. Отъ великаго учителя нашего мы какъ будто наслѣдовали только его вражды и симпатіи, вовсе забывши ихъ источники. По неволѣ приходится повторять и повторяться, когда положенія, высказанныя разъ — да и высказанныя могущественнымъ борцемъ, положенія, долженствовавшія стать навѣки нерушимыми, на время позабыты, заслонены вопросами минуты. Дурно ли хорошо ли — я продолжаю въ этомъ отношеніи дѣло Бѣлинскаго и и горжусь этимъ смиреннымъ назначеніемъ — не отвѣчая ни на циническія выходки невѣжества, ни даже на минутныя требованія современности, предоставляя будущему разсудить что право: вѣрованіе ли въ жизнь и искусство или вѣрованіе въ теорію и вопросы минуты?

Возвращаясь опять на почву фактовъ, я снова позволяю себѣ спросить: что многозначительнѣе по своему содержанію, глубже по своему взгляду и даже выше по общественному, соціальному значенію — неоконченныя ли и неполно высказанныя задачи «Дворянскаго гнѣзда» или итоги Обломовки и программа «Тысячи душъ»? Въ чемъ больше истиннаго пониманія окружающей насъ жизни и менѣе спорнаго — гдѣ вопросы поставлены проще и общѣе — въ этомъ ли художественномъ недоноскѣ или во множествѣ умно и гладко составленныхъ произведеній?

И прежде всего, позволяю себѣ сопоставить художественную идею «Дворянскаго гнѣзда» съ идеею Обломова, произведенія уже успѣвшаго надѣлать много шуму, произведенія огромнаго но чисто внѣшняго художественнаго дарованія. Весь Обломовъ построенъ на азбучномъ правилѣ: «возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣности — иначе впадешь въ Обломовщину и кончишь какъ Захаръ и его баринъ.» Не спорю, что это — правило очень хорошее, не спорю что и напоминать его весьма полезно намъ, ибо насъ, къ сожалѣнію, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ на-

Digitized by Google

шего тупаго сна слѣдуетъ обучать даже такимъ простымъ истинамъ, что воровать не хорошо и что лѣниться скверно. Понимаю такъ же и то, что люди живущіе исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но не дальновидные должны были обрадоваться этой темѣ, какъ публицистъ Современника, и съ яростію накинуться вмѣстѣ съ авторомъ Обломова—и даже больше чѣмъ самъ авторъ — на Обломовку и Обломовщину. Не обвиняя ихъ и въ увлеченіяхъ, заставившихъ ихъ въ ряды Обломовцевъ включить и Онѣгина и Печорина и Бельтова и Рудина — приписываю этимъ невольнымъ увлеченіямъ самые лучшіе самые благородные источники — и знаю насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этихъ увлеченій т. е. сторона вражды къ Обломовкѣ и Обломовщинѣ. Но вѣдь азбучное правило, за которое они такъ ратоборствуютъ и которому пожертвовалъ романистъ даже граціознѣйшимъ созданіемъ — Ольгою, справедливо только отвлеченно взятое. Какъ только вы имъ, этимъ достойнымъ впрочемъ всякой похвалы правиломъ, станете какъ анатомическимъ ножемъ разсѣкать то что вы называете Обломовкой и Обломовщиной, бѣдная обиженная Обломовка заговоритъ въ васъ самихъ, если только вы живой человѣкъ, органическій продуктъ почвы и народности. Пусть она погубила Захара и его барина — но вѣдь передъ ней же склоняется въ смиреніи Лаврецкій, въ ней же обрѣтаетъ онъ новыя силы любить, жить и мыслить. Онъ долго сближался съ нею, шляясь охотникомъ по полямъ, по трясинамъ и болотамъ, онъ съ болью сердца (да простится мнѣ, что я начинаю уже смѣшивать самого поэта съ героемъ его послѣдняго произведенія) видѣлъ и видитъ ея больныя мѣста, ея запущенныя язвы—но онъ видитъ и то, что она неотдѣлима органически отъ его собственнаго бытія, что только на ея почвѣ можетъ онъ жить неискусственною, негальваническою жизнію, и полный такаго искренняго сознанія, готовъ скорѣе идти въ крайность положительнаго смиренія передъ нею, чѣмъ въ противуположную крайность азбучнаго правила.

А все отъ того, что Лаврецкій живое, съ муками и болью выношенное въ душѣ поэта лице, а не холодное отвлеченіе различныхъ однородныхъ свойствъ и качествъ въ пользу теоріи.

Я оговаривался не разъ и оговорюсь еще теперь, что разсужденія о Тургеневѣ и его романѣ вовлекаютъ меня неминуемо почти во всѣ вопросы современности и во множество отступленій къ прошедшимъ эпохамъ.... Какъ прикажете напримѣръ из-

Digitized by Google

бѣгнуть вопроса о романѣ Гончарова, когда это послѣднее произведеніе, своимъ мірозерцаніемъ представляетъ явный контрастъ произведеніямъ Тургенева вообще и послѣднему его произведенію въ особенности? Отношеніе къ почвѣ, къ жизни, къ вопросамъ жизни стоитъ на первомъ планѣ какъ къ дѣятельности Гончарова, такъ и въ дѣятельности Тургенева и необходимость параллели вытекаетъ изъ самой сущности дѣла, съ тѣмъ только различіемъ что говоря о Тургеневѣ, необходимо говорить о многомъ другомъ, кромѣ Гончарова, а говоря о Гончаровѣ, можно удовлетвориться только сопоставленіемъ съ нимъ Тургенева.

XXII.

Яркія достоинства таланта г. Гончарова признаны были безъ исключенія всѣми при появленіи его перваго романа: «Обыкновенной исторіи». Разсказъ его «Иванъ Савичь Поджабринъ,—написанный какъ говорятъ прежде, но и печатанный послѣ «Обыкновенной исторіи» многимъ показался недостойнымъ писателя, такъ блестяще выступившаго на литературное поприще — хотя признаюсь откровенно, я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. Въ «Поджабринѣ» точно также какъ и въ «Обыкновенной исторіи» обнаруживались почти одинаково всѣ данныя таланта г. Гончарова—и какъ то, такъ и другое произведеніе страдали равными, хотя и противуположными недостатками. Въ «Обыкновенной исторіи» голый скелетъ психологической задачи слишкомъ рѣзко выдается изъ за подробностей: въ «Поджабринѣ» частныя, внѣшнія подробности совершенно поглощаютъ и безъ того уже небогатое содержаніе, оттого-то оба эти произведенія— собственно не художественныя созданія, а этюды, хотя правда этюды блестящіе яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающіе несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и при томъ очень дешевый и поверхностный анализъ подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности; сухой догматизмъ постройки «Обыкновенной исторіи» кидается въ глаза всякому. Достоинство «Обыкновенной исторіи», заключается въ отдѣльныхъ художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристрастному читателю представляется какимъ то натянутымъ развитіемъ напередъ заданной темы. Кому не явно, что Петръ Ивановичъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лице дѣйствительно-существующее,

Digitized by Google

а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто въ родѣ Стародумовъ, Здравомысловъ и Правосудовыхъ старинныхъ комедій — съ тѣмъ только различіемъ, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелѣпости ихъ, были представителями убѣжденій гораздо болѣе благородныхъ и гуманныхъ, нежели узкая практическая теорія Петра Ивановича Адуева? Что съ другой стороны Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе и мельче своего дядюшки—что на днѣ всего лежитъ такая антипоэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности.... Замѣчательно въ высшей степени, что «Обыкновенная исторія» понравилась даже отжившему поколѣнію, даже старичкамъ, даже помнится.... Сѣверной пчелѣ (съ позволенія сказать!); это свидѣтельствовало не объ особенномъ ея художественномъ достоинствѣ, а просто о томъ, что воззрѣніе, подъ вліяніемъ котораго она написана, было не выше обычнаго уровня.

Та же самая антипоэтичность мысли оказывается и въ «Снѣ Обломова», этомъ зернѣ, изъ котораго родился весь Обломовъ, этомъ фокусѣ, къ которому онъ весь приводится, для котораго чуть ли не весь онъ написался... Антипоэтичность азбучно-практической темы тѣмъ непріятнѣе подѣйствовала на безпристрастныхъ читателей — что внѣшнія силы таланта выступили тутъ съ необычайною яркостью. Вы помните, что прежде чѣмъ авторъ переноситъ васъ въ «райскій уголокъ зелени», созданный сномъ Обломова, онъ, нѣсколькими штрихами мастерскаго карандаша рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противуположные тѣмъ, въ которыя переноситъ насъ сонъ героя... Вы чувствуете въ манерѣ изложенія присутствіе того искомаго, спокойнаго творчества, которое по волѣ своей переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ и каждому сочувствуетъ съ равною любовію... И потомъ, передъ вами, до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія во всей его непосредственности. Авторъ становится истиннымъ поэтомъ—и, какъ поэтъ умѣетъ стоять въ уравень съ создаваемымъ имъ міромъ, быть комически наивнымъ въ расказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, и глубоко трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ «райскаго уголка зелени», и наконецъ эпически-объективнымъ художникомъ въ изображеніи того послѣ обѣденнаго сна, который объемлетъ всю

Digitized by Google

Обломовку? Помните еще мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались Ильѣ Ильичу и конечно всѣмъ намъ болѣе или менѣе, которыхъ пеструю и широко-фантастическую канву поэтъ развертываетъ съ такою силою фантазіи? Помните еще остальныя подробности: семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составлявшее нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха.... Все это полный, художнически созданный міръ, влекущій васъ неодолимо въ свой очарованный кругъ....

И для чего же *гибель сія бысть?* Для чего же поднятъ весь этотъ міръ, для чего объективно изображенъ онъ съ его настоящимъ и съ его преданіями? Для того, чтобъ наругаться надъ нимъ во имя практически-азбучнаго правила, во имя китайскихъ воззрѣній Петра Ивановича Адуева или во имя татарско-нѣмецкаго воззрѣнія Штольца— ибо Штольцъ все-таки татаринъ, хоть и нѣмецъ, татаринъ по душѣ и по дѣлу въ своей раздѣлкѣ съ кредиторомъ Ильи Ильича.... Для чего въ самомъ «Снѣ» — непріятно — рѣзкая струя ироніи въ отношеніи къ тому, что все-таки выше Штольцовщины и Адуевщины?

Странныя задачи представляютъ произведенія нашего времени. Какъ, читая произведенія г. Гончарова не скажешь, что талантъ ихъ автора неизмѣримо выше воззрѣній ихъ породившихъ!

Но все имѣетъ свои историческія причины.

Отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, выразившееся по преимуществу въ юморѣ — этотъ горькій смѣхъ, карающій какъ Немезида, потому что въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ, полный любви и симпатіи, смѣхъ возвышающій моральное существо человѣка, — такое отношеніе могло явиться правымъ и цѣломудреннымъ только въ цѣльной натурѣ истиннаго художника. Не всѣ даже уразумѣли тогда вполнѣ эту любовь, дѣйствующую посредствомъ смѣха, это горячее стремленіе къ идеалу. Для многихъ, даже для большей части понятна была только форма произведеній Гоголя; очевидно было только то, что новая руда открыта великимъ поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности; и на то самое, на что Гоголь смотрѣлъ съ любовью къ неперемѣнной правдѣ, къ идеалу,—на то другіе, даже весьма даровитые люди, взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ. Отсюда ведутъ свое начало разные сатирическіе очерки и безконечное множество повѣстей сороковыхъ годовъ литературы, кончавшихся вѣчнымъ припѣвомъ:

Digitized by Google

«И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка! —» повѣстей, въ которыхъ по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задыхавшимися въ *грязной* дѣйствительности, совершались самыя удивительныя *превращенія*, въ которыхъ все, окружавшее героя или героиню намѣренно изображалось каррикатурно. Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ: ложь ихъ заключалась премущественно въ томъ, что они запутывали читателя подробностями, взятыми повидимому изъ простой повседневной дѣйствительности, доказывавшими въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательность и вводили людей несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ бытомъ въ заблужденіе. Безспорно, что была и хорошая сторона и своего рода заслуга въ этой чисто отрицательной манерѣ — но односторонность и ложь ея скоро обнаружились весьма явно. Забавнѣе всего было то, что никогда такъ сильно не бранили романтизма, какъ въ эту эпоху самыхъ романтическихъ отношеній авторовъ къ дѣйствительности.

Такое отношеніе къ дѣйствительности не могло быть продолжительно по самымъ основнымъ своимъ началамъ. Примиреніе т. е. ясное разумѣніе дѣйствительности необходимо человѣческой душѣ — и искать его приходилось по неволѣ въ той же самой дѣйствительности—тѣмъ болѣе, что находилось много людей, которые съ сомнѣніемъ качали головою, читая разныя каррикатурныя изображенія дѣйствительности и дерзали думать, что слишкомъ мрачныя или слишкомъ грубыя краски употреблялись на картинѣ, что живописцы видимо находятся въ припадкѣ *меланхоліи*, что *родственники* разныхъ барышенъ вовсе не такіе звѣри, какими они кажутся писателямъ, что даже и особенно грязны являются они только потому, что какому-нибудь *меланхолическому* автору хотѣлось въ видѣ особенной добродѣтели выставить *чистоплотность* какой нибудь Наташи.... Усомнились однимъ словомъ въ томъ, чтобы дѣйствительность была такъ грязна и черна, а романтическая личность такъ права въ своихъ требованіяхъ, какъ угодно было ту и другую показывать повѣствователямъ. Русскій человѣкъ отличается какъ извѣстно, особенною смѣтливостію: онъ готовъ признать всѣ свои дѣйствительные недостатки—но не станетъ ихъ преувеличивать и не впадетъ поэтому въ мрачное мистическое отчаяніе.

Въ общемъ убѣжденіи образовался протестъ противъ исключительныхъ требованій романтической личности — за дѣйствительность.

Digitized by Google

— Но за какую дѣйствительность?

Вѣдь у насъ ихъ, дѣйствительностей, видимымъ образомъ — двѣ. Одна на показъ, оффиціальная — другая подъ спудомъ, бытовая.... Разъяснять этой мысли здѣсь нѣтъ необходимости. Протестъ поднимался тогда еще смутно, самъ для себя неясный — на первый разъ даже болѣе за внѣшнюю, показную дѣйствительность.

Въ отвѣтъ на этотъ смутный, неопредѣленный протестъ, явилось примѣчательно яркое — но чисто внѣшнѣе дарованіе, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу — дарованіе г. Гончарова. На требованіе оно отвѣтило какъ могло и какъ умѣло «Обыкновенной исторіей», этой эпопеей чиновническаго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми, поверхностными началами протеста за дѣйствительность противъ романтической личности. Дарованіе г. Гончарова не пошло по новой дорогѣ: оно вышло цѣликомъ изъ той же самой категоріи произведеній и было только ея цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ «Обыкновенной исторіи» ироніею какаго-то отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны и апотеозою торжества сухой, безжизненной безъосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву этой ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: — одну жиденькую, худенькую, слабенькую съ ярлыкомъ на лбу: «Романтизмъ quasi-молодаго поколѣнія — и другую крѣпкую, спокойную и опредѣленную какъ математика съ ярлыкомъ на лбу: «практическій умъ»; сей послѣдній разумѣется торжествовалъ въ своихъ расчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ. Такова была мысль произведенія г. Гончарова, мысль ни мало не скрытая, а на противъ просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искуственную постройку произведенія, — но, кромѣ силы таланта, мысль отвѣтила на требованіе большинства, т. е. моральнаго и общественнаго мѣщанства. Романъ — повторяю я — понравился всѣмъ такъ называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя *несообразныя* и *неподобныя* стремленія, понравился даже тѣмъ господамъ, которые косо посматривали на «Мертвыя души» или издѣвались надъ ними. Въ наивной радости своей — протестъ за внѣшнюю, показную дѣйствительность не замѣчалъ, что иронія романа пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признавало, не признаетъ и не при-

Digitized by Google

знаетъ въ жиденькомъ Александрѣ Адуевѣ своего питомца.

Прошло много времени, пока протестъ за дѣйствительность выросъ и окрѣпъ до сознанія. Въ теченіе всего этого времени— талантъ г. Гончарова напомнилъ о себѣ только кругосвѣтнымъ путешествіемъ на фрегатѣ Паллада — и въ этой книгѣ остался вѣренъ самому себѣ или лучше сказать тому низменному уровню до котораго онъ себя умалилъ. Поразительно яркія описанія природы, мастерство отдѣлки мелочныхъ подробностей, наблюдательность остроумная и мѣткая, и положительное отсутствіе идеала во взглядѣ, — вотъ что явилось въ этой книгѣ, которую опять таки съ жадностью прочла вся публика — она вѣдь у насъ нѣсколько охотница до Японскихъ воззрѣній, особенно, если этимъ воззрѣніямъ обрекъ себя на служеніе талантъ безспорно-сильный.

Явился наконецъ давно жданный Обломовъ. Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова—я разумѣю все существенно новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова» — что ни говорите, былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая — сознаніе выросло «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ—и опоздалъ, по крайней мѣрѣ, пятью или шестью годами.... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи» — и построенъ его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія» — въ подробностяхъ своихъ онъ, если хотите еще выше обыкновенной исторіи, психологическимъ анализомъ еще глубже..., но наше сознаніе, сознаніе эпохи шло впередъ а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ Обломовъ только весьма не большому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно бытовыя черты и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи.... Воззрѣнія этого небольшаго кружка тоже далеко отстало отъ вопросовъ эпохи *).

*) Какъ одно изъ доказательствъ, что далеко не всѣ раздѣляютъ антипатію нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ-публицистовъ къ характеру Обломова и симпатію ихъ къ Штольцу, я позволяю себѣ выписать оригинально-прекрасный взглядъ на характеръ Обломова изъ присланной въ редакцію

Digitized by Google

Герои нашей эпохи—не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ,—да и героиня нашей эпохи тоже—не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою, вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры, показываетъ намъ авторъ—выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то. Я почти увѣренъ, что она будетъ умирать какъ барыня въ «Трехъ смертяхъ» Толстаго.... Ужъ если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непремѣнно героиню—безпристрастный и не потемнѣнный теоріями умъ выберетъ, какъ выбралъ Обломовъ, Агаѳью Ѳедосеевну, не потому только

статьи о романѣ «Обломовъ» г. де-Пуле, — статьи, которую журналъ не печатаетъ всю только потому, что уже дважды высказалъ о произведеніи г. Гончарова свое мнѣніе. «Что же за личность Обломова?» спрашиваетъ критикъ. «Обломовъ,» отвѣчаетъ онъ, «благородная, любящая, чистая, поэтическая натура. Послушаемъ, что говоритъ о немъ Штольцъ. Вотъ мнѣніе его объ Обломовѣ, высказанное пріятелю-литератору: «А былъ не глупѣе другихъ, душа чиста и ясна какъ стекло; благороденъ, нѣженъ» (Отеч. Зап. 1859 г., N° 4, стр. 390). Вотъ мнѣніе Штольца объ Обломовѣ, высказанное женѣ: «въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарытъ, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего онъ тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его? за то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердце не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться. Многихъ людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова» (Ibid., стр. 365).

Теперь послушаемъ, что говоритъ самъ авторъ объ Обломовѣ, т. е. о внутреннемъ мірѣ его души: «Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ (Илья Ильичъ служилъ гдѣ-то въ Петербургѣ), Обломовъ любилъ уходить въ себя и жить въ созданномъ имъ мірѣ. Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безъименныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ

Digitized by Google

что у нея локти соблазнительны и что она хорошо готовитъ пироги — а потому что она гораздо болѣе женщина чѣмъ Ольга.

Дѣло въ томъ, что у самаго автора «Обломова», какъ у таланта все таки огромнаго, стало быть живаго — сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ Агаѳьѣ, чѣмъ къ Штольцу и къ Ольгѣ. За надгробное слово Обломову и его хорошимъ сторонамъ — его чуть что не упрекнули ярые гонители Обломовщины, которымъ онъ польстилъ и которые, plus royalistes que le roi — яростно накинулись не только на Обломова, но по поводу его — на Онѣгина, Печорина, Бельтова и Рудина во имя Штольца и самаго Штольца принесли въ очистительную жертву Ольгѣ. Въ послѣднемъ нельзя съ ними не согласиться: Ольга точно

его, бывало, Штольцъ.... Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ.... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія!... Но смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ! — На утро опять жизнь, опять волненія, мечты! Онъ любитъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруслан Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напримѣръ, народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія. Или изберетъ онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему; онъ пожинаетъ лавры; толпа гоняется за нимъ, восклицая: «Посмотрите, посмотрите, вотъ идетъ Обломовъ, нашъ знаменитый Илья Ильичъ!» Въ горькія минуты онъ страдаетъ отъ заботъ, перевертывается съ боку на бокъ, ляжетъ лицемъ внизъ, иногда даже совсѣмъ потеряется, тогда онъ встанетъ съ постели на колѣни, и начнетъ молиться жарко, усердно, умоляя небо отвратить какъ-нибудь угрожающую бурю. Потомъ, сдавъ попеченіе о своей участи небесамъ, дѣлается покоенъ и равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, а буря тамъ какъ себѣ хочетъ. — Такъ пускалъ онъ въ

Digitized by Google

умнѣе Штольца: онъ ей съ одной стороны надоѣстъ, а съ другой понадетъ къ ней подъ башмакъ и дѣйствительно будетъ жертвою того духа нервнаго *самогрызенія*, которое эффектно въ ней только пока еще она молода, а подъ старость обратится на мелочи и станетъ однимъ изъ обычныхъ физіологическихъ отправленій.

XXIII.

Инымъ путемъ шелъ Тургеневъ: — его произведенія, какъ я уже сказалъ — представляютъ собой развитіе всей нашей эпохи. Съ нею вмѣстѣ, онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ — не боясь никакихъ

ходъ свои нравственныя силы, такъ волновался часто по цѣлымъ днямъ, и только тогда развѣ очнется, съ глубокимъ вздохомъ, отъ обаятельной мечты, или отъ мучительной заботы, когда день склонится къ вечеру и солнце огромнымъ шаромъ станетъ опускаться за четырехъ-этажный домъ. Тогда онъ опять проводитъ его задумчивымъ взглядомъ и печальной улыбкой и мирно опочіетъ отъ волненій» (Отеч. Зап. 1859, январь, стр. 60—61).

И такъ, кто же Обломовъ? Душа чистая, прозрачная, какъ хрусталь, поэтъ и поэтъ народный. — Слова автора, высказанныя имъ самимъ и вложенныя въ уста Штольца, какъ нельзя лучше оправдываются цѣлою жизнію Обломова, представленною въ романѣ. Что душа его была чиста, сердце честно и непорочно, — въ этомъ вы убѣждаетесь при всякомъ его поступкѣ, при всякомъ его разсужденіи. Припомните цѣлую печальную повѣсть любви его къ Ольгѣ; припомните его благоговѣніе къ непорочному существу дѣвушки, благоговѣніе, доходящее до обожанія, безъ всякой примѣси сентиментальности. Припомните, напримѣръ, эту превосходную сцену, когда Ольга (въ концѣ II-ой части), не устрашенная представленными имъ ужасами, которые ожидаютъ женщину, идущею къ счастію по пути *паденія*, отвергнувшая необходимость этого пути, быстро отбрасываетъ въ сторону зонтикъ, обвиваетъ его шею руками, и когда онъ, пораженный избыткомъ счастія, испускаетъ радостный вопль и упадаетъ къ ея ногамъ. Припомните, какое горько-отрадное чувство пробуждалось всякій разъ въ душѣ Обломова во время посѣщеній Штольца, когда послѣдній напоминалъ ему о своей женѣ. — Окончательно приросшій больнымъ мѣстомъ къ своему выборгскому болоту, уже мужъ Агаѳьи Матвѣевны, уже отецъ, уже безнадежно погибшій, Обломовъ, при одномъ имени Ольги, выходитъ изъ своего умственнаго оцѣпенѣнія. — Что значитъ этотъ ужасъ, эти слова, когда, при послѣднемъ свиданіи съ Штольцомъ, онъ узнаетъ, что Ольга ожидаетъ его у воротъ: «— Ради Бога, не допускай ее сюда, уѣзжай. — Прощай, прощай, ради Бога!» (Отеч. Зап., апрѣль, стр. 380). — Что значитъ ужасъ, который испытывалъ *Вальсингамъ* въ «*Пиръ во время чумы*» Пушкина, потрясенный среди бѣшеной, отчаянной оргіи увѣщаніями священ-

Digitized by Google

крайнихъ граней мысли или лучше сказать увлекаясь самъ мыслію до крайнихъ ея граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этаго, читая его послѣднее произведеніе, — вы что ни шагъ — повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ — сталкиваетесь съ образами возродившимися пожалуй въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы поднимаете слой за слоемъ — и болѣе всего поражаетесь органическою связью словъ между собою...

Доказательствомъ этой органической связи служитъ въ особенности въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» исторія отца и дѣда Лаврецкаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ показалось, какъ онъ выразился, ретроспектив-

---

ника, приведшаго ему на память образъ недавно умершей жены, Матильды?

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу на-вѣкъ умолкнувшее имя!
О, еслибъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ....
Гдѣ я?... Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

(Соч. Пушк., изд. Анненкова, т. IV, стр. 422.)

Такъ ужасаться можетъ только богато надѣленная, хотя и глубоко-падшая натура. Хотя причины паденія Обломова и Вальсингама не однѣ и тѣ же, но характеръ ужаса одинаковъ. Обломовъ, мы сказали, былъ поэтъ и притомъ народный. И это такъ, хотя онъ не написалъ ни одного сонета. Обломовъ жилъ фантазіей, въ мірѣ идей, жилъ фантазіей самой роскошной, воспитанной на чисто-народной почвѣ. Фантазія, въ слѣдствіе огромнаго преобладанія ея надъ другими душевными способностями, и погубили его. Припомните тѣ роскошныя картины, которыя создавало его воображеніе, картины семейнаго счастія, которыя онъ рисовалъ Штольцу; даже разсудительный, практическій Андрей Ивановичъ воскликнулъ: — Да, ты поэтъ, Илья! — Да! (сказалъ Обломовъ), поэтъ въ жизни, потому-что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ искажать ее (Отеч. Зап. 1859 г., февраль, стр. 280). — Но эта превосходная поэтическая натура все-таки погибла отъ нравственной болѣзни и погрузилась въ лѣнь и апатію. Гибель эта была бы не возможна, если бы натура Обломова была иного свойства, если бы онъ не былъ поэтомъ.»

Digitized by Google

нымъ. Критикъ, сильно хлопочущій объ освобожденіи искусства отъ порабощенія, въ увлеченіи своемъ исключительно-эстетическимъ взглядомъ — не замѣтилъ того весьма явнаго и существеннаго недостатка «Дворянскаго гнѣзда», о которомъ я говорилъ въ началѣ предшествовавшей статьи. Только слѣпому развѣ не видно того, что на огромномъ холстѣ натянутомъ для огромной исторической картины, нарисовался одинъ центръ драмы, да по мѣстамъ отдѣланы эпизоды, да остались тоже по мѣстамъ очерки.

Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей, послѣ-пушкинской эпохи. Но между тѣмъ, что должно было быть и тѣмъ что есть, что намъ дано — значительная разница. Судить о типѣ по тому какъ онъ явился въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и на этомъ только основаніи заключать о художественности или не художественности его выполненія и цѣлаго произведенія, въ которомъ онъ является — значитъ положительно не понять дѣла по отношенію къ Тургеневу, не понять задачь, внутренняго смысла его поэтической дѣятельности.

Что главнымъ образомъ *сказалось* въ Дворянскомъ гнѣздѣ?

Знаете ли, что отвѣчать на этотъ вопросъ — *потруднѣе*, чѣмъ отвѣчать на вопросъ что *сказалось* въ Обломовѣ? Никакимъ нравственнымъ правиломъ, никакою сентенціей — вы на этотъ вопросъ не отвѣтите. Что сказалось! да мало ли что тутъ сказалось? Вся эпоха отъ смерти Пушкина до нашихъ дней тутъ сказалась: весь Пушкинской процессъ, который я называю нашимъ душевнымъ Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ — тутъ сказался — ибо весь этотъ процесъ долженъ былъ повториться въ Тургеневѣ, для того чтобы худо ли, хорошо ли — но создался новый, живой типъ, уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человѣкъ, доселѣ только позволявшій себѣ изрѣдка критическое или комическое отношеніе къ блестящему, хищному человѣку, и большею частію то подбиравшій чужую любовь, да и то не впопадъ, то смѣявшійся судорожнымъ смѣхомъ Гамлета Щигровскаго уѣзда надъ своимъ безсиліемъ, то плакавшій горькимъ плачемъ «Лишнаго человѣка» — переходитъ въ живой, положительный образъ.

Что сказалось «Дворянскимъ гнѣздомъ?» Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи отъ туманныхъ еще началъ ея въ кружкѣ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣ-

Digitized by Google

линскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ, весьма значительныхъ — сдѣланныхъ мыслію жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества, и борьба жизни съ теоріею — славянофильскою или западною все равно — завершается въ поэтическихъ задачахъ тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями...

Опять повторяю: Лаврецкій пріѣхалъ не умирать, а жить на свою родную почву — и родная жизнь встрѣчаетъ его съ разу своимъ міромъ — и этотъ міръ — его же собственный міръ, съ которымъ ему нельзя да и незачѣмъ раздѣляться.

«Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ.... о французской исторіи ... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣже поля, тѣже степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, жолтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра....«Хорошъ возвращаюсь я на родину»—промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій анбарчикъ. Это было Васильевское.

«Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показались; лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и спустя мгновенье на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ, Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцаловалъ у него руку.

«— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій:— тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

«Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ

Digitized by Google

бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь какъ змѣя и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

«— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лавецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.»

Онъ дома — онъ вернулся и, по слову поэта

Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ... Вотъ смиренный домикъ, и т. д.

Связи его съ этимъ міромъ — родныя, коренныя кровныя.

«Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлою пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась, На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Ѳедорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, жолчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшіе злые глаза угрюмо глядѣли изъ подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щоткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей: «Сами Глафира Петровна изволили плести», доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать подъ пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганное жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углѣ; на полу лежалъ истертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ

Digitized by Google

земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ тоже время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей, лѣтъ сорокъ тому назадъ, таже Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая гаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны. и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много старыхъ липъ, которыя поражали своею грамадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ: онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то — лѣтъ сто тому назадъ — стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймою изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Ѳедоръ Иванычъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему наконецъ захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила ее въ кастрюлю; когда она наконецъ сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. По-

Digitized by Google

обѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что выпилъ бы чаю, если... «Сею минутою-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ, — и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга;—Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кравати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Апраксѣей, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у анбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова, — и сладко спалось старику.»

Пусть противна Лаврецкому эта усадьба, возбуждающая въ немъ тягостныя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ виновата не она, эта усадьба — виноватъ онъ самъ. Отъ воспоминаній этихъ, еще прежде, еще возвращаясь только домой, онъ невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли и встряхнулъ головой... Не съ чувствомъ гордости или вражды вступаетъ онъ снова въ старый, съ дѣтства знакомый міръ:

«Въ теченьи двухъ недѣль Ѳедоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ; разчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помѣщикомъ, не то ошельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну;

Digitized by Google

Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, — и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и потри копейки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны даже подъ городомъ тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. «А теперь», жаловался старикъ которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесять, — «такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ.» Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петронѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался-было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать, — и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами какъ потомъ, разгнѣвавшись господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ, долженъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины даже до самомалѣйшей тряпицы, было предоставлено Ѳедору Ивановичу, И точно: Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключаяя праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и желтаго платья изъ трю — трю-левантина. Старинныхъ бумагъ любопытныхъ, документовъ, на которые расчитывалъ Лаврецкій не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его Петръ Андрѣичъ, вписывалъ — то: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; то рецептъ груднаго декохта съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ прото-пресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентіевича»: политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что-то замолкло»; — и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ преміеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; воспоминанія возбудили въ немъ давно-забытыя, но знакомыя «Символы и Эмблемы.» Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самою глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, расыпанными по лбу, съ длинными томными глазами и полу-разскрытымъ ртомъ, — и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ, — его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволила снять портрета. «Я, батюшка, Ѳедоръ Иванычь», говаривалъ Лаврецкому Антонъ, — хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Афанасьича помню — какъ же: мнѣ, когда они скончались, восемнадцатый

Digitized by Google

годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся, — такъ даже поджилки затряслися; однако они ничего, только спросили, какъ зовутъ, — и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. *Баринъ былъ, что и говоритъ, — и старшаго надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная такъ ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, баринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; носи — и суда не бойся.* Ну, да вѣдь, тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженныя памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что, всякихъ запасовъ, — всѣ подвалы биткомъ на биты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили, — ихъ былъ: изъ него водку кушали. *А вотъ дѣдушка вашъ Петръ Андреичъ и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло хинею; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій ни какихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ;* ложки серебряной отъ нихъ не осталось, — и то еще спасибо, Глафиры Петровна порадѣла.»

«— А правда-ли, перебивалъ его Лаврецкій: — ее старой колотовкой звали?

«— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ....

«— А что, батюшка, — рѣшился спросить однажды старикъ, — что наша барыня, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

«— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій: — Пожайлуйста, не спрашивай о ней.

«— Слушаю-съ, печально, возразилъ старикъ.»

Какая огромная разница между этими мягкими отношеніями къ дѣйствительности, между этимъ симпатическимъ ея представленіемъ — и между отрицательною манерою литературы сороковыхъ годовъ, т. е. между первоначальными отношеніями самаго Тургенева къ дѣйствительности. Какъ много было ложнаго въ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ поэта къ жизни, къ дѣйствительному быту — ложнаго до комизма. Вѣдь было время, когда рисовалъ онъ напримѣръ такъ образъ помѣщика:

Онъ съ дѣтства не любилъ подтяжекъ,
Любилъ просторъ, любилъ покой
И лѣнь: но страненъ былъ покрой
Его затѣйливыхъ фуражекъ;
Любилъ онъ жирные блины, и т. д.

Удивительная была вражда къ простору и главнымъ образомъ

Digitized by Google

къ здоровью въ былые годы литературы. Случалось ли автору (я беру всѣ примѣры изъ самаго Тургенева) попасть на провинціальный балъ, ему становилось несносно видѣть здоровыя и простодушныя дѣвическія физіогноміи:

Вотъ *чисто-русская* красотка,
Одѣта плохо, *тяжела* (?)
И *неловка*, но весела;
Добра, болтлива какъ трещотка.

Вѣдь собственно говоря, если бы наши яростные враги «Обломовщины» хотѣли и могли быть послѣдовательны, они должны бы были съ ужасомъ отворотиться отъ теперешняго Тургенева, въ пользу Тургенева прежняго. Вѣдь ни больше ни меньше какъ къ тому, что они называютъ Обломовкой и Обломовщиной — относится онъ теперь съ художническою симпатіею. — Вѣдь и Лаврецкій и его Лиза и неоцѣненная Марѳа Тимофеевна, все это Обломовщина, Обломовцы — да еще какіе, еще какъ тѣсно, физіологически связанные не только съ настоящимъ и будущимъ, но съ далекимъ прошедшимъ Обломовки!

XXIV.

Наще время есть время всеобщихъ исповѣдей и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и «Дворянское гнѣздо» въ особенности.

Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» — нужно было прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій въ разговорѣ съ Паншинымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать однако, чтобы Тургеневъ отъ одной теоріи перешелъ къ другой. Славянофильство съ восторгомъ привѣтствовало нѣкоторыя его произведенія, особенно «Хоря и Калиныча», «Муму» — но поэтъ способенъ столь-же мало поддаться и этому воззрѣнію, поколику оно только — воззрѣніе, какъ и другому, противуположному. Въ немъ повторился только бѣлкинскій процессъ пушкинской натуры, съ расширенными сообразно требованіямъ эпохи требованіями. И какъ Пушкинъ — уходя въ свое отрицательное *я*, въ жизненные взгляды своего Ивана Петровича Бѣлкина, вовсе, однако, не отрекался,

Digitized by Google

какъ «отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его», отъ прежнихъ идеаловъ, отъ *силъ* своей природы, извѣдавшихъ уже *добрая* и *злая*, а только давалъ права и почвѣ наравнѣ съ силами, — такъ, съ меньшимъ самообладаніемъ, Тургеневъ кончилъ анализъ натуры Рудина апотеозою его личности, дѣйствительно-поэтической и грандіозной. Чувство поэта ставитъ его въ разрѣзъ со всякою теоріею — и оно-то сообщаетъ его произведеніямъ такую неотразимую, обаятельную силу, не смотря на ихъ постоянную недодѣланность.

Лицо Лаврецкаго, даже такъ какъ оно является въ видимо-недодѣланномъ «Дворянскомъ гнѣздѣ», представитель (хотя никакъ не преднамѣренный), сознанія нашей эпохи. Лаврецкій — уже не Рудинъ, отрѣшенный отъ всякой почвы, отъ всякой дѣйствительности — но съ другой стороны, уже и не Бѣлкинъ, стоящій съ дѣйствительностью въ уровень. Лаврецкій — живой человѣкъ, связанный съ жизнію, почвою, преданіями — но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скачковъ. Отсюда выходитъ весь его душевный процессъ, вся драма его отношеній.

Онъ представитель *нашей* эпохи, эпохи самой близкой къ намъ — и какъ таковаго, его надобно было отдѣлить, оттѣнить отъ представителей эпохъ предшествовавшихъ. Средство для такого отдѣленія Тургеневъ избралъ самое естественное — его родословную, образы его дѣда и отца.

Не смотря на то, что пріемъ этотъ не новъ, не смотря на то, что въ наше время въ особенности, послѣ романа: «Кто виноватъ?» — и послѣ «Семейной хроники» онъ повторяется довольно-часто — родословная Лаврецкаго блещетъ такими яркими чертами — такъ мастерски схвачено въ ней существенное и типическое — что на нее можно смѣло указать какъ на chef d'œuvre въ своемъ родѣ....

«Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ея и котораго она не пе-

Digitized by Google

режила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей — дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, разсказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся, — мука! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копеечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего *Mr Courtin de Vaucelles*, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, *fine fleur* эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого Финъ-флёра, перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй *à la Richelieu*, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика, — въ Петербургѣ, гдѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ

Digitized by Google

началѣ царствованія Императора Александра), — пришлось ему, по неволѣ вернуться въ деревню къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и копоть степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ, — за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстроиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ, слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. — Петръ Андреичъ не ошибался; точно — и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, — *и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ....* Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодаго малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, — а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. — Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ».

Digitized by Google

На сколько этотъ типъ изъ предшествовавшаго поколѣнія необходимъ для освѣщенія фигуры Ѳедора Лаврецкаго — очевидно. Здѣсь сопоставлены двѣ эпохи въ ихъ существенныхъ отличіяхъ: развитія чисто-внѣшняго и развитія внутренняго.

Особенно-замѣчательно еще то, что типъ Ивана Петровича напоминаетъ типъ Василья Лучинова — но уже отношеніе автора къ этому типу совершенно измѣнилось. Изъ трагическаго оно перешло почти-что въ комическое.

Когда Иванъ Петровичъ связался съ дѣвкой Маланьей, вѣсть объ этомъ скоро дошла до Петра Андреича.

«Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи. въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ-же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укорялъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно — готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался *à la Titus* и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосинные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. Стой мошенникъ! вопилъ онъ, — стой! прокляну! — Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможен-

Digitized by Google

ный, въ поту, объявилъ едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія, *приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги*, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню».

Если вы хорошо помните сцену съ отцемъ Василья Лучинова — эту великолѣпную, до трагизма возвышающуюся сцену — вы, вѣроятно, соглашаетесь со мною и въ великомъ сходствѣ этихъ двухъ сценъ и въ различіи отношенія къ нимъ Тургенева. Но — на новую манеру изображенія вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на покаяніе поэта въ прежней. «Изувѣръ Дидеротъ», *внѣшне* подѣйствовавшій на Ивана Петровича, — въѣлся въ Василья Лучинова до мозга костей, потому-что природа послѣдняго — исключительнѣе и богаче — вотъ и вся разница. Иванъ Петровичъ и Василій Лучиновъ — двѣ разныя стороны одного и того-же типа, какъ Чацкій и Репетиловъ, напримѣръ, въ отношеніи къ людямъ эпохи двадцатыхъ годовъ — двѣ разныя стороны типа. Ни больше, ни меньше. Какъ въ «Трехъ портретахъ» — манера изображенія — истинная, — такъ и въ вышеприведенномъ мѣизъ «Дворянскаго гнѣзда» манера изображенія истинная, а вовсе не покаятельная.

XXIV.

Ѳедоръ Лаврецкій — герой «Дворянскаго гнѣзда» — и отецъ его, Иванъ Петровичъ оба разрознились, раздѣлились съ окружавшею ихъ дѣйствительностью — но огромная бездна лежитъ между ними. Иванъ Петровичъ, усвоившій себѣ внѣшнимъ образомъ ученіе «изувѣра Дидерота» такъ и остается на цѣлую жизнь холоднымъ, отрѣшившимся отъ связи съ жизнію — да отрѣшившимся не въ слѣдствіе какого либо убѣжденія, а по привычкѣ и по эгоистической прихоти методистомъ.

Анализъ жизни этого типическаго лица по истинѣ глубокъ у Тургенева. Поразительная правдивость анализа высказывается въ особенности въ двухъ мѣстахъ. Когда послѣ ссоры съ отцемъ и послѣ брака своего съ Маланьею, Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ, по словамъ автора «отправился съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность быть можетъ, грозила ему, *но онъ разстался съ ненавистной ему жизнію*, а главное — не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно пустилъ въ ходъ и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота «La Declaration des droits de l'homme. *Чувство совершеннаго долга, торжество, чувство гордости наполняло его душу....*»

Digitized by Google

Замѣтка истинно — художническая, безпристрастіе истиннаго поэта!... Вѣдь онъ тоже не совсѣмъ изъ дюжинныхъ, этотъ Иванъ Петровичъ: кряжевая, крѣпкая натура отца и дѣда въ немъ таки сидитъ, только она обернулась въ другую сторону.... Съ другой стороны, — двѣнадцатый годъ вызываетъ его изъ за границы — черта, исторически вѣрная въ отношеніи къ людямъ той эпохи....» Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней эпохи, отецъ съ сыномъ обнялись *и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ* «не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага — и оба они почувствовали, что Русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ....» Это въ высочайшей степени вѣрно исторически и правдиво художественно. Личность у насъ всегда и во всѣ эпохи удивительно способна рости съ событіями — хотя къ сожалѣнію такъ же легко и сокрушается подъ гнетомъ событій—и разъ сокрушившись, начинаетъ идти съ горы—да какъ еще:—не успѣешь оглянуться—она уже на крайней степени паденія.... Такъ было по крайней мѣрѣ до конца той эпохи, которой типически обыкновеннымъ представителемъ является отецъ Ѳедора Лаврецкаго. Я говорю типически обыкновеннымъ—ибо за что же обижать верхи всякой эпохи? Василій Лучиновъ, разбитый параличемъ, но умирающій сурово и гордо, Владиміръ Дубровскій повершающій трагически, — старикъ Алексѣй Ивановичъ, братъ *сенатора*, до конца выдерживающій по убѣжденію свой холодный методизмъ — вотъ верхи эпохи, души въ которыя ученіе «изувѣра Дидерота» или Бентама проникало глубоко—да за то вѣдь и дѣтьми ихъ, если таковые у нихъ были,—были не Лаврецкіе, а Печорины и Бельтовы.... Иванъ же Петровичъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ, какъ кончаетъ онъ у Тургенева и мастерски ведетъ его авторъ къ этому обычному концу.

«Иванъ Петровичъ, говоритъ онъ, вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ съ множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну — все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей, — весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ, — по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни

Digitized by Google

одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; *но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, — у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія»; «сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства».* Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его жолчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «Куда же я-то дѣнусь?» — Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. — *Въ домѣ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна — слѣпая, другая — разбитая параличемъ, да еще дряхлый маіоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей.* Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появились новыя мёбели изъ Москвы; завились плевальницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «in recto virtus»... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла) то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, — *только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣй, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу.* Патріотъ очень ужь презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось «коренному преобразованію», — отецъ исключительно занялся имъ».

Такова *реформаторская* дѣятельность Ивана Петровича. Пропуская, какъ эта реформаторская дѣятельность обращается на воспитаніе Ѳеди, я переношусь прямо къ перелому совершающемуся въ этой натурѣ. «Насталъ, говоритъ авторъ, 1825 годъ и «много принесъ съ собою горя. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ

Digitized by Google

«удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ «еще годъ и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ опу«стился: здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ началъ ходить «въ церковь и заказывать молебны; европеецъ сталъ париться «въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать «подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ «сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ гу«бернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ за«каленной волей хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ «вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супа...»

Увы! это не повѣсть съ подробностями, нарочно придуманными для того, чтобы въ концѣ ея можно было воскликнуть: «И вотъ что можетъ дѣлаться изъ человѣка!» — это нагая, безпощадная, да вдобавокъ еще историческая правда. Вспомните, какъ умиралъ одинъ изъ передовыхъ людей своей эпохи Фонъ-Визинъ, какъ умирали многіе изъ такъ называемыхъ вольнодумцевъ и учениковъ «изувѣра Дидерота.»

Смерть Ивана Петровича — такая же типическая, въ смыслѣ типически-обыкновеннаго какъ и вся жизнь его, какъ и переломъ съ нимъ совершившійся, — именно съ нимъ, а не въ немъ, ибо въ немъ собственно ничего не совершалось.

«Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая, изъ города въ городъ и приводя въ отчаянье врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денёчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, роптал на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, — и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобы они постоянно, днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете, — экая чепуха!»

«Особенно достовалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больнаго, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ про-

Digitized by Google

скрипѣлъ онъ еще два года и умеръ, въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! бульонцу бульонцу, старая дур....» пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотаго весеняго солнца, ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ не замѣтно скоро пронеслись эти двацать-три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.»

Таковъ — отецъ Лаврецкаго, представитель обыкновенныхъ образованныхъ людей, предшествовавшей двадцатымъ годамъ эпохи XIX вѣка, эпохи которой корни не въ XIX а въ XVIII вѣкѣ.

Равнодушіе, если не озлобленіе, должны были мы всѣ, дѣти XIX вѣка, чувствовать первоначально къ XVIII-му вѣку, являвшемуся намъ, всѣмъ болѣе или менѣе, въ подобныхъ представителяхъ.... Хорошо художнику и его читателямъ, относиться къ подобнымъ личностямъ какъ къ типамъ,— но кто, какъ Ѳедоръ Лаврецкій, вынесъ на себѣ всю тяжесть зависимости, отъ подобнаго типа въ жизни,—тотъ по освобожденіи изъ-подъ гнета, законно могъ почувствовать, что жизнь передъ нимъ открывается.

Вѣдь это типъ не простой, а типъ реформаторскій. Вѣдь онъ ломаетъ жизнь по своему личному капризу, гдѣ только можетъ,— вѣдь онъ своими, безтолковыми реформаторскими замашками, и оскорбляетъ и, — когда эти реформаторскія замашки оказываются мыльными пузырями, — возбуждаетъ къ себѣ невольное презрѣніе. Вѣдь когда переломъ совершился съ Иваномъ Петровичемъ—«сыну его уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями, и чорствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутаго перелома. Застарѣлый эгоистъ, вдругъ выказался весь»...

Естественно, что въ душѣ его глубоко должна была залечь любовь къ тому именно, что ломалъ, или пускался ломать его отецъ — естественно, что онъ, человѣкъ страстный, впечатлительный и вмѣстѣ мягкій останется на всю жизнь романтикомъ т. е. человѣкомъ волненія, сумерекъ, переходной эпохи.

Когда Иванъ Петровичъ принялся за его воспитаніе, онъ

Digitized by Google

уже не былъ то, что называется et tabula rara — онъ уже напитался воздухомъ, окружавшаго его быта подъ деспотическимъ, но все-таки менѣе давящимъ вліяніемъ «колотовки» Глафиры Петровны.

«Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. *Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими «Эмблемами» — сидитъ, сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями*, — а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, — и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его.... Горе сердцу не любившему съ молоду!»

Когда уже есть подобныя заложенія въ натурѣ, — то никакая система воспитанія, не истребитъ ихъ. А система воспитанія приложена была притомъ совсѣмъ противуположная натурѣ ребенка:

«Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, — и не только человѣка, но спартанца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодной водой и заставляли бѣгать вокругъ столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета, при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ со своей стороны писалъ ему на-

Digitized by Google

ставленія по французски, въ которыхъ онъ называлъ его mon fils и говорилъ ему vous. По-русски Ѳедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его голову, притиснула ее; но за тò на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ справился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчьи: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Ѳедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.»

Результатовъ система чисто внѣшняя могла добиться только внѣшнихъ, да и то на время... Въ гнетѣ «колотовки», была своего рода поэзія, въ гнетѣ Ивана Петровича никакой, — и когда умираетъ Иванъ Петровичъ, *жизнь открывается впервые передъ Лаврецкимъ!*

XXV.

Спартанская система воспитанія, какъ всякая теорія нисколько не приготовила Лаврецкаго къ жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное, и нравственное состояніе своего героя, въ эту эпоху его развитія. «Въ послѣднія пять лѣтъ,» — говоритъ онъ о Лаврецкомъ, «онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ тоже время, онъ не зналъ *многаго*, что каждому гимназисту давнымъ давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ, онъ втайнѣ сознавалъ себя чудакомъ.» Опять вѣрная, художественно и въ высочайшей степени, вѣрная же исторически черта, характеризующая множество людей, послѣ Пушкинской эпохи. Это уже не та эпоха, когда

...учились по немногу,
Чему нибудь и какъ нибудь.

Нѣтъ — это эпоха серьезныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній пріобрѣтенныхъ большею частію саморазвитіемъ, самомышленіемъ — эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ, если не всѣхъ поголовно....

Особенность Лаврецкаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣетъ совершенно уродливое воспитаніе.

Digitized by Google

«Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе, принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцемъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычка вкоренилась; *онъ не умѣлъ сходиться съ людьми двадцати трехъ лѣтъ отъ роду,* съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ *упрямству*, *созерцанію и лѣни*, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искуственномъ уединеніи»....

Не одна теоретически-спартанская система воспитанія можетъ произвести подобный результатъ... Всякій гнетъ, всякій деспотизмъ произвелъ бы подобный же, съ другими можетъ быть оттѣнками — но подобный же. Я разумѣю впрочемъ гнетъ деспотизма домашняго, а не общественнаго воспитанія: послѣдній производитъ другіе, столь же горькіе, но совершенно другіе результаты.

Дѣло въ томъ только, что Лаврецкій вступая въ жизнь съ жаждою жить, лишенъ всякаго пониманія жизни, всякихъ средствъ прямаго сближенія съ жизнію; и что онъ долженъ непремѣнно разбиться при столкновеніи съ жизнію.

Съ поразительною логичностью,—вовсе не имѣя въ виду заданной напередъ темы, ведетъ художникъ создаваемый имъ характеръ...

Жажда любви томитъ Лаврецкаго, — но дѣло въ томъ, — чего къ сожалѣнію не развилъ и не досказалъ Тургеневъ, — дѣло въ томъ, что самая жажда любви носитъ у Лаврецкаго характеръ любви той эпохи, къ которой онъ принадлежитъ. Предметъ любви Тургеневъ указалъ своему Лаврецкому совершенно вѣрно, но мало остановился на причинахъ любви. Лаврецкій *долженъ* былъ необходимо влюбиться въ Варвару Павловну, о которой энтузіастъ — Михалевичъ выражается такъ. «Это, братъ ты мой — эта дѣвушка изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая»... Но *почему* — жажда любви у него устремилась не на первую хорошенькую женщину, хоть бы она была горничная, а непремѣнно на исключительную, покрайней мѣрѣ, на кажущуюся исключительною женскую личность, и личность только развитую, — почему первое чувство любви есть у Лаврецкаго нѣкоторымъ образомъ *сдѣланное*, искусственное, подготовленное мечтами объ идеалѣ — не показано —

Digitized by Google

хотя изъ намека, что появленіе Михалевича подлѣ этой женщины показалось Лаврецкому «знаменательно и странно»; изъ этого намека очевидно, что передъ авторомъ носилась *типическая* любовь людей эпохи, которой Лаврецкій является представителемъ...

Вообще вся эпоха саморазвитія Лаврецкаго очерчена только вѣрно въ своихъ основахъ, но не художественно-полно, набросана, видимо, на̀-скоро. Самыя главы, въ которыхъ разсказывается эта эпоха и завязывается трагическій узелъ, судьба Лаврецкаго, странно коротки въ сравненіи съ другими главами.

Самое лице Варвары Павловны, глубоко понятое, и по возвращеніи ея изъ заграницы, очерченное рельефно—здѣсь только набросано. Вслѣдствія такой наброски въ ея личности есть явныя противорѣчія.

Вспомните, какою она является на первый разъ:

«Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостинную Коробиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро стушевалось; — что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невино-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ тоже время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго, — вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ — вкрадчивой, прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. *Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры.* Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо съиграла нѣсколько шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду.

Сличите это съ изображеніемъ Варвары Павловны по возвращеніи ея изъ заграницы.... Въ бесѣдѣ съ Паншинымъ: «Варвара Павловна показала себя большой философкой — на все у нея являлся готовый отвѣтъ; она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ повелъ

Digitized by Google

разговоръ на литературу, — оказалось, *что она также какъ и онъ читала однѣ французскія книжки: Жоржъ-Сандъ приводилъ ея въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ея утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ сердцевѣдовъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, хотя даже имени его не упоминала.*»

Тутъ очевидное противорѣчіе съ прежній Варварой Павловной, сочувствующей Мочалову, артисткой по натурѣ.

Вообще изображеніе Варвары Павловны страждетъ тѣми же недостатками противъ художественной правды, какъ изображеніе Паншина. Какъ къ Паншину больше бы шло внѣшнее пониманіе Бетховена, такъ къ Варварѣ Павловнѣ внѣшнее пониманіе Ж. Санда. Образъ вышелъ бы менѣе рѣзкій, но за то несравненно болѣе правдивый.

XXVI.

Рѣзкость или лучше сказать недодѣланность художественнаго представленія типа Варвары Павловны, есть впрочемъ рѣзкость только по отношенію къ Тургеневу, ибо, сравните Варвару Павловну хоть напримѣръ съ барыней, выведенной въ повѣсти г. Крестовскаго: «Фразы»—Варвара Павловна выиграетъ на сто процентовъ относительной мягкостью изображенія.

Дѣло только въ томъ, что Варвара Павловна какъ и Паншинъ — лица не центральныя, даже не самостоятельныя, не картины, а оттѣняющія: одинъ Лаврецкаго, другая Ольгу. Дѣло все въ Лаврецкомъ и въ Ольгѣ—узелъ драмы въ ихъ отношеніяхъ. Смыслъ этихъ отношеній слишкомъ ясенъ, чтобы о немъ надобно было толковать долго. Человѣкъ жившій долго мечтательными, сдѣланными идеалами, разбившійся на этихъ идеалахъ, встрѣчаетъ, но поздно, въ своей бытовой дѣйствительности простую, цѣльную, цѣломудренною женскую натуру, всю изъ покорности долгу, изъ глубокихъ сердечныхъ вѣрованій, женской преданности, изъ самопожертвованія, простирающагося до всего кромѣ забвенія долга.... Женщина съ мечтательнымъ, сосредоточеннымъ и затаенно-страстнымъ характеромъ встрѣчаетъ человѣка простаго и цѣломудреннаго по натурѣ, но пережившаго много; пугающаго ея пережитою имъ жизнію, въ которой сокрушилось у него множество вѣрованій и влекущаго ее къ себѣ неотразимо. Влечетъ ее къ нему и сожалѣніе къ нему и непосредственно простое пониманіе его простаго благородства.... Драма ихъ ведена

Digitized by Google

съ такимъ высокимъ художническимъ искусствомъ, съ такою глубиною анализа, съ такою сердечностью — какимъ до сихъ поръ не было примѣра.... Слѣдить за этою драмою во всѣхъ ея явленіяхъ значило бы разсказывать содержаніе «Дворянскаго гнѣзда», всѣмъ давно извѣстное, всѣми чувствующими людьми давно перечувствованное — да было бы и внѣ моей задачи — задачи истолкованія типовъ, являющихся вообще въ дѣятельности Тургенева и въ послѣднемъ произведеніи его въ особенности.

Кончаю поэтому мои длинныя рапсодіи по поводу Тургенева и «Дворянскаго гнѣзда» анализомъ типа Лизы. Въ отношеніи къ самой драмѣ выскажу только два замѣчанія, 1) онтосительно Лемма уже мной высказанное: что Леммъ видимо придѣланъ къ драмѣ для того только, чтобы выражалось поэтически лирическое настроеніе Лаврецкаго въ иныя минуты и 2) высказанное мною самому поэту тотчасъ же по прочтеніи «Дворянскаго гнѣзда»: это-то, что онъ слишкомъ поторопился ложнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго — недостаточно затянулъ, завлекъ Лаврецкаго и Лизу въ психически-безвыходное положеніе. Недостатокъ силы, энергіи въ манерѣ—результатъ женственно мягкой впечатлительности Тургеневскаго творчества сказался и здѣсь, какъ повсюду.

Обращаясь къ типу Лизы, я прежде всего скажу о важности и значеніи этого типа въ нашей современной жизни.

Русскій идеалъ женщины до сихъ поръ, увы! выразился вполнѣ только въ Татьянѣ, да кажется дальше этихъ граней пока и не пойдетъ.

Прежде всего, гдѣ и у кого, кромѣ Пушкина явилась русская женщина, т. е. руская-идеальная женщина?... Положительно нигдѣ. Княгиня Мери Лермонтова — экзотическое растеніе; прелестный образъ мелькающій у него въ сказкѣ для дѣтей — эта «маленькая Нина» — съ одной стороны высокопоэтическій капризъ, съ другой выраженіе трагическаго протеста: — женщина которая

ускользнетъ какъ змѣя,
Вспорхнетъ и умчится какъ птичка

столь ясная въ лирическомъ стихотвореніи его — тоже капризъ великой поэтической личности, а не идеалъ общій, объективный.

Гоголь не создалъ ни одного женскаго идеала, а принялся было создавать—вышла чудовищная Улинька. Островскій тоньше и глубже всѣхъ подмѣтилъ нѣкоторыя особенности русскаго идеала женщины и въ своей Любови Гардѣвнѣ и въ своей Грушѣ — но это только черты, намеки мастерскіе, тонкіе, прелест-

Digitized by Google

ные, но все таки намеки и очерки. Въ самомъ полномъ женскомъ лицѣ своемъ въ Марьѣ Андреевнѣ — типѣ высокомъ по поэтической задачѣ, оригинально задуманномъ и оригинально поставленномъ, но не выразившемся живыми чертами, живою рѣчью—отразилася опять образъ Татьяны. Передъ Толстымъ, въ его «Двухъ гусарахъ»—во второй половинѣ этого этюда, мелькаетъ прелестный, самобытный, объективно-идеальный женскій образъ, да такъ и промелькнулъ этюдой, ничего не сказавши собою. Самые лирики наши въ этомъ отношеніи то причудливо капризничаютъ, какъ Фетъ въ своемъ идеалѣ, созданномъ изъ игры лунныхъ лучей или изъ блестящей пыли снѣговъ, то какъ Полонскій—туманно любятъ «ложь въ видѣ женщины милой», то какъ Майковъ—рисуютъ по какой-то обязанности идеалы пластическіе и классическіе, нося искренно въ душѣ совершенно иные, то какъ Некрасовъ, всю силу таланта и всю накипѣвшую горечь души употребляютъ на то, чтобы повторять Лермонтовскую «Сосѣдку.»

А требованіе идеала, требованіе женщины, русской женщины слышно отовсюду. Первое, что заговорили о послѣднемъ романѣ Гончарова его жаркіе поклонники было то, что здѣсь въ этомъ романѣ *впервые* послѣ Татьяны является русскій идеалъ женщины. Этому *впервые*—нечего удивляться—особенно мнѣ, провозглашавшему нѣкогда о новомъ словѣ по поводу Марьи Андреевны Островскаго. Наши различныя провозглашенія, не смотря на свои смѣшныя стороны—имѣютъ и стороны очень серьезныя. Мы ждемъ отъ нашихъ художниковъ разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ и исканій: мы жадно хватаемся за всякую попытку художественнаго разрѣшенія—и до сихъ поръ, всѣ разрѣшенія, кромѣ Татьяны, Марьи Андреевны да тургеневской Лизы—оказываются болѣе или менѣе несостоятельными передъ судомъ общаго сознанія.

Гончаровская Ольга.... Да сохранитъ Господь Богъ отъ гончаровской Ольги въ ея зрѣлыхъ, а тѣмъ болѣе почтенныхъ лѣтахъ, самыхъ жаркихъ ея поклонниковъ — вотъ вѣдь все, что скажетъ русскій человѣкъ объ этомъ хитро, умно и граціозно нарисованномъ женскомъ образѣ. Съ одной стороны—она чуть что не Улинька, *подымающая* падшаго Тентенникова, съ другой холодная и расчетливая разонерка, будущая чиновница—директорша департамента или по крайней мѣрѣ начальница отдѣленія, отъ которой «убѣгомъ уйдешь—въ Сибирь Тобольскій», не то что на Выборскую сторону, гдѣ спасся отъ нея Обломовъ.

Digitized by Google

У русскаго человѣка есть непобѣдимое отвращеніе къ *подымающимъ* его до вершины своего развитія женщинамъ — да и вообще замѣчено, что таковыхъ любятъ только мальчики, едва скинувшія курточки. Отъ такого идеала непосредственное чувство дѣйствительно прямо повлечетъ къ Агаѳьѣ Ѳедосѣевнѣ, которая далеко не идеалъ, но въ которой есть нѣсколько чертъ, свойственныхъ нашему идеалу — и явилось бы болѣе, если бы авторъ «Обыкновенной исторіи Обломова» былъ побольше поэтъ, вѣрилъ бы больше своимъ душевнымъ сочувствіямъ, а не сочинялъ бы себѣ изъ этихъ сочувствій какого-то пугала, которое надобно преслѣдовать.

Кого же еще прикажете вспомнить изъ нашихъ женщинъ? Любовь Александровну Круциферскую? Опять не идеалъ, а исключительное трагическое положеніе.

Остается положительно только Татьяна Пушкинская съ ея отраженіями. Отраженіями и задачу Марьи Андреевны и художественно-созданный образъ Лизы, называю я конечно не въ смыслѣ копій. На сколько оригинальны и дѣйствительны положенія, въ которыя поставлена Марья Андреевна, и которыя говорятъ за нее гораздо лучше, чѣмъ она сама говоритъ, насколько оригинально лице Лизы — всѣ знаютъ. Но ни Марья Андреевна, ни Лиза нейдутъ дальше того идеала, который самъ поэтъ называлъ:

Татьяны милый идеалъ...

въ который положилъ онъ всѣ сочувствія своей великой души, умѣвшей на все отзываться жарко — и на пластическіе образы и на ту красоту, передъ которой

Ты остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты...

и на трагически капризныя существованія, которыя совершаютъ свой путь,

Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ...

Дальше его мы пока не пошли, и словомъ о немъ заключаю я разсужденія о поэтѣ нашей эпохи, въ которомъ съ наибольшею полнотою, хотя въ иныхъ, соотвѣтственныхъ нашей эпохѣ формахъ, повторился почти всесторонне его нравственный процессъ.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Московское Обозрѣніе. Книга I — 239 и 34 стран. Книга II — 268 и 35 стран., in 8°. Москва 1859. Въ типографіи Лазар. Инст. Вост. яз.

Мы рѣшаемся говорить объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ изданіи, въ отдѣлѣ библіографіи, потому что оно занимаетъ средину, между журналами и книгами, не стѣсняясь срокомъ выхода, и представляя въ каждой книжкѣ своей — судя по двумъ, доселѣ вышедшимъ — отдѣльное цѣлое, связанное съ другимъ цѣлымъ только тѣмъ, что представляетъ одинаково статьи критическія, по разнымъ отраслямъ, да еще — общимъ духомъ или направленіемъ статей.

Прежде всего — мы назвали это изданіе во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, хотя должны засвидѣтельствовать вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, повидимому говорящій противъ такой значительности. Всѣмъ извѣстно, что Московское обозрѣніе встрѣтило въ публикѣ столь же мало сочувствія, (если еще не меньше), чѣмъ журналъ Атеней.

Не входя до времени въ изслѣдованіе причинъ, по которымъ совершенно палъ Атеней, мы не можемъ, засвидѣтельствовавши фактъ малаго сочувствія публики къ Московскому обозрѣнію, не коснуться, по нашему крайнему разумѣнію, причинъ этого факта.

Содержаніе вышедшихъ доселѣ двухъ книжекъ «Обозрѣнія» не обѣщавшаго и быть ничѣмъ инымъ, какъ критическимъ — такъ разнообразно въ своей спеціальности, что удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ.

Digitized by Google

Въ первой книжкѣ заключаются слѣдующія статьи: 1) Современное состояніе Русской исторіи, какъ науки. 2) Главнѣйшіе экономическіе вопросы въ русскихъ журналахъ, прошлаго года. 3) Стихотворенія Аполона Майкова. 4) Aus dem Tagebuche eines Jägers, von Turghenew, 5) Le demon, poéme par Lermontoff, traduit par Jelan d'Angers, 6) Исторія русской словесности Ст. Шевырева 7) Исторія искусства въ 1858 г. 8.) Geschichte der Deutschen Kaiserzeit, von Gieselbrecht. 9) Чтеніе въ Московскомъ обществѣ Исторіи и древностей. 10) Исторія царствованія Петра Великаго Устрялова. 11) Die arbeitenden Klassen und das Associations-Wesen in Deutschland, von Schulze-Delitsch. 12) Руководство къ качественному химическому анализу Р. Фрезаніуса, переводъ М. Е. Терехова.

Содержаніе второй книжки не менѣе интересно и современно. 1) О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ. 2) Римъ и Іудея. 3) Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина: 4) Описательная анатомія Докт. Платонова. 5) Handbuch der systematischen Anatomie des Menschen von Dr. J. Henle. 6) Traité de Physiologie, par J. Lonzet и Lehrbuch der Physiologie von Otto Funke. 7) Тысяча душъ, романъ Писемскаго. 8) Альфредъ де Мюссе. 9) Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы О. Шталя. 10) Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, von Peschel. 11) Чтенія, издаваемыя Обществомъ исторіи и древностей, т. 3 и 4 за 1858 годъ. 12) Дополнительная замѣтка къ статьѣ о романѣ «Тысяча душъ».

Изъ этого оглавленія двухъ томовъ изданія, котороем ы выписали съ дипломатическою точностію для очевидности дѣла, можно усмотрѣть, что 1) наше критическое Review, напоминающее или по-крайней-мѣрѣ имѣющее притязаніе напоминать Эдинбургское даже форматомъ и шрифтомъ, старается сколько можетъ слѣдить за литературой художественной и ученой, и притомъ какъ той, такъ и другой отечественной и иностранной, съ явнымъ впрочемъ перевѣсомъ ученой литературы надъ художественной и съ явнымъ же перевѣсомъ литературы иностранной надъ отечественной; 2) что оно, по примѣру Эдинбургскаго обозрѣнія и другихъ критическихъ изданій, старается дѣлать статьи сводныя, разбирающія нѣсколько сочиненій по одному и тому же предмету. 3) Что оно въ первомъ отдѣлѣ своемъ даетъ по возможности и статьи руководящія, разрѣшающія, на основаніи многихъ сочиненій, нѣкоторые общіе вопросы науки, искусства и даже жизни, каковы напримѣръ въ особенности статьи: Совре-

Digitized by Google

менное состояніе русской исторіи какъ науки, — Главнѣйшіе экономическіе вопросы, въ русскихъ журналахъ 1858 года, — О необходимости новаго метода въ наукахъ государственныхъ — (эта статья въ особенности, принадлежитъ къ числу собственно руководящихъ).

Прибавьте къ этому, что всѣ статьи оригинальныя, а не переводныя, составленныя явнымъ образомъ спеціалистами, изучавшими вопросы, или знакомыми хорошо съ отдѣлами литературы, къ которымъ принадлежатъ разбираемыя сочиненія. Другой вопросъ правильно ли и самостоятельно ли порѣшаются вопросы и достаточно ли для пониманія предмета, знакомство съ его литературою. Мы беремъ дѣло только съ внѣшней стороны и находимъ ее въ высшей степени удовлетворительною.

Прибавьте еще къ этому, что въ каждой книжкѣ, кромѣ поименованныхъ статей, находится еще библіографическій указатель, котораго идею и цѣль нельзя не назвать и счастливыми и въ высшей степени полезными. Это — указатель систематическій и возможно полный всего новаго въ наукѣ и литературѣ иностранной; именно: нѣмецкой, французской, англійской, славянской вообще, и русской въ особенности. «Всякому извѣстно, справедливо говоритъ редакція, въ своемъ подстрочномъ примѣчаніи къ этому отдѣлу въ первомъ томѣ, «до какой степени въ настоящее «время затруднительно слѣдить за постояннымъ и быстрымъ «развитіемъ различныхъ отраслей литературы. При мѣстной про«изводительности литературъ иностранныхъ, при отсутствіи у «насъ библіографическихъ изданій имъ спеціально посвященныхъ, «многія важныя явленія, не только проходятъ не замѣченными, «но даже остаются совершенно неизвѣстными, не только массѣ «публики, но даже и людямъ, спеціально занимающимся наукой. «Еслибы Московское обозрѣніе ограничивалось только двумя пер«выми своими отдѣлами, то оно, по убѣжденію редакціи, далеко «не выполнило бы своего назначенія: оно было бы не въ силахъ «дѣлать отчетъ о всемъ важномъ»... Всѣ требованія и въ этомъ «библіографическомъ указателѣ» выполнены внѣшнимъ образомъ въ высшей степени удовлетворительно; мы встрѣчаемъ не только заглавія, но и отзывы, болѣе или менѣе сжатые, сообразно самому назначенію библіографическаго указателя обо всемъ выходящемъ въ современной ученой, художественной, и даже беллетристической литературѣ...

Невольно поэтому спрашиваешь себя съ недоумѣніемъ, кто виноватъ въ маломъ успѣхѣ изданія, — само изданіе, или публика,

Digitized by Google

т. е. публика ли наша читающая не доросла до того, чтобы имѣть потребность въ чисто-спеціально-критическомъ изданіи, безъ повѣстей и романовъ, или критическое изданіе не поняло потребностей нашей публики?

Вопросъ очень немаловажный, но чтобы разрѣшить его съ возможной добросовѣстностью, мы должны разсмотрѣть въ подробности двѣ книжки «Обозрѣнія», и потомъ уже приступить къ выводамъ, — что мы и сдѣлаемъ.

Первая изъ руководящихъ и, такъ сказать, свободныхъ статей, которою открывается изданіе, называется «Современное состояніе Русской исторіи,» Соловьева. Она составлена съ полнымъ знаніемъ литературы предмета — и, что важнѣе еще, съ опредѣленнымъ, яснымъ и довольно глубокимъ понятіемъ о предметѣ. Статья начинается взглядомъ на современное состояніе науки исторіи вообще. Мы позволимъ себѣ выписать замѣчательное мѣсто, составляющее profession de foi статьи, мѣсто, смыслу котораго мы вполнѣ сочувствуемъ:

«Суровый ходъ событій, внимательное изученіе памятниковъ и болѣе широкое развитіе философской мысли дали иное направленіе исторіи. Не будемъ останавливаться на постепенностяхъ перехода, ибо имѣемъ въ виду представить только общую характеристику двухъ различныхъ взглядовъ на изложеніе исторіи. Вотъ почему приступимъ къ современнымъ требованіямъ отъ историка. Первое требованіе отъ него состоитъ въ томъ, чтобы онъ проникся духомъ того народа, исторію котораго онъ пишетъ, показалъ намъ существенныя элементы народнаго характера, и изъ памятниковъ старины, провѣренныхъ современностью, возстановилъ бы живой образъ народа — задача не легкая, мы согласны въ томъ; но, только исполнивъ эту задачу или приблизясь къ ея исполненію, историкъ въ правѣ требовать, чтобы его признавали представителемъ народнаго самопознанія. Изученіе исторіи не есть дѣло простаго любопытства, это дѣло настоятельной потребности; только зная тѣ условія, при которыхъ развился народъ, въ которыя онъ поставленъ, можно судить о будущемъ этого народа, можно знать, какъ посреди его дѣйствовать. Такое познаніе пріобрѣтается не иначе, какъ долгимъ и внимательнымъ изученіемъ прошедшаго въ связи съ настоящимъ. Макколей сравниваетъ историка, изучившаго только внѣшнюю сторону событій, съ знатнымъ путешественникомъ, видѣвшимъ въ странѣ только общественныя зданія, офиціальныхъ людей и публичныя церемоніи. Въ одномъ старомъ романѣ читали мы, какъ чванливый баринъ, дѣлавшій все для выставки, велѣлъ построить для мужиковъ парадныя избы, выдававъ имъ парадныя платья и т. п., а мужики жили гдѣ-то позади двора въ грязныхъ и скверныхъ домахъ. Чтобы мы сказали о путешест-

Digitized by Google

венникѣ, который отсюда заключилъ бы о благодушіи помѣщика и благосостояніи крестьянъ. Не толи же самое сужденіе придется произнести объ историкѣ, за великолѣпіемъ декораціи невидящемъ, что она подмалевана, и восхищающемся напр. вѣкомъ Лудовика XIV или блистательными побѣдами Наполеона I. Историкъ истинный идетъ глубже, онъ принимаетъ въ соображеніе всѣ стороны быта, онъ объясняетъ ихъ одну другою и при томъ никогда не теряетъ изъ виду связи каждаго явленія съ явленіями временъ предшествующихъ и послѣдующихъ, ибо корень явленія чаще глубже, чѣмъ предполагаютъ вообще. Многіе ли напрпм. до выхода книги Токвиля думали о томъ, что пресловутая французская централизація, которою такъ недавно еще гордились французы, не плодъ великаго переворота конца XVIII вѣка, какъ до сихъ поръ полагали, а созданіе стараго порядка вещей. Такъ глубоко коренятся явленія въ жизни народной, такъ трудно отдѣлаться отъ слѣдствій того, что кажется сметено съ лица земли какимъ-нибудь переворотомъ, но что между тѣмъ придаетъ цвѣтъ и самому перевороту. Вся исторія Франціи послѣдняго времени легко объясняется изъ одного начала, и пока это начало не будетъ устранено, трудно думать о какомъ-нибудь дѣйствительно существенномъ измѣненіи. Но объясняя поворотные пункты въ исторіи какого-нибудь народа, явленія, если не навсегда, то на долго окрашивающія жизнь его, историкъ обязанъ не упускать изъ виду и тѣхъ явленій, тѣхъ условій, которыя при первомъ появленіи въ жизни народа элементовъ восторжествовавшихъ, встрѣтили ихъ сопротивленіемъ. Быть можетъ въ этихъ явленіяхъ, въ этихъ условіяхъ, побѣжденныхъ и часто задавленныхъ, хранились зачатки иного и, кто знаетъ, худшаго ли будущаго. Нѣтъ ничего хуже историческихъ гаданій, предположеній о томъ, чего не было, но что могло быть. Но справедливое отвращеніе отъ этихъ маниловскихъ мечтаній не даетъ историку права стать въ открыто, или даже и скрыто враждебное отношеніе ко всему, что пало. Восклицаніе: Горе побѣжденнымъ! прилично дикому вождю галловъ, но странно звучитъ въ устахъ историка, хотя бы и облеченное въ болѣе благообразную форму. Уваженіе къ падшему должно насъ заставить съ большимъ вниманіемъ остановиться надъ причинами его гибели, и кто знаетъ, быть можетъ то, что мы считали умершимъ, окажется по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени способнымъ къ жизни. Вообще ученіе о томъ, что всякая побѣда есть право, остатокъ древнихъ *судовъ Божіихъ,* весьма спокойно для человѣка: оно подставляетъ готовое рѣшеніе на задачи, неотвязно требующія отъ насъ разрѣшенія; но согласно ли оно съ величіемъ науки, призванной къ безпристрастному разбору дѣла, это другой вопросъ. Каждое общество вполнѣ достойно того устройства, которое въ немъ существуетъ. Положеніе это считается аксіомою и оно дѣйствительно справедливо въ данный моментъ времени, но можно ли поручиться, что завтра не понадобятся именно тѣ общественные элементы, которые вчера сданы

Digitized by Google

за негодностію въ архивъ. Обязанность историка указывать эти элементы, преслѣдовать судьбу ихъ до тѣхъ поръ, пока неизчезаютъ ихъ послѣдніе слѣды. Если слѣды эти теряются только въ настоящемъ, то историкъ никакъ не можетъ зачислить явленіе погибшимъ, извѣстный общественный элементъ переставшимъ существовать. У насъ господствуетъ наприм. мнѣніе, что провинціализма нѣтъ въ Россіи, что Московское государство все сгладило. Это справедливо только до нѣкоторой степени: не говорю уже объ языкѣ, хотя и это признакъ важный, укажу на юмористическія присловія, которыми такъ щедро надѣляетъ житель одной мѣстности жителя другой, присловія, которыхъ довольно много собрано у г. Сахарова, на существованіе территоріальныхъ округовъ, совершенно независимыхъ отъ округовъ административныхъ, округовъ, отличающихся нравами жителей, языкомъ, промыслами и т. д. Такъ Поветлужье Нижегородской губерніи ближе по характеру народонаселенія къ сосѣднему округу Костромской, чѣмъ къ остальной части Макарьевскаго уѣзда; также части уѣздовъ Горбатовскаго и Муромскаго составляютъ одно цѣлое, жители котораго, отличающіеся нѣсколько особеннымъ характеромъ, носятъ названіе стародубовъ. А что сказать о Малороссіи, Бѣлоруссіи, Сибири. Когда будетъ сдѣлано болѣе полное описаніе Россіи, эти этнографическія особенности, которыхъ конечно много по лицу Русской земли, выскажутся еще рѣзче. Нѣтъ сомнѣнія, что будущій историкъ Россіи обратитъ на нихъ полное вниманіе и много объяснитъ ему аналогія настоящаго съ прошедшимъ. Близкое и подробное знаніе настоящаго для исторіи, такой же важный матеріалъ, какъ и изученіе лѣтописей и грамотъ. Для Грановскаго, «также важенъ, также драгоцѣненъ былъ листокъ газеты, какъ и листокъ лѣтописи». Тамъ, гдѣ жизнь развилась широко, тамъ же являются и величайшіе историки: въ стѣнахъ банкирской конторы воспитывается Джоржъ Гротъ, на скамьяхъ парламента и въ тревогахъ журналистики выростаетъ величайшій историкъ нашего времени — Макколей. Чѣмъ ближе историкъ къ дѣйствительной жизни, чѣмъ знакомѣе ему ея треволненія, тѣмъ менѣе онъ способенъ жить въ однихъ отвлеченностяхъ, видѣть въ исторіи только одну игру міровыхъ законовъ, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ значеніе личности. Вспомнимъ благородныя слова Грановскаго въ предисловіи къ его характеристикамъ, о значеніи личности: «Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ не нуженъ. Такое возрѣніе на исторію возможно только при легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ.» «Великіе люди, продолжаетъ Грановскій, облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и

Digitized by Google

желанія своихъ своихъ соотечественниковъ и современниковъ.» Всякое абсолютное построеніе исторіи, не обращающее вниманія на народный духъ, ни на дѣятельность великихъ людей, болѣе или менѣе произвольно. Грановскій былъ правъ, когда онъ признавалъ за философіей исторіи только одну главу въ феноменологіи человѣческаго духа, ибо до сихъ поръ роковой ходъ исторіи ясенъ для насъ въ однихъ только общихъ чертахъ и долго, а быть можетъ никогда не придется намъ осмыслить всѣхъ случайностей. Еще Аристотель видѣлъ разницу между поэзіей и исторіей въ томъ, что поэзія представляетъ возможное (то-есть въ философскомъ смыслѣ единое истинное), а исторія дѣйствительное (то-есть болѣе и менѣе случайное). Желаніе все вывести изъ однихъ непреложныхъ, строго логическихъ законовъ заставляетъ насъ часто не признавать истиннаго значенія великихъ событій, которыя мѣшаютъ нашему возрѣнію развиваться въ полной чистотѣ.»

Пониманіе вполнѣ здравое, чуждое всякой фаталистической теоріи. Такъ же здраво, основательно и превосходно изложены современныя требованія историческаго изложенія:

«Исторія не должна быть заключена въ тѣсномъ кружкѣ ученыхъ, нѣтъ, она должна быть знакома, если не всѣмъ, то по-по-крайней-мѣрѣ большинству, и потому историкъ долженъ быть художникомъ. Это условіе, собственно говоря, самое трудное для исполненія: не всякому, какъ Макколею суждено соединить глубокія свѣдѣнія, практическую ясность ума и громадный талантъ. По этому большинство историческихъ сочиненій пишется только для немногихъ, но тѣмъ не менѣе такого рода произведеніямъ суждено далеко не имѣть того вліянія и того значенія, которыя можетъ имѣть историкъ-художникъ. Говоря о художественномъ значеніи исторіи, мы конечно не имѣемъ въ виду ни вымышленныхъ рѣчей, какими богаты историческія творенія древнихъ, ни риторическаго разсказа, отличающаго историковъ XVIII в. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣніи представить эпоху живо и образно, что, какъ мы уже замѣтили выше, столько же условливается глубокимъ и всестороннимъ изученіемъ матеріала, сколько и природнымъ талантомъ. Говоря о художественной сторонѣ исторіи, мы невольно припомнили слѣдующія слова Макколея: «Истинно великій историкъ даетъ миніатюрный очеркъ характера и направленія вѣка, не разсказываетъ факта, не приписываетъ ни одной черты характерамъ, которыхъ достовѣрность не основана на достаточномъ свидѣтельствѣ. Его разсказъ точенъ и строгъ; нѣкоторыя событія выдаются рельефнѣе, другіе остаются въ тѣни; но размѣры ихъ увеличиваются или уменьшаются, смотря потому, въ какой мѣрѣ они уясняютъ условія общества и природу человѣка. Онъ знакомитъ насъ съ состояніемъ двора, арміи, сената, но не забываетъ и народа.» Таковъ идеалъ, начертанный рукою мастера: кто усомнится въ

Digitized by Google

возможности примѣненія этого идеала къ дѣлу, тому стоитъ только прочесть «Исторію Англіи съ вступленія на престолъ Якова II, соч. Т. Б. Макколея.» Итакъ требованія художественности состоятъ въ полнотѣ картины и въ равномѣрномъ распредѣленіи по ней свѣта и тѣни. Картинность, по мнѣнію многихъ, состоитъ въ употребленіи лѣтописныхъ выраженій, которыми думаютъ придать изложенію колоритъ эпохи, но одними архаизмами нельзя сдѣлаться художникомъ; для этой цѣли надо прежде всего проникнуть въ духъ и направленіи эпохи, обладать творческимъ талантомъ какого-нибудь Вальтеръ Скотта, а то не мудрено впасть въ ошибку сочинителей русскихъ историческихъ романовъ, считавшихъ достаточнымъ помѣстить списки старыхъ оружій, одеждъ, кушаній и т. п. Есть еще другое заблужденіе, вредное для художественнаго значенія исторіи: многіе полагаютъ, что слѣдуетъ строго и точно отдѣлить внутреннюю исторію отъ внѣшней. Конечно, самое подробное изложеніе фактовъ внутренней жизни значительная заслуга передъ лицемъ науки: но этимъ еще не все сдѣлано: та и другая сторона жизни должны быть тѣсно слиты, только тогда понятно будетъ ихъ взаимнодѣйствіе. Конечно есть явленія, общія цѣлой эпохи, которыя слѣдуетъ поставить во главѣ изложенія, но такимъ явленіямъ необходимо придать общій характеръ, сдѣлать ихъ такъ сказать фономъ, по которому вышивается историческій узоръ; но можно ли дробить одно и тоже событіе на двѣ части: упомянуть о самомъ событіи (напр. посольствѣ) въ главѣ, посвященной внѣшней исторіи, а объ его обстановкѣ (напр. пріемъ посланника) въ главѣ, посвященной быту. Можетъ ли читатель при такой раздробленности съ интересомъ слѣдить за вашимъ изложеніемъ. Конечно, явленія общія: памятники законодательства, литературныя произведенія, обычаи частной жизни, то, что вообще можно назвать фономъ, должны быть излагаемы отдѣльно. Но и въ такомъ изложеніи чрезвычайно важно умѣть группировать, выбирать и соединять между собою факты; а главное представлять читателю сущность предмета: для него любопытенъ не перечень главъ законодательнаго памятника, и не языкъ литературнаго произведенія, а духъ времени, выразившійся въ извѣстныхъ произведеніяхъ. Съ нимъ-то и знакомьте вашихъ читателей; а то главы, посвященныя внутреннему быту у многихъ историковъ, невольно напоминаютъ каталоги библіотекъ и описанія музеевъ: книга или вещь поставлены подъ N°, обозначены извѣстнымъ ярлыкомъ, а что въ книгѣ, къ чему служила вещь, добирайтесь сами. Оканчивая наши бѣглыя замѣчанія о художественномъ изложеніи, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ выборѣ фактовъ: исторія не лѣтопись, историкъ не можетъ передать всѣхъ мелкихъ событій, онъ долженъ останавливаться только на самыхъ характеристичныхъ. Юліанъ Шмитъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ: «Читатель до нѣкоторой степени восполняетъ недостатокъ искусства въ историкѣ, пропуская то, что ему надоѣдаетъ; но очевидно, что самъ историкъ, которому пред-

Digitized by Google

метъ знакомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ состояніи сдѣлать лучшій выборъ.»

За общими разсужденіями о современныхъ требованіяхъ отъ исторіи какъ науки слѣдуютъ характеристики нашихъ историковъ и ихъ трудовъ. Положимъ, что много уже сдѣлано по этой части — но тѣмъ не менѣе нельзя не быть благодарнымъ неизвѣстному автору статьи за его превосходныя оцѣнки Татищева, Щербатова и даже Карамзина. Оцѣнка послѣдняго равно чужда какъ безусловнаго поклоненія, такъ и теоретической дерзости въ приговорахъ. Прослѣдивши взглядъ Карамзина на развитіе самодержавія, неизвѣстный авторъ замѣчаетъ:

«Пораженный внѣшнимъ блескомъ правленія Іоаннова, освобожденіемъ Россіи отъ ига, сношеніями съ иностранцами, заведеніемъ двора и т. п. Карамзинъ слишкомъ превознесъ Іоанна III и даже поставилъ его выше Петра В. Это неумѣренное восхваленіе встрѣтило противодѣйствіе въ г. Соловьевѣ, который, какъ увидимъ ниже, въ свою очередь сильно перегнулъ дугу въ другую сторону, ибо желая выставить рельефнѣе родовыя стремленія московскихъ князей, онъ стеръ всѣ личныя черты характера Іоанна III. Извѣстно также изображеніе характера Іоанна IV, который въ «Исторіи Государства Россійскаго» какъ-то двоится. Причина въ томъ, что Карамзинъ въ IX т. слишкомъ увлекся сказаніями Курбскаго, Таубе и Крузе и т. д. о послѣднихъ годахъ царствованія Іоанна; а въ VIII-мъ слишкомъ прельщенъ блескомъ завоеванія Казани. Потому онъ не взглянулъ на характеръ во всей его цѣлости, а слишкомъ легкомысленно объяснилъ первую половину царствованія хорошимъ, а вторую дурнымъ вліяніемъ. Впрочемъ и винить Карамзина нечего: внутренняя исторія тогда еще слишкомъ мало была разработана, да и вопросы, которыми она занимается, не возбуждали еще ничьего вниманія; потому не мудрено, что не понимая среды, въ которой дѣйствовалъ Іоаннъ, онъ видѣлъ въ немъ только кровожаднаго тирана. Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи, по Карамзину, потому 1) что послѣдніе томы его исторіи болѣе извѣстны, 2) что съ Іоанна III онъ болѣе занимается, собственно разсказомъ, ибо цѣль достигнута: московское государство сложилось.»

Взгляду этому мы не только сочувствуемъ, но, по крайнему разумѣнію, считаемъ его единственно справедливымъ. «Карамзинъ, говоритъ авторъ въ заключенія своего взгляда на исторію Карамзина, «обозначилъ тѣ рамки, которыя наполняли послѣдующіе историки....»

«Въ частностяхъ историкъ нашего времени во многомъ несогласенъ со своимъ великимъ предшественникомъ, но въ общемъ ихъ взглядъ одинъ и тотъ же: торжество московской центра-

Digitized by Google

лизаціи — цѣль и вѣнецъ нашей древней исторіи, а стало быть исходная точка новой. Объ этомъ вопросѣ мы подробнѣе поговоримъ далѣе; здѣсь же считали нужнымъ остановиться на немъ, чтобы уяснить читателю причину длинныхъ выписокъ, которыя мы дѣлали изъ «Исторіи Государства Россійскаго».

«Въ послѣднее время не разъ случалось намъ слышать мнѣніе, что Карамзинъ чисто-литераторъ, то-есть въ переводѣ риторъ. Дѣйствительно Карамзинъ часто увлекается литературными пріемами своего времени, но изъ-за этого нельзя забывать тѣхъ необъятныхъ трудовъ, которымъ онъ посвятилъ себя въ теченіи 23 лѣтъ, не надо забывать того, что не смотря на устарѣлые пріемы, не смотря на то, что наука послѣ него далеко ушла впередъ, мы обязаны признать въ немъ великаго художника и не можемъ забыть того, что онъ первый познакомилъ съ русскою исторіею большинство людей читающихъ, былъ «Колумбомъ древней Россіи», по счастливому выраженію Пушкина.

«До какой степени Карамзинъ стоялъ выше своихъ современниковъ, видно изъ того, что долго на исторію его писали только мелочныя отрывочныя замѣчанія. Только въ 1829 году раздалось почтительное, но твердое слово Полеваго, сказавшаго, что Карамзинъ историкъ въ смыслѣ XVIII в. и что онъ не удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ, внесеннымъ трудами историковъ начала XIX в. Всѣ помнятъ какимъ крикомъ, намеками, эпиграммами, бранью встрѣчена была эта умная и смѣлая статья. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».»

Но все это болѣе или менѣе извѣстно, болѣе или менѣе, хотя не съ такой ясностью и сжатостью высказано, — болѣе или менѣе признано.

Дѣло доходитъ до исторіи Полеваго, этаго «камня претыканія и соблазна» для многихъ даже въ нашу эпоху. Въ оцѣнкѣ труда Полеваго — авторъ выказываетъ далеко не дюжинную самостоятельность мнѣнія, и самая оцѣнка есть уже заслуга. Полная и всесторонняя справедливость воздана наконецъ всему, что было новаго и существенно важнаго въ исторіи Полеваго — воздана въ первый разъ, смѣло и честно.... Мы не можемъ выписывать мѣстъ особенно важныхъ — ибо это значило бы перепечатать всю оцѣнку исторіи Полеваго. Покончивши дѣло съ нею, авторъ говоритъ скромно: «нашъ разборъ конечно коснулся только общаго характера и значенія книги Полеваго. Мы будемъ очень счастливы, если онъ обратитъ вниманіе людей, занимающихся русской исторіей на это несправедливо забытое сочиненіе и вызоветъ болѣе полное и основательное изученіе его. При настоящей усиленной работѣ на этомъ поприщѣ, надо знать, что думали и сдѣлали наши предшественники, чтобы воспользоваться, гдѣ нужно, ихъ трудами и избѣжать, гдѣ возможно, ихъ ошибокъ»....

Digitized by Google

Тоже самое достоинство тона и безпристрастіе является въ оцѣнкѣ дѣятельности скептиковъ. За тѣмъ авторъ переходитъ къ дѣятельности антагониста Полевого, врага и побѣдителя скептиковъ — М. П. Погодина.

«Врагомъ скептиковъ явился г. Погодинъ. Этотъ ученый принадлежитъ къ числу нашихъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ изслѣдователей: *математическій методъ* его послѣднихъ годовъ, на который особенно упираются критики сочиненій г. Погодина, не долженъ заслонять отъ насъ услугъ, оказанныхъ имъ русской исторіи. Конечно, въ увлеченіяхъ полемики нельзя не сказать подъ часъ жесткаго слова, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что часто за увлеченіемъ мы не видимъ дѣйствительнаго значенія факта. Замѣтимъ, что есть критики, которые умѣряютъ свои увлеченія: статья объ «Изслѣдованіяхъ» г. Погодина въ Отеч. Зап. 1848 г. служитъ въ этомъ отношеніи образцомъ. Обратимся къ г. Погодину. Вызванный на бой скептиками, г. Погодинъ вышелъ во всеоружіи и успѣлъ разбить слабое въ фактическомъ отношеніи зданіе скептиковъ: онъ доказалъ подлинность Несторовой лѣтописи и т. п., подвергъ всѣ источники перваго періода тщательному и подробному изслѣдованію. Хотя конечно онъ придалъ слишкомъ большое значеніе норманскому элементу, но тѣмъ не менѣе изслѣдованія его послужили прочнымъ фундаментомъ будущему изложенію событій этого періода, и историкъ не можетъ теперь уже миновать мнѣнія г. Погодина, не опровергнувъ ихъ, если онъ не согласенъ съ ними. Но изъ полемической борьбы г. Погодинъ вышелъ не вполнѣ тѣмъ, какимъ онъ вступилъ въ нее: ратуя противъ преждевременныхъ выводовъ, противъ философскаго построенія исторіи, онъ вынесъ довѣріе только къ факту и нерасположеніе ко всякому разумному объясненію всего хода народнаго развитія; мало того, онъ еще крѣпче привязался къ старому воззрѣнію о могуществѣ государства въ первый періодъ и потому результаты изслѣдованій г. Погодина должны имѣть только частное значеніе. Послѣднимъ фазисомъ его развитія былъ математическій методъ; ясно, что идя этимъ путемъ, онъ не могъ дойти ни до чего другаго. Но мы не даромъ сказали, что г. Погодинъ при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы пойти другимъ путемъ: кто не помнитъ, что онъ въ своемъ разсужденіи о старшинствѣ между князьями былъ близокъ къ истинному рѣшенію вопроса. Тоже должно сказать и объ изслѣдованіяхъ о мѣстничествѣ; даже во многихъ мелкихъ статьяхъ его разсыпано столько умныхъ и дѣльныхъ замѣтокъ. Такъ напр. мы не можемъ не припомнить здѣсь статьи о такъ называвшейся Беровой лѣтописи, помѣщенной въ Телескопѣ 1832 года, гдѣ находимъ между прочимъ замѣчаніе о томъ, что бояре не терпѣли въ Борисѣ бывшаго боярина. Такихъ свѣтлыхъ, хотя и отрывочныхъ, мыслей не мало въ сочиненіяхъ г. Погодина. Вообще, какъ въ исложеніи г. Погодина, такъ и въ самомъ характерѣ его ученыхъ трудовъ замѣчаемъ что-то афористическое,

Digitized by Google

недодѣланное, хотя часто умное и оригинальное. Замѣтимъ еще, что даже послѣдніе труды г. Погодина не лишены относительной важности: такъ напр. статья о древней русской географіи (хотя многія замѣчанія въ нихъ принадлежатъ Неволину и Надеждину), перечни годовъ военныхъ и мирныхъ, краткія біографіи князей, замѣчанія о лѣтописяхъ — все это далеко не лишено интереса для справокъ и соображеній.»

Не смотря на все видимое безпристрастіе взгляда — здѣсь нельзя не замѣтить измѣненія тона и скрытой, но тѣмъ не менѣе существующей враждебности ученаго отношенія, выражающейся 1) и въ оправдательномъ пріемѣ указанія заслугъ М. П. Погодина и 2) въ умолчаніи о многомъ, имъ сдѣланномъ по отношенію къ Русской исторіи.

Какъ будто нарочно, начиная съ выше приведеннаго мѣста, статья о современномъ состояніи русской исторіи, какъ науки, теряетъ свое безусловное, объективное значеніе. Нужды нѣтъ, что она высказываетъ самостоятельное, неподчиненное мнѣніе объ исторіи г. Соловьева, нужды нѣтъ что она хранитъ такую же неподчиненность въ отношеніи къ воззрѣніямъ г. Кавелина, доселѣ высказавшимся и проч. — въ ней уже преобладаетъ условный тонъ, тонъ кружка. Въ ней уже являются такія умолчанія, которыя ничѣмъ, кромѣ антипатій кружка не объясняются.

Ясно до очевидности, что подобныя статьи, какъ бы умно ни были написаны, предлагаются не вообще для читающей массы, а для массы, подчиненной воззрѣніямъ одного ученаго кружка, раздѣляющей его, кружковыя, а не общія, симпатіи и антипатіи. Что достигающая этого часть массы весьма не велика — доказывается паденіемъ Атенея и паденіемъ Московскаго Обозрѣнія, предпріятій равно добросовѣстно начатыхъ, равно добросовѣстно выполнявшихся, равно богатыхъ нравственными и учеными силами — и равно *мрачныхъ*, т. е. темныхъ, непонятныхъ для публики.

Что подумала таже масса о статьѣ во второмъ томѣ Московскаго Обозрѣнія, называющейся: Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина, разбирающей стихотворенія Языкова съ какими-то непонятными и неестественными злобой и ожесточеніемъ. Вѣдь все, что можно было сказать о дѣйствительной скудости содержанія поэзіи Языкова, давно было сказано Бѣлинскимъ. Новаго читатели ничего въ статьѣ не встрѣтили, кромѣ ожесточенія и злобы, да недобросовѣстныхъ выписокъ изъ стихотвореній, съ умолчаніемъ о лучшихъ, да замѣчаній на счетъ языка, показывающихъ незнаніе языка — по поводу стихотворенія «Землетрясеніе.»

Digitized by Google

Что подумала опять таже масса о краткихъ замѣткахъ Библіографическаго Указателя въ родѣ слѣдующей, объ изданіи сочиненій Островскаго.

«Великолѣпное, роскошное изданіе, дѣлающее честь издателю. Въ первомъ томѣ помѣщены, кромѣ главнаго произведенія автора, которое даровало и упрочило ему его извѣстность (т. е. «Свои люди — сочтемся!»), еще и слѣдующія пьесы: «Семейная картина», «Утро молодаго человѣка», «Бѣдная невѣста» и «Не въ свои сани не садись». Два послѣднія произведенія доказываютъ собою, что и г. Островскому, равно какъ и г. Писемскому, не слѣдуетъ гоняться за идеей въ своихъ произведеніяхъ; она убиваетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, ослабляетъ ихъ художественность. Въ *Бѣдной невѣстѣ*, напримѣръ, читателя и зрителя поражаетъ дикое желаніе героини исправить отчаяннаго взяточника и пьяницу — будущаго мужа своего; въ *Саняхъ* образованный людъ сопоставляется съ необразованнымъ, и послѣднему какъ бы отдается преимущество. Отъ такого безобразія идеи рождается — мѣстами — и безобразіе внѣшней, художественной стороны этихъ комедій. Во второмъ томѣ находимъ: комедію «Бѣдность не порокъ», гдѣ никакъ ужъ недопищешься идеи, — *псевдо-народную драму* «Не такъ живи какъ хочется», безобразнѣйшее изъ всѣхъ произведеній г. Островскаго, — комедію «Въ чужомъ пиру похмѣлье», гдѣ видна попытка автора выйти на другую, болѣе современую дорогу, — и, въ заключеніе, два слегка набросанныхъ сценическихъ очерка, «Праздничный сонъ — до обѣда» и «Не сошлись характерами». Жаль, что въ это собраніе не вошло лучшее изъ произведеній г. Островскаго въ послѣднее время — «Воспитанница», комедія, помѣщенная въ 1 N°. «Библіотеки для чтенія» за нынѣшній годъ.»

Вѣдь это таже *мрачная* статья г. Н. Некрасова (не поэта нашего Н. А. Некрасова, а г. Некрасова московскаго) послѣдней книжки Атенея, встрѣченная такимъ общимъ и единодушнымъ со стороны *всѣхъ* направленій смѣхомъ — только въ сжатомъ видѣ.

Или вотъ еще столь же *многозначительно-краткій* отзывъ о книгѣ Мишле L'amour, въ которой кромѣ странностей есть кажется и много такого, что стоитъ по суду всѣхъ просвѣщенныхъ людей серьознаго разбора:

«Странная, очень странная книга, прямо напоминающая собою изрѣченіе безсмертнаго Крылова: «Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ!» Любовь — безспорно вещь отличная: ей посвящались, посвящаются и будутъ посвящаться цѣлые трактаты. Но и любовь можно опошлить и втоптать въ грязь — если только неумѣючи за нее взяться. И боги да охранятъ васъ, читатель, отъ любви по рецепту извѣст-

Digitized by Google

наго и даровитаго историка французскаго, Мишле! — читайте его исторію, наслаждайтесь его иногда парадоксальными, и всегда смѣлыми, самобытными, оригинальными выводами: но отъ его Амура, отъ *Любви* его да отвратятъ васъ благіе боги! Во первыхъ, любовь по г-ну Мишле, ограничена и бѣдна содержаніемъ: это чистая чувственность, лишенная всякого освѣжающаго, духовнаго начала и — въ тоже время — требующая полнаго самопожертвованія со стороны мужа, который долженъ бросить всѣ свои дѣла, и заботы, и мысли, и стремленія, и порывы — иногда для того только, чтобъ держаться за руку жены своей, во время одного изъ ея періодическихъ болѣзненныхъ припадковъ, что бываетъ, впрочемъ, каждый мѣсяцъ по три съ половиною *недѣли*! Во вторыхъ, не смотря на все это самопожертвованіе, любовь г. Мишле есть любовь самая деспотическая: жена никуда не выѣзжаетъ безъ мужа, жена сама ничего не читаетъ (все, что нужно — сообщитъ ей мужъ), женѣ не съ кѣмъ даже слова перемолвить (въ отсутствіи мужа единственной прислужницѣ дома — больше одной не должно быть — не допускается входить во внутренныя комнаты), женѣ не нужно ни развитіе, ни развлеченіе, не нуженъ ни духовникъ, ни даже докторъ — все это замѣняетъ ей мужъ, опутывающій ее тонкою сѣтью шпіонства, іезуитизма, коварной казуистики и приторными, безконечными нѣжностями; въ лицѣ мужа сосредоточивается для жены вся природа — toute la nature! Въ третьихъ.... но говорить ли, читатель, *что* въ третьихъ?.... въ третьихъ.... это ужасно!.... въ третьихъ, любовь г. Мишле пахнетъ — Домостроемъ и.... березовымъ вѣникомъ, этимъ стимуломъ въ русскихъ баняхъ и неизбѣжнымъ иногда, по г-ну Мишле, средствомъ уврачеванія совратившейся, или только еще совращающейся съ пути — жены вашей!.... Въ книгѣ, сверхъ того, очень много нескромныхъ картинъ, слишкомъ смѣлыхъ описаній и сильно возбуждающихъ страницъ. Право, не вѣрится даже, что это писалъ серіозный мыслитель, авторъ *Французской Исторіи*....»

Мудрено ли, опять повторяемъ, что публика не оказала сочувствія къ изданію, отличающемуся и въ руководящихъ статьяхъ и въ бѣглыхъ замѣткахъ такимъ и доктринальнымъ и доктринерскимъ тономъ, что множество прекраснѣйшихъ статей спеціальныхъ пропало въ общемъ ученомъ мракѣ изданія, что столько дѣйствительныхъ и добросовѣстно работавшихъ силъ не устранило отъ изданія неминуемой гибели. Эта гибель ждетъ въ наше время все, что стремится обособиться не во имя направленія, ясно и твердо сознаннаго какъ одно изъ общественныхъ, а во имя кружковаго іерейства. Паденіе Атенея и Московскаго Обозрѣнія — прочное и блестящее существованіе Русскаго Вѣстника, — уроки весьма назидательные въ наше время.

Digitized by Google

Весна. Литературный Сборникъ на 1859 годъ. С.-П.-бургъ. 1859. 347 стран. in 8°.

Вотъ этотъ сборникъ представляетъ собою совершенно другаго рода явленіе, нежели разобранное нами «Московское Обозрѣніе».. Происхожденіе этого изданія не имѣетъ источниковъ ни въ особомъ ученіи какого либо кружка, или — тѣмъ болѣе еще въ какомъ либо особомъ въ жизни существующемъ направленіи. Происхожденіе тутъ — чисто случайное. Сами издатели не сознаютъ за собою никакого особаго направленія. «Въ литературѣ,— говорятъ они въ «Предисловіи»— существуетъ обычай, по которому всякое собирательное изданіе, выходя изъ печати, спѣшитъ прежде всего стать подъ знамя какой нибудь партіи и сдѣлаться представителемъ какого нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія. Обычай этотъ проистекаетъ изъ очень обыкновеннаго желанія, отличить себя отъ другихъ, не только однимъ содержаніемъ, характеръ котораго бываетъ не вдругъ доступенъ на взглядъ, а вмѣстѣ и явною, для всѣхъ удобопонятною истиною, съ духомъ предвозвѣщаемаго ей содержанія совершенно согласною. Въ какой мѣрѣ и какъ часто это желаніе достигаетъ до своей цѣли, безъ помощи громкихъ фразъ,—это до насъ не касается, *потому что мы его не имѣемъ. Весна* является подъ общимъ знаменемъ русской литературы, и цвѣтъ этого знамени довольно ясно опредѣленъ, чтобы избавить нашъ Сборникъ отъ скучной формальности: выставлять надъ собою особую вывѣску.» Все это прекрасно — но

бываютъ времена
Совсѣмъ особеннаго свойства,

къ каковымъ принадлежитъ въ особенности наше время—времена, когда всякое явленіе, для того, чтобы имѣть права гражданства, должно носить какой либо цвѣтъ, или по крайней мѣрѣ какой либо отливъ цвѣта; безъ чего явленіе занимаетъ только лишнее мѣсто. Эклектизмъ совершенно невозможенъ въ эпохи, въ которыя вопросы ставятся рѣзко жизнію, да и вообще эклектизмъ являлся всегда только въ тѣ эпохи, когда жизнь истощилась въ своихъ силахъ. А главное,—что это и не искренне, со стороны предисловія къ изданію... Сборникъ, по крайней мѣрѣ, въ критическихъ статьяхъ своихъ, имѣетъ свои положенія: другой вопросъ — каковы эти положенія, но они есть.

Весна заключаетъ въ себѣ статьи беллетристическаго содержанія; повѣсти и стихотворенія, одну статью содержанія научнаго, и три статьи содержанія критическаго. Стихи, принадлежа-

Digitized by Google

щіе г. Вл. Ахшарумову, гладки и звучны, но въ нихъ положительно нѣтъ ничего такого, что въ наше время, нѣсколько разочарованное, въ этомъ отношеніи, оправдываетъ появленіе стаховъ въ печати, т. е. ни присутствія особеннаго, тяжелаго запаса данныхъ жизнію мыслей о жизни, ни особеннаго отлива въ ощущеніяхъ необходимаго для того, чтобы ощущенія или заинтересовали своей оригинальностью или отдались въ душѣ читателя какъ объективное, яркое выраженіе прочувствованнаго имъ самимъ и многими. Вотъ напримѣръ:

Въ утро ясное лѣтняго дня,
Въ лѣсъ вхожу я, гдѣ сосны шумятъ,
Ихъ смолистый, живой ароматъ
Обдаетъ и свѣжаетъ меня;
По землѣ тамъ, въ жилища свои,
Тянутъ соръ и песокъ муравьи,
Но межъ ихъ городовъ, безъ хлопотъ,
Я на землю ложусь, подъ сосной.
Птица звонкія пѣсни поетъ,
Векша прыгаетъ тамъ надо мной.
Славно тамъ! Но какъ выпадетъ снѣгъ,
Стану вновь я лечиться, больной;
Стану въ городѣ дымномъ скучать,
И, зарывшись въ снѣга какъ медвѣдь,
На грядущее мрачно глядѣть,
И *прошедшаго лапу* сосать.

Вѣдь нельзя сказать, чтобы это стихотвореніе было плохо — нѣтъ, въ немъ все обстоитъ благополучно, кромѣ искусственно-оригинальной «лапы прошедшаго» — но рука не подымется написать, что это хорошо. Это — такъ себѣ. И таковы всѣ стихотворенія г. В. Ахшрумова, кромѣ переводовъ литовскихъ пѣсенъ. Эти послѣднія — т. е. пѣсни, какъ пѣсня всякаго народа свѣжи и прекрасны.... но въ переводѣ ихъ нѣтъ нисколько *народнаго* тона, разумѣя подъ таковымъ не нашъ особенный народный тонъ, а вообще народный, хорошо слышный часто въ превосходныхъ переводахъ Берга. Бремъ опять на удачу:

Лошадку *имѣлъ я;*
Мала, но красива,
Меня молодаго
Въ нарядахъ носила;
Шла на гору рысью,
Подъ-гдру *) галопомъ:
Ручей перескочитъ
И моремъ плыветъ.

*) По-русски говорится «пòдъ гору».

Digitized by Google

Дѣвицу я встрѣтилъ,
Работать *не знала*,
Ни тонку*ю* пряжу,
Ни плотн*ую* ткань *).
Мой бичъ ловко срѣзанъ,
И крѣпко шлёпъ былъ:
Онъ выучилъ *пряжѣ*,
Онъ выучилъ ткать.

Это мертвая книжная — да и книжная-то не совсѣмъ свободная рѣчь, а не рѣчь народная. Кромѣ стихотвореній — въ беллетристическомъ отдѣлѣ *Весны*, двѣ повѣсти, одна «Петербургскія ночи» принадлежитъ г. Ю. Жуковскому — другая «Свадьба» г. Юрьеву. Обѣ онѣ, явнымъ образомъ, не плодъ таланта, а

плѣнной мысли раздраженье,

хотя г. Ю. Жуковскій — видимо умный и глубокочувствующій человѣкъ. Онъ имѣлъ только несчастіе быть подъ вліяніемъ Бальзака и общественныя язвы парижской жизни считать за наши — и на этомъ основаніи относиться къ случайному съ такого рода паѳосомъ, который нуженъ даже не на все необходимое. Авторъ «Свадьбы» — поетъ пѣсню изъ крестьянскаго быта на извѣстный всѣмъ ладъ.

Что касается до критическихъ статей г. Н. Ахшарумова — то мы не намѣрены говорить много ни о теоріи ихъ автора, хлопочущаго объ освобожденіи искусства отъ порабощенія его жизни — ибо нѣсколько разъ уже высказывали нашъ взглядъ на эти мечты объ искусствѣ отрѣшенномъ отъ жизни, — ни замѣчать его странныхъ промаховъ, замѣченныхъ уже другимъ, преимущественно остроумнымъ рецензентомъ Современника.

Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола А. Щапова. Казань. 1859. in-8°, 547 стр.

Читатели наши вѣроятно упрекали насъ за молчаніе о явленіи столь достопримѣчательномъ и въ короткое время получившемъ такую блистательную извѣстность, какъ книга г. Щапова. Даже и въ настоящемъ случаѣ, они не должны ожидать отъ насъ настоящей библіографической статьи объ этомъ сочиненіи, во первыхъ потому, что намъ обѣщана знатоками дѣла большая

*) Работать — особенно въ народной рѣчи, въ соединеніи съ «умомъ» (а не знать), требуетъ *чего*, а не *что*.

Digitized by Google

критическая статья по этому предмету, а во вторыхъ потому, что библіографическую статью, голословно излагающую одно только содержаніе ученаго труда — если этотъ трудъ, какъ трудъ г. Щапова, раскрываетъ въ предметѣ совершенно новыя стороны — мы считаемъ безполезною формальностью.

А именно новыя, доселѣ никѣмъ не высказанныя стороны предмета раскрылъ г. Щаповъ и раскрылъ съ умомъ и талантомъ, которые въ соединеніи съ обширною ученостью придали его труду значеніе, гораздо высшее, чѣмъ значеніе предшествовавшихъ трудовъ по этой части. Какъ ученый съ умомъ и талантомъ, онъ взялъ живую струю дѣла, струю, которую смутно чувствовали многіе, если не всѣ именно, и которой отсутствіе въ другихъ сочиненіяхъ по этой части было причиною нѣкотораго — если можно такъ выразиться — недовѣрія къ нимъ.

Г. Щаповъ первый высказалъ и фактически доказалъ своей книгой слѣдующія положенія о расколѣ — положенія, которыя доселѣ только подозрѣвались:

1) Расколъ есть явленіе столько же, если неболѣе, политическое явленіе, какъ и церковное.

2) Въ немъ сохранился, такъ сказать окаменѣлый отсадокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра, своеобразная историческая жизнь массы народа.

3) Церковно-гражданскій демократизмъ раскола есть протестъ прежнихъ реформъ и ея административныхъ послѣдствій; плодъ 1) съ одной стороны недовольства низшихъ классовъ народа и раздраженнаго состоянія духа народнаго, съ другой 2) административныхъ недостатковъ въ государствѣ и церкви въ эпоху появленія расколовъ.

4) Темныя нравственныя стороны раскольническихъ ученій, плодъ и выраженіе крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствіе народнаго просвѣщенія и воспитанія.

Читая книгу г. Щапова, читатель знакомится съ міромъ, доселѣ ему невѣдомымъ — видитъ *въ-очью* такія пружины, о коихъ онъ не имѣлъ понятія; книга г. Щапова требуетъ большой и ученой критической оцѣнки съ точки зрѣнія различныхъ направленій нашихъ. Въ ожиданіи одной изъ таковыхъ, мы ограничиваемся краткимъ указаніемъ особенныхъ и отличительныхъ свойствъ замѣчательнаго труда.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Заграничныя письма.

I. Отъ Одессы до Базіаша.

Базіашъ. 11 (23) мая 1859 г.

Первое дѣло, которое представляется каждому, кто осужденъ на нѣсколько продолжительное плаваніе на пароходѣ, заключается въ болѣе или менѣе недовѣрчивой оцѣнкѣ пассажировъ, съ которыми приходится ѣхать. Весьма естественно, потому что отъ нихъ зависитъ количество скуки или удовольствія, которое ожидаетъ васъ на пароходѣ. Результаты выведенные мною изъ перваго взгляда на моихъ nolens volens товарищей, когда всѣ церемоніи съ таможенными чиновниками и начальствомъ порта были окончены, сцены нѣжнаго прощанія прекратились и «Меттернихъ» осторожно сталъ выпутываться изъ клубка судовъ, якорей, лодокъ и проч., составляющаго неотъемлимую принадлежность тѣсной одесской гавани — эти результаты, говорю я, оказались весьма утѣшительны. На задней части палубы, когда собрались всѣ, чтобы посмотрѣть на Одессу съ моря, народу оказалось весьма не много. Слѣдовательно нечего было опасаться тѣсноты въ каютахъ и той несносной необходимости, что въ полъ-аршинѣ надъ вашимъ носомъ устроивается спальня совершенно чужаго вамъ человѣка. Число пассажировъ перваго класса на «Меттернихѣ» было таково, что во второмъ этажѣ каютныхъ коекъ не оказалось надобности, и даже въ первомъ этажѣ большая часть ихъ осталась не занятою. Количество, какъ видно, удовлетворительное; что же касается качества, то о немъ судить было еще рано. Общество, по видимому, составилось довольно разнообразное. Старый, украшенный сѣдинами и Владиміромъ на шеѣ ге-

Digitized by Google

нералъ, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, его жена и двое дѣтей съ ихъ педагогическою принадлежностью, еще генералъ, только молодой и безъ усовъ,—слѣдовательно штатскій,—безрукій нѣмецъ неизвѣстнаго званія, молодой еврей, только что окончившій, какъ оказалось въ послѣдствіи, курсъ на медицинскомъ факультетѣ и отправлявшійся въ Парижъ для совершенствованія, старая, очевидно не богатая, но разбогатѣвшая жидовка, съ молодою довольно хорошенькою дочерью, которая выбивалась изъ силъ, чтобы казаться порядочною, и моя особа; вотъ и вся каютъ-компанія.

Между тѣмъ солнце склонилось къ горизонту и превратило въ массу расплавленнаго золота поверхность хаджи-бейскаго лимана. Еще двѣ минуты—и эта масса остыла и превратилась въ серебряное зеркало. Извѣстно, что въ степяхъ Южной Россіи процессъ восхожденія и захожденія солнца совершается хотя съ невыразимымъ великолѣпіемъ, но весьма быстро. Это игра чуднаго калейдоскопа въ громадныхъ размѣрахъ съ безпрестанною перемѣною въ декораціяхъ. Тутъ нѣтъ той безконечной зари, тѣхъ медленныхъ переливовъ, которые въ лѣтніе вечера наводятъ скуку на посѣтителей западной оконечности елагинскаго парка — по-крайней-мѣрѣ наводили бы, еслибъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ не было другихъ предметовъ для развлеченія.

Начинало темнѣть. Въ салонѣ парохода засвѣтились свѣчи, застучали чашки, дѣлались проготовленія къ вечернему чаю. На палубѣ не оставалось никого, кромѣ молодого еврея, да меня грѣшнаго. Я никакъ не могъ оторваться отъ раскинутой предо мною картины — гладкаго какъ зеркало моря и чистаго небосклона, на восточной сторонѣ котораго уже зажигалось зарево восходящаго мѣсяца. Впрочемъ я напрасно говорю тутъ о картинѣ. Ея, если угодно, не было. Глазъ съ трудомъ отличалъ уже контуры утопающихъ во мракѣ береговъ; о существованіи ихъ напоминали еще огоньки въ хуторахъ, которые тянутся верстъ на 12 къ югу отъ Одессы, и тихій свѣтъ маяка, блиставшій неподвижно какъ звѣзда далеко отъ насъ направо. Органъ зрѣнія, собственно говоря, находилъ мало пищи во всемъ, что окружало корабль. Но тѣмъ не менѣе, состояніе, въ которое погружается человѣкъ въ подобныя минуты, болѣе всего подходитъ къ зрѣнію и созерцанію; только видитъ онъ не одними глазами, а всѣмъ — слухомъ, осязаніемъ, чѣмъ хотите. Это какъ будто своего рода ясновидѣнье. Отдѣльныхъ предметовъ не различаешь болѣе; контуры ихъ сливаются и теряютъ свою опредѣленность.

Digitized by Google

Но за то мнится, что видишь ихъ и, право, воображеніе богаче надѣляетъ насъ въ такія минуты впечатлѣніями, чѣмъ самая дѣйствительность. Чего не передумаешь и не перечувствуешь въ такое время полусвѣта и полумрака, когда и самое близкое кажется завѣтною далью и сердце рвется вонъ съ двойною силою, чтобы перенестись въ нее. И больно, и грустно, и тяжко, и опять невыразимо легко и сладостно при этой бѣготнѣ мыслей и представленій, когда дѣйствительность не фиксируетъ ихъ, а только безпрестанно вызываетъ!

Понятная вещь, что подобная настроенность мало располагаетъ къ общительности. Я рѣшительно не былъ способенъ принять участіе въ разговорѣ, который шумѣлъ въ салонѣ, когда наконецъ оставилъ палубу и принялся за чай. Притомъ я порядкомъ усталъ отъ возни, которая неизбѣжно, хотя въ значительной мѣрѣ совершенно безполезно, предшествуетъ всякому отправленію въ долгій путь; выпивши чашку скверно приготовленнаго настоя изъ черешневыхъ листьевъ, который на австрійскихъ пароходахъ именуется чаемъ, я поэтому отправился внизъ и улегся въ своей койкѣ. Я сдѣлалъ это съ твердымъ намѣреніемъ проснуться никакъ не позже часа пополуночи, чтобы быть свидѣтелемъ нашего вступленія въ Дунай. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Когда я проснулся, лучи солнца уже проникали въ маленькое окошечко каюты и, вышедши на палубу, я увидѣлъ по сторонамъ парохода уже не свободный горизонтъ открытаго моря, а зеленую равнину камышей, которую вдали опоясывали синіе холмы Молдавіи и Добрудши; подъ колесами «Меттернихъ» пѣнилась уже не чистая влага благодатнаго Понта, а желтая мутная вода Сулинскаго гирла.

Признаюсь, мнѣ было очень досадно на мой крѣпкій сонъ, потому что я прозѣвалъ весьма интересное зрѣлище — такъ называемое кладбище кораблей. Это — мѣсто въ устьѣ Дуная, гдѣ ежегодно гибнетъ множество судовъ, которыя не съумѣли удержаться въ безпрестанно мѣняющемся фарватерѣ и завязли въ пескѣ и илѣ, наносимыхъ рѣкою. Извѣстно, что въ началѣ восточной войны всѣ газеты и журналы Европы обвиняли наше правительство въ томъ, что оно нарочно не принимало мѣръ для регуляризаціи ея теченія, чтобы обезпечить черноморскую хлѣбную торговлю отъ конкуренціи придунайскихъ земель; теперь, когда присмотръ Россіи за Дунаемъ смѣнился покровительствомъ всѣхъ великихъ и нѣсколькихъ малыхъ державъ Европы, обмеленіе его устьевъ идетъ въ такой ужасающей прогрессіи, что

Digitized by Google

въ очень непродолжительное время Сулинское гирло засорится также какъ засорены Килійское и св. Георгія. Судоходство по Дунаю отъ этого впрочемъ едва ли пострадаетъ, потому что устроиваемая желѣзная дорога изъ Гирсовы въ Кюстенджи послужитъ еще лучшимъ посредникомъ между нимъ и моремъ, чѣмъ нынѣшнее естественное сообщеніе. Перегрузки товаровъ, необходимой въ такомъ случаѣ, корабли не избѣгаютъ и теперь, потому что только весьма рѣдко удается выйдти изъ Галаца въ открытое море съ полнымъ грузомъ. А между тѣмъ разстояніе отъ Гирсовы до Кюстенджи сухимъ путемъ по-крайней-мѣрѣ въ пять разъ короче пути по извилинамъ Дуная.

Берега нижняго теченія его ни мало не живописны: кромѣ безконечныхъ камышей и появляющихся по временамъ будокъ молдавской пограничной стражи — ничего не видишь. Будки эти устроены на сваяхъ и издали похожи на наши пенскія токи. Обыкновенно гарнизонъ ихъ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ, которые при появленіи парохода считаютъ долгомъ выстроиться въ рядъ и сдѣлать на караулъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе зрѣлища этой почести. Невольно вспоминаешь, глядя на этихъ защитниковъ отечества, о гвардіи экъ-императора Фаустина I и ея незатѣйливыхъ мундирахъ. Мудрено назвать солдатами босыхъ сорванцевъ, въ шапкахъ и фуражкахъ самого различнаго покроя, вооруженіе которыхъ ограничивается старымъ кремневымъ ружьемъ, болѣе опаснымъ для стрѣляющаго, чѣмъ для того, въ кого цѣлятся. На турецкой сторонѣ карауловъ нѣтъ. Они справедливо полагаютъ, что лишне охранять мѣста, гдѣ нечего взять, и не хлопочутъ объ устройствѣ кордоновъ, которыхъ единственное назначеніе, по видимому, отдавать честь проходящимъ мимо австрійскимъ пароходамъ.

Въ Тульчѣ пароходъ остановился для пріема почты и новыхъ пассажировъ. На пристани меня поразило разнообразіе лицъ и костюмовъ, хотя красоты или живописности не представляли ни тѣ, ни другія. Турки, греки, арнауты, молдаване, евреи, цыгане, болгаре толпились въ пестромъ безпорядкѣ. Между ними по временамъ мелькали шитые мундиры, европейскаго покроя, агентовъ и чиновниковъ австрійскаго пароходнаго общества. Пріятный контрастъ съ рѣзкими, выразительными чертами этихъ жителей юга составляли физіогноміи русскихъ, которыхъ я въ Тульчѣ нашелъ довольно. Это большею частью бѣглые крестьяне, находящіе въ турецкихъ владѣніяхъ пріютъ и средства къ существованію. Ихъ берутъ очень охотно въ услуженіе и принимаютъ для

Digitized by Google

сельскихъ работъ, потому что способностью и склонностью къ труду они далеко превосходятъ изнѣженныхъ и лѣнивыхъ обывателей юга. Въ Тульчѣ я только и видѣлъ русскихъ, что работали, таскали грузъ на пароходъ, развозили на лодкахъ невода и сѣти и косили сѣно. Турки сидѣли или стояли, погруженные въ созерцаніе дыма, который пускали изъ длинныхъ чубуковъ своихъ; а вся остальная сволочь, хотя и суетилась, бѣгала, кричала, но дѣла никакого не дѣлала. Болѣе всего, разумѣется, толпилась она (и едва ли съ самыми чистыми намѣреніями относительно пассажирской собственности) на пристани парохода, гдѣ гордо развивался торговый флагъ австрійской имперіи. Въ разсужденіи этого флага, берега Дуная представляютъ истинную роскошь: куда не плюнешь—красуются цвѣта его, такъ что передъ ними даже исчезаютъ красно-синія эмблемы соединенныхъ румынскихъ княжествъ. Объ убывающей лунѣ османовъ и говорить нечего: я ее видѣлъ всего можетъ быть не болѣе четырехъ разъ на всемъ протяженіи отъ Тульчи до Виддина.

Часамъ къ двѣнадцати мы прибыли наконецъ къ ближайшей цѣли нашего плаванія, къ Галацу, оставивъ въ сторонѣ Измаилъ и поклонившись только издали ренійской колокольнѣ. Въ Галацѣ мы разстались съ «Меттернихомъ» и перешли на громадный рѣчной пароходъ, «Эрцъ-герцогъ Альбрехтъ», на палубѣ котораго уже цѣлая толпа пассажировъ съ нетерпѣніемъ выжидала нашего прибытія, чтобы въ свою очередь пересѣсть на «Меттернихъ» и отправиться въ Одессу. При этомъ у насъ отобрали паспорты и отправили ихъ къ капитану порта, вѣроятно въ доказательство того, что и румынское правительство знаетъ европейскіе порядки и считаетъ себя цивилизованнымъ. Другой цѣли я по-крайней-мѣрѣ не могъ найти въ этой церемоніи, потому что изъ пассажировъ рѣшительно ни одинъ не хотѣлъ ѣхать въ Молдавію или Валахію. А между тѣмъ эта церемонія оказалась вовсе не пріятною, потому что всѣмъ намъ пришлось лично явиться въ канцелярію капитана порта, небольшую, грязную комнату, пропитанную запахомъ чеснока и водки, и провести съ часъ времени въ этой гнусной атмосферѣ, чтобы получить обратно бумаги, украшенныя молдаво-валахскою печатью. Впрочемъ дѣло обошлось безъ бакшиша, къ которому я уже было приготовился при видѣ неопрятнаго присутствія и засаленныхъ подъячихъ; къ немалому удовольствію моему, чиновникъ, возвратившій мнѣ паспортъ, изъяснялся очень не дурно по русски.

Въ Галацѣ сходятся двѣ линіи пароходныхъ сообщеній—одес-

Digitized by Google

ская и константинопольская. Такъ какъ пароходъ Лойда, шедшій изъ Царьграда, не прибылъ еще, то намъ пришлось дожидаться его, и это ожиданіе — увы — продлилось не менѣе полутора сутокъ. Скучнѣе ихъ я едва ли проводилъ когда-нибудь время. Сначала мнѣ улыбнулась перспектива на прогулку по Галацу, но только что я сунулся въ грязныя и пыльныя улицы внутренняго города, какъ уже отъ души раскаялся, что покинулъ относительно чистый воздухъ набережной, у которой стоялъ пароходъ. Тамъ можно было душу отвести хоть надъ пустынною дѣвственною зеленью болгарскаго берега и синими холмами начинающейся верстахъ въ 20 отъ берега сплошной возвышенности Добрудши; тутъ ничего, кромѣ узкихъ улицъ, высокихъ и старыхъ, но отнюдь не красивыхъ, зданій, да вонючихъ жидовскихъ лавокъ. Почти вся торговля тутъ въ рукахъ жидовъ; что, вѣроятно, и было причиною преслѣдованій, которымъ они подверглись со стороны христіанскаго населенія, на вербной недѣлѣ поста, и которыя, къ сожалѣнію, потомъ отозвались и въ нашей Одессѣ. Должно быть жутко пришлось имъ тогда, потому что когда я, мѣняя деньги въ лавкѣ, сталъ распрашивать жида объ этой исторіи, онъ съ подобострастіемъ оглянулся и замѣтилъ мнѣ тихонько, что не слѣдуетъ говорить объ этомъ. Такъ я никакихъ подробностей объ интересовавшемъ меня событіи и не услышалъ и только въ послѣдствіи узналъ на пароходѣ, что жидамъ еще болѣе досталось отъ правосудія молдавскихъ властей, чѣмъ отъ фанатизма ихъ согражданъ. Разумѣется, послѣ смятенія началось слѣдствіе, и такъ какъ съ бунтовавшей черни взятки были гладки, то ромунскіе слѣдователи принялись за жертвы ея. Еще въ мою бытность, слѣдовательно недѣль шесть спустя послѣ событія, содержалось подъ арестомъ до 50 евреевъ, неуспѣвшихъ еще внести за себя приличный выкупъ, хотя конечно никто не обвинилъ ихъ въ томъ, что они были виновниками безпорядковъ, надъ ними самими же обрушившихся. Изъ настоящихъ же зачинщиковъ, въ главѣ которыхъ стояли греческіе и іонійскіе матросы, наказанію не подвергся ни одинъ.

Итакъ прогулка по Галацу не удовлетворила меня. На военные корабли подъ русскимъ, англійскимъ, французскимъ и австрійскимъ флагомъ, стоявшіе, въ силу парижскаго трактата, у набережной, я также насмотрѣлся. Отъ посѣщенія театра, гдѣ давалась молдавская драма «Катакомбъіле» меня удержало предостереженіе офицеровъ парохода, что улицы ночью не освѣщаются и что при возвращеніи очень легко можно наткнуться на какого-

Digitized by Google

нибудь охотника на чужіе карманы. Слѣдовательно оставалось одно: скучать, да скучать. Хорошо было еще то, что кухня на дунайскомъ пароходѣ оказалась отличною и что вообще комфортъ былъ доведенъ до совершенства. Съ этой стороны по-крайней-мѣрѣ ничего не напоминало состоянія человѣка ѣдущаго по частной подорожной и не застающаго лошадей на почтовой станціи въ глубинѣ нашей матушки Россіи.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ; кончилось наконецъ и наше ожиданье, которое я напрасно силися сократить разговорами о политикѣ съ почтеннымъ генераломъ, о литературѣ съ претендовавшею на порядочность молодою жидовкою; отъ послѣдней меня удалило, впрочемъ, весьма-быстро сдѣланное ею замѣчаніе, что ничего не можетъ быть выше романовъ Шекспира. Это своего рода sauve qui peut. Къ вечеру другаго дня нашего пребыванія въ Галацѣ, прибылъ и давно желанный пароходъ изъ Константинополя. Пора, потому-что ужъ съ обѣда стала мѣняться погода и большую часть времени пришлось проводить подъ палубой. Когда стемнѣло, салоны «Альбрехта» значительно оживились. Къ малочисленной дружинѣ одесскихъ пассажировъ примкнуло довольно-много съ царьградскаго парохода, такъ-какъ сообщеніе съ Тріестомъ уже прекратилось и кто не хотѣлъ ѣхать на Марсель, долженъ былъ слѣдовать по дунайскому тракту. Кромѣ-того прибыло еще довольно изъ самаго Галаца, такъ-что, не смотря на несравненно-бо́льшіе размѣры «Альбрехта», уже никакъ нельзя было разсчитывать на то, что второй этажъ коекъ опять останется вакантнымъ. Впрочемъ, надо мною, къ счастію, не помѣстился никто.

Чувство уютности, неразрывно присущее всякому удобному помѣщенію, если на дворѣ непогода, быстро сблизило старыхъ и новыхъ пассажировъ «Альбрехта». Въ то время, какъ стучали объ палубы и окна крупныя капли проливнаго дождя и вѣтеръ неистово свистѣлъ въ снастяхъ парохода, за чаемъ закипѣла живая бесѣда, въ которой, по обыкновенію, не принимало участія только возвращавшееся изъ Каира семейство англичанъ. Вѣрное привычкамъ своего племени, оно сидѣло въ углу и молча пересматривало свои кипсеки и неизбѣжный handbook for travellers. Разумѣется, что остальное общество ими не стѣснялось: говоръ не умолкалъ до глубокой ночи и былъ тѣмъ живѣе, что тутъ находились представители почти всѣхъ народностей Европы. Число мущинъ, какъ водится, далеко преобладало. Изъ дамъ поражала красотою дочь одного валлахскаго князя, Судзо. Отецъ

Digitized by Google

ея отправлялся, въ качествѣ депутата, въ Бухарестъ, чтобы участвовать въ тамошнемъ національномъ собраніи. Я рѣдко видѣлъ болѣе-выразительное и благородное лицо, чѣмъ у этого старика. Every a gentleman, какъ говорятъ англичане. Разговоръ съ такимъ лицомъ, конечно, долженъ былъ коснуться политики. Князь нисколько не скрывалъ своихъ строго-консервативныхъ убѣжденій, со всею рѣшительностью независимаго человѣка бранилъ соединеніе княжествъ и происки румынскихъ либераловъ, и — надобно сказать — во многомъ былъ правъ, хотя отступалъ отъ тѣхъ мнѣній, которыя теперь въ ходу на счетъ дунайскихъ княжествъ. Самымъ благотворнымъ проявленіемъ для нихъ считалъ онъ просвѣщенный деспотизмъ, власть неограниченную, но благонамѣренную. Конституцію, дарованную имъ парижскимъ конгрессомъ, онъ называлъ политическою утопіею и далеко предпочиталъ ей органическій статутъ Киселева. «Намъ «нужна желѣзная воля какого-нибудь Петра Великаго или Фри«дриха II», говорилъ онъ, «а не родившееся недоноскомъ уло«женіе, которое мѣшаетъ добру и ни мало не останавливаетъ «злонамѣренность. Что за свобода тамъ, гдѣ еще чаянія не «имѣютъ о законности, гдѣ нѣтъ судей независимыхъ и слѣдо«вательно безпристрастныхъ, гдѣ самые суды лишены автори«тета и даже собственность обезпечена только весьма-слабыми «гарантіями. Наша молодежь, учившаяся въ Парижѣ и нахватав«шаяся идей, которыя и самимъ французамъ не въ пору еще, «возвратившись къ намъ, берется за всевозможные эксперименты, «не зная вовсе почвы, на которой суждено имъ осуществиться. «Мудрено-ли, что кромѣ крику у насъ ничего и не выходитъ. «Вотъ связали Валлахію и Молдавію», продолжалъ все болѣе горячась старикъ, «ничего не подготовивъ для этого соединенія. «Оно хорошо, безспорно; но только какъ цѣль, достижимая въ «еще очень не близкой будущности, какъ результатъ многихъ и «многихъ трудовъ, а не какъ нѣчто висящее на воздухѣ, вслѣд«ствіе какой-то слѣпой игры случая. И законы, и обычаи, и пре«данія, и администрація совершенно-различны въ Валлахіи и «Молдавіи; и одно, что ихъ связываетъ, — сознаніе племеннаго «единства,—далеко не такъ живо еще и распространено въ массѣ «народа, чтобы служить для нихъ надежнымъ цементомъ. По«вѣрьте, что если посторонняя сила не сдержитъ нашей уніи, «то она столь-же быстро и неожиданно распадется, какъ воз«никла. Одного жаль только, нашего нынѣшняго господаря. Онъ «человѣкъ благонамѣренный и всячески старается стать выше

Digitized by Google

«партій; но что-же онъ можетъ сдѣлать? — Власть его самая «ничтожная и со всѣхъ сторонъ окружаютъ его завистники и «недоброжелатели».

«— Такъ по-вашему, князь, свобода страны должна быть ре«зультатомъ административныхъ улучшеній и усовершенствова«ніи? Но, смотрите, не принимаете-ли вы плодъ за корень? Не «вѣрнѣе-ли противный путь и не лучше-ли ожидать отъ свободы «благосостоянія народа?»

Старикъ былъ, видимо, озадаченъ моимъ возраженіемъ. Но послѣ минутнаго раздумья онъ сказалъ: «Вы, можетъ-быть, «правы, если говорите о первоклассной могущественной державѣ, «которая вполнѣ обезпечена въ своей независимости отъ сосѣ«дей; дѣло другое въ нашихъ княжествахъ, на которыя точатъ «зубы три могущественныхъ сосѣда: для насъ въ настоящее «время сильная экзекутива совершенная необходимость».

Въ это время подошла къ намъ дочь князя и разговоръ принялъ другое направленіе.

Узнавъ взглядъ стараго консерватора, я захотѣлъ познакомиться и съ противуположными, либеральными мнѣніями о нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Валлахіи, и началъ отъискивать между пассажирами собесѣдника, который-бы удовлетворилъ мое любопытство. Въ углу салона сидѣли три молодыхъ человѣка и шумно разговаривали между собою на валлахскомъ языкѣ. Я подсѣлъ къ нимъ и черезъ пять минутъ мы уже, какъ говорится, снюхались. Оказалось, что это были студенты, только-что окончившіе курсъ — двое въ букарестскомъ, одинъ въ ясскомъ лицеяхъ. Всѣ они были на юридическомъ факультетѣ и отправлялись теперь въ Парижъ для продолженія своихъ занятій. Чего-же лучше? Я безъ обиняковъ приступилъ къ цѣли моего разговора.

Но я былъ горько разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ. Первый вопросъ мой о томъ, какъ живется въ княжествахъ, вызвалъ горячія жалобы на то, что тамъ вовсе жить невозможно, что театры скверные, баловъ, кромѣ главныхъ городовъ, не бываетъ, что всѣ цивилизованныя удовольствія страшно дороги и т. д. въ этомъ родѣ. Всѣ мечтали о Парижѣ, какъ о земномъ раѣ, и на перерывъ разрисовывали себѣ прелести тамошней студентской жизни. Ждать отъ нихъ какихъ-нибудь здравыхъ сужденій о ихъ отечествѣ, было напрасно, хотя всѣ называли себя либералами и довольно-презрительно отзывались о старикѣ Судзо, какъ о человѣкѣ отсталомъ.

Въ послѣдствіи, когда мы уже сошли съ парохода и собира-

Digitized by Google

лись на пестскую желѣзную дорогу, одинъ изъ этихъ либераловъ, хотя я съ нимъ, кромѣ разговора о парижскихъ удовольствіяхъ, не говорилъ ни слова и не зналъ даже его фамиліи, попросилъ у меня въ займы 10 гульденовъ. Не смотря на его любезную откровенность и довѣрчивость, я, грѣшный человѣкъ, долженъ признаться, отказалъ его просьбѣ.

Когда я проснулся утромъ, въ третій день послѣ отплытія изъ Одессы, я замѣтилъ, по равномѣрнымъ содраганіямъ парохода, что машина была въ дѣйствіи и что мы наконецъ разстались съ Галацомъ. Я выкупался въ отличной, теплой ваннѣ, которая устроена на пароходѣ, и при этомъ имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться въ мутности дунайской воды. Если погрузить въ нее руки на четверть аршина, то ихъ уже не видно. Послѣ купанья я вышелъ пить чай на палубѣ. Утреннее солнце блестѣло, отражаясь въ гладкой бороздѣ, которую оставлялъ за собою киль судна. Но свѣтъ его былъ блѣдный, ненадежный и вмѣстѣ съ черною стѣною тучь, разостлавшихся на западѣ, предвѣщалъ дождикъ. Предвѣщаніе, дѣйствительно, сбылось скоро; только до завтрака, на небольшіе промежутки, опять устанавливалась хорошая погода, а потомъ ливень не переставалъ до другаго дня.

Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, я опять сошелся съ княземъ на палубѣ. Зрѣлище, окружавшее насъ, было восхитительное: слѣва берегъ возвышался круто и высоко, обнажая мѣстами свою скалистую подпочву; тамъ, гдѣ онъ болѣе открывался взорамъ, вдали можно было различить синѣющія возвышенности — отпрыски Балкановъ; справа, напротивъ, перспектива ограничивалась только горизонтомъ; зеленыя, сочныя поля, необработанныя однакожъ — цѣлые табуны пасущихся коней, изрѣдка валахскій мужикъ въ мохнатой чумацкой шапкѣ, скачущій на лошади, стада воловъ и коровъ, стерегомыя большими собаками. Въ иныхъ мѣстахъ эта картина прерывалась ивнякомъ и другими кустарниками, которые примыкали къ большимъ, тянувшимся вокругъ страны лѣсамъ изъ дубовъ и береста. Особенно же хорошо было, если пароходъ проходилъ между островами, почти всегда покрытыми лѣсомъ, и на каждомъ шагу представлявшими новые виды à la Ruysdael или Claude Lorrain.

«Что за край, наша Валахія!» сказалъ князь, указывая рукой на окружавшую насъ роскошь дѣвственной природы: — установите тутъ твердый порядокъ, дайте силы закону, и увѣряю васъ, что даже Соединенные Штаты не представятъ вамъ примѣра такого прогресса, какой бы вы здѣсь увидѣли.»

Digitized by Google

«Не спорю, земля ваша богата всѣми дарами природы; но главнаго недостаетъ въ ней — труда и дѣятельности: румуны, сколько я познакомился съ ними въ Бессарабіи, безпечны и лѣнивы.»

«Народъ нашъ лѣнивъ! Отчасти вы правы. Но за то онъ умѣренъ, разсчетливъ и бережливъ, какъ ни одинъ народъ быть можетъ во всей Европѣ. То, что вы называете лѣностью, въ большей части случаевъ есть ничто иное, какъ умѣренность. На что ему трудиться, когда все, чего онъ желаетъ, находится у него подъ руками. Дайте ему новыя потребности и вы увидите, какъ онъ станетъ работать.»

«Румуны бережливы? Я считалъ вашихъ бояровъ и куконъ самыми расточительными людьми въ свѣтѣ.»

«Я говорю про народъ, т. е. про массу, и вѣрьте, что я правъ. Сколько знаю я простыхъ мужиковъ, которые владѣютъ десятками тысячъ піастровъ и держатъ ихъ въ горшкахъ на печкѣ или въ какомъ-нибудь углу хатъ своихъ.»

«Такъ, по вашему, на аристократію нечего разсчитывать для возрожденія румунскаго народа? будущность его лежитъ въ простолюдинахъ?»

«Кто безъ грѣха! Валлахскую аристократію во многомъ обвиняютъ и она дѣйствительно во многомъ виновата; но не мало и заслугъ за нею. Кому княжества обязаны своею относительною независимостью, какъ не искусству нашихъ бояровъ. Основаніемъ этого искусства служилъ эгоизмъ, скажете вы. Не всегда. Въ немъ принимала участіе и значительная доза патріотическаго чувства.»

Съ этимъ я не могъ въ душѣ согласиться, потому-что вся исторія румунскаго племени доказываетъ, что княжества уцѣлили въ смыслѣ полусамостоятельныхъ областей не вслѣдствіе стараній своихъ бояровъ, а вопреки имъ. Но я не хотѣлъ оскорбить стараго князя противурѣчіемъ, которое болѣе или менѣе должно было показаться личностью. Я перемѣнилъ тему разговора и началъ распространяться о пользѣ, которую княжества могли бы извлечь изъ правильно организованной эмиграціи. Если Соединенные Штаты, Новая Голландія, Мысъ Доброй Надежды, Аргентинская республика, даже вовсе не приспособленный для европейскаго организма климатъ Бразиліи привлекаютъ ежегодно сотни тысячъ переселенцевъ, то, конечно, еще легче было бы привлечь ихъ къ дѣвственнымъ полямъ Валлахіи. Князь съ нетерпѣніемъ прервалъ меня:

Digitized by Google

«Охъ, ужъ не говорите мнѣ про этихъ иностранцевъ, которые только объѣдаютъ насъ и ничего хорошаго не приносятъ съ собою.» Онъ махнулъ рукою и подошедшій къ намъ господинъ прервалъ разговоръ, который послѣ того уже не возобновлялся. Въ Журжѣ онъ оставилъ пароходъ, чтобы поѣхать въ Букарестъ на засѣданія сейма. Но я не думаю, чтобы убѣжденія и доводы его оказали такое же вліяніе на либеральную молодежь національнаго собранія, какъ влажные черные глаза его дочери, которую онъ вѣрно не даромъ везъ съ собою.

Разговоръ мой съ Судзо о положеніи дѣлъ въ княжествахъ остановился на весьма интересномъ мѣстѣ и я очень жалѣлъ, что не могъ получить болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о роли, которую тамъ играютъ иностранцы. Къ счастію я на томъ же пароходѣ столкнулся съ другимъ человѣкомъ, который нѣсколькими характеристическими чертами дополнилъ набросанную княземъ картину румунскаго общества.

Это былъ нѣмецъ, родомъ изъ Берлина, возвращавшійся изъ Яссъ на родину. Въ красной фескѣ, съ длинною окладистою бородою, онъ имѣлъ совершенно видъ жителя Востока. Въ Яссы попалъ онъ въ качествѣ директора банка, который тамъ хотѣло основать какое-то нѣмецкое акціонерное общество. Предпріятіе не удалось вслѣдствіе интригъ англійскаго посольства, которое склонило Порту къ отказу въ фирманѣ, и онъ потерпѣлъ значительные убытки. Весьма естественно, что онъ о румунахъ отзывался совершенно противуположнымъ образомъ, чѣмъ старый князь Судзо. Corruption, depravation, вотъ почти единственныя слова, которыя онъ употреблялъ для характеристики ихъ общественнаго быта. Семейной жизни, по его разсказамъ, не существуетъ. «Les femmes sont venales. Payez la somme voulue et vous les avez toutes depuis la princesse jusqu'à la simple paysanne. Искать правосудія въ судахъ напрасно.» Въ подтвержденіе этого онъ разсказалъ слѣдующій случай: одинъ изъ молдавскихъ бояровъ, бывшій нѣкоторое время даже министромъ, заключилъ контрактъ съ евреемъ на поставку изъ своего имѣнія значительнаго количества водки. Условія договора были таковы, что еврей долженъ былъ заплатить ему 1500 червонцевъ и по полученіи извѣстнаго количества вина черезъ полгода еще 3000 за доставку остальнаго. Получивъ деньги, бояръ не думалъ объ исполненіи обязательства, а сбылъ вино свое другому покупщику. Еврей подалъ ко взысканію, а бояръ въ свою очередь жало-

Digitized by Google

вался, что еврей не хочетъ платить ему остальныхъ 8000 червонцевъ, хотя по контракту ихъ слѣдовало получить только по окончательной доставкѣ проданнаго товара. Бояръ утверждалъ, что еврей долженъ заплатить, не смотря на отсутствіе послѣдняго, и что за тѣмъ, пожалуй, можетъ искать за недоставленіе водки. И что же? судъ дѣйствительно согласился на неслыханное въ лѣтописяхъ гражданскаго судопроизводства дробленіе одного и того же дѣла на двое и рѣшилъ въ его пользу. Еврею пришлось заплатить и начать потомъ новое дѣло за неустойку, окончаніе котораго бояръ, конечно, имѣлъ всѣ средства растянуть на неопредѣленно долгое время.

Впрочемъ и берлинецъ долженъ былъ сознаться, что большая часть европейцевъ появившихся въ княжествахъ, составляетъ истинную язву для страны. На одного честнаго труженика приходится десять авантюристовъ, которые готовы рискнуть всѣмъ, потому что ничего не имѣютъ, завлекаютъ туземныхъ капиталистовъ въ разныя предпріятія, втираются въ администрацію, овладѣваютъ выгодными мѣстами по различнымъ спеціальнымъ отраслямъ (хотя большею частью вовсе не имѣютъ необходимыхъ для того спеціальныхъ свѣдѣній) и всячески набиваютъ свои карманы. Самъ онъ разсказалъ любопытный фактъ, служащій тому свидѣтельствомъ. Бывшій президентъ медицинскаго совѣта въ Букарестѣ — совѣта, на которомъ, между прочимъ, съ недавняго времени лежитъ обязанность экзаменовать ищущихъ права практики иностранныхъ медиковъ — былъ первоначально пасторомъ въ Трансильванской Саксоніи. Проповѣдь надоѣла ему; онъ бросилъ рясу, пріѣхалъ въ Яссы и сталъ лечить больныхъ, хотя медициной никогда не занимался. Какъ видно изъ занимаемаго имъ оффиціальнаго положенія дѣло пошло на ладъ и онъ жилъ въ чести и избыткѣ до самой смерти, воспослѣдовавшей отъ запоя.

Разсказы о злоупотребленіяхъ въ княжествахъ вызвали таковые же со стороны другихъ пассажировъ, возвращавшихся съ Востока. Одинъ изъ нихъ, въ pendant къ президенту букарестскаго медицинскаго совѣта, сообщилъ, что главный медикъ силистрійскаго гарнизона во время послѣдней осады былъ бѣглый французскій парикмахеръ, который безъ зазрѣнія совѣсти не только лечилъ, но даже ампутировалъ своихъ паціентовъ.

А между тѣмъ пароходъ нашъ, пыхтя и фыркая, шелъ неутомимо впередъ, преодолѣвая и быстрое противное теченіе Ду-

Digitized by Google

ная и порывы сильнаго западнаго вѣтра, застилавшаго небо густыми тучами. Ливень не прекращался ни на секунду и дѣлал рѣшительно невозможнымъ наслаждаться видами, которые мелькали мимо насъ, какъ будто одѣтые толстымъ, сѣрымъ покрываломъ. Такъ пролетѣли мы мимо Гирсовы, Рассовы, Силистріи и Ольтеницы, напрасно силясь получить ясное представленіе объ этихъ именахъ, прославленныхъ послѣднею войною. Все сливалось въ сѣромъ туманѣ и мы могли только удивляться зоркости капитана, который открывалъ цѣлые города и селенія тамъ, гдѣ мы при величайшемъ напряженіи глазъ могли замѣтить развѣ только неопредѣленные контуры минарета или одинокую мачту съ промокшимъ флагомъ. Иногда, если фарватеръ рѣки приближался къ турецкому берегу, виднѣлись еще слѣды военныхъ дѣйствій, насыпи и батареи съ заросшими травою амбразурами. Доѣхавши до Журжи, которой мы достигли уже поздно вечеромъ, мы остановились, потому что капитанъ не рѣшался въ страшную темноту идти дальше. Въ слѣдующій день опять дождь; какъ будто солнце совершенно забыло про существованіе Дуная и не хотѣло больше смотрѣть на него. Непогода обнаружила свое дѣйствіе и на пассажировъ; разговоръ шелъ какъ то вяло и часто совершенно умолкалъ. Составлялись партіи для преферанса, пикета, домино, но все не надолго; игра не клеилась. Дамы принимались за работу, мущины за книги, чтобы черезъ пять минутъ опять бросить, пожаловаться сосѣду на отвратительную погоду и производимую ею страшную скуку, потомъ услышать ту же жалобу отъ другаго сосѣда, зѣвнуть въ отвѣтъ ему или же закурить молча сигару. Трудно представить себѣ какими несносными кажутся въ такія минуты другъ другу пассажиры, какъ явственно на лицѣ каждаго можно прочесть любезное желаніе, какъ можно скорѣе разстаться со всѣмъ обществомъ.

Наконецъ къ обѣду третьяго дня послѣ отплытія отъ Галаца дождь сталъ рѣдѣть и на восточномъ небосклонѣ показалась маленькое пятнышко чистаго голубаго неба. Въ первый разъ во все время нашего плаванія оказалось возможнымъ напиться послѣобѣденнаго кофе на палубѣ. Вмѣсто немногихъ отважныхъ, которые до-сихъ-поръ рѣшались гулять на ней, не взирая на дождь и вѣтеръ, появилось теперь на ней многочисленное общество. Лица снова повеселѣли, разговоры потекли живѣе. Благодѣтельный сѣверо-восточный вѣтеръ — мы русскіе на пароходѣ съ гордостью называли его землякомъ — быстро очищалъ небо и разгонялъ тучи, такъ что часамъ къ семи оставалось только да-

Digitized by Google

леко на юго-западѣ свѣтло-лазуревая стѣна изъ облаковъ. Да и та, когда мы разсмотрѣли хорошенько рѣзкія угловатыя очертанія и неподвижность ея, оказалась не облаками, а горами. Это были Балканы.

Зрѣлище теперь становилось все лучше и лучше. Вѣчный ивнякъ валлахскаго берега изчезъ или смѣнился стройными дубовыми рощами. Кое гдѣ глазъ могъ даже отдохнуть уже на обработанныхъ поляхъ, на деревушкѣ съ бѣлою колокольнею, на господскомъ домѣ окруженномъ садами. На противуположной сторонѣ берегъ подымался круто и высоко, не давая простора глазу. Но за то, гдѣ онъ вдругъ спускался къ уровню воды или гдѣ сквозь него пролегало русло ручья или рѣки, взоръ блуждалъ по восхитительнымъ мѣстностямъ. Солнце уже готовилось къ закату, какъ мы обогнули мысокъ, за которымъ лежитъ спрятанный какъ дорогая игрушка отъ рѣзвыхъ дѣтей, турецкій городокъ Ломъ-Паланка. Онъ вдругъ очутился передъ нами совершенно неожиданно и поразилъ насъ своею прелестью. Съ двухъ сторонъ окруженный горами, къ сѣверо-востоку отслоненный отъ рѣки упомянутымъ мысомъ, онъ къ сѣверо-западу спускается къ ней по отлогому скату и съ этой стороны весь разомъ представляется удивленному взору — одна масса густой зелени и маленькихъ бѣлыхъ строеній; два, три стройныхъ минарета, высоко подымаются изъ нея, а при одномъ изъ нихъ роща изъ итальянскихъ тополей — турецкое кладбища. Если прибавить къ этому освѣщеніе заходящаго солнца и ничѣмъ не возмущаемую вечернюю тишину, то можно согласиться что̀ было отъ чего разчувствоваться. Сколько пошлости при такомъ настроеніи заключало въ себѣ замѣчаніе рыжаго австрійскаго интенданта, который увѣрялъ, что Ломъ-Паланка самый дрянной городишко въ свѣтѣ и не представляетъ, по его выраженію никакихъ «ресурсовъ» порядочному человѣку!

Мимо Виддина и пропитанныхъ кровью полей Калафата мы прошли ночью и хотя останавливались въ первомъ для пріема и сдачи почты, но ничего не видали. Въ слѣдующее утро уже въ шесть часовъ все пароходное общество было опять на палубѣ, чтобы восхищаться видами, которые становились съ каждымъ шагомъ величественнѣе. Синѣвшія вечеромъ еще вдали высоты Балкановъ, теперь приблизились къ самой рѣкѣ и въ грозномъ безмолвіи омывались ея волнами. Почти перпендикулярно возвышается берегъ футовъ на 500 надъ водою, и не смотря на страшную крутизну почти вездѣ холодный колоритъ и угловатыя формы

Digitized by Google

скалъ прикрыты густою пушистою зеленью мховъ, деревъ и кустарниковъ. Въ то же время начинаютъ показываться горы и справа на валлахской сторонѣ, постоянно все ближе и ближе придвигаясь къ берегу, который тутъ уже не пустъ и безлюденъ, какъ ниже Журжи, а вездѣ показываетъ слѣдъ человѣческой дѣятельности. Деревня мелькаетъ за деревней, селеніе за селеніемъ, тогда какъ на сербской сторонѣ (мы уже миновали границу Турціи) по прежнему возвышается неприступная крутизна, безмолвіе которой прерывается только шумомъ низвергающихся водопадовъ и крикомъ хищной птицы. Наконецъ мы подходимъ къ Турну-Северину, гдѣ красуется развалина — остатокъ укрѣпленій построенныхъ здѣсь римскимъ императоромъ Сентиміемъ Северомъ. Здѣсь Карпаты уже совершенно придвинулись къ Дунаю и протягиваютъ какъ будто руку къ братьямъ Балканамъ. Рѣка пѣнится и шумитъ, недовольная тѣснымъ объятьемъ, которымъ хотятъ задушить ее. Мы приближаемся къ знаменитымъ Желѣзнымъ воротамъ. Отсюда плаваніе наше теряетъ для зрителя съ палубы характеръ рѣчнаго плаванія. Справа, слѣва, спереди, сзади скалы и горы, которыя насъ совершенно отрѣзали. Мы ѣдемъ сами не зная куда, того и гляди что носомъ ударимся объ взгроможденную передъ нами каменную стѣну; но вдругъ въ ней открывается трещина, — проходъ; мы вступаемъ въ новую котловину, гдѣ опять не видимъ выхода, а отверстіе, въ которое мы вошли, дѣлось, Богъ знаетъ куда. Опять со всѣхъ сторонъ горы, опять страхъ беретъ за душу, пока, утомленный безпрестанно мѣняющейся декораціею не отведешь ее надъ хорошей сигарою; за нее берешься здѣсь съ особымъ остервенѣніемъ, чтобъ не дать ей погибнуть въ когтяхъ австрійской таможни. Не даромъ говорится, что все дурное легко на помнѣ. Вотъ она уже и есть. Передъ нами Старая-Орсова. А Дунай, какъ будто еще пуще сердится, что люди вздумали нарушить величественную красоту и гармонію береговъ его своими мытарствами, клокочетъ, словно въ котлѣ, крутится и пѣнится. Съ трудомъ колеса парохода, какъ глубоко онѣ ни захватываютъ въ зыбкую влагу, какъ мощно ни крутятъ ихъ поршни цилиндровъ, двигаютъ его впередъ. Мы теперь въ Желѣзныхъ воротахъ; это видно по неистовому движенію сжатой въ тѣсное русло рѣки, хотя половодіе и прикрыло скалы, которыя въ другое время года образуютъ пороги. Но Дунай напрасно сердится и рветъ назадъ: добрый пароходъ уноситъ насъ впередъ, неудержимо впередъ. Но не къ добру приноситъ онъ насъ, а къ австрійской таможнѣ.

Digitized by Google

Мы пристали къ берегу и пропала вдругъ вся поэзія природы, исчезли всѣ великолѣпные эффекты пейзажа передъ дрязгами мелочной дѣйствительности. Интендантъ парохода отбираетъ наши паспорты и вручаетъ ихъ какому-то господину въ синемъ мундирѣ, который вдругъ очутился между нами. Потомъ являются носильщики — трегеры — загорѣлыя, грязныя лица, мадьярскаго, кроатскаго, цыганскаго, валлахскаго, всякаго племени, но все такія, что не хотѣлось бы съ ними встрѣтиться въ потемкахъ. Они овладѣваютъ чемоданами и саквъ-вояжами, тащутъ ихъ въ присутствіе таможни, а пассажиры идутъ за ними, вытаскивая ключи изъ кармановъ и готовясь къ самому пытливому досмотру.

Печальныхъ подробностей этой процедуры я описывать не стану; достаточно сказать, что экзаменъ, которому подвергся мой несчастный чемоданишко, не заключавшій ничего кромѣ дюжины бѣлья, да одной перемѣны платья, длился не менѣе десять минутъ. За то я, по крайней мѣрѣ, не заплатилъ пошлины и безпрепятственно перенесъ на императорско-королевскую почву нѣсколько десятковъ сигаръ, которыя размѣстилъ по своимъ карманамъ. Другіе не отдѣлались такъ дешево. Ѣхавшій съ нами изъ Одессы дѣйствительный статскій совѣтникъ, за тысячу Одесскихъ папиросъ, долженъ былъ заплатить 11 гульденовъ; съ другаго русскаго, возвращавщагося изъ Іерусалима и везшаго оттуда четки, кресты, иконы и другія произведенія тамошней набожной промышленности, взяли семь полуимперіаловъ. Чрезвычайно забавно было слушать брань его, когда онъ съ таможеннаго двора возвращался на судно. Всю дорогу, безъ умолка, онъ вполголоса отводилъ душу надъ разными крѣпкими словцами русской рѣчи, примѣняя ихъ къ его австрійскаго величества таможеннымъ чиновникамъ.

Не смотря на то, что мы къ Орсовѣ пристали въ началѣ 9 часа, пароходъ «Елизавета», на который мы пересѣли съ «Альбрехта», тронулся не раньше половины втораго. И какъ будто судьба на сегодняшній день сберегла для насъ всѣ несчастія— небо опять заволоклось тучами и грянулъ дождь, къ счастію не на долго. Часамъ къ тремъ опять стало ясно и мы опять могли наслаждаться видами, которые здѣсь еще болѣе разнообразны, потому что мѣста становятся населеннѣе. На австрійской сторонѣ, начиная отъ Орсовы тянутся военныя поселенія — часть ихъ Militärgrenze—связанныя между собою отлично содержаннымъ шоссе. Это шоссе, увѣковѣчившее имя построившаго его

Digitized by Google

венгерскаго графа Сешенаго, проведено у самой воды, нерѣдко подъ естественными сводами нависшихъ надъ нимъ скалъ, сквозь которыя дорога проложена помощью минныхъ работъ. По всей длинѣ ея виднѣются телеграфные столбы — первый признакъ страны цивилизованной. На сербской сторонѣ, по прежнему, все дико и пустынно, но что тутъ не всегда было такъ, доказывается многочисленными отверстіями въ отвѣсныхъ скалахъ, очевидно сдѣланныхъ человѣческими руками. Это слѣды другой дороги, проведенной нѣкогда на правомъ берегѣ Дуная императоромъ Траяномъ.

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ равнодушнѣе становишься къ этимъ чудесамъ природы и искусства, потому что тѣмъ болѣе одолѣваетъ нетерпѣніе. Вѣдь сегодня мы, т. е. я и еще нѣкоторые пассажиры должны достигнуть конечной цѣли нашего плаванія, послѣдней станціи юговосточной австрійской желѣзной дороги— Базіаша. Капитанъ обѣщалъ, что мы уже къ 6 часамъ будемъ на мѣстѣ и мы съ жадностью высматриваемъ каждую деревушку, каждое зданіе, безпрестанно распрашивая, не это ли Базіашъ. Нетерпѣніе наше понятно, потому что въ восемь часовъ отходитъ курьерскій поѣздъ въ Пестъ и намъ не должно прозѣвать его. Въ этомъ ожиданіи мы равнодушно смотримъ на Емельницу, гдѣ былъ какой-то цѣлебный источникъ и гдѣ выстроена часовня на мѣстѣ будто бы тамъ найденной венгерской короны (венгерцы не вѣрятъ этой находкѣ и говорятъ что находящаяся въ Вѣнѣ корона Св. Стефана есть поддѣльная, а настоящая у Кошута); на Вѣтронскую пещеру, гдѣ лѣтъ полтораста назадъ какой-то австрійскій полковникъ выдержалъ съ 500 человѣкъ восьмидневную осаду цѣлаго турецкаго корпуса; на турецкую крѣпощенку Бильничу, выстроенную на берегу у подножія скалы; на прославленныя въ легендахъ сербскаго народа развалины Голубача. А между тѣмъ время бѣжитъ; часовая стрѣлка приближается къ семи, и Базіаша все нѣтъ, какъ нѣтъ. Капитанъ уже болѣе не отвѣчаетъ на распросы, а только улыбается. За то интендантъ вступаетъ въ разговоръ съ пассажирами, взявшими билеты только до Базіаша, говоритъ, что курьерскаго поѣзда мы больше не застанемъ, что, оставя пароходъ, придется ждать до слѣдующаго вечера и что лучше всего продолжать плаваніе до самаго Песта. Дѣло ясное: агентъ пароходнаго общества хочетъ пріобрѣсти силою нѣсколько лишнихъ пассажировъ и заставилъ капитана вопреки даннаго обѣщанія нарочно опоздать пріѣздомъ къ Базіашу. Уловка удалась, потому

Digitized by Google

что нѣкоторые пассажиры, повѣривъ, что дѣйствительно до слѣдующаго вечера не будетъ поѣзда, остались на пароходѣ. Къ счастію я не принадлежалъ къ числу ихъ.

Но вотъ заблестѣлъ огонекъ. Наконецъ то! Я взглянулъ на часы: безъ пяти минутъ восемь, слѣдовательно не поспѣемъ больше. Дѣйствительно, пока пароходъ приближался къ берегу, раздался хриплый свистъ пароваго сигнала и потомъ мы увидѣли какъ тронулась длинная вереница вагоновъ, на подобіе огромной змѣи съ сверкающими глазами, однимъ краснымъ, другимъ зеленымъ. Сошедши на берегъ, я узналъ, что въ двѣнадцать часовъ опять пойдетъ поѣздъ и велѣлъ перенести чемоданъ свой въ залу для ожидающихъ пассажировъ. Помѣщеніе незавидное—большая комната, съ весьма простою мебелью, но за то въ ней почти никого не было, не было слѣдовательно и той толкотни, той пыли и табачнаго дыма, которые дѣлаютъ такъ несноснымъ ожиданіе на главныхъ станціяхъ. Я потребовалъ чаю и принялся за свою записную книжку.

Р. ОРБИНСКІЙ.

Голосъ изъ югозападной Руси.

По державному слову нашего человѣколюбиваго Монарха, въ скоромъ времени должна наступить у насъ благотворная перемѣна въ положеніи многочисленнаго крестьянскаго сословія. Много высказано уже полезныхъ мыслей объ устройствѣ ихъ будущаго положенія, которое и имъ послужило бы во благо, и было бы въ гармоніи съ нарядомъ цѣлой земли русской.

Позвольте и мнѣ присовокупить нѣсколько словъ касательно крестьянъ нашей южной, или точнѣе, югозападной Руси. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что я намѣренъ высказать мои мысли не объ устройствѣ ихъ матеріальнаго быта, не объ отношеніяхъ ихъ къ землевладѣльцамъ; но о предметѣ, касающемся ихъ нравственнаго состоянія, ихъ нравственнаго и религіознаго воспитанія. Поставленное въ особенныя мѣстныя отношенія, православное, южно-русское племя въ юго-западной Руси невольно должно вызвать живое участіе каждаго члена великой семьи русской. Не подлежитъ сомнѣнію, что состояніе крестьянъ въ юго-западной Руси будетъ постепенно улучшаться, по мѣрѣ того, какъ они станутъ правильно пользоваться своимъ новымъ положеніемъ. Ча-

Digitized by Google

стію это улучшеніе ихъ быта, а частію возможность болѣе свободнаго употребленія своихъ силъ, будутъ вызывать въ нихъ мало-по-малу и стремленіе къ нѣкоторому образованію. Положимъ, что это стремленіе не будетъ простираться за предѣлы церковной и гражданской грамоты; но никакъ нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ у зажиточнѣйшихъ поселянъ пробудится охота къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ. Таковъ законъ всего живаго, что стремленіе къ развитію начинается, какъ только сняты препятствія къ нему. Но чемъ ниже степень развитія народа, тѣмъ труднѣе ему, при открывающейся возможности образованія, правильно понять пригодныя къ тому средства. Это самое можетъ случиться преимущественно съ многочисленнымъ южно-русскимъ народонаселеніемъ въ югозападной Руси. По всей неразвитости, по неопытности и простотѣ, оно готово будетъ принимать средства обученія тамъ, гдѣ можетъ найти ихъ скорѣе и легче, не думая много о томъ, кто предлагаетъ имъ эти средства и для чего?—Возможность подобныхъ послѣдствій должна остановить вниманіе каждаго, кто сочувствуетъ его благу. Желая съ своей стороны способствовать улучшенію нравственнаго быта южнорусскаго народонаселенія въ югозападной Руси, улучшенію, которое соотвѣтствовало бы ему, какъ отрасли одного православнаго русскаго народа, рѣшаемся предложить здѣсь нѣсколько мыслей, которые не будутъ безполезны по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, возбудятъ вниманіе къ этому вопросу, далеко не такъ маловажному, какъ онъ покажется на первый разъ. Полагаемъ, что на первый разъ необходимо было бы: 1) составить какіе нибудь простонародныя руководства, или грамотки, буквари—назовите ихъ какъ угодно, все равно, лишь бы они были составлены по обдуманному плану и съ содержаніемъ, соотвѣтственнымъ православному, южнорусскому народу; 2) другая мѣра, также не менѣе важная, состоитъ въ томъ, чтобы подобныя руководства, или грамотки были, какъ можно доступнѣе народу. А для того необходимо ихъ какъ можно распространить, чтобы поселянинъ не имѣлъ нужды ѣхать въ далекій городъ для покупки какаго нибудь десятикопеечнаго букваря. Всего лучше, еслибы при каждой церкви было небольшое количество книгъ, потребныхъ для народа. Еще лучше было бы, если бы, по крайней мѣрѣ на первый разъ, каждое селеніе могло получить нѣсколько экземпляровъ такихъ букварей даромъ. Самый алфавитъ въ такой народной грамоткѣ можетъ быть допущенъ не иной, какъ церковнославянскій для молитвъ и нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ статей религіознаго содержанія и гражданскій русскій для другихъ статей.

Чтожъ тутъ новаго скажутъ?—Кто не знаетъ, что обученіе, примѣненное къ потребностямъ народа, было бы для него полезно?—Кто станетъ сомнѣваться и въ томъ, что для молитвъ православному русскому народу, всего приличнѣе употреблять алфавитъ церковнославянскій, что, наконецъ, смѣшно было бы даже думать о какомъ нибудь другомъ алфавитѣ, кромѣ общаго всѣмъ, обыкновеннаго русскаго алфавита. Стоило ли объ этомъ даже писать, какъ о чемъ-то требующемъ вниманія?—Такъ и мы думаемъ, съ тобою, читатель. Но почемъ же мы знаемъ, что всѣ также сочувствуютъ южно-русскому человѣку, и сходно съ нами станутъ думать, какъ о средствахъ и направленіи обученія его, такъ и о самомъ алфавитѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы вы сказали, если бы кто нибудь захотѣлъ ввести между православнымъ южно-русскимъ народомъ букварь съ латинскимъ алфавитомъ?—Представьте, напримѣръ, что этотъ букварь начинается троякою азбукою: *украинскою*, *московскою* и *польскою*, что подъ именемъ какой-то *украинской* азбуки выдаютъ для южно-русскаго языка просто латинскую, кромѣ трехъ буквъ: х, ш, щ, которыя должны остаться въ обыкновенномъ начертаніи русской азбуки, а *московскою* называютъ обыкновенную гражданскую русскую азбуку, что за азбукою слѣдуютъ склады, а за тѣмъ, статьи общаго нравственнаго содержанія на южно-русскомъ нарѣчіи, вышеупомянутымъ украинскимъ алфавитомъ. Мы увѣрены, что самая идея такого букваря покажется вамъ очень странною; и мы такъ думаемъ; мы даже считаемъ ее просто несбыточною мечтою. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ иногда и мечту подвергнуть изслѣдованію, хотя бы для того, чтобы доказать, что мечта есть мечта, и дѣйствительностію быть не можетъ. Развѣ не случается иногда, что мечта овладѣваетъ людьми до такой степени, что они готовы принять ее за дѣйствительность?—Что же сказать объ этой мечтѣ букваря и алфавита quasi-украинскаго?

Во первыхъ, никогда не существовало особеннаго украинскаго алфавита для южно-русскаго языка, да и никто изъ русскихъ, понимающихъ дѣло, не назоветъ латинской азбуки ни украинскою ни вообще русскою, какъ бы ни прикрывали эту выдуманную азбуку видоизмѣненіемъ нѣсколькихъ буквъ; потому что, не смотря на замѣну трехъ или четырехъ латинскихъ буквъ русскими, или славянскими, все таки она остается латинскою. Что бы мы ни понимали подъ именемъ Украйны—всю ли южную Русь, начи-

Digitized by Google

ная съ лѣвой стороны Днѣпра, до Карпатскихъ горъ, или только двѣ большіе полосы ея, прилегающія къ правому и лѣвому берегу Днѣпра; въ томъ и другомъ случаѣ названіе украинскаго алфавита вовсе не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Въ томъ и другомъ смыслѣ Украина населена южно-русскимъ племенемъ, у котораго языкъ одинъ съ небольшими мѣстными оттѣнками и алфавитъ у нихъ всегда былъ одинъ или церковный, или обыкновенный русскій, видоизмѣнявшійся только по мѣрѣ усовершенствованія самаго рукописанія. Какъ все это народонаселеніе всегда носило названіе Руси (даже у польскихъ историковъ), такъ и письмо ихъ всегда называлось общимъ именемъ русскаго. Такимъ образомъ мы никакъ не можемъ придумывать какой нибудь другой алфавитъ для южно-русскаго языка и давать ему названіе украинскаго; оно будетъ только доказывать, что мы или сами обманываемся, или обманываемъ другихъ. Для южноруссовъ, для ихъ южно-русскаго языка не можетъ быть какого-либо другаго алфавита, кромѣ церковнославянскаго и общаго русскаго. Мы не латины и не поляки; къ чему же навязывать намъ то, чего мы всегда чуждались и что можетъ вызвать только ожесточеніе?

Для чего же придумываютъ намъ эту мечту латино-украинскаго алфавита? Мы рѣшительно не понимаемъ,—да и кто знаетъ сердце человѣческое?—Мы думаемъ только, что съ допущеніемъ подобнаго распредѣленія азбукъ, произойдетъ какой-то хаосъ даже въ распредѣленіи видовъ русскаго народа, и можетъ только спутать незнающаго,—а такимъ по преимуществу бываетъ каждый начинающій учиться. Изъ этнографіи славянскихъ племенъ и исторіи русскаго народа извѣстно, что южная и сѣверная Русь (къ нимъ относится и бѣлая Русь, какъ третій видъ) составляютъ два нераздѣльные вида одного рода, а фантастическій латиноукраинскій букварь желалъ бы поставить ихъ въ такое же отношеніе, въ какомъ оба они вмѣстѣ находятся къ какому-нибудь другому славянскому роду, напримѣръ, къ польскому, или, пожалуй, чешскому *). Это все равно, что раздѣлить животныхъ на лошадей, коровъ и плотоядныхъ. Не этого ли именно смѣшенія и желали бы достигнуть изобрѣтатели букваря своею преду-

*) По окончаніи этой статьи, авторъ былъ пораженъ, прочитавши въ № 82 Спб. Вѣдомостей, въ статьѣ *Галиція*, что тамъ запрещено изученіе русскаго языка, приказано *показывать различіе малорусскаго языка отъ русскаго и сходство съ польскимъ и чешскимъ*, а правительственные указы, издаваемые на малороссійскомъ, начали печатать латинскими буквами.

Digitized by Google

предительною услугою? Не желательно ли имъ оторвать южнорусскій языкъ отъ великорусскаго и дать ему другой центръ притяженія? Но къ чему же итти на перекоръ нашимъ праотеческимъ преданіямъ, наперекоръ этнографіи, наконецъ наперекоръ единству этихъ видовъ однаго русскаго народа въ лонѣ Вѣры и Церкви?

Вотъ почему отдѣленіе украинскаго алфавита по названію и начертанію представляется намъ своевольнымъ хозяйничаньемъ въ области русской народности и письменности. Не говоримъ уже о томъ, что устраненіе церковнословянскаго алфавита изъ народнаго букваря было бы посягательствомъ на самую святыню русскаго народа. Если нѣкоторыя славянскія племена пользуются латинскими письменами, а не славянскими, — пусть; но за чѣмъ-же втягивать въ этотъ кругъ русское племя, всегда его чуждавшееся и теперь не имѣющее въ немъ никакой нужды. Если бы это племя жило на какихъ-нибудь отдаленныхъ островахъ и не имѣло никакихъ письменъ, то въ такомъ случаѣ введеніе у него латинскаго алфавита быть можетъ было бы благодѣяніемъ; но подобную попытку среди племени, уже имѣющаго издревле свою азбуку, тѣсно связанную съ его вѣрою и преданіями, и пользующагося, кромѣ своего нарѣчія, образованнѣйшимъ, великорусскимъ для книжнаго употребленія языкомъ, очень трудно выдать за дѣло человѣколюбивой заботливости.

Наконецъ, попытка, о которой идетъ рѣчь, можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Каждый знаетъ, что духъ народа тѣсно сопряженъ съ его вѣрою, и охраняется, какъ языкомъ его, такъ и другими внѣшними отпечатками его внутренней жизни. Такимъ охранительнымъ внѣшнимъ отпечаткомъ духа всего русскаго народа, служатъ, между-прочимъ, его церковнославянскія и русскія письмена. А потому, вводить среди православнаго южнорусскаго народа латинскую азбуку, значитъ желать ему только отдѣленія отъ общей семьи православнаго русскаго народа и приближенія къ латинству. Мы очень-хорошо знаемъ, какія были послѣдствія введенія латинскаго алфавита для западныхъ сербовъ, знаемъ, что даже галицкіе русины понимаютъ важность церковнославянскаго и русскаго алфавита, и не смотря на усилія своихъ противниковъ, не хотятъ допустить у себя алфавита латинскаго.

Скажите-же, ради Бога, на какомъ основаніи южно-русское народонаселеніе, простирающееся почти до пяти милліоновъ (разумѣемъ въ губерніяхъ: кіевской, волынской и подольской), должно учиться истинамъ вѣры и русскому языку, читать свою

Digitized by Google

исторію по вашей латинской азбукѣ, а не по своей церковнославянской, или русской? Неужели южнорусскій народъ, чуждавшійся подобнаго алфавита во дни невзгодъ и раздѣленій, долженъ допустить его среди себя теперь, во дни мира, успокоенія и возсоединенія всей Руси подъ державною рукою царей русскихъ?

Быть можетъ, скажутъ, что подобный алфавитъ былъ-бы гуманнымъ средствомъ для сближенія огромнаго православнаго южнорусскаго народонаселенія съ тѣмъ меньшинствомъ его, которое приняло латинство. Но если для сближенія однихъ съ другими нуженъ именно общій алфавитъ, то почему-бы тремъ или четыремъ стамъ тысячъ не принять алфавита пяти милліоновъ и при томъ въ русскомъ царствѣ, на древнерусской территоріи? Кажется, такой способъ сближенія былъ-бы естественнѣе. При томъ-же, если такъ гуманно назначеніе латиноукраинскаго алфавита, то раждается вопросъ: для которой изъ двухъ сторонъ предназначаютъ его? Если для стариннаго православнорусскаго народонаселенія южной Руси, то мы уже показали, до какой степени нелѣпо придумывать для него новый латинскій алфавитъ, когда мы въ немъ вовсе не нуждаемся. Если-же букварь съ новымъ алфавитомъ назначается для того, чтобы меньшинство народонаселенія южной Руси, принявшее латинство, могло потомъ читать произведенія южнорусской письменности, то не странно-ли также, изучивши уже языкъ и понимая его, чуждаться предмета гораздо-легчайшаго, а именно его алфавита, и при томъ гдѣ-же? въ предѣлахъ земли русской? Словомъ, съ какой-бы стороны мы ни разсматривали этотъ алфавитъ съ букваремъ, онъ не имѣетъ добраго смысла и ничего не принесетъ, кромѣ вреда.

Такова наша мысль о лжеукраинскомъ букварѣ среди православнаго южнорусскаго народа. Послѣ того ясно, почему мы не желаемъ ему подобныхъ букварей. Нѣтъ, не такіе букари ему нужны. Приготовляемый къ выходу изъ крестьянскаго состоянія, онъ въ настоящее время, болѣе, нежели когда-либо, нуждается въ средствахъ первоначальнаго обученія, вполнѣ соотвѣтственныхъ его православной южнорусской народности. Таковъ-же долженъ быть и предназначаемый для него букварь. Окончимъ-же нашіи примѣчанія о немъ, начатыя нами выше.

Букварь, предполагаемый для южнорусскаго народа, какъ и для великорусскаго, долженъ заключать въ себѣ два алфавита: церковнославянскій и русскій, изъ которыхъ одинъ служилъ-бы для статей религіознаго содержанія, или, по-крайней-мѣрѣ, для молитвъ, а другой для остальныхъ статей. Составъ букваря по-

Digitized by Google

жетъ быть слѣдующій: въ самомъ началѣ, разумѣется, будутъ помѣщены азбуки церковнославянская и гражданская русская и склады по обѣимъ азбукамъ. За азбукою и складами должны слѣдовать молитвы церковнославянскимъ алфавитомъ. Далѣе можно помѣстить статьи религіознаго содержанія, одни церковнославянскимъ, а другія гражданскимъ алфавитомъ. За этими статьями необходимо помѣстить простое и краткое изложеніе исторіи Руси *). Въ этомъ изложеніи нужно объяснить, (какъ можно короче), что южная Русь издревле составляла одно цѣлое съ сѣверною, съ которою и теперь она составляетъ одну имперію русскую. (Въ среднемъ періодѣ русской исторіи нужно кратко объяснить, что значительная часть южной Руси была соединена съ рѣчью-посполитою польскою, какъ равное съ равнымъ (uti par parі); но что въ слѣдствіе нарушенія этого условія, гоненіями противъ православія, по поводу уніи, тотчасъ возникли войны южноруссовъ (въ лицѣ казаковъ) *съ рѣчью-посполитою*, которыя кончились наконецъ тѣмъ, что при Богданѣ Хмельницкомъ южная Русь снова соединилась съ православною сѣверною Русью. Хотя, наконецъ, этотъ актъ соединенія съ прутскаго Петрова похода былъ нѣсколько измѣненъ, но снова и окончательно осуществился при императрицѣ Екатеринѣ II **). За краткою русскою исторіею

*) См. для примѣра *Русскую азбуку*, изд. Греча, Спб. 1846 г., стр. 79.

**) Случается иногда слышать, что войны южноруссовъ съ польскою рѣчью-посполитою, извѣстныя подъ именемъ казацкихъ, были только возстаніемъ черни противъ дворянства, демоса противъ аристократіи. Этотъ взглядъ ложенъ. Войны, извѣстныя подъ именемъ казацкихъ, возникли вслѣдствіе чрезвычайныхъ угнетеній со стороны польской шляхты, особенно вслѣдствіе уніи, которой не хотѣлъ принимать южнорусскій народъ. Если-же въ этихъ войнахъ не принимали участія значительнѣйшіе южнорусскіе роды и были ненавидимы народомъ русскимъ, какъ, на примѣръ, Вишневецкій, то это потому, что они поддались напору латинопольскаго элемента. По этой-же причинѣ и войны эти на первый взглядъ покажутся возстаніемъ демоса противъ аристократіи; но въ сущности это было возстаніе южнорусской народности противъ латинопольской. Кому-же оставалось вступиться за южную Русь, какъ не людямъ средняго и низшаго класса, когда высшіе представители ея или отступились отъ нея, или двоедушничали? При томъ-же несправедливо, что въ этихъ войнахъ, со стороны южноруссовъ, принимала участіе только чернь. Разумѣется, масса ратныхъ людей, какъ и всегда бываетъ, состояла изъ простаго народа, но между ними было очень-много и шляхетныхъ людей. Если православный южнорусскій народъ не любилъ даже своихъ православныхъ вельможъ, напримѣръ, Киселя, то совсѣмъ не потому, что онъ былъ вельможа, но именно потому, что онъ былъ двоедушенъ, и что, по выраженію современниковъ, кости у него были русскія, но обросли чужимъ мясомъ. Даже въ позднѣйшихъ набѣгахъ казац-

Digitized by Google

можно помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отечественной географіи и естественной исторіи *), а въ заключеніе можно-бы прибавить нравственныя статьи, или объясненія избранныхъ нравоучительныхъ текстовъ на южнорусскомъ нарѣчіи **). Въ началѣ, или въ концѣ грамматики непремѣнно нужно присовокупить краткую статейку о значеніи для всѣхъ русскихъ церковнославянскаго и русскаго алфавита. Но пока будутъ приготовлены подобные буквари, можно употребить въ дѣло теперь-же церковно-славянскіе буквари, издаваемые Кіевопечерскою лаврою, которые были-бы постояннымъ для народа напоминаніемъ о связи его съ древнѣйшею святынею въ южной Руси. Кромѣ-того, необходимо позаботиться о распространеніи въ достаточномъ количествѣ, какъ нужнѣйшихъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ русскихъ книгъ, примѣненныхъ къ его быту.

Но ни буквари, ни другія народныя книги сами собою не принесутъ еще пользы православному южно-русскому народу. Необходимо обратить усиленное вниманіе и на другія, не менѣе важныя мѣры; они будутъ зависѣть уже отъ заботливости пастырей церкви: церковь должна быть первымъ началомъ, скрѣпляющимъ единство всего русскаго народа. Хорошо было бы, еслибы православному духовенству вмѣнено было въ обязанность обученіе дѣтей какъ молитвамъ, такъ и граматѣ церковной и русской. Къ сожалѣнію должно признаться, что этотъ предметъ, не смотря на чрезвычайную важность его, въ здѣшней части Руси, встрѣтитъ много препятствій, между прочимъ даже со стороны сельскаго духовенства. Трудно понять, отчего наше православное духовенство признаетъ своею обязанностію только исполненіе требъ, а обученіе народа церковной грамотѣ, или по крайней мѣрѣ молитвамъ, символу вѣры и десятословію не относитъ къ числу своихъ обязанностей. Между тѣмъ какъ именно въ югозападной Руси подобное обученіе составляетъ теперь самую настоятельную потребность. Кромѣ того, священно-служители же должны принять на себя обязанность обучать желающихъ и русской грамотѣ; разумѣется, тѣмъ лучше было бы, еслибы всѣ обучались и послѣдней. Мы принадлежимъ къ старинному южно-русскому народонаселенію въ югозападной Руси, и всегда должны быть въ неразрывномъ единствѣ съ народомъ

кихъ, значительно утратившихъ свой прежній характеръ, все-таки ясно проглядываетъ это первоначальное, основное начало вражды.

*) См. *азбуку* Греча, стр. 58 и 70.

**) См. для примѣра граматку *Кулиша*, стр. 129.

Digitized by Google

великорусскимъ; а потому и языкъ его, какъ самый образованный изъ трехъ отраслей русскаго языка долженъ быть для всѣхъ отраслей русскаго народа тѣмъ же, чѣмъ былъ некогда аттическій діалектъ для всѣхъ грековъ. Въ югозападной руси (мы разумѣемъ преимущественно кіевскую, волынскую и подольскую губерніи) священно- и церковно-служители тѣмъ охотнѣе должны бы принять на себя эту святую обязанность, потому что здѣсь они получаютъ жалованье отъ правительства. Впрочемъ отъ зажиточныхъ поселянъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ, они могли бы получать нѣкоторое вознагражденіе, лишь бы не превышающее скудныхъ средствъ земледѣльца.

Чтобы съ подобнымъ обученіемъ народа, столь необходимымъ въ этомъ краѣ, сельское духовенство свыклось, какъ съ непремѣнною своею обязанностію, хорошо было бы, во-первыхъ, еще въ семинаріяхъ объявлять ученикамъ при выпускѣ, что на этомъ только условіи они могутъ быть допущены къ званію священно-служителей, и предъ поступленіемъ въ это званіе требовать отъ нихъ подписки въ исполненіи наставнической обязанности; во-вторыхъ, нѣтъ никакой нужды ограничиваться только лицами духовнаго званія при замѣщеніи причетническихъ должностей. Многіе изъ нынѣшнихъ причетниковъ именно потому и бываютъ небрежны въ исполненіи своихъ обязанностей, что знаютъ, что исключеніе изъ духовнаго званія, какъ наказаніе, бываетъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Между тѣмъ какъ честные грамотные мѣщане, или крестьяне, выбранные въ причетническое званіе, по общему голосу прихожанъ, гораздо болѣе дорожили бы своимъ званіемъ и гораздо лучше исполняли бы свои обязанности. Быть можетъ, по этой же причинѣ, лучше было бы облегчить и лицамъ другихъ званій доступъ въ семинаріи и къ священническому сану.

Наконецъ, весьма хорошо было бы, если бы и здѣшніе православные монастыри своими посильными трудами содѣйствовали приходскому духовенству на этомъ новомъ поприщѣ; они могли бы открыть у себя небольшія школы для дѣтей крестьянъ по крайней мѣрѣ близъ-лежащихъ селеній. Въ особенности много добраго могла бы сдѣлать въ этомъ отношеніи Кіевопечерская Лавра не только полезными книгами (даже церковными букварями) для народа, но и заведеніемъ небольшаго количества сельскихъ школъ въ каждой изъ трехъ югозападныхъ губерній и обученіемъ въ нихъ посредствомъ нарочно-высылаемыхъ для этой цѣли примѣрныхъ иноковъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, каковы бы ни были разногласія касательно предложенныхъ нами мѣръ первоначальнаго народнаго обученія, одно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что начала новой жизни православныхъ южно-русскихъ крестьянъ въ югозападной Руси требуетъ теперь же самой неусыпной заботливости о немъ со стороны Церкви и Правительства.

N.

Старчество.

(Съ педагогической точки зрѣнія.)

«Мертвые никогда не могутъ быть слишкомъ стары» сказалъ однажды въ шутку Беранже — и въ этомъ, конечно, большое преимущество мертвыхъ передъ живыми, которые часто старѣютъ до того, что наконецъ теряютъ совершенно всякій органъ къ впечатлѣніямъ вѣчно-юной, вѣчно-измѣняющейся жизни. Старость многихъ поколѣній копится на потомкахъ, и въ этомъ отношеніи, мертвые иногда въ самомъ дѣлѣ моложе. За сто слишкомъ лѣтъ назадъ Кантемиръ говорилъ:

«Еслибъ я, увидѣвъ, что кто нибудь не выпускаетъ изъ рукъ часовника и по пяти разъ въ день побываетъ въ церкви, постится, ставитъ свѣчи и не спитъ съ женою, хотя пускаетъ голымъ бѣдняка, отнявъ послѣднюю у него рубашку, — еслибъ я, увидѣвъ такого человѣка, сказалъ ему: «Дружокъ! ты заблуждаешься: этимъ путемъ въ рай не войдешь, а если заботишься о спасеніи души, то возврати неправедно присвоенное» — онъ, воспылавъ гнѣвомъ, вѣроятно, отвѣтитъ мнѣ: «Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ». И точно: мнѣ не минуло еще и тридцати лѣтъ, еще не посѣдѣлъ ни одинъ черный волосъ на головѣ моей. Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ исправлять сѣдыхъ старцевъ, которые читаютъ съ очками и едва три зуба успѣли сберечь за губами».

Кантемиръ, писавшій это въ 1739 году, былъ очень молодъ; такимъ онъ остается для насъ и до нынѣ, а мы, принужденные черезъ сто двадцать лѣтъ повторять подобное, не правда ли, очень стары?

Любопытно однако посмотрѣть, какъ измѣнился вѣкъ съ того времени. Мы уже всѣми силами воспріимчивой русской души придвинулись къ западу, который, не смотря на свою дряхлость, все еще полонъ для насъ плодовъ и цвѣту; Петровское окошко

Digitized by Google

стало намъ широкою дверью, — вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился во многомъ и характеръ нашего старчества.

Не одни только герои о трехъ зубахъ (этого, собственно говоря, и не бываетъ, потому что искусство вставлять зубы достигло нынѣ высшаго совершенства) являются его представителями; но и люди зрѣлаго мужества, и на видъ цвѣтущіе юноши, и порою даже младенцы. Чтобъ читателямъ не показалось преувеличеннымъ такое утвержденіе, разсмотримъ отличительныя черты старчества съ педагогической точки зрѣнія. Педагогика, какъ наука, имѣющая дѣло съ развитіемъ всѣхъ способностей въ человѣкѣ, укажетъ намъ также, въ чемъ несомнѣнный характеръ застоя. Мы очень много читали статей, въ которыхъ объясняется, что должно дѣлать съ дѣтьми для возбужденія въ нихъ охоты къ ученью; намъ также полезно знать, съ какими дѣтьми порою имѣемъ мы дѣло, и на сколько способны мы сами быть воспитателями общества. Если въ нашей статьѣ встрѣтятся нѣкоторыя повторенья уже давно знакомаго, то просимъ извинить. Не думая никого исправлять, мы только слѣдуемъ примѣру педагога, который, сказываютъ, тѣмъ и увѣщевалъ своихъ слушателей, что безпрестанно повторялъ каждому изъ нихъ: «Ты, братецъ, спасалъ Римъ съ гусями». Слова эти вошли въ поговорку, и воспитанники часто употребляли ее между собою, говоря товарищу, сдѣлавшему какую нибудь глупость: «Экъ, спасъ Римъ!» Каждый изъ нихъ наконецъ ничего такъ не боялся, какъ «спасти Римъ».

Старчество выражается:

a) Совершеннымъ притупѣніемъ жизненныхъ органовъ.

b) Стремленіемъ человѣческой души ко сну и къ покою.

c) Лихорадочной дѣятельностью, подобной тому, когда больной мечется на смертной постелѣ.

Тамъ, гдѣ вѣкъ и общество требуютъ отъ каждаго живой, неутомимой дѣятельности, счастливѣе многихъ здоровыхъ людей глухіе, слѣпые, параличные и другаго рода убогіе люди. Заслуживая наше состраданіе, они ни въ чемъ не заслуживаютъ упрека. Способность вѣчно жить въ заколдованномъ кругу мечты, забывая насущную боль и скуку, послужила бы для нихъ скорѣе предметомъ похвалы, чѣмъ осужденья. «Бѣдный человѣкъ» скажутъ про нихъ «лишенъ всего, что даетъ наслажденіе слуху и отраду взору; а между тѣмъ посмотрите: вѣдь нашелъ себѣ утѣшеніе»!

Пиндаръ такъ описываетъ островъ блаженныхъ: «Тамъ не

Digitized by Google

нужно бороздить силою рукъ ни земли, ни морской пучины; сладкіе вѣтерки и тамъ лелѣютъ златые плоды (безъ золота, какъ видите, нигдѣ не обойдешься) и все кругомъ обвито пышными гирляндами цвѣтовъ». Такова по истинѣ жизнь людей убогихъ! Чувствуютъ ли однако и они свое горе? Конечно. Но кромѣ недуга болѣзни есть недугъ здоровья, еще болѣе горькій и чувствительный. Жажда видѣть и слышать, жажда вѣчнаго движенья порою истомляютъ хуже лихорадки. Глухота и слѣпота избавятъ, какъ отъ этихъ бѣдъ, такъ и отъ другихъ напастей, проникающихъ чрезъ слухъ и зрѣніе въ сердце человѣка. Кромѣ такихъ людей, живущихъ поневолѣ призраками сна, встрѣчаются старцы (какого бы они ни были возраста), которые, по дѣйствію окружающаго ихъ воздуха, или ужъ по природному миролюбію, никогда не чувствовали потребности быть молодыми, хотя имѣютъ въ цѣлости всѣ потребные къ тому органы. Тайныя тревоги сердца, недовольство собою, страстное увлеченіе души, способность высоко уноситься по воздуху и спотыкаться на твердомъ пути, восторгъ и отвращенье, пламя гнѣва и неистовый жаръ любви — весь этотъ кипучій водоворотъ юноши — для нихъ застывшая лава. Безпечная веселость вѣчно сіяетъ въ ихъ взорахъ, и про нихъ обыкновенно говорятъ: «Добрый человѣкъ! Славный малый!» И они, дѣйствительно, также добры, какъ старый, расплывшійся песъ, который по особенному расположенію кухарки, Агафьи, спитъ, растянувшись у печки, не охотно просыпаясь даже, чтобъ ѣсть, и никогда ни на кого не лаетъ. Нельзя сказать, чтобъ они спали постоянно: напротивъ, въ ихъ движеніяхъ иногда замѣтна даже рѣзвость кота, бѣгающаго весною по крышамъ; но, кромѣ этого, исключительнаго признака жизни, всѣ органы ихъ такъ странно устроены, что предметы, волнующіе обыкновенныхъ людей, ихъ нисколько не тревожатъ. Они поѣдутъ на похороны, также какъ на свадьбу, имѣя и въ первомъ и во второмъ случаѣ одну заботу: оцѣнить достойнымъ образомъ искусство повара. Васъ чаруетъ до безумія кокетливый Рейнъ среди его мрачныхъ скалъ и замковъ, веселыхъ сіяющихъ городковъ и узоровъ винограда; васъ плѣняетъ зелень миртъ, лавровъ и померанцевъ подъ лазоревымъ небомъ Италіи; вамъ вѣчно памятна шумная, неугомонная, блестящая жизнь Парижа. И они, пожалуй, объѣдутъ всю Европу, и вотъ, въ ихъ записной книжкѣ прочтете:

«Майнцъ, 13-го мая. Отвратительныя котлетки!.. сорвали въ три дорога!... Прислуживала нѣмка — совершенный габер-супъ.

Digitized by Google

Интерлакенъ, 5 іюня. Порядочные однако подлецы швейцарцы! Наставили по шкапамъ деревянныхъ игрушекъ.... смотришь: 5 франковъ, 20 франковъ... А вѣдь, чортъ, соблазнишься, купишь! Ну, какъ не привезти домой дѣтямъ? Дескать, изъ-за границы.... А у насъ ярославскій мужикъ не хуже сдѣлаетъ!

Парижъ 6-го августа... Роза! Роза! эхъ, лакомый кусочикъ, за то сто франковъ.... вѣдь не шутка!»

Штетинъ 1-е сентября. Ну, слава Богу!.. домой! Какъ пріѣду въ Петербургъ, такъ тотчасъ дамъ знать по телеграфу въ Москву, чтобъ приготовили стерляжьей ухи и самой крутой каши... Просто, одолѣла эта нѣмецкая кухня!»

Можетъ быть, подумаютъ, что это люди нѣсколько раздражены противъ общественнаго зла Европы или заражены скупостью? Нисколько! Они ни разу въ жизни ни на что не сердились. Въ ихъ, на видъ непріязненныхъ, возгласахъ, все таже bonhommie, привѣтливость и любезность. Взявъ съ улицы перваго попавшагося нѣмца, они напоятъ его шампанскимъ, и потомъ скажутъ: «Вишь, бестія! любитъ погулять на чужой счетъ»... Но это не помѣшаетъ имъ вновь напоить его и вновь надъ нимъ посмѣяться. Какъ поступали бы они тамъ, гдѣ обстоятельства принудили бы ихъ не на шутку съ кѣмъ нибудь ссориться? Странно, что такихъ обстоятельствъ съ ними никогда не бывало! Еще въ школѣ они терпѣли единицы, заключеніе въ карцеръ, толчки товарищей съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Учитель, напримѣръ, разбранитъ, выгонитъ изъ класса, запишетъ въ штрафную книгу. Юноша, обыкновенно довольно рослый, встрѣчая его послѣ этого, раскланивается, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и говоритъ, усмѣхаясь: «А я сидѣлъ изъ за васъ здѣсь на воскресенье»!—Чтожъ, пріятно?—спрашиваетъ учитель—«Ничего. Мы цѣлый день играли въ бирюльки».—Ну, смотрите же! впередъ не лѣниться!—«Какъ можно! Не буду....»

Эти лица, считавшіяся въ школѣ ни къ чему неспособными и выключаемыя съ позоромъ, не окончивъ курса, какимъ-то чудомъ являются въ свѣтѣ довольно видными людьми и часто служатъ не безъ успѣха. Ихъ любятъ и дамы, которымъ бываютъ они самыми искренними лакеями. Они приняты съ отверстыми объятіями, какъ въ дружескихъ кружкахъ, такъ и въ модныхъ собраніяхъ. Услужливость открываетъ имъ доступъ въ сердце каждаго, и здѣсь тайна ихъ успѣха. Они, какъ сказалъ я, совершенно чужды злобы. Встрѣтясь съ тѣмъ же учителемъ, настойчивость котораго, можетъ, болѣе всего содѣйствовала къ

Digitized by Google

ихъ исключенію изъ училища, они говорятъ: «Сергѣй Петровичъ! здравствуйте.... Что? какъ теперь у васъ учатся? А помните, я-то, я-то сколько имѣлъ у васъ нулей! Ха, ха, ха! Знаете, приходите комнѣ.... угощу такимъ шампанскимъ, что нѣкъ не забудете!» Какъ не назвать ихъ послѣ этого добрыми малыми? Къ какой бы партіи ни принадлежалъ, какого мнѣнія ни держался бы человѣкъ, они со всякимъ сойдутся, потому что въ сущности всѣ партіи соединяются въ стремленіе хорошо поѣсть и пображничать. Затѣютъ ли споръ о томъ, полезно или вредно было для Россіи бритье бороды, они будутъ утверждать, что необходимо носить ее и въ тоже время уничтожить.

«Какія надежды! какой блестящій успѣхъ на поприщѣ гражданственности готовится нашему отечеству! Свободный трудъ наконецъ получаетъ свое значеніе въ Россіи!» говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ. «Удивительно! Удивительно!» отвѣчаетъ Петръ Ильичъ. «Я вамъ скажу: это эпоха! Мы дѣлаемъ прогрессъ... прогрессъ— вотъ что важно.»

«Послушайте однако», вмѣшивается другой: — «Зачѣмъ такъ увлекаться? Нужно, чтобъ это сдѣлалось само собою, постепенно.... А то посмотрите, какъ нашъ мужикъ необразованъ! Скажи ему, что онъ вольный... онъ, пожалуй, не будетъ и оброку платить.»

«Да, да, ужасно!» отвѣчаетъ Петръ Ильичъ «не будетъ платить, и баста!»

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что эта услужливость и сговорчивость собственно не есть признакъ старчества, что старцы напротивъ того бываютъ упрямы, необщительны и брюзгливы. Но мы разумѣемъ здѣсь однихъ добрыхъ, незлобныхъ старцевъ, мы беремъ наконецъ растеніе въ корнѣ, а не въ цвѣткахъ. Цвѣтки оказываются рано или поздно. Мы видимъ, какъ изъ юношеской лѣни и вялости возникаетъ совершенная неспособность къ какому нибудь труду; отъ неспособности является желеніе устроить жизнь безъ борьбы миролюбивымъ образомъ; наконецъ приходитъ пора отдохнуть на лаврахъ: человѣкъ женится, толстѣетъ, и ограничиваетъ всѣ свои желанія сытнымъ обѣдомъ и крѣпкимъ сномъ послѣ онаго. Нужно ли говорить, что онъ былъ когда нибудь молодъ? Онъ въ сущности ни въ чемъ не измѣнился отъ начала до конца жизни.

Если бы педагогика хотѣла обратить вниманіе на этотъ родъ старчества, то должна бы въ значительной мѣрѣ воспользо-

Digitized by Google

ваться помощью медицины. Вялость и неспособность дѣтей является то какъ наслѣдственный порокъ, то какъ слѣдствіе дурнаго ухода въ младенчествѣ. Посмотрите на этого ребенка: онъ едва движется, онъ до семи лѣтъ не пріобрѣлъ способности говорить, и сосетъ одни леденцы, отказываясь отъ всякой здоровой пищи. «Больной!» говорятъ родители. «Не слѣдуетъ бѣдняжку принуждать.... Слава Богу, что спитъ спокойно.» И дѣйствительно, золотуха, оспа, чесотка попеременно доказываютъ въ немъ не малую испорченность крови. Больной и вялый, въ десять лѣтъ онъ по прежнему остается тупъ и неподвиженъ. Развивайте его, если у васъ достанетъ на то умѣнья. Напрасное безпокойство! Бабушка, Ѳедосья Кириловна, разовьетъ прежде. «Голубчикъ мой! скажетъ она:—замучили тебя этимъ проклятымъ ученьемъ. Говорила отцу, чтобъ берегъ, такъ нѣтъ! посылаетъ въ школу. Поди сюда, мой ангелочекъ! Бишь, и глазки то со всѣмъ распухли отъ книгъ.... Поди сюда.... На, вотъ, покушай пряничка, да посиди со мною.» А отецъ тутъ же при случаѣ прибавитъ. «Ничего! не робѣй, Ваня! Не всѣмъ хватать съ неба звѣзды. Вотъ, есть куда какіе умники, да гуляютъ по городу безъ мѣста.... А ты, дружокъ, потерпи, да умѣй всякому услужить, такъ и тебя никто не обидитъ. Пусть не бойкаго ума, да скажутъ: доброе сердце!»

Разстанемся наконецъ съ этими добросердечными старцами и перейдемъ къ другимъ, у которыхъ стремленіе къ сну и неподвижности происходитъ вовсе не отъ тупости органовъ, а есть какъ будто сознательное, неутомимое преслѣдованіе избранной идеи. Тутъ представляются намъ особенныя трудности въ опредѣленіи типовъ, потому что типы эти разнообразны до безконечности. Мы избираемъ только немногіе.

Вотъ господинъ на видъ угрюмой, сердитой наружности: изъ подъ сморщенныхъ, низкихъ бровей глядятъ тупо холоднымъ стеклянным взоромъ глаза; сжатыя губы, выдавшійся подбородокъ и стянутыя къ низу морщины лица свидѣтельствуютъ о затаенной ненависти противъ свѣта. Да! господинъ этотъ имѣетъ право быть недовольнымъ: онъ обойденъ мѣстомъ, для достиженія котораго пять лѣтъ на роскошныхъ обѣдахъ воздерживался отъ вина и мяса, чтобъ заслужить одобреніе своего начальника.

Какъ это случилось, неизвѣстно; но мѣсто получилъ одинъ молодой человѣкъ, вольнодумецъ, сумазбродъ, запретившій даже чиновникамъ приходить къ нему съ поздравленіемъ въ празд-

Digitized by Google

никъ. Это тѣмъ обиднѣе господину: самъ готовясь быть отчаяннымъ вольнодумцемъ по случаю своей неудачи, онъ вскипѣлъ непримиримой враждою противъ всего молодаго поколѣнія. Безсильная ненависть затвердѣла, окаменѣла въ его сердцѣ, превратившись въ какой-то родъ помѣшательства. «Развратъ! развратъ! говоритъ онъ, и одинаково бранитъ старину и новый вѣкъ.

Вотъ другое лицо не очень важнаго чина, но очень солидное. Имѣя съ младенчества исключительную любовь къ порядку и охраненію своей собственности, Сергѣй Семеновичъ превратился, такъ сказать, въ олицетворенный порядокъ. Подобно фраку или вицмундиру, и душа его застегнута на всѣ пуговки отъ верху до низу. Онъ держится прямо, говоритъ медленно и точно, не дозволитъ ни себѣ ни другимъ малѣйшаго въ чемъ либо излишка. Когда чиновникъ, однажды изъ усердія окончивъ ранѣе обыкновеннаго дѣло принесъ для доклада, Сергѣй Семенычъ съ неудовольствіемъ вскрикнулъ: «кто васъ просилъ! вы вовсе не знаете порядку....»

Однажды разсказывалъ онъ пріятелю о предстоящей поѣздкѣ своей сестры за границу и чертилъ пальцемъ на столѣ карту, обозначая съ точностью каждое мѣсто, куда сестра его поѣдетъ. Разсказъ шелъ такъ чинно и такъ долго тянулся, что гость началъ уже засыпать. Сергѣй Семеновичъ все еще продолжалъ: «Отсюда.... отсюда пароходъ идетъ на прямой линіи къ толбухинскому маяку.... Толбухинскій маякъ находится вотъ здѣсь.... Такимъ образомъ пароходъ идетъ сюда къ толбухинскому маяку. Потомъ слѣдуетъ черта, проведенная.... проведенная въ направленіи къ острову, который.... къ этому скалистому острову....» Сергѣй Семеновичъ приложилъ палецъ ко лбу.

Сынъ его, очень бойкій мальчикъ, всегда внимательно слушавшій, что говорятъ старшіе, не удержался, чтобъ не воскликнуть: «Папа! Гохландъ....»

«Проведенная въ направленіи къ скалистому острову, Гохланду» продолжалъ Сергѣй Семеновичъ, и потомъ, обращаясь къ сыну съ гнѣвнымъ лицомъ, протяжно сказалъ: «Кто тебя спрашивалъ? Долженъ молчать, молчать, когда говорятъ другіе. Ступай сейчасъ въ уголъ и тамъ у меня стой, пока не дозволю сойти съ мѣста.»

На счетъ нравственности Сергѣй Семеновичъ также очень строгъ; онъ готовъ видѣть ея нарушеніе въ томъ, что во время обѣда кто нибудь скатаетъ шарикъ и кинетъ,—что кто-нибудь

Digitized by Google

громко заговоритъ и разсмѣется. Современная наука ведетъ, по его мнѣнію, только къ невѣрію и непокорству; но онъ не скажетъ этого прямо, а изъяснится такимъ образомъ: «Не понимаю, за чѣмъ молодымъ людямъ столько учиться, когда въ настоящее время главная цѣль создать полезныхъ отечеству гражданъ! Слѣдовательно, не знаніе, а, такъ сказать, сознаніе.... сознаніе своего долга должно руководить ихъ шагами при вступленіи на службу....

Однако современная жажда къ преобразованіямъ такъ сильна, что она коснулась и Сергѣя Семеновича. Онъ предложилъ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія по канцеляріи, въ которой служилъ:

1) Подобно входящимъ и выходящемъ бумагамъ, записывать каждаго чиновника, обозначая съ точностью время его прихода и ухода.

2) Для распространенія гласности завести у каждой двери звонокъ.

3) Натирать полы особенно рода мастикой для приданія бо́льшаго блеску.

4) Устроить изъ учебныхъ заведеній подобіе маленькихъ департаментовъ и завести между ними переписку для обученія служебному порядку.

Вы вѣроятно, знаете Фридриха Карловича? Если не знаете, то я васъ познакомлю. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ пилъ пиво и распѣвалъ пѣсни со студентами разныхъ германскихъ университетовъ. Написавъ диссертацію «о значеніи стрекозы въ древней миѳологіи,» онъ возвратился въ Россію, гдѣ и дѣйствовалъ постоянно по учебному вѣдомству. Нельзя не любить Фридриха Карловича за то, что онъ питаетъ глубокое уваженіе къ наукѣ, хотя и полагаетъ, что современная наука движется не впередъ, а все назадъ, или лучше сказать, изъ прежняго, исполненнаго глубины, мыслителя становится какой-то разряженной барышней сомнительнаго поведенія. Защищая исключительно спеціальность, онъ до сихъ еще поръ продолжаетъ свое изслѣдованіе о стрекозѣ и уже началъ доказывать, что во многихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ, какъ, напримѣръ, о Карлѣ Великомъ, стрекоза въ видѣ различныхъ символовъ играла непослѣднее значенье. Такъ приближается онъ постепенно къ нашему времени. Когда у насъ явилась любовь къ филологическимъ изслѣдованіямъ, и Фридрихъ Карловичъ началъ вникать, нельзяли еще извлечь чего нибудь изъ стрекозы. Онъ безъ труда открылъ, что это слово явно раздѣляется на двѣ части: *стре* и

Digitized by Google

коза. Обратившись къ нашей миѳологіи, онъ также безъ труда нашелъ, что первый слогъ: *стре* или *стри* есть сокращенное «Стрибогъ,» богъ стриженія козъ. Такимъ образомъ явилась у него мысль для новаго разсужденія: «о Стрибогѣ и о козѣ.» Наконецъ, при современномъ движеніи умовъ, и Фридрихъ Карловичъ не хотѣлъ остаться бездѣйственнымъ. Онъ предполагаетъ составить новую науку подъ названіемъ: «Стрекозологія» и по возможности открыть особенныя публичныя чтенія объ этомъ предметѣ.

Наружность старца, какъ мы замѣтили, иногда бываетъ очень обманчива. Вы встрѣтите господина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, который на видъ кажется довольно дѣятеленъ, говоритъ важно о пользѣ науки, упрекаетъ молодое поколѣніе въ лѣности и общество въ эгоизмѣ; а въ сущности онъ первый, какъ рогатый волъ, упрется противъ какого нибудь преобразованія, служащаго залогомъ общественнаго успѣха.

Вы вдругъ находите самый сильный отпоръ тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали. Покамѣсть общество спокойно, неподвижно, эти лица считаются чуть ли не первыми двигателями; едва начинается малѣйшее движеніе впередъ, открывается вся сила энергіи, заключенная въ ихъ натурѣ.

«Какой успѣхъ!» говорятъ они «обрадовались успѣху! Ну, такъ, если угодно, ступайте себѣ жить въ хижину между аркадскими постушками, а я вамъ слуга покорный! Отъ идей сытъ не будешь. Да и вовсе не наше дѣло мѣшаться во всю эту исторію: что прикажутъ, то и будете дѣлать. А я вамъ скажу, что изъ этаго все-таки ничего не выйдетъ. Что за нелѣпая мысль измѣнять все на новый ладъ, какъ будто бы вамъ за это давали, Богъ вѣсть, какія деньги! Ну, хотите показать ваше безкорыстіе, такъ пожертвуйте своимъ жалованьемъ для пользы общей, и ступайте мостить мостовую на улицу. А нѣтъ, такъ нечего и разглагольствовать объ успѣхахъ, нечего соваться вездѣ со своимъ носомъ! Вы только по пустякамъ мутите воду!»

Есть также старцы сатирическаго направленія, которые, не мѣшая и не противорѣча никому, мирно плывутъ на своей ветхой баркѣ по общему теченію жизни, заботливо пща мелководія, чтобъ не быть увлечену потокомъ. Быстрота вообще для нихъ не здорова. Но наблюдая издали смѣлый ходъ другихъ лодокъ и лодочекъ, дерзающихъ идти по самой глубинѣ, они выражаютъ несказанную радость, когда эти лодки, въ соревнованіи опередить одна другую, какъ нибудь столкнутся и перекувырнутся.

Digitized by Google

Они рады бы и сами содѣйствовать этому; но ветхость дней и боязнь за свою утлую барку не дозволяютъ имъ пускаться далеко отъ берега.

«Что взялъ!» восклицаютъ они. «Шибко шелъ, да остался позади.... Эка штука! не трудно сломать голову. Нѣтъ! ты съумѣй потихоньку, потихоньку, пробраться.... А то побѣгу впередъ, обгоню.... вотъ, и обогналъ! Я, дескать, легокъ на ходу.... мнѣ все ни почемъ. Я, дескать, укажу еще другимъ дорогу.... Указалъ! Вотъ, и сиди на днѣ съ рыбами, и кушай уху.... небось, вкусна!» Такъ восклицаютъ они, и продолжаютъ барахтаться въ болотной травѣ со своею баркою.

Есть еще нравственнае старцы.... Но нравственность, какъ извѣстно, у старцевъ совершенно особеннаго рода: она у нихъ подобна цвѣтамъ, которые производитъ на окнахъ морозное, зимнее солнце. Нравственные старцы постоянно жалуются на грубый матеріализмъ современнаго общества, на отрицательный духъ вѣка, на эгоистичное направленіе умовъ, жаждущихъ злата, и потому совѣтуютъ возвратится къ благочестивой старинѣ, къ могиламъ предковъ. Что касается эгоизма и матеріальнаго направленія общества въ нѣкоторыхъ, частныхъ его явленіяхъ, то, конечно, этому нельзя сочувствовать; но общее, цѣлое все-таки говоритъ въ пользу вѣка. Нравственные старцы не хотятъ понять, что ни въ одинъ вѣкъ не было столько доблестныхъ примѣровъ безкорыстнаго самопожертвованія для идеи, никогда наука не рѣшала столько вопросовъ, касающихся нравственнаго развитія человѣчества. Если же личный интересъ повсюду связанъ съ общественнымъ, то можетъ ли быть въ этомъ вредъ, когда побѣда остается за нравственными началами? Но этимъ людямъ нужна собственно не нравственность, а мягкая подушка для ихъ больной головы, которую можетъ повредить малѣйшій камешекъ сомнѣнья. Они обыкновенно хвастаютъ своей добротою; но доброта эта ограничивается тѣмъ, что они оказываютъ помощь родственникамъ и близкимъ знакомымъ, ничего не дѣлая для пользы общей.

Но изо всѣхъ старцевъ, которыхъ гдѣ-либо найдете, всего милѣе и любопытнѣе для изслѣдованія разновидные старцы. Мы ихъ назвали такъ потому, что они дѣйствительно, подобно прозрачному камню, отражающему всѣ семь цвѣтовъ радуги, безпрестанно мѣняютъ свой видъ. Какъ въ камнѣ, и у нихъ это происходитъ не вслѣдствіе какой-либо внутренней, разнообразно дѣйствующей силы, а только чрезъ отраженіе. Внутри вы нахо-

Digitized by Google

дите совершенно безцвѣтную, прозрачную и твердую среду, чистѣйшій кристалъ, на которомъ однако ничто не пуститъ корня. Отчегожъ все-таки не полюбоваться игрою красокъ? Вы смотрите и удивляетесь. Вотъ, голубой цвѣтъ, совершеннѣйшій цвѣтъ невинности! Но старецъ повернулся — и лице его озарено розовымъ сіяньемъ! Еще минута — и самый темный, мутный цвѣтъ, какъ будто солнце зашло за тучу.

Люди, ищущіе во всемъ глубокой причины, часто совершенно теряются въ сомнѣніи, не зная, какъ объяснить эти перемѣны. Но такіе люди должны бы наконецъ успокоиться, потому что описанные нами старцы на каждомъ шагу встрѣчаются въ обществѣ. Кириллъ Ѳадѣичъ еще недавно объяснялъ, какой страшный вредъ происходитъ отъ ученья, какъ рождаетъ оно самоувѣренность въ молодыхъ умахъ и ведетъ къ нарушенію общественнаго порядка. Кирилла Ѳадѣича всѣ сочли человѣкомъ отсталымъ; молодые люди отшатнулись отъ него подальше. Оказалось, что Кириллъ Ѳадѣичъ хочетъ издавать журналъ съ цѣлію проводить современныя идеи въ общество. Тотчасъ же собралась около него кучка довѣрчивыхъ юношей: многіе даже ужаснулись его вольнодумства. Но не прошло году, и Кириллъ Ѳадѣичъ, получивъ новое мѣсто, жесточайшимъ образомъ распекъ молодежь въ присутствіи одного важнаго начальника, за то, что не всѣ тотчасъ стали на вытяжку. Даже самъ посѣтитель попросилъ его умѣрить усердіе, говоря, что вовсе не требуетъ такого строгаго исполненія формы. Но едва начальникъ ушелъ, какъ Кириллъ Ѳадѣичъ замѣтилъ, обращаясь къ той же молодежи: «Ну, братцы, избавились.... Какъ гора съ плечь... Вѣдь вотъ, стой на вытяжку, какъ пень; а дѣла не спросятъ».

Въ тотъ же день вечеромъ, бывши въ собраніи, онъ такъ распространялся о современной порчѣ нравовъ: «Не будетъ, не будетъ у насъ успѣха, пока не искоренятъ эту двуличность, это лицемѣріе, съ которымъ человѣкъ говоритъ вамъ въ глаза одно, а за глазами другое».

Иногда высказывается въ немъ въ отношеніяхъ къ кому-нибудь необыкновенная нѣжность. Онъ васъ обниметъ, поцалуетъ въ щеку, глаза засіяютъ слезами отъ избытка чувства. Тогда берегитесь. Это вѣрный признакъ, что Кириллъ Ѳадѣичъ или собирается вамъ нагадить или, уже нагадилъ съ избыткомъ. Кириллъ Ѳадѣичъ необыкновенно уступчивъ въ мнѣніяхъ и свободно дозволяетъ каждому подавать свой голосъ; но какъ-то всегда бываетъ, что никто не подаетъ его, и все дѣлается по

Digitized by Google

его желанью, а желанье его состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлалось.

«У молодыхъ людей, говоритъ онъ, нынѣ нѣтъ никакихъ убѣжденій. Грустно смотрѣть, какъ живутъ они совершенно по волѣ случая, по волѣ своей мимолетной страсти, которая ежеминутно увлекаетъ ихъ къ новымъ предметамъ. Нѣтъ! по моему, если ты защитникъ прогресса, то первый докажи это собственнымъ примѣромъ: стой твердо на пути истины, иди трезво и бодро впередъ, а главное заботься о томъ, чтобъ сберечь энергію для благотворной дѣятельности, сберечь чистымъ и непорочнымъ свое чувство и просвѣтить умъ основательной наукою». Но случись, что кто-нибудь съ нѣкоторымъ упорствомъ будетъ защищать свои убѣжденія, и Кириллъ Ѳаденчъ скажетъ:

«Вотъ, каковы нынѣ молодые люди! Едва молоко обсохло на губахъ, ужъ каждый суется со своимъ мнѣніемъ; ужъ воображаетъ, что онъ мудрецъ, политикъ, преобразователь! И какія тутъ убѣжденія! Не въ убѣжденіяхъ дѣло, а слѣдуетъ слушать того, кто по опытнѣе, да по старше.»

Разумѣется, и то и другое будетъ сказано въ приличномъ случаѣ и при различныхъ обстоятельствахъ. Если же и случится кому-нибудь словить Кирилла Ѳаденча въ противорѣчіи, то онъ всегда найдетъ средство вывернуться, потому что въ каждомъ предметѣ есть сторона лицевая и изнанка. Какъ искусный фокусникъ, онъ вдругъ покажетъ вамъ птицу, тогда какъ вы думали видѣть яйцо, а при случаѣ готово доказательство, что птица изъ яйца же выходитъ. Самое сомнѣніе на счетъ своей искренности Кириллъ Ѳаденчъ съумѣетъ обратить себѣ въ пользу, доказавъ, что всякій мыслящій человѣкъ, чтобъ узнать вѣрнѣе людей, долженъ испытывать и ту и другую сторону, что ему не слѣдуетъ увлекаться пристрастіемъ къ какой-нибудь партіи, а во всемъ сохранять умѣренность, осторожность, благоразуміе. Изъ предъидущаго уже видно, что Кириллъ Ѳаденчъ обладаетъ необыкновеннымъ даромъ слова. И дѣйствительно, какъ древніе схоластики, онъ способенъ говорить экстрактомъ длинную рѣчь на какую угодно тему, защищать любую тезу. Это особенно и плѣняетъ слушателей: «А молодецъ, чортъ возьми!» говорятъ они, «откуда что у него родится... Ораторъ! совершенный ораторъ!» Люди ужъ такъ устроены, что любятъ всякій обманъ, ловко задуманный и исполненный. «Ну, Кириллъ Ѳаденчъ!... размазали дѣло... Славно! славно! да вамъ только и быть дипломатомъ!» Кирилъ Ѳаденчъ не прочь отъ этой похвали, какъ видно изъ

Digitized by Google

его самодовольной улыбки; но сводитъ тотчасъ рѣчь въ сторону на какой-нибудь нравственный вопросъ, чтобъ новымъ впечатлѣніемъ загладить первое, все-таки не совсѣмъ для себя выгодное. При этомъ ораторствуетъ онъ такъ краснорѣчиво, что у слушателей выступаютъ на глазахъ слезы умиленья. Бываютъ однако случаи, когда нужно лицомъ къ лицу во всей прямотѣ души стать предъ судомъ общественнымъ, и, снявъ маску, сказать опредѣленно, что ты за человѣкъ и къ чему направлена твоя воля. Судъ общественный! развѣ возможенъ онъ въ тѣхъ разъединенныхъ кружкахъ, гдѣ все происходитъ домашнимъ, келейнымъ образомъ, основываясь на первобытныхъ началахъ семейства и патроната; гдѣ самая пестрота и шаткость въ мнѣніяхъ раздробляютъ до безконечности голоса и интересъ общественный всегда молкнетъ передъ мелкимъ, личнымъ интересомъ. «Мы собрались въ дружную семью» — вотъ первое и послѣднее слово такихъ обществъ. Это значитъ: «Мы будемъ защищать другъ друга, какъ родственники. Какъ родственникамъ, намъ принадлежатъ и всѣ права по наслѣдству. Всякій, принятый въ нашу семью, во всемъ правъ и достоинъ уваженья, а до прочихъ намъ нѣтъ дѣла. Мы ужъ за своего постоимъ. Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!» Слѣдовательно, во имя нѣжныхъ узъ родства тутъ терпима всякая посредственность и плохость: шелудивому сыну тѣмъ болѣе любви и ласки. Если бы кто вздумалъ въ такомъ обществѣ сказать безпристрастное слово въ пользу успѣха, то каждый счелъ бы это оскорбленіемъ собственной личности и воскликнулъ: «Ты насъ выдаешь! ты измѣнникъ!»

Такимъ образомъ немудрено за стѣнкою семейныхъ отношеній, въ которыхъ многіе являются истинными патріархами, всегда обезопасить себя отъ нападеній крикливой толпы, не берущей въ разсчетъ никакого чувства. Если бы человѣкъ, подобный Кириллу Ѳадѣичу, и попалъ въ затруднительныя обстоятельства: «сдѣлать прямой выборъ», то онъ съумѣетъ затереть, запутать, затянуть все дѣло такъ, что никакой ни юристъ, ни судья, ни критикъ не возмется рѣшить, справедливо ли было избрать ту, а не другую дорогу.

Я замѣтилъ въ началѣ моего очерка, что старчество хуже смерти. И дѣйствительно, смерть, по естественному закону, совершенно разлагая тѣла, служитъ къ оплодотворенію юной почвы; старчество же, подобно медленному и скрытому червю, постепенно изъѣдаетъ всѣ молодые побѣги. Физическій законъ примѣнимъ отчасти и къ нравственному міру. Ненужно, кажется,

Digitized by Google

объяснять читателю, что мы разумѣемъ одно нравственное старчество, и, болѣе даже Кантемира, готовы питать уваженіе къ сѣдымъ волосомъ. Мы знаемъ изъ многихъ примѣровъ, какая живая и юная душа можетъ скрываться подъ наружною ветхою оболочкой. Такихъ старцевъ мы любимъ и уважаемъ вдвойнѣ, и если бы захотѣли приводить доказательства на безсмертіе души, то избрали бы ихъ жизнь и дѣятельность. Мы должны поневолѣ ограничиться нравственнымъ старчествомъ, потому что смерть въ физическомъ смыслѣ слова, не представляетъ намъ никакой точной аналогіи. Нѣтъ сомнѣнія, что иногда она была бы очень желательна, по точному смыслу Божественнаго изреченія: «Лучше повѣсить на шею жерновъ и утонуть въ морѣ, чѣмъ соблазнить *единаго отъ малыхъ*.» Но къ сожалѣнію, вы не встрѣтите совершенно *умершихъ душою* старцевъ. Они все таки дѣйствуютъ и дѣятельность ихъ подобна дѣйствію смраднаго дыма, проникающаго во всѣ поры и отверзтія. Какая то мертвящая атмосфера разлита вокругъ нихъ: все дремлетъ или спитъ, или сидитъ неподвижно въ толстомъ коконѣ. Если же и появится жизнь, то это жизнь инфузоріевъ, мошекъ, червей въ болотной влагѣ, надъ падалью, во всѣхъ предметахъ, подвергшихся разложенью.

Посмотримъ теперь на юношей, на младенцевъ: не скрыты ли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ признаки будущаго старчества?

Вотъ Петинька, милый мальчикъ, бойкостью котораго не могутъ нахвалиться родители. Онъ своимъ маленькимъ кулакомъ очень энергически колотилъ слугъ и нянекъ. Онъ недавно стянулъ деньги изъ стола у отца и разстратилъ ихъ на гостинцы. Когда его стали уличать, то, нисколько не смущаясь, онъ вынулъ изъ кармана оставшуюся мелочь и швырнулъ въ глаза своему педогогу. Отецъ не удержался, чтобъ не сказать: «Энергическій характеръ!» однако погрозилъ розгою. Петинька наморщилъ лобъ, вздулъ губы и неподвижно просидѣлъ нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ. Вскорѣ его начали учить граматѣ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ произошла самая трагическая исторія. Учитель, довольно строгій, объяснялъ склады и требовалъ безъусловнаго вниманія. Петя уже нѣсколько разъ зѣвалъ, мотая головою; наконецъ взялъ карандашъ и началъ преспокойно чертить имъ по книгѣ. Учитель вырвалъ изъ рукъ карандашъ и ударилъ слегка по пальцамъ: «Вниманіе!» возгласилъ онъ. «Ты драться не смѣешь!» крикнулъ Петя, и, изорвавъ книгу, прибавилъ: «Вотъ тебѣ, собака!»—«А! если такъ, голубчикъ» сказалъ учитель «то я научу тебя, какъ обращаться со старшими.» И съ

Digitized by Google

этими словами, взявъ мальчика довольно крѣпко за руку, потащилъ къ отцу. Петя, разумѣется, не уступалъ, колотя и руками и ногами педогога. На крикъ его прибѣжала мать. «Вы хотите убить ребенка» завопила она. «Вонъ, злодѣй, изъ моего дому!» и бросилась, согнувъ клещами пальцы, на злодѣя, съ явной опасностью для его волосъ, завитыхъ довольно густыми кудрями. Педогогъ поспѣшно обратился въ бѣгство.

Мы, конечно, не думаемъ выставлять здѣсь искусства педогога въ дѣлѣ обученія, однако желали бы спросить: что будетъ съ Петей, если онъ останется такимъ же, какъ прежде? Угадать не трудно. Преданный одному обжорству, Петя потолстѣлъ, обрюзгъ, поглупѣлъ совершенно. Лицо его, съ наморщенными вѣчно бровями, приняло тупое, дикое выраженье — и вотъ онъ, будущій дѣятель на поприщѣ гражданственности!

Нѣтъ однако сомнѣнія, что изъ Пети дѣйствительно могъ бы выйти «энергическій характеръ», еслибъ его развивали съ умѣньемъ. Но на это слишкомъ мало надежды: Петя уже привыкъ ко лжи, къ той нахальной, безстыдной лжи, которая свидѣтельствуетъ о крайней степени испорченности. Въ школѣ силою наказаній его отъучили грубить наставникамъ; но врядъ ли исправили. По крайней мѣрѣ одинъ случай даетъ поводъ сильно въ этомъ сомнѣваться. Случилось, что онъ утащилъ у товарища сочиненіе и выдалъ за свое. По своей лѣности, онъ не позаботился даже переписать его, а вырвалъ только заглавный листъ, да измаралъ тетрадь. Обманъ безъ труда былъ открытъ, и Петю уличили. Утомясь наказывать, учитель хотѣлъ испытать ласку. Онъ слегка пристыдилъ его предъ товарищами, и потомъ долго увѣщевалъ, умолялъ говорить правду, обѣщаясь извинить во всемъ, въ чемъ искренно признается. Не прошло недѣли, какъ Петя солгалъ вновь, и еще нахальнѣе прежняго. «Это ложь, безстыдная ложь!» сказалъ съ негодованіемъ педогогъ. «Самъ ты врешь!» отвѣчалъ Петя въ рифму.

Но оставимъ этого буяна, достойнаго быть городовымъ въ какомъ-нибудь людномъ кварталѣ. Передъ нами другіе образцы. Сашенька всегда заслуживалъ похвалу за отличное поведеніе. Онъ сидитъ прямо, не моргнетъ глазомъ, не облокотится рукою: въ старину непремѣнно посадили-бы его на первой скамейкѣ, и притомъ съ краю, къ дверямъ, чтобы посѣтитель увидѣлъ тотчасъ примѣръ благонравія. Сердце наставника замираетъ отъ радости при видѣ такого внимательнаго юноши (Сашенька отличается также высокимъ ростомъ). Но увы! скоро слѣдуетъ

Digitized by Google

разочарованье. Юноша отвѣчаетъ урокъ, и на вопросъ: «Чѣмъ особенно прославились греки?» говоритъ: «Древніе обитатели Греціи были Пелазги; послѣ нихъ населяли Эллины.... Эллины.... населяли Эллины....» Сашенька вообще не любитъ никакихъ разсужденій, и, гдѣ ихъ требуютъ, обыкновенно про себя замѣчаетъ: «Чепуха! Чортъ знаетъ, какъ тутъ отвѣчать? Не поймешь и вопроса!»

Однако, всѣ тетради его въ отличномъ порядкѣ. На каждой каллиграфически выведена заглавная надпись: «Сія тетрадь принадлежитъ и проч.» Нѣтъ ни рисованныхъ фигурокъ, ни кляксовъ; страницы заложены ленточкой. Сашенька обладаетъ большимъ искусствомъ письма: выводитъ ровно, четко строки, и также ровно отлинюетъ поля. Онъ почти для цѣлаго класса переписываетъ лекціи, за что и товарищи оказываютъ ему взаимную помощь: кто сдѣлаетъ сочиненіе, кто — ариѳметическую задачу, кто — переводъ. Онъ въ своемъ дѣлѣ уже очень развитъ, и говоритъ, повторяя слова папеньки: «На службѣ будь только аккуратенъ, а эти всѣ географіи да словесности ни къ чорту не послужатъ».

Другой юноша, Степанъ Игнатьичъ, былъ сначала очень-лѣнивъ и тупъ, хотя и отличался способностью заучивать на память. Кромѣ этой способности онъ имѣлъ большую наклонность къ логикѣ, которую представлялъ въ лицахъ. Такъ, накрывъ платкомъ одного изъ товарищей, онъ спрашивалъ у другаго: «Знаешь ты этого человѣка?» — «Кто это? не знаю», обыкновенно отвѣчалъ тотъ. — «Ага! Ага! ты не знаешь Иванова, а онъ сидитъ подлѣ тебя, на одной лавкѣ!» Такъ говорилъ Степанъ Игнатьичъ, и, сдергивая платокъ, отъ души смѣялся. Скоро, однако, онъ получилъ страсть къ болѣе-серьезнымъ занятіямъ. Долгое время бился онъ, отыскивая въ сочиненіяхъ Пушкина всѣ тропы и фигуры, названныя въ риторикѣ; но этотъ трудъ оказался ему не по силамъ. Тогда, избравъ предметомъ занятій греческій языкъ, онъ сталъ составлять изъ Геродота лексиконъ іоническихъ словъ. Что-жъ? всякій трудъ полезенъ, или по-крайней-мѣрѣ безвреденъ. Но бѣда въ томъ, что Степанъ Игнатьичъ, разсказывая всѣмъ о своихъ занятіяхъ, кстати и некстати, утверждаетъ уже, что онъ пробиваетъ новую стезю въ Россіи, и, гордо подымая голову, смотритъ съ презрѣніемъ на молодежь, которая кричитъ объ идеяхъ, а между-тѣмъ не читаетъ Геродота. Вамъ, вѣроятно, знакомы юноши *практическаго* направленія? Ихъ такъ много, что можете выбрать любой обра-

Digitized by Google

зецъ. Какъ успѣли они развиться, установиться такъ рано въ своихъ понятіяхъ, почти необъяснимо; но эти понятія насѣли уже твердою корою на юный цвѣтъ души — корою, сквозь которую не пробьется ни одинъ молодой стебель. Подъ словомъ: «юноша» мы привыкли понимать синонимъ словъ: страсть, душа, порывъ — кипятокъ жизни, и во всѣхъ увлеченіяхъ чистѣйшее безкорыстіе сердца. Мы вовсе не думаемъ защищать идеальный бредъ, ту старинную болѣзнь, въ которой испарялись душевныя силы, какъ въ чахоточномъ недугѣ; но посмотрите на современныхъ практическихъ младенцевъ. «Ужъ ты вѣчно зубришь!» скажутъ они товарищу, выразившему нѣкоторую любовь къ труду. «Только и знаешь, что книгу.... Нечего сказать, нашелъ себѣ утѣшеніе! Сиди, сиди.... авось дадутъ похвальный листъ — есть, по-крайней-мѣрѣ, что показать маменькѣ: купитъ тебѣ конька съ сусальнымъ золотомъ.... А мы, вотъ, ничего не дѣлали, да лучше еще твоего отличимся на экзаменѣ: такую разыграемъ штуку, что любо, дорого! Что экзаменъ? Только-бы какъ-нибудь свалить съ плечь, да перейти въ другой классъ, а тамъ опять поѣхалъ, какъ по маслу!»

Одинъ изъ подобныхъ птенцовъ, нѣсколько по-старше, говоритъ: «Скоро-ли, наконецъ, избавишься отъ этой каторги? Съ утра до вечера ломай себѣ голову, а къ чему все это поведетъ, не доберешься никакого толку! Вонъ, братъ Николай только и твердитъ: магистромъ, магистромъ хочу! и корпитъ себѣ цѣлую ночь надъ диссертаціей. Велика радость! Хорошее мѣсто можно получить и безъ магистра. Что мнѣ, въ учителя что-ли готовиться? Нѣтъ! ужъ стара штука: философіей меня не заманишь. Какъ только выйду изъ училища, сожгу всѣ тетради!»

Въ разговорахъ между собою эти младенцы обыкновенно не пропустятъ случая похвастать хорошимъ дѣломъ. «А я, братъ, такъ разоспался въ классѣ, что даже голова заболѣла.... хочу идти въ больницу», или: «А я, знаешь, списалъ съ прошлогодней тетради — и подалъ: вотъ какъ по-нашему!»

Если бы кто изъ нихъ случайно и приготовилъ, какъ слѣдуетъ, урокъ, то считаетъ обязанностью оговориться: «Я только разъ пробѣжалъ съ Короткинымъ: у меня даже нѣтъ своей тетради; а ты слышалъ, какъ отвѣчалъ: просто чудо!» Когда начнутъ имъ дѣлать выговоръ за небрежное ученье, то у нихъ всегда готово оправданье: «Это потому, что я торопился,» или: «Я вѣдь это отвѣчалъ, даже ни разу не прочитавши.» Но случись, что наставникъ не допускаетъ подобной откровенности, то

Digitized by Google

они будутъ увѣрять, что страшно работали; только не могли никакъ понять и усвоить. Въ послѣднемъ случаѣ они иногда были бы и правы, если бы дѣйствительно ихъ наклонность къ труду была чѣмъ-нибудь доказана. Многіе изъ нихъ на урокѣ математики скажутъ, что не способны къ этому предмету и посвятили себя преимущественно словесности, а на урокѣ словесности — что занимаются исключительно исторіей; но исторія идетъ изъ рукъ вонъ плохо, и они говорятъ: «Это вовсе не мой предметъ.... то-ли дѣло словесность!»

Какіе же, однако, предметы наиболѣе возбуждаютъ ихъ сочувствіе? Различныя практическія искусства и науки.

1) Искусства. Они не могутъ спокойно высидѣть въ классѣ, вспоминая, какъ одна актриса вертѣла ножкою въ балетѣ. Они уже мечтаютъ о чудныхъ похожденіяхъ маскарада среди упоительнаго блеску люстръ и нарядовъ; о глазкахъ мадемуазель Аннетъ, которые выше всякихъ описаній Пушкина и Лермонтова. Они съ сожалѣніемъ думаютъ о томъ, что напрасно тратятъ время въ училищѣ, тогда какъ могли бы усвоить всѣ тайны бала и модъ, изучить всевозможныя польки и редовы, а равномѣрно ѣзду верхомъ, стрѣляніе въ цѣль, игру въ преферансъ, искусство завивать и приглаживать волосы, и т. д. Въ послѣднемъ, однако, они уже довольно усердно упражняются въ училищѣ, и ножницы цырюльника, призываемаго начальствомъ, для нихъ ужаснѣе ножницъ Парокъ, обрѣзывавшихъ жизнь человѣка: въ этомъ, въ одномъ этомъ готовы они видѣть несовременность и отсталость.

2) Науки. Сюда прежде всего относится гастрономія, составляющая постепенный, довольно обширный курсъ, начиная отъ булки и папироски, тайкомъ сохраняемыхъ въ классѣ, до несравненной бутылки клико, для которой, конечно, можно пожертвовать всякой ученостью. Жизнь, жизнь — вотъ первая наука! А гдѣ же и узнать жизнь, какъ не на гуляньяхъ, не въ трактирахъ и другихъ тому подобныхъ заведеніяхъ? Къ наукамъ принадлежитъ также знаменитое: ars naduvandi.

И такъ, говоря вообще, все ихъ стараніе состоитъ въ томъ, чтобы прослыть опытными, разочарованными во всемъ, знающими свѣтъ и всѣ его продѣлки. Уже въ школѣ нерѣдко пріобрѣтаютъ они ту положительность солиднаго человѣка, съ которою потомъ въ обществѣ, живописно развалясь въ креслахъ, трактуютъ о политикѣ, о правилахъ жизни, о вредѣ какихъ бы

Digitized by Google

то ни было увлеченій: о томъ же самомъ и почти тѣми же словами они будутъ толковать до конца жизни.

Знакомы ли вамъ юноши дипломаты? Они такъ умны, любезны, услужливы! Представьте, что къ начальнику хоть какого-нибудь пансіона подходитъ съ милою улыбкою одинъ изъ питомцевъ, отличающійся прекрасными манерами, опрятностью, скромностью, и говоритъ: «Позвольте мнѣ, Александръ Николаевичъ, переписать для васъ упражненія, которыя вы составили: у папеньки есть отличный писарь.... Я велю выбрать самой тонкой веленевой бумаги и сдѣлать бархатный переплетъ съ золотою виньеткой.» — «Да зачѣмъ это? Не безпокойтесь,» отвѣчаетъ начальникъ: «писарю, вѣроятно, и безъ того есть дѣло.» — «Нѣтъ, право! папенька не любитъ, что они гуляютъ цѣлый вечеръ и на другой день приходятъ такими сонливыми. Право, Александръ Николаевичъ! ваша доброта, ваши ласки, которыхъ мы не знаемъ, какъ заслужить.... ужъ позвольте: это и папенькѣ будетъ очень пріятно.» — «Хорошо, хорошо. Благодарю васъ,» отвѣчаетъ начальникъ. «А что? какъ поживаетъ вашъ папенька?» — «Слава Богу!» говоритъ юноша. «Только вотъ одно... нѣтъ! ужъ не скажу: мнѣ совѣстно.... вы и безъ того такъ добры, что.... что, право, не знаю....» и юноша прикладываетъ руку къ сердцу. — «Скажите же, что такое? Будьте, пожалуйста, со мной откровенны.» — «Вотъ видите, Александръ Николаевичъ! Къ намъ пріѣхала тетенька изъ Москвы: всего на два дня.... Папенька хотѣлъ меня ей представить и сказалъ: «Ну, просись самъ, если хочешь видѣть тетку. Я бы очень, очень желалъ, чтобы ты пришелъ домой хоть на нѣсколько часовъ вечеромъ; но ужъ не могу и не смѣю утруждать добраго Александра Николаевича. Просись самъ: если отпустятъ, такъ ладно.» Вотъ, и мнѣ хотѣлось бы угодить папенькѣ: только я знаю самъ, что вѣдь этимъ нарушается порядокъ.» — «Да,» отвѣчаетъ протяжно начальникъ, болѣе всего, конечно, пекущійся о строгомъ соблюденіи порядка; но вмѣстѣ довольный покорностью юноши. «Однако, напрасно папенька самъ не пріѣхалъ попросить, если это такъ нужно.» — «Да вѣдь онъ, Александръ Николаевичъ, очень занятъ: притомъ, право, не смѣлъ утруждать васъ.» — «А у васъ завтра какіе уроки?» — «Чистописаніе, рисованіе, географія.... изъ географіи задано повторять: я знаю отлично.» — «Полно, такъ ли?» — «Александръ Николаевичъ,» говоритъ, нѣсколько обиженный, юноша: — развѣ я осмѣлился бы когда-нибудь васъ обманывать? Угодно вамъ спросить? Я готовъ отвѣчать

Digitized by Google

сію минуту.» — «Хорошо. Такъ и быть: ступайте.... только къ девяти часамъ возвратиться непремѣнно.» Юноша низко раскланивается, и въ восторгѣ убѣгаетъ одѣваться.

Онъ возвращается въ училище очень поздно, и когда дежурный спрашиваетъ: «Что это, батюшка, загуляли?» — Говоритъ: «самъ Александръ Николаевичъ отпустилъ меня.» — На другой день онъ отказывается отъ всѣхъ уроковъ, между которыми были самые трудные, какъ то: математика, физика, нѣмецкій языкъ. Когда преподаватели допытываются, отчего онъ не приготовился, юноша отвѣчаетъ: «Я былъ дома. Спросите Александра Николаевича: онъ самъ отпустилъ меня.»

Наконецъ, однажды встрѣтившись съ отцемъ, начальникъ узнаетъ, что ни тетеньки никакой не пріѣзжало, ни юноша не являлся дома. Онъ призываетъ виновнаго на расправу и энергически говоритъ ему: «Ну скажите, съ чѣмъ сравнить вашъ поступокъ? съ чѣмъ? Даже послѣдній звѣрь, и тотъ не лжетъ! даже собака, птица, рыба, и тѣ чувствуютъ благодарность; а вы? скажите, можно ли къ вамъ послѣ этого имѣть хоть какое нибудь довѣріе?» Юноша стоитъ смирно, опустивъ глаза; на рѣсницахъ даже выступили слезы, и онъ говоритъ плачевно: «Я не стòю, Александръ Николаевичъ, не стòю, чтобы со мной обходились такъ ласково... я хуже самаго послѣдняго звѣря, потому-что звѣрь не лжетъ.... Я сознаюсь въ этомъ, Александръ Николаевичъ!... вы говорите, что звѣрь не лжетъ, и я понимаю, цѣню слова ваши....»

«Богъ съ нимъ!» думаетъ про себя начальникъ. «Маленькая шалость не бѣда: у него при всемъ томъ доброе сердце, да и родители просили не слишкомъ строго взыскивать.»

Мы привели здѣсь примѣръ, нѣсколько идеальный; но если бы захотѣли въ подробности пересказывать всѣ маленькія школьныя плутни, то исписали бы нѣсколько печатныхъ листовъ. Плутни эти, составляя сами по себѣ иногда простительную дѣтскую шалость, въ массѣ обращаются часто въ какое то особенное направленіе, которого идея находитъ своихъ сознательныхъ послѣдователей. Вы иногда услышите, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ юношей скажетъ: «Хлопочутъ о развитіи!... нѣтъ ничего проще — пусть только дозволятъ надувать; въ надуваньи-то умъ болѣе всего и развивается.» Другой въ свою очередь будетъ доказывать, что надувать во всякомъ случаѣ полезно, когда и тотъ, кого надули, остается вполнѣ доволенъ,

Digitized by Google

и тотъ, кто надулъ, избѣгаетъ большихъ непріятностей. Третій увѣритъ васъ, что безъ надуванья никогда ничего не выиграешь.

Слѣдовательно идея (или искусство) надуванья, какъ идея полнаго развитія, уже вытѣсняетъ собою всякія другія идеи, а съ ними и возможность какого либо новаго усовершенствованія: неподвижность, одинъ изъ главныхъ признаковъ старчества, въ какой бы разнообразной формѣ она не являлась, всегда застигаетъ человѣка тамъ, гдѣ онъ думаетъ, что разъ навсегда разрѣшилъ всѣ задачи жизни.

Случалось ли вамъ встрѣчать старичковъ, которые вѣчно чего-то ищутъ, вѣчно бѣгаютъ хлопотливо то туда, то сюда, путая всякое дѣло? Они строятъ, чинятъ, ломаютъ по двадцати разъ одно и тоже. Вотъ, нужно бы сдѣлать новые обои въ комнатѣ: старичокъ самъ бѣжитъ въ рынокъ, обходитъ всѣ лавки, пересматриваетъ всевозможные образчики; по часу толкуетъ съ каждымъ купцемъ, важно взвѣшивая всѣ его замѣчанія и мучая безконечными распросами: къ великой досадѣ купца оставляетъ лавку, ничего не купивъ; потомъ призываетъ на домъ обойщиковъ, бесѣдуетъ съ каждымъ по цѣлымъ утрамъ и отсылаетъ ихъ, говоря: «Еще подумаю». И онъ начинаетъ думать о томъ, какъ бы славно было передѣлать всѣ замки въ дверяхъ, всѣ ящики въ комодахъ. Происходятъ новыя совѣщанія со слесарями; но уже всѣ ремесленники въ околодкѣ знаютъ нашего старичка, и никто не идетъ на зовъ его. Посмотрите, какъ бѣгаетъ онъ у себя дома, какъ ломаетъ голову, отыскивая ключа, который спряталъ къ себѣ въ карманъ, чтобы потомъ найти легче. Но ключь найденъ-и тогда новая забота: «Эй, Иванъ, подика купи мнѣ гвоздиковъ»—«Да зачѣмъ вамъ, баринъ, гвоздики?»—«А вотъ, хочу приколотить эти картинки: посмотрѣть, какъ выглядятъ.» И онъ бьется цѣлыхъ три часа, приколачивая къ стѣнѣ картинки; потомъ велитъ снять ихъ, и вновь укладываетъ въ портфель.

Такъ дѣятельны эти старички; но ясно, что дѣятельность ихъ ни къ чему не служитъ. Они какъ будто чувствуютъ близость смерти и на зло природѣ хотятъ доказать, что еще неумолимо бодры и молоды. Подобно безнадежно-больному, они ежеминутно мѣняютъ свою прихоть, истощая послѣднія силы на то, чтобъ увѣриться хотя въ маломъ остаткѣ жизни, въ нихъ догарающей. Но нѣтъ сомнѣнія, что жизнь, безпорядочно расточаемая, тратится тѣмъ скорѣе.

Молодость! молодость! неужели и на тебѣ должна лежать

Digitized by Google

эта печать разрушенія? Или избытокъ силъ вызываетъ эту потребность вѣчныхъ перемѣнъ, вѣчнаго движенія? Да! не склонимъ въ безсиліи чела; но въ самую тяжкую минуту поднимемъ его бодро: будемъ жить такъ, чтобъ при самой двери гроба еще мечтать и сохранять надежду на его исполненье! Пускай опущенный занавѣсъ прекратитъ драму еще въ полномъ разгарѣ. Нѣтъ! мы не думаемъ осуждать подвижность души, какъ неоцѣненный признакъ ея свѣжести и силы. Но увы! молодость наша такой цвѣтъ, который, выростая слишкомъ быстро, истощаетъ весь корень: вѣтви тянутся, блѣднѣютъ; листья мельчаютъ и вянутъ. Долгая зима изнуряетъ ихъ, а весна губитъ.

Страшная участь постигала многихъ изъ нашихъ дѣятелей: ихъ молодость была послѣ мгновеннаго блеску и шуму улетѣвшая струйка дыма! Вотъ, съ полною отвагою вступаетъ юноша въ свѣтъ: сколько идей кипитъ въ немъ!—и онъ дѣйствуетъ. «Трудъ! трудъ и наука!» прежде всего говоритъ онъ. «Но съ чего начать? Электромагнетизмъ, Платонъ или Эстетика Гегеля—все равно: все одна и таже наука!» Юноша читаетъ двѣ, три глубокомысленныхъ нѣмецкихъ страницы, потомъ закрываетъ книгу и думаетъ: «Какъ однако трудно понять! но на первый разъ и этого довольно. Дай лучше напишу статью о значеніи германской философіи: къ нашему стыду мы такъ мало ее изучали.» И онъ пишетъ заглавіе: «О значеніи германской философіи.—» потомъ начинаетъ ходить и обдумывать: «Трезоръ! ici....» восклицаетъ онъ, обращаясь къ собакѣ, мирно лежавшей подъ столомъ. «Трезоръ!» Трезоръ со вниманіемъ уставилъ глаза; но не двигается съ мѣста. «Гулять! Хочешь, дуракъ, гулять, а?» Трезоръ приподнялъ уши. «Однако нужно немного пройтись» продолжаетъ юноша: «еще успѣю заняться... Трезоръ! Viens»—и прежде, чѣмъ баринъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, собака уже скреблась о двери, возвращалась, и прыгала на него, заступая дорогу.

Юноша отправился гулять на Невскій, гдѣ, тихонько подъуськивая Трезора на нѣкоторыхъ, на видъ не слишкомъ горделивыхъ, дамъ, очень тѣшился тѣмъ, какъ собака ихъ пугала. Онъ зашелъ мимоходомъ къ мадемуазель Эрнестинѣ, которая жила одна со своею маменькой и занималась рукодѣльемъ. Онъ уже встрѣтилъ тамъ товарища, повѣреннаго всѣхъ своихъ тайнъ и такого же ревнителя въ дѣлѣ науки. Товарищъ тотчасъ предложилъ ему поставить на общій счетъ бутылку шампанскаго.

Digitized by Google

«Только это будетъ очень долго», отвѣчалъ юноша. «Мнѣ, право, некогда: я теперь читаю Гегеля.» — «Ну тебя... съ Гегелемъ» восклицаетъ товарищъ:—«Повѣрь мнѣ: мудрость на днѣ стакана» — и юноша по неволѣ остается. Друзья пьютъ и между шутками бесѣдуютъ о своихъ планахъ. «Знаешь, Ѳедя!» говоритъ пріятель:—«Мы съ тобою на вѣрно прославимся. Ты будешь ученымъ и поэтомъ, а я сочиню романъ въ прозѣ. Слышишь, не смѣй писать романовъ: мадемуазель Эрнестина поручила мнѣ изобразить ея жизнь отъ самаго рожденія и до первой нашей встрѣчи на обуховскомъ проспектѣ. Она столько страдала, столько страдала. Видишь, къ ней даже сватался какой то гусаръ; но въ самый день свадьбы она какъ-то объ этомъ забыла, уѣхавъ гулять съ однимъ студентомъ.»—«Послушайте», отвѣчаетъ дѣвица: —«Вы слишкомъ много себѣ дозволяете: я не изъ такихъ, чтобъ мнѣ можно говорить всякій вздоръ.»

Проведши очень весело часъ, другой времени, юноша возвращается домой, обѣдать. Тутъ вновь припадаетъ у него ревность къ занятіямъ. Но чѣмъ заниматься послѣ обѣда? Ѳединька (пусть такъ зовутъ нашего юношу) беретъ одинъ изъ журналовъ, и, пропуская ученыя статьи, начинаетъ читать повѣсть. Тотчасъ же является у него самаго мысль для повѣсти въ современномъ вкусѣ: молодой человѣкъ, одаренный пыломъ страстей и энергіею воли, ищетъ дѣятельности; но свѣтъ по всюду его отталкиваетъ и онъ углубляется въ самаго себя въ дикомъ одиночествѣ — вотъ содержаніе. Ѳединька тотчасъ-же исписываетъ безъ отдыху цѣлый почтовый листъ — ну! день не пропалъ даромъ. Хотя повѣсти никогда не суждено окончиться; но уже и за доброе начало можно присудить себѣ награду. Ѳединька кладетъ перо и предается мечтаніямъ. «Ахъ!» думаетъ онъ «еслибы найти женщину съ могучею, пламенной душою, женщину, которая готова была бы бѣжать съ вами хоть на край свѣта! Стоило бы только сказать — и она явится, и вотъ тутъ сядетъ со мной на диванѣ... Я вотъ такъ лежу, а она наклонится ко мнѣ, и глядитъ такимъ страстнымъ, умиленнымъ взоромъ, между тѣмъ какъ я разсказываю о поэзіи, читаю стихи, или такъ что нибудь сочиняю.»

Питая эти думы, онъ выкурилъ до десяти папиросокъ, и наконецъ вспомнилъ, что давно не посѣщалъ одного семейства, гдѣ процвѣтала Наденька, бывшая нѣкоторое время его идеаломъ. Уже давно написаны были имъ стихи, назначенныя ей въ

Digitized by Google

альбомъ. Теперь отыскалъ онъ ихъ, и вновь перечелъ съ восторгомъ. «Надежда! какое прекрасное имя!» сказалъ онъ «Нѣтъ! я пересоздалъ эту дѣвушку, я заставлю понимать себя.» И нашъ герой тотчасъ отправился пересоздавать Наденьку. Наденька встрѣтила его своимъ обыкновеннымъ, неизмѣнновеселымъ и равнодушнымъ взглядомъ. «Что это вы совсѣмъ пропали?» сказала она. «Ужъ не влюблены ли?»—«Нѣтъ!» отвѣчалъ Ѳединька. «А у васъ все любовь на устахъ, только нѣтъ ея въ сердце.»— «У меня сердце сдѣлано изъ гранита,» отвѣчала со смѣхомъ дѣвушка: — ничѣмъ не проймешь. Отчегожъ, скажите, вы такъ долго не были?» — «Я все занятъ, просто даже голова идетъ кругомъ: теперь читаю Гегеля.»

— «Ну, ужъ вы вѣчно съ вашей физикой!» замѣтила Наденька.

— «Гегель былъ знаменитый германскій философъ, и не писалъ никакой физики», отвѣчалъ насмѣшливо Ѳединька.— «Вотъ ужъ теперь философія! отъ часу не легче.. А сами прежде говорили, что занимаетесь физикой!» — «Философія важная наука», началъ Ѳединька, и сталъ доказывать, какъ глубокъ и многозначителенъ Гегель. Онъ тутъ кстати распространился и о томъ, что женщинѣ предоставлена высокая цѣль въ жизни, что она не понимаетъ своего назначенія, когда думаетъ только о нарядахъ да о хозяйствѣ. — «Благодарю васъ покорно,» сказала Наденька. «По вашему, женщина должна корпѣть надъ книгой.... Куда какъ весело! Читать философію... ха! ха! воображать физику... чудесно! чудесно! Еще нѣтъ ли тамъ какой нибудь науки!»—«Женщина еще лучше мужчины моглабы проводить идеи въ общество».

— «Идеи?» отвѣчала Наденька. «Ну, ужъ съ идеями-то не примутъ ни въ какомъ порядочномъ обществѣ. Вонъ, Катя Строева вѣчно съ идеями: то пришпилитъ какой нибудь необыкновенный бантъ, то пойдетъ гулять и забудетъ взять перчатки: такъ надъ нею всѣ и смѣются!»

Этотъ маленькій споръ не нарушилъ нисколько дружелюбныхъ отношеній между противниками: глазки Наденьки такъ мило играли, что нельзя было не простить ей нѣкотораго равнодушія къ идеямъ. Въ разговоръ скоро вмѣшалась и ея маменька, которая, услышавъ споръ, пришла посмотрѣть, не поссорились-ли молодые люди. «Да! да!» сказала она, «Надя права. Наша молодежь ужъ ни въ чемъ не знаетъ умѣренности. Вотъ и мой пле-

Digitized by Google

мянникъ.... ходитъ такой блѣдный, изнуренный, потерялъ аппетитъ, — а все отъ науки! Хотятъ все хватать съ неба звѣзды, а лучше подумали бы о томъ, какъ устроить жизнь: поберечь себя, да прикопить на черный день копейку.»

Стихи, написанные въ альбомъ, Наденька прочла съ умиленіемъ; но по складамъ и такимъ безчувственно-холоднымъ тономъ, какъ-будто дѣло шло о счетѣ магазинщицы. Впрочемъ, мы ошиблись: счетъ магазинщицы, вѣроятно, былъ-бы прочтенъ съ изъявленіемъ сильнаго чувства. Все-таки она сказала Ѳединькѣ: «Вы поэтъ! васъ надо увѣнчать лаврами!» и это нѣсколько успокоило его самолюбіе. Онъ возвратился уже поздно домой и, засыпая, думалъ: «День все-таки не пропалъ даромъ!»

Такова вся дѣятельность нѣкоторыхъ изъ юношей: признаки ли въ ней старчества, или молодыхъ еще неустановившихся силъ, мы рѣшать не беремся. Паралель, проведенная нами между старцами хлопотунами и этими юношами, не совсѣмъ вѣрна; но есть сходство въ томъ, что и тамъ и тутъ видна совершенная безплодность труда, и тамъ и тутъ есть желаніе наполнить чѣмъ-нибудь жизнь, которая уплываетъ, подобно водѣ, собираемой въ рѣшето; и тамъ и тутъ, не смотря на внѣшній видъ движенья, господствуетъ явная неподвижность, которую можно-бы сравнить съ грезами лихорадочнаго сна, когда человѣкъ, лежа на постели, воображаетъ, что ходитъ, бѣгаетъ, летаетъ!

Мы могли-бы привести еще безконечное множество примѣровъ на всѣ виды старчества; но уже довольно и этихъ. «Довольно», говоритъ читатель, «довольно! Видимъ, что вы не любите старцевъ; но скажите, что сами вы за птица? Нельзя-ли изъ той-же самой сатиры Кантемира примѣнить къ вамъ разсказаннаго о ракѣ? Мать стыдила молодаго рака, что ходитъ криво. «Поди, матушка, сама прямо», отвѣчалъ онъ: «тогда я поучусь у тебя».

Добрый читатель! И вы, и молодой ракъ совершенно справедливы въ своемъ требованіи. Но дѣло общее не можетъ быть частнымъ; прежде чѣмъ наставлять другихъ, всѣмъ-бы намъ нужно спросить: ходимъ-ли всегда прямо?

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Digitized by Google

О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ исходномъ моментѣ основательнаго образованія.

(Посвящается матерямъ и отцамъ семействъ.)

Статья вторая и послѣдняя.

Послѣ грамматики и статей, назначаемыхъ для диктовки, въ книгѣ г-жи Тастю помѣщена географія. Въ практическомъ воспитаніи, географія очень часто предшествуетъ грамматикѣ, а иногда и преподается рядомъ съ нею по времени. Но обще у практическихъ воспитательницъ съ г-жею Тастю совершенное отсутствіе сознанія: дѣйствительно ли и для чего нужна ребенку эта наука? Удовлетворяетъ ли она какой-нибудь потребности его, или только пригодна для развитія извѣстной способности? Правда, во введеніи къ упражненіямъ памяти, г-жа Тастю, говоря, что заучиванье стиховъ и басенъ имѣетъ цѣлью развить словесную память, намекаетъ на то, что память бываетъ нѣсколькихъ родовъ и обѣщаетъ указать способъ упражненія фактической памяти. Изъ этого можно заключить, что уроки географіи могутъ имѣть цѣлью развитіе мѣстной памяти. Но большая часть матерей семейства и практическихъ воспитательницъ считаетъ память такою же всецѣлою способностью, какъ и умъ или воображеніе, и думаютъ, что стоитъ только развить память вообще, чтобы она была пригодна для удержанія всего, что захотятъ ввѣрить ей. Съ какою же цѣлью эти воспитательницы, не знающія, что словесная память можетъ быть очень сильно развита, между тѣмъ какъ мѣстная будетъ оставаться совершенно не развитою и тупою, для чего, говорю, онѣ-то продолжаютъ преподовать географію въ первомъ возрастѣ? Это, вѣроятно, тайна и для самихъ нихъ.

Но если г-жа Тастю и подобныя ей, менѣе невѣжественныя, воспитательницы, дѣйствительно съ вышесказанною цѣлью занимаютъ географіею дѣтей, 6, 7 и 8 лѣтъ отъ роду, то можно ли оправдать взглядъ на первоначальную науку, какъ на средство для развитія извѣстной способности, независимо отъ того, какое мѣсто содержаніе ея займетъ въ циклѣ знаній ребенка. По нашему мнѣнію, мѣсто каждой наукѣ въ курсѣ должно быть опредѣлено положительною потребностью дитяти въ извѣстномъ родѣ познаній и сущностью самой науки. А степень споспѣшествованія гармоническому развитію дѣтскихъ способностей всѣмъ курсомъ, раціонально составленнымъ для извѣстнаго возраста,

Digitized by Google

будетъ зависѣть отъ методы практическаго преподованія. Можно по любой книжкѣ, взятой на удачу, научить ребенка мыслить, развить его память и словесную, и мѣстную, и фактическую. Но какъ подѣйствуетъ на общую нравственную экономію ученика содержаніе книги: будутъ ли пріобрѣтенныя изъ нея познанія полезны или вредны нравственности его, могутъ ли они служить основаніемъ и побужденіемъ для дальнѣйшихъ занятій его наукою? Вотъ, что̀ должно склонить насъ къ принятію въ руководство извѣстной книги или къ устраненію ея.

Тоже самое относится и къ наукамъ входящимъ въ курсъ первоначальнаго обученія. По поводу преподаванія грамматики и упражненій словесной памяти мы уже имѣли случай распространится объ этомъ предметѣ; и потому здѣсь только укажемъ на то, какъ наше правило приложимо къ преподаванію географіи дѣтямъ перваго возраста.

Географія разсматриваетъ землю: 1., какъ небесное тѣло, 2, какъ отдѣльное физическое тѣло и 3, какъ театръ политической жизни народовъ.

Взглядъ на землю, какъ на небесное тѣло, какъ на планету, занимающую во вселенной извѣстный уголокъ, предполагаетъ въ насъ способность совершенно отдаляться въ воображеніи отъ предмета нашего изслѣдованія, противуполагать его себѣ въ пространствѣ. Разсматривающій землю въ этомъ отношеніи долженъ вообразить себѣ, что самъ стоитъ внѣ земли, на какомъ-нибудь пунктѣ вселенной. Мало того: пунктъ этотъ долженъ быть на такомъ огромномъ разстояніи отъ земли, чтобы передъ взоромъ наблюдателя изчезли всѣ неровности земной поверхности, всѣ особенности ея очертанія, чтобы, однимъ словомъ, земля представилась ему только астрономической единицей. Спрашивается: можетъ ли у дитяти 4 — 9-ти лѣтъ родиться потребность въ такомъ взглядѣ на землю? Не только не можетъ, но дитя почти ни когда вполнѣ и не усвоиваетъ его себѣ. Умѣнье показать на глобусѣ или на картѣ относительное положеніе земли на небѣ, разсказать процессъ суточнаго и годоваго движенія ея и зависящихъ отъ того перемѣнъ дня и ночи и временъ года, заученіе на память разстояній и размѣровъ земли сравнительно съ другими небесными тѣлами — ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что дитя очень легко привыкаетъ повторять на-слово вещи, которыхъ не въ состояніи понять. Повторяемъ сказанное по поводу преподаванія грамматики: взглядъ дитяти крайне непосредственъ; одно конкретное вполнѣ доступно ему. А въ мате-

Digitized by Google

матической географіи, земля разсматривается съ одними численными признаками своими, слѣдовательно только какъ астрономическій абстрактъ. Притомъ въ ней есть частности, о которыхъ ребенокъ или составляетъ себѣ ложное представленіе или не составляетъ ни какого и не понявъ заучиваетъ наизусть, потому, что эти подробности предполагаютъ такую силу воображенія, которою не обладаетъ дитя. Таково напр. суточное движеніе земли, вслѣдствіе котораго мы, относительно вселенной, принимаемъ самыя разнообразныя положенія, а между тѣмъ остаемся все въ одинаковомъ положеніи, относительно земной поверхности.

По моему мнѣнію, въ возрастѣ, о которомъ здѣсь рѣчь, и нѣтъ ни какой надобности пускаться въ такія тонкости. Если дитя требуетъ, чтобы ему объяснили какъ происходятъ перемѣны дня и ночи, зимы и лѣта, то гораздо проще объяснить все это восхожденіемъ и захожденіемъ солнца и болѣе или менѣе прямыми лучами, которые оно бросаетъ на землю, оставляя дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса до позднѣйшаго возраста. Рѣдкій ребенокъ не удовлетворится этимъ объясненіемъ на первый разъ. Если иногда такая неясность подастъ поводъ къ тому, что нянюшка разскажетъ вашему питомцу о золотыхъ чертогахъ солнышка и изумрудныхъ воротахъ, въ которыя оно входитъ и выходитъ, то бѣда еще невелика, потому что эти нелѣпости въ первую же минуту холоднаго размышленія дитяти сами собою разрушатся.

Что̀ касается физической и политической географіи, то я ихъ устранилъ бы изъ курса первоначальнаго обученія, въ томъ видѣ, въ которомъ они обыкновенно излагаются и въ которомъ представляетъ ихъ г-жа Тастю, вѣрная своей задачи—дагерротипировать рутину.

Правда, потребность въ физической и политической географіи можетъ явиться гораздо ранѣе, нежели въ математической. Физическую географію окружающей ребенка мѣстности, онъ даже въ состояніи вполнѣ уразумѣть въ пяти, шести-лѣтнемъ возрастѣ; но только именно такое непосредственное, наглядное понятіе о ней можетъ принести ему пользу.

Потребность въ физической и политической географіи можетъ родиться въ дитяти троякимъ образомъ; отъ этого и ходъ преподаванія географіи можетъ быть троякъ. 1) Ребенокъ можетъ пожелать знать землю или непосредственно какъ театръ нашей жизни и почву естественныхъ произведеній; въ такомъ случаѣ

Digitized by Google

физическая географія, въ смыслѣ сравнительной географіи Карла Риттера, должна предшествовать политической. Это самый естественный ходъ, хотя не самый доступный дитяти. Земля разсматривается, какъ естественное цѣлое, живущее во всѣхъ частяхъ своихъ сообразно свойствамъ и условіямъ этихъ частей. Такимъ образомъ мы знакомимся сначала съ организмомъ всей планеты, въ настоящемъ моментѣ ея существованія, говоримъ о климатахъ, поясахъ, распредѣленіи земель относительно воды и т. д. Читатель видитъ, что при этомъ нѣтъ ни какой возможности избѣжать нѣкоторыхъ понятій о картографической проэкціи, о глобусѣ, о движеніи земли. По этому-то, здѣсь, по необходимости, мы впали-бы въ ту ошибку, которой хотѣли избѣжать, начиная преподаваніе географіи съ физической географіи. А между тѣмъ, такой планъ крайне увлекателенъ, ибо даетъ возможность систематически группировать весь первоначальный курсъ наукъ вокругъ физической географіи. А именно, по мѣрѣ прохожденія географіи по этому способу, могутъ быть преподаны всѣ естественныя науки, конечно въ объемѣ, доступномъ дѣтскому возрасту.

Такимъ образомъ, дитя довольно подробно знакомилось бы съ земною природою и съ этнографіею, къ которой примыкаетъ со временемъ исторія народовъ и рядомъ съ нею политическая географія, сначала древняя, а потомъ, по мѣрѣ прохожденія исторіи, и новая.

2) Но какъ ни систематично было бы такое преподаваніе географіи, оно грѣшило бы противъ начала сближенія науки съ жизнью, поясненія жизни наукою, начала, по нашему мнѣнію, едва ли не самаго существеннаго изъ всего кодекса основательнаго образованія. Земля слишкомъ громадный организмъ, чтобы быть непосредственно доступнымъ дѣтскому воображенію. Потребность познать ее какъ организмъ, какъ цѣлое, не можетъ непосредственно явиться въ этомъ возрастѣ. А искуственно возбуждать ее, значитъ насиловать естественный ходъ дѣтскаго развитія. Что бы дать точку опоры первоначальной наукѣ дитяти, довольно той мѣстности, на которой дитя живетъ. И если вы сами не поторопитесь, то ознакомленіе съ этой мѣстностью совершенно наполнитъ всѣ первые годы домашняго воспитанія.

По моему мнѣнію, именно возрастъ отъ 4 до 9-ти лѣтъ имѣетъ, въ системѣ основательнаго образованія, совершенно спеціальное назначеніе ввести науку, какъ новый элементъ, въ жизнь дитяти, выводя потребности ея изъ самыхъ жизненныхъ элемен-

Digitized by Google

товъ. Ребенокъ непосредственно окруженъ множествомъ предметовъ естественныхъ и искуственныхъ, которыхъ сущность, причина существованія, свойства и условія бытія должны быть объяснены ему въ этомъ возрастѣ. Подробное познаніе въ физическомъ отношеніи мѣстности, служащей театромъ его дѣтской жизни, весьма естественно составитъ какъбы средоточную науку, на которой будутъ опираться всѣ остальныя. Для оточненія этой первоначальной науки и перехода къ систематическому курсу географіи, можно въ концѣ первоначальнаго обученія научить ребенка рисованію карты данной мѣстности. Разовьется ли при этомъ мѣстная память, въ той мѣрѣ, какъ предполагаютъ развить ее рутиннымъ преподаваніемъ географіи, не берусь рѣшить, но думаю, что нѣтъ никакой причины утверждать и противное. За то, повторяю, несомнѣнно, что указанная нами метода въ сильной степени разовьетъ чувство связи науки съ жизнью; а это главное.

Одно, что́ можно, съ нѣкоторою справедливостью, возразить на наши указанія, это то̀, что по нимъ нѣтъ ни какой возможности составить руководство, ибо исходною точкою преподаванія географіи становятся условія мѣстности и быта питомца и преподавательницы, и даже совершенно случайныя обстоятельства, въ которыхъ они оба бываютъ.

Обученіе перваго возраста такъ непосредственно и тѣсно соединено съ жизнью питомца, что должно имѣть свою точку исхода именно въ случайностяхъ самой жизни, въ которыхъ наука должна открывать дитяти струю необходимаго, вѣчнаго.

Для устраненія этого неудобства, проистекающаго именно изъ жизненнаго элемента, который мы считаемъ необходимымъ внести въ первоначальную науку, мы предлагаемъ составить алфавитную или систематическую энциклопедію всѣхъ научныхъ предметовъ, входящихъ въ первоначальный курсъ. Преподавательница брала бы изъ нея то, что нужно для разъясненія питомцу извѣстнаго момента въ его существованіи, а, впослѣдствіи, когда ребенокъ узналъ бы опредѣленія и системы различныхъ наукъ, тогда уже пріобрѣтенныя познанія сгруппировались бы въ его умѣ, въ надлежащемъ порядкѣ.

3) Наконецъ, еслибы послѣдователи рутины и не признали вѣрнымъ и удобопримѣнимымъ ни перваго, ни втораго способа преподаванія географіи, то, во всякомъ случаѣ, могли бы избрать путь послѣдовательнѣйшей нежели тотъ, которымъ они нынѣ

Digitized by Google

идутъ. А именно: послѣдователи рутины считаютъ почти въ одной степени внутренно-необходимыми, важными и безусловными свѣдѣнія, сообщаемыя физическою и политическою географіею. Поэтому имъ должно быть равнодушно: начать преподаваніе географіи съ той или другой отрасли ея. А такъ какъ они почитаютъ необходимымъ предметомъ первоначальнаго преподаванія священную ветхо-завѣтную и даже древнюю всеобщую исторію, то почемубы не избрать этотъ предметъ исходною точкою для преподованія географіи. Правда, въ такомъ случаѣ, географія отчасти утратила бы свою самостоятельность, за то общій планъ обученія сталъ бы систематичнѣе и связнѣе.—

Здѣсь точкою отправленія былабы мѣстность, служившая театромъ передаваемыхъ дитяти историческихъ событій, напр. Палестина, Египетъ. Описавъ эту мѣстность въ физическомъ и политическомъ отношеніи, преподавательница такимъ же образомъ, по мѣрѣ того, какъ говорила бы о событіяхъ другихъ народовъ древности, сначала излагала бы мѣстныя условія, обитаемыхъ ими странъ. Такимъ образомъ ребенокъ, по мѣрѣ знакомства съ древнею исторіею, узналъбы всю древнюю географію. Конечно всего этого нельзя бы сдѣлать въ теченіе курса первоначальнаго обученія, но позднѣйшее школьное обученіе моглобы, и даже должно бы, въ такомъ случаѣ, быть продолженіемъ перваго. Оно взяло бы ученика на той точкѣ, на которой, по взаимному соглашенію съ нимъ, остановилось домашнее преподаваніе географіи въ зависимости отъ исторіи и окончивъ изложеніе географіи древняго міра, въ заключеніе изложило бы начала птолемеевой системы міра, о которой ученикъ, при нынѣшнемъ преподаваніи, узнаетъ какъ-то случайно, ни къ селу, ни къ городу. Въ позднѣйшемъ обученіи по этому плану, средневѣковая исторія подала бы поводъ къ географіи средневѣковыхъ Государствъ, и къ изложенію системы Тихо-де-Браге, а новая исторія къ географіи новыхъ и новѣйшихъ Государствъ и къ изложенію коперниковой системы. При этомъ описаніе мѣстностей въ физическомъ отношеніи могло бы каждый разъ предшествовать описанію ихъ въ отношеніи политическомъ. Когда такимъ образомъ вся географія была бы пройдена въ соединеніи съ исторіею, тогда можно бы сдѣлать сводъ ей, привести всѣ пріобрѣтенныя свѣдѣнія въ систему и оточнить понятія о математической географіи. Конечно противъ этого плана можетъ быть сдѣлано не одно возраженіе; но во всякомъ случаѣ, онъ гораздо логичнѣе, нежели механически-извнѣ наброшенный планъ преподаванія географіи

Digitized by Google

по общепринятой методѣ. Намъ извѣстно, что и въ такомъ планѣ, утрачивается вся наглядность первоначальныхъ географическихъ понятій, сообщаемыхъ ребенку, потому что ученикъ переносится на мѣстность, которой никогда невидалъ, въ обстоятельства, еще долго долженствующія остаться незнакомыми ему. Особенно понятія о физическомъ устройствѣ земли доходятъ до него постепенно и по мѣрѣ того, какъ представляется случай къ упоминовенію о нихъ; изъ этихъ понятій одни не могутъ быть повѣрены на дѣлѣ самимъ ребенкомъ, потому что принадлежатъ мѣстностямъ, имѣющимъ мало общаго съ окружающею ученика природою; другія, болѣе доступныя ему, относящіеся къ этой природѣ, доходятъ до него слишкомъ поздно. Притомъ, утративъ, на все время первоначальнаго обученія, свою самостоятельность, преподаваніе науки о землѣ становится въ совершенную зависимость отъ успѣховъ, дѣлаемыхъ ученикомъ въ исторіи, и только въ гораздо позднѣйшемъ возрастѣ представитъ ему обзоръ всей земли въ систематическомъ видѣ. Всѣ эти недостатки, конечно, весьма существенны и должны побудить насъ, поборниковъ основательнаго образованія, совершенно отвергнуть подобный планъ преподаванія географіи, планъ который, кромѣ того, основанъ на обычаѣ включать въ первоначальный курсъ обученія преподаваніе исторіи священной ветхозавѣтной или всеобщей древней.

Здѣсь кстати поговорить объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, который безмолвно признанъ г-жею Тастю непогрѣшительнымъ. Въ осьмой книгѣ ея сочиненія помѣщена, какъ видно, съ цѣлью развитія фактической памяти и образованія сердца нравственными примѣрами, краткая священная исторія ветхяго завѣта.—

Въ нашемъ взглядѣ на предлежащей предметъ, мы оставимъ въ сторонѣ частное содержаніе исторіи того или другаго народа, а прямо постараемся опредѣлить: какъ преподаваніе исторіи дѣйствуетъ на развитіе у дитяти той способности, которую развить стараются съ помощью его? какое вліяніе оно оказываетъ на общую нравственную экономію дитяти? Можетъ ли у дитяти сама собою родиться потребность знать историческіе факты, или она должна быть возбуждена въ немъ искуственнымъ образомъ? Какое мѣсто въ циклѣ дѣтскихъ познаній займутъ факты исторіи и насколько они вообще расширятъ кругъ познаній дитяти?

Мы не будемъ повторять того, что сказали по поводу преподаванія географіи объ одностороннемъ взглядѣ на науку, какъ на средство для развитія извѣстной способности. Изойдемъ отъ сущности содержанія исторіи вообще, для того, чтобы отвѣчать на

Digitized by Google

выше поставленные вопросы, впрочемъ не стѣсняя себя порядкомъ, въ которомъ мы изложили ихъ.

Исторія есть наука, изслѣдующая судьбы человѣческаго рода или отдѣльныхъ народовъ въ стремленіи ихъ къ улучшенію своего матеріальнаго быта и къ нравственному преуспѣванію своему. Какъ предметъ первоначальнаго обученія, она, по необходимости, должна стать нагляднымъ изображеніемъ главныхъ событій изъ жизни народовъ или цѣлаго человѣчества, событій, ставшихъ причиною существенныхъ измѣненій въ бытѣ отдѣльныхъ народовъ или всего человѣчества. Какъ изображеніе она болѣе должна обращаться къ воображенію дитяти, болѣе должна быть воспринята памятью нежели умомъ.

И такъ воображеніе дитяти должно перенести его на поприще дѣятельности древнихъ историческихъ народовъ, во времена давно прошедшія, въ обстановку, которой не осталось уже нигдѣ слѣдовъ, въ среду людей съ своеобразными очертаніями лица, носящихъ костюмы, о которыхъ мы можемъ имѣть только весьма темныя понятія по муміямъ и изображеніямъ на памятникахъ, людей, ведшихъ патріархальный образъ жизни, имѣвшихъ нравы и обычаи, о которыхъ очень мало извѣстно намъ. Далѣе: исторія представляетъ воображенію дитяти событія, въ которыхъ массы народовъ считаются единицами, дѣйствующими самобытно или подъ вліяніемъ историческихъ лицъ. Моисей выводитъ Евреевъ изъ Египта. Моисей здѣсь голова, воля, умъ, которому повинуется громадное туловище — Еврейскій народъ. Народъ возопіетъ къ Богу и идетъ за Моисеемъ въ пустыню, осуждая себя на странствованіе по ней въ землю обѣтованную... Народъ заблуждается, впадаетъ въ грѣхи, испытываетъ гнѣвъ Божій, снова раскаивается, возопіетъ къ Богу, приноситъ жертвы и получаетъ прощеніе.. Потомъ снова идетъ!.. Какова картина! Вдумайтесь въ нее!— не ощутите ли вы нѣкотораго благоговѣйнаго ужаса передъ этою личностью Моисея, который покорилъ себѣ строптивое, непостоянное туловище, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ недѣлимыхъ, изъ которыхъ каждое имѣло свой характеръ, свой умъ, свои интерессы? Не остановится ли, не оцѣпенѣетъ ли ваше воображеніе, передъ картиною этой необъятной массы людей, идущихъ по пустынѣ, въ которой она является ничтожнымъ, едва замѣтнымъ комомъ насѣкомыхъ, переселяющимся муравейникомъ, который сорокъ лѣтъ можетъ странствовать по ней, не встрѣчая конца ея... Чувствуете ли вы, какъ эта пустыня становится въ вашемъ воображеніи все безпредѣльнѣе, и

Digitized by Google

наконецъ, какъ и ваше воображеніе не въ состояніи болѣе расширить рамокъ своихъ, и, усталое, опускаетъ крылья!..

Эту и подобныя картины должна изобразить исторія доступнымъ для воображенія ребенка образомъ. Должна? Легко сказать, а выполнить совершенно невозможно. Вспомните, что̀ вы ощущали, читая исторію въ дѣтствѣ? Какъ вообразили вы себѣ народъ, войско, сраженіе, построеніе города, переселеніе племенъ? Да и воображали ли вы все это, или просто заучивали слова? Это послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Такъ обыкновенно и случается. Кажется, практическіе преподаватели думаютъ, что иначе и быть не можетъ, ибо нисколько не стараются объяснить ребенку: что̀ такое народъ? почему эта масса отдѣльныхъ личностей составляетъ цѣлое, которое называется народомъ? Что̀ общаго между всѣми этими личностями и чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другаго? Господа практическіе преподаватели можетъ быть, и точно очень хорошо дѣлаютъ, прямо приступаютъ къ изложенію историческихъ фактовъ, потому что объясненія ихъ не могли бы занять ребенка, не могли бы быть поняты имъ.— Всѣ они не повели бы ни къ чему, кромѣ только того, что бѣдный малютка долженъ былъ бы выучить наизусть нѣсколько лишнихъ страницъ о физіологическихъ и физіономическихъ оттѣнкахъ національностей. Вы стали бы ему толковать о типахъ, о характерахъ, о степени образованія, ему, который едва различаетъ черты своихъ знакомыхъ, у котораго самаго еще нѣтъ характера, который самъ стоитъ на степени необразованности. Вы стали бы ему говорить о миліонахъ людей, тогда какъ онъ едва можетъ обнять взоромъ собраніе, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, собравшихся съ цѣлью повеселиться. Пусть ужъ лучше твердитъ наизусть всѣ эти недоступныя ему факты. Авось, хоть память укрѣпится этимъ упражненіемъ.

Но укрѣпится ли полно такимъ упражненіемъ фактическая память дитяти? Я уже имѣлъ случай высказать свой взглядъ на предѣлы изощренія памяти и на мѣру наполненія ея научными матерьялами. Здѣсь остается мнѣ только упомянуть о мнемоникѣ, какъ наукѣ развитія памяти и о мнемоникѣ, въ смыслѣ шарлатанскаго запоминанія.

Tantum scimus, quantum memoria tenemus, говорили древніе, и потому приписывали мнемоникѣ, какъ искусству, огромную важность. Изъ нихъ писали о мнемоникѣ: Цицеронъ, Квинтиліанъ, Симонидъ и др. Авзоній, бывшій цезарскимъ воспитателемъ при Валентиніанѣ и Граціанѣ и преторомъ Галліи, Британіи и Ис-

Digitized by Google

паніи, написалъ, мнемоническимъ образомъ, исторію 12-ти Цезарей и астрологію четверостишіями. Изъ этого слѣдуетъ, что мнемоника, какъ искусство, вовсе не такая новинка, какую хотятъ сдѣлать изъ нея новѣйшіе практическіе мнемонисты, Жакото, Язвинскіе и др. И въ среднихъ вѣкахъ Ars lullistica, ведшая свое начало отъ извѣстнаго учителя, Раймунда Лулла, достигала удивительныхъ результатовъ. Учителя Порърояля также съ пользою употребляли, при преподаваніи, мнемоническіе пріемы. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Готье (Gaultier), мнемоническимъ образомъ, изложилъ всѣ элементарныя науки: чтеніе, письмо, счисленіе, языки, хронологію, стихосложеніе, даже мораль. Въ 1786 году онъ издалъ: Methode d' histoire, сочиненіе, въ которомъ, для преподаванія исторіи, онъ употребляетъ все, способное дѣйствовать на воображеніе дѣтей, какъ то: картинки, карты и всякаго рода игры.

Мнемоника, какъ наука, изслѣдующая законы памяти, изъ которыхъ выводитъ правила дѣйствованія на эту способность, только въ нынѣшнемъ столѣтіи стала дѣятельнѣе разрабатываться учеными педагогами и физіологами *). Несмотря на то, она уже дошла до выводовъ, которыхъ несомнѣнность ежедневно подтверждается опытомъ. Мы почерпнемъ изъ нея только не многіе результаты, нужные намъ для опроверженія мнѣнія, что преподаваніе исторіи непремѣнно, независимо отъ методы учителя, изощряетъ фактическую память.

Память, какъ и всѣ низшія познавательныя способности, находится въ такой явной зависимости отъ физическихъ причинъ, что несомнѣнно подчинена законамъ тѣлесной природы. По этому законъ физической природы: что «чрезъ употребленіе расходуются органы,» долженъ имѣть силу и относительно памяти. Изъ этого слѣдуетъ, что трудъ пріобрѣтенія ненужныхъ научныхъ подробностей вообще неблагодаренъ, ибо безполезно истощаетъ силы памяти и наполняетъ ее научнымъ хламомъ, слѣдовательно засоряетъ въ ней мѣсто, которое нужно для другихъ познаній. Всякій нервъ и мускулъ упражненіемъ можетъ быть доведенъ до извѣстной степени сосредоточеннаго и усиленнаго дѣйствованія, но только съ ущербомъ продолжительности его дѣятельности. Люди, въ молодости много занимавшіеся съ лупою и ми-

*) Изъ популярныхъ сочиненій о мнемоникѣ, какъ наукѣ, весьма удовлетворительно: *Dégérando:* Des signes et de l'art de penser, considérés dans leurs rapports mutuels. 4 vol.

Digitized by Google

кроскопомъ, обыкновенно въ старости страдаютъ слабостью зрѣнія и часто совершенно теряютъ его. Люди, много трудящіеся физически, рано старѣются и ослабѣваютъ. Такимъ же образомъ люди въ дѣтствѣ много *механически* упражнявшіе память, чувствуютъ впослѣдствіи ослабленіе ея.

Я съ намѣреніемъ употребилъ здѣсь слово: «механически»; такъ называю я упражненіе памяти мнемоническими способами, приспособленными къ преподаванію различныхъ наукъ Язвинскимъ, Барбо, Шантро, Прево и др., которые прикрѣпляютъ къ памяти факты, слова или числа посредствомъ внѣшнихъ знаковъ или отношеній, имѣющихъ очень мало, или даже ничего общаго съ самыми фактами, словами или числами и ихъ отношеніями между собою и къ другимъ фактамъ. Но немогу не отнести къ механическому же способу упражненія памяти всякое запоминаніе непонятыхъ дитятею предметовъ, фактовъ или словъ. Въ этихъ словахъ моихъ заключается намекъ на другой законъ, дознанный наукою мнемоники, а именно: что память, только въ отрѣшенности отъ другихъ интеллектуальныхъ способностей, подчинена законамъ физической природы; но когда дѣйствуетъ въ совокупности съ умомъ и воображеніемъ, то интеллектуализируется (одухотворяется), пріобрѣтаетъ свойства и подчиняется законамъ высшихъ познавательныхъ способностей. То, что заняло умъ или воображеніе дитяти, то отнюдь не истощаетъ и не отягощаетъ памяти, а напротивъ служитъ ей полезнымъ упражненіемъ и полезною пищею. Такіе факты надолго, если не навсегда, останутся въ памяти. Причина понятна: они удовлетворили нравственную потребность, хотя, можетъ быть, недостигшую яснаго, положительнаго сознанія, и потому стали моментомъ развитія всего нравственнаго міра.

Изъ этого слѣдуетъ, что только такой предметъ можетъ служить для развитія фактической памяти, который займетъ умъ или воображеніе дитяти, потому что дастъ ему отвѣтъ на возникшіе въ его умѣ вопросы, или, ясностью, доступностью и привлекательностью своихъ образовъ, поразитъ дѣтскую фантазію.

Думаю, что вышеизложенныя причины достаточны для того, чтобы не считать исторіи, въ томъ видѣ, какъ она преподается въ дѣтствѣ, предметомъ, могущимъ выполнить эти условія. Напротивъ, по видимому, практическіе преподаватели именно думаютъ, что чѣмъ предметъ суше и безцвѣтнѣе, тѣмъ болѣе онъ упражняетъ память, и потому часто заставляютъ дитя учить

Digitized by Google

оторванныя хронологическія данныя безъ связи и содержанія. Это доказываетъ, до чего можетъ довести невѣжественный опытъ. Еслибы эти господа, по крайней мѣрѣ, запаслись свѣдѣніями объ успѣхахъ мнемоники, какъ искусства, то и тогда уже нашлибы у практическаго мнемониста Жакото правило, поставленное непремѣннымъ условіемъ для успѣха въ преподаваніи по его методѣ; а именно: «обучая частностямъ, не должно упускать изъ вида цѣлаго» *), говоритъ глава мнемоническихъ фокусниковъ, который почитаетъ нужнымъ изученіе въ каждой наукѣ только такихъ подробностей, въ которыхъ отражается общая мысль ея. Жакото далѣе предписываетъ «не сообщать ученикамъ ничего такого до чего они не могутъ дойти собственными силами» (Le maitre n'explique rien). Не грѣшитъ ли преподаваніе исторіи въ первомъ возрастѣ противъ этихъ правилъ практической мнемоники? Общаямысль исторіи—стремленіе народовъ къ развитію своего матерьяльнаго благосостоянія и достиженію нравственной высоты-вовсе недоступна ребенку 4—9 лѣтняго возраста, слѣдовательно и значеніе фактовъ, въ которыхъ эта мысль проявляется будетъ непонятна ему, равно какъ и связь между этими фактами. А если связь между фактами непонятна ему, то какъ же бы онъ самъ дошелъ до разрѣшенія историческихъ вопросовъ?

Не ясно ли изъ этого, что преподаваніе исторіи не способно развить и той способности, для развитія которой собственно и почти исключительно предпринимается.

Теперь разсмотримъ вліяніе исторіи на общую нравственную экономію дитяти. Мы уже сказали, что основная мысль исторіи, ея идея недоступна дитяти. Мало того; непосредственныя побужденія большей части историческихъ дѣяній непонятны ему. Нравственная точка зрѣнія народовъ, критеріумъ поступковъ безпрестанно мѣняется въ исторіи, смотря потому-на какой точкѣ цивилизаціи извѣстный народъ, какой характеръ имѣютъ его религіозныя вѣрованія и т. д. Алжирскій пиратъ въ нашихъ глазахъ-разбойникъ, а во мнѣніи своихъ соотечественниковъ герой. Гуманная точка зрѣнія древняго Грека останавливалась тамъ, гдѣ начиналось невольничество. Какъ объясните вы дитяти всѣ эти побужденія? Какъ, съ христіанской точки зрѣнія, объясните вы ему героизмъ воинскаго подвига, справедливость

*) Метода Жакото изложена Деларошемъ въ сочиненіи, носящемъ заглавіе: L'enseignement universel en présence de l'enseignement universitaire.

Digitized by Google

войны, въ которой за опрометчиво сказанное слово, будто бы оскорбляющее національную честь, ведутся тысячи и десятки тысячъ на гибель, прелесть побѣды, купленной кровью отцовъ, братьевъ и мужей многочисленныхъ семействъ. Или какѣ розоваго малютку, еще не успѣвшаго составить себѣ своего собственнаго нравственнаго масштаба, не успѣвшаго осмотрѣться во внѣшнемъ мірѣ, вы захотите поставить на точку зрѣнія Ромула, убивающаго своего брата для сохраненія единства государственнаго, Регула, идущаго во главѣ враждебнаго войска отмщать отечеству, спартанцевъ поящихъ илотовъ, чтобы показывать дѣтямъ примѣръ уничиженія, въ которое впадаетъ человѣкъ вслѣдствіе пьянства, спартанцевъ, научающихъ дѣтей своихъ воровать пищу и хладнокровно истязающихъ ихъ для того, чтобы пріучить къ боли.

Впрочемъ вы не будете и хлопотать объяснять всѣ факты. Но въ такомъ случаѣ, излагая факты, которыхъ оправданіе заключается въ однихъ побужденіяхъ, зависящихъ отъ нравственной точки зрѣнія народовъ и отдѣльныхъ лицъ, излагая эти факты ребенку, который еще не составилъ своей собственной точки зрѣнія, не имѣетъ своего нравственнаго критеріума, въ какой хаосъ приводите вы непосредственное нравственное чувство его, и какъ, изъ этого лабиринта фактовъ, совершившихся по самымъ противурѣчивымъ побужденіямъ, со временемъ выведете для него нравственный кодексъ. А кажется, что̀ могло бы быть логичнѣе, какъ основать нравственный кодексъ дитяти на примѣрахъ исторіи, которыхъ знаніе такимъ образомъ замѣнило бы для дитяти собственный жизненный опытъ. Но эти-то самые примѣры именно и сбиваютъ съ толку дитя, которое хотятъ наставлять въ правилахъ христіанской морали. Любовь къ ближнимъ, забвеніе обидъ, безкорыстіе дѣйствій, повиновеніе родителямъ ради любви къ Богу, истинность, безхитростность, чистоту нравовъ проповѣдуете вы ему, а у него въ памяти сохранились однѣ сцены братоубійства, мщенія, корыстолюбія, ненасытнаго честолюбія, неповиновенія непосредственно самому Богу, лживости, коварства, сладострастія и безнравственности. Не оттого ли вся ваша мораль остается для ребенка мертвою буквою или красивымъ щитомъ, за который маленькій язычникъ скрывается со своею моралью, извлеченной изъ фактовъ исторіи. Что̀ въ томъ, что вы къ изложенію каждаго историческаго факта примѣшиваете разсужденіе, что этого не должно дѣлать, что это дѣлалось только потому, что времена были темныя невѣже-

Digitized by Google

ственныя, что потому-то Богъ и покаралъ за это и т. д. Вашъ маленькій слушатель себѣ на умѣ! Благо вы навели его на мысль, а ужь хорошо ли, дурно ли такъ дѣлать? — это другой вопросъ. Главное: такимъ путемъ можно достигнуть своей цѣли, а достигать своей цѣли всегда пріятно. Накажетъ ли Богъ или нѣтъ, еще это неизвѣстно, ибо и не такія вещи сходили съ рукъ Царю Давиду и Царю Соломону, которыхъ Богъ однако не только не наказывалъ, а даже осыпалъ неисчислимыми милостями. Правда, они каялись: но отчего же и мнѣ послѣ не покаяться? думаетъ малютка и возрастаетъ — съ языческою философіею въ сердцѣ и съ христіанскою моралью на языкѣ.

Чѣмъ долѣе человѣкъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи зла, конечно, если при этомъ можетъ быть предохраненъ отъ всѣхъ неудобствъ невѣдѣнія, тѣмъ лучше. При томъ же, нѣтъ никакой необходимости смущать ясное небо дѣтскихъ фантазій картинами убійствъ и человѣческихъ страстей. Напротивъ, я считаю необходимымъ, чтобы дитя прежде создало свое собственное міровоззрѣніе и свой собственный нравственный кодексъ, свободный отъ всего условнаго, подъ вліяніемъ одного знанія природы, и подъ наитіемъ своего чистаго непосредственнаго чувства, которому старались дать направленіе къ добру. Только тогда можно надѣяться что нашъ ученикъ, ставъ взрослымъ человѣкомъ, сумѣетъ выстоять противъ напора разочаровывающей дѣйствительности, являющейся какъ въ исторіи, такъ и въ обыденной жизни. Ибо горе человѣку, необладающему въ сознаніи идеаломъ человѣческой высоты.

Но, возразятъ мнѣ, нельзя отрицать въ дитяти потребности къ повѣствованіямъ всякаго рода. Если не преподавать ему исторіи, то онъ будетъ искать удовлетворенія своей потребности въ сказкахъ и сплетняхъ или въ пошлыхъ разсказахъ дѣтскихъ книжонокъ, издѣлій нашей книжной промышленности.

Согласенъ, и считаю потребность дитяти къ разсказамъ, которыхъ интересъ заключается въ картинности фактовъ и привлекательности ихъ для воображенія, столь же законною, а удовлетвореніе ея столь же благотворнымъ для общаго развитія дитяти, какъ и всѣ другія нравственныя потребности и ихъ удовлетвореніе. Но, во первыхъ, исторія, въ томъ видѣ, какъ преподается дѣтямъ и какъ священная исторія ветхаго завѣта разсказана г-жою Тастю, не въ состояніи удовлетворить этой потребности, потому что почти не представляетъ занимательности для дѣтской фантазіи, которой картины ея еще недо-

Digitized by Google

ступны. А во вторыхъ, если и есть въ исторіи эпизоды, могущіе завлечь дѣтское воображеніе, то они въ первоначальномъ курсѣ не могутъ быть такъ подробно изложены, чтобы завлечь воображеніе дитяти и удовлетворить его потребности. Въ третьихъ, только нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ, будучи разсказаны подробно, удовлетворили бы потребность дѣтской фантазіи, не нанося вреда сердцу его.—

По этому, я и предложилъ бы, вмѣсто преподаванія исторіи, составленіе, для дѣтей перваго возраста, дѣтскаго плутарха, въ которомъ черты безотносительной нравственности, разсѣяные по всей исторіи, были бы разсказаны безъ всякой претензіи на историческій колоритъ и на описанія исторической обстановки лицъ. Въ этихъ картинахъ одни имена отличали бы героевъ одного отъ другаго, до тѣхъ поръ, пока идея національности еще недоступна ему. Позже, когда ребенокъ познакомится съ этнографіею мѣстности, въ которой живетъ, можно сказать ему, что Сократъ, прощавшій своимъ врагамъ въ ту минуту, какъ они отравляли его, принадлежалъ къ той же націи, къ которой принадлежитъ и купецъ, котораго дитя ежедневно встрѣчаетъ на улицѣ. Спѣшу оговориться: читатель возразитъ мнѣ, что и здѣсь ребенокъ будетъ знакомиться со зломъ, существующимъ въ человѣческомъ обществѣ. Да! Но здѣсь зло будетъ играть роль тѣней на картинѣ. На первомъ планѣ всегда будетъ прекрасная личность героя разсказа, или благородный поступокъ, и потому зло будетъ являться дитяти въ видѣ чудовищной случайности, способствующей торжеству добра.

Выгода избранія историческихъ лицъ и фактовъ для такого рода разсказовъ состоитъ въ томъ, что они, впослѣдствіи, при подробномъ изученіи исторіи, останутся въ памяти ребенка, какъ живое непрерывное зеркало, которое и въ самыя варварскія эпохи, посреди заблужденій и пороковъ массъ, отражаетъ идеалъ въ его лучезарной красотѣ. Въ дитяти же 4 — 9 лѣтъ, нѣтъ, и быть не можетъ собственно-исторической потребности, т. е. потребности знать: кто до него жилъ на этой землѣ?, какъ назывались народы? какіе были у нихъ нравы обычаи, языкъ, образъ правленія, религія? какимъ путемъ человѣчество достигло настоящей точки цивилизаціи? И это очень естественно: въ первомъ возрастѣ понятія о времени не идутъ далѣе вчерашняго дня, много-прошедшей рожественской елки; понятіе о національности, своей и чужой, вовсе недоступно, нравы и обычаи, даже роднаго народа, почти еще вовсе не знакомы; языки усвоиваются

Digitized by Google

памятью и не могутъ проникнуть въ сознаніе, не смотря на насильственное преподаваніе грамматики, образъ правленія... впрочемъ объэтомъ и говоритъ нечего; религія возможна одна—религія сердца, и всякій догматизмъ вреденъ, слѣдовательно знакомство съ чуждыми религіозными вѣрованіями и догматами чужихъ офиціальныхъ религій—нелѣпость. Настоящій моментъ цивилизаціи еще не могъ проникнуть въ сознаніе, потому что ребенокъ, еще только отчасти, принадлежитъ ему, слѣдовательно и потребность—знать предшествующіе моменты не можетъ родиться. И до такой степени не возможна эта потребность въ дитяти, что самыя ловкія ухищренія пэдагоговъ не въ состояніи возбудить ее, между тѣмъ какъ въ позднѣйшемъ возрастѣ она сама собою совершенно органически рождается изъ разсматриванія фактовъ современной жизни народовъ.

Спрашивается: къ чему же служитъ это искусственное возбужденіе потребности, которая позже должна естественно возникнуть? Къ чему преподаваніе исторіи въ томъ возрастѣ, которому она не доступна и въ которомъ не отвѣчаетъ нравственнымъ потребностямъ?

Но можетъ быть, преподаваніе исторіи расширяетъ кругъ познаній дитяти? хороши познанія, которыхъ дитя не понимаетъ. Да, и какія же это познанія? Очень нужно ребенку знать, что Филиппъ былъ основателемъ Македонскаго Государства, котораго уже нѣтъ, что сынъ его Александръ покорилъ народы, которыхъ потомки также похожи на своихъ предковъ, какъ нынѣшняя еврейская нація на палестинскихъ іудеевъ, что римляне покорили своему оружію весь извѣстный въ древности міръ, въ которомъ нынѣшняя англійская крѣпость Гибралтаръ была геркулесовыми столбами; въ которомъ Англія сама была янтарнымъ островомъ и болѣе ни чѣмъ; въ которомъ германцы, предки нынѣшнихъ многоученыхъ и великоумныхъ гелертеровъ, были какими то полузвѣрями.

Мудрено ли, что, запасшись такими свѣдѣніями, какъ всѣ тѣ, которыя сообщаются книгою г-жи Тастю и большею частью практическихъ воспитателей и воспитательницъ, 4—9-лѣтній ребенокъ и не заподозритъ, чтобы наука должна была имѣть непосредственное примѣненіе къ жизни, чтобы она была раскрытіемъ тайнъ бытія? Мудрено ли, что наука и жизнь становятся для него враждебными другъ другу полюсами, что тамъ, гдѣ для него кончается одна, тамъ начинается другая. Нахмурясь идетъ онъ въ классъ и нетерпѣливо высиживаетъ несносный урокъ

Digitized by Google

которому кажется конца не будетъ. Радостно бѣжитъ онъ, по окончаніи урока, въ садъ, и такъ же какъ, только по принужденію, оставлялъ забавы для книгъ, такъ же теперь, по внутреннему побужденію, забываетъ, совершенно забываетъ о существованіи книгъ, для того, чтобы предаться веселью. Неужели г-жѣ Тастю и подобнымъ ей чадолюбивымъ учительницамъ никогда ни приходило въ голову спросить: чтожъ это за наука, которая съ перваго шага расходится съ жизнью, съ потребностями, съ пользою дитяти? Что это за наука, которая даетъ ребенку тò, чего онъ не состояніи ни желать знать, ни усвоить своимъ умомъ, и не даетъ ему того, что свойственно его потребностямъ и заняло бы его, связавъ ученье съ жизнью?

Начавъ учебныя занятія съ наукъ неприложимыхъ къ жизни, недоступныхъ пониманію дитяти и не отвѣчающихъ его потребностямъ, практическія воспитательницы пріучаютъ его смотрѣть на науку какъ на тягостный фактъ, причину существованія котораго онъ и не старается проникнуть, потому что чувствуетъ, что это не удастся ему. — И потому онъ объясняетъ себѣ этотъ фактъ произволомъ воспитателей, которые, какъ какая-то наружная неумолимая судьба, находятъ удовольствіе въ разрушеніи его дѣтскаго, беззаботнаго счастья. Слѣдствіемъ такого взгляда, конечно, не можетъ быть ни особенная любовь къ наукѣ, ни особенное уваженіе къ воспитателямъ.

А между тѣмъ ребенокъ любитъ свѣтъ и радостно стремится къ знанію. Посмотрите, какъ онъ внимательно прислушивается ко всему, что дѣйствительно расширяетъ горизонтъ его познаній, какимъ восторгомъ заблестятъ его глаза каждый разъ, когда вы поможете ему глубже проникнуть въ тайны окружающаго его, какъ онъ счастливъ когда истина явится его взору изъ-за скрывавшаго ее, преходящаго факта! Замѣтьте, какъ глубоко разовьется его любознательность, если, по окончаніи извѣстнаго періода, онъ убѣдится, что наука стала для него откровеніемъ истины, лежащей въ нѣкоторой части той дѣйствительности, которая прежде окружала его, какъ мертвый аггрегатъ, лишенный смысла.

Итакъ, первоначальное обученіе для того, чтобы быть исходнымъ моментомъ основательнаго образованія должно:

1-е) Отвѣчать на непосредственно (spontanément) рождающіеся въ дѣтскомъ умѣ вопросы.

Вопросы эти, большею частью, будутъ относиться къ предметамъ непосредственно окружающимъ ребенка. Предметы, окру-

Digitized by Google

жающіе ребенка, принадлежатъ къ двумъ категоріямъ: къ естественнымъ произведеніямъ и къ продуктамъ промышленности. Къ первымъ причисляемъ мы какъ естественныя условія мѣстности, въ которой протекаютъ первые годы жизни дитяти, и ея естественныя произведенія, такъ и садовую и комнатную флору, въ той мѣрѣ, какъ она состоитъ или изъ однихъ мѣстныхъ растеній, или изъ растеній акклиматизированныхъ. Къ продуктамъ промышленности относятся всѣ произведенія ремеслъ, фабричной производительности, искуствъ и даже художествъ, въ той мѣрѣ, какъ они служатъ только для удобствъ жизни и украшенія предметовъ ежедневнаго употребленія. Также мѣстныя строенія, памятники, музеумы, библіотеки и т. д. Однимъ словомъ все, чѣмъ человѣкъ обязанъ своему уму и труду. По вышевысказанному мною убѣжденію, задача первоначальной науки въ основательномъ образованіи, состоитъ въ томъ, чтобы a)., родить въ ребенкѣ чувство связи между наукою вообще, какъ выраженіемъ современной истины, и жизнью, и b) удовлетворить это чувство въ возможной полнотѣ. По этому я требую, чтобы, въ теченіе всего возраста, продолжающагося отъ 4 до 8 или 9 лѣтъ, слѣдовательно въ теченіи всего курса домашняго обученія, ребенокъ знакомился только съ истиною, лежащею въ основаніи предметовъ, окружающихъ его. А такъ какъ предметы, окружающіе дитя, двоякаго рода, то ребенокъ, узнавая объективную истину лежащую въ основаніи ихъ существованія, усвоитъ себѣ понятія, относящіеся, съ одной стороны, къ естеству, съ другой, къ современной цивилизаціи. Но и въ продуктахъ промышленности основаніемъ, большею частію, суть естественныя произведенія: столъ сдѣланъ изъ дерева, которое прежде было на корню; домъ выстроенъ изъ кирпича, кирпичъ сдѣланъ изъ глины, которая прежде составляла часть почвы и т. д. По этому

2-е) Первоначальная наука должна начаться съ ознакомленія ребенка *съ объективною истиною лежащею въ основаніи естественныхъ произведеній*, окружающихъ его и служившихъ матерьяломъ для продуктовъ промышленности, которые ему попадаются на глаза. Такимъ образомъ ребенокъ узнаетъ прежде всего названія, свойства и жизненныя отправленія произведеній трехъ царствъ природы, которыя у него передъ глазами, подробно знакомится съ окружающею мѣстностью, ея особенностями, климатомъ, физическими явленіями, которыя должны быть объясняемы ему по послѣднимъ результатамъ науки, съ доступною ему подробностью, и научною точностью. Если ребенокъ, прежде нежели обратитъ

Digitized by Google

вниманіе на естественныя произведенія, захочетъ узнать о продуктѣ промышленности, то воспитательница должна стараться незамѣтно привести его къ естественному матерьялу, изъ котораго продуктъ сдѣланъ. Такимъ образомъ первый циклъ познаній дитяти будетъ вполнѣ заключенъ въ самомъ себѣ, ибо обниметъ все естествознаніе въ обширномъ смыслѣ (и географію мѣстности и физику), въ той мѣрѣ, какъ оно будетъ служить для раскрытія объективной истины, лежащей въ основаніи окружающей ребенка природы и ея явленій. Отрывочности и поверхностности тутъ никакой не можетъ быть, ибо по какой бы ни было мѣстности можно изучить естественныя науки во всей ихъ полнотѣ, хотя не со всѣми подробностями, которыя впрочемъ и не составляютъ непремѣннаго условія основательнаго знанія.

Я назначаю въ первомъ циклѣ мѣсто естественнымъ наукамъ, потому что, какъ природа есть основа всего существующаго, такъ и наука о природѣ, по своей глубокой занимательности, по точности сообщаемыхъ ею знаній и по благотворному вліянію на всѣ способности духа, пригоднѣе всѣхъ другихъ наукъ къ тому, чтобы служить основаніемъ первоначальнаго обученія. Съ чего бы ни начали мы первоначальную науку, если только мы захотимъ пріучить умъ ребенка къ основательности въ изслѣдованіи, то всегда будемъ принуждены раскрыть истину, лежащую въ основаніи естественнаго произведенія; ибо вездѣ, съ какой бы точки ни пустились мы въ путь, будемъ приведены къ естественнымъ произведеніямъ. Съ другой стороны, раскрытіе вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, по которымъ дѣйствуетъ природа и которые вполнѣ совпадаютъ съ законами нашего мышленія, совершенно естественно должно быть предметомъ первоначальной науки, отъ которой будетъ зависѣть точность и правильность развитія ума дитяти. Но кромѣ развитія ума, первоначальная наука должна имѣть въ виду и другія способности дитяти, всю нравственную экономію его. Ничто не дѣйствуетъ на эту послѣднюю столь благотворно, какъ предметы природы: жизнь травки, изъ едва замѣтнаго зародыша развивающей корешокъ и первоначальный листокъ, изъ котораго потомъ вырастаетъ стебель, выглядываетъ изъ земли, покрывается листьями, украшается чашечкой съ радужнымъ вѣнчикомъ, эта жизнь такъ чудесна, что дѣятельная фантазія дитяти жадно ухватится за нее, особенно если въ разсказѣ сохранена будетъ живость и увлекательность, къ которой способны однѣ описанія природы. Наконецъ, что можетъ благотворнѣе дѣйствовать на сердце ди-

Digitized by Google

тяти, какъ это обращеніе съ предметами природы, въ которыхъ, вслѣдствіе его, дитя научится видѣть своихъ младшихъ братьевъ, свою семью. Такимъ образомъ, какъ въ отношеніи сообщенныхъ свѣдѣній, такъ и въ отношеніи вліянія на развитіе способностей дитяти, естественныя науки вполнѣ свойственны стать предметомъ первоначальнаго обученія.

3-е) На основаніи правила: что отнюдь не должно навязывать ребенку знанія, въ которомъ онъ еще не имѣетъ потребности, что, слѣдовательно, начинать учить дитя чему-нибудь-надо, или выждавъ, чтобы онъ самъ попросилъ объ этомъ, или искусственными пріемами родивъ въ немъ къ тому желаніе, на основаніи этого правила, обученіе чтенію и письму можетъ начаться и не въ самомъ началѣ перваго цикла обученія. Первые пробужденной любознательности не необходимо должны влечь за собою обученіе чтенію и письму, ибо потребность читать и писать можетъ явиться гораздо позже. Но удовлетворять эту любознательность непремѣнно надо; а потому, надо и не умѣющему читать дитяти отвѣчать на дѣлаемые имъ вопросы. Мы желали бы только, чтобы отвѣты дѣлались не изустно; а чтобы учительница каждый разъ указывала на книгу, изъ которой почерпаетъ сообщаемыя свѣдѣнія и даже прочитывала по ней о занимающемъ дитя предметѣ. Но чтенія ея должны быть каждый разъ вызваны желаніемъ ребенка знать о какомъ-нибудь изъ окружающихъ его предметовъ. Поэтому въ нихъ не можетъ и недолжно быть никакой системы, которая испугала бы розоваго малютку своею сухостью и отвлеченностью. Наука сначала будетъ доставаться дитятѣ шутя, играючи, но незамѣтно такъ увлечетъ его, что онъ захочетъ серьезно заниматься ею. Въ началѣ достаточно будетъ если воспитательница, на вопросъ ребенка о какомъ-нибудь предметѣ, назоветъ его какъ родовымъ, такъ и видовымъ названіемъ, и сошлется на то, что когда-нибудь прочтетъ дитяти объ этомъ предметѣ все что интересно знать о немъ. Такія ссылки обратятъ вниманіе дитяти на книгу, какъ на сокровищницу знаній, а когда еще воспитательница исполнитъ свое обѣщаніе, и страницы, которые она прочтетъ займутъ ребенка, тогда можно надѣяться что онъ скоро и самъ пожелаетъ умѣть читать.

Весьма полезно будетъ, читая, указывать на самый предметъ и, такимъ образомъ наглядно, объяснять прочтенное. Такъ если ребенокъ желаетъ знать, какъ живетъ растеніе, то можно, на цвѣткѣ, который стоитъ на окнѣ, показать части растенія и

Digitized by Google

отправленія этихъ органовъ. Для разнообразія можно иногда прочесть о предметѣ поэтическую страницу; напр. овсяный киссель Жуковскаго, когда рѣчь о растеніяхъ; червячокъ, когда рѣчь о кольчатыхъ животныхъ, или другую статейку, относящуюся къ предмету, изъ Звѣздочки, въ которой разсѣяно столько прекрасныхъ страницъ, касающихся естественной исторіи. Мало по малу книга сдѣлается любимицею дитяти, преимущественно даже передъ игрушками. Но для того, чтобы ребенокъ не привыкъ къ тому, что другіе читаютъ ему, надо часто давать ему чувствовать неудобства, проистекающія изъ неумѣнья читать. Для этого, когда уже любознательность малютки возбуждена, когда знаніе стало для него насущною потребностью, необходимо и тогда не тотчасъ исполнять желаніе его послушать чтеніе. Иногда также, когда ребенокъ приходитъ съ книгою и проситъ прочесть ему о томъ или другомъ предметѣ, надо предложить ему, чтобы онъ самъ прочелъ первое слово или заглавіе статьи. Читая очень интересную по содержанію статью, можно также, при случаѣ, когда представится необходимость заняться другимъ дѣломъ, прервать чтеніе на самомъ занимательномъ мѣстѣ, ссылаясь на то, что дитя само должно учиться читать, если хочетъ дочитывать занимательныя статейки. Такимъ образомъ возбужденная и разжигаемая любознательность дитяти, придастъ волѣ его ту степень упругости, которая необходима для того, чтобы одолѣть сухую азбуку и склады.

4) Какъ азбукѣ такъ и складамъ надо учить ребенка по тойже книгѣ и тѣмъ же статьямъ, въ которыхъ заключаются отвѣты на мгновенно возникающіе въ его головѣ вопросы, а отнюдь не по собственно такъ называемымъ азбукамъ и книгамъ для упражненія въ чтеніи. А такъ какъ вопросы дитяти будутъ относиться къ предметамъ непосредственно окружающимъ его, или, по крайней мѣрѣ, мѣстнымъ, то и должно читая безпрестанно указывать дитяти на самые предметы, для того, чтобы утвердить его въ томъ мнѣніи, что книга есть ключь къ раскрытію сущности, лежащей въ основаніи дѣйствительности. Пусть вмѣсто того, чтобы складывать нравственныя сентенціи или даже слова, безъ связи и смысла, дитя, вчера или сегодня спрашивавшее васъ о резедѣ, сложитъ строку или болѣе изъ статейки, въ которой говорится о резедѣ. При этомъ укажите ему на живую резеду и подтвердите на ней слова, прочтенныя дитятею. Тогда упражненіе въ плавномъ чтеніи, въ тоже время, будетъ продолжать заохочивать ребенка къ чтенію, какъ сред-

Digitized by Google

ству ознакомленія съ окружающею дѣйствительностью. Такъ какъ уроки чтенія будутъ пріуготовленіями къ первому циклу наукъ, то предметы, о которыхъ дитя будетъ читать для упражненія, должны относиться исключительно къ естественнымъ произведеніямъ. По этому книга или книги, избираемыя для первоначальнаго чтенія должны содержать въ себѣ ясно, удобопонятно изложенныя, точныя и возможно полныя, понятія объ устройствѣ земной поверхности, о свойствахъ почвъ, климатѣ, о различныхъ особяхъ трехъ царствъ природы, о видахъ, къ которымъ они принадлежатъ, о жизни животныхъ и растеній и т. д., однимъ словомъ, краткую экциклопедію естествознанія. Но воспитательница отнюдь не должна давать дитяти читать эту книгу или книги подъ рядъ. Повторяю: каждый урокъ чтенія долженъ заключать въ себѣ отвѣтъ, на возникшій въ головѣ дитяти вопросъ. Механическое любопытство дитяти знать, что далѣе еще заключается въ той книгѣ, изъ которой онъ прочелъ одну или нѣсколько статей, не только не должно быть развиваемо, на противъ еще должно быть подавляемо, ибо не имѣетъ ничего общаго съ любознательностью, т. е. органическою потребностью ума отдавать себѣ отчетъ въ существѣ предметовъ и причинахъ явленій.

5) По заключеніи перваго цикла обученія дитяти, т. е. по ознакомленіи его съ объективною сущностью всѣхъ естественныхъ произведеній, окружающихъ его и съ естественною физіономіею мѣстности, въ которой онъ живетъ, первоначальная наука вводитъ ребенка въ міръ современной цивилизаціи, находящійся передъ его глазами. Здѣсь она объясняетъ и, если можно, показываетъ ему, какъ и изъ чего дѣлаются предметы первой потребности, какъ мокаютъ свѣчи, дѣлаютъ столы, ткутъ платья, валяютъ войлоки и т. д. При этомъ случаѣ, воспитательница для разнообразія и для удовлетворенія потребности ребенка къ разсказамъ занимающимъ воображеніе, можетъ разсказать ему біографію изобрѣтателей машинъ, или способъ, которымъ дошли до нѣкоторыхъ изобрѣтеній и т. д. Но эти разсказы отнюдь не должны имѣть претензіи — на то, чтобы стать исторіею изобрѣтеній, или рядомъ біографій всѣхъ изобрѣтателей, а должны быть порождены случайнымъ расположеніемъ дитяти, или потребностью его въ обновленіи силъ, вслѣдствіе усталости отъ занятій, или интересомъ самой біографіи. Второй циклъ первоначальнаго обученія будетъ такимъ образомъ заключать въ себѣ технологію, въ той мѣрѣ, какъ она нужна

Digitized by Google

для объясненія ребенку окружающихъ его продуктовъ промышленности; знакомство съ роднымъ городомъ, что касается его зданій, памятниковъ музеумовъ, библіотекъ, галлерей, фабрикъ, заводовъ и т. д. При этомъ можно начать уроки рисованія и черченія съ натуры, для нагляднѣйшаго объясненія архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній роднаго города.

6) Третій циклъ будетъ заключать въ себѣ мѣстную этнографію и общія понятія о физіологіи человѣка. Уроки мѣстной этнографіи будутъ состоять въ обращеніи вниманія дитяти на черты лица, костюмы, нравы, обычаи представителей разныхъ народностей, которые живутъ въ городѣ. При этомъ можно требовать, чтобы ребенокъ, съ натуры или на память, рисовалъ типы ихъ въ надлежащихъ костюмахъ. Далѣе: можно прямо перейти къ объясненію дитяти: почему и какъ люди одноплеменные живутъ вмѣстѣ, дать ему общія главныя понятія о государственныхъ законахъ, имѣющихъ силу въ данной мѣстности, объ образѣ правленія и т. д. Читатель видитъ, что ребенокъ такимъ образомъ, не отвлекаясь отъ мѣстности, въ которой живетъ, мало по малу составляетъ себѣ полное понятіе о народѣ, какъ организмѣ, имѣющемъ въ самомъ себѣ причину своего существованія. Понятіе о государствѣ, какъ болѣе условное и сложнѣйшее, должно быть сообщено дитяти не ранѣе какъ по мѣрѣ ознакомленія съ исторіею, которое, какъ я уже намекнулъ, должно начаться гораздо позже этого возраста.

Какъ преподаваніе мѣстной этнографіи будетъ удовлетвореніемъ потребности знать причину названій, даваемыхъ нѣкоторымъ лицамъ по народностямъ, къ которымъ они принадлежатъ, такъ и описаніе городскаго устройства, различныхъ отраслей промышленности, законовъ, образа правленія и т. д. должно воспослѣдовать только тогда, когда случай или преподавательница наведетъ на всѣ эти вопросы, и дитя дѣйствительно сдѣлаетъ ихъ.

Съ другой стороны преподаваніе въ первомъ и повтореніе во второмъ циклѣ зоологіи часто будетъ требовать ознакомленія дитяти съ внутреннимъ строеніемъ животнаго организма. При этомъ преподавательницѣ очень легко будетъ родить въ ребенкѣ потребность знать внутреннее строеніе и отправленія органовъ человѣческаго организма. Въ большой части случаевъ эта потребность даже сама собою родится у дитяти, и я почитаю удовлетвореніе ея крайне необходимымъ въ этомъ циклѣ обученія, потому что ознакомленіе съ физіологіей человѣка, какъ са-

Digitized by Google

мою сложною и трудною изъ естественныхъ наукъ, совершенно правильнымъ образомъ завершаетъ домашнее воспитаніе. Въ первомъ циклѣ дитя знакомилось съ простѣйшими естественными организмами, ихъ отправленіями и отчасти классификацією,—во второмъ оно познакомилось съ отдѣльными отраслями окружающаго его общественнаго быта, наконецъ въ третьемъ циклѣ оно, съ одной стороны, усвоитъ уже болѣе широкія черты окружающаго цивилизованнаго быта (законовѣдѣніе, торговлю, промышленность), съ другой—знакомится съ наукою о человѣкѣ, какъ отраслью естествознанія (этнографія и физіологія).

Преподаваніе физіологіи человѣка, конечно, должно a) ограничиваться объясненіемъ однихъ отправленій необходимыхъ для жизни индивидуума; b) быть кратко, удобопонятно, и по возможности наглядно. Для приданія урокамъ физіологіи наглядности, безъ сомнѣнія, лучше всего было бы показывать взаимное расположеніе органовъ и ихъ устройство на препаратахъ, сдѣланныхъ изъ папье-маше, но такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ доступно не всѣмъ родителямъ, то можно замѣнять ихъ и рисунками. А какъ физіологія человѣка и даже животныхъ считалась до сихъ поръ предметомъ вовсе неудобнымъ для преподаванія дѣтямъ, изложеніе же всѣхъ доводовъ *за* и *противъ* этого необходимаго, по моему мнѣнію, нововведенія въ первоначальномъ преподаваніи, расширило бы нашу статью до размѣровъ несовмѣстныхъ съ ея назначеніемъ, то я и намѣренъ представить читателямъ своимъ особую статью подъ заглавіемъ: *О преподаваніи физіологіи въ курсѣ первоначальнаго обученія.*

7-е) Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о преподаваніи ариѳметики и о практическомъ приложеніи познаній о физикѣ и химіи, пріобрѣтенныхъ дитятею въ теченіи всего курса. Ариѳметика какъ совершенно формальная наука, не можетъ составить отдѣльнаго цикла преподаванія и не занимаетъ, ни въ одномъ изъ нихъ, исключительнаго мѣста, а преподается ребенку съ той минуты, въ которую онъ ощутитъ въ ней потребность, въ теченіи всего послѣдующаго за тѣмъ курса. Для избѣжанія повтореній, просимъ читателя вспомнить сказанное о преподаваніи ея въ критикѣ рутиннаго обученія.

Въ первомъ циклѣ нашего курса ребенокъ узнаетъ составъ воздуха, значеніе температуры, климата и т. д., во второмъ же циклѣ необходимо объяснить ему устройство самыхъ простыхъ инструментовъ, съ помощью которыхъ наука достигаетъ своихъ результатовъ. Съ этимъ, по моему мнѣнію, весьма удобно будетъ

Digitized by Google

соединить указаніе ребенку: какъ дѣлаются наблюденія и какъ изъ этихъ наблюденій потомъ извлекаются научные результаты. Я даже совѣтовалъ бы убѣдить ребенка, чтобы онъ ежедневно, въ извѣстные часы, дѣлалъ наблюденія надъ термометромъ и если онъ уже достаточно развитъ и свѣдущъ, то и надъ барометромъ и гигрометромъ. Съ одной стороны, такія постоянныя занятія упражняли бы наблюдательность дитяти, съ другой, записывая каждый разъ свои наблюденія и еженедѣльно и ежемѣсячно выводя изъ нихъ среднія числа, ребенокъ привыкъ бы къ аккуратности и имѣлъ бы менѣе совершенно праздныхъ минутъ; съ третьей, постоянно имѣя извѣстныя обязанности, которыхъ исполненіе онъ, чрезъ нѣсколько времени, сталъ бы считать даже нѣкоторымъ point d'honneur, онъ, ребенокъ, пріобрѣлъ бы ту упругость воли, которой не достаетъ нашимъ слабымъ поколѣніямъ; наконецъ съ четвертой, занятія такого рода еще болѣе сближали бы для дитяти науку съ жизнью.

Если намъ скажутъ, что такія наблюденія будутъ утомлять ребенка и скоро наскучатъ ему, то мы возразимъ, что утомляетъ дѣтей только однообразіе занятій и даже игръ, а наскучаютъ только предметы лишенные жизни.

Ф. ТОЛЛЬ.

Томскъ. 1855 годъ.

Письмо изъ Парижа.

Парижъ, 26 іюня (8 іюля) 1859.

Въ прошломъ письмѣ, любезный Ап....., я конечно писалъ тебѣ о современномъ движеніи умовъ въ Пруссіи. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ оставилъ Берлинъ, гдѣ такъ безобидно, добродушно разсуждаютъ и о честолюбивой политикѣ принца регента, и о необходимости военной инициативы, гдѣ открыто порицаютъ мобилизацію и въ тоже время гремятъ угрозами противъ Франціи, показывая достохвальный примѣръ храбрости, и предлагая здоровую опору прочимъ нѣмцамъ, которые все еще думаютъ удержаться на гнилыхъ подмосткахъ Австріи. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни были воинственны желанія прусскаго правительства, Пруссія не уйдетъ далеко въ борьбѣ со статутомъ франкфуртскаго сейма и съ мелкимъ себялюбіемъ Виртемберга и Баваріи; отъ того и здѣсь, въ Парижѣ, особенно послѣ послѣднихъ побѣдъ, на угрозы Германіи смотрятъ безъ малѣйшихъ

Digitized by Google

опасеній. И такъ, я оставилъ Берлинъ, который, какъ политическая книга, раскрытая на занимательной страницѣ, дозволяетъ читать себя и дѣлать надъ собою комментаріи. Дѣло другое — Парижъ. Столица Франціи — сцена. Любуйтесь великолѣпнымъ зрѣлищемъ; но не суйте носу слишкомъ далеко за балюстраду. Плачьте пожалуй, подобно институткѣ, при представленіи страшной трагедіи; но не обижайтесь, если во время самыхъ чувствительныхъ вашихъ слезъ стоящая подлѣ мадамъ вдругъ скажетъ: Tenez vous droit.... «Nous sommes l'ordre et nous resterons toujours l'ordre (мы — порядокъ и останемся вѣчно порядкомъ)» говоритъ одна изъ самыхъ патріотическихъ здѣшнихъ газетъ Pays — и эти слова не пустая фраза. Они страннымъ образомъ льстятъ французу, надѣлавшему довольно кровавыхъ проказъ въ своей жизни. Что за бѣда, если болѣе нельзя пѣть по улицамъ пѣсенъ Беранже, если нельзя и молвить лишняго слова о политикѣ безъ опасенія явиться передъ трибуналомъ? La surêté publique (общественная безопасность) выше всего, и этимъ словомъ оправдываются самыя стѣснительныя мѣры. Еще остается свобода гулять по красиво-обстриженнымъ аллеямъ, плясать умѣренный канканъ (подъ надзоромъ общественной стражи), пить лучшія въ мірѣ вина, восхищаться грандіозностью новыхъ построекъ. А Тюльери со своими густыми каштанами все тотъ же; Елисейскія поля заботливо усаженныя тощими вязами, все также множествомъ кофеенъ, каждый вечеръ манятъ огромныя толпы народа; магазины все также ослѣпляютъ блескомъ и разнообразіемъ—вѣчный праздникъ! вѣчная сумятица! Но того французскаго народа, о которомъ вы составили понятіе по его исторіи, врядъ ли скоро найдете.

Я пріѣхалъ въ Парижъ въ девять часовъ вечера, въ самый тотъ день, когда пришло извѣстіе о побѣдѣ при Кавріанѣ (при Сольферинѣ). Еще на дорогѣ, на каждой станціи, разнощики афишъ оглушали криками: grande bataille, grande victoire! и проч. Можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ порывался я видѣть знаменитый городъ, и безъ настоящаго торжества столь богатый всѣми приманками на свѣтѣ. Народный праздникъ, ликующія клики толпы посреди залитыхъ огнемъ улицъ— вотъ о чемъ мечталъ я. Чего же лучше? Разомъ увидѣть весь Парижъ, разомъ окунуться въ этотъ неумолкающій водоворотъ, сразу добраться до самаго пульса народной жизни. Судя по газетамъ, можно было ожидать всего этого. Вотъ, дилижансъ живо покатилъ отъ дебаркадера. Гдѣ же Парижъ? Темныя, тѣсныя

Digitized by Google

улицы, однообразно-освѣщенныя мутными газовыми фонарями; тонкій удушливый смрадъ, смѣсь всевозможныхъ пряныхъ запаховъ, мрачныя стѣны; между ними, какъ ущелья, черныя проулки, и нигдѣ ни души. Но внезапный свѣтъ ослѣпилъ глаза, и въ немъ, какъ муравейникъ, вращалась пестрая масса народа. Сквозь тѣсноту экипажей пробрались мы около Итальянскаго бульвара и опять въѣхали въ довольно тихія улицы. Разъ только съ крикомъ и смѣхомъ пробѣжала мимо толпа дѣтей и опять слышался одинъ далекій гулъ.

Не смотря на дорожную усталость, оставивъ въ отелѣ свои вещи, я тотчасъ же поспѣшилъ на Итальянскій бульваръ, одно изъ самыхъ людныхъ мѣстъ въ Парижѣ.... Гдѣ же радостныя манифестаціи? Гдѣ эта кипучая жизнь, полная обаяній? Или ужъ я избалованъ Петербургомъ? Или не туда попалъ? Или искалъ не того, что слѣдовало? Непрерывный рядъ блестящихъ кофеенъ и магазиновъ дѣйствительно великолѣпенъ; народу столько, что достанетъ для любаго праздника. Однако иллюминація довольно умѣренная: нѣсколько гирляндовъ разноцвѣтныхъ фонарей — и только. Надъ окнами въ разныхъ мѣстахъ развѣшены знамена— и вотъ, ходитъ взадъ и впередъ эта разнообразная толпа, ходитъ плавно, чинно, безъ суеты и безъ шума. Васъ поражаетъ только стукъ громадныхъ омнибусовъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, да порою хриплый голосъ несчастныхъ продавцевъ бюллетеней, совсѣмъ изнемогшихъ послѣ дневнаго крику. «Давайте же мнѣ французовъ, настоящихъ французовъ» твердилъ я самъ про себя. А это что? Это я увижу всякій день въ три часа и на Невскомъ проспектѣ. Вотъ, однако столпилась кучка народу. Я съ любопытствомъ протѣснился впередъ. Какая-то лоретка въ огромнѣйшемъ кринолинѣ сидитъ, небрежно развалясь въ креслахъ, на самомъ краю бульвара и громко, что называется, съ шикомъ, о чемъ-то толкуетъ своему кавалеру. Дерзкій вызывающій взглядъ, неумѣренно поднятая ножка, самая поза, полная комической важности — все это заняло праздную толпу. Кто ни проходилъ мимо, останавливался, дѣлалъ свои наблюденія и замѣчанія прямо передъ носомъ сидѣвшей, и, вдоволь насмотрѣвшись, шелъ далѣе. Шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Толпа все росла. Дама, нисколько не смущаясь, въ свою очередь разглядывала всѣхъ, къ ней подходившихъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжала свою бѣседу съ кавалеромъ. Наконецъ сержантъ полиціи явился также въ числѣ зрителей. При видѣ его дама поднялась, и сѣла на извощика. Толпа также

Digitized by Google

начала рѣдѣть, но нѣсколько гулякъ все еще заглядывали въ карету, гдѣ помѣстилась наша героиня, до тѣхъ поръ, пока она не уѣхала. Правду сказать, что нѣтъ народа, болѣе жаднаго до какихъ бы то ни было зрѣлищъ. Барку ли тянутъ на рѣкѣ, вывѣсятъ ли картину въ магазинѣ или какой нибудь особенный фонарь, уже на узкомъ тротуарѣ почти нѣтъ проходу; но гдѣ соберутся два, три человѣка, тамъ и полицейскій посреди ихъ. Бдительность здѣшней охранной стражи изумительна. Нельзя пройти ни одного перекрестка, не встрѣтивъ нѣсколькихъ изъ этихъ господъ съ острыми бородками и въ треуголкахъ или каскахъ загнутыхъ на бекрень. На гуляньяхъ вездѣ ихъ несмѣтное множество. Однажды я поздно возвращался домой и спросилъ одного изъ нихъ о дорогѣ. Полицейскій, обыкновенно очень учтивый, особенно въ отношеніи къ чужеземцамъ, на этотъ разъ только махнулъ рукой не сказавъ ни слова: онъ, казалось, сильно къ чему то прислушивался. Улицы были совершенно пусты. Но едва завернулъ я, когда увидѣлъ за угломъ двухъ человѣкъ, которые между собою разговаривали въ полголоса. Когда я съ любопытствомъ взглянулъ на нихъ, они быстро отошли въ сторону. Я удивлялся этому огромному числу опекуновъ, (между ними много переодѣтыхъ), слѣдящихъ, такъ сказать, за каждымъ дыханіемъ народа. Но сами французы довольно простодушно говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Вы незнаете, что за головы эти французы: чуть кто между ними поссорится, такъ сейчасъ и готовъ вынуть ножемъ. Французъ не можетъ жить спокойно: не будь, напримѣръ, войны, онъ пожалуй опять сдѣлаетъ революцію.» — Милыя дѣти! думалъ я. Развѣ еще мало вамъ старыхъ ошибокъ? Такъ когда же вы на столько выростете, что вамъ болѣе не нужно будетъ нянекъ? Да и выростете ли вы когда нибудь такимъ образомъ? Извѣстно, что и въ порядочной школѣ воспитанники лучше всего ведутъ себя тамъ, гдѣ на видъ менѣе всего присмотру. — Точно также разсуждаютъ здѣсь о смертной казни, называя гильотину человѣколюбивымъ изобрѣтеніемъ. Оно, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ человѣколюбиво въ сравненіи съ другими способами лишать жизни. Во Франціи не существуетъ, напримѣръ, тѣлесныхъ наказаній, всегда унижающихъ достоинство человѣка. Но при зрѣлище смертной казни тѣмъ не менѣе грубѣетъ всякое чувство. Не отъ того ли во Франціи еще такъ много закоренѣлыхъ преступниковъ, которые на судахъ открыто говорятъ: «Я убилъ бы моего врага, если бы не боялся приговора.» Объявлять это публично на судѣ, не

Digitized by Google

значитъ ли выражать прямо презрѣніе къ закону, дѣйствующему однимъ страхомъ? Впрочемъ французы теперь очень умѣрены и осторожны въ разговорахъ и когда имъ что нибудь не по сердцу, то всегда стараются объяснить общественной необходимостью: la sureté publique все-таки не препятствуетъ имъ предаваться всѣмъ утонченностямъ разврата. Извѣстна цѣлому міру строгость здѣшней цензуры. Когда я дѣлалъ на счетъ этого вопросы Парижанамъ, то опять слышалъ давно знакомый мнѣ отвѣтъ: «Французъ легкомысленъ, Французъ слишкомъ легко увлекается однимъ словомъ. Какая нибудь вольная статья могла бы надѣлать много шуму и нарушить общественную безопасность.» Однако мнѣ не разъ случилось подмѣтить настоящія чувства. Во французскомъ театрѣ (Théâtre français) играли комедію Бомарше: Свадьба Фигаро. Слѣдующее мѣсто встрѣчено было громкими рукоплесканіями: que les sottises imprimées n'ont d'importance qu'aux lieux où l'on en gène le cours; que sans la liberté de blâmer, il n'est point d'éloge flatteur; et qu'il n'y a que les petits hommes qui redoutent les petits écrits.» (Печатаемыя глупости производятъ много шуму только тамъ, гдѣ ихъ запрещаютъ; безъ свободы хулить не существуетъ и лестной похвалы, и только маленькіе люди боятся маленькихъ сочиненій). Но вслѣдъ за тѣмъ публика тотчасъ же опомнилась и дальнѣйшая, еще болѣе сильная рѣчь Фигаро сопровождалась только сдержаннымъ смѣхомъ, да рѣдкимъ шопотомъ. Дѣло въ томъ, что французы волею-неволею поддаются вліянію той славы, которою ихъ окружаютъ и во имя этой славы готовы прощать многое. Если и можно нѣсколько разочароваться на счетъ ожидаемыхъ восторговъ, за то будешь вознагражденъ сторицею зрѣлищемъ воинственнаго настроенія. На другой день съ утра продавали медальки въ память побѣды при Кавріанѣ. Въ послѣдствіи она оказалась побѣдою при Сольферино; но ничего не значило надѣлать новыхъ медалекъ. Я видѣлъ, какъ бѣдная женщина, изъ простаго класса, покупала себѣ одну изъ нихъ за су, и со слезою на рѣсницѣ долго задумчиво, ее разсматривала: можетъ быть, сынъ ея участникъ тѣхъ подвиговъ, которыми столь прославилась великодушная храбрость французовъ. Я зашелъ въ сосѣднюю церковь: кругомъ пусто и тихо. Но въ разныхъ углахъ по капелламъ все тѣже женщины въ бѣдныхъ одеждахъ стоятъ неподвижно на колѣняхъ, уныло опустивъ голову. Идешь по улицѣ и видишь, какъ толпа блузниковъ жадно читаетъ приклѣенные къ стѣнѣ листки Монитера. Тутъ громкое объявленіе о побѣдѣ: Grande bataille, grande vic-

Digitized by Google

toire! (великая битва, великая побѣда), а подлѣ предложеніе префекта о присылкѣ корпіи, о вспомоществованіи въ пользу раненыхъ. Въ характерѣ француза много благородной чести: онъ отдастъ послѣднюю рубашку своимъ изувѣченнымъ воинамъ, какъ это недавно и случилось въ одной деревушкѣ. Но могъ ли бы народъ побѣждать, какъ онъ побѣждаетъ нынѣ, безъ этого сознанія добраго дѣла? Воинственное чувство поддерживается до сихъ поръ и статьями Монитера, и кантатами, какія поются въ театрахъ, гдѣ постоянно встрѣтишь солдатъ на сценѣ. Но нельзя не замѣтить какого-то оффиціальнаго оттѣнка въ этомъ чувствѣ. Что сказать, напримѣръ, про такія брошюрки: La Franciade, l'épopée à 20 chants. Reveil de l'italie, 50 cent. (Франціада, эпопея въ 20 пѣсняхъ. Пробужденіе Италіи, 50 сантим.)? Нѣкто Мери зарядилъ себя воспѣвать Итальянскій походъ, и вотъ, по мѣрѣ побѣдъ французской арміи, выходитъ пятая книжка на прекрасной веленевой бумагѣ: Napoléon en Jtalie, V, Milan (Наполеонъ въ Италіи, пѣснь V, Миланъ). Невольно спросишь: неужели великая борьба не найдетъ себѣ другаго отголоска, кромѣ этой дѣланной поэзіи, составленной изъ риторическихъ фигуръ? Болѣе нравятся мнѣ простыя, юмористическія пѣсни въ поющихъ кофейняхъ (Café chantant), гдѣ французъ, выходящій на эстраду, послѣ разныхъ куплетовъ, съ отчаянными ужимками повторяетъ припѣвъ, который всегда вызываетъ шумные крики восторга: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! чортъ возьми, нѣтъ болѣе Австрійцевъ!» При этомъ онъ и махнетъ выразительно головой, и подшлепнетъ ногою, и разведетъ руками, какъ будто бы выкидывалъ вонъ самую скверную вещь на свѣтѣ. Хороши также нѣкоторые изъ каррикатуръ, которыми увѣшаны окна книжныхъ лавокъ. Всѣ австрійцы изображены на нихъ съ лавровыми вѣнками: Гіулай одно изъ самыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Тамъ австрійскій генералъ учитъ солдатъ, говоря: «Друзья! вы одержали побѣду при Кастеджіо, при Палестрино, при Маджента, при Сольферино: есть надежда, что продолжая такимъ образомъ, мы скоро будемъ въ Вѣнѣ.» Тамъ австрійцы стрѣляютъ изъ за дверей и изъ оконъ, а зуавъ залѣзъ на трубу и мѣтитъ имъ въ тылъ. Въ другомъ мѣстѣ бѣгущая армія гонитъ впереди себя штыками женщинъ и дѣтей, чтобы указывали дорогу, а внизу подписано: «Столь же великодушны, сколько храбры,» и т. д. Наконецъ я дождался воскресенья 21-го іюня (3 іюля), когда назначено было торжественное молебствіе въ Notre-Dame. Съ ранняго утра барабаны трещали подъ окнами. Отъ войскъ

Digitized by Google

на улицѣ Риволи почти не было прохода. Я наконецъ увидѣлъ образчикъ этой могучей арміи, которой, вѣроятно, крѣпко завидуетъ не одинъ нѣмецкій принцъ, жаждущій парадовъ. Солдаты шли вольно, развязно: ни на одномъ не было замѣтно, чтобы, по нашему выраженію, проглотилъ палку. На непривычный взглядъ, пожалуй, покажется, что слишкомъ мало порядку въ этомъ молодцоватомъ войскѣ. Дула ружей чрезвычайно сантиментально украшены были свѣжими цвѣтами; но, конечно, не пастушки Аркадіи стояли въ этомъ безконечномъ строю: многія худыя, загорѣлыя лица, казалось, были выкованы изъ желѣза. Народъ огромными массами толпился по тротуарамъ. На лицахъ было написано самое обыкновенное, праздное любопытство. У Notre-Dame, на тѣсной площади началась давка не хуже нашей. Дамы, тщетно старались выпутать свои кринолины. «Прочь зонтики! прочь зонтики!» раздавалось въ задней толпѣ, и зонтики складывались, не смотря на удушливый жаръ въ 30 градусовъ Реомюра. Отирая градомъ катившійся потъ, всякій порывался впередъ, чтобы видѣть раззолоченныя кареты. «Вотъ, кажется императрица», послышалось сзади меня. «Какой!» отвѣчалъ другой голосъ:—«императрица давно уже въ церкви».—«Неправда», замѣтилъ третій—«еще не собрался весь придворный штатъ.» Одна изъ зрительницъ, стоявшихъ на краю возвышеннаго тротуара, облокотилась на плечи солдата.—«Мадамъ», «сказалъ онъ:—«возьмите-ка мое ружье, и безъ того нѣтъ мочи отъ жару.» Церемонія однако кончилась довольно скоро. Когда на возвратномъ пути императрица съ наслѣдникомъ проѣзжала мимо народа, я имѣлъ случай тамъ и сямъ слышать нѣсколько привѣтственныхъ криковъ. Но умчалась уже послѣдняя придворная карета, уже ушли всѣ войска, а толпа все еще тѣснилась около собора, разукрашеннаго знаменами, какъ будто недовольная видѣннымъ зрѣлищемъ и выжидая новыхъ представленій. Наконецъ сержантъ сталъ слегка погонять народъ, говоря: «Passez, passez! la comédie est finie, il n'y a plus rien à voir» (ступайте, ступайте: комедія кончена, больше нечего видѣть).

Не буду много распространяться о событіяхъ, которыя уже во всей подробности извѣстны вамъ изъ журналовъ. Говорятъ, событія эти гораздо больше производятъ движенія на провинціи, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ общественное мнѣніе изъ французскихъ газетъ узнать довольно трудно. Монитеръ ограничивается бюллетенями, сенатскими и полицейскими объявленіями, да замѣчаніями не о томъ, какъ слѣдуетъ думать о событіяхъ, а что о

Digitized by Google

событіяхъ совсѣмъ ничего не слѣдуетъ думать: иногда читаешь предостереженія противъ какихъ-то faux bruits obstinés (упорныхъ ложныхъ слуховъ), о которыхъ, конечно, знаетъ одна полиція. Министерство внутреннихъ дѣлъ безпрестанно дѣлаетъ выговоры (communiqué) то каждой газетѣ въ отдѣльности, то разомъ всѣмъ вмѣстѣ. Я съ величайшимъ вниманіемъ перечиталъ почти всѣ здѣшніе органы гласности и не нашелъ ничего, похожаго на смѣлую выходку, на самостоятельное сужденіе. Вездѣ восхваляются подвиги французскаго оружія, особенно этотъ élan français (французскій стремительный порывъ), передъ которымъ ничто устоять не въ силахъ. Наиболѣе читаемыя изъ газетъ: Pays, Patrie, Siècle, Presse, La gazette de France, Audience заимствуютъ свои извѣстія изъ Монитера, изъ Піемонской и Вѣнской газетъ, имѣютъ и своихъ корреспондентовъ, большею частію солдатъ, разсказывающихъ то о своемъ восторгѣ при полученіи ордена, то о неутомимости и хладнокровной храбрости вождя императора, то о дружелюбныхъ манифестаціяхъ итальянцевъ. Patrie сообщаетъ болѣе подробные разсказы о битвахъ, Siècle, Presse и Audience нѣсколько болѣе разнообразятъ извѣстія. Siécle, разсказыя объ энтузіазмѣ, произведенномъ прибытіемъ французовъ въ Вольтѣ и Валледжіо, упоминаетъ и о томъ, что въ другихъ деревняхъ ни одинъ изъ жителей не показался изъ дому. Бѣдняки не различали французовъ отъ австрійцевъ: по ихъ понятію, войско, какоебы ни было, всегда вело страну къ раззоренію. Вотъ крайняя степень смѣлости, которую дозволила себѣ эта газета. Что касается англійскихъ газетъ, то встрѣчаешь выписки изъ Morning Post, изъ Morning Herald и очень рѣдко изъ Times. Судя по этимъ выпискамъ можно заключить, что Англія больше ни о чемъ не заботится, какъ о союзѣ съ Франціею. Patrie недавно сдѣлала длинную цитату изъ Times, содержащую съ себѣ хвалы умѣренности Наполеона по случаю заключеннаго перемирія. «Еслибы Times, прибавляетъ Patrie, всегда была столь *благоразумна*, то, конечно, сталабы первою газетой не въ одной Англіи.»

Корреспонденты согласны въ томъ, что никто лучше Наполеона III не умѣетъ заставить трепетать французское сердце и съ восторгомъ повторяютъ слова его приказа: «признательное отечество моими устами благодаритъ васъ за столько твердости и мужества; но оно плачетъ вмѣстѣ со мною о тѣхъ, которые умерли на полѣ чести. Мы взяли три знамени, 30 пушекъ и 6000 плѣнныхъ.» По другимъ извѣстіямъ, послѣ битвы при Сольфе-

Digitized by Google

рино... рѣдкое явленіе! Улыбка въ первый разъ показалась на строгомъ лицѣ императора. Австрійскій бюллетень, какъ вамъ извѣстно, объяснялъ пораженіе поднявшимся ураганомъ. Patrie замѣчаетъ, что то былъ дѣйствительно ураганъ, только ураганъ французской арміи. Что касается этой стремительности, вотъ любопытныя слова изъ письма одного солдата (Siècle). «Верона, кажется, очень жесткій кусокъ, который не легко проглотишь; но такъ какъ аппетитъ у насъ очень сильный, то можете быть увѣрены, что проглотимъ.» Безъ сомнѣнія, для француза настоящая война есть прекрасное поприще славы, на которомъ онъ, какъ нельзя лучше, можетъ удовлетворитъ своей неугомонной жаждѣ дѣятельности, сдержанной на другихъ поприщахъ. Для итальянца, по словамъ Піемонской газеты, это святая война за независимость, это есть религіозное вдохновеніе силы, низпосланной свыше. Отъ того и жертвуетъ онъ съ такимъ безрасчетнымъ самопожертвованіемъ своею кровью. Императорскій бюллетень говоритъ, что сардинцы въ сраженіи при Сольферино *оказались достойными* сражаться рядомъ съ французами. Если взять во вниманіе сравнительную малочисленность сардинскаго войска, и то, что сардинцы были всегда впереди противъ непріятельской арміи, во много разъ сильнѣйшей; то чуть ли отчаянная храбрость ихъ не превзойдетъ еще храбрость французовъ. Чѣмъ кончится эта борьба? Со стороны австрійцевъ не можетъ быть препятствій. Согласятся они или нѣтъ на освобожденіе Италіи, ихъ все равно къ этому принудятъ. Пускай Аугсбургская газета говоритъ, что Австрія еще дремлетъ, а одно слово возвратившагося въ Вѣну императора достаточно будетъ, чтобы разбудить ее, и тогда она развернетъ свои силы. Здѣсь справедливо замѣчаютъ, что врядъ ли разбудитъ одно слово, если пушки Мадженты и Сольферино не разбудили. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Германіи (Кельнская и Фосская газета), война непопулярна ни въ Виртенбергѣ, ни въ Гановерѣ, ни даже въ самой Вѣнѣ. Французы перешли Минчіо и Пруссія не объявила войны Наполеону. На либерализмъ австрійскаго императора что-то мало надежды. Въ 1809 году Австрія обѣщала дать Италіи независимость; въ 1848 году случилось тоже самое; а потомъ Шварценбергъ говорилъ: «Австрія удивитъ свѣтъ своею неблагодарностью.» Новая политика, доказанная дѣломъ (хоть напримѣръ дарованіемъ правъ Венгріи), конечно, моглабы мгновенно возвысить это государство въ общественномъ мнѣніи, и какъ знать, можетъ быть, дала бы ему нѣкоторую силу въ самой Италіи, гдѣ

Digitized by Google

еще много скрыто матеріалу для борьбы. Но слова: «Либеральная Австрія» звучатъ какъ то странно и дико. Остается ждать рѣшенія дѣлъ отъ того великаго политика и стратега, который до сихъ поръ былъ главнѣйшимъ ихъ рѣшителемъ. Общее мнѣніе таково, что войны французскія всегда приносили величайшую пользу Европѣ, хотя бы сами французы того и не желали. Какъ будто предъугадывая настоящее дѣло перемирія, Times говорила: «Мы надѣемся на ту умѣренность въ побѣдѣ, которая окончательно утвердитъ счастіе самаго счастливаго изъ смертныхъ.» Никто и не сомнѣвается, что Наполеонъ сдержитъ свое слово. Но самыя патріотическія изъ здѣшнихъ газетъ страннымъ образомъ возбуждаютъ сомнѣнія на щетъ либеральной политики французовъ. Pays, напримѣръ, замѣчаетъ по случаю волненій въ папской области: «Мѣ надѣемся, что Италія пребудетъ въ чувствахъ, предписанныхъ ей миланской прокламаціей.» Послѣ этого невольно повторишь вмѣстѣ съ папою: «Горе тому, чрезъ кого соблазнъ входитъ въ міръ.» Также умѣстны во многихъ газетахъ, подъ рубрикой эфемеридъ, воспоминанія о старыхъ побѣдахъ Наполеона I, будто бы совпадающихъ съ современнымъ освобожденіемъ Италіи напр. 1797 годъ, Бонапартомъ провозглашена въ Миланѣ свобода Италіи; 1799 годъ, наборъ 200,000 рекрутъ; 1809 годъ, Наполеонъ переходитъ Дунай; сраженіе при Ваграмѣ и проч. Между тѣмъ, какъ французы съ истинно рыцарскимъ великодушіемъ проливаютъ кровь свою за благородное дѣло, Монитеръ старается оправдать въ убійствахъ Перуджіи готтентотское варварство папскаго генерала Шмидта, потому что находясь нѣкогда во французской службѣ, генералъ этотъ получилъ орденъ (a été decoré par J. M. Empereur des Français) Газетѣ Siècle данъ строгій выговоръ отъ министерства за то, что, славя изо всѣхъ силъ подвиги французской арміи, она осудила папскую политику, ведущую только къ безпорядкамъ. Въ то время, какъ въ Перуджіи рѣзали женъ и дѣтей, святой отецъ смиренно возносилъ очи къ небу, говоря: «Кто сѣетъ во слезахъ, тотъ пожнетъ въ радости.» Эти слова папа, конечно, относилъ къ себѣ; но ихъ можно примѣнить только къ его подданнымъ, и есть надежда, что тутъ они сбудутся. Если во Франціи не будутъ препятствовать секуляризаціи папскихъ владѣній, то къ этому приведетъ самый порядокъ вещей. Въ своемъ окружномъ письмѣ папа говорилъ, что свѣтская власть ему необходима для исполненія священныхъ обязанностей. Patrie по этому случаю замѣчаетъ: «Власть папы будетъ спасена, не смотря на ошибки

Digitized by Google

его министровъ, особенно Антонелли: но спасутъ его реформы, которыя теперь отвергаетъ она, какъ горькую чашу.» Ограничится ли все дѣло одною перемѣною нѣсколькихъ лицъ? Викторъ Эмануэль сжалился въ настоящее время надъ бѣдными жителями Болоньи и нѣкоторыхъ другихъ римскихъ городовъ и согласился временно принять надъ ними военную диктару. Къ этому понудило его крайнее ожесточеніе противъ папскаго правительства, имѣющаго гражданъ, съ которыми вѣчно должно сражаться, и наемниковъ, чтобы губить гражданъ. Но пусть волненія будутъ усмирены. Неужели жители папской области, жертвующіе собою дѣлу итальянской независимости, одни останутся безъ правъ, какъ новая жертва къ успокоенію не Италіи, а задорныхъ приверженцевъ какой нибудь жалкой партіи газеты l'Univers, которая болѣе заслуживаетъ выговоровъ, потому что своими статьями только волнуетъ робкую совѣсть народа. Такъ еще недавно въ одномъ городкѣ Франціи (Condé-sur-Noireau) католическій священникъ не согласился допустить въ церковную процессію національнаго знамени, которое народъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ при Сольферино, хотѣлъ въ избыткѣ религіознаго чувства нести рядомъ со святыми дарами. И не мудрено, когда папа всѣмъ, кто осмѣлится оспаривать свѣтскую власть его возвѣщаетъ «проклятіе перваго разряда, и другія наказанія, и приговоры, установленныя соборными правилами, постановленіями апостольскими и особенно соборомъ Тридцати». Непонятно, въ чемъ же должна состоять умѣренность, возвѣщаемая, французскою политикою въ отношеніи всѣхъ римскихъ вопросовъ? Извѣстно старое замѣчаніе: «кто хочетъ угодить всѣмъ, тотъ подъ конецъ не угодитъ никому.» Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ реформы въ Римѣ походили на реформы въ Неаполѣ, гдѣ всѣ усовершенствованія ограничились перемѣною эполетъ.

Но ужъ довольно толковать о политикѣ: все и гораздо подробнѣе вы узнаете изъ газетъ. Не пеняй на меня, если я доснихъ-поръ описывалъ тебѣ Парижъ, какъ мертвый городъ. Здѣсь политика дѣйствительно спитъ, хотя и несмѣтное число газетъ продается по улицамъ. Настоящая жизнь Парижа все-таки сосредоточивается въ кофейняхъ, въ магазинахъ и на публичныхъ балахъ. Тутъ допускаются и вольности, запрещаемыя въ другихъ случаяхъ. Прославленный Bal Mabille по прежнему манитъ болѣе всего чужеземцевъ. Иллюминаціи, устроенныя здѣсь разнообразными гирляндами, свѣтящимися павильонами ослѣпляютъ на первый разъ зрѣніе; но удушливый запахъ газа, тѣснота помѣще-

Digitized by Google

нія составляютъ важное неудобство. Около круглой площадки, назначенной для танцевъ, съ трудомъ движется пестрая масса народа. Здѣсь видѣлъ я необъятныя кринолины, превосходящія всякую гиперболу; шлейфы двухъ-аршинной длины поражали самихъ французовъ. Страшно взглянуть на дамскія лица: все это потерто, поношено, подмазано до того, что даже ночь не скрываетъ прорѣхъ ветхой декораціи. Тутъ самый непривлекательный осадокъ Парижа. Есть однако отличныя танцорки: когда, подобравъ подолъ, онѣ наклонятъ голову и начнутъ выдѣлывать ножками свои па, какихъ не увидишь въ самомъ разгульномъ балетѣ, то исчезаютъ всѣ части тѣла въ этомъ странномъ подобіи крутящагося шара. Канканъ очень оригиналенъ и обыкновененъ здѣсь до того, что нерѣдко дѣвочки шести лѣтъ, гуляя съ нянею, его вытанцовываютъ. Разумѣется, онъ всетаки не принадлежитъ къ танцамъ такъ называемаго хорошаго тона. Неумѣренная мимика, которую изрѣдка дозволяютъ себѣ танцующіе, сильно вредитъ его репутаціи. Вообще, я жестоко разочаровался на счетъ красоты парижскихъ женщинъ: живость, бойкость, étourderie (не знаю, какъ перевести) — вотъ ихъ единственныя качества. Изрѣдка встрѣтишь хорошенькихъ съ тонкою бровью, карими глазками, и той миловидностью, которая напоминаетъ самый нѣжный узоръ въ кружевной ткани: не могу пріискать лучше сравненія. Но эти типы большею частію выродились въ блѣднощекихъ, носатыхъ дѣвъ, съ толстыми подбородками. Замѣчу еще: исключая Bal Mabille, который можно назвать выставкою во всѣхъ отношеніяхъ, ни гдѣ, можетъ быть, такъ мало не модничаютъ, не одѣваются такъ просто, какъ въ Парижѣ. Если бы какая-нибудь изъ нашихъ дамъ, въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, назначенномъ для утренней прогулки по Невскому проспекту, явилась здѣсь на гуляньи, то возбудила бы всеобщее вниманіе. Что касается до вкусу, то его можно замѣтить здѣсь и въ простомъ капотѣ служанки; но скромность одежды удивительная: ни пестроты, ни богатыхъ матерій; даже кринолины возможно меньшаго размѣра: по большому кринолину здѣсь сейчасъ можно узнать даму того общества, которое собственно не принадлежитъ ни къ какому обществу. Я почти убѣдился, что всѣ такъ называемыя парижскія моды, модистки выдумываютъ исключительно для иностранцевъ.

Несравненно больше, чѣмъ Bal Mabille заняли меня народныя увеселенья на Монмартрѣ и особенно близь Люксенбургскаго сада, въ заведеніи la Closerie des Lilas, посѣщаемомъ исключи-

Digitized by Google

тельно студентами. Здѣсь Парижъ не поддѣльный, не нарумяненный. Та же тѣснота и духота, но по-крайней-мѣрѣ веселье на распашку, — не для того, чтобъ выказать разныя, часто вовсе не привлекательныя прелести, а для того, чтобы просто веселиться. Дамы все миловидныя, бойкія гризетки, сильно напоминающія Лизетъ Беранже. Въ нихъ есть по-крайней-мѣрѣ свѣжесть молодости, и недостатокъ искусства замѣняется самою задушевною веселостью, какую только можетъ создать городъ, обращающій каждый день буденъ въ праздникъ. Сколько смѣху, сколько болтовни, сколько азарту, особенно, когда оркестръ пріударитъ кадриль съ пушечными залпами, извѣстную подъ названіемъ: Маджента! И эта толпа суетится, бѣгаетъ, прыгаетъ, какъ будто осталось послѣдній день въ жизни повеселиться. Я и нашъ общій пріятель С..... имѣли случай сойтись со здѣшними студентами. Обыкновенно про Парижанъ говорятъ, что они любятъ угощаться на счетъ иностранцевъ; съ нами какъ-то случилось совершенно противное: до-сихъ-поръ мы не знаемъ, какъ отплатить безконечному гостепріимству нашихъ знакомцевъ. Что за милый народъ эти студенты! Предупредительность до самоотверженья и самая дружелюбная ласка.... И замѣть: никакихъ буйныхъ выходокъ, столь рѣзко отличающихъ германскихъ студентовъ; при самомъ простомъ обращеніи какой-то чрезвычайно благородный тонъ, который какъ-будто дается самой природой; при самомъ безцеремонномъ весельи, какое-то приличіе, состоящее вовсе не въ принятыхъ правилахъ этикета, а въ особенной мягкости характера, свойственной доброму французу. Разставаясь съ Парижемъ, конечно, ничего столько не буду жалѣть я, какъ этого знакомства.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Общественная жизнь въ Петербургѣ.

Трогательное стихотвореніе и обѣщаніе «Сѣверной Пчелы» по поводу скверной погоды. — Легенда о Полюстровской башнѣ и героѣ тиволійскомъ. — Гласъ вопіющаго въ пустынѣ. — Рѣдкія монеты. — Общество петербургскихъ водопроводовъ. — Прогрессъ и гласность. — Прелестный поступокъ г. Балашевича. — Актъ Педагогическаго Института. — Училище г. Видеманна. — Новости художественныя. — Новости военныя. — Пожаръ на Невѣ. — Будущее.

На липкахъ, въ алеяхъ Адмиралтейскаго бульвара, начинаютъ желтѣть листья. Едва ли это не предвѣстіе скорой осени и изобилія разной дичи, но утѣшимся мыслью,

Digitized by Google

Вянетъ природа только на краткое время,
Все оживится весною

Это не я говорю, я такъ говорить не умѣю. Трогательныя строки эти принадлежатъ одной остроумнѣйшей газетѣ. Какъ скоро газета названа остроумнѣйшею, каждый порядочный человѣкъ пойметъ, что дѣло идетъ о «Сѣверной Пчелѣ». Изъ строкъ, напечатанныхъ курсивомъ, ясно, что погода въ Петербургѣ стоитъ скверная, до того скверная, что на липкахъ листья начинаютъ желтѣть, а Сѣверная Пчела обѣщаетъ изобиліе разной дичи. Честь имѣю поздравить всѣхъ, до кого это касается! Все что живетъ въ Петербургѣ и его прелестныхъ окрестностяхъ, все скучаетъ и жалуется на скверную погоду. Да какъ въ самомъ дѣлѣ на нее и не жаловаться. Изъ комнаты носа нельзя высунуть — грязь и дождь, дождь и грязь; да въ придачу обыкновенная повальная болѣзнь Петербурга — скука. Есть, впрочемъ, счастливцы, которые не скучаютъ и въ Петербургѣ, не скучаютъ даже на здѣшнихъ общественныхъ гуляньяхъ. Не много такихъ, но тѣмъ они счастливѣе, тѣмъ завиднѣе ихъ доля.

Заговоривъ о счастливцахъ, я невольно припомнилъ одного изъ нихъ—зовутъ его *героемъ тиволійскимъ*. Чтобы познакомить съ нимъ читателя, я долженъ углубиться нѣсколько во времена счастливаго прошлаго и разсказать небольшую, но довольно романическую легенду о *Полюстровской башнѣ*. Полюстровскою башнею называются красивыя развалины въ саду графа Кушелева-Безбородко, у входа на такъ называемый островъ Тиволи. Извольте прислушать.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ Петербургъ явился богатый, польскій магнатъ Стокревскій; явился, какъ говорили въ то время, для того, чтобы отпраздновать здѣсь свадьбу своей единственной дочери, которую выдавалъ онъ за одного изъ русскихъ вельможъ. Дочь эта, панна Марина, была дѣвушка красоты поражающей; все мужское населеніе Петербурга было безъ ума отъ очаровательной польки. Когда она являлась на балъ, въ итальянскую оперу или на гулянье, всѣ, старики и молодые, холостые и женатые, не сводили глазъ съ чудной красавицы. Женщины сходили съ ума отъ зависти. Панъ Стокревскій гордо подымалъ голову. Панна Марина была холодна и равнодушна не только ко всѣмъ своимъ поклонникамъ, но даже и къ избранному жениху. Она шла за него по волѣ своего суроваго деспота родителя, но сердце ея не принадлежало никому. Свадьба подъ разными предлогами, стараніями Ма-

Digitized by Google

рины, откладывалась со дня на день. Прекрасная панна гуляла, танцовала, кружила головы и смѣялась надъ влюбленными....

Но, чему посмѣешься, говоритъ русская пословица, тому и послужишь. Въ одно прекрасное утро гордой красавицѣ суждено было преклонить голову передъ всесильнымъ божкомъ. Говоря проще: панна Марина влюбилась и влюбилась, о! ужасъ! просто на-просто, въ сенатскаго копіиста. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Въ непродолжительномъ времени, по Петербургу, съ быстротою электрическаго телеграфа, разнеслась скандальная исторія о любовныхъ отношеніяхъ неприступной красавицы къ скромному копіисту. Дамы кричали объ этомъ вовсе горло и разсказывали такія ужасныя подробности, что сами же ахали и качали головой, не довѣряя собственнымъ словамъ. Скандальная исторія, всполошивъ весь Петербургъ, дошла, наконецъ, до слуха родительскаго. Легко представить себѣ ужасъ и злобу гордаго магната, когда онъ узналъ, что нѣжно любимая имъ дочь унизилась до любви къ копіисту. Цѣлый адъ проклятій посыпался на безстыдницу, опозорившую отца. На главу дерзкаго копіиста долженъ былъ пасть громъ мщенія — въ этомъ панъ Стокревскій поклялся всѣми своими знаменитыми предками до Казиміра Великаго и вотъ какъ сдержалъ свою клятву:

Въ одну темную и бурную ночь, въ бѣдную и грязную лачугу несчастнаго копіиста явилось четверо молодцовъ, на которыхъ взглянуть страшно. Копіистъ не успѣлъ пикнуть, какъ незванные гости выкололи ему глаза, отрѣзали языкъ, носъ и уши и вытащили его на улицу. Здѣсь положили его въ карету и довезли до Невы; черезъ Неву молодцы переѣхали съ своимъ плѣнникомъ въ лодкѣ и потащили его въ лѣсъ, въ тотъ самый лѣсъ, который потомъ, по волѣ канцлера Безбородко, превращенъ въ прекраснѣйшій садъ. Въ лѣсу уже стояла башня, выстроенная въ нѣсколько дней по заказу пана Стокревскаго. Въ эту-то башню былъ посаженъ и замурованъ несчастный копіистъ.

— Пусть эта дерзкая собака — сказалъ панъ Стокревскій — издыхаетъ голодною смертью!...

Распорядившись такимъ образомъ, панъ Стокревскій скрылся съ дочерью неизвѣстно куда. Никто точно также не зналъ и того, куда дѣвался копіистъ; нѣкоторые предполагали, что онъ уѣхалъ съ паномъ Стокревскимъ.

На этомъ кончается первая половина полюстровской легенды; за тѣмъ начинается вторая половина, нѣсколько фантастическая.

Несчастный копіистъ, повсей вѣроятности, истекъ кровью

Digitized by Google

или умеръ съ голоду или же, наконецъ, былъ съѣденъ змѣями какъ извѣстный Регнаръ Лодброкъ, словомъ такъ или иначе — смерть его несомнѣнна. Послѣдній родъ смерти предполагается болѣе для эффекта. Въ извѣстное время бренное тѣло страдальца распалось прахомъ; такимъ образомъ копіиста не стало; но душа его привыкла къ темницѣ, полюбила башню и рѣшилась остаться въ ней, хотя имѣла право летѣть куда хочетъ. Оставаясь въ башнѣ, нужно же было ей заняться чѣмъ нибудь и вотъ она придумала такую штуку: зиму и осень она проводитъ въ башнѣ и не разъ въ ночную пору сторожа Полюстровскаго сада слышали вой, плачь и крики; не разъ блѣднѣлъ, дрожалъ и крестился добрый человѣкъ, которому приходилось въ глухую пору пройти мимо страшной Полюстровской башни, у одного вдругъ срывало шапку, другому что то подкашивало ноги, третьему хлестало въ лицо—это, изволите видѣть, невинныя шутки копіистовой души.

Лѣтомъ.... вотъ лѣтомъ-то и начинается самая замѣчательная дѣятельность этого безплотнаго обитателя Полюстровской башни; онъ покидаетъ башню и живетъ среди полюстровскихъ дачниковъ, гуляетъ съ ними, даже... Но позвольте, я прямо объясню въ чемъ дѣло: душа копіиста каждое лѣто избираетъ одного изъ полюстровскихъ дачниковъ, вселяется въ него и избранный, хочешь не хочешь, становится *героемъ тиволійскимъ*. Подвиги его преимущественно донжуановскаго свойства. Повинуясь самому ему непонятной силѣ, т. е. засѣвшей въ него душѣ копіиста, герой тиволійскій чувствуетъ постоянное безпокойство и волненіе; онъ не можетъ видѣть равнодушно женщину. Изъ самаго смиреннаго смертнаго онъ становится отчаяннымъ волокитою и горе женщинѣ, повѣрившей его обольстительнымъ увѣреніямъ. Герой тиволійскій не можетъ любить.

Онъ, словно рѣзвый, весной, мотылекъ,
Быстро порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

И ни на одномъ не сидитъ долго. Съ утра и до поздней ночи онъ на службѣ; душа копіиста не даетъ ему покоя ни на минуту; она толкаетъ его во всѣ стороны и онъ, мученикъ, становится невольно мучителемъ. Хорошо еще, что лѣто у насъ не продолжительно; хорошо, что многія изъ женщинъ горюютъ не долго. Старожилы полюстровскіе помнятъ многихъ героевъ; спросите у любаго, онъ безъ запинки перечтетъ вамъ: въ 1854 году героемъ тиволійскимъ былъ *такой-то*, въ 1855 — *такой-то* и т. д. Я рѣшился спросить:

Digitized by Google

— А кто же герой нынѣшняго лѣта?

— Неужели вы не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Странно, его знаютъ всѣ. Онъ студентъ. Вы можетъ-быть не разъ видѣли его: брюнетъ, носитъ длинные волосы, нафабренные усики и клочокъ волосъ подъ нижней губой; съ носощипомъ, всегда почти въ бѣломъ жилетѣ и съ толстой палкой въ рукахъ. Ходитъ онъ распущенно и нѣсколько подпрыгивая. Говорятъ онъ стихи сочиняетъ.

— А!....

На этомъ мѣстѣ я долженъ остановится; теперь вы знаете легенду о полюстровской башнѣ и героѣ тиволійскомъ. На сколько во всемъ этомъ правды — предоставляется каждому рѣшать по своему. Бросая все фантастическое, обратимся теперь къ существенному.

Самое существенное — жалобы на домовладѣльцевъ, если не на всѣхъ, по-крайней-мѣрѣ на многихъ. Кому приходится отыскивать квартиру, тотъ конечно послалъ не мало проклятій человѣческой алчности поживиться на счетъ ближняго, чаще всего, бѣднѣйшаго. Квартиры до того вздорожали, что рѣшительно нѣтъ къ нимъ приступа. И хоть бы были квартиры удобны и хороши, ничуть небывало; кажется, будто при постройкѣ дома архитекторъ за то именно и взялъ деньги, чтобы какъ можно болѣе нагадить будущимъ жильцамъ. Съ легкой руки одного афериста, накупившаго себѣ безчисленное множество домовъ и набавившаго вдругъ цѣны на квартиры, пошли набивать и другіе домовладѣльцы. Надо сознаться, что зачинщикъ такого безнаказаннаго грабительства стоитъ общей признательности и похвальнаго слова; хороши и подражатели. Грабительство это тѣмъ ужаснѣе, что вся тяжесть его падаетъ на классъ бѣднѣйшій и что трудно истребить его. Конечно если бы нашлось нѣсколько добросовѣстныхъ домовладѣльцевъ и согласилось понизить цѣны, не обижая, впрочемъ, себя; еслибъ, наконецъ, правительство признало не лишнимъ подумать о бѣднякахъ и защитить ихъ отъ насилія; тогда, можетъ быть, общими силами и удалось бы облегчить положеніе бѣднѣйшихъ. Но гласъ мой — гласъ вопіющаго въ пустынѣ....

Надо сознаться, что и чистая невская вода составляетъ во многихъ мѣстахъ Петербурга тоже рѣдкость. Но тутъ есть по-крайней-мѣрѣ утѣшительная надежда. Общество петербургскихъ водопроводовъ, наконецъ, принялось за дѣло; работы идутъ бы-

Digitized by Google

стро, когда-нибудь да кончатся и петербуржцы запьютъ чистую воду. Подождемъ, подождемъ, намъ къ этому не привыкать стать. Можно надѣяться даже, что лѣтъ черезъ двадцать у насъ, пожалуй, будетъ и хорошая мостовая.

Въ настоящемъ уже кое-что измѣнилось къ лучшему; такъ полиція, напримѣръ, становится замѣтно вѣжливѣе и деликатнѣе. Она какъ-будто побаивается общественнаго мнѣнія и старается прикрыть старые грѣшки новою, болѣе пріятною, наружностью. Солдаты не сталкиваютъ съ тротуаровъ мирныхъ гражданъ, какъ это нерѣдко случалось прежде. Гласность, нѣсколько темная еще и робкая, бредетъ, пошатываясь отъ времени до времени, какъ пошатывается ребенокъ, начинающій ходить къ удовольствію папаши и мамаши. Да и голосокъ-то у ребенка еще слабоватъ, не всѣ его слышатъ, а нѣкоторые и не слушаютъ; но опять-таки и тутъ есть пріятная надежда — ребенокъ подростетъ, пойдетъ бодрѣе, заговоритъ громче и заставитъ себя и слушать и слышать.

Впрочемъ и въ настоящее время милый ребенокъ оказываетъ иногда видимую пользу. Недавно, напримѣръ, онъ помогъ вывесть на свѣжую воду весьма недобросовѣстную штуку редактора одного темнаго журнала, съ громкимъ названіемъ. Чтобы пояснить читателю это дѣло, я привожу здѣсь письмо нашего знаменитаго кавказскаго героя Алексѣя Петровича Ермолова. Письмо это было напечатано въ N° 10 «Русскаго Вѣстника», вотъ оно:

«Въ объявленіи объ изданіи журнала *Орелъ*, я прочелъ, къ удивленію моему, что въ журналѣ этомъ будутъ напечатаны записки мои о Персіи и Кавказѣ. Записокъ о Кавказѣ я никогда не составлялъ. Во время же моего пребыванія въ Персіи, для нѣкоторыхъ друзей моихъ, я писалъ путевыя замѣтки, которыя для публики не могутъ имѣть интереса. Сообщивъ объ этомъ г. Балашевичу, редактору упомянутаго журнала, я просилъ его не издавать записокъ, которыхъ онъ отъ меня не получалъ, не сомнѣваясь, что онъ, съ своей стороны, незамедлитъ дать этому дѣлу надлежащую гласность. На письмо мое, я получилъ отъ г. редактора въ отвѣтъ только то, что онъ не будетъ печатать помянутыхъ записокъ, пріобрѣтенныхъ имъ отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Акинфіева, что̀ вынудило меня уже прямо просить его не только не печатать ихъ, но и объявить о томъ въ его періодическомъ изданіи. Г. Балашевичъ отвѣчалъ: «въ настоящее время я извиниться гласно не могу, потому что 1-й нумеръ на-

Digitized by Google

печатанъ, но во 2-мъ, я постараюсь исполнить желаніе ваше.» Теперь, когда вышелъ въ свѣтъ N° 2-й, не видя въ немъ объявленія, на которое я имѣлъ право разсчитывать, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою представить на судъ публики образъ дѣйствія г. редактора журнала *Орелъ*, давъ мѣсто этому письму на страницахъ «Русскаго Вѣстника.»

Ребенокъ говоритъ, что порядочные люди не поступаютъ такъ, какъ поступилъ означенный г. Балашевичъ.

Главный Педагогическій Институтъ, основанный 30 сентября 1828 года, кончившій свое существованіе 31 октября 1858 года, праздновалъ свой *послѣдній* торжественный актъ 12 іюня. На этомъ актѣ было прочтено «краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Педагогическаго Института отъ 1828 до 1858 г.», вышедшее отдѣльною книжкою.

Педагогическіе классы, открываемые при каждомъ университетѣ съ наступающимъ 1859 — 60 академическимъ годомъ, вознаградятъ для общества закрытіе Педагогическаго Института, тѣмъ болѣе, что только люди, окончившіе курсъ университетскаго образованія, будутъ зачисляемы въ студенты педагогическаго курса. Обстоятельство важное и утѣшительное. Окончившіе курсъ университета — люди болѣе или менѣе съ убѣжденіями, слѣдовательно каждый изъ нихъ, приступая къ слушанію педагогическаго курса, будетъ дѣлать это сознательно, по призванію.

Другая педагогическая новость не менѣе утѣшительная — открытіе съ 10-го Августа новаго училища на Васильевскомъ островѣ, въ 6-ой линіи, съ цѣлію соединить элементарное гимназическое образованіе съ образованіемъ коммерческихъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образовать спеціалистовъ или по ученой или по коммерческой части.

Г. Видеманнъ, содержатель этого училища, достигаетъ этой цѣли слѣдующимъ образомъ: его училище будетъ состоять изъ пяти классовъ, изъ которыхъ два нисшіе класса будутъ общіе, остальные три спеціальные. Далѣе въ своей программѣ г. Видеманнъ обѣщаетъ обратить преимущественное вниманіе на изученіе новѣйшихъ языковъ, на которые въ нашихъ гимназіяхъ, особливо въ провинціальныхъ, обращается такъ мало вниманія, со стороны г.г. преподавателей. О воспитанникахъ и говорить нечего. Желаемъ успѣха г. Видеманну.

Отъ новостей педагогическихъ переходимъ теперь къ новостямъ художественнымъ. Постоянная выставка художественныхъ произведеній пріобрѣла пять картинъ художниковъ дюссель-

Digitized by Google

дорфской школы. Изъ нихъ картина Ахенбаха, изображающая похороны дѣвушки во время праздника, произвела почти на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Остальныя четыре картины замѣчательны по художественности исполненія, но не по содержанію.

Другая новость художественная — это первый выпускъ изданія Trésors de l'art de la Russie ancienne et moderne, предпринятаго замѣчательнымъ французскимъ фотографомъ г. Ришбуромъ и Теофиломъ Готье. Всѣ 12 фотографій перваго выпуска, исполненныя отчетливо, изображаютъ различныя части Исакіевскаго Собора. Текстъ, помѣщенный при изданіи, принадлежитъ даровитому писателю Франціи, Теофилу Готье.

Кромѣ г. Ришбура, въ Петербургѣ находится теперь неменѣе замѣчательный французскій-же фотографъ, Лоранъ, съ своею женой, отличной миніатюристкой. Супруга художника намѣрена открыть фотографическое заведеніе. Скоро, кажется, въ каждомъ домѣ въ Петербургѣ будетъ по фотографическому заведенію.

11-го іюля, на кронштадтскомъ рейдѣ, при многочисленномъ собраніи публики, былъ произведенъ Высочайшій смотръ русскимъ паровымъ судамъ. Изъ нихъ своею громадностью и красотою новый фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ» привлекалъ общее вниманіе.

«Генералъ-Адмиралъ» построенъ въ Нью-Йоркѣ знаменитымъ кораблестроителемъ Веббомъ, и стоитъ нашему правительству 1,250,000 долларовъ. Длина его 325 футовъ, ширина 55, сидитъ онъ въ водѣ, при полномъ грузѣ, на 25 футовъ. Вмѣстимость его 6,000 тоннъ. Экипажъ состоитъ изъ 800 человѣкъ.

Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя отдѣлка фрегата — верхъ совершенства. Онъ весь построенъ изъ дуба и обшитъ мѣдью. Лафеты для 92-хъ пушекъ большаго калибра изъ краснаго дерева, мебель и перегородки офицерскихъ каютъ также изъ краснаго или изъ розоваго дерева.

«Генералъ-Адмиралъ» въ первыхъ числахъ августа отправляется въ Англію.

24 іюля у Калашниковой пристани загорѣлась барка, огонь быстро перешелъ съ одной барки на другую, съ другой на третью и т. д. и въ какіе нибудь полчаса на Невѣ между Охтою и новымъ арсеналомъ образовался цѣлый адъ пылающихъ барокъ. Подвижной адъ этотъ двигался теченіемъ и захватывалъ безпрестанно новыя жертвы. Правый берегъ Невы, на который небольшимъ вѣтромъ наносило пылающую флотилію, покрылся

Digitized by Google

густыми толпами народа. Суда незагорѣвшіяся спѣшили спастись бѣгствомъ, бѣгствомъ, впрочемъ очень медленнымъ. Крики: «Навались, ребята!» — «Не зѣвай, черти!» — «Смотри, смотри какъ полымя-то жаритъ!» — «Берегись, зашибетъ» и т. д. сливались съ трескомъ огня. Нѣсколько охотниковъ посуетиться бѣгали по берегу неизвѣстно зачѣмъ; какой-то флотскій офицеръ, маленькій и вертлявый, выбивался изъ силъ, отпихивая палочкой огромнѣйшую барку; нѣмецъ съ азартомъ увѣрялъ всѣхъ, что на водѣ пожаръ не опасенъ; какая-то молоденькая дамочка, съ испуганнымъ лицомъ укоряла разнощика въ безсердечіи.

— Не стыдно ли тебѣ, — говорила она съ волненіемъ — тутъ люди гибнутъ, а ты продаешь сливы...

— У меня и крыжовникъ есть — отвѣчалъ хладнокровно разнощикъ.

Какая то старушка совѣтовала развести литейный мость.

— Да ты какъ его теперича разведешь-то? подхватилъ фабричный. Его теперича развести ужъ оченно трудно, по той причинѣ.....

— Ночью-то разводятъ, замѣтила старушка.

— Ну, ночью разведутъ, а таперича этого невозможно, продолжалъ фабричный.

— Молчи, коли не понимаешь ничего.

— Мы оченно хорошо понимаемъ, а что этого нельзя. Коли ежели мостъ этотъ самый разведутъ... ну и значитъ... Петрушка, пойдемъ домой.

Видимо, фабричный имѣлъ какое-нибудь основаніе думать, что нельзя развести моста, но не могъ опредѣленно выразиться.

— Ну вотъ, говорила старушка: — помяните мое слово, Петербургъ загорится, загорится — я вамъ говорю.

Мастеровой или фабричный, Богъ его знаетъ, стащилъ булку у торговки. Гдѣ то на видномъ мѣстѣ, рисуясь, стоялъ и знакомый уже вамъ герой тиволійскій, стараясь выказать спокойствіе и равнодушіе. Фабричные качали воду и изъ рукава пожарной трубы билъ высокій фонтанъ въ Неву къ неописанному восторгу ребятишекъ. Вообще суматоха была страшная; всѣ кричали, всѣ суетились; спокойнѣе всѣхъ была пожарная команда. Пожаръ, начавшійся передъ обѣдомъ, длился весь день, захвативъ и часть ночи. Ночью Нева представляла картину весьма эфектную, хотя и грустную. О количествѣ убытка положительныхъ свѣдѣній еще не имѣется.

Digitized by Google

Въ Петербургъ пріѣхала на дняхъ французская танцовщица г-жа Флери. Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть это новое хореографическое свѣтило; по разсказамъ оно довольно темно и было встрѣчено у насъ шиканьемъ. Ой, ой! Первый блинъ — комомъ.

Въ заключеніе вотъ письмо парижскаго кореспондента «Journal de St. Petersbonrg»:

«Вы положительно не услышите Маріо въ нынѣшнемъ сезонѣ. Вашъ искусный директоръ надѣялся пополнить свою труппу этимъ пѣвцомъ, котораго нѣкогда такъ баловала ваша публика; но г. Сабурову пришлось отступить передъ неисполнимыми требованіями (120,000 франковъ за пять мѣсяцевъ) и въ числѣ которыхъ было непремѣнное желаніе навязать вамъ Джулію Гризи. Конечно въ этой пѣвицѣ остались еще проблески дарованія, которое такъ долго держало ее на первомъ мѣстѣ итальянской сцены; но ея послѣднія неудачи въ Парижѣ кажется должны бы убѣдить ее, что послѣдній часъ для нея пробилъ, не смотря на рукоплесканія, которыми отъ времени до времени осыпаетъ ее англійская публика, дѣлая это болѣе по привычкѣ, чѣмъ по убѣжденію. Впрочемъ поѣздка г. Сабурова въ Англію была не безплодна. Къ числу ангажированныхъ артистовъ онъ присоединилъ имя Брамбиллы, которая съ большимъ успѣхомъ поетъ на Дрюриленскомъ театрѣ. Поговариваютъ даже о переговорахъ, начатыхъ съ г-жею Пикколомини, которая недавно возвратилась изъ Америки, гдѣ она имѣла значительный успѣхъ. Въ Петербургѣ ее хотятъ ангажировать исключительно для роли Травіаты, роли, которая составила славу этой артистки. Накапунѣ отъѣзда г. Сабурова, въ оперномъ театрѣ нарочно для него давали балетъ «Жовиту», въ которомъ главную роль удивительно исполняетъ Розати. Перро, вашъ балетмейстеръ, былъ на этомъ представленіи и записывалъ свои наблюденія, чтобы воспользоваться ими, при постановкѣ въ Петербургѣ этого балета, въ которомъ должна дебютировать знаменитая танцовщица.

И такъ впереди много прекраснаго: преступленіе будетъ наказано, добродѣтель восторжествуетъ; тѣ, которые больны и поѣхали лѣчиться за границу, возвратятся, можетъ быть, здоровыми, а тѣ изъ здоровыхъ, которые заболѣютъ — поѣдутъ лѣчиться за границу,

Е. МОЛЛЕРЪ.

Digitized by Google

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 8.

Затруднительное положеніе шахматнаго фельетониста. — О нормальномъ (французскомъ) и сициліянскомъ дебютѣ. — Шесть партій сициліянскаго дебюта. — Партія Гг. Колиша и Мандольфо. — Erratum іюльскаго Листка. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. Урусова (ст. 6[a]). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Лѣто — самый неблагопріятный сезонъ для шахматной игры, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Правда и зимою жители нашей столицы не много посвящаютъ времени благороднымъ шахматнымъ упражненіямъ, предпочитая имъ вообще прелести ералаша и табельки, но все же въ длинные декабрскіе вечера можно иной разъ залучить къ себѣ какаго нибудь любителя и углубиться съ нимъ на нѣсколько часовъ въ комбинаціи смѣлаго гамбита или стройнаго giuoco piano. Иногда даже наши петербургскіе шахматные кружки, не смотря на свою микроскопичность, такъ оживляются, что составляютъ турниры, матчи, начинаютъ заниматься теоріей; при этомъ во мнѣ всегда пробуждается надежда, что вотъ теперь-то царственная игра войдетъ у насъ наконецъ въ моду, пуститъ глубокіе корни въ холодной петербургской почвѣ и, можетъ быть, получитъ такое же значеніе какое имѣетъ въ Германіи, Англіи, Америкѣ. Но съ наступленіемъ лѣта, всякій разъ приходится отказаться отъ сладостныхъ надеждъ; отъ мая до сентября шахматная жизнь совершенно замираетъ въ Петербургѣ и самый страстный любитель едва ли найдетъ случай съиграть три-четыре партіи въ мѣсяцъ. Пожалуй намъ скажутъ, что это довольно естественно, что при краткости петербургскаго лѣта, грѣхъ было бы посвящать рѣдкія минуты хорошей погоды шахматнымъ упражненіямъ; тутъ надо гулять, ѣздить верхомъ, наслаждаться вполнѣ дачною жизнью. Но если это такъ, то почему же игра карточ-

Digitized by Google

ная процвѣтаетъ лѣтомъ, точно также какъ и зимою? Почему наши *дачники*, претендующіе на пламенную любовь къ природѣ, не забываютъ никогда увезти съ собой на дачу два-три ломберныхъ столика и козыряютъ въ каникулярные жары съ неменьшимъ рвеніемъ какъ и въ крещенскіе морозы? Отчего же въ Берлинѣ, гдѣ лѣто длится не многимъ дольше нашего, жары не убиваютъ шахматной дѣятельности; берлинскій клубъ, съ наступленіемъ лѣта, переселяется за потсдамкіе ворота, въ Carlsbad Garten и тамъ, in's Grüne, продолжаетъ заниматься шахматными партіями и анализами также методично и усердно какъ въ зимней своей резиденціи, въ café Beyer, на Friedrichsstrasse; даже еще усерднѣе: зимою клубъ собирается три раза въ недѣлю (по понедѣльникамъ, середамъ и четвергамъ), а лѣтомъ ежедневно. Нѣтъ, что ни говорите, а періодическое охлажденіе петербурскихъ жителей къ шахматамъ по мѣрѣ возвышенія температуры, происходитъ не отъ любви къ природѣ и идиллическимъ дачнымъ наслажденіямъ, а просто на просто отъ того, что вкусъ къ благородной игрѣ еще не довольно развитъ у насъ, число ея адептовъ слишкомъ незначительно.

Впрочемъ дѣло не въ причинѣ, а въ самомъ фактѣ: Петербургъ мало играющій въ шахматы зимою, лѣтомъ вовсе ихъ покидаетъ. Если это прискорбно немногимъ искреннимъ любителямъ, то для шахматнаго фельетониста это просто несчастіе. Отъ него, безъ различія временъ года, требуютъ шахматныхъ разсказовъ, партій, задачъ; а что разсказывать при совершенномъ затишьи шахматной жизни? какія партіи печатать, когда никто не играетъ? Какъ нарочно послѣдніе нумера иностранныхъ журналовъ тоже не заключаютъ ничего, что могло бы интересовать русскихъ читателей. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было рѣшить вопросъ: чѣмъ наполнять Листокъ, въ тѣ несчастные мѣсяцы, когда современность не представляетъ ничего замѣчательнаго? Обдумавъ его хорошенько, я рѣшился печатать въ этихъ случаяхъ небольшія собранія партій, относящихся къ какому нибудь опредѣленному дебюту, обращая при выборѣ этихъ партій вниманіе не на современность ихъ, не на драматичность сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, ни даже на знаменитость игравшихъ ихъ шахматистовъ, а единственно на ихъ значеніе теоретическое. Всякая партія, хотя бы даже не безошибочная, но могущая служить уясненіемъ характера и значенія дебюта —достойна найти мѣсто въ этомъ собраніи. Подъ вліяніемъ этой мысли напечатаны были въ іюльскомъ Листкѣ шесть партій

Digitized by Google

нормальнаго дебюта, съ подробными къ нимъ примѣчаніями. Но, русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, и мнѣ только теперь пришло на мысль, что эти партіи едва ли принесутъ дѣйствительную пользу мало-опытнымъ любителямъ, безъ нѣсколькихъ пояснительныхъ словъ о самомъ дебютѣ, а такъ какъ лучше поздно чѣмъ никогда, то я и предлагаю здѣсь небольшое разсужденіе о значеніи нормальнаго дебюта. При этомъ я вовсе не имѣю претензіи сообщать какія либо новыя открытія, а хочу только изложить, какъ можно короче и яснѣе, состояніе вопроса о томъ или другомъ дебютѣ, въ томъ видѣ какъ онъ выработался изслѣдованіями извѣстнѣйшихъ писателей и практикою сильнѣйшихъ игроковъ.

Нормальный или французскій дебютъ $\left(1)\ \frac{e2—e4}{e7—e6}\right)$ *) встрѣчается уже у старинныхъ италіянскихъ писателей, но они разбирали его весьма поверхностно, единогласно признавали *неправильнымъ* и конечно не подозрѣвали какую важность суждено было ему пріобрѣсти со временемъ. Никому изъ нихъ, — не выключая даже Лолли и Понціани, труды которыхъ относятся уже ко второй половинѣ минувшаго столѣтія, — не пришло на мысль, что послѣ хода 1) $\frac{}{e7—e6}$ необходимо играть 2) $\frac{}{d7—d5}$ и что только этимъ способомъ защищающійся можетъ скоро развернуть свои силы, сохраняя въ тоже время твердое оборонительное положеніе; напротивъ того помянутые писатели совѣтывали играть на второмъ ходѣ 2) $\frac{}{d7—d6}$, что порождаетъ игру въ высшей степени стѣсненную, крайне невыгодную для черныхъ. Этотъ варіантъ французскаго дебюта по справедливости можетъ быть названъ не только неправильнымъ, но даже просто совершенно ошибочнымъ, ибо ходъ 2) $\frac{}{d7—d6}$ безъ всякой надобности запираетъ королевскаго слона, ведетъ къ потери времени, даетъ начинавшему партію возможность распоряжаться игрою совершенно свободно и, главное, не имѣетъ рѣшительно никакой цѣли. Филидоръ ничего не прибавилъ къ анализу этого дебюта и вовсе не помѣстилъ его въ свой учеб-

*) Французскимъ этотъ дебютъ называется потому что часто былъ употребляемъ французскими любителями, названіе же нормальнаго присвоено ему г. Ланге въ его Kritik der Eröffnungen; основаніе послѣдняго наименованія очевидно изъ предлагаемаго здѣсь анализа.

Digitized by Google

никъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи встрѣчаемъ мы, въ сочиненіяхъ Уокера и Лабурдоне, болѣе совершенный варіантъ, а именно:

1) e2—e4 e7—e6
2) d2—d4 d7—d5
3) e4—e5

Первые два хода съ обѣихъ сторонъ — наилучшіе возможные, но третій ходъ бѣлыхъ нехорошъ, послѣдствіемъ его будетъ:

3) . . . . . c7—c5
4) c2—c3 b8—c6
5) g1—f3 d8—b6
6) f1—d3 c8—d7
7) d3—c2 c5—d4°
8) c3—d4° f7—f6

Этимъ ходомъ черные необходимо пріобрѣтаютъ превосходство положенія напримѣръ:

9) 0—0 f6—e5°
10) d4—e5° f8—c5

Черные имѣютъ пройденную пѣшку и силы ихъ лучше развернуты, если же

9) e5—f6°, то g8—f6°
10) 0—0 f8—d6

а за тѣмъ черные рокируютъ и партія ихъ очень хороша. Уже Лабурдоне усмотрѣлъ что ходъ 3) $\frac{e4—e5}{}$ не совсѣмъ хорошъ, но не представилъ тому никакихъ доказательствъ, а ограничился простымъ замѣчаніемъ, что брать ферзеву пѣшку было бы лучше. Выше приведенные десять ходовъ открыты не Лабурдоне и не Уокеромъ, а г. Янишемъ*), который первый подвергъ настоящій дебютъ точному анализу и пришелъ къ убѣжденію, что ходъ 1) $\frac{}{e7—e6}$, не только не заключаетъ въ себѣ ничего неправильнаго, какъ думали прежде, но напротивъ того, составляетъ самую вѣрную защиту и имѣетъ послѣдствіемъ совершенное ра-

*) Само собою разумѣется, что въ своемъ сочиненіи онъ не ограничивается, для доказательства ошибочности хода 3) $\frac{e4—e5}{}$, выписанными нами ходами, а разбираетъ и разныя другія варіанты, которые всѣ приводятъ къ заключенію, что, какъ бы ни играли бѣлые послѣ 3) $\frac{e4—e5}{}$, черные всегда могутъ получить превосходство положенія (см. Anal. nouv. T. 1 p 46 — 50.)

Digitized by Google

венство положеній съ обѣихъ сторонъ. Позднѣйшія изслѣдованія разныхъ писателей вполнѣ подтвердили мнѣніе нашего соотечественника и дебютъ, такъ долго признававшійся неправильнымъ, не заслуживавшій почти никакого вниманія писателей, не удостоившійся даже чести попасть въ пресловутую книгу Филидора, провозглашенъ теперь единогласно самымъ правильнымъ, самымъ лучшимъ и получилъ, подъ перомъ г. Ланге, названіе *нормальнаго*. Вотъ какіе перевороты бываютъ иногда въ шахматной теоріи!

Излагать здѣсь въ подробности доводы современныхъ писателей въ пользу нормальнаго дебюта повело бы слишкомъ далеко; представимъ только главные моменты его совершенствованія. Доказавъ, какъ сказано было выше, ошибочность хода 3) $\frac{e4—e5}{}$, К. А. Янишъ предложилъ, въ первомъ томѣ своего Анализа (1842г) слѣдующіе ходы какъ наилучшіе:

1) e2—e4	e7—e6
2) d2—d4	d7—d5
3) e4—d5°	e6—d5°
4) c2—c4	g8—f6
5) b1—c3	f8—e7
6) g1—f3	0—0
7) f1—e2	d5—c4°
8) e2—c4°	c8—g4
9) 0—0	b8—c6
10) c1—e3	игра равна.

Нѣсколько времени спустя одинъ берлинскій любитель замѣтилъ, что на 4) $\frac{c2—c4}{}$, черные могутъ отвѣтить посредствомъ 4) $\frac{}{f8—b4+}$ послѣдствіемъ чего будетъ

5) b1—c3	g8—e7
6) g1—f3	0—0
7) f1—e2	d5—c4°
8) e2—c4°	c8—g4,

а потомъ черные идутъ e7—f5 и начинавшій партію теряетъ всѣ выгоды первенства хода. Г. Янишъ вполнѣ оцѣнилъ справедливость этого замѣчанія и во второмъ томѣ своего сочиненія составилъ новый варіантъ слѣдующаго вида

1) e2—e4	e7—e6
2) d2—d4	d7—d5
3) e4—d5°	e6—d5°

Digitized by Google

4) g1—f3 g8—f6
5) f1—d3 c7—c5
6) 0—0 c5—d4°

Но неутомимый нашъ аналитикъ не ограничилъ этимъ своихъ изслѣдованій и вскорѣ напечаталъ въ Паламедѣ статью, доказывающую что ходъ 5) $\frac{}{c7—c5}$ не вполнѣ удовлетворителенъ; дѣйствительно вмѣсто его основательнѣе играть 5) $\frac{}{f8—d6}$ послѣ чего самое лучше будетъ

6) 0—0 0—0

Въ настоящемъ положеніи партія совершенно равна; наточнѣйшій анализъ едва ли можетъ открыть хотя малѣйшее превосходство съ той или другой стороны. Бѣлые конечно могутъ предложить ферзева гамбитъ (7) $\frac{c2—c4}{}$), но во первыхъ, принятіе его не представляетъ теперь уже никакой опасности, а во вторыхъ, черные имѣютъ нѣсколько совершенно вѣрныхъ способовъ отказать его. Г. Ланге, много занимавшійся нормальнымъ дебютомъ, полагаетъ даже, что на 7) $\frac{c2—c4}{}$ можно отвѣчать посредствомъ 7) $\frac{}{c7—c5}$ (Lehrbuch des Schachspiels § 209). Если же вмѣсто гамбита, бѣлые станутъ выводить офицеровъ лѣваго фланга, то и это нисколько не нарушитъ равновѣсія обѣихъ сторонъ, напр.

7) c1—e3 c8—e6
8) b1—c3 b8—c6
9) d1—d2 d8—d7
10) a1—e1 a8—e8

или:

7) c1—e3 c8—e6
8) c2—c3 b8—c6
9) b1—d2 d8—e7
10) d1—c2 a8—e8

и въ обоихъ случаяхъ игра совершенно равна.

Теперь перейдемъ къ дебюту сициліянскому, партіи котораго составляютъ главный предметъ настоящаго Листка. Англійскій писатель Сарраттъ въ дополненіяхъ къ своимъ переводамъ сочиненій Даміано, Лопеца и Сальвіо (The works of Damiano, Ruy Lopez and Salvio. London. 1813.) приводитъ нѣсколько игоръ, въ которыхъ начинающій открываетъ партію посредствомъ: королевская пѣшка два хода, а его противникъ отвѣчаетъ такимъ

Digitized by Google

же движеніемъ пѣшки ферзева слона т. е. 1) $\frac{e7—e5}{c7—c5}$. При томъ Сарраттъ объясняетъ, что партіи эти почерпнуты имъ изъ одного стариннаго италіянскаго манускрипта, въ которомъ обозначены названіемъ il giuoco siciliano; это же имя встрѣчается и въ рукописяхъ знаменитаго Джіоакино Греко. Отсюда названіе — дебютъ сициліянскій. Во время Филидора дебютъ этотъ былъ въ большой модѣ и игрался обыкновенно слѣдующимъ образомъ 1) $\frac{e2—e4}{c7—c5}$ 2) $\frac{f2—f4}{}$, а за тѣмъ подвигали королевскую пѣшку на e5 и старались всѣми силами поддержать ее. Г. Янишъ (Anal. nouv. T. 1. p. 55—59) доказалъ, что эта система атаки не хороша; защищающійся всегда успѣетъ разстроитъ слишкомъ выдвинутыя пѣшки противника и игра приведется къ одному изъ варіантовъ нормальнаго дебюта, невыгодному для начинающаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Янишъ предложилъ 2) $\frac{g1—f3}{}$, какъ лучшій второй ходъ для начинающаго. Вскорѣ потомъ появилась въ англійскомъ журналѣ Chessplayer's Chronicle статья, предлагавшая новое сочетаніе, а именно 1) $\frac{e2—e4}{c7—c5}$, 2) $\frac{d2—d4}{}$; г. Янишъ разсмотрѣлъ его во второмъ томѣ своего Анализа (стр. 254—256) и пришелъ къ убѣжденію что ходъ 2) $\frac{d2—d4}{}$ не только очень хорошъ, но даже имѣетъ преимущество передъ 2) $\frac{g1—f3}{}$.

Наконецъ въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что въ сициліянскомъ дебютѣ начинающій имѣетъ только двѣ совершенно правильныя и вѣрныя системы атаки это 2) $\frac{g1—f3}{}$ и $\frac{d2—d4}{}$. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

I.

1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	e7—e6
3) b1—c3	b8—c6
4) f1—b5	d7—d5
5) e4—d5°	e6—d5°
6) d2—d4	

силы бѣлыхъ лучше развернуты, (см. Lange. Lehrbuch des Schachspiels. 1856 стр. 172).

II.

1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	b8—c6

Digitized by Google

3) d2—d4 c5—d4°
4) f3—d4° e7—e6
5) d4—b5

ходъ d4—b5 принадлежитъ Левенталю и даетъ несомнѣнное превосходство начинающему (см. Шахматный Листокъ N° 3 стр. 56 и 57, а также Paul Morphy, Skizze aus der Schachwelt T. I стр. 180 и T. II. стр. 68). Если черные сыграютъ 5) $\frac{d7—d6}{}$, то

6) f1—c4 e6—e5

Бѣлые имѣютъ сильную и вѣрную атаку. Если же 5) $\frac{}{a7—a6}$, тогда

6) b5—d6+ f8—d6°
7) d1—d6° d8—e7
8) d6—g3

и бѣлые имѣютъ очевидно превосходство положенія.

III.

1) e2—e4 c7—c5
2) d2—d4 c5—d4°
3) g1—f3

Этимъ игра приводится къ особаго рода центральному гамбиту, едва ли выгодному для начинающаго, какъ можно заключать изъ многихъ партій игранныхъ въ послѣднее время между сильными игроками, по этому лучше, кажется, брать непосредственно пѣшку ферземъ, тогда получимъ напр.

3) d1—d4° b8—c6
4) d4—d1

Бѣлые потеряли одинъ темпъ, но за то у нихъ открыта линія ферзя и они могутъ, впродолженіи нѣсколькихъ ходовъ, препятствовать движенію ферзевой пѣшки противника.

Вообще о сициліянскомъ дебютѣ можно сказать, что, представляя защиту вѣрную и даже энергическую, — какъ препятствующій образованію центральныхъ пѣшекъ, — онъ даетъ однако возможность начинающему выиграть время (см. варіанты I и II) а потому долженъ быть признанъ менѣе выгоднымъ для обороны чѣмъ дебютъ нормальный. Прилагаемыя партіи послужатъ поясненіемъ сказанному.

Digitized by Google

№ 52.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге. (Бѣлые.)	г. Лепге. (Черные.)
1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	e7—e6
3) b1—c3	a7—a6(1)
4) d2—d4	c5—d4°
5) f3—d4°	f8—c5
6) c1—e3	c5—a7(2)
7) f1—d3	b8—c6
8) c3—e2	d7—d6
9) 0—0	g8—f6
10) h2—h3	c6—e5
11) f2—f4	e5—d3°
12) d1—d3°	0—0
13) d4—f3	b7—b5
14) a1—d1	d8—c7
15) e3—a7°	c7—a7°+
16) g1—h[illegible]	d6—d5
17) e4—e5	f6—e4
18) f3—g5	f7—f5(4)
19) g5—e4°	f5—e4°
20) d3—b3	a7—f7
21) e2—d4	c8—d7
22) g2—g4	g7—g6
23) b3—g3	g8—h8
24) f4—f5	g6—f5°
25) g4—f5°	e6—f5°
26) e5—e6(5)	f5—f4
27) g3—g5(6)	f7—f6
28) g5—d5°	f6—h4
29) d5—e5+	f8—f6
30) d4—f5	h4—g5
31) e6—d7°	a8—g8
32) f1—g1	черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи No 52.

(1) Съ тѣмъ, чтобъ помѣшать начинающему занять клѣтку b5 слономъ или конемъ. Этотъ ходъ,—часто встрѣчающійся въ сициліянскомъ дебютѣ, — имѣетъ послѣдствіемъ потерю времени, что подтверждаетъ сказанное выше т. е. что въ этомъ дебютѣ, даже при самой лучшей защитѣ, начинающій успѣетъ развить свои силы скорѣе противника.

(2) Съ цѣлію вывести потомъ коня b8; c5—d4° было бы не хорошо.

(3) Черные хотятъ помѣняться офицерами; это имъ необходимо, чтобъ хоть отчасти освободится изъ стѣсненнаго положенія.

(4) Этотъ ходъ необходимъ, но онъ очень ослабляетъ пунктъ e6.

(5) Рѣшительный ходъ, имѣющій послѣдствіемъ пріобрѣтеніе офицера; если черные съиграютъ 26) $\frac{}{d7—c6°}$, то 27) $\frac{g3—e5+}{f7—f6}$

Digitized by Google

28) $\frac{e5—e6°}{f6—e6°}$ 29) $\frac{d4—c6°}{f8—f6}$ 30) $\frac{e6—f4}{}$ бѣлые имѣютъ лишняго офицера и необходимо выигрываютъ партію.

(6) Можно бы также 27) $\frac{g3—c3}{}$ послѣдствіемъ чего, предполагая съ обѣихъ сторонъ лучшіе ходы, было бы 27) $\frac{}{b5—b4}$ 28) $\frac{c3—c7}{d7—e6°}$ 29) $\frac{c7—e5+}{f7—f6}$ 30) $\frac{e5—e6°}{f6—e6°}$ 31) $\frac{d4—e6°}{}$ и бѣлые непремѣнно выигрываютъ.

№ 53.

СИЦИЛЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге. (Бѣлые.)	Максъ Бецкель. (Черные.)
1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	e7—e6
3) b1—c3	b8—c6
4) f1—b5	g8—e7
5) 0—0	d8—c7(1)
6) d2—d4	c5—d4°
7) f3—d4°	e7—g6
8) d4—e2	f8—c5
9) a2—a3	0—0
10) b2—b4	c5—e7(2)
11) f2—f4	e7—f6(3)
12) d1—d2	d7—d6
13) c1—b2	f8—d8
14) a1—d1	b7—b6(4)
15) b5—c6°	c7—c6°
16) e2—d4	f6—d4°
17) d2—d4°	e6—e5
18) f4—e5°	c8—g4
19) e5—d6°(5)	g4—d1°
20) c3—d5	f7—f6
21) d5—f6°+	g7—f6°
22) f1—f6°	d8—d7
23) f6—g6°+	h7—g6°
24) d4—h8+	g8—f7
25) h8—g7+	f7—e6
26) g7—g6×	

Примѣчанія къ партіи No 53.

(1) Этотъ ходъ, имѣющій главною цѣлію избѣжать сдвоеніе пѣшекъ если бѣлые возьмутъ коня слономъ. принадлежитъ извѣстному нѣмецкому любителю Маейту.

(2) Въ подобныхъ случаяхъ слонъ отводится обыкновенно на клѣтку b6, но въ настоящемъ положеніи c5—e7 лучше чѣмъ c5—b6 ибо 1) можетъ встрѣтиться надобность занять клѣтку b6 ферземъ, особенно послѣ того какъ бѣлые подвинутъ пѣшку f. 2) на b6 слонъ мѣшалъ бы подвиганію пѣшки b. 3) на e7 онъ защищаетъ важный пунктъ f6.

(3) Съ цѣлію побудить начинающаго съиграть немедленно e4—e5; тогда черные опять отведутъ слона на e7, а потомъ, посредствомъ f7—f6, откроютъ ладьѣ линію f и развернутъ

Digitized by Google

тѣмъ свою игру. Но г. Ланге слишкомъ сильный игрокъ, чтобъ попасться на такую ловушку и вмѣсто хода e4—e5, который съ перваго взгляда представляется хорошимъ, играетъ d1—d2, подкрѣпляя черезъ то пункты c3 и f4.

(4) Этотъ ходъ не хорошъ; но положеніе черныхъ такъ стѣснено, что какъ бы они не съиграли, имъ не удасться развернуть свои силы безъ потери.

(5) Очень хорошо; потеря ладьи d1 не представляетъ никакой опасности.

№ 54.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге. (Бѣлые.)	Е. Шмидтъ. (Черные.)
1) e2—e4	c7—c5(1)
2) g1—f3	e7—e6
3) b1—c3	g8—e7
4) d2—d4	c5—d4°
5) f3—d4°	e7—g6
6) d4—b5(2)	b8—c6
7) b5—d6+	f8—d6°
8) d1—d6°	d8—e7
9) c3—b5	e7—d6°
10) b5—d6°+	e8—e7
11) d6—c4	b7—b6
12) b2—b3	c8—b7
13) c1—a3+	e7—f6
14) 0—0—0	c6—e5
15) c4—e5°	g6—e5°
16) f2—f4	e5—g4
17) f1—d3	g4—f2(3)
18) e4—e5×	

Примѣчанія къ партіи No. 54.

(1) Черные играютъ эту партію весьма слабо, однако она не лишена нѣкотораго интересса, такъ какъ г. Ланге очень хорошо воспользовался ошибками своего противника.

(2) Этотъ ходъ часто встрѣчается въ сициліянскомъ дебютѣ и не рѣдко даетъ начинающему рѣшительный перевѣсъ; для предупрежденія его необходимо играть какъ можно раньше a7—a6 (см. партію No. 52).

(3) Непостижимо какъ можно сдѣлать столь грубую ошибку; впрочемъ, игра черныхъ во всякомъ случаѣ была бы проиграна.

Digitized by Google

№ 55.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

М. Ланге. (Бѣлые.)	Дюфренъ. (Черные.)
1) e2—e4	c7—c5
2) d2—d4(1)	c5—d4°
3) d1—d4°	b8—c6
4) d4—d1	e7—e6
5) f1—d3(2)	d7—d5
6) e4—d5°	e6—d5°
7) g1—e2	g8—f6
8) 0—0	f8—d6
9) c1—f4	d6—f4°
10) e2—f4°	0—0
11) b1—c3	c8—e6
12) h2—h3	d8—d6
13) f4—h5	f6—h5°
14) d1—h5°	f7—f5
15) a1—d1	a8—d8
16) f1—e1	a7—a6
17) d3—c4	c6—e7
18) h5—e2	f8—f6
19) d1—d4	b7—b5
20) c4—b3	b5—b4
21) c3—d1(3)	f5—f4
22) e2—d2	a6—a5
23) c2—c4	e7—c6
24) e1—e6(4)	f6—e6°,
25) d4—d5°	d6—e7
26) d5—d8°+	e7—d8°
27) d2—d8°	c6—d8°
28) c4—c5	g8—f8
29) b3—e6°	d8—e6°
30) c5—c6(5)	f8—e7
31) b2—b3	e7—d6
32) c6—c7(6)	e6—c7°
33) g1—f1	d6—c5
34) f1—e2	c5—d4
35) g2—g3	f4—g3°
36) f2—g3°	c7—d5
37) e2—d2	d5—f6
38) g3—g4	f6—e4+
39) d2—c2	g7—g5
40) c2—c1	e4—c3
41) d1—c3°	d4—c3°
42) c1—b1	c3—d2
43) b1—b2	d2—e3
44) a2—a3	e3—f3
бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи No 55.

(1) Объ этомъ ходѣ съ достаточною подробностію сказано было выше.

(2) 5) $\frac{c1—e3}{}$ было бы, кажется лучше, предполагая напр. 5) $\frac{}{d7—d5}$ 6) $\frac{e4—d5°}{e6—d5°}$ 7) $\frac{g1—f3}{f8—d6}$ 8) $\frac{f1—d3}{g8—f6}$ 9) $\frac{0—0}{0—0}$ 10) $\frac{c2—c4}{d5—c4°}$ 11) $\frac{d3—c4°}{c8—e6}$ 12) $\frac{c4—e6°}{f7—e6°}$ 13) $\frac{d1—b3}{d8—e7}$ 14) $\frac{b1—c3}{}$ если же на десятомъ ходѣ черные не возьмутъ пѣшки, а съиграютъ 10) $\frac{}{d5—d4}$, то 11) $\frac{f3—d4°}{c6—d4°}$ 12) $\frac{e3—d4°}{d6—h2°+}$ 13) $\frac{g1—h2°}{d8—d4°}$ 14) $\frac{d3—h7°+}{}$ и въ обоихъ случаяхъ игра бѣлыхъ хороша.

Digitized by Google

(3) Нехорошо; надо было играть c3—a4.

(4) Здѣсь представляется чрезвычайно красивый варіантъ, въ которомъ бѣлые теряютъ ферзя, но проводятъ пѣшку на восьмую линію и выигрываютъ партію, а именно 24) $\frac{c4—d5°}{c6—d4°}$ 25) $\frac{d5—e6°}{d4—f3+}$ 26) $\frac{g2—f3°}{d6—d2°}$ 27) $\frac{e6—e7+}{g8—h8}$ 28) $\frac{e7—e8ф.+}{f6—f8}$ (а если черные возьмутъ ново-созданнаго ферзя, то получаютъ матъ два хода) 29) $\frac{e8—e2}{}$. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, чтобы г. Ланге сдѣлалъ ошибку съигравъ 24) $\frac{e1—e6°}{}$ а не 24) $\frac{c4—d5°}{}$ ибо еслибъ онъ избралъ сей послѣдній ходъ, то чернымъ не нужно были бы завоевывать ферзя, а играть слѣдующимъ образомъ 24) $\frac{}{c6—d4°}$ 25) $\frac{d5—e6°}{d4—b3°}$ 26) $\frac{d2—d6°}{d8—d6°}$ 27) $\frac{a2—b3°}{f6—e6°}$ а если 27) $\frac{e6—e7}{}$ то 27) $\frac{}{f6—e6}$ 28) $\frac{e7—e8ф.+}{e6—e8°}$ 29) $\frac{e1—e8°+}{g8—f7}$ 30) $\frac{e8—e1}{b3—c1}$ и черные въ обоихъ случаяхъ имѣютъ хорошую игру.

(5) Тутъ обнаруживается ошибочность двадцать перваго хода; еслибъ конь стоялъ на a4, побѣда, вѣроятно, осталась бы за бѣлыми, а теперь они должны проиграть партію.

(6) 32) $\frac{g1—f1}{}$ было бы лучше; по крайней мѣрѣ при этомъ была бы нѣкоторая надежда на розыгрышъ.

№ 56.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Сенъ.*) (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)
1) e2—e4	c7—c5
2) g1—f3	b8—c6
3) b1—c3	e7—e6
4) f1—c4(1)	a7—a6
5) a2—a4	g8—e7
6) d1—e2(2)	e7—g6
7) d2—d3(3)	f8—e7
8) c1—e3	0—0
9) 0—0	f7—f5
10) e4—f5°	f8—f5°
11) c3—b1	b7—b6
12) c2—c3	c8—b7
13) b1—d2	d8—c7
14) d3—d4	g6—f4
15) e2—d1	a8—f8
16) d4—c5°	b6—c5°
17) e3—f4°	c7—f4°
18) f1—e1	c6—e5
19) c4—e2	f5—g5
20) g1—f1	e5—g4
21) h2—h4	f4—h2(4)
22) e2—c4	h2—h1+
23) f1—e2	h1—g2°
24) f3—g5°(5)	e7—g5°

*) Сенъ (Szen) очень сильный венгерскій игрокъ.

Digitized by Google

25) h4—g5°	g2—f2°+	31) a1—d1°	f5—g5°
26) e2—d3	f2—f5+	32) c4—d3	f8—f2
27) d3—e2	f5—e5+	33) d2—e4	c5—c4+
28) e2—d3	g4—f2+	34) b3—a2	b7—e4°
29) d3—c2	e5—f5+	35) d3—e4°	g5—a5
30) c2—b3	f2—d1°	36) d1—a1	a5—c3

и бѣлымъ матъ не позже четвертаго хода.

Примѣчанія къ партіи No. 56.

(1) Вообще говоря, клѣтка c4 самое лучше мѣсто для слона въ началѣ партіи,*) но когда королевская пѣшка противника подвинута на одно мѣсто, занятіе помянутой клѣтки уже менѣе выгодно, ибо въ этомъ случаѣ слонъ не атакуетъ слабаго пункта f7 и къ тому же легко можетъ быть отрѣзанъ посредствомъ d7—d5.

(2) Послѣ этого черные не могутъ уже играть d7—d5; но, не смотря на то, они скоро и весьма красиво развертываютъ свою игру.

(3) Эту пѣшку слѣдовало подвигать еще раньше и не на одно, а на два мѣста (d2—d4)

(4) Очень красивый ходъ; если бѣлые возьмутъ ферзя, то получатъ матъ въ три хода.

(5) Атака черныхъ такъ сильна, что пожертвованіе ладьи не представляетъ никакой опастности.

№ 57.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Фонъ-деръ-Лаза. Ганштейнъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	c7—c5	8) d1—b3	d8—d7
2) d2—d4	c5—d4°	9) f3—g5	g4—h5
3) f1—c4	e7—e5	10) f2—f4	h7—h6
4) g1—f3	d7—d6(1)	11) g5—h3	c6—a5(2)
5) c2—c3	d4—c3°	12) b3—b4	a5—c4°
6) b1—c3°	b8—c6	13) b4—c4°	a8—c8
7) 0—0	c8—g4	14) c4—d3	h5—g4
		15) h3—f2	g4—e6
		16) b2—b3	f7—f5

*) Разумѣется что мы говоримъ о бѣлыхъ шашкахъ, примѣняя тоже разсужденіе къ чернымъ, получимъ, что для ихъ слона самое выгодное мѣсто—клѣтка c5; Это совершенно понятно или всякаго сколько нибудь ознакомившагося и съ алгебрической нотаціей.

Digitized by Google

17)	e4—f5°	e6—f5°	30)	e5—d5°+	d8—e8
18)	d3—e3	d7—c6	31)	g2—g4	a5—b6+
19)	c1—b2	c6—c5	32)	g1—h1	f5—c2
20)	e3—f3	c5—c6	33)	b2—a3	f8—a3°
21)	f3—e2	c6—c5	34)	b5—a3°.	c6—b4
22)	a1—c1	c5—a5	35)	d5—f3	e8—d8
23)	f4—e5°	d6—d5(3)	36)	a3—c2°	b4—c2°
24)	f2—d3	g7—g6	37)	f4—d5	b6—e6°
25)	d3—f4	g8—e7	38)	f3—f8+	e6—e8
26)	c3—b5	e8—d8	39)	f8—e8°+	d8—e8°
27)	e5—e6	h8—h7	40)	d5—f6+	черные теряютъ
28)	e2—e5	c8—c6(4)		ладью и проигрываютъ партію.	
29)	c1—c6°	e7—c6°			

Примѣчанія къ партіи No. 56.

(1) 4) $\frac{}{d8—c7}$ было бы лучше.

(2) Можно бы также c6—d4, послѣдствіемъ чего было бы вѣроятно 12) $\frac{c4—b5}{d4—b3°}$ 13) $\frac{b5—d7°+}{e8—d7°}$ 14) $\frac{a2—b3°}{}$; игра бѣлыхъ все таки лучше.

(3) Если 23) $\frac{}{a5—e5°}$ то 24) $\frac{c3—e4}{}$, а если 23) $\frac{}{d6—e5°}$ то 24) $\frac{c3—b5}{}$ и въ обоихъ случаяхъ чернымъ плохо.

(4) Если вмѣсто этого черные возьмутъ коня ферземъ, то 29) $\frac{e5—d6+}{d8—e8}$ 30) $\frac{f4—d5}{}$ и бѣлые выигрываютъ.

Въ то самое время какъ мы горевали о недостаткѣ матеріаловъ для настоящаго Листка, знаменитѣйшій изъ русскихъ шахматистовъ, А. Д. Петровъ, прислалъ намъ изъ Варшавы небольшую партію игранную недавно въ Парижѣ между гг. Колишемъ и Мандольфо. Колишъ даетъ своему противнику ферзеву ладью впередъ, и тѣмъ не менѣе одерживаетъ самую блестящую, можно сказать геніальную побѣду. Начало партіи вовсе не замѣчательно, но за то конецъ, просто очарователенъ.

Digitized by Google

№ 58.

ЗАЩИТА КОНЕМЪ НА ВЫХОДЪ СЛОНА.

Г. Мондольфо. (Черные.)	Г. Колишъ. (Бѣлые.)		
Бѣлые даютъ впередъ ладью d1.			
1) e7—e5	e2—e4	10) d8—e7	c1—g5
2) f8—c5	g1—f3	11) 0—0	f1—c4
3) b8—c6	c2—c3	12) c8—g4	h2—h3
4) d7—d6	b2—b4	13) h7—h6	h3—h4
5) c5—b6	a2—a4	14) h6—g5°	h4—g5°
6) a7—a5	b4—b5	15) f6—e4°	c3—d5
7) c6—a7	d2—d4	16) e7—e8	f3—e5
8) e5—d4°	c3—d4°	17) g4—d1°	e5—g6
9) g8—f6	b1—c3		

За симъ черные сдаются и дѣйствительно, какъ бы они ни съиграли, имъ матъ не позже втораго хода а именно если 1) даютъ шахъ ферземъ, играя коня e4 на какую угодно клѣтку, то 18) $\frac{}{d5—e7+}$ 19) $\frac{e8—e7°+}{g6—e7°\times}$. 2) 18) $\frac{f7—g6°}{d5—f6°\times}$*) матъ, да еще какой красивый, такъ называемый индѣйскій, т. е. съ двойнымъ шахомъ 3) при всякомъ другомъ ходѣ бѣлые даютъ матъ посредствомъ 18) $\frac{}{h1—h8\times}$.

*) Или f7—f6 или f7—f5.

Въ прошломъ нумерѣ Листка я сдѣлалъ непростительную и совершенно непостижимую ошибку, сказавъ на стр. 163 «основатель французской шахматной школы Мишель Даниканъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Филидора и проч». Это невѣрно: Филидора звали François-André, а имя Мишель принадлежитъ его отцу, дѣду и прадѣду.

Digitized by Google

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 6-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе.*)

8. Сила Ферзя.

Когда въ игрѣ одни только ферзи при пѣшкахъ, то игра почти всегда бываетъ ничья, хотя бы на сторонѣ одного изъ ферзей было бы двѣ-три пѣшки лишнія. Это потому, что ферзю трудно помѣшать давать вѣчный шахъ. Вообще, сила ферзя на доскѣ подходящей къ свободной столь велика, что только развѣ три-четыре фигуры при пѣшкахъ могутъ его побороть.

Какъ исключеніе изъ общаго провила предлагаю 4 примѣра.

Діагр. LXVIII. Бѣл. выиграютъ только при своемъ ходѣ.

1) $\frac{g5—b5+}{e8—f7}$ 2) $\frac{b8—b7}{d6—e7}$ 3) $\frac{b5—d5+}{f7—g7}$ 4) $\frac{b7—c8}{g7—h6}$ 5) $\frac{c8—b8}{e7—b4+}$ 6) $\frac{d5—b7}{b4—f4}$ 7) $\frac{b8—a7}{}$ бѣлые выигрываютъ; или: 4) $\frac{}{e7—b4}$ 5) $\frac{c8—d8}{b4—h4+}$ 6) $\frac{d8—e8}{h4—h8+}$ 7) $\frac{e8—d7}{h8—h3+}$ 8) $\frac{d5—e6}{h3—d3+}$ 9) $\frac{d7—e8}{}$ бѣлые выигрываютъ; или: 4) $\frac{}{e7—f8+}$ 5) $\frac{c8—d7}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXIX. Если бѣлые начинаютъ, то игра рѣшается въ два хода: 1) $\frac{g8—g7}{a2—b2+}$ 2) $\frac{f3—f6+}{}$; или: 1) $\frac{g8—g7}{a2—a7}$ 2) $\frac{f3—f2+}{}$ но если черные начинаютъ, то ничья слѣдующимъ образомъ:

b6—c7 1) $\frac{g8—g7}{a2—a1+}$ 2) $\frac{f3—f6}{a1—g1+}$ 3) $\frac{g7—h7}{g1—h2+}$ 4) $\frac{h7—g8}{h2—g2+}$ 5) $\frac{f6—g7}{g2—d5}$ ничья.

Діагр. LXX. 1) $\frac{h5—d1+}{a4—d1°}$ 2) $\frac{d7—d8ф.+}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Digitized by Google

Діагр. LXXI. 1) $\frac{}{a1—c3+}$ 2) $\frac{e7—c5}{}$ бѣлые выигрываютъ; 1) $\frac{}{a1—a5+}$ 2) $\frac{c7—c6+}{}$ бѣлые выигрываютъ; 1) $\frac{}{a1—d4°}$ чернымъ въ 3 хода матъ; 1) $\frac{}{a1—a6}$ 2) $\frac{e7—c5+}{a7—a8}$ 3) $\frac{c5—c6+}{}$ бѣлые выигрываютъ; 1) $\frac{}{a7—a6}$ 2) $\frac{e7—d6+}{a6—a5}$ 3) $\frac{d6—b4+}{a5—a4}$ 4) $\frac{b6—a6+}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Если съ одной стороны ферзь, а съ другой пѣшки, общимъ правиломъ можно положить выигрышъ для ферзя; ибо, не говоря уже о вѣчномъ шахѣ и затрудненіе проводить пѣшки въ дамки, если иногда и удается доводить пѣшки до 7ª линіи, первенство хода остается за ферземъ; а эта выгода въ этой игрѣ бываетъ обыкновенно столь велика, что не рѣдко равняется силѣ всѣхъ пѣшекъ взятыхъ вмѣстѣ.

Діагр. LXXII. 1) $\frac{b4—b5}{a7—a8ф.}$ 2) $\frac{d1—d7+}{b7—b8}$ 3) $\frac{b5—b6}{}$ и въ 2 хода матъ.

Діагр. LXXIII. 1) $\frac{}{d4—b4+}$ 2) $\frac{b7—a8}{b4—a5+}$ 3) $\frac{a8—b7}{a5—b5+}$ 4) $\frac{b7—a8}{b5—c6+}$ 5) $\frac{a8—b8}{c6—b6+}$ 6) $\frac{b8—a8}{}$ ничья.

Діагр. LXXIV. 1) $\frac{}{f2—c5+}$ 2) $\frac{c7—d7}{c5—b6}$ 3) $\frac{d7—c3}{b6—c6+}$ 4) $\frac{c8—b8}{c2—c3}$ 5) $\frac{b8—a7}{c6—c7}$ 6) $\frac{a7—a8}{c7—a5+}$ и. т. д. Подобные примѣры разбираются во всѣхъ почти руководствахъ.

Для изученія игры ферзя противъ нѣскольскихъ офицеровъ предлагаю примѣры.

Діагр. LXXV. 1) $\frac{f7—h5+}{g7—h6}$ 2) $\frac{e4—e5}{f6—f8}$ (если h7—g7, то 3) $\frac{h5—e8}{f6—f8}$ 4) $\frac{e8—c6}{}$ и берутъ пѣшку; а если 2) f6—g6, то 3) $\frac{e5—f5}{g6—g7}$ 4) $\frac{h5—e8}{g7—g8}$ 5) $\frac{e8—f7+}{g8—g7}$ 6) $\frac{f7—e6}{}$ и берутъ пѣшку) 3) $\frac{e5—e6}{f8—g8}$ 4) $\frac{h5—f7+}{g8—g7}$ 5) $\frac{f7—f5+}{h7—h8}$ 6) $\frac{f5—d8}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXXVI. Для двухъ слоновъ возьмемъ то положеніе, которое обыкновенно разбирается. Авторы признаютъ его розыгрышнымъ, но я согласитсья съ этимъ не могу.

1) $\frac{a4—d7+}{g7—g8}$ 2) $\frac{d7—e6+}{g8—g7}$ 3) $\frac{g4—f4}{g6—h7}$ 4) $\frac{e6—d7+}{g7—g6}$ здѣсь заставляютъ играть ферзя на e8, и тогда дѣйствительно розыгрышъ; но я полагаю, что если сыграть 5) $\frac{f4—f3}{}$, то бѣлые выиграютъ. Ибо: если 5) $\frac{}{g6—h6}$, то d7—f7; если 5) $\frac{}{f6—h8}$ или 5) $\frac{}{f6—g7}$ то

Digitized by Google

d7—e8; если, наконецъ, 5) $\frac{}{h7-g8}$, то: 6) $\frac{f3-e4}{g8-h7}$ 7) $\frac{d7-g4+}{g6-f7+}$ (если g6—h6, то e4—f4) 8) $\frac{e4-d5}{h7-g6}$ 9) $\frac{g4-d7+}{f7-g8}$ (если f6—e7, то d7—e6) 10) $\frac{d5-e6}{f6-g7}$ 11) $\frac{d7-e7}{g8-h7}$ 12) $\frac{e7-h4+}{h7-g8}$ 13) $\frac{h4-g5}{g8-h7}$ 14) $\frac{e6-e7}{g7-h8}$ 15) $\frac{g5-h4+}{h7-g7}$ 16) $\frac{h4-h3}{g6-f7}$ 17) $\frac{h3-c3+}{g7-h7}$ 18) $\frac{c3-c7}{f7-g6}$ 19) $\frac{e7-f8+}{h7-h6}$ 20) $\frac{f8-g8}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Розыгрышъ можетъ быть только въ положеніяхъ подобныхъ діагр. LXXVII. гдѣ король бѣлыхъ запертъ на краю доски. И какъ подобныя положенія почти не встрѣчаются на практикѣ, то и розыгрышъ составляетъ исключеніе.

Діагр. LXXVIII. 1) $\frac{g2-g8+}{e6-f6}$ 2) $\frac{g8-h8+}{f6-e6}$ 3) $\frac{h8-e8+}{e6-f6}$ 4) $\frac{c6-d5}{e5-f4}$ 5) $\frac{e8-g8}{f4-g5}$ 6) $\frac{g8-f8+}{f6-g6}$ 7) $\frac{d5-e5}{f5-g4}$ 8) $\frac{f8-h8}{g4-h5}$ 9) $\frac{h8-g8+}{g6-h6}$ 10) $\frac{e5-f5}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Противъ коней выигрышъ труднѣе.

Діагр. LXXIX. 1) $\frac{}{g4-e3}$ 2) $\frac{b8-f4+}{c5-e4}$ 3) $\frac{g7-f7}{e3-f5}$ 4) $\frac{f7-e6}{f5-e3}$ 5) $\frac{f4-h4}{e3-d5}$ 6) $\frac{e6-f5}{d5-b3}$ ничья.

Діагр. LXXX. 1) $\frac{e6-b3}{b4-a6}$ 2) $\frac{b3-d5}{a6-b4}$ 3) $\frac{d5-a8+}{b4-a6}$ 4) $\frac{d7-c6}{b5-c7}$ 5) $\frac{a8-b7}{a5-a4}$ 6) $\frac{b7-b2}{a4-a5}$ 7) $\frac{b2-a3\times}{}$

Діагр. LXXXI. 1) $\frac{d4-e2}{h5-f5+}$ 2) $\frac{e5-f3}{e5-c5}$ 3) $\frac{f2-f1}{c5-c7}$ 4) $\frac{f1-f2}{c7-b6+}$ 5) $\frac{f2-f1}{b6-b1+}$ 6) $\frac{f1-f2}{}$ ничья.

или: 1) $\frac{d4-e2}{h5-e5°}$ 2) $\frac{e2-g3+}{h1-h2}$ 3) $\frac{g3-f1+}{h2-h1}$ 4) $\frac{f1-g3+}{e5-g3°}$ 5) $\frac{f2-g3°}{h3-h2}$ 6) $\frac{g3-f2}{}$ ничья.

Діагр. LXXXII. 1) $\frac{c2-d3+}{c4-b4}$ 2) $\frac{e3-d4}{b4-b3}$ 3) $\frac{d3-a6}{c3-a2}$ 4) $\frac{a6-d3+}{e4-c3}$ 5) $\frac{d3-e3}{b3-c2}$ 6) $\frac{e3-f3}{c2-b3}$ 7) $\frac{f3-f2}{a2-b4}$ 8) $\frac{f2-d2}{b4-c2+}$ 9) $\frac{d4-d3}{c2-b4+}$ 10) $\frac{d3-e3}{b4-c2+}$ 11) $\frac{e3-f3}{d5-d4}$ 12) $\frac{f3-f4}{b3-b2}$ 13) $\frac{f4-e5}{c3-a2}$ 14) $\frac{e5-d5}{d4-d3}$ 15) $\frac{d5-c4}{a2-c1}$ 16) $\frac{d2-c3+}{b2-b1}$ 17) $\frac{c3-a5}{c2-e3+}$ 18) $\frac{c4-c3}{e3-d1+}$ 19) $\frac{c3-b4}{d3-d2}$ 20) $\frac{b4-a3}{d1-b2}$ 21) $\frac{a5-b4}{}$ ничья.

Діагр. LXXXIII. 1) $\frac{d5-e7+}{c8-d8}$ 2) $\frac{e7-c6+}{d8-e8}$ 3) $\frac{d6-c7}{f7-f5}$ 4) $\frac{e5-e6}{f5-f4}$ 5) $\frac{h7-f6+}{e8-f8}$ 6) $\frac{e6-e7+}{f8-f7}$ 7) $\frac{e7-e8ф.+}{a8-e8°}$ 8) $\frac{f6-e8°}{f7-e8°}$ 9) $\frac{c6-e5}{}$ бѣлые выигрываютъ.;

Digitized by Google

или: 6) $\frac{}{f8—g7}$ 7) $\frac{e7—e8ф.}{a8—e8°}$ 8) $\frac{f6—e8°}{f4—f3}$ 9) $\frac{c6—d4}{f3—f2}$ 10) $\frac{d4—f5}{g7—f8}$ 11) $\frac{f5—e3}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Ошибочно было бы въ 3ª ходъ h7—f6 ибо: 3) $\frac{}{e8—f8}$ 4) $\frac{f6—d7+}{f8—g3}$ 5) $\frac{d7—b8}{}$ ничья.

Діатр. LXXXIV. 1) $\frac{e3—e2}{g3—e7}$ 2) $\frac{e4—g6+}{g1—h1}$ 3) $\frac{g6—c6+}{}$ бѣлые выигрываютъ; или: 1) $\frac{e3—e2}{g3—f2}$ 2) $\frac{e4—g6+}{}$ бѣлые выигрываютъ; или: 1) $\frac{e3—e2}{g3—b8}$ 2) $\frac{e4—b1}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXXXV. Это положеніе предложено въ «Handbuch» какъ розыгрышное; но по моему мнѣнію выигрышъ возможенъ. 1) $\frac{c6—d5+}{f7—g6}$ 2) $\frac{d5—g8}{f6—g5}$ 3) $\frac{d7—d6}{g5—f6}$ 4) $\frac{d6—d5}{f6—g5}$ 5) $\frac{g8—f8}{g5—f6}$ 6) $\frac{d5—e4}{f6—g5}$ 7) $\frac{e4—e5}{g6—h7}$ 8) $\frac{f8—f7}{h7—h6}$ 9) $\frac{e5—e4}{h6—h7}$ 10) $\frac{e4—f3}{h7—h6}$ 11) $\frac{f3—g4}{g5—e3}$ 12) $\frac{f7—e7}{e3—c1}$ 13) $\frac{e7—c5}{}$ бѣлые выигрываютъ.

Противъ ладьи ферзь долженъ выиграть; бываютъ однакожъ исключенія, какъ напр. Діагр. LXXXVI. гдѣ при ходѣ черн. игра ничья.

Противъ ладьи при пѣшкахъ выигрышъ зависитъ отъ первенства хода, отъ силы пѣшекъ и отъ положенія короля и ладьи; большею частью бываетъ такъ, что всѣ выгоды на сторонѣ ферзя.

Самое выгодное положеніе для ферзя есть то, когда пѣшка на одинъ шагъ отъ своей клѣтки; тогда, какъ доказалъ Филидоръ, выигрышъ форсируется въ нѣсколько ходовъ.

Самое же не выгодное положеніе для ферзя есть то, когда пѣшка не сдвинута съ своей клѣтки; тогда выигрышъ бываетъ крайне затруднителенъ.

Чтобы показать до какой степени выигрышъ затруднителенъ, а иногда и невозможенъ, привожу два примѣра. Въ діагр. LXXXVII. ферзь выиграетъ, но въ діагр. LXXXVIII. ничья.

1) $\frac{g2—b7+}{d7—d8}$ 2) $\frac{b7—c6}{f5—d5+}$ 3) $\frac{d4—e4}{d8—e7}$ 4) $\frac{c6—c7+}{e7—e8}$ 5) $\frac{e4—f4}{d5—f5+}$ 6) $\frac{f4—g4}{d6—d5}$ 7) $\frac{c7—d6}{e8—f7}$ 8) $\frac{d6—d7+}{f7—f6}$ 9) $\frac{d7—e8}{f5—g5+}$ 10) $\frac{g4—h4}{g5—f5}$ 11) $\frac{e8—f8+}{f6—e5}$ 12) $\frac{f8—e7}{f5—f4+}$ 13) $\frac{h4—g5}{f4—e4}$ 14) $\frac{e7—c7+}{e5—d4}$ 15) $\frac{g5—f6}{d4—d3}$ 16) $\frac{f6—e7}{e6—e5}$ 17) $\frac{e7—d6}{d5—d4}$ 18) $\frac{c7—b7}{d3—e3}$

Digitized by Google

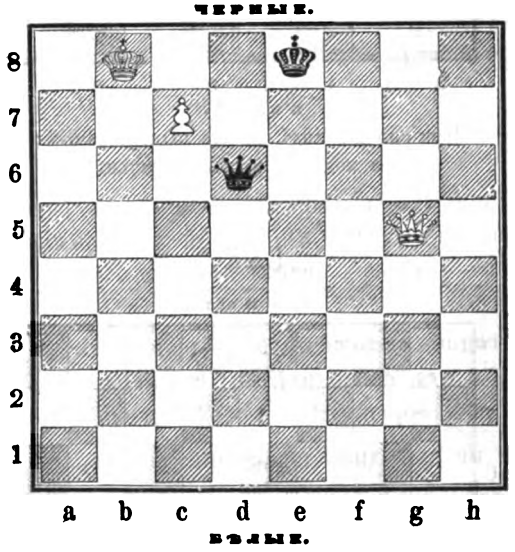
19) $\frac{d6—d5}{e4—g4}$ 20) $\frac{d5—e5°}{g4—g5+}$ 21) $\frac{e5—f6}{g5—c5}$ 22) $\frac{h7—a7}{c5—c3}$ 23) $\frac{f6—e5}{c3—d3}$ 24) $\frac{a7—b7}{d3—d2}$ 25) $\frac{b7—e4+}{e3—f2}$ 26) $\frac{e5—f4}{d2—d1}$ 27) $\frac{e4—f3+}{f2—e1}$ 28) $\frac{f4—e4}{d1—d2}$ 29) $\frac{e4—d5}{d2—d1}$ 30) $\frac{d5—c4}{d1—d2}$ 31) $\frac{c4—b3}{d2—d1}$ 32) $\frac{b3—c2}{d4—d3+}$ 33) $\frac{c2—c3}{d1—c1+}$ 34) $\frac{c3—d4}{d3—d2}$ 35) $\frac{f3—e3+}{e1—d1}$ 36) $\frac{d4—d3}{}$

бѣлые выигрѣваютъ.

Если бы въ 16ª ходъ d3d4, то c7g3, а если бы въ 13ª ходъ f4f5+, то 14) $\frac{g5—g6}{f5—f4}$ 15) $\frac{e7—c7+}{e5—e4}$ 16) $\frac{c7—c2+}{e4—e5}$ 17) $\frac{c2—h2}{e5—e4}$ 18) $\frac{h2—e2+}{}$

бѣлые выигрываютъ.

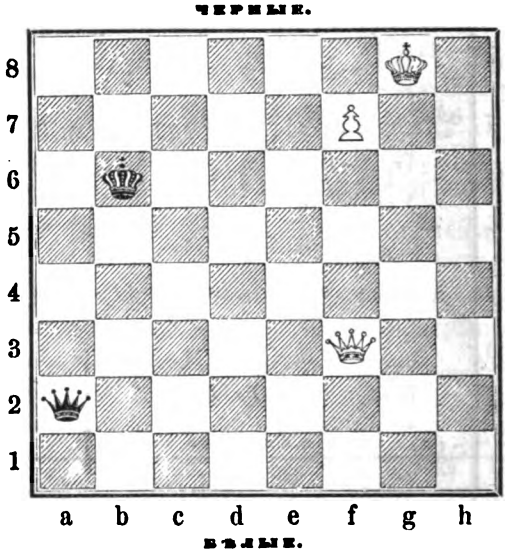
LXVIII.



Бѣлые при своемъ ходѣ выигрываютъ.

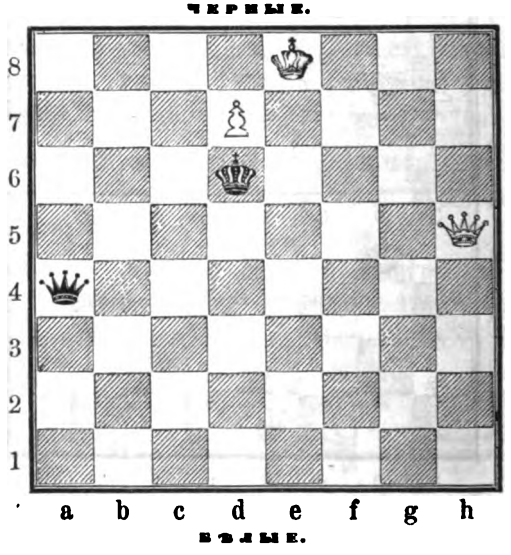
Digitized by Google

LXIX.



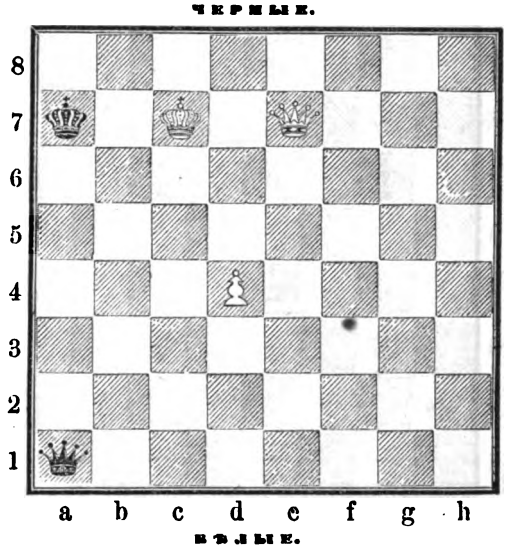
При своемъ ходѣ бѣлые выигрываютъ; при ходѣ черныхъ — ничья.

LXX.

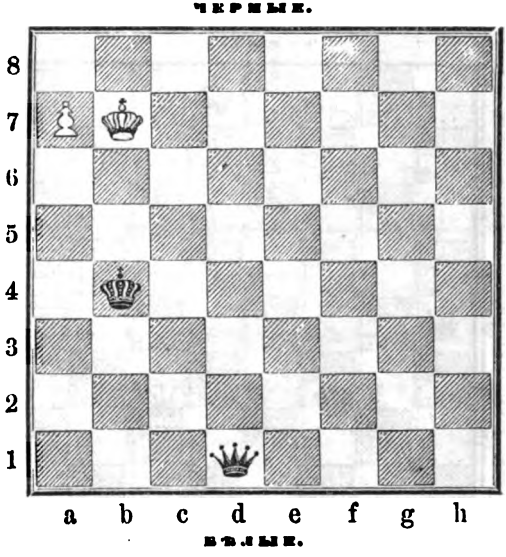


Digitized by Google

LXXI.

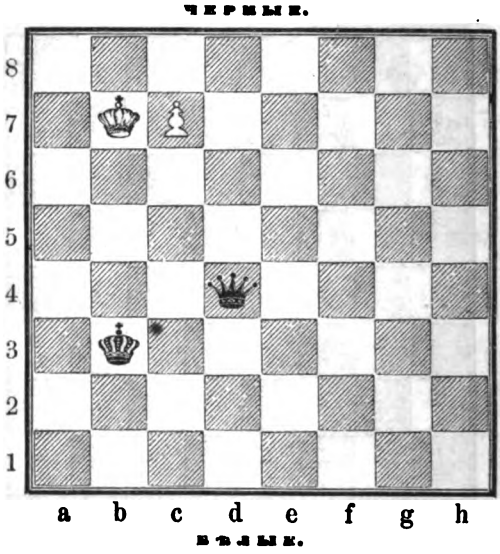


LXXII.

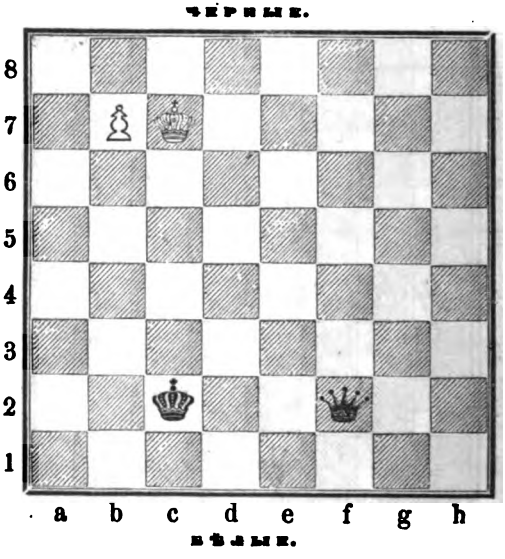


Digitized by Google

LXXIII.

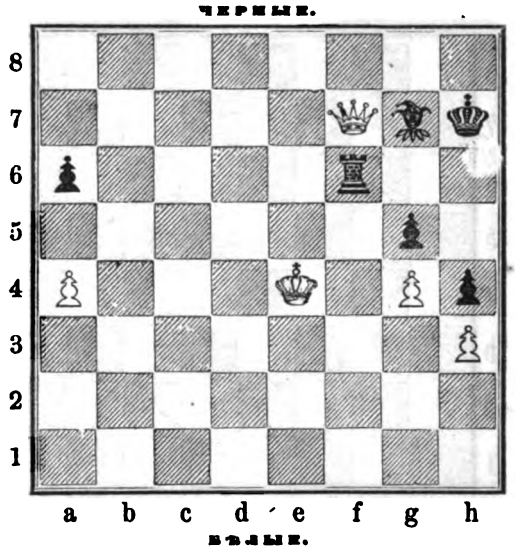


LXXIV.



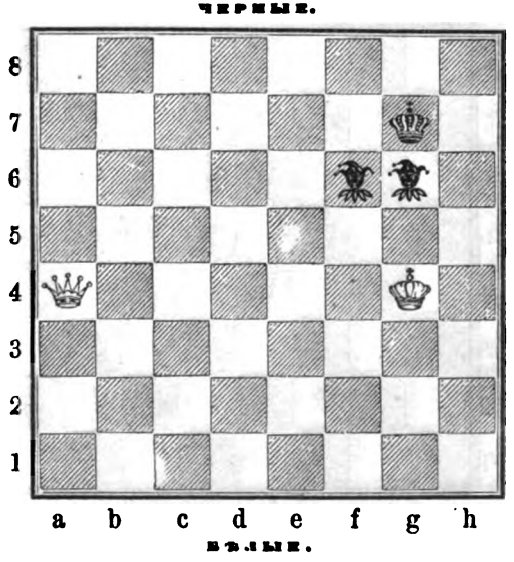
Digitized by Google

LXXV.



Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

LXXVI.

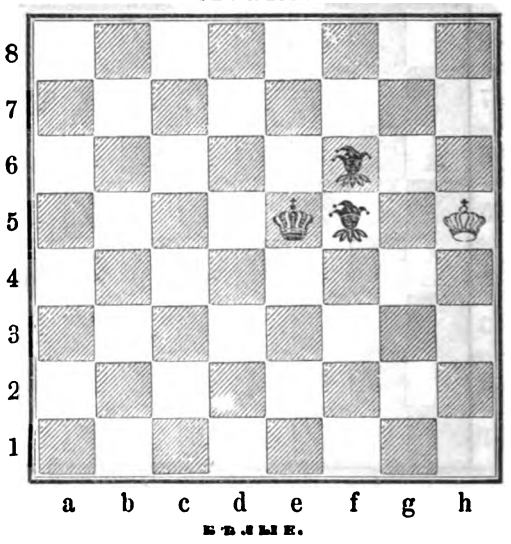


Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Digitized by Google

LXXVII.

ЧЕРНЫЕ.

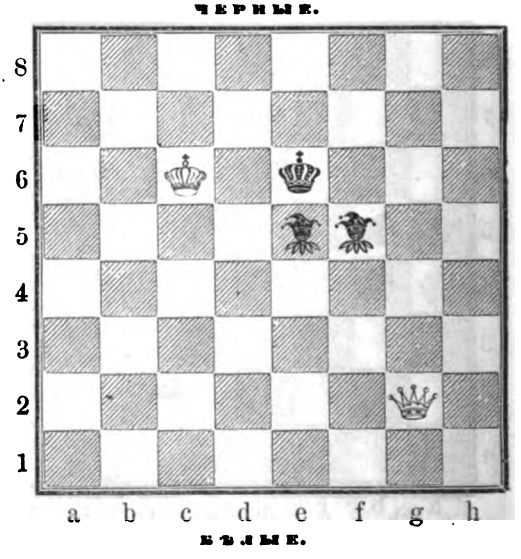


БѢЛЫЕ.

Куда бы ни поставить бѣлаго ферзя — игра ничья.

LXXVIII.

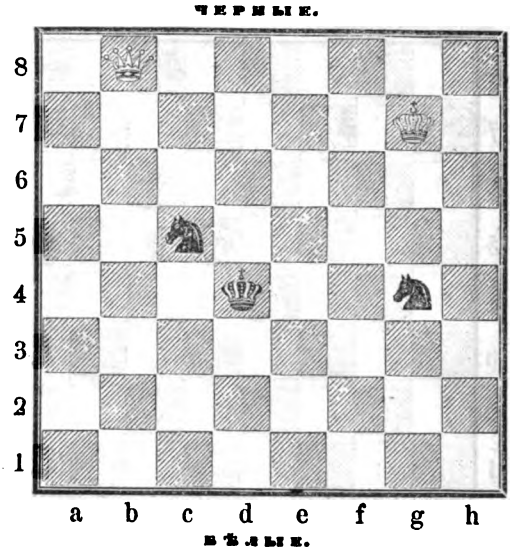
ЧЕРНЫЕ.



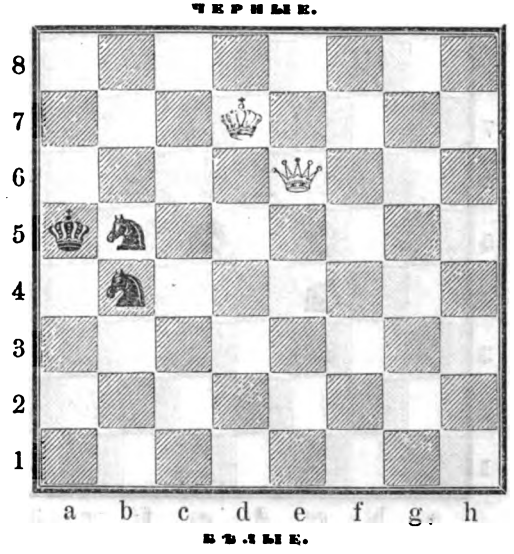
БѢЛЫЕ.

Digitized by Google

LXXIX.

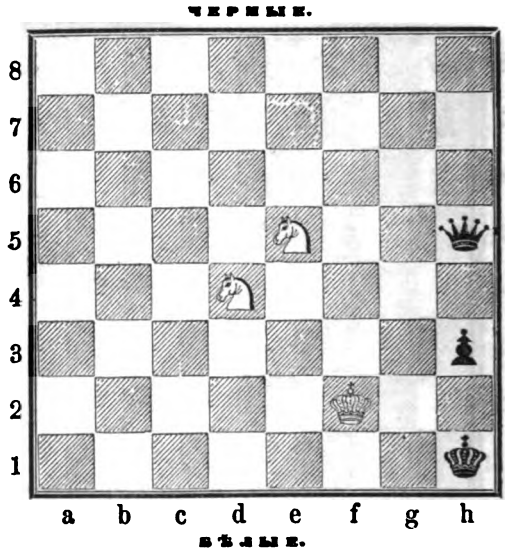


LXXX.

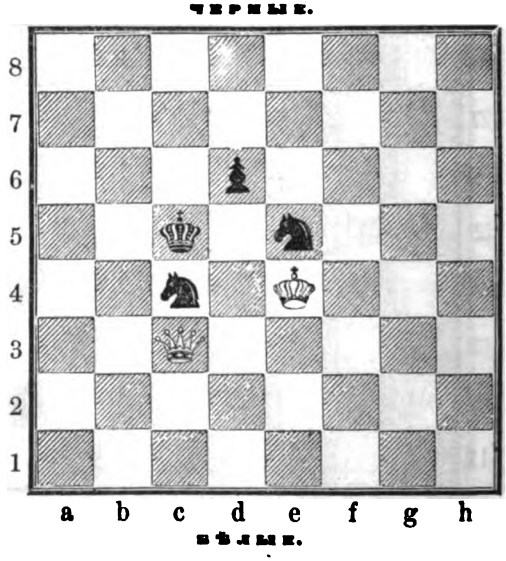


Digitized by Google

LXXXI.

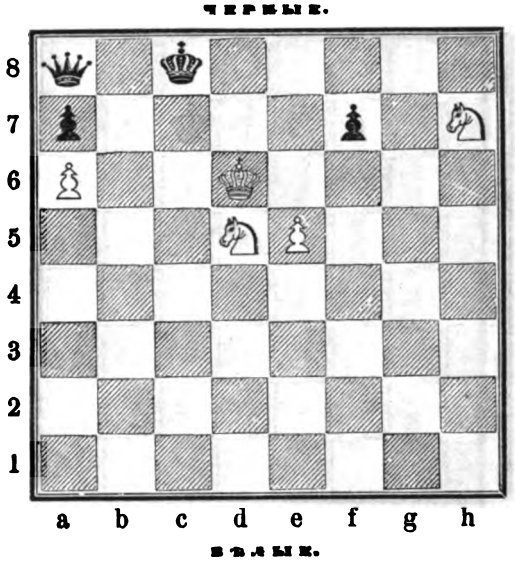


LXXXII.

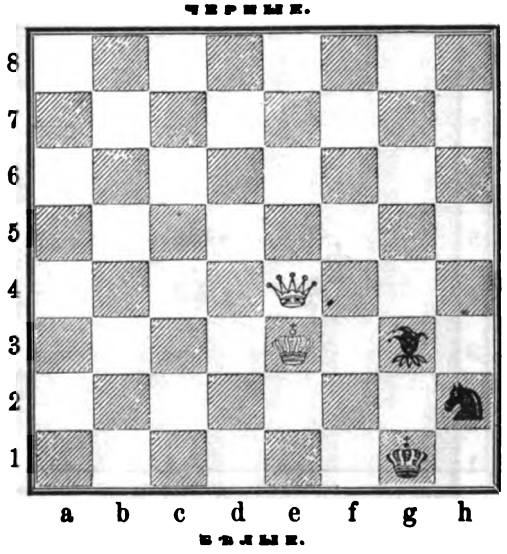


Digitized by Google

LXXXIII.

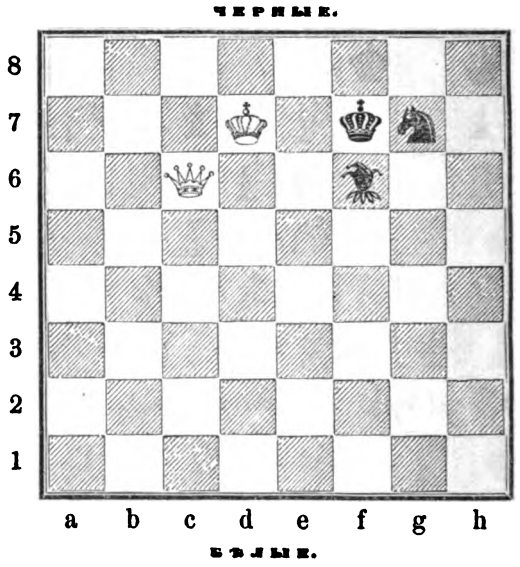


LXXXIV.

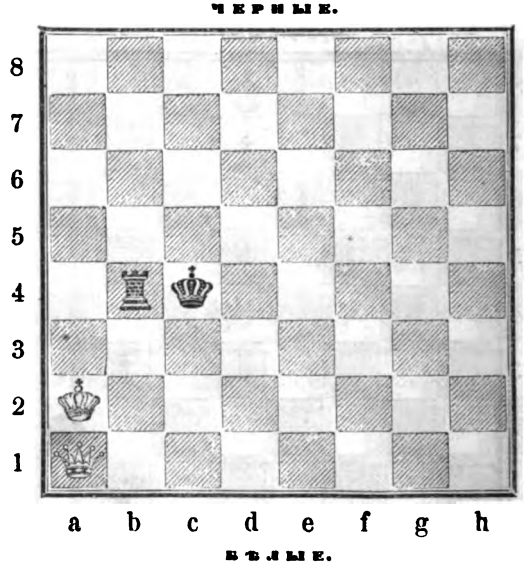


Digitized by Google

LXXXV.

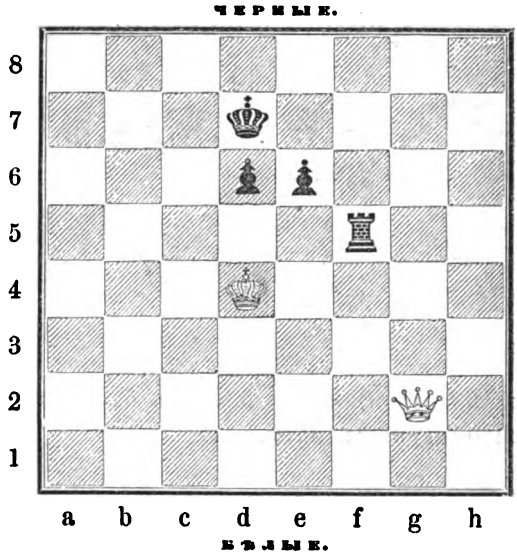


LXXXVI.

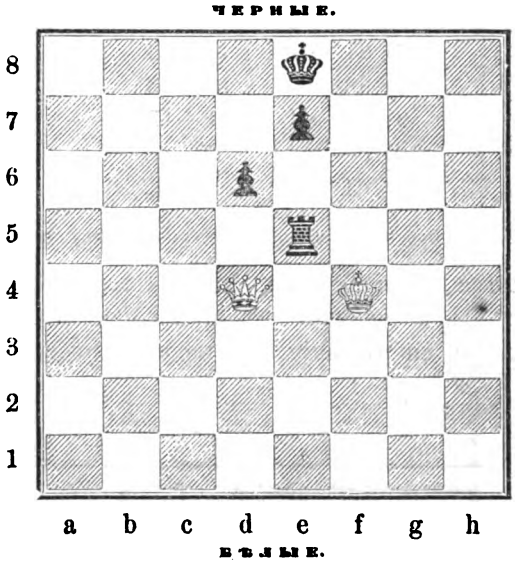


Digitized by Google

LXXXVII.



LXXXVIII.



Digitized by Google

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 11.

1) f5—f7 e6—f7° (A) (B)
2) e4—d5×

(A)

1) . . . . . f8—e7
2) f7—e7°×

(B)

При всякомъ другомъ ходѣ черныхъ бѣлые идутъ 2 d7—d8 дѣлаютъ коня и чернымъ матъ.

№ 12.

1) f4—c4+ e5—e6
2) f5—d6+ d5—f5
3) c4—c6+ d1—d5
4) h5—f4+ e6—e5
5) f4—d3+ e5—e6
6) c2—d1 a6—a5*)
7) d1—e1 a5—a4
8) d3—b2 a4—a3
9) b2—d1 h8—f7
10) d6—e4 f7—d6
11) e4—d2 e3—d2°×

*) Если вмѣсто этого хода черные пойдутъ конемъ, то d6—e4.

Что касается до киперганя А. Д. Петрова, посвященнаго г. Морфи, то мы, во вниманіе къ чрезвычайной сложности этой задачи, отлогаемъ ея рѣшеніе еще на нѣкоторое время.

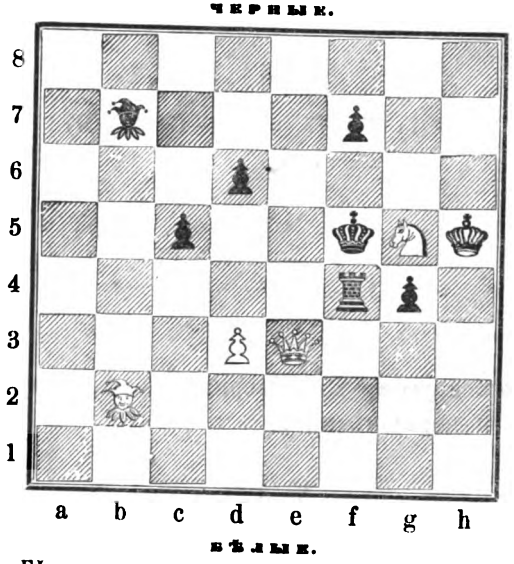
Корреспонденція. г. Г—ру (въ Кіевѣ) Доставленное вами рѣшеніе задачи г. Николаева — совершенно вѣрно.

Digitized by Google

Задачи.

№ 15.

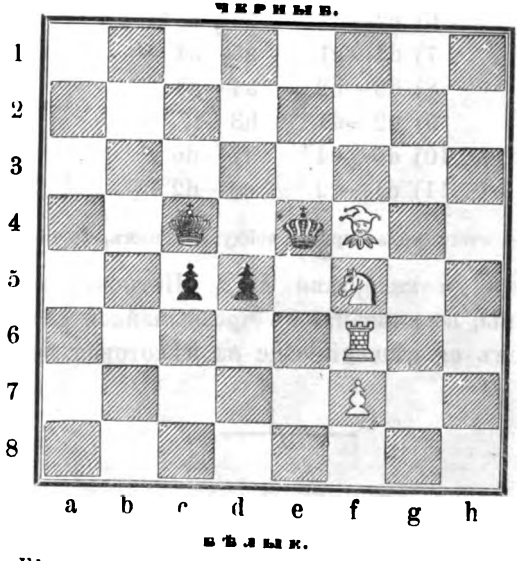
Ф. Галея (въ Лондонѣ.)



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 16.

Конрада Байера (въ Вѣнѣ).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google